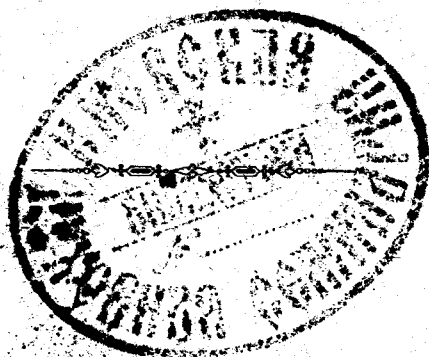

СВЯТЫЙ

ПРОРОКЪ ДАНИЛЬ,

ЕГО ВРЕМЯ, ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

С. А. Песоцкаго.

КИЕВЪ.

Типографія Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул. д. № 4.

1897.

СВЯТЫЙ ПРОРОКЪ ДАНИИЛЬ,

ЕГО ВРЕМЯ, ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

С. Песочнаго.

„Во время плѣна вавилонскаго, какъ оригинально выразился одинъ библѣологъ, народъ іудейскій совершенно не имѣлъ своей исторіи: на время она окончательно прервалась“¹⁾. Дѣйствительно, живя въ Вавилонѣ, въ плѣну, народъ богоизбранный остается какъ-то въ тѣни и ничѣмъ не заявляетъ своего политическаго существованія. И еслибы не было св. Даниила, великаго пророка вавилонскаго плѣна, тогда и непродолжительное сравнительно по числу лѣтъ, но богатое по внутреннему содержанію своему время этого плѣна было-бы для насъ довольно безцвѣтнымъ и неопредѣленнымъ²⁾. И тѣ западные, протестантскіе экзегеты - историки, которые, какъ увидимъ впереди, совершенно отрицаютъ историческое существованіе св. пророка Даниила или переносятъ этого праведника въ другую эпоху библейской исторіи, раннѣйшую или позднѣйшую вавилонскаго плѣна, какъ-то слишкомъ блѣдно отзываются и вообще о времени этого плѣна,— всю исторію котораго даже въ самыхъ обширныхъ и обстоятельныхъ

¹⁾ Caspari. Zur Einführung in das Buch Daniel. Leipzig. 1869. S. 107—108.

²⁾ Нѣсколько аналогичный этому примѣръ мы видимъ въ исторіи ассирійскаго (израильскаго) плѣна: половина потомковъ Авраама какъ-то безслѣдно ступшавалась и исчезла съ историческаго горизонта, хотя политически и не погибла (ср. 1 Эдр. 2, 27—29).

руководствахъ своихъ помѣщаютъ на 2—3 страницахъ. Между тѣмъ плѣнъ вавилонскій по существу имѣетъ весьма важное значеніе въ исторической жизни іудейскаго народа: это—эпоха его перерожденія, наказаніе за прошлое, но вмѣстѣ и возрожденіе для будущаго. Исторія пророка Даніила особенно рельефно выдвигаетъ на видъ внѣшнюю по преимуществу сторону вавилонскаго плѣна: она значительно окрапиваетъ ее и придаетъ ей гораздо большій интересъ и значеніе. Излишне, поэтому, и прибавлять, насколько важна и интересна для богослова-библеиста исторія жизни и дѣятельности св. пророка Даніила: свѣтлая личность его настолько замѣтно выдѣляется въ виду исторіи богоизбраннаго народа, что привлекаетъ къ ходѣ особенное вниманіе.

Библейско-историческій очеркъ жизни и дѣятельности этого великаго пророка въ связи съ тою историческою и бытовою обстановкою, какою окружена была высокая личность его,—вотъ что составляетъ задачу нашего изслѣдованія. Приступая къ рѣшенію этой положительной намѣченной нами задачи, мы встрѣчаемся съ существующими въ западной литературѣ и наукѣ гипотезами, или совершенно отрицающими историческое существованіе св. пророка Даніила, или относящими жизнь и дѣятельность его не къ періоду плѣна вавилонскаго, а къ иному времени—болѣе раннему или позднему,—а равно и со столь же своеобразными взглядами на подлинность и историческую достовѣрность богодухновенной книги Даніиловой. Вотъ почему мы сочли необходимымъ, въ качествѣ пробнаго камня нашей работы, первую (вводную) часть изслѣдованія посвятить разбору отрицательныхъ теорій касательно историческаго существованія и времени жизни св. пророка, а равно и защитѣ, противъ возраженій, подлинности и достовѣрности книги его,—съ цѣлію расчистить почву для себя, обосновать съ возможною обстоятельностью, что пророкъ Даніилъ жилъ въ то именно время, въ тѣхъ историческихъ условіяхъ и въ той бытовой обстановкѣ, въ какихъ

онъ является въ извѣстной съ его именемъ богодухновенной книгѣ. Затѣмъ, во второй части настоящаго сочиненія мы скажемъ объ историческихъ условіяхъ, среди которыхъ проходила дѣятельность пророка: коснемся въ общихъ чертахъ исторіи іудейскаго царства за послѣдніе годы его существованія, преимущественно, конечно, тѣхъ царствованій и періодовъ, на которые падаютъ важнѣйшіе моменты жизни пророка—его рожденіе и воспитаніе и отведеніе въ плѣнъ вавилонскій; а далѣе разсмотримъ обстоятельства жизни іудеевъ въ Вавилонѣ. Третья глава нашего изслѣдованія посвящена будетъ историческому очерку жизни и дѣятельности св. пророка Даніила; раздѣленіе ея на три главы обусловливается тремя періодами въ жизни самого пророка въ Вавилонѣ: возвышеніемъ его на поприщѣ административной государственной службы при Навуходоносорѣ, сравнительнымъ пониженіемъ и удаленіемъ его отъ двора при преемникахъ этого государя и, наконецъ, вторичнымъ возвышеніемъ и авторитетнымъ вліяніемъ его при дворѣ мидо-персидскихъ государей. Параллельно съ исторіей жизни и дѣятельности пророка Даніила мы по необходимости затронемъ внутреннюю жизнь ассиро-вавилонскаго и мидо-персидскаго народовъ и даже нѣкоторые факты изъ внѣшней исторіи ихъ,—но, конечно, въ такой только мѣрѣ, въ какой это нужно для проясненія или обрисовки тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ изъ жизни св. пророка: организація различныхъ классовъ вавилонскаго населенія, безуміе Навуходоносора, исторія преемниковъ его на вавилонскомъ престолѣ, паденіе самого Вавилона и т. п.—все это такія историко-бытовыя явленія, такіе факты и историческіе моменты, которые или служатъ подкладкой или значительно отбѣиваютъ тѣ блестящія страницы изъ жизни пророка, о какихъ говоритъ намъ его богодухновенная книга. Такъ какъ, притомъ, судьба св. Даніила (особенно въ первую половину его жизни) тѣсно связана съ судьбою трехъ

друзей его, поставленныхъ съ нимъ въ одни и тѣже бытовья условія въ Вавилонѣ и подвизавшихся на одной и той-же исторической почвѣ, то мы не вправѣ оставить безъ вниманія и этихъ трехъ сподвижниковъ великаго пророка.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ (ВВОДНАЯ).

ЛИЧНОСТЬ СВ. ПРОРОКА ДАНИЛА И ХАРАКТЕРЪ ЕГО БОГОДУХОВЕННОЙ КНИГИ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Историческое существованіе пророка Даниила, и именно въ эпоху вавилонскаго плѣна (разборъ отрицательныхъ взглядовъ и положительное обоснованіе этой истины)

Существовалъ ли когда-нибудь св. пророкъ Данииль? Есть ли онъ историческая личность? Если же да, то когда онъ жилъ,—дѣйствительно ли въ эпоху плѣна вавилонскаго, какъ говорятъ объ этомъ богодухновенныя книги священнаго писанія,—или же, можетъ быть, въ какой-либо другой періодъ исторіи іудейскаго народа? Какъ ни странными могутъ показаться на первый взглядъ такого рода вопросы (въ виду положительнаго отвѣта на это слова Божія), тѣмъ не менѣе надлежащій отвѣтъ на нихъ дать необходимо, такъ какъ многіе изъ видныхъ представителей протестантской богословской науки не только стремятся подорвать въ корнѣ авторитетъ, подлинность и значеніе книги пророка Даниила, главнаго и, можно сказать, единственнаго источника для изложенія жизни и дѣятельности этого великаго пророка, но и отрицаютъ историческій характеръ самой личности Даниила или же переносятъ ее въ какую-либо другую эпоху вѣхозавѣтной исторіи, предполагая въ нашей библейской книгѣ Даниила про-

изведеніе совершенно сторонняго лица, жившаго въ позднѣйшую сравнительно эпоху ветхозавѣтной исторіи и имѣвшаго въ виду свои особые интересы. Попытаемся разобрать тако-го рода своеобразные взгляды на характеръ личности или на время жизни и дѣятельности великаго пророка, попробуемъ доказать ихъ неосновательность, чтобы тѣмъ ярче и рельефнѣе выставить на видъ истину библейскаго повѣствованія. Замѣтимъ, притомъ, что доказать историческое существованіе пророка Даниїла вообще или существованіе его въ эпоху именно плѣна вавилонскаго—доказать это исключительно априорнымъ путемъ едва-ли возможно: вѣдь это не математическая теорема, гдѣ одно съ необходимостью вытекаетъ изъ другого и гдѣ путемъ длиннаго ряда самыхъ разнообразныхъ аксіомъ, силлогизмовъ и выводовъ можно доказать самое, такъ сказать, отдаленное предположеніе. О существованіи пророка Даниїла (какъ и всякой вообще исторической личности) мы знаемъ исключительно изъ свидѣтельствъ историковъ (главнымъ образомъ—современныхъ извѣстной личности); въ частности о св. Даниїлѣ, какъ историческомъ лицѣ, мы знаемъ, прежде всего, изъ богодухновенной библейской книги, извѣстной подъ его именемъ, подлинность и авторитетъ которой представители указываемыхъ нами взглядовъ отрицаютъ. Если же, такимъ образомъ, хотятъ подорвать значеніе основнаго историческаго свидѣтельства о личности, жизни и дѣятельности пророка Даниїла, то понятно, что возстановить это значеніе библейскаго свидѣтельства и обосновать его достовѣрность можно не иначе, какъ только путемъ разбора коренныхъ основъ, а по мѣрѣ возможности—и всѣхъ частныхъ той или другой раціоналистической теоріи, съ цѣлью показать ея шаткость и неосновательность. Этимъ-то именно путемъ стараемся выполнить свою задачу и мы.

Всѣ отрицательныя теоріи, которыя намъ предстоитъ здѣсь рассмотретьъ, несмотря на ихъ частнѣйшія развѣтвленія, можно свести къ нѣсколькимъ однороднымъ группамъ. Пред-

ставители одного рода взглядовъ совершенно отрицаютъ св. Даниїла, какъ историческую личность, а видятъ въ немъ только миѣческаго героя разнообразныхъ сагъ и легендъ, лишенныхъ всякой вообще исторической подкладки. Другіе, хотя и считаютъ Даниїла историческимъ лицомъ, но время его жизни и дѣятельности относятъ не къ плѣну вавилонскому, а къ періоду послѣпотопному, допатріархальному. Третьи, на основаніи своихъ соображеній, признаютъ Даниїла пророкомъ и жившимъ именно въ плѣну, но плѣну не вавилонскомъ, а ассирійскомъ (израильскомъ). Наконецъ, еще иные отождествляютъ нашего пророка Даниїла съ Даниїломъ - священникомъ, современникомъ Эздры и Нееміи. Обратимся къ болѣе частному изложенію указаннаго рода теорій.

Въ ряду самыхъ крайнихъ отрицательныхъ взглядовъ на историческій характеръ личности Даниїла первое мѣсто, кажется, нужно отвести теоріи Гитцига. Хотя теорія эта въ своемъ окончательномъ выводѣ проводитъ одну общую для всѣхъ относящихся къ этой группѣ теорій мысль,—что пророкъ Даниїлъ, о которомъ говоритъ извѣстная подъ его именемъ священная книга, есть только миѣческая личность, сказочный герой,—тѣмъ не менѣе въ своемъ постепенномъ ходѣ раскрытія, въ своихъ частностяхъ представляетъ собою гипотезу довольно оригинальную и своеобразную. О Даниїлѣ, рассуждаетъ Гитцигъ, кромѣ извѣстной подъ его именемъ книги, упоминаетъ еще пророкъ Іезекіиль, который изображаетъ его, съ одной стороны, необыкновеннымъ мудрецомъ¹⁾, съ другой—идеаломъ праведности и благочестія²⁾. Не случайно онъ и называлъ этого идеальнаго мудреца-праведника именно Даниїломъ: имя это значитъ „Богъ есть мой судья“ или „Божественный судья“³⁾; а мудрость и справедливость и служатъ отличительными признаками идеальнаго судьи⁴⁾.

¹⁾ Іез. 28, 3.

²⁾ Іез. 14, 14. 20.

³⁾ Ср. Быт. 30, 6; 1 Цар. 24, 16.

⁴⁾ 3 Цар. 3, 28.

Кто же таковъ этотъ упоминаемый у Іезекіиля идеальный мудрецъ-праведникъ? Іезекіиль ставитъ его между Ноемъ и Іовомъ; слѣдовательно, и Даниилъ, подобно этимъ двумъ лицамъ, есть одинъ изъ древнихъ патріарховъ. Но вѣдь Ной, собственно говоря, есть мифическій герой, сказочный богатырь, съ именемъ котораго связывается одна изъ главнѣйшихъ міровыхъ катастрофъ¹⁾; а Іовъ—это просто поэтическая личность, созданная фантазіей писателя его книги. Не къ разряду ли этого рода легендарныхъ личностей нужно отнести и Даниила? Правда, о немъ нѣтъ никакихъ древнихъ сагъ и легендъ; даже имя его не встрѣчается въ древнихъ генеалогіяхъ іудейскихъ родовъ и семействъ; но въ томъ-то и дѣло, что личность Даниила выводится въ древнихъ легендахъ и мифахъ подъ другимъ именемъ. Уже изъ словъ Іезекіиля²⁾ видно, что Даниилъ былъ современникомъ той катастрофы истребленія городовъ Содома и Гоморры, о которой говоритъ ап. Петръ³⁾; изъ этой-то эпохи и является предъ нами личность, подъ именемъ которой скрывается позднѣйшій Даниилъ:—это Мелхиседекъ. Самыя имена Даниила и Мелхиседека по своему значенію сродны⁴⁾; подобно Даниилу, происхожденіе котораго почти неизвѣстно, и Мелхиседекъ не имѣетъ ни рода, ни племени⁵⁾; какъ священникъ же, и онъ, подобно Ною и Іову, приноситъ жертвы. Но Мелхиседекъ—это, несомнѣнно, мифическая личность древнихъ временъ, воспроизведенная въ сагахъ уже въ позднѣйшее время; ту-же самую личность Мелхиседека, окру-

¹⁾ Кажется, что и на эту мировую катастрофу (всемирный потопъ) Гитцигъ смотритъ, какъ на легенду или мифъ, хотя прямо не высказываетъ этого.

²⁾ Іез. 14, 13—20.

³⁾ 2 Петр. 2, 6; ср. Быт. 19, 24.

⁴⁾ Даниилъ значитъ „Божественный судья“, а Мелхиседекъ—„царь правды“ и „царь мира“ (Евр. 7, 2); но каждый царь, рассуждаетъ Гитцигъ, есть вѣстѣ съ тѣмъ и судья; слѣдовательно, заключаетъ онъ, имена Даниила и Мелхиседека филологически сродны.

⁵⁾ Евр. 7, 3.

женную какимъ-то ореоломъ таинственности, позднѣйшія саги вывели при опредѣленной обстановкѣ и отнесли ее къ эпохѣ плѣна вавилонскаго: это-то и есть позднѣйшій Даниилъ. Различіе именъ еще ничего не говоритъ: самъ Даниилъ въ Вавилонѣ носилъ кромѣ еврейскаго и другое, вавилонское имя; да и вообще древніе патріархи у разныхъ народовъ называются различными именами.

Вотъ въ сущности взглядъ Гитцига на личность пророка Даниила. Какъ же онъ объясняетъ происхожденіе самой книги Данииловой,—почему писателю ея вздумалось отнести древняго мифическаго Мелхиседека-Даниила къ эпохѣ именно плѣна вавилонскаго? И на этотъ вопросъ Гитцигъ отвѣчаетъ также своеобразно. Собственно говоря, рассуждаетъ онъ, Даниилъ, упоминаемый у Іезекіиля, и Даниилъ, о которомъ говоритъ книга его имени,—это два различныя лица: первый—это одинъ изъ древнихъ патріарховъ, жившій неизвѣстно гдѣ и когда; о немъ можно сказать только то, что онъ былъ идеаломъ мудрости и благочестія; второй же Даниилъ—это опредѣленное лицо, современникъ и сотрудникъ Іезекіиля среди плѣнныхъ іудеевъ въ Вавилонѣ. Но при всемъ томъ признавать дѣйствительно двухъ Данииловъ (древнѣйшаго и позднѣйшаго) мы не имѣемъ основаній; нужно, поэтому, допустить, что позднѣйшій, вавилонскій Даниилъ есть тотъ-же самый древній Даниилъ, о которомъ упоминаетъ Іезекіиль. У него-то позднѣйшій писатель¹⁾ книги Данииловой и позаимствовалъ самое имя своего Даниила и отличительныя особенности этой личности и на основаніи только двухъ указанныхъ у Іезекіиля свойствъ легендарнаго Даниила (мудрости и праведности) создалъ пространную легенду про этого пророка плѣна вавилонскаго. Такъ какъ, притомъ, Іезекіиль говоритъ о Даниилѣ, какъ объ извѣстной ему личности, то всего

¹⁾ Кто такой писатель книги Данииловой, по мнѣнію Гитцига, объ этомъ упоминаемъ впоследствии.

естественнѣе было писателю книги Данииловой изобразить своего героя современникомъ самого Іезекииля, жившимъ съ нимъ же въ Вавилонѣ среди плѣнныхъ іудеевъ; а такъ какъ Іезекииль называетъ Даниила образцомъ мудрости и праведности и ставитъ его въ примѣръ своимъ соотечественникамъ, какъ прекрасно уже извѣстнаго всѣмъ плѣннымъ іудеямъ мудреца-праведника,—то естественно было, поэтому, самое переселеніе Даниила въ Вавилонъ отнести ко времени болѣе раннему, чѣмъ плѣненіе самого Іезекииля (въ третій мѣсяцъ Іехоніи¹⁾). Такъ именно смотритъ Гитцигъ на личность пророка Даниила и на обстоятельства происхожденія его книги.

Съ нимъ согласны нѣкоторые и другіе смѣлые представители рационалистической критики, съ тѣмъ только различіемъ, что, не входя въ подробности и тонкости постепеннаго развитія своихъ теорій, они ограничиваются въ большинствѣ только общими фразами: въ этомъ отношеніи теорія Гитцига есть единственная въ своемъ родѣ по своей послѣдовательности, но вмѣстѣ съ тѣмъ и крайней искусственности.

Де-Ветте исходитъ изъ тѣхъ-же основаній и приходитъ въ тому-же выводу, какъ и Гитцигъ. Такъ какъ пророкъ Іезекииль, рассуждаетъ онъ, называетъ Даниила необыкновеннымъ мудрецомъ-праведникомъ, а самъ Данииль, если вѣрить разсказу его книги, былъ въ это время еще очень молодъ, то гораздо вѣроятнѣе, что писатель книги Данииловой вывелъ въ ней не современника Іезекииля, а древняго, миѣческаго Даниила, причѣмъ за основу своего повѣствованія принялъ отзывъ Іезекииля, а самыя имена Даниила и друзей его позаимствовалъ изъ книги Нееміи²⁾. Во всякомъ случаѣ, историческое существованіе пророка Даниила весьма сомнительно: это только легендарный, миѣческой герой, поставленный из-

сателемъ его книги, сообразно со своими цѣлями и задачами, въ самую фантастическую и привлекательную обстановку и выведенный имъ въ качествѣ представителя богоизбраннаго народа въ одну изъ самыхъ тяжелыхъ эпохъ его политической и религіозно-нравственной жизни¹⁾.

По Ренану, пророкъ Данииль—это одинъ изъ миѣческихъ героевъ древнихъ сагъ; наша же каноническая книга Даниилова есть произведеніе фантазіи какаго-то позднѣйшаго іудея,—легенда, въ цѣломъ своемъ составѣ и въ своихъ частностяхъ не только не вѣроятная, но даже и не правдоподобная²⁾.

Наряду съ только что указанными представителями отрицательной критики считаемъ возможнымъ поставить и тѣхъ изъ нихъ, которые не высказываютъ опредѣленнаго сужденія по поводу того, считаютъ ли они пророка Даниила только миѣческимъ лицомъ, или же, можетъ быть, и историческимъ, но только древнимъ патриархомъ, современникомъ Ноя и Іова, хотя въ то же время скорѣе склоняются въ пользу перваго предположенія. Таковъ прежде всего взглядъ Ленгерке. 4)

Хотя пророкъ Іезекииль, говоритъ онъ, упоминаетъ о Даниилѣ, какъ объ извѣстной его современникамъ личности, и даже прилагаетъ къ нему тѣ же эпитеты, какіе употребляются въ книгѣ Данииловой³⁾, тѣмъ не менѣе считать этого Даниила современникомъ самого Іезекииля, какъ передаетъ намъ книга Даниилова, нѣтъ основаній. Очевидно, Іезекииль имѣлъ въ виду древнѣйшаго Даниила, современника Ноя и

¹⁾ De-Wette W. M. L., bearb. v. E. Schrader. Lehrbuch der historisch-kritischen Einleitung in die kanonischen und apokryphischen Bücher des Alten Testaments. 8. Ausgabe. Berlin. 1869. S. 483.

²⁾ Renan E. Histoire du peuple d'Israel. Tome IV. Paris. 1893. P. 342, 345—346. Tome III. 1891. P. 139—140, 384.

³⁾ וְדָנִיִּיל הָיָה אִישׁ דֶּרֶךְ אֱלֹהִים („дорогой человекъ“). Іез. 14, 14. 20. Дан. 9, 23; 10, 11. 19.

¹⁾ Hitzig F. Kurzgefasstes exegetisches Handbuch zum Alten Testament. X. Lieferung. Das Buch Daniel. Leipzig. 1850. S. VII—IX.

²⁾ Неем. 10, 2. 6. 23; 8, 4.

Іова; объ этомъ же древнемъ мудрецѣ говоритъ и писатель книги Даниіловой. По всей вѣроятности, среди плѣнныхъ іудеевъ передавалась какая-нибудь легенда о Даниилѣ (подобно тому, какъ существовали саги и объ Іовѣ, дѣйствительно исторической, только древнѣйшей по времени своей жизни личности); но эта легенда появилась именно не раньше плѣна вавилонскаго, — чѣмъ, конечно, объясняется и то, почему до Іезекіиля никто изъ древнихъ библейскихъ писателей не упомянулъ о Даниилѣ. Однако и послѣ Іезекіиля до времени самого писателя книги Даниіловой ¹⁾ о Даниилѣ какъ-то никто не зналъ; по крайней мѣрѣ Іисусъ, сынъ Сираховъ, не упомянулъ даже его имени ²⁾. Что же касается характера самихъ легендъ (одной или многихъ) о Даниилѣ и эпохѣ плѣна вавилонскаго, послужившихъ основаніемъ книги Даниіловой, то историческаго элемента въ нихъ весьма мало; только въ 5-й главѣ этой книги писатель ея воспроизвелъ сагу (да и то неправдоподобную во всякомъ случаѣ) о завоеваніи Вавилона и о послѣднемъ царѣ вавилонскомъ; все же прочее составляетъ собою подражаніе библейско-историческимъ рассказамъ, особенно исторіи Іосифа. И подражаніе это бываетъ иногда положительно рабскимъ: напр., какъ Іосифъ въ Египтѣ, такъ и Даниилъ въ Вавилонѣ живутъ въ качествѣ плѣнниковъ ³⁾, оба воспитываются при царскомъ дворѣ ⁴⁾, оба получаютъ мѣстныя языческія имена ⁵⁾, оба находятся въ дружественныхъ отношеніяхъ съ начальниками евнуховъ ⁶⁾; тотъ и другой объясняютъ царямъ сновидѣнія, послѣ того какъ всѣ мудрецы и снотолкователи отказываются объяснить ихъ ⁷⁾;

¹⁾ Писатель этотъ жилъ, по мнѣнію Ленгерке, во время макавѣйскихъ войнъ.

²⁾ Сир., гл. 41—50.

³⁾ Дан. 1, 2. 3. 6; Быт. 39, 1.

⁴⁾ Дан. 1, 4—5; Быт. 39, 1—6.

⁵⁾ Дан. 1, 7; Быт. 41, 45.

⁶⁾ Дан. 1, 9; Быт. 39, 2. 4. 21.

⁷⁾ Дан. 2, 1—11. 27—45; 4, 8—24; Быт. 41, 1—7. 8. 14—36.

тотъ и другой за это получаютъ большія награды и почести, достигаютъ высокаго положенія въ государствѣ ¹⁾ и т. д. Кроме библейско-историческихъ рассказовъ писатель книги Даниіловой бралъ въ основаніе своего повѣствованія легенды и саги, заключающіяся то въ гагадѣ іудейской, то у языческихъ писателей. Наряду же съ подражаніемъ замѣтна здѣсь не малая доля и вымысла. И замѣчательно, что всѣ отдѣльные рассказы, передаваемые въ книгѣ Даниіловой, слагаются изъ однихъ и тѣхъ-же элементовъ и заканчиваются всѣ совершенно одинаково — прославленіемъ какъ Бога іудейскаго, такъ и самого Даниила; такого рода построенія событій не бываетъ ни въ исторіи, ни даже въ историческихъ легендахъ и сагахъ. Что же касается частнѣйшей обрисовки передаваемыхъ фактовъ, ихъ дополненія и видоизмѣненія, то все это, несомнѣнно, принадлежитъ фантазіи самого писателя книги Даниіловой ²⁾.

Подобно Ленгерке, разсуждаетъ и Блекъ: И онъ считаетъ упоминаемаго Іезекіилемъ мудреца Даниила отнюдь не современникомъ его, а однимъ изъ древнѣйшихъ патриарховъ, подобныхъ Ною и Іову, и притомъ не историческою личностью, а скорѣе поэтическимъ типомъ, подобнымъ Іову. Называя Даниила образомъ мудрости и благочестія, Іезекіиль, разсуждаетъ Блекъ, имѣлъ въ виду дѣйствительно идеальную личность и притомъ не въ смыслѣ только общаго типа или отвлеченнаго идеала мудреца-праведника, но въ смыслѣ реальной, конкретной личности со всѣми отличительными ея качествами и особенностями, — словомъ, личность, по характеру своему близко подходящую къ той, какая изображена въ книгѣ Даниіловой. Вѣроятно, самъ Іезекіиль узналъ объ этомъ древнѣйшемъ мудрецѣ изъ древней книги или легенды о немъ, которая, однако, во время плѣна вавилонскаго затерялась, такъ что и

¹⁾ Дан. 2, 48; Быт. 41, 42—43.

²⁾ *Lengerke C. Das Buch Daniel. Königsberg. 1835. S. XCIII—XCIX.*

писатель нашей канонической книги Данииловой не знал и не имѣлъ ее подъ руками. Онъ могъ воспользоваться только общимъ очеркомъ личности Даниила, какой дѣлаетъ о ней пророкъ Іезекииль, и на основаніи только этихъ двухъ-трехъ словъ составилъ нашу, легендарную, конечно, книгу Даниилову, наполнивъ ее всю цѣликомъ вымыслами своей услужливой фантазіи. Но почему же, спрашивается, онъ отнесъ этого древнѣйшаго мудреца-праведника къ эпохѣ именно плѣна вавилонскаго? А просто потому, что въ это именно время, какъ нельзя болѣе, былъ нуженъ такой мужъ вѣры, благочестія и мудрости, какимъ является Данииль у Іезекииля,—такой пророкъ, который бы въ эту эпоху израильской исторіи, если не возстановлялъ, то защищалъ права угнетеннаго народа, свидѣтельствовалъ о величіи Бога іудейскаго и вызывалъ уваженіе къ поклонникамъ его. Да въ это именно время ¹⁾ и былъ среди іудеевъ какой-то Данииль—священникъ изъ потомства Иеамарова, возвратившійся съ іудеями изъ плѣна ²⁾ и принимавшій вмѣстѣ съ Эздромъ и Нееміей дѣятельное участіе въ устроеніи новой жизни іудейской колоніи на развалинахъ прежняго отечества ³⁾. И замѣчательно, что, наряду съ Данииломъ—священникомъ, среди іудеевъ, возвратившихся изъ плѣна, встрѣчаются имена Ананіи, Азаріи и Мисаила: двое первыхъ принадлежали къ числу священниковъ или старѣйшинъ народныхъ, подписавшихся въ неуклонномъ исполненіи закона Господня ⁴⁾, а Мисаиль—одинъ изъ окружавшихъ Эздру при чтеніи имъ народу книги закона ⁵⁾. Можетъ быть, конечно, это чисто случайное совпаденіе именъ; тѣмъ не менѣе оно заслуживаетъ вниманія, такъ какъ Данииль и Мисаиль—это имена, чрезвычайно рѣдко встрѣчающіяся у евреевъ. Есть, поэтому, основаніе предположить, что позднѣйшій

¹⁾ Во всякомъ случаѣ, въ концѣ вавилонскаго плѣна.

²⁾ 1 Эздр. 8, 2.

³⁾ Неем. 10, 6.

⁴⁾ Неем. 10, 2. 23.

⁵⁾ Неем. 8, 4.

писатель книги Данииловой позаимствовалъ имена своихъ героевъ отъ этихъ именно лицъ. Зналъ ли онъ обстоятельства ихъ жизни и дѣятельности въ Вавилонѣ,—это, конечно, трудно сказать; но, во всякомъ случаѣ, на первый планъ онъ выдвинулъ личность Даниила, взявши отличительныя черты (схему) ее изъ книги Іезекииля ¹⁾.

Подобно Блеку, и Фатке высказывается въ пользу заимствованія писателемъ книги Данииловой именъ и основныхъ чертъ личностей своихъ героевъ, съ одной стороны, изъ книги Іезекииля, съ другой—Эздры и Нееміи, считая самую книгу Даниилову произведеніемъ фантазіи писателя ее ²⁾.

Большое, часто даже буквальное сходство съ гипотезами Ленгерке и Блека имѣетъ теорія Рима, который нашу каноническую книгу Даниилову считаетъ только легендой, составленной на основаніи какой-то саги о древнемъ мудрецѣ Даниилѣ, легендарныхъ преданій о паденіи вавилонской монархіи, разукрашенныхъ притомъ же вымыслами самого писателя книги Данииловой, и извѣстныхъ мѣстъ книгъ Эздры и Нееміи, откуда заимствованы имена Даниила и друзей его ³⁾.

Такое же предположеніе высказываетъ Кампгаузенъ. Въ историческомъ существованіи пророка Даниила онъ, во всякомъ случаѣ, сильно сомнѣвается; книгу же Даниилову считаетъ, конечно, легендой, въ основу которой легла таже сказочная сага о плѣнномъ уже Даниилѣ съ примѣсью разнаго рода другихъ элементовъ и приемовъ авторскаго поэтическаго искусства, разграничить и указать которые Кампгаузенъ, однако, не рѣшается ⁴⁾.

¹⁾ Bleek Fr. Einleitung in die heilige Schrift. I. Th. Einl. in d. A. T. 5. Aufl. Berlin. 1886. S. 437--439.

²⁾ Vatke W. Historisch-kritische Einleitung in das Alte Testament. Bonn. 1886. S. 666.

³⁾ Riehm Ed., bearb. u. herausg. v. A. Brandt. Einleitung in das Alte Testament. X. Lieferung. Halle. 1890. S. 309--310.

⁴⁾ Kamphausen Ad. Das Buch Daniel und die neuere Geschichtsforschung. Leipzig. 1893. S. 42, 43.

Корниль тоже считает пророка Даниила однимъ изъ древнѣйшихъ патріарховъ, современникомъ Ноя и Иова, но никакъ не вавилонскимъ пророкомъ, современнымъ Іезекилю, у котораго писатель книги Данииловой только позаимствовалъ имя своего героя; что же касается всей вообще книги Данииловой, какъ цѣльнаго художественнаго разсказа, то, по мнѣнію Корниля, писатель заимствовалъ его или изъ той-же саги о Даниилѣ, передававшейся по преданію, или просто самъ выдумалъ ¹⁾.

Взгляды названныхъ нами критиковъ раздѣляетъ въ общемъ и Смендъ ²⁾.

Наконецъ, Бернштейнъ, останавливаясь на тѣхъ-же словахъ Іезекиила, рѣшительно не допускаетъ, чтобы пророкъ съ такою лестною похвалою могъ отзываться о человѣкѣ, жившемъ рядомъ съ нимъ же въ плѣну, и потому или всѣ эти мѣста Іезекиила считаетъ неподлинными, или, по крайней мѣрѣ, упоминаемое здѣсь имя Даниила считаетъ позднѣйшей вставкой ³⁾.

Всѣ указанная нами гипотезы по существу тождественны между собою: различіе только въ частностяхъ, основныя же черты однѣ и тѣже. И на эти-то основныя пункты мы должны обратить свое вниманіе, чтобы, доказавши ихъ неосновательность, тѣмъ самымъ отнять прочность и твердость и у дальнѣйшихъ выводовъ и построений изъ нихъ. Только взглядъ Бернштейна, направленный противъ самой подлинности извѣстныхъ мѣстъ Іезекиила, стоитъ въ этомъ отношеніи совершенно особнякомъ.

¹⁾ Cornill C. H. Grundriss der Theologischen Wissenschaften. II. Theil, I. Band. Einleitung in das Alte Testament. 2. Auflage. Freiburg im Br. 1892. S. 260.

²⁾ Smend R. Lehrbuch der alttestamentlichen Religionsgeschichte. Freiburg i. B. u. Leipzig. 1893. S. 516.

³⁾ Tschirner. Analekten, I, 3. S. 10.—Hengstenberg E. W. Beiträge zur Einleitung ins Alte Testament. I. Band: die Authentie des Daniel und die Integrität des Sacharjah. Berlin. 1831. S. 70—71.

Что же въ самомъ дѣлѣ сказать о немъ? Справедливо, во всякомъ случаѣ, отзывается на его счетъ Генгстенбергъ: „указанныя мѣста Іезекиила, говоритъ онъ, представляютъ собою такое неопровержимое доказательство въ пользу того что упоминаемые здѣсь Ной, Данииль и Іовъ суть дѣйствительно историческія лица (а не поэтическіе только образы), что ревностный противникъ этого историческаго свидѣтельства Бернштейнъ, чувствуя какъ-бы всю силу его, думаетъ, наконецъ, освободиться отъ него тѣмъ, что признаетъ его или вообще неподлиннымъ, или же искаженнымъ“ ¹⁾. Дѣйствительно, возраженіе Бернштейна само собою выдаетъ свою неосновательность: самъ Бернштейнъ не представляетъ въ свою пользу рѣшительно никакихъ не только доказательствъ, но и доводовъ; его гипотезу можно назвать только его личной догадкой или вѣрнѣе—упорствомъ и нежеланіемъ согласиться съ библейскимъ свидѣтельствомъ, всю силу котораго онъ долженъ былъ чувствовать. Довольно замѣтить, что книга пророка Іезекиила принадлежитъ къ числу немногихъ такихъ священныхъ книгъ, подлинность и неповрежденность которыхъ какъ въ общемъ ихъ составѣ, такъ и во всѣхъ частностяхъ признается и всѣми представителями отрицательной критики: по словамъ одного изъ наиболѣе видныхъ ортодоксальныхъ западныхъ богослововъ-экзегетовъ, „не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что какъ самыя пророчества книги Іезекиилевоы, такъ и настоящая ихъ редакція принадлежатъ самому же Іезекиилу“ ²⁾. И въ самомъ контекстѣ рѣчи указанная мѣста Іезекиила сохраняютъ за собою свою полную силу, какъ оригинальныя именно, а не вставочныя слова. Рѣчь, изложенная въ 14 главѣ книги Іезекиилевоы, произнесена въ 6 годъ царствованія Седекіи ³⁾, когда онъ, на-

¹⁾ Hengstenberg. Beiträge z. Einleitung ins A. T. I. B. S. 74.

²⁾ Keil C. F. u. Delitzsch Fr. Biblischer Commentar über das Alte Testament. III. Theil, 3. Band. Leipzig. 1868. S. 10.

³⁾ Ср. Іезек. 8, 1.

Св. пророкъ Данииль.

дѣясь на защиту и поддержку могущественнаго египетскаго фараона Хофры или Вафрія ¹⁾, вздумалъ отложиться отъ вавилонскаго царя Навуходоносора, которому самъ же далъ вѣрность; въ виду-то этого имѣвшаго совершиться вѣтвопреступленія, пророкъ и развиваетъ сначала общую мысль о вѣроломствѣ, за которое Господь наказываетъ мечемъ, голодомъ, лютыми звѣрами и моровою язвою, этими „четырьмя тяжкими казнями“ ²⁾, а рядомъ съ этимъ прибавляетъ: „и еслибы нашлись въ ней сіи три мужа: Ной, Даніилъ и Іовъ,—то они праведностью своею спасли-бы только свои души.... не спасли-бы ни сыновей, ни дочерей, а они, только они спаслись - бы“ ³⁾, т. е. даже и такіе праведники спасли-бы только себя, но не своихъ вѣроломныхъ соотечественниковъ и современниковъ;—или, по объясненію св. Ефрема Сирина, „ни Ной, который спасъ сыновей и женъ ихъ, ни Іовъ, который исходатайствовалъ помилованіе друзьямъ, ни Даніилъ, который въ Вавилонѣ спасъ мудрецовъ и товарищей своихъ, еслибы теперь ходатайствовали за грѣшниковъ, то не были-бы услышаны и не спасли-бы ни сыновей, ни дочерей“ ⁴⁾. Изъ этого объясненія ясно видно, съ какою цѣлью и почему пророкъ говоритъ объ этихъ именно праведникахъ, а не о какихъ-либо другихъ. Видѣть здѣсь только позднѣйшую вставку едвали возможно; безъ этого свидѣтельства обличительная рѣчь пророка Іезекіиля потеряла-бы на половину свою грозную силу и далеко не имѣла-бы той выразительности и оригинальности, какую она имѣетъ теперь. Да и на одно имя Даніила нельзя смотрѣть, какъ на позднѣйшую вставку; безъ него не было-бы полного параллелизма рѣчи: какъ Ной является представителемъ первобытныхъ временъ человѣчества,

¹⁾ Ср. Іер. 44, 30.

²⁾ Іез. 14, 21.

³⁾ Іезек. 14, 14. 16. 18. 20.

⁴⁾ Творенія св. отцевъ. Томъ XXII: творенія св. Ефрема Сирина, часть 8. Москва. 1853. Стр. 19.

а Іовъ—средняго періода, такъ и Даніилъ является образцомъ вѣры и праведности въ позднѣйшую эпоху іудейской исторіи. Что касается втораго мѣста Іезекіиля—въ 28 главѣ его книги, то и здѣсь, судя по смыслу рѣчи, едвали возможна позднѣйшая вставка. Рѣчь обращена къ царю тирскому въ виду завоеванія Тира Навуходоносоромъ, какъ свидѣтельства гнѣва Божія за чрезмѣрную гордость и самообожаніе царя тирскаго: „пустъ ты мудрѣе Даніила“, говоритъ къ нему пророкъ,—т. е., хотя ты и считаешь себя мудрѣе Даніила (который не только превзошелъ всѣхъ мудрецовъ халдейскихъ, но и получилъ отъ Бога откровеніе о судьбѣ цѣлыхъ царствъ и народовъ), но... „говоритъ Господь Богъ“... Такія образныя рѣчи весьма употребительны у священныхъ писателей.

Дальнѣйшія возраженія всѣ цѣликомъ строятся на этихъ двухъ свидѣтельствахъ пророка Іезекіиля. Мы не будемъ входить въ подробный разборъ каждой фразы, предлагаемой тою или другою теоріей: для насъ важно опровергнуть общія положенія, которыя собственно и имѣютъ отношеніе къ нашему вопросу. Нѣтъ нужды говорить о предполагаемомъ Гитцигомъ соотвѣтствіи между именемъ пророка Даніила и отличительными особенностями этого мудреца - праведника у Іезекіиля, такъ какъ факты таковаго рода соотвѣтствія общеизвѣстны и указанное нами соображеніе Гитцига, понятно, не лишено основанія. Справедливо и утвержденіе Блека, что пророкъ Іезекіиль имѣлъ въ виду не одинъ только отвлеченный типъ мудреца Даніила, а опредѣленную, конкретную личность, такъ какъ тогда только онъ могъ сопоставлять ее съ царемъ тирскимъ или ставить наряду съ Ноемъ и Іовомъ, вполне обрисованными и опредѣленными лицами. Но можно ли, далѣе, предполагать, будто самъ пророкъ Іезекіиль узналъ о Даніилѣ только изъ какой-то легенды о немъ, которая послѣ Іезекіиля куда-то затерялась—или навсегда уже, или только

до времени писателя книги Даниловой, имѣвшаго ее подъ руками и положившаго въ основу своего произведенія? Такое предположеніе Блека, Ленгерке, Кампгаузена и другихъ, во всякомъ случаѣ, весьма странно; особенно непонятно внезапное то исчезновеніе, то появленіе этой легенды о древнемъ или плѣнномъ мудрецѣ Даниилѣ (будь она составлена даже во времена самого Іезекииля). Повидимому, такого рода легенда предназначалась для народа и должна была быть извѣстна современникамъ Іезекииля; а между тѣмъ, напр., пророки Іеремія и Варухъ, жившіе и писавшіе приблизительно въ одно время съ Іезекиилемъ, не знали, какъ видно, ни самой этой легенды, ни ея легендарнаго героя. Кромѣ того, еслибы даже пророкъ Іезекииль упомянулъ о Даниилѣ на основаніи только этой легенды о немъ, то и тогда самое упоминаніе это показывало бы, что пророкъ считалъ самаго героя легенды за историческую именно личность; иначе было-бы странно и недостойно его пророческаго достоинства приводить въ примѣръ народу какихъ-то мифическихъ лицъ, устрашать грѣшниковъ какими-то призраками или ставить извѣстные историческіе факты проявленія гнѣва Божія надъ грѣшниками въ параллель съ мифами о какихъ-то баснословныхъ герояхъ.

Іезекииль,—говорятъ Гитцигъ, де-Ветте, Ленгерке, Блекъ и др.,—въ своемъ упоминаніи о пророкѣ Даниилѣ ставитъ его между Ноемъ и Іовомъ,—слѣдовательно, видитъ въ немъ одного изъ древнихъ патриарховъ, современныхъ Ною и Іову. Не будемъ пока касаться такого рода своеобразныхъ соображеній, такъ какъ объ этомъ вопросѣ придется говорить впоследствии. Для насъ важны теперь дальнѣйшія слова Гитцига: но Ной, говоритъ онъ, это—мифическая личность, а Іовъ—поэтическое лицо, созданное фантазіей писателя его книги ¹⁾; слѣдовательно,—такое же мифическое или поэтическое

¹⁾ Такого рода взглядъ на характеръ личности св. Іова проводитъ Гит-

лицо ссть и Данииль. Въ данномъ случаѣ, очевидно, Гитцигъ не уклоняется отъ общаго воззрѣнія представителей такъ называемой мифической теоріи, превращающихъ чуть не половину Библии въ сборникъ только мифовъ, лишенный какого бы то ни было историческаго значенія,—считающихъ не только древнѣйшихъ допотопныхъ патриарховъ, но и позднѣйшихъ—Авраама, Исаака, Іакова, даже Моисея и др. мифическими только героями, подобными греческимъ Геркулесу, Одиссею и др.¹⁾ Понятно, такого рода гипотезы строятся только на однихъ предположеніяхъ или какихъ-то апріорныхъ соображеніяхъ, но не представляютъ въ свою пользу никакихъ вѣскихъ доводовъ. Такъ, напр., исходя изъ филологическаго значенія именъ древнихъ патриарховъ, предполагаютъ, что все это имена древнееврейскихъ боговъ или полубоговъ; подъ эту же категорію именъ подводятъ и имя Ноя. Между тѣмъ, по словамъ одного изъ авторитетныхъ западныхъ богослововъ - экзегетовъ, имя это толкуютъ настолько различно и противорѣчиво, что установить какое-либо опредѣленное объясненіе имени Ноя положительно невозможно ²⁾; и это вполне понятно, такъ какъ, по словамъ другого спеціальнаго изслѣдователя, филологическое значеніе этого имени такъ темно, что даже путемъ самыхъ смѣлыхъ комбинацій и гипотезъ едвали возможно извлечь изъ него какіе-либо признаки, указывающіе на Ноя, какъ на одного

цигъ и въ своемъ спеціальномъ комментарий „Das Buch Hiob.“ Leipzig u. Heidelberg. 1874. S. IX—XXIII. Комментарія его на книгу Бытія или какого-либо спеціальнаго сочиненія, откуда можно было-бы почерпнуть взглядъ Гитцига на характеръ личности Ноя, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ.

¹⁾ См., напр., *Fürst J. Geschichte der biblischen Literatur. I. Band. Leipzig. 1867, и др.*

²⁾ *Dillmann A. Kurzgefasstes exegetisches Handbuch zum Alten Testament. XI. Lieferung. Die Genesis. 5. Auflage. Leipzig. 1886. S. 116.* Самъ Гитцигъ, по словамъ того-же Дильмана, объясняетъ имя Ноя, какъ „чужакъ“ (ibid., S. 116).

изъ древнееврейскихъ боговъ ¹⁾. Или, напр., защитники миѳической теоріи указываютъ на то, что библейскій рассказъ о первобытныхъ временахъ есть якобы только одинъ изъ національныхъ еврейскихъ миѳовъ, такъ какъ замѣчено, что каждый народъ предваряетъ обыкновенно свою дѣйствительную исторію миѳами о такъ называемыхъ доисторическихъ временахъ; ту же мѣрку прилагаютъ и къ исторіи Ноя. Между тѣмъ въ сущности эти же самые миѳы различныхъ народовъ и племенъ служатъ только подтвержденіемъ истины библейскаго рассказа. Такъ, въ частности, историческое существованіе Ноя нельзя отрицать уже потому, что исторія этого патріарха неразрывно связана съ исторіей всемірнаго потопа; а послѣдняя (не только вообще, но даже и въ частностяхъ) до того запечатлѣлась въ памяти человѣчества, что, по словамъ одного спеціального изслѣдователя этого вопроса, „нѣтъ почти ни одного народа, который бы, наряду съ другими воспоминаніями о первобытныхъ временахъ, не сохранилъ и воспоминанія о потопѣ; конечно, первоначальное преданіе въ той или другой степени извращено, однако оно отражается у различныхъ народовъ въ самыхъ разнообразныхъ миѳическихъ представленіяхъ, не лишенныхъ, понятно, національной окраски, среди которой, при всемъ томъ, ярко выступаетъ на видъ историческое зерно первоначальнаго преданія“ ²⁾. Эта мѣстная и національная окраска, это „націонализированіе и локалізація“ ³⁾ преданій о потопѣ бывають, понятно, у различныхъ народовъ весьма сильны: извращенія, смѣшенія, перестановки—все это здѣсь возможно; но основное зерно не теряется никогда и сохраняется сравнительно чистымъ у всѣхъ народовъ. Вездѣ

¹⁾ Baethgen F. Beiträge zur semitischen Religionsgeschichte. Der Gott Israel's und die Götter der Heiden. Berlin. 1888. S. 153—154.

²⁾ Lügen H. Die Traditionen des Menschengeschlechts oder die Uroffenbarung Gottes unter den Heiden. Münster. 1856. S. 170.

³⁾ Ibid., S. 171.

есть представленіе о нравственномъ развращеніи *всего живущаго* на землѣ, какъ причинѣ потопа,—о Ноѣ или, лучше, о нѣкоторомъ благочестивомъ человѣкѣ (какъ бы онъ ни назывался), спасшемся отъ потопа вмѣстѣ со своимъ семействомъ и избранными родами животныхъ и птицъ,—о ковчегѣ Ноевомъ и даже его формѣ,—о птицахъ, выпущенныхъ изъ ковчега,—о горѣ, на которой остановился ковчегъ, и ея географическомъ положеніи,—а во многихъ преданіяхъ даже о жертвѣ Ноевой послѣ потопа, о масличной вѣтви, о радугѣ и т. д. ¹⁾. Что это значить? А то, что эти основные элементы рассказа, глубоко запечатлѣвшіеся въ памяти человѣчества и отражающіеся во всѣхъ самыхъ разнородныхъ и „націонализированныхъ“ миѳическихъ представленіяхъ о потопѣ, и составляютъ ихъ *историческое зерно*, которое только подтверждаетъ истину библейскаго повѣствованія. Очевидно, исторія потопа, истребившаго дѣйствительно *все живущее* на землѣ, произвела самое сильное впечатлѣніе на послѣпотопное человѣчество, глубоко внѣдрилась въ памяти всѣхъ и каждого со всѣми даже мельчайшими подробностями, которыя и вошли въ національныя преданія различныхъ народовъ и племенъ послѣдующаго времени, принявъ только своеобразную окраску или, лучше выразиться, внѣшнюю оболочку. А если такъ, то понятно, что самого-то потопа не могло не быть; не могъ не существовать и Ной, такъ какъ и его образъ выступаетъ рѣшительно вездѣ, гдѣ только говорится о потопѣ. И вотъ почему для самаго предубѣжденнаго изслѣдователя библейско-историческихъ фактовъ отрицать частнѣйшія показанія Библии (напр., касательно лѣтъ жизни Ноя и т. п.) еще можно, потому что они не имѣютъ въ свою пользу другого доказательства, кромѣ авторитета Бытописателя; но отрицать крупные

¹⁾ Lügen. Die Traditionen des Menschengeschlechts. S. 238—239; 174—267.—Fürst I. Geschichte d. bibl. Literatur. I. B. S. 109; 113; 102—117.

факты,—историческій характер потопа, существованіе самого Ноя,—считать все это за мифъ—это значить идти прямо противъ всеобщей вѣры, противъ общаго невольнаго сознанія и убѣжденія всего рода человѣческаго, противъ убѣжденія даже тѣхъ, которые не знаютъ и не хотятъ знать Библии. Прибавимъ, что о потопѣ, какъ историческомъ событіи, помимо высказанныхъ уже нами соображеній, говорятъ ассирио-вавилонскія клинообразныя надписи ¹⁾ и древніе языческіе историки ²⁾; о Ное же, какъ историческомъ лицѣ, упоминаютъ и послѣдующіе библейскіе писатели: пр. Исаія ³⁾, ап. Петръ ⁴⁾ и Павелъ ⁵⁾; а Спаситель даже ставитъ время Ноя, какъ историческое именно, въ тѣснѣйшую параллельную связь со Своимъ будущимъ вторымъ пришествіемъ ⁶⁾. Несомнѣнно, слѣдовательно, что Ной есть историческое (а не мифическое только) лицо, а потому и заключеніе Гитцига о мифическомъ характерѣ личности упоминаемаго у Иезекииля наряду съ Ноемъ Давиила само собою падаетъ.

Между тѣмъ Гитцигъ для обоснованія того-же положенія настаиваетъ еще на поэтическомъ, въ сущности такомъ же сказочномъ якобы характерѣ личности Иова ⁷⁾, но тоже без-

¹⁾ Покровский О. Я. „Разсказъ ассирійскихъ клинообразныхъ надписей о потопѣ“.—Труды Киев. д. Акад., 1879, № 1, стр. 127—154.—Астафьевъ Н. Древности вавилоно-ассирійскія по новѣйшимъ открытіямъ. СПб. 1882. Стр. 51—56.—Sayce A. H. Alte Denkmäler im Lichte neuer Forschungen. Leipzig. S. 26—38.

²⁾ Glairе I. V. Introduction historique et critique aux livres de l'Ancien et du Nouveau Testament. 3 édition. Tome III. Paris. 1862. P. 55.

³⁾ Ис. 54, 9.

⁴⁾ 1 Петр. 3, 20; 2 Петр. 2, 5.

⁵⁾ Евр. 11, 7.

⁶⁾ Мѡ. 24, 38—39; Лук. 17, 26—27.

⁷⁾ Это не личный взглядъ одного Гитцига: историческое существованіе Иова отрицаетъ талмудъ, отрицающъ многіе какъ древнѣйшіе, такъ и новѣйшіе западные богословы-академики.—Филаретъ. Происхожденіе книги Иова. Киевъ. 1872. Стр. 2—3.

успѣшно. Въ книгѣ Иова личность этого святаго мужа изображается такими чертами и при такой обстановкѣ, которыя гораздо болѣе свойственны повѣствованію о лицѣ, дѣйствительно существовавшемъ, чѣмъ легендѣ о придуманной только писателемъ личности: называется страна, гдѣ жилъ Иовъ, говорится о его семейной жизни и имуществѣ, его нравственныхъ качествахъ и положеніи среди соотечественниковъ и современниковъ, о постигшей его болѣзни, которая всегда существовала на востокѣ и извѣстна и теперь въ Египтѣ, о друзьяхъ Иова, изъ которыхъ каждый называется по имени, мѣстѣ ихъ жительства и т. д.;—все это служитъ достаточнымъ ручательствомъ въ пользу историческаго именно характера личности Иова, тѣмъ болѣе, что древнимъ народамъ вообще не была свойственна эпическая поэзія, а скорѣе чисто-историческое или описательное творчество ¹⁾. Если историкъ іудейскій Иосифъ Флавій не упоминалъ объ Иовѣ, то это объясняется просто задачей его „Древностей“, какъ исторіи или лѣтописи собственно *іудейской*: какъ не-іудей, Иовъ не представлялъ особаго интереса для націи іудейской; но что книгу Иова Иосифъ зналъ и включилъ ее въ число 22 каноническихъ ветхозавѣтныхъ книгъ ²⁾,—это несомнѣнно; иначе не доставало-бы одной книги для образованія именно полнаго (изъ 22 книгъ) ветхозавѣтнаго канона. Нѣтъ недостатка и въ положительныхъ доказательствахъ въ пользу историческаго существованія Иова. Такъ, ап. Іаковъ называетъ его образцомъ терпѣнія для вѣрующихъ ³⁾ и этимъ показываетъ, что Иовъ, конечно, историческое лицо, въ чемъ, несомнѣнно, были убѣждены и читатели апостольскаго посланія; иначе странно было-бы апостолу призы-

¹⁾ Филаретъ. Происхожденіе книги Иова. Стр. 189, 184—186.

²⁾ Иосифъ Флавій. Древности іудейскія. Пер. Самуилова. Ч. III. СПб. 1783. О древностяхъ іудейскихъ противъ Аппіона. Книга I. Стр. 350—351.

³⁾ Іак. 5, 11.

вать вѣрующихъ къ подражанію не дѣйствительному страдальцу, а какому-то призраку. Упоминается объ Іовѣ въ постановленіяхъ апостольскихъ ¹⁾, въ писаніяхъ отцевъ и учителей церковныхъ ²⁾, въ самыхъ древнѣйшихъ христіанскихъ мѣсяцесловахъ ³⁾. Христіанскіе пилигримы во времена Златоуста „отъ конца земли отпраплялись въ Аравію, чтобы видѣть ту кучу навоза, на которой лежалъ Іовъ, и лобызать ту землю, на которой онъ страдалъ“ ⁴⁾. Мало того: этого великаго праведника чтутъ и мусульмане; о его благочестіи и несчастной судьбѣ упоминаетъ коранъ ⁵⁾; арабскіе историки опредѣляютъ мѣстность, въ которой онъ жилъ ⁶⁾; мусульманскіе пилигримы поклоняются находящимся на пути изъ Мекки въ Дамаскъ „могилѣ Іова“, его источнику, „купальнѣ“ и камню, къ которому, по преданію, прислонялся праведникъ-страдалецъ ⁷⁾. Эти вещественные памятники, разнообразныя преданія какъ христіанъ, такъ и арабовъ-мусульманъ, благоговѣніе къ праведнику тѣхъ и другихъ—все это, конечно, не можетъ имѣть въ своемъ основаніи одну только легенду объ Іовѣ, въ дѣйстви-

¹⁾ *Филаретъ*. Происхождение книги Іова. Стр. 188.

²⁾ *Glaire*. Introduction historique et crit. aux livres de l'An. et du N. T. Tome III. P. 262

³⁾ *Ibid.*

⁴⁾ *Филаретъ*. Происхождение кн. Іова. Стр. 221—222.

⁵⁾ *Ibid.*, стр. 188.

⁶⁾ *Ibid.*, стр. 214—215.

⁷⁾ *Филаретъ*. Происхождение книги Іова. Стр. 217—220.—*Keil C. F.* u. *Delitzsch Fr.* Bibl. Commentar über d. A. T. IV. Th., 2. B. Das Buch Job. Leipzig. 1864. S. 507 u. f.: „Das Job-Kloster in Hauran und die Jobs-Sage“ von Wetzstein.—*Zeitschrift des Deutschen Palästina-Vereins*, 1892, B. XIV, Heft 3, S. 142—147: „Der Hiobstein, Sachrat Eijüb, im Hauran“ von G. Schumacher. Band XV, Heft 4, S. 193—195: „Bemerkungen zu dem Hiobstein“ von Gr. Schack-Schackenburg. S. 196—204: „Zur Geschichte von Schech-Sa'd“ von I. P. van Kasteren. S. 205—211: „Der Hiobstein“ von A. Ermau.

тельности никогда не существовавшемъ. Особенно знаменательны для насъ арабскія преданія объ Іовѣ: они восходятъ къ первымъ вѣкамъ христіанства и, естественно, заимствованы арабами отъ древнихъ христіанъ—жителей Аврана (гдѣ жилъ нѣкогда и Іовъ ¹⁾); но это доказываетъ только то, что арабы (даже сдѣлавшись впоследствии мусульманами) не отвергли памяти Іова, почитаемаго іудеями и христіанскою церковью, напротивъ преклонялись предъ нимъ, какъ величайшимъ праведникомъ, и—несомнѣнно—вѣрили въ его историческое существованіе. Нечего послѣ этого и говорить, можетъ ли имѣть силу утвержденіе Гитцига и Блека о поэтическомъ якобы характерѣ личности Іова, а отсюда такого-же рода заключеніе ихъ о Даніилѣ.

Не ограничиваясь такого рода сопоставленіемъ пророка Даніила съ Ноемъ и Іовомъ, путемъ чего Гитцигъ безуспѣшно надѣется доказать, что Даніилъ есть древнѣйшее и затѣмъ миѳическое лицо, онъ (Гитцигъ), для обоснованія того-же своего предположенія, строитъ дальнѣйшую хитросплетенную систему своихъ соображеній. Желая доказать, что Даніилъ дѣйствительно упоминается въ древнихъ „сагахъ“ и „легендахъ“, т. е. въ первой половинѣ Библии—сборникѣ древнихъ іудейскихъ миѳовъ, по представленію Гитцига,—онъ принужденъ искусственно подводить нѣкоторыя библейскія имена подъ имя Даніила или отыскивать какую-либо аналогію между нимъ и кѣмъ-либо изъ древнѣйшихъ библейскихъ лицъ, съ которыми можно было-бы, хотя-бы и съ натяжкой, прямо отождествить пророка Даніила; но предварительно намѣчаетъ опредѣленную „библейско-миѳическую“ эпоху, гдѣ онъ думаетъ искать своего Даніила: это—времена Авраама и Лота, въ частности—страшнаго истребленія городовъ Содома и Гоморры, современникомъ котораго представляетъ Даніила будто-бы и самъ

¹⁾ *Филаретъ*. Происхождение книги Іова. Стр. 221.

Иезекииль. Что позволяет Гитцигу сдѣлать послѣднее предположеніе,—неизвѣстно. Нѣсколько раньше мы сдѣлали общій анализъ 14 главы книги прор. Иезекииля. Рѣчь эта, какъ видно прямо изъ чтенія ея, имѣетъ самое общее значеніе, говорить о вѣроломной странѣ вообще (а не о городахъ Содомѣ и Гоморрѣ) и преимущественно имѣетъ въ виду царство іудейское съ Седекіей во главѣ; это есть пророчество о страшномъ гнѣвѣ Божіемъ, имѣющемъ поразить іудейское царство въ случаѣ измѣны Седекіи вавилонскому царю. Послѣднее-то случайное обстоятельство и вызвало грозную обличительную рѣчь пророка Иезекииля, которая въ противномъ случаѣ была-бы совершенно безцѣльна. Почему же Гитцигъ видитъ здѣсь какъ-бы указаніе на опредѣленный фактъ—истребленіе городовъ Содома и Гоморры? Вѣдь эти города наказаны вовсе не за вѣроломство¹⁾, да и погибли они отъ сѣрнаго и огненнаго дождя²⁾, а не отъ „меча, голода, лютыхъ звѣрей и моровой язвы“, чѣмъ угрожаетъ пророкъ вѣроломной странѣ³⁾. Да еслибы даже и такъ, то что даетъ Гитцигу право считать Даниила, а вмѣстѣ съ нимъ Ноя и Іова современниками содомской катастрофы? Иезекииль говоритъ только слѣдующее: „еслибы нашлись въ ней сіи три мужа: Ной, Данииль и Іовъ,—то они праведностью своею спасли-бы только свои души“⁴⁾. Здѣсь, конечно, условное выраженіе, а вовсе не то, что эти три праведника дѣйствительно существовали въ то время, но только не были въ вѣроломной странѣ; во всякомъ случаѣ, Ной-то никоимъ образомъ не могъ жить еще во времена Авраама.

¹⁾ Быт. 19, 5; Іез. 16, 49; Іуд. 1, 7.

²⁾ Быт. 19, 24.

³⁾ Іез. 14, 21.

⁴⁾ Іез. 14, 14.

Намѣтивъ путемъ такого рода соображеній опредѣленную эпоху, въ которую будто-бы существовалъ (только не фактически, а въ народныхъ мифахъ) древнѣйшій Данииль, Гитцигъ ищетъ его среди извѣстныхъ намъ библейскихъ лицъ и находитъ, наконецъ, въ лицѣ Мелхиседека. Въ подтвержденіе такого своего страннаго отождествленія Гитцигъ ссылается прежде всего на филологическое сродство именъ Даниила и Мелхиседека: Данииль, разсуждаетъ онъ, значитъ „судья Божій“, а Мелхиседекъ—„царь правды и мира“;—но каждый царь, говоритъ онъ, есть въ тоже время и судья. Такого рода разсужденіе, такая грубая подтасовка двухъ якобы однозначащихъ словъ ясно говоритъ намъ о томъ, насколько заботился Гитцигъ о точности и основательности своихъ выводовъ. Имя Данииль значитъ собственно „Богъ есть (мой) судья“ или „судилъ (меня) Богъ“¹⁾, но едвали можно переводить его черезъ „судья Божій“²⁾; Мелхиседекъ же значитъ „царь правды“ или „царь мира“, „царь салимскій“³⁾. Послѣднее имя обозначаетъ просто нарицательное качество лица, носящаго его (царь правды); между тѣмъ какъ имя Данииль указываетъ нѣкоторымъ образомъ на отношеніе человѣка къ Божеству; терминъ „судья“ здѣсь относится вовсе не къ человѣку, а къ Богу судящему. Мелхиседекъ самъ по себѣ есть „царь“, а Данииль вовсе не есть „судья“,

¹⁾ Кромѣ Кейля (*Keil u. Delitzsch. Biblischer Commentar über d. A. T. III. Theil, 5. Band: bibl. Comm. über d. Proph. Daniel. Leipzig. 1869. S. 1*) такъ объясняетъ большинство толковниковъ, какъ прежнихъ, такъ и новѣйшихъ (*Lange. Theologisch-homiletisches Bibelwerk. A. T. XVII. Theil: der Prophet Daniel—von O. Zöckler. Bielefeld u. Leipzig. 1870. S. 7.—Cornely R., Knabenbauer I., de Hummelauer Fr. Cursus scripturae sacrae. Comm. in V. T. pars III, in libros propheticos IV: comm. in Daniele prophetam, Lamentationes et Baruch—auctore I. Knabenbauer. Parisiis. 1891. P. 3*).

²⁾ Т. е. судья, который судитъ именемъ Божіимъ (*Knabenbauer. Comm. P. 3*); въ пользу такого толкованія склоняется, напр., Цоклеръ (*Comm. S. 7*), но Кейль (*Comm. S. 1*) рѣшительно вооружается противъ него.

³⁾ מֶלֶךְ (царь) и צֶדֶק (правда); послѣднее слово, по толкованію Штейн-

а „Богъ есть его судья“. Да и слова „судья“ и „царь“—все не синонимы, какъ хочетъ этого, повидимому, Гитцигъ: царь, положимъ, есть судья, но судья никоимъ образомъ не есть царь; а между тѣмъ у Гитцига выходило бы именно такъ: если Мелхиседекъ есть Даниилъ, то и наоборотъ—Даниилъ долженъ быть Мелхиседекомъ.—Вторую черту сходства между Данииломъ и Мелхиседекомъ Гитцигъ находитъ въ происхожденіи того и другого: о происхожденіи Даниила, говоритъ онъ, мы почти ничего не знаемъ,—и Мелхиседекъ является чело­вѣкомъ безъ рода и племени. Послѣднее совершенно справедливо: ап. Павелъ называетъ Мелхиседека чело­вѣкомъ „безъ отца, безъ матери, безъ родословія“¹⁾; чисто житейскія отношенія его покрыты мракомъ неизвѣстности; между тѣмъ какъ личность пророка Даниила выступаетъ предъ нами въ совершенно опредѣленномъ свѣтѣ: онъ происходитъ изъ колѣна іудова²⁾, изъ царскаго или княжескаго рода³⁾, преданіе указываетъ какъ мѣсто его рожденія, такъ и имя отца⁴⁾ и т. д.; ореолъ таинственности, который окружаетъ Мелхиседека, нисколько не простирается на Даниила.—Какъ священникъ же, продолжаетъ Гитцигъ, Мелхиседекъ приносить жертвы и въ этомъ отношеніи уподобляется Ною и Іову, которые тоже приносили жертвы. Кажется, Гитцигъ потому вдругъ оборвалъ свои параллели между Данииломъ и Мелхиседекомъ и сопоставилъ послѣдняго съ Ноемъ и Іовомъ, что нашелъ между ними дѣйствительно аналогичную черту, благодаря которой ему представилась возможность прямо за-

берга (Еврейскій и халдейскій этимологическій словарь въ кингамъ ветхаго за­вѣта. Т. I. Вильна. 1878. Стр. 195),—есть вмѣстѣ и древнее названіе Садима (Іерусалима, хотя другіе подъ Садимомъ разумѣютъ совершенно иное). Въ томъ и другомъ смыслѣ объясняется имя Мелхиседека и ап. Павелъ (Евр. 7, 2).

¹⁾ Евр. 7, 3.

²⁾ Дан. 1, 6.

³⁾ Дан. 1, 3.

⁴⁾ S. *Eriphani* opera, tomus II. Editio nova (Dionysii Petavii Aurelianusensis). Coloniae. 1682. P. 242.

мѣнить въ извѣстномъ изреченіи пророка Іезекиіля имя Даниила именемъ Мелхиседека. Но и эта попытка Гитцига въ данномъ случаѣ совершенно бесполезна. Конечно, аналогія между Данииломъ—съ одной и Ноемъ и Іовомъ—съ другой стороны есть, но аналогія-то именно существенная, аналогія жизни и судьбы этихъ трехъ праведниковъ; искать же аналогіи въ чисто - случайномъ признакѣ (принесеніи жертвъ) нѣтъ основаній; было-бы еще естественнѣе поставить Мелхиседека въ параллель съ ветхозавѣтными священниками, такъ какъ священство—это все-таки нѣчто постоянное, а не случайное,—или наоборотъ—сопоставить Ноя и Іова съ Аарономъ и другими священниками и патриархами, приносившими жертвы, а не съ однимъ только Мелхиседекомъ. Очевидно, кромѣ странной и подчасъ даже курьезной подтасовки Гитцигомъ частнѣйшихъ мыслей и выраженій подъ общую точку зрѣнія своей теоріи, у него нѣтъ ничего.

Какъ бы то ни было, однако, увѣренный въ удовлетворительности своего доказательства въ пользу тождества Даниила и Мелхиседека, Гитцигъ дѣлаетъ дальнѣйшій выводъ: Мелхиседекъ, говоритъ онъ, есть, несомнѣнно, миѣическое лицо,—слѣдовательно, такая же легендарная личность въ сущности есть и Даниилъ. Очевидно, вся искусственная теорія Гитцига касательно тождества Даниила и Мелхиседека была направлена только къ тому, чтобы одною смѣлою фразою превратить пророка Даниила въ миѣическую личность и прибавить еще одно доказательство въ пользу основной мысли своей гипотезы. Доказывать историческій характеръ личности Мелхиседека для насъ излишне: довольно уже высказанныхъ соображеній противъ желаемого Гитцигомъ отождествленія Даниила съ Мелхиседекомъ. Понятно, что кто бы Мелхиседекъ ни былъ,—пророка Даниила это нисколько не касается, такъ какъ между тѣмъ и другимъ нѣтъ рѣ-

нительно ничего общаго; подорвать историческій характер личности Даниила искусственныя построения Гитцига не въ силахъ.

Всѣ разобранныя нами доселѣ положенія указанныя выше теорій касаются исключительно извѣстныхъ намъ мѣстъ Іезекиила, которыя положены для нихъ въ основу всего вообще изслѣдованія о Даниилѣ. Нельзя, однако, оставить безъ вниманія и нѣкоторыхъ соображеній представителей этихъ теорій на счетъ происхожденія и характера самой книги Данииловой, такъ какъ этого рода соображенія находятся въ тѣснѣйшей связи съ гипотезами ихъ о личности самого пророка и даже пополняютъ и разъясняютъ послѣднія. Положимъ, большого значенія для насъ они имѣть не могутъ послѣ того, что было уже нами сказано въ пользу историческаго характера личности пророка; тѣмъ не менѣе общія замѣчанія о нихъ дать необходимо для восполненія уже сказаннаго и для болѣе обстоятельнаго разбора основныхъ положеній разбираемыхъ теорій въ ихъ взаимной связи. Какъ, напр., смотрятъ представители этихъ теорій на пророка Даниила, о которомъ говорится въ извѣстной подъ его именемъ книгѣ (до сихъ поръ они говорили *только* о Даниилѣ, упоминаемомъ у пророка Іезекиила)? Гитцигъ и Ленгерке совершенно справедливо отождествляютъ того и другого, несмотря на различную, какъ говорятъ они, обстановку, различныя эпохи, къ которымъ отнесены будто-бы тотъ и другой; но такъ какъ (слѣдуетъ такого рода заключеніе!) Іезекииль говоритъ о миѣческомъ Даниилѣ, то и тотъ Данииль, о которомъ передаетъ извѣстная подъ его именемъ книга, есть такое же миѣческое лицо; самая же книга его есть миѣъ или легенда, ничего историческаго въ себѣ не заключающая. Отвѣчать на такого рода возраженіе теперь излишне; все, что нужно было, уже сказано нами раньше: Данииль Іезекиила есть историческое лицо; такая же историческая личность есть и Данииль, упоминаемый въ его книгѣ, которая въ свою очередь не есть только миѣъ, такъ

какъ по меньшей мѣрѣ говорить объ *историческомъ* Даниилѣ. Довольно важный вопросъ: какъ смотрятъ представители разбираемыхъ нами теорій на самое составленіе книги Данииловой? Какіе элементы вошли сюда,—откуда черпалъ писатель свой матеріалъ для нея? Такого рода элементовъ признаютъ вообще нѣсколько: имя Даниила, говорятъ, писатель взялъ у пророка Іезекиила, а еще вѣроятнѣе—у Нееміи, гдѣ говорится и объ Ананіи, Азаріи и Мисаилѣ¹⁾; общую схему личности Даниила и основныя черты ея взялъ у того-же Іезекиила²⁾; затѣмъ, воспользовался передававшимися среди народа сагами о самомъ же Даниилѣ, о паденіи Вавилова и о другихъ современныхъ плѣну событіяхъ³⁾; отдѣльные эпизоды заимствовалъ изъ гагады іудейской⁴⁾, изъ сочиненій какъ іудейскихъ, такъ и языческихъ историковъ и поэтовъ⁵⁾; нѣкоторые эпизоды составилъ прямо по подражанію библейскимъ рассказамъ, особенно исторіи Іосифа⁶⁾; а то и прямо выдумалъ⁷⁾. Такого рода соображеніе, естественно, предполагаетъ присутствіе въ книгѣ Данииловой самыхъ разнородныхъ элементовъ: съ одной стороны, есть тамъ не только доля исторической правды, но и прямо истины богооткровеннаго ученія, заимствованнаго изъ Библии; съ другой—есть историческіе, вполне дѣйствительные факты; затѣмъ,—сюда вошли саги и преданія (имѣющія, предполагается, долю истины); наконецъ, свободное творчество, состоявшее или въ воспроизведеніи плодовъ собственной фантазіи, или въ заимствованіи такихъ же фантастическихъ элементовъ, или же въ подражаніи имъ. Нельзя, кажется, указать на другое какое-либо подобнаго рода произведеніе, гдѣ бы съ такою легкостью мирились и богооткро-

¹⁾ Гитцигъ, де-Ветте, Блекъ, Фатке, Римъ, Корниль.

²⁾ Гитцигъ, де-Ветте, Блекъ, Фатке.

³⁾ Ленгерке, Римъ, Кампгаузенъ, Корниль.

⁴⁾ Ленгерке.

⁵⁾ Ленгерке.

⁶⁾ Ленгерке.

⁷⁾ Ленгерке, Блекъ, Фатке, Римъ, Корниль.

Св. пророкъ Данииль.

венныя истины и мнѣя, гдѣ бы все это незамѣтно слилось и составило одно цѣлое. Да и въ писателѣ самой книги это предполагало-бы чрезвычайное искусство: онъ долженъ былъ заимствовать самыя разнородныя начала—и не только разнородныя, но и прямо противоположныя, а затѣмъ умѣть соединить и слить ихъ такъ искусно, чтобы нигдѣ не замѣтно было слѣдовъ перехода отъ одного къ другому противоположному. Обратимся къ частностямъ. Могъ ли писатель книги Даниловой заимствовать имена упоминаемыхъ имъ лицъ изъ книги Нееміи? Разсуждая безотносительно,—конечно, могъ; но такой выборъ именъ былъ-бы очень страненъ. Самыя имена въ книгѣ Нееміиной стоятъ въ такомъ порядкѣ и на такомъ разстояніи другъ отъ друга, что соединеніе ихъ въ одномъ разсказѣ представляется крайне несообразнымъ: такъ, въ 10 главѣ книгѣ Нееміиной (ст. 2, 6, 23) упоминаются имена только Азаріи, Данила и Ананіи (Мисаила нѣтъ) и въ такомъ именно порядкѣ; притомъ между каждыми двумя изъ этихъ именъ приведены цѣлыя десятки другихъ именъ, такъ что нужны намъ имена совершенно теряются въ этомъ длиннѣйшемъ перечнѣ современниковъ Нееміи. Затѣмъ, Азарія и Данилъ здѣсь называются священниками; Ананія же принадлежитъ къ числу начальниковъ народныхъ. Мисаиль упоминается совершенно при другихъ обстоятельствахъ (гл. 8, ст. 4); наряду съ нимъ называется только имя Ананіи, а нѣсколько далѣе—Азаріи, хотя и эти имена совершенно переплетаются со множествомъ другихъ; Ананія, притомъ, стоитъ по правую, а Мисаиль—по лѣвую сторону Эздры,—можетъ быть, какъ представители двухъ различныхъ партій. Естественно ли было-бы со стороны писателя книги Даниловой вырвать три имени изъ разныхъ главъ Библии, не разбирая того, чьи это имена, какіе люди какихъ направленій и положеній носили ихъ,—вырвать, соединить вмѣстѣ судьбу четырехъ самыхъ разнообразныхъ лицъ, представить ихъ друзьями и т. д. и изъ всего этого составить цѣльную легенду?

А не лучше ли было-бы ему взять имена хоть четырехъ, напр., священниковъ, стоящихъ рядомъ съ Азаріей, если уже для главнаго своего героя онъ удержалъ имя Данила, упоминаемое Иезекилемъ? Это было-бы, конечно, сообразнѣе съ достоинствомъ писателя ¹⁾.—Далѣе, главные черты характера своего героя писатель книги Даниловой, говорятъ, заимствовалъ изъ тѣхъ-же извѣстныхъ намъ мѣстъ Иезекиля. Но самыя эти мѣста настолько общи, черты Данила, указанные въ нихъ, настолько, можно сказать, обычны и постоянны, что составить себѣ на основаніи ихъ какое-либо опредѣленное понятіе объ индивидуальной именно личности пророка Данила довольно мудрено. Положимъ, указанные мѣста пророка Иезекиля могли-бы послужить темою или задачею для послѣдующаго автора „легенды“ о Данилѣ—мудрецѣ и праведникѣ; но разъ Иезекиль, какъ мы говорили, имѣлъ въ виду именно историческую личность, въ такомъ случаѣ и позднѣйшая „легенда“ о Данилѣ была-бы въ родѣ историческаго романа, въ основѣ котораго лежали-бы историческіе факты или лица, фантазіи же принадлежала бы только обстановка.—Затѣмъ, частнѣйшимъ матеріаломъ для писателя книги Даниловой, по взгляду представителей разбираемыхъ нами теорій, послужили саги о Данилѣ, о паденіи Вавилона и др., легенды, заключающіяся въ гагадѣ іудейской, повѣствованія іудейскихъ и языческихъ историковъ и поэтовъ, а нѣкоторые эпизоды составлены по подражанію извѣстнымъ библейскимъ разсказамъ или просто выдуманы. Весь этотъ матеріалъ, взятый во всей совокупности своей ²⁾, заключаетъ въ себѣ, очевидно, не ма-

¹⁾ Замѣчательно, что Ленгерке, самъ сильный критикъ, вооружается противъ этой гипотезы Блека, считая ее несообразною съ самымъ содержаніемъ книги Даниловой (*Lengerke. D. Buch Daniel. S. XCIV*); а Генгстенбергъ доказываетъ (противъ Блека же), что и самыя имена Данила и Мисаила вовсе не рѣдкость (*Hengstenberg. Beiträge z. Einleitung ins A. T. B. I. S. 75—76*).

²⁾ Ленгерке прямо называетъ всѣ эти источники во всей ихъ совокупности въ качествѣ матеріала для книги Даниловой.—*Lengerke. D. Buch Daniel. S. XCIV—XCIX.*

люю долю исторической правды: заимствованія изъ древнихъ историковъ (Геродота, Ксенофонта, Флавія, Бероза, Абидена и др.) сами по себѣ, конечно, должны сообщить книгѣ Даниловой характеръ тоже историческаго романа. Что же касается сагъ и легендъ о Даниилѣ, времени плѣна вавилонскаго и т. д., то, хотя подъ ними слѣдовало-бы разумѣть чисто-миѳическія произведенія народной литературы, тѣмъ не менѣе, напр., самъ Ленгерке признаетъ, что рассказъ книги Даниловой о паденіи Вавилона заимствованъ изъ *исторической* именно саги объ этомъ событіи, а вообще главные пункты книги Даниловой въ большей или меньшей степени основаны на историческихъ данныхъ. Сравнительно долѣе останавливается Ленгерке на подражательности, какъ одному изъ предполагаемыхъ имъ приемовъ писателя книги Даниловой. Наглядное доказательство этой подражательности онъ видитъ въ томъ, что каждый отдѣльный эпизодъ изъ жизни пророка Давиила заканчивается всегда одинаково,—прославленіемъ какъ Бога іудейскаго, такъ и самого пророка. Но въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: миссія Давиила, пророка плѣна вавилонскаго, поставленнаго Богомъ въ совершенно исключительныя условія и особыя отношенія къ самимъ царямъ—побѣдителямъ народа іудейскаго, имѣла, несомнѣнно, громадное значеніе въ исторіи царства Божія; весьма естественно, поэтому, если въ книгѣ Даниловой описана не будничная жизнь его, какъ плѣнника - іудея, а именно блестящія страницы ея; нерѣдко пропускаются здѣсь цѣлыя двадцатилѣтія, чтобы отмѣтить одинъ блестящій шагъ, чтобы тѣмъ обнаружить предъ язычниками силу Иеговы, Бога побѣжденныхъ евреевъ, а вмѣстѣ и возвеличить Его посланника - пророка. Если, затѣмъ, нѣкоторые частные эпизоды изъ жизни пророка Давиила имѣютъ видимое сходство съ аналогичными имъ обстоятельствами жизни Іосифа въ Египтѣ, на что особенно указываетъ Ленгерке, то, наряду со сходствомъ, тѣ и другія имѣютъ не мало и различія. Конечно, можно бы объ-

яснять происхожденіе книги („легенды“) Даниловой подражаніемъ именно исторіи Іосифа, но только тогда, еслибы мы самого Давиила превратили въ миѳическое лицо; но разъ мы допускаемъ его историческое существованіе, тогда что удивительнаго, если два посланника Иеговы (Іосифъ и Даниилъ), поставленные въ аналогичныя условія жизни среди избраннаго народа съ одной—и языческаго населенія съ другой стороны и направлявшіе свою дѣятельность къ одной и той-же цѣли, встрѣчали въ своей жизни и отдѣльные аналогичные случаи или отвѣчали на нихъ оба аналогичнымъ образомъ? О послѣднемъ приемѣ при составленіи книги Даниловой,—фантазіи ея писателя, на что указываютъ нѣкоторые изъ представителей разбираемыхъ нами теорій,—нѣтъ нужды и говорить, разъ мы признаемъ пророка Давиила историческою личностью.

Усиливаясь во что бы то ни стало превратить самую книгу Данилову только въ миѳъ, Гитцигъ, де-Ветте и Блекъ пытаются рѣшить и частные вопросы о томъ, почему именно „миѳическій“ Даниилъ отнесенъ писателемъ его книги къ эпохѣ плѣна вавилонскаго, почему онъ представленъ современникомъ пророка Іезекииля и почему плѣненіе его отнесено къ болѣе раннему времени, чѣмъ плѣненіе самого Іезекииля,—и отвѣчаютъ на эти вопросы такимъ образомъ: отнесенъ къ эпохѣ плѣна вавилонскаго потому, что тогда нуженъ былъ такой религіозно-политическій дѣятель; представленъ современникомъ пророка Іезекииля потому, что Іезекииль-то и упоминаетъ о немъ; взятъ въ плѣнъ раньше Іезекииля потому, что изображается у послѣдняго, какъ личность уже извѣстная всѣмъ и (предполагается) прославившаяся уже своими подвигами. Само собою разумѣется, что такое объясненіе представляетъ собою только подтасовку отдѣльныхъ фразъ съ цѣлью оправдать общую идею сторонниковъ разбираемой нами теоріи. Странно, напр., ссылаться на то, что въ эпоху плѣна вавилонскаго былъ нуженъ человѣкъ, подобный про-

року Даниилу. А развѣ, напр., во время египетскаго рабства былъ менѣе нуженъ такой вдохновенный мужъ, котораго, однако, не было, такъ какъ Иосифъ умеръ сравнительно скоро, а вслѣдъ за смертію его іудеи очутились въ положеніи несравненно худшемъ, чѣмъ въ какомъ впослѣдствіи были въ Вавилонѣ¹⁾? Съ другой стороны, и въ Вавилонѣ развѣ не было пророка Іезекіиля и развѣ не могъ-бы онъ одинъ быть представителемъ и руководителемъ избраннаго народа, если-бы такъ предназначено было Промысломъ? Ясно, что не потому пророкъ Даниилъ изображается современникомъ Іезекіиля и плѣна вавилонскаго, что тогда именно онъ былъ особенно нуженъ, а потому, что въ это время онъ дѣйствительно существовалъ; только отрицаніе этой именно истины и заставляетъ представителей разбираемыхъ нами теорій прибѣгать къ разнаго рода уловкамъ, чтобы объяснить происхождение самой книги Данииловой, подорвать каноническое достоинство которой они, однако, не въ силахъ.

Мы кончили разборъ первой группы отрицательныхъ теорій, направленныхъ противъ историческаго характера личности пророка Даниила и его книги, у которой онъ стремится отнять всякую вообще историческую подкладку. Разграничить взгляды этихъ мыслителей на самую личность Даниила и предположенія ихъ о книгѣ этого пророка мы не сочли удобнымъ въ виду той тѣсной связи, какая существуетъ, напр., между мѣстомъ (со стороны его содержания) и самымъ миѣческимъ героемъ. Затѣмъ, разбирая основныя положенія указанныхъ теорій, мы стремились не къ тому, чтобы доказать историческій характеръ книги Данииловой во всѣхъ ея частяхъ и подробностяхъ²⁾, а имѣли въ виду провести только ту мысль, что въ основѣ ея лежитъ *ничто историческое*,—именно личность св. мужа, съ именемъ котораго и извѣстна

¹⁾ Исх., гл. 1.

²⁾ Рѣшеніемъ этого вопроса мы займемся впослѣдствіи.

книга,—что книга эта, слѣдовательно, говоритъ объ *историческомъ* Даниилѣ, а не о миѣческомъ. Въ виду важности этого рода вопроса, основательное рѣшеніе котораго должно служить краеугольнымъ камнемъ для дальнѣйшихъ нашихъ выводовъ, мы и поставили разобранныя нами теоріи на первомъ мѣстѣ своего изслѣдованія и остановились на нихъ сравнительно долго. Дальнѣйшія возраженія относительно личности пророка Даниила касаются вопроса о томъ, въ какое именно время жилъ этотъ пророкъ, и рѣшаютъ его, большею частію, на основаніи тѣхъ-же разобранныхъ нами библейскихъ мѣстъ. Наша задача, поэтому, опредѣлится сама собою.

Переходимъ ко втораго рода гипотезѣ. Сущность ея можно выразить въ немногихъ словахъ,—до того она проста и безыскусственна по своему содержанию. Вся цѣликомъ она строится на тѣхъ-же 14-ой и 28-ой главахъ Іезекіиля, въ которыхъ пророкъ упоминаетъ о Даниилѣ, и касается только вопроса о томъ, къ какому времени нужно отнести упоминаемыхъ здѣсь Ноя, Даниила и Іова, судя по характеру и внутреннему содержанию самаго свидѣтельства о нихъ пророка Іезекіиля, причѣмъ историческое существованіе трехъ этихъ лицъ предполагается здѣсь само собою. Представители этой гипотезы—Графъ¹⁾, Рейсъ²⁾, Гавсратъ³⁾ и Мейеръ⁴⁾, признавая тожество мудреца-праведника Даниила, упоминаемаго Іезекіилемъ, съ Данииломъ, о которомъ говоритъ извѣстная подъ его именемъ библейская книга, въ тоже время считаютъ

¹⁾ Schenkel D. Bibel-Lexikon. I. Band. Leipzig. 1869. Artikel „Daniel“ (S. 563—574)—von Graf. S. 573.

²⁾ Reuss E. Die Geschichte der heiligen Schriften Alten Testaments. Braunschweig. 1881. S. 570.

³⁾ Hausrath A. Geschichte d. alttestamentlichen Literatur. Heidelberg. 1864. S. 120.

⁴⁾ Meier E. Geschichte der poetischen National-Literatur der Hebräer. Leipzig. 1856. S. 252.

невозможнымъ допустить, чтобы Іезекіиль въ указанныхъ мѣстахъ имѣлъ въ виду своего современника, 20—30-тилѣтняго юношу Даниїла, чтобы его именно онъ сопоставлялъ съ Ноемъ и Іовомъ или называлъ мудрѣйшимъ царя тирскаго, а потому считаютъ Даниїла древнѣйшимъ мудрецомъ-праведникомъ, жившимъ дѣйствительно во времена Ноя и Іова, въ такъ называемыя патріархальныя времена. Порядокъ же самыхъ именъ (Ной, Даниїль и Іовъ) въ книгѣ пророка Іезекіиля указываетъ, говорятъ, и на хронологическую послѣдовательность жизни упоминаемыхъ здѣсь личностей: Даниїль, по этому представленію, жилъ между Ноемъ и Іовомъ, сравнительно близко будто-бы отстоящими другъ отъ друга.

Къ названнымъ нами представителямъ такого рода теоріи примыкаетъ еще Кнобель, который, признавая въ Даниїлѣ, упоминаемомъ пророкомъ Іезекіилемъ, древнѣйшаго мудреца-праведника, современнаго Ною и Іову, вмѣстѣ съ тѣмъ допускаетъ и существованіе другого Даниїла, о которомъ говоритъ книга его имени, и такимъ образомъ предполагаетъ двухъ Даниїловъ, какъ онъ выражается, „доплѣннаго“ и „плѣннаго“¹⁾.

Нача задача при разборѣ этого рода теоріи ясна. Такъ какъ указанные нами представители ея исходятъ изъ того, что пророкъ Іезекіиль, какъ предполагаютъ они, въ извѣстныхъ мѣстахъ своей книги не могъ говорить о своемъ современникѣ Даниїлѣ, а имѣлъ въ виду древнѣйшаго мудреца, жившаго во времена между Ноемъ и Іовомъ, то намъ нужно отвѣтить на слѣдующіе вопросы: могъ ли пророкъ Іезекіиль съ такимъ уваженіемъ отзываться о своемъ современникѣ Даниїлѣ? его ли именно онъ имѣлъ въ виду или, можетъ быть, какого-нибудь древнѣйшаго Даниїла? можно ли изъ порядка именъ упоминаемыхъ у Іезекіиля лицъ выводить и послѣ-

¹⁾ *Knobel A. Der Prophetismus der Hebräer. II. Theil. Breslau. 1837. S. 396.*

довательный хронологическій порядокъ времени ихъ жизни и на этомъ основаніи относить Даниїла ко времени между Ноемъ и Іовомъ?

Отзывъ о Даниїлѣ пророка Іезекіиля, дѣйствительно, такого рода, что невольно наводитъ на раздумье,—неужели Іезекіиль своего современника, 20—30-тилѣтняго юношу, за его праведность и благочестіе ставитъ наряду съ Ноемъ и Іовомъ, называя его въ тоже время такимъ мудрецомъ, слава котораго дошла даже до царя тирскаго. Подобнаго рода недоумѣніе, какъ мы видѣли, смущало уже Ленгерке, который, раздумывая надъ этимъ вопросомъ, нашелъ болѣе естественнымъ признать Даниїла прямо мнѣическимъ лицомъ¹⁾. На самомъ же дѣлѣ, невѣроятнаго въ этомъ отзывѣ пророка Іезекіиля ничего нѣтъ. Первая рѣчь Іезекіиля (14 гл.) произнесена имъ въ 6 годъ царствованія Седекіи²⁾, вторая же (28 гл.)—пятью годами позже, въ 11 годъ того-же Седекіи³⁾; слѣдовательно, со дня плѣненія пророка Даниїла до первой рѣчи Іезекіиля прошло 13—14 лѣтъ⁴⁾, а до второй—18—19 лѣтъ. Посмотримъ теперь, что говоритъ о Даниїлѣ извѣстная подъ его именемъ богодухновенная книга. Уже во второй годъ царствованія Навуходносора пророкъ Даниїль выдвигается въ среду высшаго языческаго общества; самъ онъ сознаетъ въ себѣ присутствіе „мудрости и силы“⁵⁾, которая дѣлаетъ его „мудрѣе всѣхъ живущихъ“⁶⁾ и за которую онъ былъ поставленъ главнымъ начальникомъ надъ всѣми муд-

¹⁾ *Lengerke. Das Buch Daniel. S. XCIV.*

²⁾ См. Іез. 8, 1. Іезекіиль ведетъ счетъ въ своей книгѣ со дня плѣненія Іехоніи и воцаренія, слѣдовательно, Седекіи (ср. Іез. 1, 2).

³⁾ См. Іез. 26, 1.

⁴⁾ 8 лѣтъ царствованія Іоакима отъ 3-го года его (Дан. 1, 1) до конца царствованія (4 Цар. 23, 36), три мѣсяца царствованія Іехоніи (4 Цар. 24, 8) и 5 слишкомъ лѣтъ Седекіи.

⁵⁾ Дан. 2, 23.

⁶⁾ Дан. 2, 30. Славянскій переводъ этого стиха гораздо выразительнѣе и точнѣе русскаго.

рецами вавилонскими ¹⁾; а нѣсколько раньше онъ успѣлъ прославиться своею мудростію и среди жившихъ въ Вавилонѣ своихъ соплеменниковъ ²⁾. Между тѣмъ это было на 11—12 лѣтъ раньше первой указанной нами рѣчи Іезекіиля ³⁾. Если, затѣмъ, обратимъ вниманіе на то, что необычайная мудрость пророка Даніила была плодомъ не обыкновеннаго человѣческаго развитія его, не результатомъ изученія имъ „книгъ и языка халдейскаго“ ⁴⁾, а по преимуществу сверхъестественнымъ даромъ Божіимъ, что открыто признавали и язычники ⁵⁾, тогда примемъ за несомнѣнное, что эти чрезвычайныя качества пророка, ставившія его выше всѣхъ мудрецовъ языческихъ, должны были привлекать къ нему уваженіе и почтеніе со стороны его современниковъ и разносить славу о немъ даже за предѣлы вавилонскаго государства. Возможно, поэтому, что пророкъ Даніиль былъ извѣстенъ по слухамъ и самому царю тирскому, мудрость котораго пророкъ Іезекіиль (гл. 28) сопоставляетъ съ мудростію Даніила; хотя, съ другой стороны, рѣчь Іезекіиля противъ Тира имѣла своими слушателями іудеевъ (а не самого царя тирскаго) и потому вполне могла относиться къ Даніилу, какъ мудрѣйшему изъ всѣхъ людей, такъ какъ за такового онъ былъ извѣстенъ среди современнаго ему общества—какъ языческаго (вавилонскаго), такъ и іудейскаго. Помимо мудрости, и нравственныя качества пророка Даніила не могли не привлекать къ нему глубокаго уваженія и искренней симпатіи среди его плѣнныхъ соотечественниковъ. Его ревность по вѣрѣ отечественной, строгое исполненіе обрядоваго закона, проявившееся еще на первыхъ порахъ жизни въ Вавилонѣ ⁶⁾ и, конеч-

¹⁾ Дан. 2, 48.

²⁾ Дан. 13.

³⁾ 1-й годъ Навуходоносора есть 4-й годъ Іоакима (Іер. 25, 1)

⁴⁾ Дан. 1, 4.

⁵⁾ Дан. 2, 23; 4, 6; 5, 11 и др.

⁶⁾ Дан. 1, 8.

но, только усилившееся въ послѣдующее время, несмотря на козни и угрозы его враговъ ¹⁾, приобрѣтали ему тѣмъ большее уваженіе со стороны жившихъ въ Вавилонѣ іудеевъ, что они видѣли въ немъ одного изъ знатнѣйшихъ сановниковъ, всѣмъ своимъ положеніемъ обязаннаго языческимъ государямъ, но при всемъ томъ, гдѣ дѣло касалось интересовъ вѣры, ставившаго свое законное благочестіе выше самой жизни. На него они смотрѣли, какъ на ревностнѣйшаго поклонника Іеговы, а на самое его возвышеніе, какъ на начало прославленія имени Божія среди язычниковъ, которые до того времени съ пренебреженіемъ относились къ „національному“, какъ выражались они, Богу іудейскому, измѣряя силу Его могуществомъ и независимостью признававшаго Его народа; теперь въ Даніилѣ іудеи видѣли залогъ своего будущаго освобожденія. Несомнѣнно, и самъ пророкъ старался облегчать положеніе своихъ соплеменниковъ, выпрашивалъ для нихъ правителей изъ ихъ же среды ²⁾, ходатайствовалъ за нихъ предъ языческими властями и т. п. Почему же бы Іезекіиль, спустя уже 11—12 лѣтъ послѣ того, какъ Даніиль положилъ начало своему возвышенію и всеобщей извѣстности среди какъ язычниковъ, такъ и іудеевъ, не могъ говорить о немъ съ глубокимъ уваженіемъ и даже ставить его наряду съ Ноемъ и Іовомъ въ качествѣ заступника и ходатая предъ Богомъ за грѣшное человѣчество? Если Ленгерке рѣшительно не допускаетъ этого, то только потому, что не хочетъ признать въ Даніилѣ сверхъестественныхъ даровъ Божіихъ, направлявшихъ жизнь и дѣятельность его къ прославленію имени Іеговы среди какъ язычниковъ, такъ и самихъ же іудеевъ, и возвышавшихъ его самого, какъ истиннаго пророка и посланника Бога іудейскаго. Но если не извращать и не отрицать книги Даніиловой, какъ истинной исторіи жизни и дѣятельности это-

¹⁾ Дан. 6, 11.

²⁾ Дан. 2, 49; 3, 12.

го пророка, и сообразно съ этимъ совершенно естественно смотрѣть на самый ходъ его жизни и дѣятельности, тогда едвали можно будетъ поднять вопросъ, какой поднимаютъ Ленгерке, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣ представители разбираемой нами теоріи.

Мы провели только — что ту мысль, что пророкъ Іезекіиль въ извѣстныхъ намъ своихъ рѣчахъ могъ говорить о своемъ современникѣ Даніилѣ. Но его ли именно онъ имѣлъ въ виду, или, можетъ быть, какого-нибудь древнѣйшаго Даніила, на существованіи котораго настаиваютъ вообще представители разбираемой нами теоріи, а особенно упорно Кнобель? Поставленный нами вопросъ сводится въ сущности къ тому, существовали ли въ древнѣйшія времена какой-либо мудрецъ-праведникъ Даніиль, соотвѣтствовавшій по своему умственному и нравственному чертамъ отзыву о немъ пророка Іезекіиля? На это можно отвѣтить только отрицательно. Древнѣйшія библейскія книги не только не говорятъ о такомъ древнемъ Даніилѣ, но не упоминаютъ даже этого имени. Единственные книги, гдѣ говорится о Даніилѣ—и именно о мудрецѣ и праведникѣ Даніилѣ—это книги пророка Іезекіиля и самого же Даніила. Позже вавилонскаго пророка Даніила упоминается какой-то священникъ Даніиль, современникъ Эздры и Нееміи¹⁾; но это, съ одной стороны, позднѣйшая личность, съ другой—ничѣмъ не замѣчательная. Ясно, что или вообще, кромѣ двухъ позднѣйшихъ Даніиловъ, другихъ лицъ съ этимъ именемъ не было въ болѣе древнія времена израильской исторіи,—или же, если и были, то личности ничѣмъ не замѣчательныя, терявшіяся въ массѣ народа, такъ что и случай не могъ выдвинуть ихъ на страницы исторіи. Тѣмъ болѣе вѣтъ основаній предположить существованіе древняго *мудреца-праведника* Даніила. Вѣдь пророкъ Іезекіиль говоритъ о

¹⁾ 1 Эздр. 8, 2.

„знаменитомъ“ и извѣстномъ всѣмъ его слушателямъ и читателямъ праведникѣ; почему же не упомянулъ о немъ никто изъ библейскихъ писателей, если это есть древнѣйшій мудрецъ, извѣстный, предполагается, еще издавна? Библия передаетъ намъ массу именъ, приводитъ рассказы даже о недостойныхъ членахъ избраннаго народа, упоминаетъ о мелочныхъ фактахъ, имѣвшихъ то или другое значеніе для характеристики данной эпохи или извѣстнаго направленія, выставляетъ родословныя, хронологическія данныя и т. п.,—словомъ, все, что только имѣло интересъ и занимало умъ и нравственно-религіозное чувство первоначальныхъ ея читателей. Едвали можно, поэтому, допустить, чтобы въ тѣхъ-же священныхъ книгахъ ни слова не было сказано объ извѣстномъ всѣмъ древнѣйшемъ мудрецѣ-праведникѣ? Могли ли библейскіе писатели, пространно сообщающіе намъ о судьбѣ, напр., Агари, Измаила, Исава, умолчать не только о жизни, но даже объ имени древнѣйшаго праведника, который по своему благочестію поставленъ наряду съ Ноемъ и Іовомъ, а мудростію превосходитъ всѣхъ живущихъ на землѣ? Если исторія Ноя и Іова въ подробности передается въ другихъ библейскихъ книгахъ, читателямъ которыхъ вполне понятенъ и отзывъ о нихъ пророка Іезекіиля, то почему же нигдѣ не говорится о древнемъ Даніилѣ? Не значитъ ли это, что до Іезекіиля никто о Даніилѣ не зналъ, потому что до того времени такого мудреца-праведника и не существовало? А если такъ, то и пророкъ Іезекіиль имѣлъ въ виду того-же самаго Даніила, который съ нимъ вмѣстѣ жилъ въ вавилонскомъ плѣну, какъ передаетъ извѣстная подъ его именемъ богодухновенная книга, который и былъ этотъ всѣмъ извѣстный мудрецъ-праведникъ, подобный Ною и Іову.

Помимо указанныхъ уже соображеній, защитники „древнѣйшаго“ Даніила приводятъ еще одно основаніе, которое, по ихъ мнѣнію, не только говоритъ вообще о существованіи Даніила въ древнѣйшія времена, но и опредѣляетъ приблизительно

но время этого существованія: это—тоже самое мѣсто въ 14-ой главѣ книги пророка Іезекіиля, гдѣ упоминается о Ноѣ, Даніилѣ и Іовѣ (въ такомъ именно порядкѣ); порядокъ именъ, говорятъ, указываетъ и на послѣдовательный хронологическій порядокъ времени жизни упомянутыхъ здѣсь лицъ. Такъ ли это? Мы знаемъ, что Ной жилъ въ такъ называемыя „первобытныя“ или „патріархальныя“ времена, до и послѣ потопа, хронологическая дата котораго не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Іова же, благодаря отсутствію въ его книгѣ хронологическихъ и историческихъ данныхъ и неопредѣленности частнѣйшихъ показаній, древніе и новѣйшіе писатели - экзегеты относили одни ко временамъ Авраама, другіе—Моисея, третьи—судей, четвертые—Давида и Соломона, а нѣкоторые—даже плѣна вавилонскаго ¹⁾. Все это, впрочемъ, частныя мнѣнія, не имѣющія общепринятаго значенія въ церкви и наукѣ. Вообще же большинство богослововъ-историковъ ²⁾ ограничиваютъ приблизительно время жизни Іова, съ одной стороны, временемъ Авраама, съ другой—египетскаго рабства или Моисея. Какъ видимъ, пророкъ Даніилъ никоимъ образомъ не могъ быть современникомъ Ноя и Іова, а тѣмъ болѣе предшественникомъ послѣдняго. Чѣмъ же объяснить порядокъ именъ этихъ мужей въ книгѣ пророка Іезекіиля? Конечно, не стремленіемъ къ исторической и хронологической точности, а нѣкоторыми теоретическими соображеніями, желаніемъ подтвердить основную мысль доказательствами и примѣрами и притомъ въ порядкѣ наиболѣе удобномъ для большей выразительности и силы рѣчи ³⁾. Указы-

¹⁾ Филаретъ. Происхождение книги Іова. Стр. 2, 247, 261.

²⁾ Въ томъ числѣ и наши—м. Филаретъ, Богословскій, Лопухинъ и др.

³⁾ Kliefoth Th. Das Buch Daniels. Schwerin. 1868. S. 32.—Keil C. F. und Delitzsch F. Bibl. Commentar über d. A. T. III. Th., 3. B.: bibl. Comment. über d. Proph. Ezechiel. S. 115.—Dass. III. Th., 5. B.: bibl. Comm. ü. d. Proph. Daniel. S. 25.—Hengstenberg E. W. Beiträge zur Einleitung ins A. T. I. B. S. 73.

ваютъ и частнѣе соображенія и мотивы, по которымъ пророкъ Іезекіиль расположилъ имена упоминаемыхъ имъ мужей въ томъ, а не иномъ порядкѣ ¹⁾. Генгстенбергъ, напр., называетъ Іова „менѣе пригоднымъ“ для даннаго случая примѣромъ, чѣмъ Ной и Даніилъ: послѣдніе жили среди порочнаго народа и сами были проповѣдниками и обличителями его, подобно пророку Іезекіиллю; между тѣмъ о религіозно-нравственныхъ убѣжденіяхъ чужеземнаго племени, среди котораго жилъ Іовъ, нельзя сказать ничего опредѣленнаго; да и самъ Іовъ никогда не былъ проповѣдникомъ или миссіонеромъ. Если пророкъ Іезекіиль и упоминаетъ о немъ, то только какъ объ идеальномъ праведникѣ, ходатайство котораго имѣетъ большую цѣну предъ Богомъ ²⁾. Циндель, находя такое объясненіе недостаточнымъ, строитъ свое предположеніе: по нему, Даніилъ занимаетъ „центральное и универсальное положеніе“ среди своихъ соотечественниковъ, въ силу котораго онъ, какъ посредникъ между Богомъ и народомъ избраннымъ, подобно Ною и Іову, приноситъ свою праведность въ жертву Богу за грѣхи этого народа ³⁾. Объясненіе это, само по себѣ темное и искусственное, кажется, гораздо менѣе даетъ отвѣта на занимающій насъ вопросъ, чѣмъ предположеніе Генгстенберга. Гораздо болѣе состоятельна раздѣляемая большинствомъ толковниковъ довольно интересная гипотеза о постепенности, такъ сказать, религіозно-общественныхъ заслугъ упоминаемыхъ пророкомъ Іезекіилемъ

¹⁾ Экзегеты, признающіе Іова только поэтическимъ лицомъ, объясняютъ дѣло весьма просто: по ихъ соображенію, Іезекіиль называетъ сначала двухъ историческихъ лицъ—древнѣйшаго и позднѣйшаго времена, а затѣмъ уже Іова, представителя идеальнаго міра. Такъ объясняютъ Делачъ (*Herzog u. Plitt. Real-Encyclopädie für protestant. Theologie u. Kirche. 3. B. Leipzig. 1878. Artikel „Daniel“, S. 469*), Цоклеръ (*Lange. Theol.-homilet. Bibelwerk. A. T. XVII. Th. S. 11*), Крайхфельдъ (*Das Buch Daniel. Berlin. 1868. S. 12*) и др.

²⁾ Hengstenberg E. W. Beiträge z. Einl. ins A. T. I. B. S. 72—73.

³⁾ Zündel D. Kritische Untersuchungen über die Abfassungszeit des Buches Daniel. Basel. 1861. S. 263—268.

лицъ. Ной, говорятъ, своею праведностью спасъ отъ потопа своихъ дѣтей, а чрезъ нихъ, такимъ образомъ, и весь родъ человѣческой, происшедшій отъ нихъ вполсѣдствіи ¹⁾); Даниилъ избавилъ отъ смерти вавилонскихъ мудрецовъ, на которыхъ обрушился гнѣвъ царскій, а вмѣстѣ съ ними и своихъ друзей, подвергавшихся тому-же наказанію ²⁾); съ другой стороны, облегчалъ положеніе народа іудейскаго въ плѣну и спасалъ его отъ преждевременнаго нравственнаго истощенія и гибели; Іовъ же спасъ отъ гнѣва Божія только своихъ друзей ³⁾), но не могъ спасти даже собственныхъ дѣтей ⁴⁾). Такого рода постепенность религиозно-общественныхъ заслугъ трехъ этихъ лицъ и послужила, по мнѣнію Геферника ⁵⁾), Филлера ⁶⁾), Клифота ⁷⁾), Кранихфельда ⁸⁾), Кейля ⁹⁾) и другихъ, основаніемъ для расположенія именъ ихъ у Іезекіиля въ такомъ, а не иномъ порядкѣ. Соображеніе, не чуждое, конечно, нѣкотораго рода натянутости, но при всемъ томъ болѣе другихъ отвѣчающее своей цѣли. Цоклеръ еще указываетъ на созвучіе именъ Ноя, Даниила и Іова, или лучше, сказать, на метрическіе законы ветхозавѣтной поэзіи ¹⁰⁾), въ силу которыхъ для благозвучія нужно было поставить указанныя имена въ такомъ именно порядкѣ, въ какомъ они дѣйствительно стоятъ

¹⁾ Быт., гл. 6—9.

²⁾ Дан., гл. 2.

³⁾ Іов. 42, 7—9.

⁴⁾ Іов. 1, 19.

⁵⁾ *Hävernick* H. A. Ch. Handbuch der historisch-kritischen Einleitung in das Alte Testament. B. II, Abtheil. 2. Erlangen. 1844. S. 455.

⁶⁾ *Füller* I. L. Der Profet Daniel. Basel. 1868. S. 379.

⁷⁾ *Kliefoth* Th. Das Buch Daniels. S. 32.

⁸⁾ *Kranichfeld* R. Das Buch Daniel. S. 12.

⁹⁾ *Keil* C. F. n. *Delitzsch* Fr. Bibl. Comm. üb. d. A. T. III. Th., 3. B.: bibl. Comm. üb. d. Proph. Ezechiel. S. 115.

¹⁰⁾ Пророческія рѣчи, по крайней мѣрѣ, со стороны своей формы, несомнѣнно, носятъ на себѣ печать поэтическаго творчества.

въ книгѣ пророка Іезекіиля ¹⁾),—и въ доказательство представляетъ подобнаго рода примѣры „эвфоническаго“ порядка именъ въ Библии: порядокъ именъ сыновей Ноя—Симъ, Хамъ и Іафетъ ²⁾), изъ которыхъ однако Хамъ былъ моложе своихъ братьевъ ³⁾),—порядокъ именъ дочерей Іова ⁴⁾) и т. п. ⁵⁾). Предположеніе это, несомнѣнно, имѣетъ свою цѣну: рифмы и метръ играютъ большую роль въ священной еврейской поэзіи и письменности вообще; и если законы благозвучія соблюдаются даже въ чисто-прозаическихъ (историческихъ) произведеніяхъ ветхозавѣтной письменности, тѣмъ естественнѣе, конечно, видѣтъ выраженіе ихъ въ поэтическихъ отдѣлахъ Библии,—въ пророческихъ рѣчахъ. И это доказываетъ только то, что часто вообще естественный порядокъ выраженія мыслей уступаетъ свое мѣсто особымъ законамъ литературнаго творчества; съ этой стороны нужно смотрѣть и на расположеніе именъ упоминаемыхъ у Іезекіиля лицъ. А что порядокъ именъ въ Библии далеко не всегда бываетъ хронологическимъ, за это говорятъ не только представленные Цоклеромъ примѣры. Такъ, въ перечнѣ именъ знаменитыхъ мужей у Сираха, вслѣдъ за именами Іосіи, Іереміи, Іезекіиля, 12 пророковъ, Зоровавеля, Іисуса, сына Іоседекова, и Нееміи, слѣдуютъ имена Эноха, Іосифа, Сима, Сиеа, Адама ⁶⁾); въ перечнѣ ветхозавѣтныхъ мужей вѣры у ап. Павла стоитъ такой рядъ именъ: Гедеонъ, Варакъ, Сампсонъ, Іефай, Давидъ, Самуиль ⁷⁾); Спасителя, по словамъ апостоловъ, народъ отождествлялъ то съ Іоанномъ Крестителемъ, то съ Ілией,

¹⁾ Созвучіе или благозвучіе это видно, конечно, не въ нашей славянской или русской, а въ еврейской Библии.

²⁾ Быт. 9, 18; 10, 1.

³⁾ Быт. 9, 24.

⁴⁾ Іов 42, 14.

⁵⁾ *Lange* I. P. Theol.-homil. Bibelwerk. A. T. XVII. Th. S. 11—12.

⁶⁾ Стр. 49, 1. 8. 10. 12—18.

⁷⁾ Евр. 11, 32.

Св. прор. Давидъ.

то съ Іереміей ¹⁾). Насколько указанные примѣры отступаютъ отъ хронологическаго порядка, въ какомъ стоятъ упомянутыя здѣсь лица въ исторіи, это очевидно само собою.

Вообще, только-что разобранныя нами гипотеза основана на неправильномъ пониманіи извѣстныхъ мѣстъ изъ книги пророка Іезекіиля, которыя, на самомъ дѣлѣ, какъ мы видѣли, не даютъ права дѣлать предположенія и выводы, какіе дѣлаютъ названныя нами представители этой гипотезы.

Тѣже самыя мѣста Іезекіиля служатъ исходнымъ пунктомъ и для слѣдующей теоріи, представителями которой являются Эвальдъ, Христіанъ Карлъ Бунзенъ, Кюнень и Веберъ, признающіе пророка Даниила историческимъ лицомъ и относящіе его ко времени плѣна, но плѣна не вавилонскаго, а ассирійскаго (израильскаго).

Сопоставляя указанные мѣста Іезекіиля съ повѣствованіями книги Данииловой, Эвальдъ справедливо заключаетъ, что тѣ и другія говорятъ объ одномъ и томъ-же мудрецѣ-праведникѣ, дѣйствительно существовавшемъ нѣкогда и извѣстномъ всѣмъ вавилонскимъ іудеямъ. Самъ же Іезекиль, продолжаетъ онъ, узналъ о Даниилѣ изъ какой-то книги или легенды о немъ, подобно тому, какъ о Ноѣ и Іовѣ онъ прочиталъ въ извѣстныхъ намъ библейскихъ книгахъ. Какая же это книга о Даниилѣ, которою пользовался пророкъ Іезекиль? Несомнѣнно, не наша каноническая книга Даниилова, составленная гораздо позже самого Іезекіиля и относящая своего Даниила ко времени плѣна вавилонскаго; послѣднее составляетъ всецѣло плодъ фантазіи писателя ея. Впрочемъ, за исключеніемъ хронологическихъ и топографическихъ датъ, основная идея этой книги въ общемъ вѣрна: Даниилъ жилъ дѣйствительно въ плѣну вмѣстѣ со своими соплеменниками и дѣй-

¹⁾ Мс. 16, 14.

ствовалъ среди языческаго населенія. Но это было не въ Вавилонѣ, а въ болѣе раннее время, какъ предполагаетъ, очевидно, и самъ Іезекиль. Упоминаемый имъ Даниилъ былъ одинъ изъ передовыхъ людей израильскаго десятиколѣннаго царства, былъ взятъ въ плѣнъ при разрушеніи Самаріи ассиріянами ¹⁾, жилъ въ Ниневіи при дворѣ ассирійскихъ государей и здѣсь достигъ широкой извѣстности среди языческаго населенія. Здѣсь же въ Ниневіи явилась первоначально и сага о немъ, которая вскорѣ же была записана и въ видѣ книги переходила изъ рукъ въ руки, такъ что имя и дѣянія мудреца-праведника Даниила вскорѣ стали извѣстны всѣмъ его соплеменникамъ; а 100 слишкомъ лѣтъ спустя, когда вблизи тѣхъ-же мѣстъ поселились вавилонскіе плѣнники-іудеи, таже книга о Даниилѣ перешла и къ нимъ; ее-то и имѣлъ въ рукахъ пророкъ Іезекиль и изъ нея-то онъ и узналъ о существованіи ассирійскаго Даниила. Что передавалось въ этой древней „книгѣ“ о Даниилѣ,—сказать опредѣленно, конечно, нельзя; но можно думать, что она въ точности передавала отдѣльные факты и событія изъ жизни этого мудреца-праведника (на основаніи которыхъ составилъ свой отзывъ и самъ пророкъ Іезекиль), въ частности говорила о дѣятельности его среди высшихъ классовъ языческаго общества и при дворѣ ассирійскихъ государей, воспроизводила видѣнія и пророчества Даниила о политической смѣнѣ и преѣмствѣ языческихъ государствъ и т. д.; но были ли здѣсь топографическія и хронологическія даты,—трудно сказать. Во

¹⁾ Это было, по опредѣленію 4-ой книги Царствъ (18, 10; 17, 6), въ 6-й годъ Езекиа, царя іудейскаго, и въ девятый годъ Осія, царя израильскаго, въ 721 г. до Р. Хр., за 100 слишкомъ лѣтъ до начала плѣна вавилонскаго. Начало разрушенію Самаріи положили Салманассаръ V, царь ассирійскій (4 Цар. 17, 5; 18, 9.—*Астафьевъ* Н. Древности вавилоно-ассирійскія. Стр. 102), а закончилъ его преѣмникъ Салманассара Саргонъ (*Schrader* E. Keilinschriftliche Bibliothek. Sammlung von assyrischen und babylonischen Texten. В. II. Berlin. 1890. S. 55).

всякомъ случаѣ, по мнѣнію Эвальда, „книга“ эта легла въ основу и послужила прекраснымъ матеріаломъ для нашей канонической книги Даниловой; на это послѣдняя и указываетъ, когда говоритъ о какихъ-то „видѣніяхъ“, записанныхъ уже раньше и бывшихъ подъ рукою у писателя ея¹⁾. Писатель этотъ, какой-то іудей позднѣйшаго времени, представилъ Данила при той-же обстановкѣ, при которой онъ изображается въ древней „книгѣ“ о немъ; изобразилъ его въ плѣну, при дворѣ языческихъ государей, вложилъ ему въ уста тѣже заимствованныя изъ древней „книги“ пророчества и видѣнія и т. д., но вмѣстѣ съ этими историческими данными перенесъ въ другое мѣсто и въ другую эпоху,—въ эпоху вавилонскаго плѣна и ко двору вавилонскихъ государей, опредѣливъ дѣятельность Данила хронологически,—съ одной стороны, 3 годомъ Іоакима²⁾, съ другой—1-мъ и даже 3-мъ годомъ Кира³⁾. На это онъ имѣлъ свои причины: современники его не знали въ частности ни одного ассирійскаго государя,—между тѣмъ о Навуходоносорѣ, завоевателѣ іудейскаго царства, имѣли подробныя свѣдѣнія уже изъ того, что передаютъ о немъ библейскія книги Царствъ и Паралипоменонъ и пророческія книги Іереміи и Іезекиля; вѣроятно, существовали и какія-либо преданія, воспоминанія и легенды о немъ. И вотъ, естественно, писатель книги Даниловой вмѣсто того, чтобы придумывать историко-политическую подкладку для главной идеи своего рассказа, взялъ ее цѣликомъ изъ готоваго уже историческаго матеріала, приурочивъ Данила ко времени Навуходоносора и слѣдовавшихъ за нимъ вавилонскихъ и мидо-персидскихъ государей. Подтвержденіемъ такого произвола со стороны писателя этой книги служатъ содержащіяся въ ней пророчества о четырехъ преемственныхъ другъ послѣ друга языческихъ

¹⁾ Дан. 11, 14.

²⁾ Дан. 1, 1.

³⁾ Дан. 1, 21; 10, 1.

царствахъ, по смыслу самыхъ пророчествъ,—совершенно отличныхъ другъ отъ друга по своему племенному составу, по своей исторической судьбѣ и т. д. Обыкновенно разумѣютъ подъ этими царствами вавилонское, мидійское, персидское и греческое; между тѣмъ на самомъ дѣлѣ разъединять мидійское и персидское царства нельзя: въ 8 главѣ книги Даниловой оба они представлены, какъ одно царство, подъ образомъ двурогаго барана; да и вавилонское царство, по историческимъ даннымъ, было покорено не однимъ мидійскимъ, а мидо-персидскимъ царемъ Киросомъ. Вѣроятно, поэтому, что въ древней „книгѣ“ о Даниилѣ, которую имѣлъ подъ руками писатель нашей канонической книги Даниловой, тѣже четыре царства были ассирійское, вавилонское, мидо-персидское и греческое; самъ же писатель, перенеся Данила въ эпоху вавилонскаго плѣна, долженъ былъ, естественно, начать счетъ тоже съ вавилонскаго царства, но вслѣдъ затѣмъ, чтобы удержать идею четверичнаго числа царствъ,—разбить одно мидо-персидское царство на два самостоятельныя—мидійское и персидское. Можетъ быть, впрочемъ, продолжаетъ Эвальдъ, писатель началъ именно съ вавилонскаго царства и неумышленно,—вслѣдствіе или незнанія древней исторіи или неточнаго разграниченія царствъ ассирійскаго и вавилонскаго, такъ какъ въ позднѣйшихъ произведеніяхъ библейской письменности болѣе назидательнаго, чѣмъ историческаго характера событія и личности ассирійскаго и вавилонскаго царства часто смѣшиваются между собою; напр., въ книгѣ Іудинъ Навуходоносоръ называется царемъ ассирійскимъ, царствовавшимъ въ Ниневіи, и т. д. И въ нашей книгѣ Даниловой довѣрять ея историческимъ подробностямъ нельзя: она преслѣдуетъ дидактическую и нравоучительную, а вовсе не историческую цѣль¹⁾.

¹⁾ Ewald H. Die Propheten des Alten Bundes. 2. Ausg. III. Band. Göttingen. 1868. S. 313—316.—Ewald H. Geschichte des Volkes Israel. IV. B. 3. Ausg. Göttingen. 1864. S. 397.—Ewald H. Jahrbücher der bibl. Wissenschaften III. Jahrbuch. Göttingen. 1851. S. 233—234.

Очень сходна съ этой теоріей Эвальда и теорія Христіана Карла Бунзена, его ученика и послѣдователя. Исходя изъ того положенія, что Іезекиль въ извѣстныхъ мѣстахъ своей книги говоритъ не о своемъ современникѣ, а о древнемъ сравнительно мудрецѣ Даниилѣ, о которомъ онъ самъ узналъ изъ существовавшей въ его время книги или легенды о немъ, Бунзенъ пытается опредѣлить въ точности не только время жизни Даниила, но и время его плѣненія... Фуломъ (котораго Бунзенъ отождествляетъ съ Сардананаломъ—клинообразныхъ надписей), царемъ ассирійскимъ: это было, говоритъ онъ, 22-мя годами раньше завоеванія Ниневіи Саргономъ и основанія новой ассирійской династіи (въ концѣ VIII в. до Р. Хр.). Что это такъ, что Даниилъ былъ взятъ въ плѣнъ царемъ ассирійскимъ и жилъ и пророчествовалъ въ Ниневіи,—на это, говоритъ Бунзенъ, указываютъ нѣкоторыя частности. Такъ, одно видѣніе Даниилъ имѣлъ на берегу „большой рѣки“ Тигра¹⁾—ассирійскаго; въ Ассиріи же, слѣдовательно, а не въ Вавилонѣ, Даниилъ и жилъ. Или—по книгѣ Данииловой, Вавилонъ былъ завоеванъ не Киромъ, а „Даріемъ Мидянномъ“; названіе „мидянинъ“ указываетъ здѣсь на тѣхъ мидянъ, которые, подъ предводительствомъ своего царя Кіаксара, вмѣстѣ съ вавилонскимъ царемъ Набопалассаромъ, участвовали въ завоеваніи Ассиріи; имя же Дарій ошибочно поставлено вмѣсто имени того-же Кіаксара. Или—первое мѣсто въ ряду міровыхъ монархій ассирійскаго Даниила занимала, несомнѣнно, Ассирія, которую самъ же онъ изображаетъ подъ символомъ крылатаго льва (символь исключительно только Ассиріи); второе же мѣсто занимаетъ уже Вавилонъ, изображенный подъ символомъ всесокрушающаго медвѣдя. Если же позднѣйшій писатель книги Данииловой перенесъ этого пророка въ Вавилонъ и сообразно съ этимъ измѣнилъ всѣ частности своего рассказа примѣнительно къ Ва-

¹⁾ Дан. 10, 4.

вилону, то это потому, что Вавилонъ очень скоро заступилъ мѣсто Ассиріи. Отсюда вытекаетъ только то, что наша книга Даниилова не можетъ имѣть строго-историческаго характера; а нѣкоторые эпизоды ея прямо придуманы по аналогіи съ другими историческими фактами. Такъ, того-же Дарія Мидянина писатель поставилъ, можетъ быть, вмѣсто Дарія Гистаспа, разрушившаго въ позднѣйшее время Вавилонъ; равнымъ образомъ, въ жестокомъ и безбожномъ повелѣніи Навуходоносора поклониться воздвигнутой имъ статуѣ видна, кажется, своеобразная варіація рассказа позднѣйшихъ историковъ о введеніи Артаксерксомъ въ предѣлахъ своего государства чужеземнаго языческаго культа¹⁾.

Кюнень, высказывая свой взглядъ на время жизни пророка Даниила и характеръ его книги, въ большинствѣ только повторяетъ мысли Эвальда и Бунзена. Подобно тому и другому, онъ считаетъ Даниила однимъ изъ плѣнниковъ израильскаго царства, всю дѣятельность его сосредоточиваетъ въ Ниневіи, при дворѣ ассирійскихъ государей, предполагаетъ существованіе разнообразныхъ сагъ и преданій объ этомъ мудрецѣ, которыя постепенно перешли изъ Ассиріи въ Вавилонъ и Палестину, переходили изъ рода въ родъ, причемъ, конечно, видоизмѣнялись и разукрапались, такъ что въ концѣ концовъ превратили обыкновеннаго пророка-законника въ какого-то исключительнаго мудреца-чудотворца, и въ такомъ видѣ дошли до писателя нашей канонической книги Данииловой. Отсюда, впрочемъ, предполагаетъ Кюнень, писатель взялъ только нравственный обликъ личности пророка и сухую схему рассказа; всѣ же хронологическія и топографическія даты, всѣ частнѣйшіе эпизоды объ испытаніяхъ че-

¹⁾ *Bunsen* Christian Carl Iosias. Gott in der Geschichte oder der Fortschritt des Glaubens an eine sittliche Weltordnung. I. Theil, 1. u. 2. Buch. Leipzig. 1857. S. 514—517; 538—540.—*Bunsen* Chr. C. I. Vollständiges Bibelwerk. VI. B., 2. Abth., 2. Theil. Leipzig. 1870. S. 846—847; 858—859.

тырехъ друзей, ихъ твердости въ вѣрѣ, о сознаніи язычниковъ въ ничтожествѣ своихъ боговъ и т. п.—все это самъ выдумалъ. Перенесъ же писатель своего Данила въ Вавилонъ потому, что, какъ видно изъ книгъ Эздры и Нееміи, въ плѣну вавилонскомъ дѣйствительно существовалъ какой-то Данииль, а вмѣстѣ съ нимъ Ананія, Азарія и Мисаиль; возможно, что изъ этихъ именно книгъ писатель взялъ имена друзей Данииловыхъ. Но это еще не доказываетъ историческаго существованія послѣднихъ: если Данииль, несомнѣнно, существовалъ, то о друзьяхъ его мы знаемъ слишкомъ мало, чтобы сказать тоже въ положительномъ смыслѣ и о нихъ ¹⁾).

Болѣе или менѣе развитой теоріи Вебера о томъ — же предметѣ мы не имѣемъ. Онъ ограничивается только общими фразами: пророкъ Данииль, говоритъ онъ, жилъ въ ассирийскомъ плѣну; книга же его составлена въ позднѣйшее время на основаніи преданій и народныхъ сагъ о жизни и дѣятельности этого мудреца-праведника ²⁾).

Какъ видно, исходнымъ пунктомъ указанныхъ нами теорій служатъ извѣстныя намъ мѣста книги пророка Іезекіиля. Не считая возможнымъ признать упоминаемаго здѣсь Даниила современникомъ самого Іезекіиля, представители этихъ теорій принуждены отнести его къ болѣе раннимъ временамъ; только если Графъ, Рейсъ, Гавсратъ, Мейеръ и Кнобель, какъ мы видѣли, отодвигаютъ его ко временамъ Ноя и Іова, то Эвальдъ, Бунзенъ, Кюнень и Веберъ считаютъ его пророкомъ ассирийскаго плѣна, не рѣшаясь, очевидно, отказать книгѣ Данииловой въ ея историческомъ характерѣ въ отношеніи, по крайней мѣрѣ, къ ея общей идеѣ и основному направленію. Книга эта, по ихъ словамъ, имѣетъ не столько

историческую, сколько дидактическую цѣль: пророкъ Данииль, о которомъ она говоритъ, дѣйствительно былъ взятъ въ плѣнъ при нашествіи иноземнаго языческаго царя на Палестину, воспитывался при царскомъ дворѣ, достигъ великой славы среди язычниковъ за свою мудрость, а среди своихъ же соотечественниковъ за благочестіе и т. д.; но это было не въ Вавилонѣ и не въ эпоху плѣна вавилонскаго: хронологическія и топографическія даты, имена царей, пожалуй, мелочныя подробности книги Данииловой придуманы или привнесены сюда уже позднѣйшимъ писателемъ ея. Данииль на самомъ дѣлѣ жилъ въ Ниневіи и былъ взятъ въ плѣнъ, по опредѣленію Бунзена, при нашествіи Фула или Сарданапала ¹⁾, царя ассирийскаго, на Палестину, 22-мя годами раньше завоеванія Ниневіи Саргономъ и основанія новой ассирийской династіи. Кажется, въ этомъ указаніи Бунзенъ хочетъ быть согласнымъ съ повѣствованіемъ книги Данииловой о плѣненіи Даниила тоже во время одного частнаго нашествія на Іудею, гораздо раньше общаго плѣненія народа іудейскаго и переселенія его въ Вавилонъ. Въ доказательство же ассирийскаго именно существованія пророка Даниила Бунзенъ ссылается, напр., на то, что послѣднее видѣніе было Даниилу на берегу рѣки Тигра ²⁾, откуда будто-бы видно, что

¹⁾ Совершенно напрасно Бунзенъ отождествляетъ Фула съ Сарданапаломъ клинообразныхъ надписей. Это или Феллафелласаръ, какъ называется онъ въ Библии (4 Цар. 15, 19, 29; 16, 7, 10; 1 Цар. 5, 6; 2 Цар. 28, 20.—*Vigouroux* F. Die Bibel und die neueren Entdeckungen in Palästina, in Aegypten und in Assyrien. Uebers. v. I. Ibach. IV. B. Mainz. 1886. S. 76—94.—*Schrader*. Keilinschriften und Geschichtsforschung. Giessen. 1878. S. 422—460.—*Якимовъ*. Опытъ согласенія библейскихъ свидѣтельствъ съ показаніями памятниковъ клинообразнаго письма. Хр. Чт. 1878, № 7—8, стр. 21—50), или же правитель Вавилона Фалокъ (Ассурнирари), греческій Велесисъ, осадившій и разрушившій Ниневію (*Oppert*. La chronologie biblique fixée par les eclipses des inscriptions cuneiformes. Paris 1868. P. 1—17.—*Астафьевъ*. Древности вавилоно-ассирийскія. Стр. 98.—*Ленорманъ*. Руководство къ древней исторіи востока. Пер. Капанина. Т. I, вып. 2. Кіевъ. 1877. Стр. 278), но никакъ не Сарданапалъ (Sardanapal) или Ассурбанипалъ (Asurbanipal), послѣдній царь ассирийскій (*Schrader*. Keilinschr. Bibliothek. B. II. S. 152—153, 214—215, 258—259, 264—265).

²⁾ Дав. 10, 4.

¹⁾ *Kuenen* A. Historisch-kritische Einleitung in die Bücher des A. T. II. Teil. Leipzig. 1892. S. 483—486.

²⁾ *Weber* G. Geschichte des Volkes Israel. I. B. Leipzig. 1867. S. 455.

пророкъ и жилъ тамъ же, въ предѣлахъ ассирійскаго царства и даже въ эпоху самостоятельности и величія его. Насколько логиченъ и правдоподобенъ такой выводъ Бунзена,—очевидно само собою. Конечно, самъ Бунзенъ не рѣшится утверждать, будто его ассирійскій Даниилъ жилъ именно на берегу Тигра, а не въ Ниневіи, при дворѣ ассирійскихъ государей; на какомъ же основаніи онъ хочетъ нашего вавилонскаго Даниила какъ бы приковать къ Вавилону, не желая сообразить того, что этотъ пророкъ, занимавшій при дворѣ высшія административныя должности, уже по дѣламъ службы могъ и долженъ былъ не только посѣщать, но и проживать временами въ различныхъ мѣстахъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ отъ Вавилона, тѣмъ болѣе, конечно, въ 3 годъ царствованія Кира ¹⁾ надъ громадной объединенной подъ его державою ассирио-вавилонно-мидо-персидскою монархіей, въ составъ которой входили и лежація на Тигрѣ области. Тѣмъ естественнѣе было уединеніе пророка на пустынный берегъ рѣки ²⁾, что цѣлю его было, какъ видно, желаніе провести нѣкоторое время въ постѣ, молитвѣ и плачѣ ³⁾ о бѣдствіяхъ своего народа и покинутаго отечества, для чего плѣнные іудеи обыкновенно отправлялись на берега „рѣкъ вавилонскихъ“, гдѣ „сидѣли и плакали“, вспоминая о „Сіонѣ“ ⁴⁾. Рѣзко бросается въ глаза въ данномъ случаѣ и странность самого Бунзена. На какомъ основаніи, спрашивается, онъ вѣрится здѣсь топографической датѣ въ Дан. 10, 4, когда въ то же время отвергаетъ, какъ недостоверныя и вымышленныя, не только всѣ хронологическія и топографическія даты книги Данииловой, но въ частности, конечно, и дату „третьяго года Кира“, помѣщенную нѣсколькими словами раньше въ той-

¹⁾ Дан. 10, 1.

²⁾ Дан. 10, 7.

³⁾ Дан. 10, 2—3.

⁴⁾ Пс. 136, 1.

же главѣ ¹⁾? Объяснить такую непослѣдовательность Бунзена крайне трудно.

Другое подобнаго рода доказательство въ пользу ассирійскаго существованія своего Даниила Бунзенъ находитъ въ личности упоминаемаго въ книгѣ Данииловой Дарія Мидянина. Писатель этой книги, по его соображенію, допустилъ здѣсь большую историческую неточность: изображая жизнь и дѣятельность Даниила въ связи съ исторіей Вавилона, онъ въ одномъ мѣстѣ (вѣроятно, по нечаянности) перенесъ его въ его настоящую сферу, въ Ниневію, и заговорилъ о Кіаксарѣ, царѣ *мидійскомъ*, осаждавшемъ и завоевавшемъ нѣкогда (вмѣстѣ съ Набопалассаромъ, царемъ вавилонскимъ) Ниневію; но затѣмъ спохватился, что онъ пишетъ исторію Вавилона, а не Ассиріи, и вотъ вмѣсто Кіаксара ставитъ имя Дарія (Гистаспа), дѣйствительно когда-то разрушившаго Вавилонъ,—но названіе „мидянинъ“ почему-то удерживаетъ и тѣмъ заставляетъ читателя недоумѣвать, кто такой „Дарій Мидянинъ“. Возможно ли, на основаніи соображеній Бунзена, обвинять писателя книги Данииловой въ такой забывчивости, непослѣдовательности, когда въ другихъ частяхъ своего разсказа онъ, несомнѣнно, обнаруживаетъ умѣнье превосходно пользоваться историческимъ матеріаломъ и представлять ходъ дѣла такъ, какъ объ этомъ говорятъ другіе историки? Самыя подробности разсказа о пирѣ Валтасара и соединенномъ съ нимъ паденіи Вавилона ясно указываютъ на то, что здѣсь идетъ рѣчь о завоеваніи именно Вавилона, а не Ниневіи: безпечность царя, пиръ осажденныхъ въ послѣднюю ночь предъ катастрофой—все это имѣло мѣсто, по свидѣтельству историковъ, при завоеваніи Вавилона; взятіе же Ниневіи Кіаксаромъ и Набопалассаромъ произошло при другихъ обстоятельствахъ. Ясно, что писатель книги Данииловой и думалъ и писалъ именно о завоеваніи Вавилона,

¹⁾ Дан. 10, 1.

а не Ниневіи; не могъ онъ, слѣдовательно, говорить и о Кіаксарѣ мидійскомъ, котораго будто-бы подразумѣвалъ подъ именемъ Дарія Мидянина. Равнымъ образомъ, не могъ онъ назвать такъ и Дарія Гистаспа, позднѣйшаго завоевателя Вавилона: послѣдній царствовалъ гораздо позже Кира, между тѣмъ какъ Дарій Мидянинъ былъ, какъ видно, предшественникомъ его; видѣть же въ рассказахъ книги Даниловой объ этихъ государяхъ какую-либо перестановку или крупную историческую погрѣшность нельзя, такъ какъ общій ходъ исторіи Вавилона отъ Навуходносора до Кира, проведенный въ этой книгѣ, вполне согласенъ съ свидѣтельствами другихъ историковъ. Валтасаръ, о которомъ говоритъ книга Данилова, извѣстенъ намъ изъ клинообразныхъ надписей; Киръ же—это вполне опредѣленная историческая личность; зачѣмъ бы писатель книги Даниловой поставилъ между ними никому неизвѣстную и какую-то даже фантастическую личность Дарія Мидянина, о которомъ исторія вообще умалчиваетъ? Мало того: непонятно даже, зачѣмъ нуженъ былъ писателю этотъ Дарій Мидянинъ, когда завоеваніе Вавилона приписываютъ прямо Киру; не лучше ли было-бы отъ Валтасара перейти именно къ Киру и его назвать первымъ государемъ объединенной вавилоно-мидо-персидской монархіи, какъ и дѣлаютъ нѣкоторые историки? Между тѣмъ, рассказъ книги Даниловой о Даріѣ Мидянинѣ имѣетъ для насъ весьма важное значеніе: онъ восполняетъ свидѣтельства другихъ историковъ и проливаетъ свѣтъ на нѣкоторые данныя, на которыя эти дѣлаютъ только намеки. Личность Дарія Мидянина, дѣйствительно, темна и имя его въ исторіи не встрѣчается; но считать его на этомъ только основаніи лицомъ вымышленнымъ нельзя. По свидѣтельству Флавія, Дарій, который вмѣстѣ съ родственникомъ своимъ Киromъ разрушилъ царство вавилонское, „былъ сынъ Астіага и у грековъ назывался другимъ именемъ“¹⁾;

¹⁾ I. Флавій. Древности іудейскія. Пер. Самуилова. Ч. II. СПб. 1795. Стр. 166.

это—Кіаксаръ II, царь мидійскій. Подробно о личности этого Кіаксара - Дарія мы будемъ говорить впоследствии; въ настоящемъ же случаѣ хотѣли только указать на несообразность и непоследовательность возраженій Бунзена, весьма искусственно и странно направленныхъ на подтасовку тѣхъ или иныхъ данныхъ подъ общую точку зрѣнія его теоріи.

Выставляютъ представители разбираемыхъ нами теорій и другія основанія въ пользу своего ассирійскаго Данила. Такъ, Эвальдъ указываетъ на проведенную въ книгѣ Даниловой идею четырехъ совершенно отличныхъ другъ отъ друга и самостоятельныхъ по своему политическому существованію царствъ или міровыхъ монархій, въ которыхъ сосредоточивалась, главнымъ образомъ, жизнь языческаго міра до пришествія Мессіи. Понимая подъ ними вавилонское, мидійское, персидское и греческое царства, которыя изображаются подъ символами четырехъ частей громаднаго истукана съ одной—и четырехъ животныхъ съ другой стороны, Эвальдъ приходитъ къ выводу, что въ подлинныхъ видѣніяхъ самого пророка Данила на первомъ мѣстѣ стояло ассирійское царство, а затѣмъ вавилонское, *мидо-персидское* и греческое, такъ какъ исторія мидійскаго и персидскаго царства тѣсно связана между собою: Вавилонъ, напр., былъ взятъ Киromъ, а не какимъ-либо мидійскимъ царемъ (самостоятельно), да и въ самой книгѣ Даниловой оба эти царства представлены подъ однимъ образомъ—двурогаго барана¹⁾; а если такъ, то конечно, дѣлаетъ заключеніе Эвальдъ, Даниилъ и жилъ - то въ ассирійскомъ царствѣ, задолго до Навуходносора и преемниковъ его. Разсужденіе Эвальда о тѣсной связи исторіи мидійскаго и персидскаго царства, въ силу которой считать ихъ не только отличными и самостоятельными, но и взаимно враждебными и исключаящими другъ друга (что явно вытекаетъ изъ характера самыхъ видѣній Даниловыхъ) царствами нельзя,

¹⁾ Дан. 8, 3. 20.

совершенно справедливо; но при этомъ Эвальдъ впадаетъ въ другую крайность. Онъ почему-то считаетъ общепринятымъ и какъ будто единственно возможнымъ свое толкованіе идеи четырехъ царствъ, подъ которыми понимаетъ вавилонское, мидійское, персидское и греческое царства. Такое толкованіе составляетъ лишь одинъ изъ частныхъ видовъ объясненія великихъ пророчествъ Даниіловыхъ о четырехъ царствахъ; наряду съ нимъ нѣкоторые экзегеты понимаютъ подъ ними вавилонское, мидо-персидское, греко-македонское (Александра В.) и царство преемниковъ Александра—Селевкидовъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ громадное большинство древне-іудейскихъ экзегетовъ и историковъ, древнѣйшихъ отцевъ и учителей христіанской церкви, а также новѣйшихъ представителей современной богословской науки не только ортодоксальнаго, но и отрицательнаго направленія ¹⁾—считаютъ подъ Даниіловыми царствами вавилонское, мидо-персидское, греческое и римское царства. Последнее толкованіе, которое скорѣе всего можно бы назвать общепринятымъ, оправдывается вполне самымъ текстомъ книги Даниіловой: золотая голова истукана ²⁾ и левъ съ орлиными крыльями ³⁾, по объясненію самого пророка Даниіла ⁴⁾, изображаютъ вавилонское царство; серебряная грудь и руки истукана ⁵⁾ и параллельные имъ символы медвѣдя ⁶⁾ и двурогаго барана ⁷⁾ указываютъ, по объясненію архангела пророку ⁸⁾, на мидо-персидскую монархію;

¹⁾ См. цѣлые ряды именъ и цитатъ въ *Kuenen's* „*Histoire critique des livres de l'Ancien Testament*“, tome II, Paris, 1879, p. 650, и *De-Wette's* „*Lehrbuch d. histor.-krit. Einleitung in d. kanon. u. apokr. Bücher d. A. T.*“ S. 490.

²⁾ Дан. 2, 32.

³⁾ Дан. 7, 4.

⁴⁾ Дан. 2, 37—38.

⁵⁾ Дан. 2, 32.

⁶⁾ Дан. 7, 5.

⁷⁾ Дан. 8, 3.

⁸⁾ Дан. 8, 20.

мѣдное туловище истукана ¹⁾, барсъ съ четырьмя крыльями ²⁾ и козель ³⁾—эти символы ангель относить къ греческому царству ⁴⁾; наконецъ, ноги истукана ⁵⁾ и страшный звѣрь съ 10 рогами ⁶⁾ указываютъ, естественно, на послѣднее предъ явленіемъ мессіанскаго царство, которое при помощи своей всесокрушающей силы, своихъ „железныхъ зубовъ“ ⁷⁾ уничтожить и сокрушить всѣ другія царства и само дѣйствительно сдѣлается „страшнымъ звѣремъ“ для всей земли. Не трудно понять, что таково именно было царство римское. На какомъ же основаніи Эвальдъ считаетъ этимъ всепожирающимъ и всевластнымъ царствомъ греко-македонское, которое, правда, при Александрѣ В. отличалось громадною политическою силою и могуществомъ, но ва то при преемникахъ его совершенно распалось и въ свою очередь было поглощено римскою державою? По какому праву Эвальдъ исключаетъ изъ таблицы Даниіловой царство римское, дѣйствительно послѣднее предъ явленіемъ мессіанскаго царства, и ставитъ вмѣсто него ассирійское (только на первомъ мѣстѣ, переставляя и всѣ другія царства одно на мѣсто другого)? Нечего и прибавлять, говорить ли такое предположеніе Эвальда въ пользу его „ассирійскаго“ Даниіла.

Нѣчто подобное говорить въ свою очередь и Бунзентъ. Онъ считаетъ первымъ въ ряду міровыхъ Даниіловыхъ царствъ ассирійское на томъ основаніи, что первое царство въ книгѣ Даниіловой изображено подъ символомъ льва съ крыльями; а изваянія крылатыхъ львовъ, какъ говоритъ онъ, были обыкновеннымъ украшеніемъ ассирійскихъ дворцовъ; второй

¹⁾ Дан. 2, 32.

²⁾ Дан. 7, 6.

³⁾ Дан. 8, 5.

⁴⁾ Дан. 8, 21.

⁵⁾ Дан. 2, 33.

⁶⁾ Дан. 7, 7.

⁷⁾ Дан. 7, 7.

же символъ—медвѣдя—указываетъ будто-бы на царство вавилонское. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, изваянія крылатыхъ львовъ встрѣчаются и на памятникахъ древняго Вавилона ¹⁾, а не только Ассиріи. А что въ данномъ случаѣ на первомъ мѣстѣ въ ряду Даніиловыхъ міровыхъ монархій нужно поставить именно Вавилонъ,—на это, кажется, прямо указываютъ слова архангела Гавріила пророку о томъ, что будетъ „въ послѣдніе дни гнѣва“, въ „концѣ времени“, „опредѣленнаго времени“ ²⁾,—очевидно, того бѣдственнаго для іудеевъ времени, которое началось для нихъ плѣномъ вавилонскимъ, такъ какъ этотъ „конецъ времени“ начинается исторіей мидо-персидскаго, а затѣмъ греческаго царства ³⁾, смѣнившихъ собою постепенно вавилонское. Такимъ образомъ, своеобразныя таблицы царствъ Эвальда и Бунзена, всѣ возраженія ихъ, направленные противъ существованія „вавилонскаго“ Даніила, теряютъ всякое значеніе.

Съ цѣлью подорвать еще болѣе историческую достовѣрность книги Даніиловой, въ частности отдѣльные эпизоды ея, чтобы тѣмъ дать косвенное основаніе къ отрицанію „вавилонскаго“ Даніила, Бунзень силится, напр., доказать, что рассказъ о повелѣніи Навуходоносора поклониться воздвигнутому имъ золотому истукану есть своеобразное воспроизведеніе рассказа позднѣйшихъ историковъ о введеніи Артаксерксомъ въ предѣлахъ своего государства чужеземнаго языческаго культа. Оправдать свое предположеніе какими-либо вѣскими доводами не въ состояніи, конечно, и самъ Бунзень. Онъ не скажетъ, чтобы въ рассказѣ объ Артаксерксѣ шла рѣчь о громадной статуѣ, о музыкѣ и празднествахъ, сопровождавшихъ открытіе ея, о вверженіи трехъ отроковъ ев-

¹⁾ *Tiele C. P. Handbücher d. alten Geschichte, I. Serie. 4. Abteilung. Babylonisch-assyrische Geschichte. 2. Teil. Gotha. 1888. S. 592, 595, 596.*

²⁾ Дан. 8, 17. 19.

³⁾ Дан. 8, 20. 21.

рейскихъ въ раскаленную печь и т. д.; если же смотрѣть только на одну общую идею, на внѣшнее сходство золотого истукана съ языческимъ идоломъ, тогда мало ли можно найти сходства между самыми разнородными предметами?—мало ли какой языческой царь или герой воздвигалъ разнаго рода статуи, монументовъ, идоловъ и т. д.? Между тѣмъ внутреннее, характерное различіе обоихъ рассказовъ несомнѣнно. Навуходоносоръ вовсе не имѣлъ въ виду вводить новый языческой культъ; истуканъ его едва ли по существу былъ идоломъ, а скорѣе памятникомъ славы и величія самого Навуходоносора; поклоненіе же ему имѣло не столько религиозный, сколько политическій и общественный характеръ. Это ясно видно изъ словъ друзей Даніиловыхъ: „богамъ твоимъ мы не служимъ и золотому истукану, который ты поставилъ, не поклоняемся“ ¹⁾; очевидно, при открытіи истукана приносили жертвы и богамъ ²⁾, но самъ-то истуканъ не былъ, кажется, богомъ. Затѣмъ, новыхъ боговъ естественно было поставить въ храмахъ, которые у вавилонянъ, несомнѣнно, были ³⁾, или на площадяхъ среди города, а не на полѣ Деирѣ ⁴⁾, какъ бы для временнаго, однократнаго только чествованія ⁵⁾. Далѣе, Навуходоносоръ ставитъ *одина* только истуканъ; очевидно, это не „боги“, не „культъ“. Наконецъ, самое торжество открытія и поклоненія воздвигнутому истукану служить въ книгѣ Даніиловой только обстановкой или фономъ для главнаго событія,—спасенія отроковъ въ печи.

¹⁾ Дан. 3, 12. 14. 18.

²⁾ См. Дан. 3, 12: „эти мужи не повинуются повелѣнію твоему, царь, богамъ твоимъ не служатъ и золотому истукану, который ты поставилъ, не поклоняются“. Какъ видно, при открытіи истукана царь велѣлъ не только поклоняться ему (Дан. 3, 5), но и принести жертвы богамъ.

³⁾ Дан. 1, 2.

⁴⁾ Дан. 3, 1.

⁵⁾ Можно думать, что это празднество было чѣмъ-то въ родѣ, напр., нашего открытія памятниковъ.

Св. пророкъ Даніиль.

Есть ли, поэтому, основание искать существеннаго сходства между этимъ разсказомъ книги Даниловой и разсказомъ объ Артаксерксѣ, къ чему сильно стремится Бунзенъ? И не настолько же ли правы другіе подобные ему критики, когда считаютъ тотъ-же разсказъ книги Даниловой подражаніемъ совершенно иному факту,—поставленію Антиохомъ Епифаномъ жертвенника на алтарѣ іерусалимскаго храма съ цѣлью осквернить его?

Доказавши на основаніи подобнаго рода соображеній,—удовлетворительно, конечно, съ своей точки зрѣнія,—ассирійское существованіе пророка Даниила, Эвальдъ, Бунзенъ и Кюнень переходятъ къ дальнѣйшему развитію своихъ теорій. Въ Ниневіи же, мѣстѣ дѣятельности пророка Даниила, говорятъ они, явилась первоначально и сага о немъ, передававшая различныя обстоятельства его жизни, его видѣнія и пророчества; сага эта была записана и постепенно переходила изъ рода въ родъ,—отъ ассирійскихъ плѣнниковъ къ вавилонскимъ, отъ тѣхъ въ свою очередь къ палестинскимъ послѣднимъ іудеямъ и т. д. Въ Вавилонѣ же съ нею познакомился пророкъ Іезекіиль, откуда и узналъ о существованіи мудреца-праведника Даниила, подобно тому, какъ о Ноѣ и Іовѣ, о которыхъ упоминаетъ наряду съ Даниломъ, онъ узналъ изъ извѣстныхъ намъ библейскихъ книгъ. Въ послѣднемъ предположеніи Эвальда нѣтъ вовсе нужды. Неужели пророкъ Іезекіиль узналъ о существованіи Ноя и Іова только изъ библейскихъ книгъ? Почему онъ не могъ узнать о нихъ на основаніи устнаго преданія, вытекающаго, положимъ, изъ ветхозавѣтныхъ писаній, но тѣмъ не менѣе самостоятельнаго по своей идеѣ, такъ какъ подъ него подводится все, что исходитъ изъ временъ патриархальныхъ и что основано и проникнуто живою вѣрою въ обѣтованія, данныя древнимъ патриархамъ? Тѣмъ замѣтнѣе выдвигается здѣсь въ народномъ сознаніи личность Ноя, родоначальника новаго, послѣпотопнаго человѣчества; немаловажное значеніе

придавалось и Іову, какъ живому доказательству того, что Іегова есть не узко-національный, а всеобщій и, слѣдовательно, *единный* истинный Богъ. Немыслимо, поэтому, чтобы Іезекіиль, пророкъ и священникъ¹⁾, не зналъ Ноя и Іова помимо библейскихъ книгъ. Откуда же онъ узналъ о Даниилѣ, имѣлъ ли онъ въ рукахъ какую-то сагу о немъ,—объ этомъ намъ пришлось говорить выше.

Таже сага о Даниилѣ, по взгляду Эвальда, была и у писателя нашей канонической книги Даниловой, который и положилъ ее въ основу своего произведенія. Доказательство этого Эвальдъ находитъ въ Дан. 11, 14, гдѣ указывается на будущія политическія событія, въ которыхъ должно „исполниться видѣніе“, т. е., по Эвальду, то „видѣніе“, которое было записано въ древней сагѣ и которое, какъ видно, оттуда только-что прочелъ писатель канонической книги Даниловой²⁾. Но стоитъ только понять, о какомъ „видѣніи“ идетъ въ этомъ мѣстѣ рѣчь, чтобы видѣть всю предзанятость соображеній Эвальда. Рѣчь здѣсь идетъ о партіи іудеевъ, которая, послѣ столѣтняго подчиненія египетскому царю, вступила въ союзъ съ Антиохомъ Великимъ, царемъ сирійскимъ, съ цѣлью свергнуть съ себя египетское иго. Воспользовавшись походомъ Антиоха на Египетъ, эти „мятежные изъ сыновъ народа іудейскаго“ присоединились къ войскамъ сирійскаго царя и помогли ему занять нѣкоторыя египетскія укрѣпленія. Указанное событіе и было исполненіемъ „видѣнія“, т. е. того-же видѣнія, содержащагося въ 11 главѣ книги пророка Даниила. Предполагать въ этомъ мѣстѣ какой-либо намекъ на существованіе древней саги о Даниилѣ, которою пользовался писатель нашей книги Даниловой, совершенно излишне, тѣмъ болѣе, что другихъ слѣдовъ этой саги и Эвальдъ не могъ найти никакихъ.

¹⁾ Іез. 1, 3.

²⁾ Ewald H. Die Propheten des Alten Bundes. III. S. 458.

Будучи, однако, увѣренъ въ справедливости своего предположенія, Эвальдъ развиваетъ свой взглядъ на характеръ и сущность книги Даниловой. Положивши въ основу своего произведенія древнюю сагу о Даниилѣ, писатель этой книги, говоритъ Эвальдъ, воспользовался сагой, однако, очень свободно: онъ взялъ оттуда частные эпизоды, видѣнія и пророчества, записанныя тамъ, но все это перефразировалъ и видоизмѣнилъ по своему; Даниила перенесъ въ эпоху плѣна вавилонскаго, измѣнивши соотвѣтственнымъ образомъ всѣ хронологическія и топографическія даты примѣнительно къ Вавилону и времени царствованія Навуходоносора и преемниковъ его до Кира включительно; измѣнилъ въ тѣхъ-же видахъ и самыя пророчества; подробности, а то и нѣкоторые эпизоды, можетъ быть, и самъ выдумалъ и т. д.

Почему же, спрашивается, онъ измѣнилъ древнюю сагу о Даниилѣ? Почему перенесъ этого пророка въ Вавилонъ, во дворъ Навуходоносора и другихъ государей вавилонскихъ и мидо-персидскихъ, когда онъ на самомъ дѣлѣ жилъ, положимъ, въ Ниневіи, при дворѣ Фула, Салманассара V, Саргона и другихъ ассирійскихъ государей, совершенно въ другое время, въ другомъ мѣстѣ и при другихъ условіяхъ? А просто потому, отвѣчаетъ Эвальдъ, что позднѣйшіе іудеи, современные писателю нашей канонической книги Даниловой, не знали ни одного ассирійскаго государя, между тѣмъ какъ Навуходоносоръ былъ имъ прекрасно извѣстенъ изъ историческихъ и пророческихъ библейскихъ книгъ, а можетъ быть существовали и легенды о немъ; притомъ, замѣчаетъ Бунзенъ, Вавилонъ все равно скоро заступилъ мѣсто Ассиріи. Такого рода доказательства, понятно, не поведутъ ни къ чему. Какъ могли іудеи не знать ни одного ассирійскаго государя, когда на основаніи одной четвертой книги Царствъ можно сдѣлать полный перечень ассирійскихъ царей чуть не за 70 лѣтъ впередъ со времени Фула, которому Бунзенъ приписываетъ плѣненіе пророка Даниила? Мало того: асси-

рійская исторія воспроизводится въ Библии перѣдко съ мелочными подробностями, касающимися даже политическихъ отношеній и перемѣнъ, и, несомнѣнно, извѣстна изъ Библии гораздо лучше, чѣмъ исторія Вавилона. Такъ, напр., здѣсь съ точностью передается о походахъ Фула и Феглаѳелласара ¹⁾ на израильтянъ и переселеніи массы плѣнниковъ израильскихъ въ различныя области ассирійскаго государства ²⁾; идетъ рѣчь о слѣдующемъ государѣ Салманассарѣ V, его походахъ и осадѣ Самаріи ³⁾; упоминается о преемникѣ его Саргонѣ, окончательно разрушившемъ царство израильское ⁴⁾, и его походахъ противъ другихъ языческихъ государей ⁵⁾; подробно говорится о сынѣ и преемникѣ его Сеннахиримѣ, его знаменитомъ походѣ на Іудею въ царствованіе Езекии, объ убійствѣ его собственными сыновьями, междоусобіяхъ послѣднихъ изъ-за престола и воцареніи Асардана ⁶⁾ и т. п. Если же сложить вмѣстѣ годы царствованія отмѣченныхъ нами государей, тогда выйдетъ именно около 70 лѣтъ, т. е. такое время, къ которому весьма удобно можно было-бы приурочить жизнь и дѣятельность пророка Даниила, еслибы онъ дѣйствительно жилъ въ Ассиріи и во времена ассирійскаго плѣна. Посмотримъ, съ другой стороны, что говоритъ намъ Библия о царяхъ вавилонскихъ, имѣвшихъ отношеніе къ пророку Даниилу, по изображенію его книги. О Навуходоносорѣ, правда, она говоритъ пространно, но только о военныхъ подвигахъ его ⁷⁾; о внутреннемъ же управ-

¹⁾ Есть ли это одно лицо или два, непосредственно царствовавшія одно послѣ другого, большаго значенія въ данномъ случаѣ не имѣетъ.

²⁾ 4 Цар. 15, 19, 29; 16, 7, 10 и др.; 1 Пар. 5, 6; 2 Пар. 28, 20 и др.

³⁾ 4 Цар. 18, 9.

⁴⁾ *Schrader*. Keilinschriftliche Bibliothek. B. II. S. 55.

⁵⁾ Ис. 20, 1.

⁶⁾ 4 Цар. 18, 13; 19, 37 и др.; 2 Пар. 32, 1; Ис. 36, 1.

⁷⁾ 4 Цар., гл. 24 и 25; 2 Пар. 36.

леніи, объ отношеніи къ плѣнникамъ и т. д. рѣшительно ничего ¹⁾. О преемникѣ Навуходоносора Евильмеродахѣ сообщается только одинъ фактъ, знаменательный для исторіи іудейскаго народа ²⁾. О слѣдующихъ государяхъ—Нериглисорѣ, Лабросоардахѣ и Набонидѣ—не говорится ни слова, не упоминается и этихъ именъ ³⁾; упоминается, затѣмъ, одно только имя Валтасара рядомъ съ именемъ Навуходоносора, „отца“ его ⁴⁾; о Даріѣ Мидянинѣ опять ни слова; изъ царствованія же Кира упоминается объ указѣ его относительно плѣнныхъ іудеевъ ⁵⁾. Только, слѣдовательно, книга Данилова даетъ намъ прекрасную картину внутренняго состоянія вавилонскаго царства при Навуходоносорѣ и преемникахъ его: она рельефно выставляетъ предъ нами характеръ Навуходоносора, блескъ и величіе его царствованія (только не съ внѣшней, а съ внутренней стороны), основныя черты исторіи богоизбраннаго народа за время семидесятилѣтняго плѣна (тоже съ внутренней стороны), говоритъ о характерѣ Валтасара, Дарія Мидянина и Кира, отношеніи ихъ къ Іеговѣ и служенію Ему и т. д. Не говоря ни слова о томъ, что передаютъ о Навуходоносорѣ и преемникахъ его другія библейскія книги, книга эта прекрасно дополняетъ то, чего въ нихъ нѣтъ, и въ краткихъ, но выразительныхъ чертахъ изображаетъ предъ нами ту среду, въ какой очутились іудеи, потерявши свою политическую независимость. На какомъ же основаніи Эвальдъ ставитъ ее въ зависимость отъ другихъ библейскихъ книгъ, въ которыхъ говорится только о воен-

¹⁾ Книги Даниила мы здѣсь, конечно, не имѣемъ въ виду.

²⁾ 4 Цар. 25, 27—30; Іер. 52, 31—34.

³⁾ Не говоритъ о нихъ, правда, и книга Данилова; но это потому, что не было чего и отмѣтить изъ ихъ царствованій: такъ блѣдно и въ общемъ безслѣдно прошло оно какъ вообще для исторіи плѣнныхъ іудеевъ, такъ въ частности и для пророка Даниила.

⁴⁾ Вар. 1, 11—12.

⁵⁾ 2 Пар. 36, 22—23; 1 Эзд. 1, 1—4; Ис. 45, 1.

ныхъ подвигахъ Навуходоносора? и по какому праву, съ другой стороны, утверждаетъ, что іудеи не знали ни одного ассирійскаго государя, когда библейскія книги говорятъ намъ совершенно не то? Положимъ, Эвальдъ прибавляетъ, что, вѣроятно, были среди позднѣйшихъ іудеевъ какія-либо саги о Навуходоносорѣ, которыя дополнили собою историческій матеріалъ, бывшій въ рукахъ писателя книги Даниловой. Но развѣ не могло быть разнаго рода сагъ и легендъ объ ассирійскихъ царяхъ, о взятіи Самаріи, о походѣ Сеннахирима и т. п. и развѣ ими не могъ-бы воспользоваться тотъ-же писатель, чтобы вывести Даниила въ его настоящей сферѣ, въ Ассиріи? Отрицать это мы не имѣемъ права. Бунзенъ, впрочемъ, хочетъ оправдаться еще тѣмъ, что Вавилонъ, какъ говоритъ онъ, все равно скоро заступилъ мѣсто Ассиріи. Но приводить подобнаго рода основаніе слишкомъ несправедливо: развѣ тотъ-же Вавилонъ въ свою очередь не уступилъ своего мѣста царству мидо-персидскому, а это—греко-македонскому и т. д.,—но имѣемъ ли мы право событія одного времени, одного мѣста переносить въ другую эпоху, въ другое государство, какъ сдѣлалъ, по представленію Эвальда и сторонниковъ его, писатель книги Даниловой? При такомъ извращеніи историческихъ фактовъ можно было-бы даже сомнѣваться, существовалъ ли въ дѣйствительности и самъ пророкъ Даниилъ и не есть ли самая личность его такой же вымыселъ, какъ и та внѣшняя обстановка, какою окружилъ ее писатель его книги,—чего, однако, Эвальдъ не допускаетъ.

Какъ бы въ подтвержденіе, однако, того, что Вавилонъ скоро заступилъ мѣсто Ассиріи и что можно-де на этомъ основаніи историческіе факты изъ общественно-политической жизни одного государства переносить въ другое, Эвальдъ указываетъ на книгу Іудийѣ, гдѣ Навуходоносоръ названъ царемъ ассирійскимъ, царствовавшимъ въ Ниневіи ¹⁾, вѣроятно.

¹⁾ Іудийѣ 1, 1 и др.

въ силу смѣшенія Ассиріи съ Вавилономъ и неточнаго разграниченія событій древней исторіи, такъ какъ никакого Навуходносора ассирійскаго исторія не знаетъ. Противъ такого аргумента можно бы сказать многое. Прежде всего, книга Іудеѣ есть произведеніе позднѣйшаго времени ветхозавѣтной письменности¹⁾ и притомъ книга неканоническая, которая никогда не можетъ претендовать на богодухновенность и полнѣйшую непогрѣшимость; а отказать въ каноническомъ достоинствѣ и книгѣ Даніиловой и тѣмъ поставить ее на одну доску съ неканоническими книгами едва ли рѣшится и самъ Эвальдъ. Главнымъ же образомъ для насъ важенъ вопросъ, имѣетъ ли книга Іудеѣ чисто-историческій характеръ и можно ли подъ упоминаемымъ въ ней Навуходносоромъ ассирійскимъ разумѣть извѣстнаго Навуходносора вавилонскаго. По отзыву одного спеціальнаго изслѣдователя этого вопроса, книга Іудеѣ не есть ни чисто-историческое, ни чисто-поэтическое произведеніе. Главнымъ основаніемъ ея послужили историческія событія изъ царствованія Антиоха III Великаго, царя сирійскаго,—именно походы его самого или кого-либо изъ его выдающихся полководцевъ противъ западно-азіатскихъ народовъ и въ частности іудеевъ; но, при воспроизведеніи этихъ историческихъ событій, писатель книги съ особою цѣлію употреблялъ аллегорическіе приемы, измѣнялъ собственныя (историческія) имена и т. д. Такъ, въ частности, Ассиріей онъ назвалъ Сирію („новый Ассуръ“), бывшую, подобно древней Ассиріи, жестокимъ врагомъ Іудеи; а подъ именемъ Навуходносора вывелъ того-же страшнаго для іудеевъ завоевателя Антиоха III, котораго боялся назвать его собственнымъ именемъ и потому умышленно на-

¹⁾ Правда, Эвальдъ и послѣдователи его относятъ къ самому позднему времени ветхозавѣтной исторіи и книгу Даніилову; но здѣсь-то именно и заключается все зло, такъ какъ такое предположеніе позволяетъ имъ обращаться съ этой книгой слишкомъ уже безцеремонно.

звалъ именемъ аллегорическимъ, именемъ такого же ненавистнаго и такого же грознаго для іудеевъ врага ихъ Навуходносора; причемъ, назвавши этого Навуходносора царемъ ассирійскимъ, писатель ясно далъ понять, что онъ разумѣлъ подъ нимъ не извѣстнаго историческаго вавилонскаго Навуходносора, а какого-то другого, аллегорическаго „Навуходносора“,—именно царя „ассирійскаго“, ново-ассирійскаго, царство котораго (Сирія) сходно съ древней Ассиріей не по имени только, но и по характеру¹⁾. Между тѣмъ, такой аллегоризаціи историческихъ фактовъ и именъ никогда нельзя найти въ чисто-историческихъ и, притомъ, каноническихъ библейскихъ книгахъ и мѣстахъ, къ числу которыхъ и самъ Эвальдъ не отказывается отнести первую половину книги Даніиловой; и онъ въ ней видитъ не аллегорическое воспроизведеніе жизни историческаго Даніила, а только искаженіе историческихъ фактовъ; а между искаженіемъ и аллегоризаціей—громкая разница. Понятно, отсюда, что примѣръ изъ книги Іудеѣ, на которомъ Эвальдъ основываетъ одно изъ главныхъ своихъ положеній, здѣсь вовсе не идетъ къ дѣлу, такъ какъ книга эта отличается совершенно инымъ характеромъ, чѣмъ книги Царствъ, Паралипоменонъ, историческія мѣста книгъ Іереміи, Даніила и др., въ которыхъ цари ассирійскіе и вавилонскіе рѣзко отличаются другъ отъ друга и называются каждый принадлежащимъ ему именемъ²⁾. Въ частности книга Даніилова носитъ на себѣ всецѣло историческій характеръ: каждый сообщаемый въ книгѣ фактъ, какъ будемъ не разъ видѣть въ послѣдствіи, имѣетъ подъ собою историческую основу и достовѣрность его подтверждается но-

¹⁾ Дроздовъ Н. Историческій характеръ книги Іудеѣ. Кіевъ. 1876. Стр. 90—91; 93—107; 147—148; ср. стр. 28—89.

²⁾ См., напр., изъ сравнительно раннихъ библейскихъ свидѣтельствъ упоминаніе о Беродахъ-Баладавѣ, царѣ вавилонскомъ (4 Цар. 20. 12), и недалеко отъ него—о Севнахиримѣ, царѣ ассирійскомъ (4 Цар. 18, 13; 19, 36—37), и др.

вѣйшими историческими памятниками и историческими свидѣтельствами. Нельзя, поэтому, видѣть въ ней и только нравственно-дидактическое, а не чисто - историческое произведение, такъ какъ внутренняя связь этой книги, съ одной стороны, съ книгами Царствъ и Паралипоменонъ, съ другой— съ книгами Эздры и Нееміи несомнѣнна; отрицая эту историческую связь, мы тѣмъ самымъ лишимъ себя не только главнаго, но и единственнаго источника для исторіи іудеевъ въ эпоху вавилонскаго плѣна.

Нельзя оставить безъ вниманія еще одного соображенія Кюнена. Признавая историческое существованіе самого пророка Даниїла несомнѣннымъ, онъ въ тоже время сомнѣвается въ дѣйствительномъ существованіи трехъ друзей его на томъ будто-бы основаніи, что о нихъ слишкомъ мало говорится въ книгѣ Даниїловой. Къ такому заключенію привело Кюнена предположеніе, будто писатель этой книги перенесъ историческаго ассирійскаго Даниїла въ Вавилонъ именно потому, что здѣсь въ эпоху плѣна вавилонскаго дѣйствительно существовалъ какой-то Даниїлъ, какъ это видно изъ книгъ Эздры и Нееміи, гдѣ упоминается и объ Ананіи, Азаріи и Мисаилѣ, и будто этихъ-то трехъ лицъ онъ по аналогіи называлъ друзьями и своего Даниїла, совершенно вопреки исторической дѣйствительности. Такого рода соображенія, понятно, крайне натянуты. Неужели въ плѣну вавилонскомъ, на протяженіи свыше 70 лѣтъ, въ цѣломъ народѣ-племеніи, кромѣ пророка Даниїла и его друзей, не могли существовать еще четыре лица съ тѣми-же именами, которыя, притомъ, какъ мы упоминали, вовсе не рѣдки? Да и не странно ли было-бы со стороны писателя книги Даниїловой переносить этого пророка въ другое мѣсто, въ другую эпоху только потому, что гдѣ-то и когда-то существовалъ еще одинъ человекъ съ именемъ Даниїла, если писатель убѣжденъ, что его Даниїлъ жилъ въ Ассиріи и въ эпоху плѣна ассирійскаго? Такого рода извращеніе исторической правды не только непонятно, но и

совершенно неразумно. И что даетъ право Кюнелю отрицать историческое существованіе друзей Даниїловыхъ? Прежде всего, о нихъ говорится не такъ уже мало: третья глава книги Даниїловой (самая обширная въ греческой и славянской Библии) вся цѣликомъ посвящена разсказу объ этихъ именно лицахъ, такъ какъ о самомъ пророкѣ Даниїлѣ она не говоритъ ни слова; да и въ другихъ мѣстахъ книги ¹⁾ друзья дѣйствуютъ сообща съ Даниїломъ, преслѣдуютъ вмѣстѣ тѣ или другіе религіозно-нравственные интересы. Если же пророкъ Даниїлъ является среди нихъ передовымъ лицомъ, то неужели отсюда слѣдуетъ, что онъ одинъ только дѣйствительно существовалъ? Развѣ всѣ вообще писатели о существующихъ лицахъ и вещахъ говорятъ непремѣнно много, а о вымышленныхъ мало? Кюнелю, положимъ, объясняетъ самое появленіе въ книгѣ Даниїловой друзей пророка заимствованіемъ именъ ихъ изъ книгъ Эздры и Нееміи; но невозможность или, по крайней мѣрѣ, странность такого явленія для насъ очевидна уже изъ того, что было сказано по этому поводу раньше.

Переходимъ, наконецъ, къ послѣдней своеобразной теоріи касательно личности и времени жизни пророка Даниїла, представителями которой являются Эрнестъ Бунзенъ, Нольдеке и Кёнигъ, отождествляющіе пророка Даниїла съ Даниїломъ-священникомъ, современникомъ Эздры и Нееміи.

Для Эрнеста Бунзена исходной точкой его разсужденій служитъ личность упоминаемаго въ книгѣ Даниїловой Дарія Мидянина. Царя съ такимъ именемъ, говоритъ онъ, исторія не знаетъ, а отождествлять его съ Киромъ тоже нельзя; вѣроятно, поэтому, писатель назвалъ такъ знаменитаго Дарія Гистаспа, царствовавшаго гораздо позже Кира. Но въ такомъ случаѣ Даниїлъ не могъ жить еще при Даріѣ Гистаспѣ, если онъ былъ взятъ въ плѣнъ, какъ говоритъ книга его имени

¹⁾ Дан. 1, 6. 7. 12. 17. 19. 20; 2, 17. 18. 49.

въ 3 годъ царствованія Іоакима: еслибы тогда ему было даже 1—3 года, то при вступленіи на престоль Дарія Гистаспа онъ былъ-бы уже 78-лѣтнимъ старцемъ. Естественноъ, поэтому, предположить, что пророкъ Даніилъ жилъ дѣйствительно еще при Даріѣ Гистаспѣ, что онъ вмѣстѣ съ Эздрую возвратился изъ Вавилона въ Палестину и есть тотъ самый Даніилъ - священникъ, о которомъ говорятъ Эзра и Неемія ¹⁾; вѣроятно, онъ былъ и изъ числа судей народа іудейскаго, какіе существовали въ плѣну вавилонскомъ, какъ видно изъ исторіи Сусанны; по преданію, онъ же былъ и членомъ великой синагоги, основанной Эздрую, но никакъ не пророкомъ вавилонскаго плѣна, чего доказать во всякомъ случаѣ нельзя ²⁾.

Нольдеке предполагаетъ, что имя пророка Даніила писатель его книги заимствовалъ у пророка Іезекіиля; но такъ какъ о какомъ-то Даніилѣ, а вмѣстѣ съ нимъ и объ Ананіи, Азаріи и Мисаилѣ говорится въ книгахъ Эдры и Нееміи, то есть основаніе предположить, что писатель книги Даніиловой вывелъ именно этихъ четырехъ современниковъ Эдры, только отнесъ ихъ почему-то къ болѣе раннему времени, — эпохѣ плѣна вавилонскаго ³⁾.

За современниковъ же Эдры и Нееміи, упоминаемыхъ ими въ своихъ книгахъ, считаетъ пророка Даніила и друзей его и Кѣнигъ, не отрицая, конечно, того, что друзья эти жили уже въ плѣну вавилонскомъ, откуда возвратились въ отечество вмѣстѣ со своими соплеменниками ⁴⁾.

Возраженія эти для насъ уже далеко не новы: рѣшительно всѣ частные элементы ихъ были уже нами разсмотрѣны. Могъ ли писатель книги Даніиловой заимствовать имя

¹⁾ 1 Эдр. 8, 2; Неем. 10, 6.

²⁾ Bunsen Ernst. Die Einheit der Religionen. I. Band. Berlin. 1870. S. 506—508.

³⁾ Nöldeke Th. Die alttestamentliche Literatur. Leipzig. 1868. S. 229.

⁴⁾ König E. Einleitung in das Alte Testament. Bonn. 1893. S. 385, 391.

пророка Даніила изъ книги пророка Іезекіиля,—это мы видѣли при разборѣ теорій Гитцига и Корниля; а говоритъ ли онъ о тѣхъ четырехъ мужахъ, которые упоминаются въ книгахъ Эдры и Нееміи,—объ этомъ сказали по поводу гипотезъ де-Ветте, Блека, Фатке и Рима. Разница между взглядомъ послѣднихъ и предположеніемъ Нольдеке и Кѣнига состоитъ только въ томъ, что де-Ветте, Блекъ, Фатке и Римъ говорятъ исключительно объ *именахъ* Даніила и друзей его, подъ которыми будто-бы писатель книги Даніиловой вывелъ какихъ-то фантастическихъ лицъ; по Нольдеке же и Кѣнигу, писатель этотъ говоритъ именно объ указанныхъ современникахъ Эдры и Нееміи, т. е. объ историческихъ лицахъ, но исторію ихъ жизни передаетъ не исторически, потому что относить ихъ къ другому времени и другой обстановкѣ. Что же побудило писателя намѣренно извратить историческую дѣйствительность,—объ этомъ Нольдеке и Кѣнигъ не говорятъ ни слова. Въ виду такого характера ихъ теоріи, для которой и сами представители ея не могутъ или не хотятъ высказать какихъ-либо достаточныхъ хотя съ ихъ точки зрѣнія основаній, трудно даже высказать сужденіе о какомъ-либо ея достоинствѣ.

Для Эрнеста же Бунзена камнемъ преткновенія служить личность Дарія Мидянина, въ которомъ онъ, подобно Христіану Карлу Бунзену, видитъ Дарія Гистаспа, сходнаго съ нимъ по имени, да притомъ же еще дѣйствительно завоевавшего нѣкогда Вавилонъ, что приписывается въ книгѣ Даніиловой Дарію Мидянину. О неосновательности подобнаго отождествленія мы уже говорили при разборѣ теоріи Христіана Карла Бунзена. Дарій Мидянинъ и Дарій Гистаспъ—это совершенно различныя лица; послѣдній не былъ и не можетъ быть названъ „мидяниномъ“, такъ какъ къ Мидіи онъ не имѣетъ рѣшительно никакого отношенія; а первый есть дѣйствительно историческое лицо, мидійскій государь, предшественникъ Кира по управленію вавилонскимъ государствомъ, какъ это

увидимъ въ послѣдствіи. Въ виду этого и главное положеніе теоріи Эрнеста Бунзена не имѣетъ для насъ никакой цѣны. Данииль жилъ не при Даріѣ Гистаспѣ, а при Даріѣ Мидяннѣ, какъ и говоритъ о томъ извѣстная подъ его именемъ библейская книга;—былъ пророкъ вавилонскаго плѣна, а не послѣднѣйшій уже священникъ, да кромѣ того судья и членъ великой синагоги, какъ говоритъ о немъ Бунзенъ. Одно тожество именъ обоихъ историческихъ Даниловъ еще ничего не говоритъ; а различіе общественнаго положенія, сравнительныхъ заслугъ, условий дѣятельности того и другого—само собою говоритъ и о различіи самыхъ лицъ.

Мы покончили съ вопросомъ объ историческомъ существованіи пророка Даниила и времени его жизни. Путемъ анализа и критическаго разбора главнѣйшихъ основаній относящихся сюда теорій, мы дали посильное доказательство того, что теоріи эти вообще неосновательны и недоказательны и даже для самыхъ представителей ихъ иногда не восходятъ далѣе простой вѣроятности; очевидно, поэтому, что онѣ не въ силахъ подорвать историческаго достоинства книги Данииловой. Но этимъ только не исчерпывается подготовительная часть нашей работы. Положимъ, мы доказали, что пророкъ Данииль есть историческое лицо, что онъ жилъ именно въ вавилонскомъ плѣну,—не раньше и не позже; по дѣйствительно ли вся жизнь его сложилась такъ, какъ изображаетъ ее книга Даниилова? Дѣйствительно ли всѣ частныя эпизоды ея носятъ на себѣ такую же печать исторической достовѣрности, какую имѣетъ, судя по доказанному нами, общая идея этой книги? Нечего и говорить, насколько важенъ этотъ вопросъ самъ по себѣ. Въдѣ книга Даниилова есть единственный источникъ для жизнеописанія этого пророка; между тѣмъ, не смотря на ея богодухновенность и всѣми признаваемое каноническое достоинство, многіе не вѣрятъ этой книгѣ, а если и вѣрятъ, то только общей идеѣ ея, считая всѣ частности только вымыслами писателя, не имѣющими въ себѣ исторической

достоверности. Такъ смогрять, конечно, всѣ представители разобранныхъ нами теорій, которые, то отрицая безусловно историческое существованіе пророка Даниила, то перенося его во время раннѣйшее или позднѣйшее вавилонскаго плѣна, по необходимости должны отвергнуть историческую достовѣрность книги Данииловой, по крайней мѣрѣ, ея частнѣйшихъ эпизодовъ, всѣхъ хронологическихъ и топографическихъ датъ. Даже одинъ изъ нихъ—Кнобель, который, какъ мы видѣли, допускаетъ существованіе и „плѣннаго“ Даниила (наряду съ „доплѣннымъ“), и тотъ довѣряетъ только общей идеѣ книги Данииловой, на которой, какъ исторической основѣ, въ послѣдствіи, по его взгляду, возникъ сказочный, легендарный разсказъ, наполненный разнаго рода преувеличеніями, наростами, вымыслами досужей фантазіи писателя и т. п., и образовалъ въ концѣ концовъ такую смѣсь историческаго и мифическаго элемента, что разъединить то и другое рѣшительно невозможно ¹⁾. Совершенно такъ же смогрять на книгу Даниилову, называя ее то историческимъ романомъ, то фантастической легендой, Корроди ²⁾, Бергольдъ ³⁾, Кирмсъ ⁴⁾, Фирстъ ⁵⁾, Тиле ⁶⁾ и др., которые, правда, не высказываютъ опредѣленнаго взгляда на характеръ самой личности пророка Даниила, но, нужно думать, и не отрицаютъ вообще его историческаго существованія и именно въ эпоху вавилонскаго плѣна. При такомъ однако возрѣвніи на сущность книги Данииловой, по-

¹⁾ Knobel A. Der Prophetismus der Hebräer. II. Th. S. 390—401.

²⁾ Corrodi. Freimüthige Versuche über verschiedene in Theologie und biblische Kritik einschlagende Gegenstände. Berlin. 1783. S. 1.—Versuch einer Beleuchtung der Geschichte des jüdischen und christlichen Bibelkanons. B. I. Halle. 1792. S. 75—95.

³⁾ Bertholdt L. Daniel. I. Hälfte. Erlangen. 1806. S. 8—9.

⁴⁾ Kirms. Commentatio historico-critica, exhibens descriptionem et censuram recentiorum de Danielis libro opinionum. Jena. 1828. p. 6.

⁵⁾ Fürst J. Geschichte der biblischen Literatur. II. Band. 1870. S. 538.

⁶⁾ Tiele C. P. Babylonisch-assyrische Geschichte. I. Teil. 1886. S. 8.

нятно, нельзя сказать ничего определеннаго объ обстоятельствахъ жизни и дѣятельности самого Даніила: онъ представляется только пророкомъ вавилонскаго плѣна, пожалуй (по сужденіямъ болѣе умѣренныхъ критиковъ) воспитаннымъ при дворѣ и достигшимъ высокаго государственнаго положенія; но какъ все это случилось, какими слѣдствіями это сопровождалось,—остается неизвѣстнымъ; отъ цѣльнаго образа свѣтлой личности Даніила остается только скелетъ, а вся жизненность и весь интересъ ея пропадаютъ. Вотъ почему на историческій характеръ книги Даніиловой (въ полномъ ея составѣ) необходимо обратить должное вниманіе, чтобы имѣть затѣмъ полное право видѣть въ ней въ собственномъ смыслѣ *источникъ* для жизнеописанія пророка Даніила и на основаніи этого источника нарисовать какъ вообще среду, въ которой жилъ и дѣйствовалъ этотъ пророкъ, такъ въ частности дѣятельность Даніила и его значеніе въ исторіи богоизбраннаго народа.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Историческій характеръ книги Даніиловой, какъ источника для жизнеописанія сего пророка.

Что же въ сущности даетъ основаніе указаннымъ нами въ предшествующей главѣ представителямъ западной богословской науки отрицать достовѣрность книги пророка Даніила то въ цѣломъ ея объемѣ, то только въ ея частнѣйшихъ фактахъ и эпизодахъ?

Главнымъ образомъ, конечно, особенность содержанія этой книги, преимущественно обиліе чудеснаго элемента въ ней, обусловленная, въ свою очередь, исключительнымъ характеромъ дѣятельности самого пророка Даніила. Въ самомъ дѣлѣ, съ чисто внѣшней стороны пророкъ этотъ рѣзко обособляется отъ всѣхъ другихъ пророковъ, какихъ обыкновенно привыкли видѣть іудеи, какимъ былъ, напр., и Іезекииль, жившій одновременно съ Даніиломъ же въ вавилонскомъ плѣну. Обыкновенно пророки іудейскіе жили среди своихъ же соплеменниковъ; ихъ они непосредственно учили, среди нихъ были то священниками, то руководителями, то вообще вѣстниками воли Божіей, посредниками между Иеговою и Его народомъ; во время же общественныхъ бѣдствій, въ разсѣяніи, въ плѣну пророки являлись сильнымъ объединяющимъ звеномъ, по крайней мѣрѣ, лучшей части Израиля, центромъ, отъ котораго исходило или вокругъ котораго вращалось и народное учительство, и религіозныя проявленія, и общественное управленіе. Такое значеніе имѣла дѣятельность и пророка Іезекииля среди вавилонскихъ плѣнниковъ-іудеевъ. Между тѣмъ, дѣятельность Даніила въ томъ-же Вавилонѣ идетъ совершен-

Св. пророкъ Даніиль.

но другимъ путемъ: онъ—одинъ изъ первыхъ сановниковъ языческихъ государей, живетъ во дворцѣ, изучаетъ „мудрость халдейскую“, занимается вавилонскими государственными дѣлами и т. д. Другіе пророки говорятъ вообще объ Израилѣ, Иерусалимѣ, храмѣ, жертвахъ; судьбы же языческихъ народовъ они касаются лишь постольку, поскольку она связана съ судьбою народа Божія. Между тѣмъ, религиозно-политическій кругозоръ пророка Даниила несравненно шире: указывая въ своихъ пророчествахъ на постепенное приближеніе мессіанскаго царства, какъ царства, притомъ, вѣчнаго и всеобщаго, онъ изображаетъ политическую судьбу міровыхъ языческихъ монархій, какъ средоточія общественной жизни домессіанскаго человѣчества, и говоритъ о постепенной смѣнѣ ихъ, заканчиваемой наступленіемъ и господствомъ мессіанскаго царства¹⁾. Вотъ почему насколько другіе пророки были іудейскими въ собственномъ смыслѣ этого слова, настолько же Даниилъ былъ пророкомъ всего современнаго ему человѣчества и даже преимущественно языческаго. Но не потому ли талмудъ отрицаетъ даже пророческое достоинство Даниила²⁾? Не потому ли и указанные нами западные богословы хотятъ превратить исторію жизни пророка Даниила въ легенду или романъ, навязываютъ писателю его книги разнаго рода политическія тенденціи, а въ каждомъ историческомъ ея разсказѣ видятъ аллегорическое или символическое изображеніе позднѣйшихъ событій, примѣръ чего мы уже видѣли въ теоріи Христіана Карла Бунзена? На распространеніе такого рода воззрѣнія на книгу Даниилу имѣлъ особенно вліяніе своеобразный взглядъ большинства протестантскихъ богослововъ на время составленія этой книги. Изъ сказаннаго нами въ предшествующей главѣ можно было ви-

¹⁾ Указываемъ только на чисто-внѣшнія черты отличія дѣятельности и ученія пророка Даниила отъ другихъ ветхозавѣтныхъ пророковъ.

²⁾ *Wünsche* A. Der babylonische Talmud. I. Halbband. Leipzig. 1886. S. 489.

дѣтъ, что самое появленіе книги представители разобранныхъ тамъ теорій относятъ ко времени далеко позднѣйшему вавилонскаго плѣна: писатель ея, воспользовавшійся будто-бы то отзвонкомъ о Даниилѣ Іезекиіля, то устнымъ преданіемъ о Даниилѣ, то какой-то „сагой“ о немъ, переходившей изъ устъ въ уста, отъ поколѣнія къ поколѣнію, долженъ былъ жить и писать свою книгу гораздо позже и вавилонскаго плѣна, и самого Іезекиіля. Такимъ временемъ, къ которому можно будто-бы приурочить происхожденіе книги Данииловой, признаютъ время Маккавеевъ, приблизительно за полтора вѣка до Р. Хр.; писателемъ же ея считаютъ, конечно, не Даниила, а какого-то іудея, жившаго въ эту эпоху. При такомъ воззрѣніи на время происхожденія и личность писателя книги Данииловой, естественно, является самый широкій просторъ для какихъ-угодно сужденій и относительно самыхъ описываемыхъ въ ней лицъ и событій: въ самомъ дѣлѣ, если книга написана спустя 400 лѣтъ послѣ плѣна, о которомъ она говоритъ,—написана какимъ-то іудеемъ, который неизвѣстенъ даже по имени¹⁾, а тѣмъ болѣе по своимъ религиозно-нравственнымъ качествамъ (хотя и опредѣляютъ его словомъ „какой-то благочестивый іудей“), по своему общественному положенію, по своему значенію въ исторіи народа Божія,—то почему не можетъ зарониться въ насъ сомнѣніе, правду ли сообщаетъ этотъ писатель, дѣйствительно ли онъ передаетъ исторію того, что было съ евреями въ Вавилонѣ, дѣйствительно ли даже существовалъ самъ пророкъ Даниилъ, по крайней мѣрѣ, въ это время? Если даже писатель книги излагаетъ обстоятельства жизни историческаго Даниила вполне согласно съ дошедшимъ до него преданіемъ или, допустимъ,

¹⁾ Кажется, одинъ только Гитдигъ называетъ этимъ писателемъ опредѣленное лицо,—именно первосвященника Оніу IV, бѣжавшаго въ Египетъ и тамъ будто-бы написавшаго нашу книгу Даниилу.—*Hitzig* F. Kurzfassetes exegetisches Handbuch z. A. T. X. Lief. S. X.

„сагою“ объ этомъ пророкѣ, то не превратилось ли само преданіе, въ теченіе 400 лѣтъ своего существованія среди родовъ и поколѣній іудейскаго народа, въ легенду, далеко отстоящую по своей правдоподобности отъ дѣйствительной исторіи жизни и дѣятельности пророка, хорошо извѣстной, конечно, плѣнникамъ вавилонскимъ? Всѣ эти вопросы весьма естественны,—между тѣмъ рѣшеніе ихъ существенно важно для насъ; и рѣшеніе это зависитъ всецѣло отъ такой или иной постановки вопроса о времени составленія и писателѣ книги Даниловой. Вопросомъ о времени составленія книги мы и должны пока занять наше вниманіе; рѣшеніе его поведетъ къ болѣе или менѣе опредѣленному сужденію о писателѣ книги Даниловой, а отсюда уже достаточно будетъ видна и историческая достовѣрность ея.

Въ рѣшеніи вопроса о времени происхожденія книги Даниловой мы встрѣчаемся съ двумя противоположными взглядами: по одному, книга эта написана въ плѣну вавилонскомъ, при жизни самого пророка Даниила; по другому—въ Палестинѣ, во время Автіоха Епифана и Маккавеевъ, между 170 и 164 г. до Р. Хр.¹⁾ Послѣдній взглядъ весьма распространенъ особенно среди представителей протестантскаго богословія и съ каждымъ годомъ приобрѣтаетъ себѣ все болѣе и болѣе сторонниковъ²⁾. Другихъ сужденій по тому-же

¹⁾ Разногласія защитниковъ послѣдняго взгляда при точномъ опредѣленіи самаго года написанія книги Даниловой, тоже не незначительны.

²⁾ Первымъ выразителемъ и защитникомъ его былъ знаменитый Порфирій (Библиотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ. Книга 21. Твор. бл. Иеронима, ч. 12. Кіевъ. 1894. Стр. 1). За нимъ постепенно слѣдуютъ: Spinoza (Tractatus theologico-politicus. Hamburgi. 1670. P. 132), Corrodi (Freimüthige Versuche über verschiedene in Theologie und bibl. Kritik einschlagende Gegenstände. S. 1), Bertboldt (Daniel. I. Hälfte. S. 22—40), Griesinger (Neue Ansicht der Aufsätze im Buche Daniel. Stuttg. u. Tüb. 1815), Kirms (Commentatio historico-critica, exh. descriptionem et censuram recentiorum de Dan. libro opinionum), Lengerke (Das Buch Daniel. S. LII—LXXXII; CI), Knobel (Der Prophetismus d. Hebräer. II. Th. S. 396), Hitzig (Kurzf.

вопросу не видно. Выборъ, слѣдовательно, остается только между двумя указанными взглядами,—положительнымъ и отрицательнымъ: книга пророка Даниила написана или при жизни самого пророка, или же 400 лѣтъ спустя, въ эпоху маккавейскую. Мы достигнемъ, конечно, своей цѣли, если намѣтимъ основанія, которыя бы неопровержимо говорили въ пользу вавилонскаго именно происхожденія книги Даниловой, и представимъ возраженія противъ доводовъ, приводимыхъ защитниками маккавейскаго происхожденія ея.

Совершенно естественно начать съ послѣдняго. Что, въ самомъ дѣлѣ, даетъ основаніе сторонникамъ маккавейскаго

exeg. Handbuch z. A. T. X. Lief. S. X), Fritzsche (Kurzf. exegetisches Handbuch zu den Apokryphen des A. T. 1. Lieferung. Leipzig. 1851. S. 111), Lücke (Versuch einer vollständigen Einleitung in die Offenbarung des Johannes. 2. Aufl. Bonn. 1852. S. 41), Eisenlohr (Das Volk Israel unter der Herrschaft der Könige. II. Theil. Leipzig. 1856. S. 369), Meier (Geschichte d. poetischen National-Literatur d. Hebräer. S. 252), Hilgenfeld (Die jüdische Apokalyptik. Iena. 1857. S. 19), Bunsen Chr. C. (Gott in der Geschichte. I. Th. S. 302—304), Stähelin (Specielle Einleitung in die kanon. Bücher d. A. T. Elberfeld. 1862. S. 346—351), Herzfeld (Geschichte des Volkes Israel. 2. Ausg. B. I n. II. Leipzig. 1863. S. 419), Baxmann (Über das Buch Daniel. Theolog. Stud. n. Krit., 1863, S. 452—532), Ewald (Geschichte d. Volkes Israel. IV. B. S. 394), Hausrath (Geschichte d. alttest. Literatur. S. 120), Weber (Geschichte d. Volkes Israel. I. B. S. 455), Nöldeke (Die alttest. Literatur. S. 223), Graf (Schenkel's Bibel-Lexikon. I. B. S. 569), de-Wette (Lehrbuch d. hist.-krit. Einleitung in d. kanon. u. apokr. Bücher d. A. T. S. 507), Bunsen E. (Die Einheit d. Religionen. I. B. S. 503—507), Reuss (Die Geschichte d. heil. Schriften A. T. 3. 576—579), Ledrain (Histoire d'Israel. II partie. Paris. 1882. P. 167—168), Riehm (Handwörterbuch des Bibl. Altertums. I. B. Bielefeld u. Leipzig. 1884. S. 255), Piepenbring (Théologie de l'ancien testament. Paris. 1886. P. 293), Bleek (Einleitung in d. A. T. S. 440), Vatke (Hist.-krit. Einl. in d. A. T. S. 665, 667), Stade (Geschichte des Volkes Israel. II. Band. Berlin. 1888. S. 323), Schürer (Geschichte d. jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi. 2. Aufl. I. Th. Leipzig. 1890. S. 155. II. Theil. 1886. S. 613), Klenen (Hist.-krit. Einleitung in d. Bücher d. A. T. II. Th. S. 473—475, 483), Cornill (Grundriss der theol. Wissenschaften. II. Th. I. 3. S. 260), Renan (Histoire du peuple d'Israel. T. IV. P. 343), Kamp-hansen (D. Buch Daniel. S. 2, 37, 38), König (Einleitung in d. A. T. S. 382, 390, 391) и др.

происхожденія книги Даниловой относить ее къ этой именно эпохѣ, а не ко времени плѣна вавилонскаго? Прежде всего, мѣсто книги Даниловой въ іудейскомъ канонѣ, гдѣ она помѣщается не среди пророческихъ книгъ, а въ третьемъ отдѣлѣ канона, въ ряду такъ называемыхъ „писаній“ (ketubim¹⁾) или агіографовъ, да и среди нихъ занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ²⁾. Это указываетъ, говорятъ, на происхожденіе книги уже въ позднѣйшее время, когда рядъ пророческихъ книгъ былъ законченъ и образовалъ особую часть канона. На самое возникновеніе ветхозавѣтнаго канона защитники такого возрѣнія—Бертольдъ³⁾, де-Ветте⁴⁾, Рейсъ⁵⁾ и др.—смотрятъ слишкомъ уже механически: въ первую часть канона собиратели его, говорятъ они, внесли Пятикнижіе Моисеево; во вторую—писанія пророческія, откуда и вся эта часть канона получила названіе „пророковъ“; къ „пророкамъ“ же отнесли книги І. Навина, Судей и Царствъ, потому что третьей части канона еще не существовало; по появленіи же позднѣйшихъ книгъ составили изъ нихъ третью часть канона—„писанія“, куда, какъ позднѣйшая, вошла и книга Данилова. Проводить такой взглядъ на происхожденіе ветхозавѣтнаго канона нѣтъ никакихъ основаній. Почему, въ самомъ дѣлѣ, можно было внести въ разрядъ „пророковъ“ книги І. Навина, Судей и Царствъ, а нѣсколько позже нельзя было уже присоединить къ нимъ чисто-пророческую книгу Данилову? Чѣмъ ограждена была вторая часть канона отъ при-

¹⁾ Известно дѣленіе у евреевъ канона священныхъ книгъ на „законъ“ (תורה—*tora*), „пророковъ“ (נביאים—*nebiim*) и „писанія“ (כתובים—*ketubim*).

²⁾ Рядъ агіографовъ, по талмуду, слѣдующій: книга Руѣв, Псалтирь, Іова, Притчи, Екклесіастъ, Пѣснь пѣсней, Плачь, Даниила, Эсфирь, Эздры и Паралипомевонъ (*Wünsche A. Der babylouische Talmud. II. Halbb., 2. Abth. Leipzig. 1888. S. 139.*)

³⁾ *Bertholdt. Daniel. I. Hälfte. S. 90—92.*

⁴⁾ *De-Wette. Lehrbuch d. hist.-krit. Einleitung in d. Bücher d. A. T. S. 501, 29.*

⁵⁾ *Reuss. Die Geschichte d. heil. Schriften A. T. S. 577-*

внесенія въ нее новыхъ книгъ? Какъ будто не оказалось мѣста для книги Даниловой? Вѣроятно, не это, а что-нибудь другое послужило причиной такого явленія. Да и ничѣмъ нельзя доказать, что агіографы—это позднѣйшія произведенія священной письменности. Самое слово *ketubim* (כתובים отъ כָּתַבъ) значитъ именно „писанія“, извѣстный родъ письменности, отличный отъ „закона“ или „пророковъ“. Въ новомъ завѣтѣ эти „писанія“ называются „псалмами“¹⁾. Не значитъ ли это, что псалмы были въ „писаніяхъ“ центромъ, вокругъ котораго группировались другія привнесенныя сюда священные произведенія, точно такъ, какъ и пророческія книги дали названіе второй части канона—„пророкамъ“. Но ни откуда не видно, чтобы священные книги, входящія въ разрядъ „писаній“, были именно позднѣйшими по времени происхожденія книгами: книга Руѣв, напр., и Псалтирь сравнительно ранняго происхожденія; Плачь Іереміинъ, конечно, современенъ самой книгѣ Іереміинной, а между тѣмъ послѣдняя внесена въ разрядъ „пророковъ“, въ то время какъ Плачь—въ „писанія“. Чѣмъ это объяснить? Не указываетъ ли послѣдній примѣръ на то, что Плачь не по времени происхожденія, а по чему-то другому отличенъ отъ пророческой книги Іереміинной и не могъ быть внесенъ въ разрядъ „пророковъ“? Не въ силу ли особыхъ внутреннихъ побужденій присоединили къ „писаніямъ“ (а не „пророкамъ“) и книгу Данилову? Нельзя не прибавить здѣсь, что привнесеніе или, лучше, перенесеніе этой книги въ разрядъ „писаній“ принадлежитъ, кажется, только позднѣйшему времени,—позднѣйшему самаго принятія этой книги въ канонъ. Вѣдь въ александрійскомъ переводѣ LXX (а отсюда—и въ нашемъ славянскомъ) книга Данилова помѣщается въ ряду пророческихъ книгъ, послѣ книги Іезекіиля. Такъ же помѣщаетъ ее Іосифъ Флавій, когда опредѣляетъ число входившихъ въ

¹⁾ Лк. 24, 44.

канонъ священныхъ книгъ и раздѣляетъ ихъ на три группы: пять книгъ Моисеевыхъ, тринадцать пророческихъ, содержащихъ исторію народа Божія отъ кончины Моисея до правленія Артаксеркса, царя персидскаго, и четыре остальные книги, содержащія священныя пѣсни Богу и наставленія для жизни людямъ¹⁾; во второй разрядъ книгъ онъ включаетъ, несомнѣнно, и книгу пророка Даниила, котораго называетъ „однимъ изъ великихъ пророковъ“²⁾; потому что въ разрядъ четырехъ книгъ „писаній“, о которыхъ Флавій говоритъ, включить эту книгу никоимъ образомъ нельзя. Не указываетъ ли это обстоятельство на то, что и у евреевъ книга Даниилова помѣщалась нѣкогда среди пророческихъ книгъ, а въ разрядъ „писаній“ перенесена талмудистами позже? Вѣдь талмудъ, какъ мы упоминали, не считаетъ Даниила даже пророкомъ, а его книгу, слѣдовательно, пророческою въ собственномъ смыслѣ этого слова. Дѣйствительно, не говоря уже объ исключительномъ характерѣ дѣятельности Даниила, и пророчества его значительно разнятся отъ пророчествъ другихъ пророковъ: они облечены въ форму возвышенныхъ видѣній, смыслъ которыхъ высокъ и глубокъ и для непосредственнаго сознанія мало доступенъ; объясненіе ихъ должно было быть „запечатано до послѣдняго времени“³⁾. У другихъ пророковъ этого не видно. Совершенно естественно было выдѣлить книгу Даниилову изъ ряда собственно-пророческихъ книгъ и помѣстить ее наряду, напр., съ Псалмами, Притчами, Пѣснью пѣсней, произведеніями благочестивыхъ мужей,—пророковъ по духу, чего, конечно, талмудисты не отрицали и въ Даниилѣ. Не имѣло ли при этомъ косвеннаго вліянія и то обстоятельство, что часть книги Данииловой написана на арамейскомъ языкѣ? Талмудисты при своихъ исключительныхъ воззрѣніяхъ могли на этомъ основаніи помѣстить ее наряду

¹⁾ Иосифъ Флавій. О древностяхъ противъ Алліона. Кн. I. Стр. 350—351.

²⁾ I. Флавій. Древности іудейскія. Ч. II. Стр. 168.

³⁾ Дан. 12, 4.

съ книгой Эздры, нѣкоторые отрывки которой написаны тоже по арамейски. Не имѣетъ, поэтому, значенія ссылка указанныхъ нами западныхъ богослововъ на мѣсто книги Данииловой въ ряду агіографовъ, такъ какъ оно нисколько не говоритъ въ пользу позднѣйшаго, маккавейскаго происхожденія этой книги: если стать на своеобразную точку зрѣнія этихъ критиковъ и признать какой-то хронологическій порядокъ священныхъ книгъ ветхозавѣтнаго канона, тогда придется отнести къ маккавейскому же, а пожалуй и еще позднѣйшему времени книги Эсфирь, Эздры и Паралипоменонъ, что, конечно, немыслимо.

Затѣмъ, противъ домаккавейскаго существованія книги Данииловой указываютъ на то, что Сирахъ въ своемъ пространномъ перечнѣ знаменитыхъ мужей древности совершенно не упоминаетъ о пророкѣ Даниилѣ¹⁾; а это будто-бы свидѣтельствуется о томъ, что при составленіи книги Сираховой²⁾ Данииловой книги еще не существовало³⁾. Дѣлать такой выводъ, во всякомъ случаѣ, слишкомъ поспѣшно. Если обратимъ вниманіе на самый рядъ именъ прославляемыхъ Сирахомъ (гл. 44—49) праведниковъ, то увидимъ, что здѣсь превозносятся преимущественно мужи, дѣйствовавшіе непосредственно среди народа Божія, его національные дѣятели. Но это не все. Замѣчательно, что Сирахъ ни слова не говоритъ, напр., о царѣ Іосафатѣ, Эздрѣ, Мардохеѣ и др., между тѣмъ какъ превозноситъ похвалами Іосію, Зоровавеля, Иисуса, сына Іоседекова, и Неемію; пропускъ Эздры (конечно, болѣе зна-

¹⁾ Сир., гл. 49. См. стихи 10—13: переходъ отъ Іезекіили и двѣнадцати пророковъ прямо къ Зоровавелю.

²⁾ Приблизительно въ началѣ III в. до Р. Хр.

³⁾ Указываемыя нами возраженія принадлежатъ въ большей или меньшей мѣрѣ вообще защитникамъ маккавейскаго происхожденія книги Данииловой, которые то высказываютъ ихъ самостоятельно, то ссылаются другъ на друга. Называть поименно представителей такого или иного воззрѣнія значило-бы повторять одинъ и тотъ-же рядъ именъ, приведенныхъ нами выше.

менитаго въ исторіи народа израильскаго, чѣмъ Зоровавель), да еще наряду съ восторженною рѣчью о Нееміи—особенно непонятенъ; а между тѣмъ книга Эздры въ то время, несомнѣнно, существовала, такъ же, какъ и книга Нееміи,—и объяснять этотъ пропускъ незнаніемъ или отсутствіемъ книги Эздры нельзя. Какіе въ частности мотивы этого пропуска,—трудно сказать, но они-то, конечно, не случайны, какъ не случаенъ пропускъ и имени Даниила. Но выводитъ отсюда, что книги Данииловой во время Сираха еще не существовало,—логически невозможно. Собственно говоря, молчаніе это могло-бы говорить не противъ существованія книги Данииловой, а противъ существованія самого Даниила (а вмѣстѣ съ нимъ и Эздры, Мардохея и др.); но такое заключеніе, конечно, немыслимо. Между тѣмъ, что книга Даниилова во время Иисуса, сына Сирахова, уже существовала,—мало того,—что онъ имѣлъ ее подъ руками и пользовался ею,—на это есть ясный намекъ: ученіе его о „вождяхъ“ cadaго народа¹⁾ предполагаетъ собою знакомство съ мѣстами книги Данииловой объ ангелахъ или „князьяхъ“ царствъ и народовъ²⁾; замѣчаніе о преемственной смѣнѣ міровыхъ монархій³⁾ напоминаетъ пророчество Даниила о томъ-же⁴⁾.

Несостоятельно также и возраженіе, будто у послѣднѣйшихъ пророковъ (Аггея, Захаріи и Малахіи) не видно никакихъ слѣдовъ знакомства ихъ съ книгой Даниила,—иначе оно имѣло-бы сильное вліяніе на ихъ мессіанскія воззрѣнія. Слѣды этого знакомства есть въ книгѣ пророка Захаріи: нѣкоторыя мѣста его настолько темны, что объясняются только при сопоставленіи ихъ съ соответствующими пророчествами книги Данииловой, которыя, очевидно, они предполагаютъ, какъ уже извѣстныя, и на которыя дѣлаютъ

¹⁾ Сир. 17, 14.

²⁾ Дан. 10, 13. 20, 21; 12, 1.

³⁾ Сир. 10, 8.

⁴⁾ Дан. 2, 37—45.

тонкіе намеки. Таково, напр., видѣніе Захаріи о 4 рогахъ¹⁾, означающихъ собою тѣ „роги, которые разбросали Іуду, Израиля и Іерусалимъ“, и еще яснѣе—„роги народовъ, поднявшихъ рогъ свой противъ земли Іуды, чтобы разсѣять ее“²⁾. Не трудно усмотрѣть здѣсь тѣже 4 царства, владычествовавшія преемственно надъ іудеями, о которыхъ говоритъ пророкъ Данииль³⁾. Но еще яснѣе видна связь пророчествъ Захаріи и Даниила о томъ-же предметѣ изъ другого видѣнія пророка Захаріи—о 4 колесницахъ съ различными въ каждой конями: въ первой—рыжими, во второй—вороними, въ третьей—бѣлыми и въ четвертой—пѣгими⁴⁾. Эти четыре колесницы, параллельныя четыремъ вѣтрамъ небеснымъ⁵⁾, указываютъ на тѣже 4 царства Данииловы. Самые цвѣта коней представляютъ собою нѣкоторую аналогію съ тѣми образами, въ которыхъ изображаетъ свои царства пророкъ Данииль: рыжій цвѣтъ коней первой колесницы своимъ золотистымъ отблѣскомъ указываетъ на первое, „золотое“ царство Даниила⁶⁾; вороной и бѣлый цвѣтъ коней второй и третьей колесницы своею полною цвѣтовою противоположною параллельны противоположнымъ символамъ втораго и третьяго царства у Даниила: малоподвижному медвѣдю и быстрому барсу⁷⁾ или овну и козлу⁸⁾; кони четвертой колесницы своимъ пѣгимъ или пестрымъ цвѣтомъ указываютъ на четвертое царство Даниилово,—царство раздѣленное само въ себѣ, двухсоставное⁹⁾; кони эти стремятся пройти всю землю и дѣйствительно проходятъ ее¹⁰⁾;

¹⁾ Зах. 1, 18—21.

²⁾ Зах. 1, 19, 21.

³⁾ Дан. 2, 37—45.

⁴⁾ Зах. 6, 1—8.

⁵⁾ Зах. 6, 5.

⁶⁾ Дан. 2, 38.

⁷⁾ Дан. 7, 5—6.

⁸⁾ Дан. 8, 3—7. 20—21.

⁹⁾ Дан. 2, 33. 41—42.

¹⁰⁾ Зах. 6, 7.

это—символь четвертаго царства, которое будетъ поирать и разрушать всю землю ¹⁾). Аналогія между пророчествами Даниила и Захаріи естественная; но зависимость должна быть приписана, во всякомъ случаѣ, послѣднему: видѣнія Даниила болѣе связаны съ обстоятельствами его жизни и дѣятельности, чѣмъ у Захаріи; сами въ себѣ они иногда содержатъ и объясненіе своихъ таинственныхъ символовъ; у Захаріи же болѣе отвлеченности и темноты, предполагающей въ читателяхъ знакомство съ прежними, Данииловыми пророчествами, въ связи съ которыми и сами они дѣлаются болѣе удобопонятными. Замѣчательно еще то, что пророкъ Захарія въ томъ же видѣніи о 4 колесницахъ, намѣтивши четыре символа четырехъ царствъ, вслѣдъ затѣмъ символъ перваго царства оставляетъ безъ вниманія, а указываетъ пути, по которымъ идутъ кони вороные, бѣлые и пѣгіе, какъ будто рыжіе кони закончили уже свое теченіе и не могутъ болѣе служить предметомъ пророчества. Не потому ли это, что вавилонское царство, которое для Даниила было настоящимъ, а пожалуй и будущимъ и входило въ кругъ его пророчествъ, во времена Захаріи отошло уже въ область прошедшаго, такъ что пророчество о немъ было-бы совершенно неумѣстно? При такомъ пониманіи легко объясняются и другія пророчества Захаріи о трехъ уже царствахъ, которыя онъ выводитъ подъ образами то коней различныхъ цвѣтовъ ²⁾, то трехъ пастырей, истребляемыхъ въ одинъ мѣсяць ³⁾. Едва ли вообще можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что пророкъ Захарія пользовался книгой Даниила и прикровенно указывалъ на содержащаяся въ ней пророчества.

Если разобранныя нами возраженія противъ домаккавейскаго происхожденія книги Данииловой не вполне основательны,

¹⁾ Дан. 2, 40; 7, 7. 23.

²⁾ Зах. 1, 8—17

³⁾ Зах. 11, 8.

то, съ другой стороны, нѣтъ недостатка и въ положительныхъ доказательствахъ въ пользу вавилонскаго именно происхожденія этой книги. О немъ говорить, прежде всего, принятіе ея въ канонъ ветхозавѣтныхъ книгъ, такъ какъ канонъ этотъ сложился сравнительно рано, еще задолго до временъ Маккавеевъ. Вопросъ о происхожденіи канона, правда, довольно сложный и при рѣшеніи его трудно избѣжать нѣкоторыхъ недоумѣній. Иудейская синагога и древняя христіанская церковь относятъ возникновеніе и окончательное заключеніе канона ко времени Эздры и Нееміи, вождей и руководителей народа іудейскаго въ начальные годы его послѣдильной исторіи, и пророковъ Аггея, Захаріи и Малахіи; главное участіе въ дѣлѣ составленія и заключенія канона свящ. книгъ принималъ, нужно думать, самъ Эдра, священникъ и книжникъ, „свѣдущій въ законѣ Моисеевомъ“ ¹⁾. Впрочемъ, нѣкоторые изъ протестантскихъ богослововъ, не отрицая того, что начало составленія канона принадлежитъ времени Эздры и Нееміи, самый процессъ этого составленія растягиваютъ на весьма продолжительное время. Съ такого рода теоріей (Бертольда, де-Ветте и Рейса) мы имѣли уже случай познакомиться. Это гипотеза такъ называемаго постепеннаго образованія канона, думающая найти для себя оправданіе въ самомъ дѣленіи канона на три части, въ основѣ котораго будто-бы лежитъ хронологически-постепенное привнесеніе или присоединеніе къ каноническому сборнику позднѣйшихъ книгъ. Окончательное же завершеніе ветхозавѣтнаго канона де-Ветте относитъ, напр., къ маккавейскимъ временамъ (приблизительно къ 150 г. до Р. Хр. ²⁾), а Гильгенфельдъ ³⁾, Деличъ ⁴⁾, Ширеръ ⁵⁾, Буль ⁶⁾, Виль-

¹⁾ 1 Эзар. 7, 6. 11.

²⁾ De-Wette. Lehrbuch d. hist.-krit. Einleitung in d. Bücher d. A. T. S. 25.

³⁾ Dillmann. Ueber Bildung des alttestamentlichen Canons. Doruer's Jahrbücher, 1858. S. 488.

⁴⁾ Delitzsch. Talmud. Studien. Zeitschrift für luth. Theologie, 1854. S. 212.

⁵⁾ Schürer. Geschichte des jüdischen Volkes. II. Th. S. 250.

⁶⁾ Buhl F. Kanon und Text des Alten Testamentes. Leipzig. 1891. S. 19.

дебоеръ¹⁾—даже во времени Иосифа Флавия (I в. по Р. Хр.). Такого рода соображенія защитниковъ теоріи постепеннаго образованія канона, какъ мы уже видѣли, лишены серьезныхъ основаній. Противъ нихъ говоритъ самое раздѣленіе канона на „законъ“, „пророковъ“ и „писанія“, которое обусловливается вовсе не какимъ-то хронологическимъ распредѣленіемъ ветхозавѣтныхъ книгъ по трѣмъ эпохамъ, на чемъ зиждется, собственно говоря, и самая теорія, а тройкаго рода содержаніемъ и значеніемъ священныхъ книгъ; это очевидно уже изъ того, что нѣкоторыя книги, составленныя въ одно и тоже время, даже принадлежащія одному и тому-же писателю, но разнородныя по содержанію (наприм., книга пророка Іереміи и Плачъ Іереміинъ) отнесены къ различнымъ частямъ канона. Основанія, приводимыя защитниками позднѣйшаго происхожденія ветхозавѣтнаго канона, тоже не говорятъ въ ихъ пользу. Ссылка ихъ на 8—10 главы книги Нееміи, гдѣ Эзра читаетъ народу законъ Моисеевъ и вмѣстѣ съ соотечественниками даетъ клятву въ исполненіи его, вовсе не говоритъ о томъ, что другія свящ. книги въ то время еще не были соединены съ Пятокнижіемъ въ одинъ сборникъ, потому что и пророки призываютъ народъ къ исполненію именно *закона*, какъ основы теократіи²⁾, а сами только объясняютъ его,—и въ эпоху маккавейскую говорятъ объ исполненіи именно *закона*³⁾, хотя этимъ не исключается существованіе наряду съ закономъ и богодухновенныхъ пророческихъ книгъ. Все это говоритъ только объ исключительномъ значеніи закона Моисеева въ религиозно-нравственной жизни іудейскаго общества, въ силу чего законъ и выдѣленъ былъ въ особую часть канона. Еслибы Эзра счелъ необходимымъ прочитать народу существовавшія въ его время историческія и пророческія книги ветхаго завѣта, на бого-

¹⁾ *Wildeboer* G. Die Entstehung des Alttestamentlichen Kanons. Gotha. 1891. S. 134—136.

²⁾ Ис. 8, 20; Мал. 4, 4.

³⁾ 1 Макк. 2, 21. 26. 27; 3, 21 и др.

духовенность которыхъ указываетъ какъ онъ самъ, такъ и современныя ему свящ. писатели¹⁾, онъ, конечно, прочелъ-бы ихъ, независимо отъ того, были ли эти книги фактически приняты въ канонъ свящ. книгъ или еще нѣтъ. Равнымъ образомъ, замѣчаніе 2 книги Маккавейской, что Неемія „для составленія библіотеки собралъ сказанія о царяхъ и пророкахъ и о Давидѣ и письма царей о священныхъ приношеніяхъ“²⁾, говоритъ только въ пользу того, что составленіе канона принадлежитъ если не самому Нееміи, то во всякомъ случаѣ его времени: самъ Неемія былъ занятъ преимущественно постройками и упорядоченіемъ внѣшняго благосостоянія народа іудейскаго³⁾, такъ что особенно выдающагося участія въ дѣлѣ составленія канона, какъ и вообще въ удовлетвореніи духовно-нравственныхъ потребностей народа, онъ принимать не могъ; тѣмъ не менѣе, въ силу извѣстнаго намъ стремленія его обосновать гражданскій бытъ народа на общихъ теократическихъ началахъ⁴⁾, отрицать возможность факта составленія имъ „библіотеки“ изъ свящ. книгъ нѣтъ основаній. „Библіотека“ эта не была, конечно, „канономъ“: она содержала въ себѣ „сказанія о царяхъ (книги Царствъ и Паралипоменонъ) и пророкахъ (пророческія книги) и о Давидѣ (вѣроятно, Псалтирь) и письма царей о священныхъ приношеніяхъ (посланія персидскихъ царей отъ Кира до Артаксеркса о приношеніяхъ въ пользу іудейскаго храма, содержащіяся и въ книгахъ Эдры и Нееміи)“. Пятокнижіе Моисеево и нѣкоторыя другія священные книги, какъ видно, не входили въ этотъ сборникъ; но выводъ отсюда, что онѣ и къ канону были присоединены уже впоследствии,—положительно несправедливо: если что, то именно Пятокнижіе должно было стать краеугольнымъ камнемъ

¹⁾ Зах. 1, 4; Неем. 9, 26. 29. 30.

²⁾ 2 Макк. 2, 13.

³⁾ Неем., гл. 2—7.

⁴⁾ Неем., гл. 13.

канона какъ по времени своего происхожденія, такъ и по своему общественному значенію; иначе необъяснимо отношеніе къ закону Эздры, сподвижника Нееміи, и его современниковъ, о чемъ мы недавно говорили. Можно думать, что сама „библиотека“ Нееміи имѣла характеръ частнаго собранія, пролагавшаго, однако, путь къ составленію и завершенію сборника богодухновенныхъ книгъ или „канона“.

Мы не лишены, притомъ, возможности на основаніи фактическихъ положительныхъ данныхъ намѣтить извѣстный историческій пунктъ, послѣ котораго существованіе канона представлялось-бы дѣломъ несомнѣннымъ. Обратимъ вниманіе, прежде всего, на свидѣтельство Іосифа Флавія: „у насъ не десятки тысячъ книгъ, несогласныхъ между собою и противорѣчащихъ одна другой, а только двадцать двѣ книги, содержащія запись всего времени, по справедливости признаваемыя божественными: и изъ нихъ пять Моисеевыхъ, которыя содержатъ въ себѣ законы и преданіе о человѣческомъ родѣ съ начала до кончины Моисея. Сіе время немного меньше трехъ тысячъ лѣтъ; отъ кончины же Моисея до правленія Артаксеркса, преемника Ксеркса, царя персидскаго, пророки, бывшіе послѣ Моисея, описали совершившееся въ ихъ время въ тринадцати книгахъ; остальные же четыре содержатъ пѣсни Богу и наставленія для жизни людямъ. Отъ Артаксеркса же до нашего времени хотя каждое событіе было записано, но не одинаковой вѣры удостоилось въ сравненіи съ прежними писаніями, поелику не стало постоянного преемства пророковъ. Изъ самаго дѣла ясно, какъ мы вѣримъ нашимъ писаніямъ: ибо, тогда какъ уже столько времени прошло, никто не дерзнулъ ни приложить что-либо къ нимъ, ни отнять отъ нихъ, ни перемѣнить въ нихъ“¹⁾. Это мѣсто Флавія говоритъ само за себя. Здѣсь авторъ проводитъ рѣзкую границу между свящ. книгами, написанными до царствованія Артаксеркса,

¹⁾ Іосифъ Флавій. О древностяхъ противъ Аппіана. Кн. I. Стр. 350—351.

и произведеніями позднѣйшаго времени. Первые онъ называетъ „божественными“: это—22 книги, содержащія „запись всего времени“ отъ начала міра до Артаксеркса¹⁾; вторыя содержатъ въ себѣ тоже подробную исторію позднѣйшихъ событій, но, сравнительно съ „божественными“ писаніями, онѣ не имѣютъ уже свойства богодухновенности, потому что тогда уже не было *постояннаго преемства пророковъ*, сообщавшихъ неизгладимую печать богодухновенности своимъ писаніямъ. Какой выводъ слѣдуетъ изъ такого умозаключенія Флавія—очевидно: только первые писанія и богодухновенны, только они и могутъ составить „канонъ“ *священныхъ книгъ*, потому что позднѣйшія произведенія не священны, не богодухновенны; а отсюда слѣдуетъ, что и самый канонъ долженъ былъ быть заключенъ въ правленіе Артаксеркса, чтобы окончательно установить число и порядокъ свящ. книгъ и оградить ихъ отъ привнесенія книгъ позднѣйшихъ, небогодухновенныхъ. Такъ дѣйствительно и было, какъ видно изъ заключительнаго вывода Флавія: „изъ самаго дѣла ясно, какъ мы вѣримъ нашимъ писаніямъ (т. е. *священнымъ писаніямъ*, о которыхъ Флавій говорилъ подробно раньше,—тѣмъ 22 книгамъ, которыя составили канонъ): ибо, тогда какъ уже столько времени прошло (отъ Артаксеркса и прекращенія преемства пророковъ), никто не дерзнулъ ни приложить что-либо къ нимъ, ни отнять отъ нихъ, ни перемѣнить въ нихъ“; слѣдовательно, тогда же, при Артаксерксѣ, канонъ былъ и огражденъ отъ всякихъ измѣненій, привнесеній и опущеній. Какъ видимъ, Іосифъ намѣчаетъ два пункта, опредѣлявшихъ время окончательнаго заключенія ветхозавѣтнаго канона: съ одной сторо-

¹⁾ Книги эти слѣдующія: 1) Бытія, 2) Исходъ, 3) Левитъ, 4) Числ., 5) Второзаконіе, 6) I. Навина, 7) Судей, 8) 1 и 2 Царствъ, 9) 3 и 4 Царствъ, 10) 1 и 2 Паралипоменонъ, 11) 1 и 2 Эздры, 12) Псалтырь, 13) Притчи, 14) Экклезиастъ, 15) Пѣсь вѣспей, 16) 12 малыхъ пророковъ, 17) Исаи, 18) Іеремія, 19) Іезекиила, 20) Данила, 21) Іова и 22) Эсфирь.—Zündel. Kritische Untersuchungen über d. Abfassungszeit d. V. D. S. 198.

ны, чисто-хронологическая дата—правление Артаксеркса, съ другой—историческая причина—прекращение пророковъ. Смерть Артаксеркса Лонгимана относится къ 425 году до Р. Хр. ¹⁾, на два съ половиною вѣка раньше Антіоха Епифана и Маккавеевъ. Пророки же прекратились вообще со смертію послѣднихъ послѣднихъ пророковъ Аггея, Захаріи и Малахіи, такъ что въ маккавейскія времена о пророчествѣ говорили, какъ о давно минувшемъ уже времени, ждали появленія новаго истиннаго пророка ²⁾. Указанныя двѣ даты даютъ намъ полное право отнести окончательное заключеніе канона къ V в. до Р. Хр. Замѣчательны въ этомъ отношеніи тѣже двѣ даты Флавія. При своей видимой неопредѣленности, онѣ отличаются въ тоже время возможною точностью. Съ одной стороны, правление Артаксеркса вообще, безъ частнѣйшаго опредѣленія не только года его царствованія, но даже начала или конца его, потому что въ это царствованіе внесена въ канонъ книга Эсфирь; съ другой стороны, прекращеніе ряда пророковъ, но безъ упоминанія, что это прекращеніе произошло именно со смертію Эздры, Нееміи и послѣднихъ пророковъ, въ виду того-же присоединенія къ священнымъ книгамъ книги Эсфирь. Замѣтимъ, что такое соображеніе Флавій выдаетъ не за свой личный взглядъ, а проводитъ его, какъ мнѣніе современнаго ему іудейскаго общества: „у насъ не десятки тысячъ книгъ..... ясно, какъ мы вѣримъ нашимъ писаніямъ“... Видѣть въ этомъ воззрѣніи всей ветхозавѣтной церкви—совершенно справедливо.

Мѣсто Флавія наводитъ насъ и на чисто-теоретическія соображенія въ пользу составленія ветхозавѣтнаго канона во время именно Эздры и Нееміи и завершения его вскорѣ послѣ ихъ смерти. Плѣнъ вавилонскій былъ причиною сильнаго возбужденія въ іудеяхъ религіознаго чувства. Этотъ религіоз-

¹⁾ Царствовалъ 465—425 г. до Р. Хр.

²⁾ 1 Макк. 4, 46; 9, 27; 14, 41.

ный подъемъ, какъ нельзя лучше, замѣтенъ въ жизни и настроеніи современниковъ Эздры и Нееміи: жертвоприношенія ¹⁾ и торжественное совершеніе праздниковъ ²⁾, посты ³⁾, сокрушеніе о грѣхахъ ⁴⁾, наконецъ, всенародное чтеніе „книги закона“ и торжественная клятва въ исполненіи его ⁵⁾—все это достаточно характеризуетъ внутреннее состояніе тогдашняго іудейства. Неудивительно, если это чтеніе закона, эти клятвы въ исполненіи его сопровождались стремленіемъ опредѣлить и обособить все, что далъ Господь Своему народу въ писменахъ Своихъ посланниковъ. Сильнымъ побужденіемъ къ этому служило еще то, что пророчество въ народѣ Божіемъ видимо прекращалось и въ своей дѣятельности онъ былъ предоставленъ уже руководству того, что было написано пророками раньше. Сохраненіе-то этихъ священныхъ письменъ и обособленіе ихъ отъ позднѣйшихъ непророческихъ привнесеній было естественнымъ влеченіемъ религіознаго чувства. Съ другой стороны, самая дѣятельность по собиранію и сохраненію священныхъ книгъ скорѣе всего должна была принадлежать послѣднимъ богодухновеннымъ мужамъ, какъ завершеніе видимой дѣятельности Духа Божія среди избраннаго народа. И эти мужи опредѣлили число *священныхъ* книгъ, такъ что позднѣйшія произведенія, хотя и благочестивыхъ мужей (кн. Сирахова, Маккавейскія и др.) не вошли уже въ канонъ.

Въ пользу того-же сравнительно ранняго происхожденія ветхозавѣтнаго канона говоритъ еще предисловіе ⁶⁾ къ древнѣйшей неканонической книгѣ—Иисуса, сына Сирахова, составленное греческимъ переводчикомъ ея уже послѣ заключе-

¹⁾ 1 Эдр. 8, 35.

²⁾ Неем. 8, 14—18.

³⁾ 1 Эдр. 8, 21—23.

⁴⁾ 1 Эдр. 9, 3—4; 10, 1—44; Неем. 9, 1—3.

⁵⁾ Неем. 8, 1—10, 39.

⁶⁾ Предисловіе это есть и въ нашей славянской Библии.

нія канона и даже послѣ перевода каноническихъ ветхозавѣтныхъ книгъ¹⁾; по крайней мѣрѣ, на существованіе перевода LXX здѣсь прямо дѣлается намекъ: „не равную силу имутъ та въ себѣ, яже еврейски глаголема суть, егда преведутся на иный языкъ“. Въ этомъ предисловіи обращаетъ на себя вниманіе мѣсто: „дѣдъ мой Исусъ (писатель книги Сираховой) множайше себе вдавъ въ чтеніе закона же и пророковъ и иныхъ отеческихъ книгъ...“; слѣдовательно, во времена переводчика существовало уже раздѣленіе канона на „законъ“, „пророки“ и „писанія“²⁾, а тѣмъ болѣе существовалъ и самый канонъ.

Но если такъ, то, несомнѣнно, въ число каноническихъ книгъ при заключеніи канона была внесена и книга Даниилова. Иосифъ Флавій въ приведенномъ выше мѣстѣ помѣщаетъ книгу Даниилу въ ряду 22 признаваемыхъ имъ каноническими книгъ. Правда, онъ опредѣляетъ только число этихъ книгъ, не перечисляя ихъ по заглавіямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ распредѣляетъ ихъ по тремъ группамъ: 5 книгъ „законъ“: 13—„пророческихъ“ и 4 книги, относящіяся къ разряду „писаній“, причемъ книгу Даниилу, несомнѣнно, относитъ въ числу пророческихъ книгъ, потому что самого Даниила называетъ „однимъ изъ великихъ пророковъ“³⁾, „истиннымъ пророкомъ и мужемъ божественнымъ“⁴⁾, предсказывавшимъ „о самодержавіи римлянъ и о томъ разореніи, какое они причинили народу“ израильскому⁵⁾, о бѣдствіяхъ евреевъ при Антиохѣ Епифанѣ⁶⁾,—говоритъ, что предсказанія его дѣйстви-

тельно сбылись на дѣлѣ¹⁾, что они-то и записаны въ книгѣ этого пророка²⁾ и что эти-то книги, написанныя самимъ Данииломъ, іудеи „читали, вѣруя, что пророкъ этотъ имѣлъ собесѣдованіе съ Богомъ“³⁾. Выраженный Флавіемъ въ этихъ словахъ взглядъ іудейской церкви на пророческое служеніе Даниила и каноническое достоинство его книги очевиденъ самъ собою. Если же книга эта принята была въ канонъ ветхозавѣтныхъ книгъ,—слѣдовательно, при заключеніи канона, еще за два съ половиною вѣка до маккавейскаго времени, она уже существовала и происхожденіе ея, естественно, относится ко времени плѣна вавилонскаго. Попытка доказать, будто книга Даниилова составлена уже послѣ заключенія цѣльнаго кодекса священныхъ книгъ⁴⁾, на томъ основаніи, что писатель якобы точно цитируетъ книгу Іереміи и даже говоритъ, что онъ читалъ въ писаніяхъ⁵⁾,—конечно, ничего не говоритъ: пророкъ Даниилъ имѣлъ въ рукахъ книгу Іереміину, содержащую прочитанное имъ пророчество, которая въ то время уже была написана, а не полный кодексъ каноническихъ книгъ, пользованіе которымъ ничѣмъ нельзя доказать. А что вообще послѣ заключенія канона книга Даниилова не могла быть внесена въ тотъ-же канонъ,—это несомнѣнно. Если она, положимъ, произошла въ маккавейское (а не вавилонское) время, тогда въ это же время была присоединена и къ канону; но такое важное дѣло, какъ признаціе богодухновенности вновь появившейся книги, въ то смутное время, когда живо чувствовалось отсутствіе вдохновенныхъ мужей, когда даже самые мелочные обрядовые вопросы оставляли для рѣшенія будущему пророку⁶⁾, было фактически

¹⁾ Переводчикъ принялся за свой трудъ „въ Египтѣ послѣ 38 года Евергета царя“, т. е. Птолемея Евергета I (247—221), преемника Птолемея Филадельфа.

²⁾ Не говоримъ уже, что о всѣхъ трехъ частяхъ канона упоминаетъ Флавій въ приведенномъ выше мѣстѣ.

³⁾ I. Флавій. Древности іудейскія. Ч. II. Стр. 168.

⁴⁾ Ibid., стр. 169.

⁵⁾ Ibid., стр. 170.

⁶⁾ Ibid.

¹⁾ I. Флавій. Древности іудейскія. Ч. II. Стр. 169—170.

²⁾ Ibid., стр. 170.

³⁾ Ibid., стр. 168.

⁴⁾ Herbst I. G. Historisch-kritische Einleitung in d. heil. Schriften d. A. T., hrsg. von B. Welte. II. Th., 2. Abth. Freiburg im Br. 1844, S. 87.

⁵⁾ Дан. 9, 2; ср. Іер. 25, 11, 12; 29, 10.

⁶⁾ I Макк 4, 46.

невозможно; немислимо и предположить, что книга Данилова, благодаря стремленіямъ нѣсколькихъ лицъ, дѣйствовавшихъ изъ-за своихъ интересовъ, могла быть хитростью присоединена къ канону, потому что и въ то время было не мало „книжниковъ“¹⁾, занятыхъ религіозными вопросами, а синагога іудейская, въ силу ревности къ закону предковъ, едва ли бы приняла въ число священныхъ книгъ книгу новѣйшаго происхожденія. Только при предположеніи вавилонскаго происхожденія книги Даниловой и является вполне понятнымъ и естественнымъ фактъ принятія этой книги въ канонъ священныхъ книгъ,—принятія первоначальнаго, а не „присоединенія“, основаній для котораго не могло быть никакихъ: приведенное мѣсто Флавія, жившаго уже послѣ маккавейскихъ временъ и являющагося въ данномъ случаѣ представителемъ всего ветхозавѣтнаго іудейства, даетъ прекрасный отвѣтъ по этому вопросу.

Обратимъ, затѣмъ, вниманіе на одно мѣсто (въ книгѣ Маккавейской) изъ рѣчи умирающаго Маттаѳіи къ своимъ сыновьямъ. Онъ приводитъ рядъ мужей вѣры и благочестія, о которыхъ говорится въ Пятокнижій, въ книгахъ I. Навина и Царствъ, а затѣмъ переходитъ къ чудесамъ вѣры, совершеннымъ надъ пророкомъ Данииломъ и его друзьями, которые называются здѣсь поименно²⁾. Припомнимъ, что смерть Маттаѳіи относится еще къ самому началу маккавейской исторіи; а это говоритъ о томъ, что въ маккавейскія времена книга Данилова уже существовала. Правда, Бертольдъ высказываетъ соображеніе, будто Маттаѳіа почерпнулъ свои свѣдѣнія о Даниилѣ не изъ нашей канонической книги (которой, по его мнѣнію, въ то время еще или совсѣмъ не существовало, или же существовали только разрозненные отрывки ея, составленные въ разное время), а узналъ о немъ изъ преданія³⁾; но

¹⁾ 1 Макк. 7, 12.

²⁾ 1 Макк. 2, 59—60.

³⁾ *Bertholdt*. Daniel. S. 92.

такое мнѣніе довольно произвольно. Маттаѳіа беретъ примѣры для своей рѣчи изъ священныхъ іудейскихъ книгъ и книгъ именно каноническихъ, такъ какъ цѣлюю его рѣчи было воодушевить своихъ сыновей-патріотовъ ревностно бороться за вѣру отеческую; въ противномъ же случаѣ, рѣчь эта не имѣла-бы такой убѣдительности и, пожалуй, не достигла-бы цѣли. Обращаетъ на себя вниманіе самый порядокъ чудесъ въ рѣчи Маттаѳіи: „Ананія, Азарія, Мисаиль вѣрою спаслись отъ пламени. Даниилъ за свою невинность избавленъ отъ челюстей львовъ“. Порядокъ тотъ-же, какой сохраняется въ книгѣ пророка Даниила (гл. 3 и 6), несмотря на то, что личность самого пророка, конечно, важнѣе личностей друзей его. Это обстоятельство можетъ служить доказательствомъ того, что самые примѣры изъ жизни пророка Даниила и друзей его Маттаѳіа взялъ изъ книги пророка, а не почерпнулъ ихъ изъ устнаго преданія. И другія мѣста изъ той-же рѣчи Маттаѳіи указываютъ, что онъ читалъ книгу Даниилу и сыновьямъ своимъ намекалъ на исполненіе тѣхъ горестныхъ для іудеевъ событій, которыя были предсказаны только пророкомъ Данииломъ¹⁾. Отсюда видно, что видѣнія, пророчества и обстоятельства жизни Даниила въ то время были уже записаны, но записаны, конечно, въ самой же книгѣ Даниловой, а не въ какой-либо сагѣ о немъ, предполагать существованіе которой нѣтъ никакихъ данныхъ. Во всякомъ случаѣ, рѣчь Маттаѳіи служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ какъ достовѣрности книги Даниловой, такъ и ея сравнительно ранняго происхожденія. Хотя книги Маккавейскія не считаются у насъ каноническими книгами, однако историческій характеръ ихъ не подлежитъ сомнѣнію: писались онѣ въ самую позднюю эпоху израильской исторіи и излагали событія послѣднихъ моментовъ жизни ветхозавѣтнаго іудейства,—событія почти современныя писателямъ ихъ; это—

¹⁾ Ср. 1 Макк. 2, 49. 62 съ Дан. 8, 25; 11, 20. 36; 1 Макк. 1, 39 съ Дан. 8, 11; 1 Макк. 1, 54 съ Дан. 11, 31.

ничто иное, какъ лѣтописи народа іудейскаго, которыя сей часъ же были обнаруживаемы предъ очевидцами; какаѣ бы то ни было порча или искаженія здѣсь были едва ли возможны. Вотъ почему нельзя согласиться съ предположеніемъ нѣкоторыхъ критиковъ¹⁾, будто самая рѣчь Маттаѳіи, въ которой находится указанное нами мѣсто, составлена самимъ писателемъ книги Маккавейской. Книга эта передаетъ такой обстоятельный и цѣльный рассказъ, дышетъ такою простотою и правдивостью, что даже критики библейскихъ книгъ не возражаютъ противъ ея достовѣрности, а считаютъ ее однимъ изъ главнѣйшихъ источниковъ позднѣйшей исторіи іудейства²⁾. Сама по себѣ рѣчь Маттаѳіи вовсе не похожа на тѣ рѣчи, которыя классическіе писатели влагаютъ въ уста своимъ героямъ. Да еслибы даже рѣчь эта была произведеніемъ самого писателя книги, то и тогда она не теряетъ для насъ своего значенія: такъ или иначе, а она доказываетъ, что въ маккавейскія времена книга Даниилова уже существовала.

Далѣе, важное значеніе для нашей цѣли имѣетъ рассказъ Іосифа Флавія объ Александрѣ Великомъ. Когда Александръ, передаетъ онъ, по завоеваніи Тира и Газы, двинулся на Іерусалимъ, то первосвященникъ іудейскій встрѣтилъ его съ дарами, самъ же Александръ „вошелъ въ храмъ, принесъ Богу жертву съ показанными отъ первосвященника обрядами и оказалъ великую честь священникамъ и начальнику ихъ. Они показали ему книгу Даниилову, въ которой содержалось пророчество, что нѣкто изъ грековъ опровергнетъ персидское царство; а Александръ, думая, что онъ былъ тотъ самый грекъ, великую изъявилъ о томъ радость“³⁾. Нечего и говорить, насколько важно это свидѣтельство: оно показываетъ, что уже

¹⁾ Bertholdt. Daniel. S. 92, и др.

²⁾ Schürer. Geschichte des jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi. Th. II. S. 580.—Reuss. Die Geschichte d. heiligen Schriften A. T. S. 623—624.

³⁾ I. Флавій. Древности іудейскія. Ч. II. Стр. 218.

въ концѣ IV вѣка до Р. Хр. книга Даниилова существовала и всѣми признавалась за истинно-пророческую книгу. Правда, де-Ветте¹⁾, Блекъ²⁾ и Рейсъ³⁾ считаютъ самый рассказъ Флавія по существу сомнительнымъ и недостовѣрнымъ, потому что, по ихъ словамъ, о походѣ Александра на Іерусалимъ не говорятъ другіе историки, которые только передаютъ, что изъ Газы Александръ пошелъ въ Египетъ, не заворачивая къ Іерусалиму, какъ выходитъ по Флавию. Возраженіе это въ общемъ вѣрное, но оно не даетъ повода сомнѣваться въ исторической дѣйствительности похода Александра В. на Іерусалимъ. Въ данномъ случаѣ Іосифъ Флавій долженъ служить для насъ такимъ же историческимъ авторитетомъ, какъ и другіе древніе историки: онъ описалъ исторію своего же народа и для своихъ современниковъ; вполне естественно, если онъ, въ виду спеціальнаго характера своихъ „Древностей“, отмѣчалъ въ нихъ все болѣе или менѣе выдающееся изъ исторіи своего народа, если выдвигалъ наряду съ крупнымъ историческимъ фактомъ подробность, для другихъ историковъ незначительную и проходимую часто молчаньемъ, но для историка іудейскаго народа характерную и по существу своему важную. Тѣмъ болѣе не могъ онъ пройти молчаньемъ похода Александра на Іерусалимъ, въ то время, какъ языческіе историки не разграничиваютъ точно обстоятельствъ великихъ завоеваній Александра. При всемъ этомъ историческія указанія на завоеваніе Іерусалима Александромъ В. встрѣчаются и у другихъ историковъ. Такъ, Арріанъ, согласно съ Флавиемъ, передаетъ, что Іудея уступила не силѣ Александра, а сдалась ему добровольно⁴⁾; благосклонность Александра къ іудеямъ,

¹⁾ De-Wette. Lehrbuch der bist.-krit. Einleitung in die kanon. n. apokr. Bücher des A. T. S. 504.

²⁾ Bleek. Einleitung in d. heilige Schrift. I. Th. S. 417.

³⁾ Reuss. Die Geschichte der heiligen Schriften A. T. S. 579.

⁴⁾ Arrian. De expedit. Alex. Magni, historiarum libri VIII. 1575. P. 50.

такъ рѣзко отгнѣнная въ разсказѣ Флавія о принесеніи имъ жертвы Богу іудейскому и объ уваженіи его къ іудейскимъ священникамъ, находитъ себѣ мѣсто въ историческихъ свидѣтельствахъ о религиозной и національной свободѣ іудеевъ въ Александріи и другихъ мѣстахъ обширной монархіи Александра Великаго ¹⁾). Въ частности, самая возможность принесенія Александромъ жертвы Богу іудейскому по указанію первосвященника вполне подтверждается, напр., разсказомъ Арріана о жертвоприношеніяхъ этого государя Вилу въ Вавилонѣ подъ руководствомъ языческаго жреца ²⁾); а уваженіе его къ іудейскимъ священникамъ вполне объясняется тѣмъ, что они вышли ему на встрѣчу въ священныхъ одеждахъ, а первосвященникъ и въ кидарѣ; аналогичный этому случай представляетъ собою почтеніе Александра къ восточнымъ царямъ, вышедшимъ ему на встрѣчу, когда онъ отправлялся въ Сирію ³⁾). Довѣріе его къ пророчеству Даніилову объясняется, конечно, тою вѣрою, какою питали древніе языческіе государи къ разнаго рода прорицателямъ и волхвамъ, бывшимъ часто неизмѣнными ихъ спутниками; такого же рода прорицателей держалъ вокругъ себя и Александръ ⁴⁾). Наконецъ, самый походъ его на Іерусалимъ вполне объясняется политическими его соображеніями,—желаніемъ обезопасить себя съ тылу, что было весьма важно при нашествіи на Египетъ, особенно въ виду не совсѣмъ удачнаго завоеванія Газы. Всѣ эти частности служатъ прекраснымъ подтвержденіемъ разсказа Іосифа Флавія о походѣ Александра въ Іерусалимъ, отвергать который на основаніи только молчанія о немъ нѣкоторыхъ историковъ нѣтъ данныхъ.

¹⁾ Hengstenberg. Beiträge zur Einleitung ins A. T. I. B. S. 282.

²⁾ Arrian. De expedit. Alex. Magni. P. 63.

³⁾ Justin. Histoire universelle, trad. par Pierrot. T. I. Paris. 1833. P. 237.

⁴⁾ Arrian. De expedit. Al. M. P. 85.

Наконецъ, о домаккавейскомъ происхожденіи книги Даніиловой говорятъ нѣкоторыя мѣста изъ третьей книги сивиллы эриерейской, давно обращающія на себя вниманіе изслѣдователей въ силу буквальнаго сходства своего съ соотвѣтствующими стихами книги Даніиловой. Указываютъ, напр., на 396—400 ст. сивилиной книги, гдѣ идетъ рѣчь въ пророческомъ смыслѣ о рогѣ, выросшемъ среди десяти роговъ и господствующемъ надъ всѣмъ ¹⁾). Такого рода пророческіе символы и образы есть у Даніила ²⁾), буквальнымъ воспроизведеніемъ которыхъ, несомнѣнно, является указанное мѣсто сивиллиной книги. Стихи 608—617 этой книги говорятъ о великомъ царѣ изъ Азіи, войско котораго покроетъ всю землю и который будетъ все разрушать и вездѣ причинять несчастія ³⁾); это—воспроизведеніе пророчества Даніилова о четвертомъ царствѣ, которое будетъ „пожирать всю землю, попирать и сокрушать ее“ ⁴⁾). Въ стихахъ 653—663 книги сивилиной идетъ рѣчь о царѣ, котораго „пошлетъ Богъ отъ солнца, который прекратитъ на землѣ войну, умертвивъ однихъ и примиривъ другихъ; все это онъ сдѣлаетъ не по собственному произволу, но по порученію великаго Бога; народъ же Его наградитъ большимъ богатствомъ,—золотомъ, серебромъ и пурпуровыми одеждами“ ⁵⁾). Сильно замѣтно здѣсь отображеніе пророчества

¹⁾ Ῥίζαν ἰαν ἀναδοῦς, ἣν περ κόψει βροτολογός
Ἐκ δέκα μὲν κεράτων, παρὰ δὲ φυτόν ἄλλο φουτέσει
...καὶ τότε δὴ παραφύομενον κέρασ ἀρξει.

По изданію Rzach'a.—Oracula sibyllina, recens. Aloisius Rzach. Pragaе-Vindobonae-Lipsiae. 1891. P. 68—69.

²⁾ Дан. 7, 7. 8. 20.

³⁾ Ἐλθη δ' ἐξ Ἀσίας βασιλεὺς μέγας, αἰετός αἰθῶν,
Ὅς πᾶσαν σκεπάσει γαῖαν πεζοῖς τε καὶ ἵπποις,
Πάντα δὲ συγκόψει καὶ πάντα κακῶν ἀναπλήσει.

Oracula sibyllina, rec. Rzach. P. 80.

⁴⁾ Дан. 7, 23.

⁵⁾ Καὶ τότε ἀπ' ἡελίου θεός πέμψει βασιλῆα
Ὅς πᾶσαν γαῖαν πάσει πολέμοιο κακοῖο,

Даниилова о „о Сынѣ человѣческомъ, идущемъ съ облаками небесными“ и получившемъ отъ Бога „власть, славу и царство“, и вмѣстѣ съ тѣмъ о судѣ надъ міромъ и убіеніи страшнаго звѣря¹⁾. Въ указанныхъ мѣстахъ книги сивиллиной, несомнѣнно, заключается пророчество или, по крайней мѣрѣ, рѣчи приданъ пророческій характеръ: съ этимъ согласны всѣ изслѣдователи. Вопросъ только въ томъ, къ какому времени отнести происхожденіе этой книги. Сама сивилла, отъ имени которой исходятъ изложенныя въ книгѣ пророчества, относятъ себя къ глубокой древности, ко времени еще потопа; на самомъ же дѣлѣ, историческое существованіе личности этой сивиллы ничѣмъ нельзя доказать, тѣмъ болѣе, что она окружена какимъ-то таинственнымъ мракомъ и невольно выдаетъ свой легендарный характеръ. Книга же ея носитъ на себѣ явные слѣды своего позднѣйшаго происхожденія,—во времена именно маккавейскія. Такъ, ст. 35—746 этой книги (среди которыхъ заключаются и отмѣченныя нами мѣста сивиллиныхъ пророчествъ), по соображенію Блева²⁾, Гфререра³⁾, Ликке⁴⁾, Александра⁵⁾ и Фридлиба⁶⁾, написаны какимъ-то александрийскимъ иудеемъ временъ Маккавеевъ около 160 г. до Р. Хр.;

Τοὺς μὲν ἄρα κτισίας, τοὺς δ' ὄρνια πιστὰ τελέσσας.

Οὐδέ γε ταῖς ἰδίαις βουλαῖς τάδε πάντα ποιήσει,

Ἄλλὰ θεοῦ μεγάλου πειθήσας δόγμασιν ἐσθλοῖς.

Ναός δ' αὖ μέγαλοιο θεοῦ περικαλλεῖ πλούτῳ

Βεβριθώς, χρυσῷ τε καὶ ἀργύρῳ ἠδὲ τε κόσμῳ πορφυρέῳ.

Oracula sibyllina, rec. Rzach. P. 12.

¹⁾ Дан. 7, 13. 14. 10. 11.

²⁾ Bleek. Ueber Alter und Zusammenhang der ältesten sibyllinischen Orakel.—Theolog. Zeitschrift von Schleiermacher u. Lücke. I. Heft, S. 120; II. Heft, S. 172.

³⁾ Gfrörer. Philo. II. Theil, S. 121 ff.—Zündel. Kritische Untersuchungen über die Abfassungszeit des Buches Daniel. S. 141.

⁴⁾ Lücke. Einleitung in die Offenbarung Johannes. Bonn. 1832. S. 116.

⁵⁾ Alexandre. Angabe der Sibyllinen. Paris. 1849. Einleitung.

⁶⁾ Friedlieb. Oracul. Sibyllin.—Zündel. S. 141.

Гильгенфельдъ же¹⁾, Цивдель²⁾ и Ширеръ³⁾ относятъ эти стихи ко времени не раннѣйшему 137 г. до Р. Хр. Такъ или иначе, но приблизительно время происхожденія этихъ стиховъ опредѣляется 160—140 г.г. до Р. Хр.; и въ это время, замѣтимъ, книга Даниилова уже служитъ предметомъ подражанія для авторовъ разнаго рода апокрифическихъ пророчествъ, которые, конечно, вѣрили въ священный пророческій авторитетъ этой книги, такъ какъ въ противномъ случаѣ самое подражаніе ей съ цѣлью составленія цѣлаго ряда болѣе или менѣе правдоподобныхъ пророчествъ отъ имени какой-то невѣдомой древней сивиллы было-бы совершенно неумѣстно. Слѣдовательно, сама-то книга Даниилова въ это время уже существовала,—лучше сказать, давно существовала, потому что гораздо логичнѣе было для автора сивиллиныхъ пророчествъ принять за источникъ для себя книгу болѣе ранняго происхожденія, несомнѣнно пророческую и каноническую, чѣмъ произведеніе неизвѣстнаго писателя, только что явившееся въ свѣтъ, составленное на основаніи какихъ-либо воспоминаній или даже записанной саги о Даниилѣ и потому не имѣющее за собою всѣми признанной достовѣрности. Противъ такого вывода, свидѣтельствующаго о существованіи книги Данииловой еще задолго до временъ Маккавеевъ, Блевъ выступаетъ съ совершенно своеобразнымъ предположеніемъ: онъ объясняетъ сходство отмѣченныхъ нами мѣстъ сивиллиной книги съ соответствующими стихами книги Данииловой вовсе не подражаніемъ, а просто тѣмъ, что, по его соображенію, обѣ эти книги составлены хотя двумя различными писателями (авторомъ сивиллиной книги—въ Египтѣ, а писателемъ Данииловой—въ Палестинѣ), но въ одно и тоже время (маккавейское,—около 160 г. до Р. Хр.) и на основаніи однихъ и тѣхъ-же источ-

¹⁾ Hilgenfeld. Jüdische Apokalyptik. S. 68—69.

²⁾ Zündel. Krit. Untersuchungen über d. Abfassungszeit d. B. D. S. 143, 145—165

³⁾ Schürer. Geschichte des jüdischen Volkes. B. II. S. 794.

никовъ, откуда оба они черпали одни и тѣже понятія, образы и т. п. ¹⁾ Такое соображеніе Блска слишкомъ натянуто. Не говоря уже о томъ, что указать какіе-либо источники (устные или письменные) для книги Даниіловой, какъ мы въ свое время говорили, рѣшительно невозможно,—но и третья книга сивиллина представляетъ изъ себя въ сущности, какъ легко можно видѣть изъ самаго содержанія ея, компиляцію внѣшнимъ образомъ сгруппированныхъ и нагроможденныхъ другъ на друга мыслей и понятій, взятыхъ изъ библейскихъ пророческихъ книгъ и произведеній греческихъ классиковъ: встрѣчаются въ ней мѣста, представляющія буквальное сходство съ нѣкоторыми стихами книгъ пророковъ Исаи, Іереміи, Іезекіиля, Захаріи ²⁾; а сходство съ понятіями древнихъ классиковъ видно изъ представленія этой книги о Божествѣ, все производящемъ, но безразличномъ Само въ Себѣ, объ единой всемірной религіи (каковою, впрочемъ, авторъ книги считаетъ иудейскую) и т. п. Въ силу такого, въ общемъ компилятивнаго характера книги сивиллиной, совершенно естественно съ нашей стороны указаніе на Даниілову книгу, какъ на одинъ изъ источниковъ книги сивиллиной, наряду съ другими библейскими пророческими книгами; а отсюда совершенно ясно вытекаетъ сдѣланное уже нами заключеніе о существованіи книги Даниіловой еще задолго до маккавейскихъ временъ.

Какъ видимъ, внѣшніе признаки указываютъ на происхожденіе книги Даниіловой, какъ произведенія священной библейской письменности, въ вавилонское, а отнюдь не въ маккавейское время. Обратимся теперь къ внутреннему характеру, содержанию и изложенію этой книги. Что здѣсь даетъ основаніе защитникамъ маккавейскаго происхожденія ея относить эту

¹⁾ *Bleek. Ueber Alter u. Zusammenhang d. ält. sibyll. Orakel.*—Theol. Zeitschrift. II. Heft. S. 222—223.

²⁾ Ср. ст. 280 съ Іер. 25, 12; 29, 10; ст. 323, 512, 664—702 и 704—732 съ Іез. гл. 38 и 39, 10 и Зах. гл. 14; ст. 647, 728—731 съ Іез. 39, 9; ст. 784 съ Ис. 11, 6; Зах. 9, 9 и др.

книгу къ такому позднему періоду ветхозавѣтной исторіи? Прежде всего, греческія слова, встрѣчающіяся въ книгѣ Даниіловой и свидѣтельствующія будто-бы о составленіи ея уже въ эпоху всемірнаго владычества Александра Великаго и распространенія на Востокѣ греческаго языка вмѣстѣ съ греческой культурой и цивилизаціей, т. е. не раньше III в. до Р. Хр. Такихъ греческихъ словъ во всей книгѣ Даниіловой Бертольдъ насчитываетъ десять ¹⁾; другіе изслѣдователи ²⁾ находятъ возможнымъ значительно ограничить это число и, наконецъ, признаютъ за несомнѣнно греческія слова названія четырехъ музыкальныхъ инструментовъ, упоминаемыхъ въ Дан. 3, 5. 10: кивара или цитра (*κίθαρὶς*, — *כִּיָּתָר*), самвика или цѣвница (*σαμβόκη*, — *סַמְבוֹקָה*), псалтирь или гусли (*ψαλτήριον*, — *פְּסַלְתֵּירִיּוֹן*) и симфонія (*συμφωνία*, — *שִׁמְפוֹנְיָה*). Предполагается, конечно, что и самые эти четыре инструмента при Навуходносорѣ еще не были извѣстны въ Вавилонѣ, а занесены сюда только съ распространеніемъ греческой культуры по всему Востоку. Слабость такого основанія въ пользу маккавейскаго происхожденія книги Даниіловой сама собою очевидна. Неужели четыре греческихъ слова на всю книгу Даниілову могутъ быть достаточнымъ поводомъ къ тому, чтобы приписывать ей позднеѣйшее происхожденіе? Еслибы дѣло шло о греческой конструкціи всей книги или нѣкоторыхъ отдѣловъ ея, о такъ называемыхъ „грецизмахъ“, пересыпающихъ рѣчь писателя книги, о греческомъ колоритѣ передаваемыхъ событій,—тогда это, конечно, служило-бы вѣскимъ доводомъ въ пользу маккавейскаго происхожденія этой книги. Но четыре греческихъ слова слишкомъ слабы для этого; да и существованіе ихъ въ книгѣ Даниіловой объясняется совершенно естественно, такъ какъ инструменты, названія которыхъ они пред-

¹⁾ *Bertholdt. Daniel.* S. 24—25.

²⁾ *Lücke. Einleitung in die Offenbarung Johannes.* S. 32. — *De Wette. Lehrbuch d. historisch-kritischen Einleitung in d. kanon. u. apokr. Bücher d. A. T.* S. 500.

ставляютъ собою, несомнѣнно, были извѣстны вавилонянамъ еще до Навуходоносора. Такъ, что касается самвики, то этотъ инструментъ получилъ свое начало на Востокѣ: Атены мѣстомъ происхожденія его считаетъ Сирію¹⁾, а Страбонъ называетъ его „варварскимъ“ инструментомъ²⁾; отсюда же, съ Востока, онъ уже перешелъ въ Грецію, а не наоборотъ. Что касается трехъ другихъ инструментовъ—киоры, псалтири и симфоніи,—то названія ихъ, несомнѣнно, греческаго происхожденія; но это не значитъ, что самые инструменты во время Навуходоносора еще не были извѣстны вавилонянамъ. Есть данныя предполагать, что эти инструменты были изобрѣтены первоначально на Востокѣ,—можетъ быть, самими ассиріянами и вавилонянами, а затѣмъ перешли въ Грецію и здѣсь были усовершенствованы или видоизмѣнены, послѣ чего возвратились опять на Востокъ уже со своими греческими названіями. Это, напр., нужно сказать о цитрѣ или кюрѣ, которая, вѣроятно, была изобрѣтена вавилонянами же или персами³⁾, а въ Греціи была только усовершенствована и въ такомъ именно усовершенствованномъ видѣ встрѣчается на позднѣйшихъ ассирійскихъ памятникахъ⁴⁾. Но еслибы даже самые инструменты эти были чисто-греческаго происхожденія, то и тогда нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ утверждать, будто они могли перейти къ вавилонянамъ только послѣ Александра В., съ распространеніемъ греческаго языка на Востокъ. Взаимныя сношенія между вавилонянами и греками существовали еще задолго не только до Александра, но и до Навуходоносора. Такъ, еще во время пророка Исаи и царя іудейскаго

¹⁾ *Athenäus*. Deipnosoph. IV, 182; XIV, 634.—*Zündel* Krit. Unters. üb. d. Abfass. d. B. D. S. 5.

²⁾ *Страбонъ*. Географія. Пер. Миценка. М. 1879. Стр. 482.

³⁾ Ср. персидское ея названіе *si-tareh*, т. е. шестиструнная.

⁴⁾ Изображеніе кюры на древнѣйшихъ и позднѣйшихъ ассирійскихъ памятникахъ значительно разнятся между собою.—*Vigouroux* F. Die Bibel u. die neueren Entdeckungen in Palästina, in Aegypten und in Assyrien. Übers. v. I. Ibach. IV. B. S. 406—407.

Езекии современный имъ ассирійскій царь Саргонъ, какъ видно изъ одной его надписи, зналъ іонянъ и называлъ часть Средиземнаго моря около о. Кипра Іонійскимъ моремъ¹⁾; въ числѣ же данниковъ его былъ и о. Кипръ (*Jatpa*²⁾). Сеннахиримъ, царь ассирійскій, въ Киликіи одержалъ побѣду надъ греками и въ знакъ этого поставилъ даже памятникъ; въ своей арміи онъ имѣлъ уже и греческій отрядъ³⁾. Цари Асаргадонъ и Ассурбанипалъ нерѣдко воевали съ Финикіей, бывшей въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ Греціей⁴⁾; они же покорили себѣ и сдѣлали своими данниками греческихъ царей острововъ Кипра, Паэоса, Куріума и др. и нѣкоторыхъ греческихъ городовъ⁵⁾. При Навуходоносорѣ же вавилоняне вступали въ сношенія чуть не со всѣми народами тогдашняго міра⁶⁾; а по свидѣтельству Страбона, во время войны грековъ съ вавилонянами братъ греческаго поэта Алкея, нѣкто Антименидъ, бывший, вѣроятно, предводителемъ греческаго отряда, оказалъ большую помощь вавилонянамъ⁷⁾. Во время плѣна вавилонскаго греки были уже отлично знакомы съ Востокомъ, такъ что Анаксимандръ, современникъ этого плѣна, составилъ даже карту древняго міра⁸⁾. Нѣтъ, поэтому, ничего удивительнаго, если еще задолго до Навуходоносора греческіе инструменты стали извѣстны вавилонянамъ и вошли у нихъ въ употребленіе подъ своими же греческими именами. Мы положительно утверждаемъ это. Ассири-вавилоняне были большіе любители музыки. Какъ свидѣлствуютъ клинообразныя над-

¹⁾ *Schrader*. Keil. Bibliothek. B. II. S. 43.

²⁾ *Ibid.*, S. 53.

³⁾ *Berosus*. Fragm. hist. graec., ed. Müller, II, 504. — *Zündel*. Krit. Unters. üb. d. Abf. d. B. D. S. 6.

⁴⁾ *Schrader*. Keil. Bibl. B. II. S. 125, 127, 145, 149, 169, 239.

⁵⁾ *Ibid.*, S. 149, 151, 161, 163, 167, 169, 173, 239, 241.

⁶⁾ Ср. *lez.* 17, 4. 12. 20.

⁷⁾ *Страбонъ*. Географія. Пер. Миценка. Стр. 630.

⁸⁾ *Diog.* II, 2. *Agathemerus*. Geogr. Inf. 1. — *Zeller*. Die Philosophie der Griechen. I. Theil. 3. Aufl. Leipzig. 1869. S. 180.

Св. пророкъ Даниилъ.

писи ассирийских царей, они въ качествѣ военной добычи, послѣ побѣды надъ чужеземными царями и народами, забирали, между прочимъ, и музыкантовъ ¹⁾, а вмѣстѣ, конечно, и музыкальные инструменты; съ полученной добычей торжественно вступали въ столицу своего государства при пѣніи и звукахъ оркестра изъ многочисленныхъ пѣвцовъ и музыкантовъ ²⁾; религиозныя и общественныя торжества сопровождались непрерывно музыкой ³⁾ и т. п. Почему же мы не можемъ допустить, что аналогичные случаи плѣненія греческихъ музыкантовъ вмѣстѣ съ ихъ національными инструментами ⁴⁾ могли быть при побѣдѣ надъ греками царей Саргона, Сеннахирима, Асаргадона и Ассурбанипала? Замѣтимъ еще, что псалтирь, напр., изображается уже на барельефѣ Ассурбанипала ⁵⁾,—и кивара въ своемъ усовершенствованномъ видѣ—на памятникахъ изъ временъ послѣднихъ ассирийскихъ царей ⁶⁾; конечно, въ это время греческіе инструменты, о которыхъ у насъ идетъ рѣчь, были уже знакомы вавилонянамъ и употреблялись ими въ оркестрахъ. Имѣетъ ли, поѣтому, силу разбираемое нами возраженіе защитниковъ маккавейскаго происхожденія книги Даниловой о составленіи ея уже послѣ Александра В., на основаніи упоминаемыхъ въ ней греческихъ названій четырехъ музыкальных инструментовъ?

Ссылаются ⁷⁾, далѣе, на слишкомъ развитое уже ученіе книги Даниловой по нѣкоторымъ догматическимъ и нрав-

¹⁾ *Schrader*. Keil. Bibl. V. II. S. 85, 97, 255.

²⁾ *Ibid.*, S. 127, 257.

³⁾ *Ibid.*, S. 253.

⁴⁾ Похъ греческими же и названіями; ср. 3 Цар. 10, 22.

⁵⁾ *Vigouroux*. D. Bibel. n. d. neueren Entdeckungen. IV. B. S. 408.

⁶⁾ *Ibid.*, S. 406—407.

⁷⁾ *Bertholdt* (Daniel. S. 29—33), *Griesinger* (Neue Ansicht d. Aufsätze im Buche Daniel. S. 45), *Lengerke* (Das Buch Daniel. S. LXV—LXXII, 25—26), *de-Wette* (Lehrbuch d. histor.-krit. Einleitung in d. kan. u. apokr. Bücher d. A. T. S. 497), и др.

ственно-практическимъ вопросамъ, которое будто-бы въ такой именно степени своего развитія и въ такой своеобразной формѣ могло существовать только въ позднѣйшій періодъ іудейской исторіи,—въ эпоху маккавейскую. Такъ, указываютъ на ученіе о Богѣ ¹⁾, о Мессіи—Сынѣ Человѣческомъ ²⁾ и вѣчномъ царствѣ Его ³⁾, объ ангелахъ высшихъ и низшихъ ⁴⁾ и о сонмѣ силъ небесныхъ, окружающихъ престолъ Божій ⁵⁾, о воскресеніи мертвыхъ ⁶⁾, объ обычаяхъ три раза въ день молиться, обращаясь, притомъ, лицомъ къ Іерусалиму ⁷⁾, о постѣ, сѣтованіи и воздержаніи отъ роскошной пищи ⁸⁾, каковой „аскетизмъ“ возможенъ былъ будто-бы только въ вѣкъ Маккавеевъ ⁹⁾, о милосердіи къ бѣднымъ ¹⁰⁾ и т. д. Возраженіе это потеряетъ для насъ всякую цѣну, если обратимся къ ученію о тѣхъ-же предметахъ предшествующихъ библейскихъ писателей. Такъ, образъ Іеговы почти тѣми-же чертами опредѣляется и у Іезекииля ¹¹⁾; о Мессіи не менѣе ясно говорятъ Исаія и другіе доплѣнные пророки; есть ученіе о царствѣ мессіанскомъ, вѣчномъ, праведномъ и мирномъ ¹²⁾. Ученіе объ ангелахъ составляетъ одинъ изъ существенныхъ пунктовъ ветхозавѣтной догматики. Различіе ихъ между собою по степени своего достоинства, по нравственному при-

¹⁾ Дан. 7, 9—10.

²⁾ Дан. 7, 13.

³⁾ Дан. 2, 44; 7, 13—14; 12, 1—3.

⁴⁾ Дан. 8, 16; 9, 21; 10, 13. 20. 21; 12, 1.—Ученіе пророка Давида объ ангелахъ воспроизводитъ даже изъ ученія персидской религіи о духахъ высшихъ и низшихъ и объясняетъ заимствованіемъ изъ нея.

⁵⁾ Дан. 7, 9—14.

⁶⁾ Дан. 12, 2.

⁷⁾ Дан. 6, 10.

⁸⁾ Дан. 9, 3; 10, 2—5; 1, 8—16.

⁹⁾ *Lengerke*. Das Buch Daniel. S. 25—26.—Ср. 1 Макк. 1, 62; 2 Макк. 5, 27.

¹⁰⁾ Дан. 4, 24.

¹¹⁾ Ср. Дан. 7, 9—10 съ Іезек. 1, 26—27.

¹²⁾ Ис. 9, 6—7; Пс. 71.

ближенію къ Богу, по роду предназначенной имъ Творцомъ мисси или служенія Богу и людямъ—все это замѣтно проглядываетъ въ различныхъ мѣстахъ дополненныхъ библейскихъ книгъ, гдѣ говорится, напр., о серафимахъ¹⁾, объ архистратигахъ и воинствѣ небесномъ²⁾, объ ангелахъ народовъ и племенъ³⁾, объ ангелахъ-хранителяхъ частныхъ лицъ⁴⁾ и т. д. Представленіе о сонмахъ силъ небесныхъ, окружающихъ престолъ Иеговы, присуще древнѣйшимъ пророкамъ и другимъ священнымъ писателямъ⁵⁾. Не чуждо было имъ и ученіе о воскресеніи мертвыхъ⁶⁾. Обычай три раза въ день возносить молитвы Богу существовалъ еще задолго до плѣна⁷⁾; а обращеніе при этомъ лицомъ къ Иерусалиму,—частіе къ святилищу,—вошло въ обыкновеніе со времени самаго устройства его тамъ⁸⁾. Какъ общественныя жертвы и молитвы должны были возноситься только въ храмъ⁹⁾, такъ и частныя молитвы израильтянина должны были направляться къ храму же¹⁰⁾, какъ мѣсту особеннаго присутствія Иеговы; сюда, къ своему отечеству, къ священному Иерусалиму и храму должны были направлять свои молитвенные помыслы и плѣнные іудеи¹¹⁾. Хотя Иерусалимъ при Даріѣ Мидянцѣ былъ въ разрушеніи и храмъ былъ сожженъ, хотя и слава Господня „поднялась“ изъ храма и разрушеннаго города¹²⁾, но самое мѣсто святилища было свято для благочестиваго израильтянина¹³⁾; самый Сіонъ былъ дорогъ

¹⁾ Ис. 6, 2—4.

²⁾ Нав. 5, 14; Пс. 102, 20—21.

³⁾ Исх. 14, 19; 23, 20; 32, 34.

⁴⁾ Быт. 16, 7, 9; 19, 1; 24, 17; 22, 11; 24, 7, 40; 31, 11; 48, 16; Іов. 33, 23 и др.

⁵⁾ Втор. 33, 2; 3 Цар. 22, 19—22; Іов. 1, 6—12; 2, 1—7; Пс. 67, 18; Ис. 6, 2—4.

⁶⁾ Іов. 19, 25—26; Ис. 26, 19, 21; 66, 24; Ос. 13, 14; Іез. 37, 3—14.

⁷⁾ Пс. 54, 18.

⁸⁾ Пс. 5, 8; 27, 2; 137, 2.

⁹⁾ Втор. 12, 5, 6.

¹⁰⁾ 3 Цар. 8, 29; Ис. 56, 7.

¹¹⁾ 3 Цар. 8, 46, 48; 2 Пар. 6, 34.

¹²⁾ Іезек. 11, 23.

¹³⁾ Пс. 19, 3; 120, 1.

и сердцу Иеговы¹⁾, потому что „спасеніе—отъ Сіона“²⁾. Вотъ почему молитва по направленію къ Иерусалиму была завѣтомъ и плѣнныхъ іудеевъ,—завѣтомъ не новымъ, но коренящимся на основаніи закона и пророковъ. Затѣмъ, постъ, соединенный съ сѣтованіемъ и молитвою³⁾, былъ съ древнѣйшихъ временъ всеобщимъ явленіемъ въ жизни народа Божія: многочисленные примѣры его видимъ въ жизни посланниковъ Иеговы, пророковъ, законодателей, священниковъ, всего народа и частныхъ лицъ; а „аскетизмъ“, состоявшій въ воздержаніи отъ роскошной пищи, приготовляемой руками язычниковъ, и имѣвшій цѣлю предохраненіе себя отъ оскверненія запрещенными для іудея яствами⁴⁾, былъ совершенно естественнымъ, но никакъ не исключительнымъ для того времени, стремленіемъ благочестивыхъ юношей—Даніила и друзей его: пророки и раньше предсказывали объ оскверненіи іудеевъ пищею въ Вавилонѣ⁵⁾; а пророкъ Іезекиль самъ особенно заботился о сохраненіи себя отъ оскверненія пищею⁶⁾. Наконецъ, ученіе о милосердіи къ бѣднымъ, исходящее изъ устъ пророка Даніила, тоже не составляетъ чего-либо новаго: объ этомъ говорили и дополненные пророки⁷⁾.
* Совершенно напрасно, такимъ образомъ, стремленіе навязывать пророку Даніилу то, чего у него нѣтъ, ставить ученіе его и предшествовавшихъ ему священныхъ писателей чуть не на двухъ противоположныхъ полюсахъ, приписывая первому крайнюю степень развитія догматико-этическихъ началъ, а послѣднимъ, наоборотъ, какую-то неразвитость этихъ началъ.

¹⁾ Пс. 73, 2.

²⁾ Пс. 13, 7.

³⁾ См. Дан. 9, 3; 10, 2—3.

⁴⁾ См. Дан. 1, 8—16.

⁵⁾ Іез. 4, 13; Ос. 9, 3—4.

⁶⁾ Іез. 4, 14.

⁷⁾ Ис. 1, 17; 58, 10 и др.

Говорить ли здѣсь что-нибудь о принадлежности ученія пророка Даниїла лишь маккавейской эпохѣ, — ясно изъ только-что сказаннаго нами.

Указываютъ, затѣмъ, какъ на доказательство маккавейскаго происхожденія книги Даниїловой, на характеръ и содержаніе заключающихся въ ней пророчествъ, которыя будто-бы доходятъ только до времени Антиоха Епифана, а затѣмъ касаются прямо царства Мессіи и даже воскресенія мертвыхъ—и тѣмъ свидѣтельствуютъ, что книга Даниїлова написана при Антиохѣ или вскорѣ послѣ смерти его, такъ какъ въ сущности писатель ея изложилъ въ пророческой формѣ минувшія уже событія, о дальнѣйшемъ же послѣ Антиоха, не имѣя пророческаго дара („вслѣдствіе незнанія имъ будущаго“), не могъ ничего сказать. Возраженіе это, высказанное впервые неоплатоникомъ Порфиріемъ¹⁾, повторяется однимъ за другимъ всѣми защитниками ея маккавейскаго происхожденія. Коренится оно на своеобразномъ толкованіи этихъ пророчествъ,—напр., пророчествъ о четырехъ міровыхъ монархіяхъ²⁾, подъ которыми разумѣютъ вавилонскую, мидо-персидскую, греческую и македонскую (Александра В. и преемниковъ его),—пророчества, содержащагося въ Дан. 11, 21—45 и гл. 12, гдѣ говорится будто-бы только объ Антиохѣ Епифанѣ, его царствованіи и отношеніи къ іудеямъ. Крайняя предзанятость такихъ сужденій сама собою видна. Вѣдь, по прямому смыслу пророчествъ Даниїловыхъ, царство „вѣчное“, мессіанское настанетъ вслѣдъ за разрушеніемъ четвертой міровой монархіи³⁾ (какую бы подъ ней ни подразумѣвали); уже это одно показываетъ, что въ сущности

¹⁾ Библиотека твореній св. отцовъ и учителей церкви западныхъ. Книга 21. Твор. бл. Иеронима, ч. 12. Стр. 1.

²⁾ Дан., гл. 2 и 7.

³⁾ Дан. 2, 34. 44; 7, 11—14.

нѣтъ основаній проводить какую-либо рѣзкую границу между Антиохомъ Епифаномъ и его царствомъ (если только оно относится къ четвертой міровой монархіи) и царствомъ мессіанскимъ; съ полнымъ правомъ можно сказать, что пророчества Даниїловы доходятъ не до Антиоха, а до мессіанскаго царства включительно, тѣмъ болѣе, что царство это охарактеризовано не менѣе яркими чертами, чѣмъ каждая изъ четырехъ міровыхъ монархій, что, въ свою очередь, доказываетъ въ писателѣ вовсе не безусловное „незнаніе“ событий послѣ Антиоха, а совершенно противное. Но это еще не все: самое объясненіе пророчества о четырехъ міровыхъ монархіяхъ, какое высказываютъ защитники разбираемаго нами возраженія, возбуждаетъ сомнѣніе. Общую точку зрѣнія на идею четырехъ Даниїловыхъ царствъ мы уже провели при разборѣ теоріи Эвальда. Первое царство, изображенное подъ символами золотой головы¹⁾ и крылатаго льва²⁾, по объясненію самого пророка, есть вавилонское царство³⁾; второе—подъ образами серебряныхъ груди и рукъ⁴⁾, медвѣдя⁵⁾ и двурогаго барана⁶⁾—есть, по объясненію ангела, двухсоставное царство мидо-персидское⁷⁾; третье, символами котораго являются мѣдное туловище⁸⁾, барсъ⁹⁾ и козель¹⁰⁾, есть царство „Греціи“¹¹⁾; большой рогъ между глазами козла означаетъ перваго царя этого „греческаго“ царства¹²⁾,—

¹⁾ Дан. 2, 32.

²⁾ Дан. 7, 4.

³⁾ Дан. 2, 37—38.

⁴⁾ Дан. 2, 32.

⁵⁾ Дан. 7, 5.

⁶⁾ Дан. 8, 3.

⁷⁾ Дан. 8, 20; ср. 5, 31; 6, 28.

⁸⁾ Дан. 2, 32.

⁹⁾ Дан. 7, 6.

¹⁰⁾ Дан. 8, 5.

¹¹⁾ Дан. 8, 21.

¹²⁾ Дан. 8, 21.

очевидно, Александра Македонскаго, ставшаго всемірнымъ владыкой древняго міра послѣ знаменитыхъ персидскихъ царей; четыре другихъ рога, выросшихъ у козла вмѣсто перваго,—это четыре царства, слѣдовавшія за первымъ царствованіемъ, но значительно уступавшія ему въ силѣ¹⁾; несомнѣнно, это—четыре царства, образовавшіяся изъ громадной монархіи Александра В. послѣ его смерти; отъ одного-то изъ этихъ царствъ и вышелъ небольшой рогъ, „вознесшійся“ до воинства небснаго и Вождя его, надругавшійся надъ жертвою Его и мѣстомъ святыни Его, съ успѣхомъ извращавшій и попиравшій истину на землѣ²⁾,—царь наглый, коварный, врагъ истины и Владыки владыкъ³⁾. Это-то царь (Антиохъ Епифанъ) вышелъ, слѣдовательно, изъ третьяго міроваго царства, которое въ дѣйствительности было не „греческимъ“ только, а *греко-македонскимъ*, причисляя къ нему и преемниковъ Александра В.; иначе что разумѣть подъ „греческимъ“ (третьимъ) царствомъ, если даже и Александра В. причислить уже къ четвертому царству, когда каждое царство должно *преемственно* слѣдовать одно за другимъ, когда—мало того—тоже третье царство только послѣ окончательнаго разрушенія втораго царства приобрѣло всемірное господство⁴⁾? Между же этимъ третьимъ царствомъ (а слѣдовательно и Антиохомъ) и царствомъ вѣчнымъ, мессіанскимъ слѣдуетъ еще четвертое міровое царство, которое уничтожило и сокрушило всѣ другія царства, царство „страшное, ужасное и весьма сильное“⁵⁾,—очевидно, судя по историческимъ даннымъ, царство римское; изъ него вышелъ небольшой рогъ,—врагъ „Всевышняго“ и Его за-

¹⁾ Дан. 8, 22.

²⁾ Дан. 8, 9—12.

³⁾ Дан. 8, 23—25.

⁴⁾ Дан. 8, 6—7; 2, 39.

⁵⁾ Дан. 7, 7; 2, 40.

кона, гонитель „святыхъ“¹⁾,—отличный, однако, отъ коварнаго царя третьяго царства (Антиоха), хотя и подобный ему по своему коварству, жестокости и враждѣ противъ Бога и народа Его,—точно такъ же, какъ и десятирогій страшный звѣрь²⁾ (символь четвертаго царства) отличенъ отъ однорогаго козла³⁾ (символа третьяго царства); различіе обоихъ царей видно уже изъ времени царствованія того и другого: владычество царя третьяго царства продолжается 2300 „вечеровъ и утръ“⁴⁾ или 1290 дней⁵⁾, а дѣятельность царя четвертаго царства—„время, времена и полвремени“⁶⁾. Объ этихъ же двухъ врагахъ религіи Бога истиннаго говорятъ и Дан. 11, 21—45 и гл. 12,—мѣста, относимыя приверженцами разбираемаго нами взгляда исключительно къ Антиоху; къ послѣднему безъ натяжки и согласно съ историческою дѣйствительностью можно отнести только Дан. 11, 21—45; 12, 11—12; а 12, 1—3. 6—7 говорятъ уже о царѣ четвертаго царства. Это-то отличіе послѣдняго отъ Антиоха Епифана, строгое разграниченіе между третьимъ (греко-македонскимъ) и четвертымъ (римскимъ) царствомъ, какъ пельзя лучше, доказываетъ, что пророчества Даниила заходятъ далеко за время Антиоха, такъ какъ они касаются и римскаго царства, конецъ котораго граничить съ наступленіемъ царства мессіанскаго; о макевейскомъ происхожденіи книги Данииловой это нисколько не говоритъ.

Что книга Даниилова будто-бы содержитъ въ себѣ, какъ говоритъ Порфирій⁷⁾, а за нимъ и всѣ противники

¹⁾ Дан. 7, 8. 24. 25.

²⁾ Дан. 7, 7.

³⁾ Дан. 8, 5.

⁴⁾ Дан. 8, 14.

⁵⁾ Дан. 12, 11.

⁶⁾ Дан. 7, 25; 12, 7.

⁷⁾ Библиотека твор. св. отцевъ и учителей церкви западныхъ. Кн. 21. Твор. бл. Иеронима, ч. 12. Стр. 1.

подлинности ея, не столько пророчества Давидовы о будущемъ, сколько изложенную въ маккавейскія времена писателемъ этой книги исторію уже минувшаго,—доказательствомъ этого считаютъ точныя историческія подробности этихъ пророчествъ, возможные будто-бы только въ историческихъ повѣствованіяхъ, но никакъ не въ пророчествахъ о будущемъ. Искусственность такого возраженія ясно видна каждому, болѣе или менѣе знакомому съ главнѣйшими ветхозавѣтными пророчествами. Есть среди нихъ очень подробныя и точныя пророчества. Такъ, пророчество Іереміи о завоеваніи Вавилона ¹⁾ содержитъ въ себѣ такія подробности и точныя историческія указанія, болѣе которыхъ не даетъ намъ и исторія объ этомъ событіи: оно говоритъ о завоеваніи Вавилона „великимъ народомъ отъ сѣвера“ ²⁾, именно „царями мидійскими“ ³⁾ въ союзѣ съ другими царями ⁴⁾ „великихъ народовъ отъ земли сѣверной“ ⁵⁾, объ отсутствіи въ то время царя въ столицѣ ⁶⁾, объ отводѣ осаждавшими рѣки Евфрата въ особые каналы съ цѣлію проникнуть въ городъ чрезъ прежнее русло рѣки ⁷⁾, о пиршествѣ, бывшемъ тогда въ Вавилонѣ, въ которомъ принимали участіе какъ начальники города, такъ и войска ⁸⁾,—объ избіеніи проникшими въ городъ непріятелями городской стражи и всѣхъ попадавшихся на встрѣчу, опьяненныхъ и потому безсильныхъ, „какъ женщины“ ⁹⁾,—объ освобожденіи іудеевъ изъ плѣна вскорѣ послѣ завоеванія Вавилона ¹⁰⁾, о постепенномъ, затѣмъ, разрушеніи и окончательномъ запустѣніи знаменитаго нѣкогда

¹⁾ Іер., гл. 50—51.

²⁾ Іер. 50, 3. 41; 51, 48.

³⁾ Іер. 51, 11. 28.

⁴⁾ Іер. 50, 41.

⁵⁾ Іер. 50, 9.

⁶⁾ Іер. 51, 31.

⁷⁾ Іер. 50, 38; 51, 32. 36.

⁸⁾ Іер. 51, 39. 57.

⁹⁾ Іер. 51, 30; 50, 37.

¹⁰⁾ Іер. 50, 19.

Вавилона ¹⁾ и т. д. Въ книгѣ Исаи тоже содержится пророчество о завоеваніи Вавилона мидянами ²⁾, во время всеобщаго пиршества ³⁾, и объ освобожденіи, затѣмъ, іудеевъ изъ плѣна ⁴⁾. Пророкъ Захарія съ необыкновенною точностью предсказалъ о завоеваніяхъ Александра Великаго ⁵⁾,—во время которыхъ Сирія и Финикія были покорены знаменитымъ завоевателемъ ⁶⁾, Тиръ былъ сожженъ ⁷⁾, Газа потеряла своего царя ⁸⁾, Аскалонъ сдѣлался необитаемъ ⁹⁾, Азотъ послѣ потери своихъ жителей былъ населенъ „чужимъ племенемъ“ ¹⁰⁾,—Іерусалимъ же былъ спасенъ отъ руки враговъ ¹¹⁾. Всѣ эти историческія подробности вполне подтверждаются показаніями древнихъ писателей—историковъ этихъ событій. Неужели же на основаніи такой ясности и исторической точности пророчествъ (хотя бы только-что указанныхъ нами) мы вправѣ оспаривать ихъ достоинство, предполагать въ нихъ не пророчество, а позднѣйшую исторію указываемыхъ въ нихъ событій? Это значило-бы требовать отъ пророчества только какого-то общаго описанія, чуждаго всякихъ опредѣленныхъ указаній на будущія событія, а тѣмъ болѣе точныхъ подробностей. Вспомнимъ кстаті пророчества о новозавѣтныхъ событіяхъ, наполненныя ясными указаніями на разнаго рода обстоятельства рожденія, жизни, чудесъ, ученія, страданій, смерти, воскресенія Спасителя,—тогда увидимъ, что пророчества вообще отличаются опредѣленностью и точностью, да

¹⁾ Іер. 50, 3. 12. 13. 39. 40; 51, 26. 29. 37. 43.

²⁾ Ис. 21, 2.

³⁾ Ис. 21, 5.

⁴⁾ Ис. 13, 14.

⁵⁾ Зах. 9, 1—8.

⁶⁾ Зах. 9, 1—2.

⁷⁾ Зах. 9, 4.

⁸⁾ Зах. 9, 5.

⁹⁾ Зах. 9, 5.

¹⁰⁾ Зах. 9, 6.

¹¹⁾ Зах. 9, 8.

и должны отличаться ими по своему особенному характеру и назначенію. Справедливо ли поэтому, оспаривать достоинство пророчествъ Даниіловыхъ, вообще опредѣленныхъ и точныхъ, какъ и другія наиболѣе подробныя ветхозавѣтныя пророчества? Впрочемъ, противъ Даниіловыхъ пророчествъ находятъ еще одно возраженіе: говорятъ, что они представляютъ судьбу такихъ царствъ и народовъ, которые во время самого пророка еще и не существовали, что опять будто-бы доказываетъ ихъ не пророческій, а историческій характеръ. Блестящимъ опроверженіемъ этого возраженія служитъ пророчество Валаама о томъ, что „корабли Киттима“ вѣкогда „смирять Ассира и Евера“¹⁾,— пророчество о македонянахъ (Киттимъ²⁾), историческое существованіе которыхъ было для Валаама дѣломъ далекаго будущаго; при Александрѣ В. пророчество это дѣйствительно исполнилось. Таковы же по существу пророчества Исаи³⁾ и Михея⁴⁾ о завоеваніи Иерусалима и другихъ городовъ Іудеи вавилонянами и объ отведеніи завоевателями покоренныхъ іудеевъ въ плѣнъ, сказанныя въ то время, когда самъ Вавилонъ былъ только ассирійской провинціей. Какъ видно, и судьба царствъ и народовъ, будущихъ по самому существованію своему, можетъ быть и бываетъ предметомъ пророчества; слѣдовательно, и съ этой стороны достоинство пророчествъ Даниіловыхъ не можетъ быть оспариваемо, а предположеніе о составленіи ихъ уже послѣ совершенія предсказанныхъ въ нихъ событій ничѣмъ не доказывается.

Наконецъ, маккавейское происхожденіе книги Даниіловой думаютъ⁵⁾ обосновать еще однимъ своеобразнымъ пред-

¹⁾ Числ. 24, 24.

²⁾ Ср. 1 Макк. 1, 1.

³⁾ Ис. 39, 6—7.

⁴⁾ Мих. 4, 10.

⁵⁾ De-Wette. Lehrbuch d. hist.-krit. Einl. in d. Bücher d. A. T. S. 503. — Bleek. Einleitung in d. heilige Schrift. 1. Th. S. 422, 431, 432—435.—Kuene. Hist.-krit. Einleitung in d. Bücher d. A. T. II. T. S. 469.

положеніемъ, будто историческое повѣствованіе этой книги есть аллегорическое или легендарное воспроизведеніе исторіи Антиоха Епифана и маккавейскихъ временъ,—будто подъ Навуходоносоромъ, Валтасаромъ и Даріемъ Мидяниномъ выведенъ тотъ-же Антиохъ въ различныхъ обнаруженіяхъ его ненависти къ іудейству, а подъ Даниіломъ и его друзьями—преслѣдуемые Антиохомъ іудеи. Мы имѣли уже случай встрѣтиться съ аналогичнымъ этому взглядомъ—въ теоріи Христіана Карла Бунзена, предполагающаго подъ Навуходоносоромъ въ одномъ изъ сообщаемыхъ о немъ въ книгѣ Даниіловой фактовъ, однако, не Антиоха, а Артаксеркса. Какъ тамъ, такъ и здѣсь параллель между сообщаемымъ въ книгѣ Даниіловой и разнаго рода фактами изъ времени Антиоха Епифана слишкомъ неестественна, да по существу едва ли и возможна. Справедливо ли отождествлять, напр., похищеніе свящ. сосудовъ изъ храма іерусалимскаго Навуходоносоромъ и Антиохомъ? Первый не могъ руководиться исключительно корыстными цѣлями, а тѣмъ болѣе преслѣдовать какіе-либо религіозныя интересы, въ родѣ уничтоженія служенія Іеговѣ; свящ. сосуда были для него общимъ побѣднымъ трофеемъ, къ которому онъ относится съ вниманіемъ и уваженіемъ¹⁾. Антиохъ же оскверняетъ свящ. сосуда и самое святилище, задавшись цѣлію уничтожить іудейскую религію и обрядность, и съ надменностью и жестокостью похищаетъ изъ святилища сосуда, храмовыя принадлежности и сокровища съ корыстною цѣлію²⁾. Возьмемъ повѣствованіе книги Даниіловой о громадномъ истуканѣ Навуходоносора, которое считаютъ воспроизведеніемъ исторіи о поставленіи Антиохомъ жертвенника на алтарѣ іерусалимскаго храма. Что здѣсь мы видимъ при сопоставленіи обоихъ разказовъ? Навуходоносоръ ставитъ истуканъ³⁾, а Антиохъ—

¹⁾ Дан. 1, 2; 5, 2.

²⁾ 1 Макк. 1, 20—24; 2 Макк. 5, 15—16.

³⁾ Дан. 3, 1.

жертвенникъ ¹⁾; первый—на полѣ ²⁾, второй—на алтарѣ іерусалимскаго храма ³⁾; истуканъ—громадный по величинѣ, въ 60 локтей высоты и 6 локтей ширины ⁴⁾, жертвенникъ же Антиоха настолькоъ небольшихъ размѣровъ, что могъ помѣститься на алтарѣ храма ⁵⁾; Навуходоносоръ ставитъ только одинъ истуканъ въ одномъ мѣстѣ ⁶⁾, а Антиохъ—жертвенники во многихъ городахъ іудейскихъ ⁷⁾; открытіе истукана сопровождается всенароднымъ торжествомъ, музыкой ⁸⁾; о чемъ-либо подобномъ при поставленіи жертвенника ничего неизвѣстно; поклоненіе и чествованіе истукана имѣло кратковременный характеръ и сопровождалось, можно думать, только жертвоприношеніями ⁹⁾; напротивъ, жертвенникъ Антиоха былъ поставленъ не для однократнаго только жертвоприношенія, да и служеніе намѣченной цѣли должно было сопровождаться всякаго рода распутствомъ и другими языческими мерзостями ¹⁰⁾; Навуходоносоръ, говоря о чествованіи и поклоненіи поставленному имъ истукану, не имѣетъ въ виду преслѣдовать ни іудейской, ни какой-либо другой національной религіи: онъ не требуетъ отреченія отъ Іеговы, не думаетъ уничтожать и служенія Ему; онъ требуетъ только однократнаго поклоненія поставленному истукану ¹¹⁾; по языческимъ воззрѣніямъ, это можно было сдѣлать каждому, не оскорбляя тѣмъ своего національнаго бога (или боговъ); напротивъ, Антиохъ задался цѣлію уничтожить въ конецъ іудейскую религію, задумалъ составить изъ всѣхъ

¹⁾ 1 Макк. 1, 59.

²⁾ Дан. 3, 1.

³⁾ 1 Макк. 1, 59.

⁴⁾ Дан. 3, 1.

⁵⁾ 1 Макк. 1, 59.

⁶⁾ Дан. 3, 1.

⁷⁾ 1 Макк. 1, 54.

⁸⁾ Дан. 3, 2—5.

⁹⁾ Дан. 3, 12, 14, 18.

¹⁰⁾ 1 Макк. 1, 48.

¹¹⁾ Дан. 3, 5—6, 15.

подвластныхъ ему племенъ одинъ народъ съ одною общою религіею,—именно языческою,—и съ этою цѣлію ставитъ въ Іудеѣ языческіе жертвенники, требуя отъ всѣхъ принесенія на нихъ языческихъ жертвъ, отреченія отъ іудейской обрядности, обрѣзанія, праздниковъ и т. п. и воздвигая жестокое гоненіе на вѣрныхъ служителей Іеговы ¹⁾; наконецъ, слушниковъ царскаго повелѣнія Навуходоносоръ предаетъ прямо смерти ²⁾; Антиохъ же—предварительно страшнымъ пыткамъ и мученіямъ ³⁾. Много ли, спрашивается, можно найти сходства между тѣмъ и другимъ разсказомъ? Далѣе, есть ли основаніе отождествлять наказаніе Богомъ Навуходоносора и судъ Іеговы надъ Антиохомъ? Навуходоносоръ былъ наказанъ Богомъ, но не за какія-либо гоненія на іудеевъ, а за свою гордость и тщеславіе ⁴⁾; Антиохъ же призываетъ надъ собою судъ Божій за грѣхи своего фанатизма и необыкновенной ярости ⁵⁾; Навуходоносоръ приходитъ къ сознанию своей вины и вторично вступаетъ на царство ⁶⁾; болѣзнь же Антиоха оканчивается для него самою жалкою смертію ⁷⁾. Въ чемъ еще сходство между Валтасаромъ и Антиохомъ? Первый не преслѣдуетъ ни іудеевъ, ни въ частности Данила; мало того: выслушиваетъ страшное для себя предсказаніе пророка и его же еще награждаетъ ⁸⁾; Антиохъ же не зналъ мѣры въ своей ярости противъ іудеевъ; Валтасара постигаетъ судъ Божій за оскверненіе имъ свящ. сосудовъ и прославленіе „боговъ серебряныхъ и золотыхъ, мѣдныхъ, желѣзныхъ, деревянныхъ и каменныхъ“,

¹⁾ 1 Макк. 1, 41—42, 44—50.

²⁾ Дан. 3, 6.

³⁾ 2 Макк. 7.

⁴⁾ Дан. 4, 14, 27.

⁵⁾ 1 Макк. 6, 12—13; 2 Макк. 9, 5—6.

⁶⁾ Дан. 4, 31—33.

⁷⁾ 2 Макк. 9, 28.

⁸⁾ Дан. 5, 17—29.

а не Бога живаго ¹⁾; Антиохъ же грѣшитъ гораздо большимъ; Валтасаръ былъ убитъ ²⁾; Антиохъ же умираетъ естественною смертію, хотя отъ ужасной болѣзни; царство Валтасара переходитъ къ мидянамъ и персамъ ³⁾, царство же Антиоха получаетъ сынъ его ⁴⁾. А Дарій Мидянинъ похожъ ли сколько-нибудь на Антиоха Елифана? Указъ Дарія не имѣетъ въ виду преслѣдованія іудеевъ, потому что послѣ 30 дней каждый подданный его могъ по прежнему молиться своему богу ⁵⁾; гоненіе же Антиоха на іудеевъ и издававшіяся имъ для этого распоряженія имѣли безусловное значеніе; указъ Дарія былъ хитро вынужденъ у него врагами Даниила съ цѣлью погубить пророка ⁶⁾; Антиохъ же съ свойственною ему жестокостью всячески преслѣдуетъ іудеевъ, являясь самъ главною пружиною затѣяннаго имъ гоненія; Дарій, послѣ обвиненія пророка Даниила въ нарушеніи царскаго указа, сильно скорбитъ о своемъ любимцѣ, до самаго вечера вслѣдствіи старается оправдать или извинить его, чтобы спасти отъ смерти, съ горечью уступаетъ только законному основанію, напутствуетъ пророка пожеланіемъ спасенія ему силою Божіею, самъ отъ скорби не можетъ ни вкушать пищи, ни спать, раннимъ утромъ спѣшитъ ко рву львиному освѣдомиться о Даниилѣ, несказанно радуется его спасенію, осуждаетъ на смерть враговъ пророка ⁷⁾; есть ли здѣсь хоть одна черта, напоминающая свирѣпаго и жестокаго Антиоха, ненавидящаго и Бога іудейскаго и народъ Его? Вавилонскіе и мидійскіи цари, познавшіе силу Иеговы, прославляютъ чудеса Его всевѣдѣнія, всемогущества,

правосудія ¹⁾, призываютъ всѣхъ къ благоговѣнію предъ Нимъ ²⁾, угрожая за хуленіе Его смертною казнію ³⁾; пророка Даниила и друзей его награждаютъ всякаго рода почестями и дарами, возвышаютъ на первыя мѣста въ государствѣ ⁴⁾. Мыслимо ли приравнивать къ этому отношенію Антиоха Елифана къ Богу іудейскому, Его религіи и Его народу? А въ чемъ, наконецъ, сходство между положеніемъ пророка Даниила и друзей его въ Вавилонѣ и іудеевъ въ маккавейскія времена? Даниилъ съ друзьями воспитывается при царскомъ дворѣ, окружается почестями, иногда, впрочемъ, живетъ въ отдаленіи отъ дѣлъ правленія ⁵⁾; маккавейскіе же іудеи были, напротивъ, цѣлю гоненій Антиоха и сами должны были стать на защиту свою съ оружіемъ въ рукахъ; Даниилъ былъ другомъ почитавшихъ его царей, относился къ нимъ съ уваженіемъ и сочувствіемъ ⁶⁾; Маккавеи же называютъ Антиоха „изобрѣтателемъ всѣхъ золь, нечестивымъ и преступнѣйшимъ изъ всѣхъ людей“, предвозвѣщаютъ ему страшный гнѣвъ Божій ⁷⁾. Разумно ли, поэтому, называть исторію пророка Даниила аллегорическимъ воспроизведеніемъ исторіи маккавейскихъ временъ, а отсюда дѣлать заключеніе о маккавейскомъ происхожденіи самой книги Данииловой? Очевидно само собою.

Что же служитъ доказательствомъ въ пользу именно вавилонскаго происхожденія этой книги? Прежде всего, языкъ ея. Книга Даниилова написана на двухъ языкахъ: гл. 1—2, 4 и гл. 8—12 на еврейскомъ, а гл. 2, 4 до конца 7 гл. на арамейскомъ. Очевидно, вавилонскій писатель книги зналъ оба эти языка: какъ іудей (каковымъ нужно, несомнѣнно, считать

¹⁾ Дан. 5, 22—24.

²⁾ Дан. 5, 30.

³⁾ Дан. 5, 28, 31.

⁴⁾ 1 Макк. 6, 14—15, 17.

⁵⁾ Дан. 6, 7.

⁶⁾ Дан. 6, 5, 11.

⁷⁾ Дан. 6, 14—24.

¹⁾ Дан. 2, 47; 3, 95; 4, 34.

²⁾ Дан. 6, 26—27.

³⁾ Дан. 3, 96.

⁴⁾ Дан. 2, 48—49; 3, 97; 5, 29; 6, 3.

⁵⁾ Дан. 5, 11, 13.

⁶⁾ Дан. 2, 38; 4, 16.

⁷⁾ 2 Макк. 7, 31—37.

Св. пророкъ Даниилъ.

его), онъ не могъ не знать своего родного, еврейскаго языка; а какъ житель Вавилона (что также очевидно), онъ долженъ былъ знать и общенародный въ Вавилонѣ арамейскій языкъ. Такое же знакомство съ обоими языками онъ предполагалъ и въ читателяхъ своей книги—іудеяхъ; а когда евреи (не избранные только, конечно, а общая масса ихъ) могли читать на арамейскомъ языкѣ, какъ не въ Вавилонѣ во время плѣна? До него они говорили на родномъ еврейскомъ языкѣ, хотя болѣе образованные евреи были знакомы и съ ассиро-вавилонскимъ, арамейскимъ языкомъ¹⁾; но, замѣчательно, въ плѣну общеупотребительный въ Вавилонѣ арамейскій языкъ сталъ брать перевѣсъ надъ еврейскимъ языкомъ среди іудейскаго населенія, постепенно вытѣснялъ его собою, такъ что скоро послѣ плѣна, при Эздры и Нееміи, хотя іудеи знали еще родной языкъ, такъ какъ послѣплѣнные библейскіе писатели писали, по весьма понятной причинѣ, на священномъ языкѣ, но съ теченіемъ времени стали забывать его²⁾: арамейскій языкъ до того укрѣпился, что возвратъ къ прежнему библейскому языку оказался невозможнымъ; самъ Эзра пишетъ нѣкоторые отрывки своей книги уже по арамейски. Съ теченіемъ времени еврейскій языкъ подвергался все большому и большому забвенію, а во времена Маккавеевъ уже давно прекратилъ свое существованіе и замѣнился сиро-халдейскимъ или арамейскимъ; древнебиблейскій еврейскій языкъ сталъ достояніемъ только ученыхъ (какъ это мы видимъ и у современныхъ намъ евреевъ). Съ какою же цѣлію писатель книги Давидовой (если

¹⁾ 4 Цар. 18, 26; Ис. 36, 11.

²⁾ Ср. Неем. 13, 24: во времена Нееміи сыновья іудеевъ, женившихся на иноплеменницахъ, говорили уже то по азотски, то на другихъ языкахъ; по еврейски же не умѣли говорить. Это, впрочемъ, не значить, что вообще іудеи говорили въ то время по еврейски, а незнаніе атого языка сыновьями отъ смѣшанныхъ браковъ зависѣло именно отъ послѣдняго: это указываетъ только на быстрое забвеніе священнаго еврейскаго языка, который не успѣлъ еще совершенно отойти на задній планъ, вытѣсняемый то арамейскимъ языкомъ, то другими инородными.

онъ жилъ въ маккавейское время) сталъ-бы писать свою въ высшей степени интересную книгу на непонятномъ для народа еврейскомъ языкѣ, когда для египетскихъ іудеевъ гораздо раньше этого времени былъ сдѣланъ переводъ свая. книгъ (LXX) именно потому, что евреи не понимали уже древнебиблейскаго языка и не могли, поэтому, читать библейскихъ книгъ въ подлинникѣ? Ужъ не для того, во всякомъ случаѣ, чтобы своею книгою представить нѣчто подобное произведеніямъ прежнихъ библейскихъ писателей¹⁾—Іереміи и Эдры; если въ ихъ времена соединеніе двухъ языковъ въ одномъ произведеніи было естественно, то для маккавейскихъ читателей это казалось-бы совершенно безцѣльнымъ: писатель долженъ былъ пользоваться или народнымъ, арамейскимъ языкомъ, или же однимъ священнымъ, еврейскимъ, а не дѣлать средину священной книги достояніемъ народа, покрывая въ тоже время начало и конецъ ея непроницаемою для него тайною. Частнѣйшее разсмотрѣніе свойствъ языка книги Давидовой говоритъ только въ пользу вавилонскаго происхожденія ея. Еврейское нарѣчіе этой книги по своимъ особенностямъ имѣетъ близкое сходство съ языкомъ книги Іезекіила²⁾. Подобно послѣднему, и первое далеко не отличается правильностью и чистотою, что, конечно, вполне понятно. Если Аггей, Захарія, Эдра и Неемія, жившіе и писавшіе въ Палестинѣ, гдѣ еврейскій языкъ хотя вымиралъ, но, какъ языкъ науки и литературы, еще былъ въ употребленіи, не отличаются чистотою и правильностью языка своихъ священныхъ произведеній, если книга пророка Іезекіила, жившаго уже въ Ва-

¹⁾ Какъ предполагаетъ Кирмъ (Commentatio historico-critica, exh. descr. et cens. recent. de Dan. libro opin. P. 33).

²⁾ Употребленіе словъ: בן (Дан. 1, 5; Іез. 25, 7), רוח (Дан. 1, 10; Іез. 18, 7), צָבִי (Дан. 8, 9; Іез. 20, 6. 15), בֶּן-אֲדָרָם (Дан. 8, 17: у Іез. довольно часто), לְלִקְרָא (Дан. 10, 6; Іез. 1, 7), בְּכַתְּבֵי вмѣсто סִפְרֵי (Дан. 10, 21; Іез. 13, 9), וְהָרָה (Дан. 12, 3; Іез. 8, 2) и др.—Zündel. Krit. Untersuchungen üb. d. Abfassungszeit d. Buches Daniel. 8. 243—244.

вилонѣ, хотя и среди колоніи своихъ соплеменниковъ, нерѣдко изобилуетъ всякаго рода халдеизмами, которыхъ въ ней несравненно больше, чѣмъ въ книгѣ современнаго Іезекііла пророка Іереміи,—тѣмъ большей порчи родного еврейскаго языка нужно ждать отъ писателя книги Даниловой, стоявшаго, какъ видно непосредственно изъ нея же, въ близкихъ отношеніяхъ ко двору Навуходоносора, къ классу вавилонскихъ мудрецовъ-халдеевъ и т. п., гдѣ еврейскій языкъ былъ совершенно невѣдомъ. Что касается арамейскаго нарѣчія книги Даниловой, то оно сродно съ арамейскимъ языкомъ книги Эздры, сравнительно съ которымъ имѣетъ признаки болѣе ранняго происхожденія, и значительно отличается отъ языка позднѣйшихъ таргумовъ¹⁾, относящихся, по достовѣрнымъ о нихъ изслѣдованіямъ, ко времени не раннѣйшему второй половины I в. до Р. Хр. Такъ называемые „персизмы“ или арійскія слова, пересыпающія иногда рѣчь книги Даниловой²⁾, встрѣ-

¹⁾ Ср. еврейское חֲמִיץ съ халдейскими у Дан. 6, 5 שְׁלִיחַ וְשָׁלַח и Дан. 4, 24 חֲמִיץ, у Эздры 4, 22 שְׁלִיחַ и въ таргумѣ Онкелоса חֲמִיץ (Быт. 20, 9); овр. חֲמִיץ съ халд. Дан. 2, 5 נִילִי, Эздры 6, 11 נִילִי, тарг. קְלִקְלִתָּהּ (1 Цар. 2, 9); евр. סִפְרָא съ Дан. 4, 14 פְּחֻמָּה, Эздры 6, 17; 5, 3 פְּחֻמָּה, тарг. סִפְרָא (Быт. 17, 14); евр. כֶּן עַל съ Дан. 2, 12. 24 כָּל-קַבְּלֵ-רֵי, Эздры 6, 3; 5, 4 כָּל-קַבְּלֵ-רֵי, тарг. אֲרֵי עַל כֶּן (Быт. 38, 26); евр. צִוָּה съ Дан. 5, 2 שִׁים מַעַם, Эздры 5, 4; 6, 1. 14 שִׁים מַעַם, та; г. סִקִּיר (Быт. 42, 25) и צִוָּה; евр. עַל-פְּנֵי съ Дан. 3, 13; 4, 14 עֲלוּהוּ עַל, Эздры 6, 17 עֲלוּהוּ, тарг. עַל-אִפֵּי (Быт. 1, 2; 25, 10); евр. הִנֵּי съ Дан. 5, 30; 2, 23. 16 רֵי (верѣдка אֲרֵי Дан. 7, 5), Эздры 6, 8 רֵי и Эздры 5, 17; 7, 26 הֵן, тарг. אֲרֵי (Быт. 28, 11; 1, 10. 12. 18) и проч. Zündel. Krit. Unters. Abt. d. Abf. d. B. D. S. 246—247.

²⁾ См. Дан. 2, 5. 8: אֲרָא (отъ древнеперсидскаго azanda, наука); Дан. 3, 2. 3: דְּרָבֵר (древнеперс. datouber, законовѣдъ); Дан. 3, 5; 3, 29: דְּרָם (перс. handam, членъ); Дан. 1, 5. 8. 13: פְּחֻמָּה (древнеперс. pati-baga, трапеза боговъ); Дан. 3, 2. 3: גְּרָבָרִין (древнеперс. gas-bar, казначей); Дан. 1, 3: פְּרָתִים (санскр. prathama, знать); Дан. 3, 2. 3. 27: פָּחָה (древнеперс. paik, намѣстникъ) и др.—Zündel. Krit. Unters. S. 248.

чаются не только у позднѣйшихъ свящ. писателей—Эздры и Нееміи, но и у современника Даниіла—Іезекііла и говорятъ только о той порчѣ, какой сталь подвергаться въ вавилонскомъ плѣну древнееврейскій литературный языкъ. Появленіе ихъ въ книгѣ Даниловой не можетъ возбуждать никакихъ сомнѣній: изъ клинообразныхъ надписей ассирійскихъ царей, особенно Саргона, Сеннахирима и Асаргаддона, мы знаемъ, что они неоднократно подчиняли себѣ мидійскія области, налагали на нихъ дань и т. п.¹⁾; почему же еще въ то время нѣкоторыя арійскія слова не могли войти въ ассиро-вавилонскій арамейскій языкъ? Навуходоносоръ же даже женился на дочери мидійскаго царя; его государство было разнородно и разноплеменно; указы свои онъ разсылалъ всемъ „народамъ, племенамъ и языкамъ, живущимъ по всей землѣ“²⁾; если же въ числѣ этихъ „народовъ, племенъ и языковъ“ были племена персидскія или мидійскія, то что удивительнаго, если нѣкоторыя арійскія слова попали въ общенародный языкъ? Не говоримъ уже о томъ, что писатель книги Даниловой, доводящей исторію жизни пророка до 3-го года Кира персидскаго, если не написалъ, то закончилъ свою книгу не раньше царствованія Кира же, т. е. персидскаго господства въ Вавилонѣ. Не служатъ ли указанная нами свойства языка этой книги несомнѣннымъ доказательствомъ не только вообще домаккавейскаго, но и именно вавилонскаго происхожденія ея?

Въ пользу послѣдняго убѣдительно говорятъ также характеръ изложенія и внутренняя мысль, которая сквозитъ въ каждомъ словѣ книги Даниловой. Знакомство писателя книги съ исторіей времени вавилонскаго плѣна видно, какъ нельзя лучше; хронологическія и топографическія даты говорятъ о томъ-же; иногда писатель дѣлаетъ только намеки на

¹⁾ Schrader. Keilinschriftliche Bibliothek. B. II. S. 39, 41, 55, 61, 91, 133, 147.—Ср. 1 Эздры 4, 9.

²⁾ Дан. 3, 96. 98.

главнѣйшія событія того времени, предполагая, конечно, что они хорошо извѣстны его первоначальнымъ читателямъ-современникамъ. Ставятъ въ вину писателю книги разнаго рода историческія ошибки, въ которыхъ онъ, говорятъ, обнаружилъ будто-бы совершенное незнаніе исторіи вавилонскаго времени, что вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣлствуетъ о позднѣйшемъ какъ существованіи самого писателя, такъ и составленіи имъ книги Даниіловой. Мы не будемъ теперь касаться сущности этого возраженія и говорить что-либо о его несостоятельности. Объ историческихъ ошибкахъ или, вѣрнѣе, спорныхъ вопросахъ и недоумѣніяхъ въ книгѣ Даниіловой намъ придется говорить при самомъ изложеніи обстоятельствъ жизни и дѣятельности пророка Даниіла, причемъ нужно будетъ дать надлежащее рѣшеніе или объясненіе ихъ. Тогда мы увидимъ, что „ошибки“ эти, какъ называютъ ихъ, только кажущіяся, а ихъ видимое противорѣчіе не только свѣтской (общегражданской), но и библейской исторической литературѣ (если только существуетъ это, хотя бы и видимое, противорѣчіе) говоритъ именно въ пользу того, что писатель книги Даниіловой какъ изучилъ исторію вавилонскаго времени не по литературнымъ памятникамъ, а самъ былъ очевидцемъ изображаемыхъ имъ событій,—такъ и излагалъ ее самъ по себѣ, не подчиняясь чужимъ авторитетамъ, а тѣмъ болѣе не на основаніи готовыхъ данныхъ исторіи¹⁾. Тотъ-же писатель, какъ увидимъ впоследствии, превосходно знаетъ вавилонскіе и мидо-персидскіе обычаи и учрежденія, существовавшіе именно въ описываемое имъ время: онъ

¹⁾ Подобнаго рода видимыя противорѣчія встрѣчаются иногда, какъ извѣстно, и въ повѣствованіяхъ четырехъ евангелистовъ объ одномъ и томъ-же предметѣ; однако это считаютъ несомнѣннымъ доказательствомъ того, что каждый евангелистъ излагалъ прекрасно извѣстныя ему событія самостоятельно, отмѣчалъ тѣ факты или черты, какія самъ находилъ нужнымъ, а не составлялъ свое евангеліе на основаніи другого.

говоритъ объ именахъ¹⁾, должностяхъ²⁾, одеждахъ³⁾, музыкальныхъ инструментахъ⁴⁾, объ обычаяхъ во время религиозныхъ и общественныхъ празднествъ⁵⁾, на пирахъ⁶⁾, о характерѣ государственнаго управленія⁷⁾ въ Вавилонѣ и Мидіи и т. д.; всѣ указанія его вполне подтверждаются свидѣтельствами другихъ древнихъ авторовъ и открытыми въ послѣднее время историческими памятниками, такъ называемыми клинообразными надписями. У писателя, далѣе, замѣтна своеобразная окраска передаваемыхъ имъ событій; литературный вкусъ его, разнаго рода описанія, халдейскій колоритъ изображаемыхъ дѣйствій и предметовъ, символы звѣрей, встрѣчающихся на дошедшихъ до насъ памятникахъ изъ этой эпохи, и т. п.—все напоминаетъ въ немъ жителя Вавилона и очевидца изображаемыхъ имъ событій, а не позднѣйшаго палестинскаго іудея. Такого рода историческихъ свѣдѣній, знанія вавилонскихъ обычаевъ и учреждений, своеобразной окраски передаваемыхъ событій—не могъ, конечно, писатель книги почерпнуть ни изъ прежней библейской письменности, ни изъ дошедшаго до него преданія о современныхъ вавилонскому плѣну событіяхъ, ни изъ личнаго посѣщенія Вавилона въ позднѣйшее уже время⁸⁾. Разсказъ его указываетъ на прекраснаго знатока государственной и общественной жизни Вавилона. Писатель долженъ былъ быть близокъ къ классу вавилонскихъ мудрецовъ, потому что въ противномъ случаѣ

¹⁾ Дан. 1, 3. 7; 2, 14; 4, 5.

²⁾ Дан. 1, 3. 11; 2, 14. 48. 49; 3, 2. 4; 6, 1. 2. 7.

³⁾ Дан. 3, 21.

⁴⁾ Дан. 3, 5.

⁵⁾ Дан. 3, 2. 4—6.

⁶⁾ Дан. 5, 1. 3. 4.

⁷⁾ Дан. 2, 48. 49; 3, 2. 97; 5, 29; 6, 1. 2. 7.

⁸⁾ Такія возрѣвія проводятъ Ленгерке (Das Buch Daniel. S. XXXVII—XLV), де-Ветге (Lehrbuch d. hist.-krit. Einl. in d. kanon. u. apokr. Bücher d. A. T. S. 504), Кювенъ (Hist.-krit. Einleitung in d. Bücher d. A. T. II. T. S. 476—477).

не могъ-бы знать ихъ степеней и чиновъ, родовъ ихъ занятій и проч. Извѣстно, какъ изолированы были отъ народа въ древнее время жрецы и маги: не только ихъ тайны, но даже просто организація ихъ института была въ точности извѣстна только для посвященныхъ. Какъ же бы могъ знать это іудей маккавейской эпохи, еслибы онъ даже и посѣтилъ Вавилонъ? Откуда онъ взялъ собственныя имена вавилонскихъ придворныхъ? Какія библейскія книги, какое преданіе говоритъ о нихъ?

Могъ ли, наконецъ, іудей маккавейской эпохи написать книгу въ такомъ духѣ, какова въ сущности книга Даніилова? Тогда ненависть къ языческимъ царямъ, преимущественно, конечно, къ Антіоху Епифану, жесточайшему гонителю и врагу всего іудейскаго, проникала все существо іудея и дѣлалась невольно основнымъ мотивомъ всей его дѣятельности; а отсюда развивался крайній ригоризмъ и жесточайшая ненависть ко всему языческому. Возможно ли ожидать, по-этому, отъ іудея такого склада мыслей и чувствъ (а таково было громадное большинство іудеевъ—современниковъ Антіохова гоненія, а тѣмъ болѣе „благочестивый“ іудей, какъ называютъ писателя книги Даніиловой) составленія книги, гдѣ бы говорилось, что пророкъ Даніилъ, строгій ревнитель закона Іеговы, вмѣстѣ съ друзьями своими воспитывался и жилъ при дворѣ языческаго царя, изучалъ у халдеевъ всю мудрость языческую, что онъ и трое отроковъ получили языческія имена и сдѣлались потомъ правителями языческихъ провинцій, а Даніилъ даже начальникомъ халдеевъ, что онъ былъ близокъ къ языческимъ государямъ, относился къ нимъ съ уваженіемъ и симпатією и т. д. „Благочестивый“ іудей маккавейской эпохи, можно съ увѣренностью сказать, не написалъ-бы *такой* исторіи великаго пророка: еслибы она была даже точнымъ воспроизведеніемъ обстоятельствъ жизни и дѣятельности пророка Даніила, то и тогда, естественно, писатель постарался-бы хоть нѣсколько смягчить или совсѣмъ опустить такія мѣста, придавши самой книгѣ характеръ болѣе

соотвѣтствующій общему настроенію преслѣдуемой Антіохомъ іудейской массы. Съ другой стороны, еслибы книга Даніилова была написана для утѣшенія іудеевъ среди гоненій, какъ говорятъ защитники маккавейскаго происхожденія ея, то достигла ли бы она своей цѣли? Какое утѣшеніе могли извлечь изъ нея вѣрные сыны Іеговы? Надежду на помощь Божию, столь явно низпосланную нѣкогда тремъ отрокамъ въ печи и Даніилу во рву львиномъ? Но основная идея обихъ рассказовъ была противоположна убѣжденію и стремленію маккавейскихъ іудеевъ: какъ отроки, такъ и пророкъ Даніилъ не защищаются въ виду ожидающей ихъ казни, а спокойно отдають себя въ руки языческихъ властей. То ли было въ маккавейское время? Іудеи пылали мщеніемъ и ненавистью къ своимъ мучителямъ, призывали другъ друга къ оружію и т. п. Предложить имъ для утѣшенія рассказъ объ отрокахъ въ печи или Даніилѣ во рву львиномъ—значило-бы убѣждать оставить оружіе, отказаться отъ защиты и мести, спокойно терпѣть преслѣдованія, мученія и казни въ ожиданіи чудесной помощи Божіей. Едвали бы этимъ „утѣшились“ маккавейскіе іудеи. А какое утѣшеніе они могли почерпнуть изъ рассказовъ о воспитаніи пророка Даніила, о толкованіи имъ сна Навуходоносору и объясненіи таинственной надписи Валтасару? Естественно ли вообще навязывать книгѣ Даніиловой какія-то политическія тенденціи и наряду съ этимъ доказывать ея маккавейское происхожденіе? Послѣ всего сказаннаго нами по этому вопросу—очевидно само собою.

Все, что мы говорили до сихъ поръ о времени происхожденія книги Даніиловой, относится вообще къ *канонической* книгѣ Даніиловой, вавилонское происхожденіе которой становится несомнѣннымъ. Мы не упоминали еще, что въ числѣ 14 главъ этой книги, изъ которыхъ она состоитъ въ нашихъ славянской и русской Библіяхъ, есть неканоническіе отрывки, подлежащіе особому сужденію: это—исторія Сусанны, изложенная въ 13-ой главѣ книги, затѣмъ, стихи 24—90 третьей

главы (по греческому и нашему славянскому тексту), содержащія въ себѣ молитву Азаріи въ раскаленной печи (ст. 24—45), рассказъ о схожденіи ангела въ печь къ отрокамъ (ст. 46—50) и хвалебную пѣснь трехъ отроковъ (ст. 51—90),—и, наконецъ, два самостоятельныхъ рассказа, содержащіяся въ 14-ой главѣ книги Данииловой,—рассказъ о Вилѣ (ст. 1—22) и о драконѣ (ст. 23—42)¹⁾. Въ еврейско-арамейскомъ подлинномъ текстѣ книги этихъ отрывковъ вовсе нѣтъ: книга Даниилова состоитъ только изъ нашихъ 12 первыхъ главъ, а въ 3-ей главѣ послѣ 23 стиха слѣдуетъ непосредственно нашъ 91. Но есть они во всѣхъ переводахъ книги Данииловой: въ подлинномъ переводѣ LXX, обнародованномъ по древнѣйшему списку, найденному въ Римѣ и изданному тамъ же Simon'омъ de Magistris въ 1772 г. подъ заглавіемъ: „Daniel secundum septuaginta ex tetraplis Origenis“²⁾, въ переводахъ Θεοδοτία, помѣщаемомъ обыкновенно въ греческихъ текстахъ Библии³⁾, Акилы и Симмаха, въ древнеиталійскомъ переводѣ, въ переводѣ бл. Иеронима (Вульгатѣ) и во всѣхъ переводахъ восточныхъ—сирскихъ, коптскомъ, эіопскомъ, армянскомъ, арабскомъ и др. Въ греческомъ текстѣ они стоятъ не на тѣхъ мѣстахъ, какъ въ нашей славянской Библии: пѣснь трехъ отроковъ помѣщена въ Псалтири послѣ 151 псалма; исторія Сусанны составляетъ первую главу книги Данииловой или, правильнѣе, вступленіе къ ней,—а наша 14-я глава присоединяется къ послѣдней канонической (12-й), но съ особымъ счетомъ стиховъ. Въ греческихъ рукописяхъ исторія Сусанны помѣщается первой главой (или „visio prima“), наша 1-я глава

¹⁾ Придерживаемся хронологическаго порядка самыхъ событій, о которыхъ повѣствуютъ эти отрывки.

²⁾ Lengerke. Das Buch Daniel. S. CVI.

³⁾ Библиотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ. Кн. 21. Твор. бл. Иеронима, ч. 12. Стр. 3.

стоять 2-ою и т. д. по порядку¹⁾. Тоже самое расположеніе главъ замѣчается въ греческомъ изданіи Вульгаты и синописѣ Аѳанасія²⁾, въ древнихъ славянскихъ рукописяхъ³⁾ и даже печатной славянской Библии 1663 г.⁴⁾. Такого рода обстоятельства легко могутъ навести непредубѣжденнаго изслѣдователя на столь же своеобразное (и въ общемъ невыгодное) заключеніе о характерѣ и происхожденіи неканоническихъ отрывковъ книги Данииловой; отсутствіе же ихъ въ подлинномъ еврейско-арамейскомъ текстѣ книги, на что указывалъ еще бл. Иеронимъ со словъ Евсевія и Аполлинарія⁵⁾, повидимому, даетъ основаніе предполагать, что и первоначально въ немъ ихъ не было, а появились они на свѣтъ впервые только въ переводахъ LXX и Θεοδοτία. Предположеніе это могло-бы перейти въ увѣренность въ силу довода, высказаннаго еще Порфиріемъ, который, по словамъ бл. Иеронима, считалъ всю книгу Даниилову составленною на греческомъ языкѣ въ позднѣйшее время на томъ основаніи, что въ исторіи Сусанны, въ греческомъ ея текстѣ, замѣчается игра словъ: „ἀπὸ τοῦ σῦνου σῦσαι καὶ ἀπὸ τοῦ πρῖνου πρῖσαι“,—болѣе свойственная греческому языку, чѣмъ еврейскому⁶⁾. Тоже замѣчаетъ Юлій Африканъ, что такая игра словъ возможна только въ греческомъ текстѣ, такъ какъ еврейскія слова, соотвѣтствующія греческимъ σῦνος и σῦσις или πρῖνος

¹⁾ Montfaucon В. Bibliotheca Coisliniana, olim Segneriana. Parisiis. 1715. P. 179.

²⁾ Sixtus Senensis. Bibliotheca sancta. Editio 3. Coloniae. 1586. P. 13—14.

³⁾ Описаніе славянскихъ рукописей моск. синод. библиотеки. Отдѣлъ I. М. 1835. Стр. 204.

⁴⁾ Востоковъ А. Описаніе русскихъ и словенскихъ рукописей Румянцевскаго музеума. СПб. 1842. Стр. 35—36.

⁵⁾ Библ. твор. св. отцевъ и учителей церкви западныхъ. Кн. 21. Твор. бл. Иеронима, ч. 12. Стр. 3.

⁶⁾ Ibid.

и $\text{пр}^{\iota}\zeta\omega$ совершенно различны¹⁾, что, естественно, указывает на греческий текст книги, какъ на подлинникъ, а не переводъ. Евсевій и Аполлинарій, по словамъ бл. Иеронима, отрицая существованіе неканоническихъ отрывковъ книги Даниловой въ еврейскомъ ея текстѣ, приписывали составленіе ихъ пророку Аввакуму, сыну Исусову, изъ колѣна левина²⁾. Изъ позднѣйшихъ изслѣдователей и комментаторовъ Корнелій а Ляпиде считаетъ писателемъ ихъ какого-то іудея, составлявшаго въ плѣну вавилонскомъ или послѣ него лѣтописи царей мидійскихъ и персидскихъ³⁾; Перерій⁴⁾ и Аккерманъ⁵⁾— одного іудея греческой уже эпохи іудейской исторіи. Изъ русскихъ—въ пользу позднѣйшаго происхожденія неканоническихъ отрывковъ, явившихся первоначально у греческихъ переводчиковъ книги Даниловой, высказывается Бухаревъ⁶⁾ и др. Созвучіе словъ $\text{сх}^{\iota}\nu\omicron\varsigma$ и $\text{сх}^{\iota}\zeta\omega$ и $\text{пр}^{\iota}\nu\omicron\varsigma$ и $\text{пр}^{\iota}\zeta\omega$ (по греческому тексту исторіи о Сусаннѣ), служащее поводомъ къ такого рода возрѣніямъ, въ сущности слишкомъ мало даетъ намъ права утверждать, будто самый греческій текстъ есть подлинный оригиналъ, а не переводъ: еще Оригенъ въ своемъ посланіи къ Африкану указывалъ на то, что и въ еврейскомъ языкѣ, въ частности на языкѣ священнаго писанія, встрѣчаются подобнаго рода созвучія, такъ какъ ветхозавѣтная священная повѣсть была вообще достаточно развита въ этомъ отношеніи⁷⁾. Замѣчаніе Оригена далеко не лишено своей

¹⁾ *Origenis responsum ad Africani epistolam de historia Susannae.* Basileae. 1673. P. 220—222.

²⁾ Библ. твор. св. отц. и учиг. запад. Кн. 21. Твор. бл. Иеронима, ч. 12. Стр. 3.

³⁾ *Cornelius a Lapide.* Commentaria in Daniele prophetam. Antverpiae. 1727. P. 1398.

⁴⁾ *Pererius B.* Commentarii in Daniele prophetam. Romae. 1587. P. 485.

⁵⁾ *Ackermann.* Introductio in libri V. T. Wien. 1826. P. 342.

⁶⁾ *Бухаревъ.* О подлинности и цѣлости свящ. книгъ пророковъ: Исаи, Иереміи, Іезекиила и Даниила. М. 1864. Стр. 82—84.

⁷⁾ *Origenis responsum ad Africani epistolam de historia Susannae.* P. 240—242.

цѣны. Не будетъ съ нашей стороны ошибкой, если мы предположимъ, что въ еврейскомъ или арамейскомъ подлинномъ текстѣ исторіи о Сусаннѣ могли стоять названія другихъ деревьевъ, съ соблюденіемъ соотвѣтствующей игры словъ; греческій же переводчикъ, съ цѣлію сохранить это созвучіе, примѣнительно къ глаголамъ $\text{сх}^{\iota}\zeta\omega$ и $\text{пр}^{\iota}\zeta\omega$, употребилъ слова $\text{сх}^{\iota}\nu\omicron\varsigma$ и $\text{пр}^{\iota}\nu\omicron\varsigma$. Въ еврейскомъ словарѣ можно найти нѣсколько соотвѣтствующихъ нашему предположенію словъ: פּוּזְזַר (кассия) и זָזַר (срубать); פּוּזְזַר (дикий огурецъ) и זָזַר (разбивать, разсѣкать); זָזַר (орѣхъ) и זָזַר (срѣзывать) и т. под. Съ другой стороны, натянуто утвержденіе, будто игра словъ можетъ быть только въ оригинальномъ текстѣ; что она бываетъ и въ переводахъ (напр., греческомъ и латинскомъ),—лучшимъ доказательствомъ этого служитъ Мѡ. 16, 18: „ты Петръ (Пѣтрос, Petrus), и на семь камнѣ (пѣтра, petra)....“ Не даютъ ли основанія такого рода соображенія заключить, что греческій переводчикъ исторіи о Сусаннѣ перевелъ этотъ рассказъ съ еврейскаго или арамейскаго оригинала, не дошедшаго, конечно, до насъ, но не самъ выдумалъ или записалъ его? Поэтическія же созвучія въ этомъ переводѣ говорятъ лишь о томъ, что переводчикъ этотъ съ намѣреніемъ подобралъ такія греческія слова (параллельныя еврейскимъ подлинника), которыя бы придавали его переводу легкій поэтической отгѣнокъ, представляющій для читателя гораздо большій интересъ и занимательность¹⁾. Что касается въ частности неканоническаго рассказа о пребываніи трехъ отроковъ въ печи, то онъ, какъ съ вѣроятностью можно сказать, написанъ первоначально именно на еврейскомъ (а не арамейскомъ и, конечно, не на греческомъ) языкѣ, хотя и стоитъ среди арамейскаго отдѣла книги Даниловой; доказательства этого служатъ еврейскія имена трехъ отроковъ,

¹⁾ Ср. специальную статью объ этомъ *Vigouroux* „Susanne, caractère veridique de son histoire“ въ его „Melanges bibliques“. Paris. 1882. P. 335—361.

встрѣчающіяся также и въ 1-ой главѣ книги, въ то время какъ во 2-ой (арамейской) и въ той-же 3-ей главѣ друзья называются своими вавилонскими именами; характеръ языка неканоническаго отрывка тоже указываетъ на сходство его съ еврейскимъ и отличие отъ арамейскаго языка канонической книги Даниловой. Предполагаютъ, будто писатель канонической (а вмѣстѣ и неканоническихъ отрывковъ) книги потому возобновилъ еврейскую рѣчь, прервавши вдругъ арамейскій языкъ, что въ неканоническомъ разсказѣ 3-ей главы содержатся почти исключительно величественные гимны еврейскихъ мужей, имѣвшіе значеніе только для евреевъ, между тѣмъ какъ цѣлю вообще историческихъ главъ книги Даниловой было изложить чудесныя знаменія всемогущества Божія, явленныя надъ язычниками или же для нихъ. Главнымъ же доказательствомъ въ пользу того, что въ подлинномъ еврейско-арамейскомъ текстѣ книги Даниловой неканоническіе отрывки ея первоначально существовали, несмотря на отсутствіе ихъ въ дошедшемъ до насъ оригинальномъ текстѣ книги, служитъ присутствіе ихъ въ переводахъ этой книги, особенно переводѣ Θεодотіона. Послѣдній переводилъ буквально прямо съ еврейскаго; слѣдовательно, только оттуда онъ могъ взять и неканоническіе отрывки книги Даниловой. Присутствіе ихъ въ переводѣ LXX не имѣетъ для насъ доказательной силы: послѣдній сильно разнится отъ оригинальнаго текста книги Даниловой, представляя собою только самый вольный переводъ съ еврейско-арамейскаго, разукрашенный разнаго рода прибавками, варіаціями и т. п. Параллельное сопоставленіе подлиннаго текста книги съ обоими переводами—LXX и Θεодотіона—докажетъ это, какъ нельзя лучше. Переводъ LXX значительно отстаетъ какъ отъ подлиннаго текста канонической книги Даниловой, такъ и отъ перевода Θεодотіона: болѣе или менѣе существенныя измѣненія словъ и мыслей, частыя то прибавленія, то опущенія, то перестановки, то своеобразныя отгѣнки частныхъ разсказа—все это отличаетъ

переводъ LXX. Съ другой стороны, Θεодотіонъ буквально переводитъ оригинальный текстъ: гдѣ LXX болѣе или менѣе точно придерживаются буквы подлинника, тамъ замѣчается, конечно, и сходство LXX съ Θεодотіономъ; гдѣ же LXX значительно отступаютъ отъ оригинала, тамъ рѣзко видна и разница между этимъ переводомъ и Θεодотіона; послѣдній въ тоже время выдѣляется обиліемъ гебраизмовъ, еврейской конструкціей рѣчи, и притомъ тамъ, гдѣ у LXX замѣтны греческіе обороты. Все это указываетъ на полную самостоятельность перевода Θεодотіона, который никогда не рѣшился бы привести что-либо новое, еслибы не имѣлъ этого въ бышемъ у него подъ руками еврейско-арамейскомъ подлинномъ текстѣ Библии. Нельзя отрицать, что и неканоническія части книги Даниловой онъ позаимствовалъ только изъ оригинала, съ котораго переводилъ. Послѣднее подтверждается и сличеніемъ неканоническихъ отрывковъ книги по переводамъ LXX и Θεодотіона. Первые, обращаясь свободно съ текстомъ каноническихъ главъ книги, не измѣняютъ себя и въ неканоническихъ отрывкахъ ея: въ предисловіи разсказа о Вилѣ и драконѣ ставятъ надписаніе, относящее разсказъ этотъ къ „пророчеству Аввакума, сына Исусова, изъ колѣна левина“; Данила въ томъ-же разсказѣ называютъ „священникомъ“; о немъ говорится, какъ о неизвѣстномъ лицѣ: „былъ нѣкій человекъ, священникъ, по имени Даниль, сынъ Авдіи...“—объ Аввакумѣ же, какъ объ извѣстномъ всѣмъ пророкѣ. У Θεодотіона этихъ странныхъ варіацій вовсе нѣтъ, конечно, благодаря его буквальному переводу съ подлиннаго текста, значительно измѣненнаго LXX. Неканоническія части книги Даниловой у него органически связаны съ каноническими главами и стихами; разсказъ идетъ послѣдовательно и естественно, не возбуждая какихъ-либо недоразумѣній со стороны подробностей текста; тоже самое и въ нашихъ славянской и русской Библияхъ. Еслибы, допустимъ, Θεодотіонъ только измѣнилъ переводъ LXX, то почему же, наир., въ

томъ-же разсказѣ о Вилѣ и драконѣ онъ опустилъ надписаніе его, почему выбросилъ вступленіе, которое только проясняло разсказъ („былъ нѣкій человекъ, священникъ...“), почему „царя вавилонскаго“ (по LXX), при которомъ произошло это событіе, назвалъ именно Киромъ¹⁾ и т. д.? Видно, залачею своею Θεодотіонъ поставилъ не измѣненіе перевода LXX, а подобно Симмаху и Акилѣ, новый буквальный переводъ съ оригинальнаго текста, который бы могъ замѣнить собою испорченный переводъ LXX. Между тѣмъ, какъ въ этихъ переводахъ, такъ и во многихъ другихъ неканоническихъ отрывки книги Данииловой существуютъ. Откуда же они взяты, какъ не изъ подлиннаго текста? О существованіи ихъ въ послѣднемъ говоритъ и сопоставленіе еврейскихъ 23 и 24 (славянскихъ 23 и 91) стиховъ 3-ей главы. Въ еврейскомъ контекстѣ бросается въ глаза странный пропускъ: „Седрахъ, Мисахъ и Авденаго упали въ раскаленную огнемъ печь связанные. Навуходоносоръ царь изумился и поспѣшно всталъ и сказалъ вельможамъ своимъ: не троихъ ли мужей бросили мы... вотъ я вижу четырехъ...“ Какъ бы ни объясняли этотъ пропускъ, какіе бы примѣры изъ другихъ главъ той-же книги ни приводили въ пользу такого же будто-бы характера изложенія писателя ея, но подобный переходъ между еврейскими 23 и 24 стихами 3-ей главы представляется весьма страннымъ и вовсе не обычнымъ у писателя книги Данииловой. Между тѣмъ, въ греческомъ и нашемъ славянскомъ текстѣ этотъ очевидный пропускъ прекрасно восполняется неканоническими 24—90 стихами той-же главы, гдѣ идетъ рѣчь о спасеніи

¹⁾ Почему именно LXX опустили Дан. 14, 1,—можно предположить съ вѣроятностію. Въ Дан. 1, 21 говорится о первомъ годѣ Кира; а вотъ LXX, своеобразно понимая этотъ стихъ и относя къ 1-му году Кира кончанію прор. Даниила, не находятъ возможнымъ отнести къ царствованію Кира событіе, передаваемое въ Дан. 14, почему и опускаютъ имя Кира, оставивши только „царя вавилонскаго“, точно такъ же, какъ и въ Дан. 10, 1, чтобы не противорѣчить Дан. 1, 21, измѣняютъ „третій“ годъ Кира въ „первый“.

брошенныхъ въ печь огненную, объ ангелѣ, сошедшемъ къ нимъ въ пламень, объ ихъ пѣніи и хожденіи посреди огня; и вотъ послѣ того царь, увидѣвши ихъ живыми, замѣтивъ еще четвертаго вмѣстѣ съ ними, „изумился...“ и т. д. (еврейскій 24, славянскій 91 стихъ). Нельзя не согласиться, что греческій или славянскій контекстъ рѣчи гораздо логичнѣе и естественнѣе того, какой мы находимъ въ еврейской Библии. Очевидный здѣсь пропускъ предполагаетъ существованіе болѣе пространной редакціи еврейско-арамейскаго текста книги Данииловой, съ которой переводили LXX, Θεодотіонъ и другіе. Чѣмъ же объяснить намѣренный или случайный пропускъ неканоническихъ отрывковъ этой книги? Оригенъ высказываетъ свое соображеніе по поводу исторіи о Сусаннѣ: разсказъ этотъ, говоритъ онъ, былъ просто выброшенъ еврейскими переписчиками книги, такъ какъ въ немъ съ самой невыгодной стороны изображаются уважаемые старѣйшины народа¹⁾. Можетъ быть, потому же они выбросили исторію Вила и дракона, которую нашли излишнею въ силу сходства ея по содержанію съ 6-ю главою книги Данииловой. Корнели думаетъ, что исторія Сусанны была опущена самимъ писателемъ книги Данииловой, при окончательномъ редактированіи ея, такъ какъ исторія эта не соотвѣтствовала основной задачѣ исторической части книги²⁾; въ тѣхъ-же видахъ, предполагаютъ, самъ писатель опустилъ и 24—90 стихи 3-й главы книги, хотя въ то же время оставилъ ихъ въ особомъ спискѣ, какъ-бы въ полной редакціи своей книги, доставшейся, затѣмъ, LXX и Θεодотіону³⁾. Какими бы кому ни показались

¹⁾ *Origenis responsum ad Africani epistolam de historia Susannae*. P. 231—235.

²⁾ *Cornely R., Knabenbauer I., de Hummelauer F. Cursus scripturae sacrae. Pars I. Historica et critica introductio in V. T. libros sacros—antore R. Cornely. Vol. II, 2. Parisiis. 1887. P. 507.*

³⁾ *Ibid.*, p. 502.

такого рода объясненія касательно неканоническихъ частей книги Данииловой, тѣмъ не менѣе, въ виду сказаннаго нами по этому поводу, нѣтъ основаній обособлять ихъ отъ всей канонической книги Данииловой. Близкая связь ихъ съ послѣднею говоритъ о единствѣ какъ писателя тѣхъ и другой, такъ и о вавилонскомъ ихъ происхожденіи,—неразрывно, въ видѣ одной книги Данииловой.

Но представляетъ ли эта книга, въ ея полномъ составѣ и настоящей редакціи, единое цѣльное произведеніе одного писателя? Считаютъ книгу Даниилу только сборникомъ отдѣльныхъ отрывковъ, составленныхъ въ разное время разными писателями и только подогнанныхъ одинъ подъ другой самими ли писателями ихъ или окончательнымъ редакторомъ книги. Михаэлисъ насчитываетъ 8 такихъ отрывковъ (въ канонической книгѣ Данииловой) и слѣдовательно 8 первоначальныхъ писателей ¹⁾; Бертольдъ—9 ²⁾, а Эйхгорнъ даже 10 ³⁾. Какъ на сборникъ отдѣльныхъ отрывочныхъ рассказовъ о Даниилѣ, смотритъ на книгу пророка и Ганебергъ ⁴⁾. Другіе строго обособляютъ въ канонической книгѣ Данииловой только двѣ части, приписывая ихъ двумъ различнымъ писателямъ. Различаютъ историческую (гл. 1—6) и пророческую (гл. 7—12) часть книги, какъ два самостоятельныхъ литературныхъ произведенія, обособленныхъ характеромъ не только содержания, но и языка и слововыраженія. Такого взгляда держатся Заккъ ⁵⁾, Гербстъ ⁶⁾, Шпейль ⁷⁾,

¹⁾ *Michaelis* Orientalische Bibliothek. Th. IV. S. 29.

²⁾ *Bertholdt* l. Daniel. I. Hälfte. S. 49—57; 83.

³⁾ *Eichhorn* I. G. Einleitung in das Alte Testament. IV. Band. 4. Ausg. Göttingen, 1824. S. 503.—*Eichhorn*. Hebräische Propheten. B. III. Göttingen. 1819. S. 428—429.

⁴⁾ *Haneberg* D. B. Versuch einer Geschichte der biblischen Offenbarung. 2. Aufl. Regensburg. 1852. S. 374.

⁵⁾ *Sack* K. H. Christliche Apologetik. Hamburg. 1829. S. 285.

⁶⁾ *Herbst* I. G. Historisch-kritische Einleitung in d. heiligen Schriften d. A. T. II. Theil, 2. Abtheilung. S. 104—105.

⁷⁾ *Speil*. Zur Echtheit d. Buches Daniel.—Tübing. theolog. Quartalschrift, 1863, S. 194.

Келеръ ¹⁾, тотъ-же Эйхгорнъ въ другомъ мѣстѣ ²⁾ и др. Спиноза ³⁾ же и Ньютонъ ⁴⁾ почему-то раздѣляютъ книгу Даниилу на семь первыхъ и пять послѣднихъ (8—12) главъ, приписывая объ эти части разнымъ писателямъ. Основаніемъ для отрицанія единства книги,—точнѣе—единства писателя ея,—служатъ встрѣчающіяся въ ней нѣкоторыя хронологическія недоумѣнія или кажущіяся противорѣчія, нѣкоторая своеобразность историческаго рассказа, употребленіе въ книгѣ двухъ языковъ—еврейскаго и арамейскаго, названіе пророка Даниила то въ 1-мъ, то въ 3-мъ лицѣ и т. п. ⁵⁾. Всѣ эти указанія въ смыслѣ фактическихъ данныхъ настолько слабы, что говорить противъ единства книги никоимъ образомъ не могутъ. Несмотря на видимое, чисто-внѣшнее разъединеніе исторической и пророческой части книги, внутренняя, существенная связь отдѣльныхъ эпизодовъ, главъ и стиховъ, частныхъ и отгѣнковъ, съ одной стороны, исторической, съ другой—пророческой части, а равно и обѣихъ этихъ частей между собою—несомнѣнна. Характеръ языка вездѣ одинъ и тотъ-же: какихъ-либо субъективныхъ отгѣнковъ, лексическихъ особенностей, указывающихъ на работу двухъ или нѣсколькихъ писателей, нельзя замѣтить нигдѣ; напротивъ, употребленіе однихъ и тѣхъ-же словъ, выраженій и ихъ сочетаній въ разныхъ мѣстахъ исторической и пророческой части книги (и притомъ совершенно естественно, а не въ видѣ какой-либо искусственной подтасовки) говоритъ отнюдь не о продолженіи одного писателя за другимъ, не о подражаніи одного другому въ языкѣ, а совершенно объ иномъ. Безусловное единство книги замѣтно

¹⁾ *Köhler* A. Lehrbuch der biblischen Geschichte A. T. II. Hälfte, 2. Theil, 3. Lieferung Erlangen u. Leipzig. 1893. S. 536—537.

²⁾ *Eichhorn*. Einl. in d. A. T. IV. B. S. 502, 507, 515.

³⁾ *Tractatus theologico-politicus*. P. 130—131.

⁴⁾ *Newton* I. Observations upon the Prophecies of Daniel and the Apocalypse. T. I. London. 1732. P. 10.

⁵⁾ *Bertholdt*. Daniel. S. 50—51; 53—57.—*Eichhorn*. Einl. in d. A. T. IV. S. 502, 507. *Herbst*. Einl. in d. heil. Schr. d. A. T. II—2. S. 105.

и при разсмотрѣніи содержанія ея въ цѣломъ. Общая мысль пронизываетъ всю книгу, а логическая связь соединяетъ отдѣльныя мѣста ея одно за другимъ. Первая глава, напр., служа началомъ историческаго разказа, вмѣстѣ съ тѣмъ въ логическомъ отношеніи составляетъ нѣкотораго рода введеніе въ послѣдующимъ главамъ: она говоритъ о друзьяхъ пророка Даниила, воспитавшихся съ нимъ въ Вавилонѣ¹⁾, о которыхъ идетъ въ послѣдствіи рѣчь, какъ о сподвижникахъ пророка, поднявшихся вмѣстѣ съ нимъ же до высшихъ ступеней вавилонской іерархіи²⁾; говоритъ о строгомъ законномъ благочестіи друзей³⁾, такъ замѣтно проявившемся въ послѣдствіи при поклоненіи воздвигнутому идолу⁴⁾,—о полученномъ Данииломъ отъ Бога особомъ дарѣ разумѣнія и толкованія видѣній и сновъ⁵⁾, проявившемся у пророка въ послѣдующее время⁶⁾,—о священныхъ сосудахъ, взятыхъ Навуходоносоромъ изъ храма іерусалимскаго⁷⁾, о которыхъ идетъ затѣмъ рѣчь въ исторіи Валтасара⁸⁾ и т. д. 2-я глава по характеру содержащагося въ ней символическаго пророческаго видѣнія параллельна 7-й главѣ⁹⁾. Нѣкоторыя, изложенныя въ послѣдней, частности пророческаго видѣнія шире и рельефнѣе раскрываются въ слѣдующей 8-й и 12-й главѣ¹⁰⁾; содержаніе 8-й главы послужило матеріаломъ для пророчества 11-й главы и т. д. Такая связь тоже едва ли допускаетъ вѣроятность предположенія о составленіи книги Данииловой изъ нѣсколькихъ отрывковъ, хотя бы даже искусственно и подогнанныхъ одинъ подъ другой. Но, можетъ быть, книга Даниилова состоитъ только изъ двухъ частей? И этого ничѣмъ нельзя доказать. Суще-

¹⁾ Дан. 1, 6.

²⁾ Дан. 2, 17, 49; 3, 12.

³⁾ Дан. 1, 8.

⁴⁾ Дан. 3, 18.

⁵⁾ Дан. 1, 17.

⁶⁾ Дан. 2, 19; 4, 16.

⁷⁾ Дан. 1, 2.

⁸⁾ Дан. 5, 2.

⁹⁾ Ср. Дан. 2, 44 и 7, 14, 27.

¹⁰⁾ Ср. Дан. 7, 26 и 12, 1—3; 7, 25 и 12, 7.

ствованіе въ ней двухъ языковъ—еврейскаго и арамейскаго—уже потому не говоритъ о двухъ писателяхъ ея, что оба языка смѣняются другъ друга среди историческаго разказа, раздѣляя двѣ фразы одного логическаго періода¹⁾. При томъ же 1-я глава книги Данииловой, глава еврейская, какъ мы упоминали, имѣетъ тѣсную связь съ послѣдующими арамейскими главами, точно такъ же, какъ и 7-я, арамейская, связана съ дальнѣйшими еврейскими. Основательнѣе другое раздѣленіе канонической книги Данииловой на историческую и пророческую часть, хотя и оно не даетъ права заключать о составленіи той и другой части двумя различными писателями. По характеру содержанія между обѣими частями нельзя полагать никакого различія, такъ какъ, съ одной стороны, въ историческихъ главахъ есть символическіе пророческіе элементы, съ другой—въ пророческихъ вербѣди чисто-историческія указанія, характеристики и т. п.; а соединеніе историческаго и пророческаго матеріала присуще вообще библейскимъ пророческимъ книгамъ. Обѣ части (историческую и пророческую) пронизываетъ одна общая идея: въ историческихъ разказахъ проводится мысль о всемогуществѣ Іеговы, безконечно превышеннаго надъ всѣми тварями, о милосердіи Его къ Своимъ вѣрнымъ рабамъ, сохраняемымъ и спасаемымъ Имъ въ испытаніяхъ и несчастіяхъ; тоже возвышеніе безконечнаго всемогущества верховнаго Царя, держащаго въ Своей промыслительной власти всѣ царства земныя, но преимущественно промышляющаго о судьбѣ Своего избраннаго народа,—выступаетъ и въ пророчествахъ Даниила. Въ обѣихъ частяхъ его книги замѣтна связь въ языкѣ и выраженіяхъ²⁾. Разница только въ томъ, что въ исторической части о пророкѣ Даниилѣ говорится въ 3-мъ лицѣ, какъ о лицѣ постороннемъ, напротивъ, въ пророческой—въ 1-мъ, какъ о лицѣ, говорящемъ само о себѣ. Но и это можно ска-

¹⁾ Дан. 2, 4.

²⁾ См. Дан. 2, 41 и 7, 14; 4, 2 и 7, 1.

затъ только относительно: на самомъ дѣлѣ выходитъ совсѣмъ не то. Въ пророческой части только тамъ Даніилъ называется въ 1-мъ лицѣ, гдѣ излагается какое-либо пророческое видѣніе его; напротивъ, гдѣ указывается хронологическая или топографическая дата, какой-либо историческій фактъ,—тамъ и въ „пророческихъ“ главахъ, какъ и въ „историческихъ“, о пророкѣ говорится въ 3-мъ лицѣ¹⁾. Совершенно такой же способъ выраженія общеупотребителенъ и у другихъ пророковъ: въ однихъ и тѣхъ-же пророческихъ главахъ они говорятъ о себѣ то въ 3-мъ лицѣ, если пишутъ историческій рассказъ о себѣ, то въ 1-мъ, когда излагаютъ бывшія имъ видѣнія²⁾; и это замѣтно не у однихъ пророковъ, а вообще у библейскихъ писателей³⁾; явленіе настолько обычное въ свящ. письменности, что считать его основаніемъ для предположенія о составленіи мѣстъ того и другого рода различными писателями никто и не думаетъ. Объясняется такой способъ выраженія, съ одной стороны, стремленіемъ писателей свящ. книгъ къ объективности, къ большей опредѣленности историческаго разсказа, съ другой—совершенно естественнымъ желаніемъ ихъ по возможности отодвинуть собственную личность на задній планъ, чтобы замѣтнѣе выставить сверхъестественные элементы божественнаго откровенія; въ видѣніяхъ же, въ силу ихъ драматическаго характера, 1-е лицо для живости изображенія гораздо умѣстнѣе 3-го. Основательно ли, такимъ образомъ, доводить обособленіе исторической и пророческой части книги Да-

¹⁾ Дан. 7, 1. 2; 10, 1.

²⁾ См., напр., Ис. 1, 1; 2, 1; 7, 3, гдѣ о пророкѣ говорится въ 3-мъ лицѣ, и 6, 1; 8, 1. 5; 21, 2. 6. 10 (въ 1-мъ); Иер. 1, 1. 2; 7, 1; 14, 1 (въ 3-мъ) и 1, 4; 2, 1 (въ 1-мъ); Иез. 1, 3 (въ 3-мъ) и 1, 4 (въ 1-мъ); Ос. 1, 2. 4 (въ 3-мъ) и 3, 1 (въ 1-мъ). Единственное исключеніе составляютъ Ам. 7, 1. 4. 5. 7. 8 и гл. 8 и 9, гдѣ въ историческихъ датахъ о пророкѣ говорится въ 1-мъ лицѣ; но наряду съ этимъ въ 7, 12. 14 онъ называется и въ 3-мъ лицѣ.

³⁾ См. выраженія о себѣ евангелиста Іоанна въ Евангеліи въ 3-мъ лицѣ (Іоан. 18, 15; 19, 26. 35; 20, 2. 3. 4. 8), въ Апокалипсисѣ то въ 3-мъ (Апок. 1, 1), то въ 1-мъ (1, 9. 10. 12. 17 и др.).

ніловой до того, чтобы приписывать ту и другую часть двумъ различнымъ писателямъ? Ничто не даетъ намъ права утверждать это. Насколько благопріятствуютъ противникамъ единства книги встрѣчающіяся въ ней мнимыя хронологическія недоумѣнія и противорѣчія, нѣкоторыя частности историческаго разсказа и т. п.,—видно будетъ изъ дальнѣйшаго содержанія настоящаго изслѣдованія.

Кто же писатель книги Даніиловой? Книга эта составлена во время самыхъ описываемыхъ въ ней историческихъ событій; писатель ея передаетъ событія, очевидцемъ которыхъ, несомнѣнно, былъ онъ самъ; непосредственно послѣ плѣна вавилонскаго книга эта дѣлается извѣстною іудейскому народу и скоро послѣ того вносится въ канонъ свящ. книгъ, какъ книга богодухновенная и историческая; понятно, писателемъ ея нужно считать пророка Даніила или кого-либо изъ близко стоящихъ къ нему его современниковъ. Всего естественнѣе, конечно, видѣть писателя этого въ лицѣ самого же пророка. Писатель книги есть, несомнѣнно, „благочестивый“ іудей, какъ говорятъ даже защитники маккавейскаго происхожденія ея; всѣ данныя указываютъ, что онъ былъ самъ очевидцемъ описываемыхъ имъ событій, большинство которыхъ происходило при дворѣ Навуходоносора и его преемниковъ. Что же мѣшаетъ намъ признать писателемъ книги самого пророка Даніила? Видѣнія пророка, напр., излагаются обстоятельно и подробно; описывается даже впечатлѣніе, произведенное тѣмъ или другимъ необычайнымъ явленіемъ на Даніила¹⁾; естественно, кто могъ писать такъ, кромѣ того, который самъ же и имѣлъ видѣнія? Но мы имѣемъ и положительныя основанія въ пользу признанія писателемъ книги самого пророка Даніила, помимо однихъ предположеній. Писатель самъ называетъ себя своимъ собственнымъ именемъ: „я Даніилъ“²⁾; говоритъ,

¹⁾ См. Дан. 7, 15. 28; 8, 27; 10, 8. 9. 11. 15. 17. 19 и др.

²⁾ Дан. 7, 2. 15. 28; 8, 1. 15. 27; 9, 2; 10, 2. 7; 12, 5.

что и другіе называли его Даниломъ ¹⁾, что онъ самъ записалъ свой сонъ ²⁾, который вслѣдъ затѣмъ и излагаетъ,—что онъ даже получилъ повелѣніе записывать бывшія ему видѣнія ³⁾ и т. п. Мѣста, хотя относящіяся только къ пророческой части книги, но указывающія, въ силу сказаннаго нами раньше, на составленіе всей книги Даниловой самимъ же пророкомъ. Самое названіе „я Даниилъ“ показываетъ, что видѣль видѣнія и записалъ ихъ тотъ самый Даниилъ, о которомъ говорится въ исторической части книги, который носилъ и другое имя Валтасара ⁴⁾. Предполагать, будто кто-либо другой писалъ отъ имени пророка Даниила съ цѣлю придать своему произведенію большій авторитетъ, нѣтъ никакихъ основаній, послѣ того какъ мы знаемъ, что книга относится, во всякомъ случаѣ, ко времени жизни самого пророка.

Бертольдъ ⁵⁾ и де-Ветте ⁶⁾ находятъ, однако, возраженіе противъ составленія книги пророкомъ Даниломъ. Въ книгѣ его, говорятъ, есть столько чрезмѣрныхъ похвалъ Даниилу, что самъ пророкъ никоимъ образомъ не могъ такъ писать о себѣ ⁷⁾. Но стоитъ только посмотреть, какого рода эти похвалы, чтобы видѣть всю неосновательность представленнаго возраженія. Въ однихъ мѣстахъ Даниилъ только приводитъ отзывы о себѣ постороннихъ лицъ ⁸⁾; въ другихъ—если и указываетъ на свои достоинства, то только тамъ и настолько, гдѣ и насколько это необходимо для точности разсказа или для того, чтобы указать причину и поводъ дальнѣйшихъ событій ⁹⁾. Въ

¹⁾ Дан. 9, 22; 10, 11. 12; 12, 4. 9.

²⁾ Дан. 7, 1.

³⁾ Дан. 8, 26; 12, 4.

⁴⁾ Дан. 10, 1.

⁵⁾ Bertholdt. Daniel. I. Hälfte. S. 37—39.

⁶⁾ De-Wette. Lehrbuch d. histor.-krit. Einleitung in d. kanon. u. apokr. Bücher d. A. T. S. 498—499.

⁷⁾ Указываютъ на Дан. 1, 17. 19. 20; 5, 11. 12; 6, 4; 9, 23; 10, 11.

⁸⁾ Дан. 5, 11. 12; 9, 23; 10, 11.

⁹⁾ Дан. 1, 17. 19. 20; 6, 4.

указаніяхъ этихъ нѣтъ, конечно, и тѣни самохвальства. Мало того: самъ пророкъ всѣ свои достоинства приписываетъ единственно милости Божіей, всю честь свою относитъ только къ Богу: милость Божія сдѣлала то, что пророкъ Даниилъ понравился начальнику евнуховъ ¹⁾; Богъ (а не собственная мудрость пророка) открывалъ ему высшія тайны ²⁾; Богъ даровалъ четыремъ друзьямъ „знаніе и разумѣніе всякой книги и мудрости“, а Даниилу, сверхъ того,—разумѣніе „видѣній и сновъ“ ³⁾; духъ Божій возвысилъ Даниила при Даріѣ Мидяннинѣ ⁴⁾; присутствіе въ пророкѣ этого „духа Божія“ признаютъ Навуходоносоръ и царица вавилонская—язычники ⁵⁾ и проч. Притомъ, указанія на свои личныя достоинства со стороны человѣка добродѣтельнаго и дѣйствительно сознающаго свое превосходство предъ другими едва ли предосудительны; вспомнимъ, что съ похвалою относятся къ себѣ прор. Моисей ⁶⁾ и ап. Павелъ ⁷⁾; могъ, слѣдовательно, говорить такъ о себѣ и прор. Даниилъ. Это нисколько не ослабляетъ его скромности и другихъ добродѣтелей, такъ какъ наряду съ похвалами себѣ онъ говоритъ и о своихъ грѣхахъ, въ которыхъ каялся ⁸⁾, о своихъ умственныхъ и нравственныхъ слабостяхъ ⁹⁾, подобно тоже ап. Павлу ¹⁰⁾, и т. д. Можно ли, послѣ этого, отрицать составленіе книги Даниловой самимъ же пророкомъ на основаніи встрѣчающихся въ ней похвалъ ему?

О Даниилѣ, какъ писателѣ известной подъ его именемъ книги, говоритъ все, что мы упоминали о внутреннемъ характе-

¹⁾ Дан. 1, 9.

²⁾ Дан. 2, 18—23. 28. 30.

³⁾ Дан. 1, 17.

⁴⁾ Дан. 6, 3.

⁵⁾ Дан. 4, 5; 5, 11.

⁶⁾ Числ. 12, 3.

⁷⁾ 1 Кор. 15, 10; 2 Кор. 11, 5. 12; 12, 2.

⁸⁾ Дан. 9, 20.

⁹⁾ Дан. 10, 8; 12, 8.

¹⁰⁾ 2 Кор. 3, 5; 10, 17; 12, 5.

рѣ этой книги. На него указываетъ употребленіе въ книгѣ двухъ языковъ—еврейскаго и арамейскаго: очевидно, писатель зналъ оба эти языка,—еврейскій, какъ іудей,—арамейскій, какъ придворный чиновникъ вавилонскій; на томъ и другомъ языкѣ онъ могъ и писать съ легкостью. Еврейскій языкъ его книги нечистъ и наполненъ „персизмами“ (арійскими словами): со стороны писателя, уведеннаго въ чужую страну еще „отрокомъ“ и воспитаннаго въ Вавилонѣ, гдѣ онъ былъ посвященъ въ тайны не родного языка и священной письменности, а „книгъ и языка халдейскаго“¹⁾),—это, конечно, вполне естественно. На пророка, какъ писателя его книги, указываетъ несомнѣнное точное знаніе какъ исторіи современныхъ ему событій, такъ особенно вавилонскихъ обычаевъ и учрежденій. Въ самомъ дѣлѣ, кто другой,—изъ числа вавилонскихъ іудеевъ, разумѣется,—кромѣ Даниила, воспитаннаго при дворѣ, придворнаго чиновника и вельможи, главнаго начальника надъ всѣми мудрецами вавилонскими, могъ знать съ такою точностью придворные вавилонскіе обычаи, различныя степени немалочисленной чиновничьей и сановной іерархіи вавилонской, организацию, составъ и классы мудрецовъ-халдеевъ и т. п.? Замѣтимъ, наконецъ, что о смерти пророка Даниила въ его книгѣ не говорится ни слова, хотя рассказъ доведенъ почти до нея, какъ видно изъ послѣдняго видѣнія пророка²⁾). Последнее обстоятельство мы вправѣ считать очевиднымъ доказательствомъ принадлежности книги самому Даниилу, написавшему ее въ настоящей ея редакціи незадолго предъ кончиной.

Помимо указанныхъ внутреннихъ основаній въ пользу принадлежности книги именно Даниилу, мы имѣемъ и внѣшнія свидѣтельства. Что ветхозавѣтная церковь признавала этимъ писателемъ самого пророка, въ пользу этого достаточно привести свидѣтельство Іосифа Флавія: „написанная имъ (Дани-

¹⁾ Дан. 1, 4.

²⁾ См. Дан. 12, 13.

ломъ) книги, говоритъ онъ, мы и до нынѣшняго дня читаемъ, несомнѣнно вѣруя, что Даниилъ имѣлъ собесѣдованіе съ Богомъ...; въ оставленныхъ имъ писаніяхъ есть такія истины, которыя неоспоримо доказываютъ, что всѣ предсказанія его вѣрны“¹⁾). Флавій, какъ историкъ и лучший человекъ своего времени, является въ данномъ случаѣ представителемъ современнаго ему іудейскаго общества; а онъ прямо говоритъ о „написанныхъ Данииломъ книгахъ“, объ „оставленныхъ имъ писаніяхъ“, въ подлинность которыхъ вѣрили и всѣ древніе іудеи. Нельзя, впрочемъ, умолчать здѣсь объ одномъ мѣстѣ талмуда, имѣющемъ отношеніе къ нашему вопросу: „мужи великой синагоги, говорится тамъ, написали Іезекіиля, двѣнадцать малыхъ пророковъ, Даниила и Эсфирь“²⁾). На какомъ основаніи составленіе книги Данииловой приписывается здѣсь „мужамъ великой синагоги“, начавшей свое существованіе послѣ плѣна вавилонскаго³⁾? На это, прежде всего, замѣтимъ, что въ составъ членовъ этой великой синагоги включали, между прочимъ, и пророка Даниила⁴⁾; а въ такомъ случаѣ понятно, что книга Даниилова могла быть составлена однимъ изъ членовъ этой синагоги, т. е. самимъ Данииломъ. Затѣмъ, великой синагогѣ талмудъ, какъ мы видѣли, приписываетъ и составленіе книгъ Іезекіиля и двѣнадцати малыхъ пророковъ; а это уже совсѣмъ невѣрно, потому что многіе изъ такъ на-

¹⁾ I. Флавій. Древности іудейскія. Пер. Самуилова. Ч. II. Стр. 168, 169.

²⁾ Wünsche A. Der babylonische Talmud. II. Halbband, 2. Abtheilung. S. 140.

³⁾ Начертаніе церковно-библейской исторіи. Изд. 7. М. 1840. Стр. 406.—Schenkel. Bibel-Lexikon. V. B. 1875. Artikel „Synagoge die Grosze“—v. Kneucker. S. 412—443.—Wildeboer. Die Entstehung d. Alttest. Kanons. S. 120—122.—Reuss. Die Geschichte d. heil. Schriften A. T. S. 481.—Levy I. Neuhebräisches und chaldäisches Wörterbuch über d. Talmudim n. Midraschim. II. B. Leipzig. 1879. S. 355.—Kuene. Gesammelte Abhandlungen zur biblischen Wissenschaft. Freib. i. B. n. Leipzig. 1894. S. 125—160. Къ нему, впрочемъ, на основаніи всѣхъ данныхъ, подвергается сомнѣнію самое существованіе великой синагоги, какъ особаго учрежденія.

⁴⁾ Начертаніе церк.-библ. исторіи. Стр. 403.—Wildeboer. D. Entstehung d. A. Kanons. S. 120.

званныхъ малыхъ пророковъ, подлинность книгъ которыхъ оспаривать невозможно, жили задолго до плѣна вавилонскаго; да и самъ Іезекіиль не могъ быть членомъ этой синагоги. Ясно, что талмудъ далеко не всегда точно выражаетъ вѣрованія ветхозавѣтной церкви и что, поэтому, отзывомъ его о происхожденіи книги Данииловой можно, конечно, пренебречь, такъ какъ столь же ошибочно онъ говоритъ и о происхожденіи книгъ Іезекіиля и малыхъ пророковъ. Присмотрѣвшись же ближе, мы не найдемъ здѣсь, на самомъ дѣлѣ, и ошибки: члены великой синагоги, говорится, „написали“ (а не „составили“) означенныя книги; задачей же ихъ дѣятельности, по талмудическому преданію, были, между прочимъ, пересмотръ, очищеніе и раздѣленіе свящ. книгъ¹⁾, т. е. постепенное составленіе канона, раздѣленіе его на три составныя части („законъ“, „пророковъ“ и „писанія“),—словомъ, окончательное образованіе того порядка и состава ветхозавѣтныхъ свящ. книгъ, какой существуетъ и теперь въ еврейской Библии. Вѣроятно, и въ означенномъ мѣстѣ талмуда рѣчь идетъ не о составленіи книгъ Даниила, Іезекіиля и другихъ пророковъ, а только о перепискѣ и включеніи („вписаніи“, „написаніи“) этихъ свящ. книгъ въ канонъ²⁾, послѣ предварительнаго пересмотра ихъ, а если книга Даниилова около того-же времени была включена въ канонъ,—то это ясный знакъ, что іудеи видѣли въ ней произведеніе самого же Даниила, а не подложную только книгу, написанную отъ лица пророка.

Наиболѣе важное для насъ свидѣтельство въ пользу составленія книги Данииловой самимъ пророкомъ есть, конечно, свидѣтельство Господа Іисуса Христа: Онъ прямо ссылается на пророчество „Даниила“ о „мерзости запустѣнія“³⁾,

¹⁾ Начерт. ц.-б. исторія. Стр. 406.—*Kuenen*. *Gesamm. Abhandlungen*. 3. 127—128.—*Schenkel*. *Bibel-Lexikon*. V. B. S. 442.—*Levy*. *Wörterbuch*. II. B. S. 355.

²⁾ „Написали“—опредѣляется здѣсь словомъ כָּתַב, ближайшее значеніе котораго не „составлять“, а именно „написать“.

³⁾ Мѡ. 24, 15; Мр. 13, 14; ср. Дан. 9, 27.

причемъ само собою предполагается, что не только изрекъ, но и записалъ это пророчество самъ Данииль. Кюненъ, желая ослабить силу этого свидѣтельства, высказываетъ, что это слова не Господа, а самого евангелиста; и притомъ, говоритъ онъ, они вовсе не имѣли въ виду, такъ сказать, канонизовать книгу Даниилову¹⁾. На самомъ же дѣлѣ, слова Господа о принадлежности пророчества Даниилу принадлежатъ именно Ему, а не евангелисту, который едва ли бы рѣшился привести нѣчто свое въ рѣчь Спасителя; да и еслибы даже это были слова только евангелиста,—они показывали-бы то, что непосредственные ученики Господа—апостолы, несомнѣнно, вѣрили въ принадлежность пророчества и всей книги Данииловой самому же Даниилу. Съ другой стороны, конечно, слова Господа, какъ говоритъ Кюненъ, не имѣли въ виду канонизовать книгу Даниилову, такъ какъ Господь, несомнѣнно, зналъ и пользовался этой книгой, какъ уже общеизвѣстной и канонической. Возраженіе де-Ветте, направленное противъ того-же важнаго свидѣтельства Спасителя, будто Христосъ вообще не желалъ, да и не могъ быть критическимъ авторитетомъ²⁾, отзывается, какъ видно, самымъ крайнимъ либерализмомъ, доходящимъ чуть не до богохульства. Что Господь, вѣдѣвъ, зналъ подлинную книгу Даниилову,—въ этомъ убѣждаютъ насъ слова евангельскія: столь любимое Имъ названіе Себя „Сыномъ Человѣческимъ“ встрѣчается въ примѣненіи къ Нему еще у Даниила³⁾; ученіе І. Христа о воскресеніи мертвыхъ и вѣчномъ блаженствѣ святыхъ почти буквально предвозвѣщается ранѣе въ книгѣ Данииловой⁴⁾. Апостолы не только указывали на историческія событія, передаваемыя въ

¹⁾ *Kuenen* A. *Historisch-kritische Einleitung in die Bücher d. A. T. II. Teil*. S. 479.

²⁾ *De-Wette*. *Lehrbuch der histor.-krit. Einleitung in d. kanon. u. apokr. Bücher d. A. T. S. 503*.

³⁾ Сн. Мѡ. 10, 23; 16, 27—28; 19, 28; 24, 30; 25, 31; 26, 64; Мр. 14, 62; Іоан. 5, 27; ср. Дан. 7, 13—14. 26. 27.

⁴⁾ Іоан. 5, 28—29; ср. Дан. 12, 2; Мѡ. 13, 43; ср. Дан. 12, 3.

книгѣ Даниіловой¹⁾, но и весьма близко были знакомы съ самымъ текстомъ этой книги: встрѣчающіяся у нихъ разнаго рода пророчества, опредѣленія, объясненія, эпитеты и т. п., относящіяся преимущественно къ будущимъ событіямъ и лицамъ, до буквальности сходны съ соотвѣствующими имъ мѣстами изъ книги Даниіловой²⁾. Неужели бы Господь и св. апостолы пользовались въ такой мѣрѣ этой книгой, еслибы видѣли въ ней произведеніе не пророка Даниіла, а какого-либо обыкновеннаго писателя? Наконецъ, изъ отцевъ и учителей древней вселенской церкви, всегда признававшей книгу Даниілову подлиннымъ произведеніемъ пророка Даниіла, укажемъ, какъ на болѣе ясныя, на слова бл. Иеронима: „противъ пророка Даниіла, говоритъ онъ, написалъ двѣнадцатую книгу Порфирій, утверждая, что книга эта написана не тѣмъ, именемъ коего надписывается...; ему весьма умно отвѣчали Евсей...“ и т. д.³⁾—слова, какъ нельзя лучше показывающія, что думалъ о писателѣ книги Даниіловой самъ Иеронимъ и опровергавшіе Порфирія церковные учителя. Блаженный Феодоритъ, другой извѣстный комментаторъ книги Даниіловой, начиная толкованіе пророческой части книги, говоритъ: „до сихъ поръ блаженный Даниілъ писалъ пророчество въ историческомъ болѣе порядкѣ. Ибо сперва, и въ самомъ началѣ, показавъ, что происходило съ ними отведенными въ плѣнъ...; потомъ пересказалъ... (и т. д.). Пересказавъ сіе какъ-бы исторически, начинаетъ, наконецъ, передавать пророчества...“⁴⁾—ясное свидѣтельство о принад-

¹⁾ Евр. 11, 33—34; ср. Дан., гл. 3 и 6.

²⁾ Ср. Дѣян. 7, 56 и Дан. 7, 13; 1 Кор. 6, 2 и Дан. 7, 22; 2 Сол. 2, 3—4 и Дан. 7, 8, 20; 8, 25; Апок. 1, 14 и Дан. 10, 6; Апок. 4, 2—5 и Дан. 7, 9—10; Апок. 5, 11 и Дан. 7, 10; Апок. 11, 15 и Дан. 2, 44; 7, 18; Апок. 12, 14 и Дан. 7, 25; 12, 7; Апок. 14, 14 и Дан. 7, 13; Апок. 17, 12 и Дан. 7, 24; Апок. 20, 4, 11 и Дан. 7, 9—10; Апок. 22, 10 и Дан. 8, 26 и др.

³⁾ Библіотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ. Ки. 21. Твор. бл. Иеронима, ч. 12. Стр. 1.

⁴⁾ Творенія святыхъ отцевъ въ русскомъ переводѣ. Т. XXIX. Твор. блж. Феодорита, еп. касскаго, ч. 4. М. 1857. Стр. 128.

лежности всей книги въ полномъ ей составѣ пророку Даниілу. Такъ же вѣрили и учили и другіе учителя церкви, которымъ приходилось почему-либо затрогивать вопросъ о подлинности книги Даниіловой. Возможно ли, поэтому, допускать какое-либо сомнѣніе въ составленіи этой книги пророкомъ, именемъ котораго она надписывается? Неопровержимыя основанія въ самой книгѣ, голосъ церкви какъ ветхозавѣтной, такъ и новозавѣтной рѣшительно говорятъ противъ этого.

Если же книгу Даниілову написалъ самъ Даниілъ, богодѣхновенный пророкъ израильскій, то мы не имѣемъ никакого права сомнѣваться, что онъ писалъ въ ней только чистую истину, самую вѣрную и точную исторію своей жизни и своего времени. Допущеніе въ нее не только вымысла вообще, но даже ненамѣренныхъ и неважныхъ ошибокъ и уклоненій отъ исторической правды было-бы весьма несообразно съ достоинствомъ Даниіла, какъ пророка, и съ свойствомъ богодухновенности его книги. При всемъ обиліи чудеснаго элемента въ книгѣ, послѣдняя ничѣмъ не обнаруживаетъ своего легендарнаго, баснословнаго характера, какой хотятъ навязать ей, какъ мы упоминали въ концѣ 1-й главы, нѣкоторые представители западной богословско-исторической науки. Нельзя не согласиться, что чудеса, передаваемыя въ книгѣ Даниіловой,—спасеніе отроковъ въ раскаленной печи, Даниіла во рву львиномъ, явленіе пишущей на стѣнѣхъ кисти руки, перенесеніе ангеломъ пророка Аввакума изъ Іудеи въ Вавилонъ и т. п.—эти чудеса ничѣмъ не „чудеснѣе“ бывшихъ при Моисеѣ, Или, Елисеѣ и др., напр., чудеснаго перехода черезъ Чермное море при Моисеѣ¹⁾ и чрезъ Іорданъ при Исусѣ Навинѣ²⁾, столпа облачнаго и огненнаго³⁾, начертанія скрижалей перстомъ Божиимъ⁴⁾, поглощенія Надава

¹⁾ Исх. 14, 21—29.

²⁾ Нав. 3, 15—17.

³⁾ Исх. 13, 21—22.

⁴⁾ Исх. 31, 13; 32, 16.

и Авиуда „огнемъ отъ Господа“¹⁾ и попаленія огнемъ съ неба пятидесятиначальника съ его отрядомъ предъ Илией²⁾, доставленія для Или пищи чрезъ вороновъ³⁾, взятія пророка Или на небо⁴⁾, воскрешенія Елисеемъ умершихъ⁵⁾, чудеснаго насыщенія имъ толпы народа⁶⁾ и проч. Если эти чудеса признаютъ достовѣрными, то на какомъ основаніи можно сомнѣваться въ достовѣрности чудесъ книги Даниловой? Баснословный характеръ какъ этихъ чудесъ, такъ вмѣстѣ и всей богодухновенной книги пророка Даниила ничѣмъ не доказывается. На книгу эту, въ силу ея богодухновенности и пророческаго достоинства писателя ея, мы не вправѣ смотрѣть даже, какъ на правдоподобную только, а естественно должны видѣть въ ней книгу *историческую* въ полномъ смыслѣ этого слова. Всецѣло историческій характеръ, присутій вообще всей книгѣ, произведенію пр. Даниила, долженъ принадлежать въ частности и неканоническимъ отрывкамъ ея, составляющимъ, какъ замѣчено было нами выше, вмѣстѣ съ канонической книгой одно нераздѣльное произведеніе пророка Даниила. Хотя Янъ⁷⁾ и Эйхгорнъ⁸⁾ считаютъ эти отрывки только притчами, Циндель смотритъ на нихъ, какъ на легендарные, фантастическіе рассказы⁹⁾, Цоклеръ¹⁰⁾, Кейль¹¹⁾

¹⁾ Лев. 10, 2.

²⁾ 4 Цар. 1, 10. 12.

³⁾ 3 Цар. 17, 6.

⁴⁾ 4 Цар. 2, 11.

⁵⁾ 4 Цар. 4, 35.

⁶⁾ 4 Цар. 4, 42—44.

⁷⁾ *Jahn*. Einleitung in die göttlichen Bücher d. A. Bundes. II. Theil. Wien. 1803. S. 874, 879.

⁸⁾ *Eichhorn*. Einl. in die apokr., S. 448, 456.—*Herbst*. Hist.-krit. Einleitung in die heiligen Schriften d. A. T. II. Th., 3. Abth. S. 251—252.

⁹⁾ *Zündel*. Krit. Untersuchungen über d. Abfassungszeit d. Buches Daniel. S. 184.

¹⁰⁾ *Lange* I. P. Theol.-homil. Bibelwerk. A. T. XVII. Theil. Der Prophet Daniel—von O. Zöckler. S. 42—43.

¹¹⁾ *Keil*. Lehrbuch der histor.-krit. Einleitung in die kanon. u. apokr. Schriften d. A. T. 2. Aufl. Frankfurt a. M. u. Erlangen. 1859. S. 732—733.

и Фрицше¹⁾ отрицаютъ правдоподобность этихъ исторій, послѣдніе двое, называя исторію о Вилѣ и драконѣ чудовищной, даже преосвященный Филаретъ сильно сомнѣвается въ исторической дѣйствительности разсказа о Сусаннѣ²⁾, тѣмъ не менѣе ни въ содержаніи, ни въ идеѣ этихъ отрывковъ нѣтъ ровно ничего чуждаго исторической истинѣ. По главной своей мысли, какъ и по частностямъ разсказа, исторіи о Сусаннѣ, трехъ отрокахъ въ печи, Вилѣ и драконѣ вполне правдоподобны и вмѣстѣ съ тѣмъ соотвѣтствуютъ содержанію и идеѣ канонической книги Даниловой: въ одной изъ нихъ Данииль своею мудростью и пророческимъ вѣдѣніемъ дѣлается извѣстнымъ среди плѣннаго іудейскаго народа, какъ и по канонической книгѣ возвышается при дворѣ; по другой—исповѣдуетъ силу Іеговы предъ Киромъ, о которомъ говорится и въ канонической книгѣ, какъ и раньше исповѣдалъ ее предъ Навуходоносоромъ, Валтасаромъ, Даріемъ Мидяниномъ. Правдоподобность частныхъ неканоническихъ отрывковъ будетъ видна при самомъ изложеніи передаваемыхъ въ нихъ событій³⁾. Въ силу же тѣсной связи неканоническихъ частей

¹⁾ *Fritzsche* O. F. Kurzgefasstes exeget. Handbuch zu d. Apokr. d. A. T. I. Lief. S. 118, 119.

²⁾ Начертаніе церковно-библейской исторіи. Стр. 365.

³⁾ О достовѣрности разсказовъ неканоническихъ частей книги Даниловой говорятъ многіе отцы и учителя церкви, касавшіеся такъ или иначе вопроса о нихъ: св. Иринея (Сочиненія *Примя* мѣонскаго, пер. Преображенскаго. М. 1871. Стр. 416, 499), Кирилль іерусалимскій (Творенія св. отцевъ. Т. XXV. Твор. св. *Кирилла* іерусал. Стр. 296.—Огласит. и тайновод. поученія, русскій переводъ. СІВ. 1822. Стр. 301), Аѳанасій В. (*Sancti patris nostri Athanasii, archiepiscopi Alexandriae, opera*. Т. II. Parisiis. 1627. P. 109, 154), Оригенъ (*Responsum ad Africani epistolam de hist. Susanna*. P. 222—247) и др. Свв. Иринея и Кирилль іерусалимскій пользуются какъ всею исторіею о Вилѣ и драконѣ, такъ и отдѣльными мѣстами изъ нея для доказательства даже догматическихъ положеній. Пѣснь трехъ отроковъ въ печи всегда высоко цѣнилась въ православной церкви; какъ мы упоминали, во многихъ спискахъ она ставится въ концѣ Псалтиря; пѣснь эта лежитъ въ основѣ 7 и 8 пѣсней утренняго канона; въ великую субботу весь неканоническій отрывокъ читается въ пареміи и т. д.

Св. пророкъ Данииль.

съ канонической книгой Даниїла, въ силу пророческаго достоинства и богодухновенности одного общаго писателя тѣхъ и другой, мы не вправѣ отрицать историческій характеръ всей книги Даниїловой какъ въ общемъ, такъ и во всѣхъ частностяхъ ея и подробностяхъ.¹⁾ И такой взглядъ на нее съ нашей стороны опирается не на однихъ несомнѣнныхъ для насъ апіорныхъ основаніяхъ, но и на имѣющихся въ нашихъ рукахъ тоже неоспоримыхъ фактическихъ данныхъ. Несмотря на скудость постороннихъ свѣдѣній о той эпохѣ, къ которой относятся событія, передаваемые въ книгѣ пророка Даниїла, многое изъ сообщаемаго въ ней подтверждается свидѣтельствами другихъ историковъ; иные факты, если и не подтверждаются, то представляются весьма вѣроятными при сличеніи содержанія книги Даниїловой съ другими историческими памятниками¹⁾. Но этого мало. Громадную заслугу въ дѣлѣ изслѣдованія вопроса объ исторической достовѣрности книги Даниїловой оказываютъ намъ новооткрытые памятники клинообразнаго письма, которыми со дня на день все болѣе и болѣе обогащается библейская наука. Результаты раскопокъ, сдѣланныхъ учеными на почвѣ ассирійской и вавилонской, оказываются необыкновенными; пункты, оставшіеся доселѣ темными, освѣщаются; въ пользу же достовѣрности вообще священныхъ книгъ открытіе клинообразныхъ надписей сопровождается такими изумительными результатами и даетъ такое блестящее подтвержденіе мельчайшихъ пунктовъ Библии, что одинъ изъ извѣстныхъ знатоковъ восточной древности готовъ даже нынѣшнее чтеніе клинообразныхъ текстовъ признать неправильнымъ на томъ только основаніи, что ученые вычитали въ нихъ весьма много совершенно согласнаго съ Библией и подтверждающаго только достовѣрность ея²⁾. Что касается

¹⁾ Замѣчательно, что чуть не всѣ исторіи Вавилона и Персеи помѣщаютъ книгу Даниїлову въ число своихъ источниковъ, несмотря на то, что сами историки смотрятъ на нее съ различныхъ точекъ зрѣнія.

²⁾ „Ассирійско-вавилонскія клинообразныя надписи и ветхій заветъ“. Ярославскія Епархіальныя Вѣдомости, 1879 г., № 2, стр. 11.

въ частности книги Даниїловой, то вотъ какими поразительными результатами въ ея пользу обогатилась новѣйшая наука, по безпристрастному и чистосердечному отзыву одного извѣстнаго знатока и изслѣдователя въ области древней исторіи и археологій—Ленормана: „я долженъ сознаться, говоритъ онъ, что нѣкоторыя возраженія, сдѣланныя противъ книги Даниїловой Корроди, Эйхгорномъ, Яномъ, Гезеніусомъ, де-Ветте, Ленгерке, Эвальдомъ и Гитцигомъ, мнѣ долго казались, неопровержимыми. Я и самъ держался ихъ взгляда и въ такомъ родѣ даже выпустилъ въ печать свое сужденіе о книгѣ Даниїловой¹⁾... Единственно только научныя основанія заставили меня измѣнить свое убѣжденіе.. Мой новый взглядъ возникъ одновременно съ изученіемъ мною клинообразныхъ надписей, благодаря показаніямъ которыхъ прежнее сужденіе о книгѣ Даниїловой, какъ мнѣ кажется, должно быть теперь измѣнено; а свидѣтельства этихъ надписей идутъ рядомъ съ самымъ открытіемъ ихъ... Теперь чѣмъ больше я читаю и перечитываю книгу Даниїла, сравнивая ее съ данными клинообразныхъ надписей, тѣмъ все болѣе и болѣе изумляюсь вѣрности той картины, какую рисуютъ предъ нами шесть первыхъ главъ этой книги относительно двора вавилонскаго и основныхъ идей и понятій времени Навуходоносора; тѣмъ все болѣе и болѣе проникаюсь убѣжденіемъ, что эти главы написаны въ самомъ Вавилонѣ и во время еще близкое къ изложеннымъ въ нихъ событіямъ... Думаю, что и вторую половину книги Даниїловой можно такъ же хорошо защитить и оправдать, какъ и первую“²⁾. Отзывъ,

¹⁾ См. *Lenormant* Ф. Руководство къ древней исторіи востока до персидскихъ войнъ. Пер. И. Каманина Т I, выд. 2 (стр. 414. Здѣсь Ленорманъ проводитъ ту мысль, что та книга Даниїлова которую мы теперь имѣемъ, есть уже позднѣйшая, значительно испорченная и искаженная редакція первоначальнаго текста, позднѣйшая (III в. до Р. Хр.) перекладка подлинной книги Даниїловой, наполненная весьма важными историческими ошибками и погрѣшностями,—и что, поэтому, нашей канонической книгѣ Даниїловой нельзя особенно довѣрять.

²⁾ *Lenormant* F. La divination et la science des présages chez les Chaldéens. Paris. 1875. Appendice. P. 170, 171, 172, 188.

заслуживающій, во всякомъ случаѣ, полнѣйшаго вниманія, какъ отзывъ ученаго не только не пристрастнаго, но даже настроеннаго сначала враждебно противъ книги Даниловой и потомъ, на основаніи однихъ научныхъ данныхъ, радикально измѣнившаго свой прежній взглядъ; примѣръ же самого Ленормана, какъ нельзя лучше, показываетъ, какими важными открытіями обогатилась въ послѣднее время библейско-историческая наука и какъ много эти открытія говорятъ въ пользу достовѣрности книги Даниловой. О точности и достовѣрности содержанія этой книги, какъ историческаго литературнаго памятника, говорятъ и другіе свѣтскіе историки¹⁾. Сомнѣваться въ этомъ теперь, при настоящей разработкѣ вопроса о соотвѣтствіи новооткрытыхъ историческихъ памятниковъ даннымъ Библии—невозможно. Если же книга Данилова есть въ собственномъ смыслѣ историческій памятникъ, то понятно, что она должна служить для насъ первоисточникомъ при изложеніи какъ жизни и дѣятельности самого пророка Данила, такъ и его эпохи.

Пользуясь книгой Даниловой, какъ главнымъ и единственнымъ источникомъ при изложеніи жизни и дѣятельности пророка Данила, обращаясь, кромѣ нея, и къ другимъ каноническимъ ветхозавѣтнымъ книгамъ при воспроизведеніи историческихъ условій и обстоятельствъ вавилонскаго плѣна, мы не вправѣ въ тоже время оставить безъ вниманія все то, что служитъ подтвержденіемъ, а, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и проясненіемъ библейскаго разсказа. Таковы, прежде всего, опубликованныя въ послѣднее время драгоценныя и незамѣнимыя для библейской науки ассиро-вавилонскія клинообразныя надписи, относящіяся приблизительно къ VIII—VI в. до Р. Хр. Важность этихъ надписей, какъ историческихъ документовъ, несомнѣнна: какъ записи не историковъ только, а самихъ же историческихъ героевъ

¹⁾ *Ménant* J. *Babylone et la Chaldée*. Paris. 1875. P. 240.

той эпохи, въ какую жилъ пророкъ Даниль, или сравнительно близкихъ къ нему временъ, онѣ, несмотря на свой отрывочный характеръ, служатъ несомнѣннымъ подтвержденіемъ полнѣйшей *правдоподобности* библейскаго разсказа, которую настойчиво отрицаютъ указанные нами раньше представители западно-богословской науки критическаго направленія. Затѣмъ, сравнительно меньшее, но, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно важное (въ смыслѣ фактическаго матеріала) значеніе для насъ имѣютъ сочиненія древнихъ историковъ и географовъ, или жившихъ во время сравнительно близкое къ вавилонскому плѣну, или имѣвшихъ возможность пользоваться какъ произведеніями современниковъ этого плѣна, такъ и сравнительно чистымъ народнымъ преданіемъ объ этой эпохѣ,—сочиненія авторовъ, оставившихъ намъ свѣдѣнія о жизни древнихъ народовъ, преимущественно іудеевъ, ассиро-вавилонянъ, мидянъ и персовъ (Иосифа Флавія, Геродота, Ксенофонта, Діодора Сицилійскаго, Страбона, Курція, Бриссонія, Евсевія Кесарійскаго и др.). Несмотря на встрѣчающіяся у тѣхъ или другихъ изъ нихъ историческія ошибки и неточности, въ общемъ они, конечно, вѣрно воспроизводятъ исторію жизни, нравы и обычаи древнихъ вавилонянъ, мидянъ и персовъ; а мы должны заняться не исторіей Вавилона и Персіи, для чего нужна была-бы критическая оцѣнка и древнихъ историковъ,—а исторіей только пророка Данила, которая не записана нигдѣ, кромѣ его же книги; изъ общеисторическихъ источниковъ мы должны позаимствовать только нѣкоторыя черты въ пользу подтвержденія именно той-же правдоподобности разсказа книги Даниловой; въ виду этого для насъ имѣетъ больше цѣны внутренняя, чѣмъ внѣшняя исторія Вавилона и Персіи; а въ этомъ отношеніи сочиненіями древнихъ авторовъ можно пользоваться, не подвергая ихъ строго-критической оцѣнкѣ, особенно при взаимномъ согласіи двухъ-трехъ изъ нихъ. Разнаго рода

саги и легенды талмудистовъ, восточныхъ писателей, апокрифическихъ произведеній и другихъ авторовъ, хотя не могутъ, конечно, претендовать на достовѣрность, но, какъ преданія, могутъ заключать въ себѣ нѣкоторую долю вѣроятности; по меньшей мѣрѣ, въ смыслѣ фактическаго матеріала, онѣ не лишены нѣкотораго интереса въ библейско-историческомъ изслѣдованіи, какъ преданія и воззрѣнія народныя на складъ характера лицъ и событій.

Въ заключеніе намѣтимъ еще крайніе предѣлы, на которые падаетъ жизнь и дѣятельность пророка Данила. Самый ранній фактъ изъ жизни пророка, отмѣченный въ его книгѣ,—это плѣненіе его Навуходоносоромъ вмѣстѣ съ другими іудейскими отроками ¹⁾, при первомъ нашествіи этого государя на Іудею въ царствованіе іудейскаго царя Іоакима ²⁾. Въ то время пророкъ Данилъ былъ „отрокомъ“, но отрокомъ уже „понятливымъ для всякой науки, разумѣющимъ науки, смышленнымъ“, способнымъ изучать чужой языкъ и литературу ³⁾,—слѣдовательно, развитымъ уже какъ по лѣтамъ, такъ и по умственнымъ способностямъ; послѣ трехлѣтняго приготовления онъ вмѣстѣ со своими сверстниками долженъ былъ уже вступить на службу при дворѣ ⁴⁾. Какъ видно, во время переселенія въ Вавилонъ пророку могло быть приблизительно 14—17 лѣтъ; время рожденія его, слѣдовательно, падаетъ на вторую половину царствованія Іосіа, царя іудейскаго, потому что предшественникъ Іоакима Іоахазъ царствовалъ только 3 мѣсяца ⁵⁾. Съ перваго нашествія Навуходоносора на Іудею при Іоакимѣ и начинается

¹⁾ Дан. 1, 1. 3. 4. 6.

²⁾ Въ Дан. 1, 1 время этого нашествія на Іудею опредѣляется 3-мъ годомъ Іоакима.

³⁾ Дан. 1, 3. 4.

⁴⁾ Дан. 1, 5.

⁵⁾ 4 Цар. 23, 31.

время 70-лѣтняго плѣна вавилонскаго ¹⁾, все продолженіе котораго пророкъ Данилъ прожилъ въ Вавилонѣ, выполняя назначенную ему свыше миссію. Послѣдній фактъ изъ жизни пророка, отмѣченный его книгой,—это видѣніе въ 3 годъ царствованія Кира ²⁾, уже по освобожденіи іудеевъ изъ плѣна вавилонскаго ³⁾, незадолго до смерти самого пророка ⁴⁾. Такимъ образомъ, крайніе предѣлы жизни Данила падаютъ, съ одной стороны, на вторую половину царствованія Іосіа (въ Іудеѣ), съ другою—на первую половину царствованія Кира надъ соединеннымъ вавилоно-мидо-персидскимъ государствомъ; дѣятельность же его падаетъ всецѣло на все время вавилонскаго плѣна отъ начала его до конца. Въ этихъ предѣлахъ и слѣдуетъ намѣтить во второй части настоящаго изслѣдованія историческія условія времени дѣятельности пророка Данила, а равно и особенности нравственно-политической почвы, на которой проходила эта дѣятельность.

¹⁾ Іер. 25, 11.

²⁾ Дан. 10, 1.

³⁾ 1 Эздр. 1, 1; 2 Пар. 36, 22.

⁴⁾ Дан. 12, 13.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ УСЛОВІЯ, ПРИ КОТОРЫХЪ ПРОХОДИЛА ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ СВ. ПРОРОКА ДАНИИЛА.

Печальную картину представляет собою исторія послѣднихъ лѣтъ существованія іудейскаго царства, постепенно все болѣе и болѣе приходившаго въ упадокъ со всѣхъ сторонъ своей политической и религіозно-нравственной жизни. Разрушеніе это было наказаніемъ Божиимъ за нечестіе и нравственное развращеніе іудейскаго народа, какъ и говорили объ этомъ пророки¹⁾; но съ чисто-исторической точки зрѣнія оно является совершенно естественнымъ фактомъ, всегда возможнымъ, а пожалуй и необходимымъ въ историко-политической жизни подобнаго рода государствъ. Вся исторія іудейскаго царства, особенно въ послѣднія времена его, представляет собою непрерывную борьбу благочестія съ нечестіемъ, а отсюда и смѣну двухъ направленій. Смотря по тому, какой царь сидѣлъ на престолѣ—благочестивый или нечестивый, сообразно съ этимъ слагалась общественная жизнь и всего государства. Благочестивый царь истреблялъ идолы, лишалъ должностей, а иногда изгонялъ и даже умерщвлялъ идольскихъ жрецовъ, отдавалъ сановниковъ, державшихся язычества, возстановлялъ служеніе Іеговы, призывалъ священниковъ, государственныя должности замѣщалъ ревнителями (истинными или мнимыми) закона Іеговы и т. п. Съ воцареніемъ

¹⁾ Ис. 24, 1—13; Іер., главы 5, 6, 8 и 9.

же нечестиваго царя все принимало, конечно, совершенно обратное направленіе: большинство сдѣланнаго къ славлѣ Іеговы благочестивымъ царемъ истреблялось, возстановлялось все языческое. И такая смѣна продолжалась всегда; замѣчается какъ-бы періодическое движеніе то въ ту, то въ другую сторону. Единства общественныхъ и государственныхъ интересовъ не было, потому что всѣ силы направлялись на взаимную внутреннюю борьбу обѣихъ партій, преслѣдующихъ каждая свои религіозныя интересы. Религіозная борьба, естественно, влекла за собою нравственное развращеніе, потому что неустойчивое религіозное направленіе не могло дать твердой основы для извѣстнаго нравственнаго настроенія. При раздѣленіи общественныхъ и государственныхъ интересовъ, при внутренней борьбѣ государства, забота о внѣшнемъ положеніи его отодвигалась какъ-то на задній планъ и потому борьба съ сильными тогда восточными языческими государствами была для Іудей нелегка. Еще Езекии было предсказано о плѣненіи народа его и опустошеніи Іудей¹⁾; при ближайшихъ же преемникахъ его началось постепенное фактическое осуществленіе этого грознаго предсказанія.

Въ весьма привлекательномъ свѣтѣ является предъ нами личность послѣдняго благочестиваго царя іудейскаго Іосіа, царствованіе котораго было попыткой возстановить древнее іудейское благочестіе и истинную нравственность, но, къ сожалѣнію, не принесло прочныхъ результатовъ. Вступилъ онъ на престолъ въ 640 году до Р. Хр.²⁾ восьмилѣтнимъ маль-

¹⁾ 4 Цар. 20, 16—18; Ис. 39, 5—7.

²⁾ Установить точную хронологію этого періода библейской исторіи довольно трудно. Разногласіе различныхъ историковъ въ показаніи хронологическихъ датъ, относящихся къ этому времени, хотя не превосходитъ, правда, 2—3 лѣтъ, но все-таки есть. У насъ было подъ руками нѣсколько хронологическихъ таблицъ: Эвальда, Вилера, Гумпаха, Кругера (при исторіи Эйзенлора), Цуица (при исторіи Немзера), Бузена, Богословскаго, Лопухина и др.; были и спеціальныя сочиненія: Снасскій И. „Исслѣдованіе библейской хронологіи“. Кіевъ, 1857, и Floigl. V. „Die Chronologie der Bibel, des Manetho und Beross“.

чикомъ и первые восемь лѣтъ былъ подѣ опекою царедворцевъ своего отца и дѣда, впродолженіе почти 60-лѣтняго царствованія которыхъ язычество успѣло сильно укорениться въ предѣлахъ Іудеи и грозило совершенно уничтожить истинную религію Іеговы. Но Іосія былъ человѣкъ другого направленія, поставившій своею задачею „ходить путемъ Давида и не уклоняться ни направо, ни налево“¹⁾. На восьмомъ году своего царствованія и шестнадцатомъ году отъ рожденія (возрастъ, считавшійся и у древнихъ іудеевъ совершеннолѣтіемъ для государя) онъ взялъ въ свои руки дѣла государства и принялся за возстановленіе религіи Іеговы. Религіозная реформа Іосія была совершенна, конечно, постепенно—и въ ходѣ ея можно различать три ступени. На первыхъ порахъ Іосія только объявилъ себя поклонникомъ Бога истиннаго, но не сразу, взялся за истребленіе язычества: на это у 16-лѣтняго царя не доставало, естественно, ни энергіи, ни мужества, въ виду могущества языческой партіи. Черезъ 4 года (на двѣнадцатомъ году царствованія) Іосія взялся за дѣло рѣшительно. Языческія капища, жертвенники, идолы, священныя рощи—все подверглось окончательному уничтоженію и беспощадному осмѣянію. Ревность царя въ истребленіи всего языческаго была очень велика: не ограничиваясь своимъ гоненіемъ на язычество въ предѣлахъ Іудеи, онъ отправился съ тою-же цѣлію и въ землю израильскую; прошелъ области колѣвъ ефремова, манассіина и симеонова до самыхъ предѣловъ колѣва нефеалимова (у Геннисаретскаго озера) и здѣсь истреблялъ идолы, высоты, священныя лѣса. Подготовивъ почву для себя отрицательнымъ путемъ, Іосія принялся, наконецъ, за проведеніе началъ истиннаго благочестія въ жизнь своего народа. Первою заботою его было возстановленіе прежняго величія храма Соломонова, который,

Leipzig, 1880. Мы отдаемъ предпочтеніе хронологіи Эвальда и Цунца, съ которой согласно вообще большинство.

¹⁾ 4 Цар. 22, 2; 2 Цар. 34, 2.

какъ и все вообще, носившее на себѣ печать Іеговы, успѣлъ придти въ упадокъ. Во время работъ по приведенію храма въ надлежащій порядокъ первосвященникъ нашелъ „книгу закона“, хранившуюся, вѣроятно, при кивотѣ завѣта, но затерянную въ одно изъ предыдущихъ нечестивыхъ царствованій; первосвященникъ послалъ эту книгу царю, а царь, обрадованный новой находкой, велѣлъ прочитать ее себѣ. Чтеніе это произвело самое сильное впечатлѣніе на царя: онъ разодралъ свои одежды, когда услышалъ, какой страшный гнѣвъ Господень ожидаетъ нарушителей закона Іеговы. Насколько нечестіе укоренилось среди его народа,—онъ, понятво, зналъ по собственному опыту; грѣхи и преступленія его отца и дѣда были ему хорошо извѣстны; было отъ чего придти въ ужасъ, когда онъ узналъ, что судъ Божій близокъ и что ему или одному изъ его ближайшихъ преемниковъ придется дорого раскисачиваться за прежнее нечестіе всего государства. Посланное подѣ впечатлѣніемъ такихъ минутъ почетное посольство къ пророчицѣ Олдамѣ принесло царю отвѣтъ, что судъ Божій уже ждетъ, но что самъ благочестивый царь не увидитъ тѣхъ бѣдъ и несчастій, какія постигнуть народъ его послѣ его смерти. Отвѣтъ пророчицы о неизбѣжности наказанія для народа въ связи съ глубокимъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на царя чтеніемъ самой „книги закона“, побудили его прочитать эту книгу публично и всему народу, послѣ чего царь, а за нимъ и народъ дали торжественное обѣщаніе соблюдать всѣ заповѣди Господни. Подѣ свѣжимъ впечатлѣніемъ такихъ торжественныхъ минутъ Іосія принялся за окончательное возстановленіе служенія Іеговы. Необходимо было позаботиться о полномъ благолѣпіи храма. Оставшіеся еще въ немъ золотые сосуды, служившіе при языческихъ церемоніяхъ, были вынесены и сожжены. Истреблены были послѣдніе идолы, жертвенники и алтари, разсыянные по всей Іудеѣ; жрецовъ языческихъ Іосія умерщвлялъ и кости ихъ сожигалъ на жертвенникахъ. Наконецъ,

царь распорядился торжественно отпраздновать въ тотъ годъ пасху. Пасха, дѣйствительно, была отпразднована съ такимъ торжествомъ, какъ не праздновалась „отъ дней Самуила“¹⁾. На царя, конечно, все это имѣло большое вліяніе въ смыслѣ подъема его религіознаго духа и энергіи; были и кромѣ него истинные поклонники Іеговы; но масса народа оставалась если не безучастною, то, по крайней мѣрѣ, равнодушною въ сравненіи съ ревностью самого царя; если и держалась истинной религіи, то только подъ вліяніемъ минуты, а не по внутреннему убѣжденію.

Къ этому же приблизительно времени относятся значительныя перемѣны въ политическомъ мірѣ языческихъ государствъ, имѣвшихъ немаловажное вліяніе на іудеевъ. Главное—это, конечно, основаніе вавилонскаго (такъ называемаго „ново-вавилонскаго“) государства бывшимъ полководцемъ ассирійскаго царя Набопалассаромъ, отцомъ знаменитаго Навуходоносора. Посланный въ Вавилонъ (подвластный тогда Ассиріи) для защиты этого города отъ набѣговъ дикой орды скиѳовъ, можетъ быть, получившій при этомъ и титулъ вассальнаго царя или князя вавилонскаго, Набопалассаръ (въ 625 году до Р. Хр.) объявилъ себя независимымъ²⁾, а спустя нѣсколько лѣтъ поднялъ оружіе противъ Ассиріи же. Соединившись съ Кіаксаромъ I, царемъ мидійскимъ, онъ взялъ Ниневію и сталъ полновластнымъ государемъ обширнаго ассиро-вавилонскаго царства (ок. 607 г. до Р. Хр.). Незадолго до окончательнаго паденія Ниневіи выступилъ на арену политической дѣятельности другой государь, принимавшій дѣятельное участіе въ той великой политической борьбѣ, въ которую была вовлечена и Іудея. Это—египетскій фараонъ Нехао II. Въ 609 году онъ задумалъ походъ противъ новаго вавилонскаго государя, надѣясь завоевать себѣ земли на Евфратѣ; планъ

его былъ—пройти къ Евфрату сначала морскимъ путемъ (черезъ Средиземное море), а потомъ прямо черезъ Іудею; такъ было ему всего удобнѣе. Но Іосія, несмотря на увѣренія фараона въ его мирныхъ намѣреніяхъ по отношенію къ Іудеѣ, не хотѣлъ пропустить Нехао черезъ свои владѣнія; чтобы обезопасить ихъ, онъ самъ даже выступилъ съ войскомъ на встрѣчу ему, но при Мегиддонѣ, недалеко отъ Птолемаидскаго залива, проигралъ битву, самъ былъ тяжело раненъ и умеръ на пути въ Іерусалимъ послѣ 31-лѣтняго царствованія. Уже это печальное событіе показало, насколько слабы были физическія и военныя силы іудейскаго царства въ сравненіи съ могуществомъ такихъ монархій, какъ египетская или вавилонская; изъ хода политическихъ событій можно было видѣть, что конецъ политическаго существованія Іудеи близокъ и что тотъ-же Нехао или Набопалассаръ, расширяя предѣлы своего государства, не преминетъ подчинить своей власти и Іудею. вмѣстѣ съ тѣмъ, дальнѣйшія событія, какъ нельзя лучше, показали, какъ безуспѣшна была попытка Іосія реформировать внутреннее состояніе своего государства и народа и какъ призрачно было то видимое благочестіе, которое онъ надѣялся утвердить среди своихъ подданныхъ.

Преемникомъ Іосія былъ избранъ сынъ его Іоахазъ. Это былъ человѣкъ, несомнѣнно, энергичный, воинственный¹⁾, но ревностный язычникъ: несмотря на трехмѣсячное только свое царствованіе, онъ успѣлъ сдѣлать много зла истиннымъ поклонникамъ Іеговы. Судьба его была весьма плачевна: фараонъ Нехао, разбивши іудейское войско при Мегиддонѣ, задумалъ окончательно покорить Іудею; направляясь къ Евфрату, онъ, какъ и намѣревался сначала, прошелъ Палестину до предѣловъ Сиріи и остановился въ Ревлаамѣ; здѣсь задержалъ прибывшаго сюда Іоахаза, заковалъ его въ цѣпи и отослалъ въ Египетъ, гдѣ тотъ и оставался плѣнникомъ до

¹⁾ 2 Пар. 35, 18.

²⁾ Tiele С. P. Babylonisch-assyrische Geschichte. 2. Teil. S. 421.

¹⁾ Пророкъ Іезекіиль сравниваетъ его со львомъ (Іез. 19, 2—4).

самой смерти. После того, конечно, фараонъ имѣлъ право смотрѣть на Іудею, какъ на свое владѣніе, и распорядился ею по своему произволу: на престолъ іудейскій возвелъ старшаго сына Іосіа Еліакима и въ знакъ его „рабскаго“ положенія по отношенію къ себѣ перемѣнилъ его имя на Іоакима, а на страну іудейскую наложилъ ежегодную дань въ 100 талантовъ серебра и одинъ талантъ золота.

Вступивъ на престолъ (въ 609 году), Іоакимъ долженъ былъ позаботиться о своевременномъ взносѣ дави фараону, такъ какъ отъ этого зависѣла и его собственная участь. Дань была весьма значительна и для уплаты ея едвали было достаточно средствъ въ государственной казнѣ; и вотъ царь обложилъ всѣхъ подданныхъ громадными налогами; не падалъ даже бѣдняковъ, чѣмъ возбудилъ противъ себя сильное недовольство народа. Возбужденіе противъ него поднялось еще сильнѣе, когда онъ задумалъ собирать кромѣ подати еще излишекъ для дорогихъ построекъ. По нравственнымъ качествамъ это былъ одинъ изъ самыхъ худшихъ государей: сильно обличалъ его пророкъ Іеремія за несправедливость, корыстолюбіе, жестокость и угрожалъ ему „ослинымъ погребеніемъ“¹⁾. По религіознымъ убѣжденіямъ это былъ ревностный язычникъ, не хотѣвшій знать пророковъ Іеговы и преслѣдовавшій ихъ за суровыя обличенія и грозныя пророчества.

На политическомъ горизонтѣ въ это время выступилъ единственный въ своемъ родѣ, гениальный и знаменитѣйшій въ древней исторіи политическій и военный дѣятель, о которомъ намъ много придется говорить,—это Навуходоносоръ, царь вавилонскій, сынъ Набопалассара. Это былъ человекъ, весьма богато одаренный отъ природы. Блестящій полководецъ, онъ сумѣлъ сравнительно небольшое и весьма юное еще государство своего отца въ нѣсколько лѣтъ превратить

¹⁾ Іер. 22, 13—19 и др.

въ громадную монархію, которой подчинились всѣ могущественныя и непобѣдимыя дотолѣ восточныя державы; территорию своихъ владѣній онъ расширилъ такъ, какъ ни одинъ изъ бывшихъ до него древнѣйшихъ государей. Съ другой стороны, прекрасный администраторъ, онъ въ теченіе своего продолжительнаго царствованія держалъ свою громадную монархію на такой высотѣ политическаго могущества и государственной силы, какая вполне соответствовала и обширности ея территорій. Затѣмъ, покровитель наукъ и искусствъ, цѣнитель красоты и изящества, онъ сумѣлъ превратить свою столицу въ такое чудо искусства, что, по словамъ Геродота, бывшаго лично въ Вавилонѣ, ни одинъ городъ не могъ сравняться съ послѣднимъ по красотѣ и великолѣпію¹⁾. Постоянныя завоеванія доставляли ему множество плѣнныхъ и огромныя богатства и способствовали обогащенію и украшенію какъ Вавилона, такъ и другихъ городовъ обширнаго царства блестящаго завоевателя. Но въ тоже время и держаться такая громадная монархія могла только энергіей и гениальнымъ административнымъ тактомъ Навуходоносора, при преемникахъ котораго она сравнительно скоро прекратила свое самостоятельное политическое существованіе. Дѣйствительно, она и держалась только Навуходоносоромъ: изъ 88 лѣтъ (625—538) политическаго существованія Вавилона цѣлые 43 года (604—562) падаютъ на время царствованія этого знаменитаго государя; остальные 45 лѣтъ пошли то на огражденіе самостоятельности вавилонскаго царства при Набопалассарѣ, то на незначительное сравнительно по своему историческому значенію царствованіе преемниковъ Навуходоносора. Нравственныя качества этого знаменитаго государя заслуживаютъ тоже уваженія. Нельзя, конечно, сказать, чтобы онъ не былъ проникнутъ духомъ восточнаго деспотизма, котораго

¹⁾ Геродотъ. Исторія. Переводъ Мищенка. Томъ I. Москва. 1885. Стр. 91—92.

не были чужды и самые лучшие государи того времени; не былъ онъ, конечно, и вполне гуманный государь; но вина этого лежитъ вообще въ характерѣ исторической политики древневосточныхъ государствъ: какъ сынъ своего времени, и Навуходоносоръ главное значеніе придавалъ военной силѣ и расширенію предѣловъ своего государства; и онъ ревностно оберегалъ свою *государственную* религію, опустошалъ непокорныя страны, а жителей уводилъ въ плѣнъ; но при всемъ томъ ему не чужды были справедливость, благожелательность, снисходительность и другія похвальные качества, какъ это увидимъ впоследствии.

Въ исторіи іудейскаго царства Навуходоносоръ послужилъ орудіемъ гнѣва Божія на нечестивый іудейскій народъ. Объ этомъ божественномъ назначеніи Навуходоносора предсказали еще раньше пророки, какъ предсказали они и вообще о вавилонскомъ плѣнѣ¹⁾; начало этого плѣна совпадаетъ съ первыми годами царствованія Іоакима.

Блестящая дѣятельность Навуходоносора, какъ завоевателя, началась весьма рано, когда онъ еще не вступалъ на престолъ, но былъ назначенъ преемникомъ и соправителемъ своего отца Набопалассара. Сильную борьбу пришлось ему выдержать съ фараономъ Нехао, который въ то время пользовался славой непобѣдимаго завоевателя. Мы видѣли уже, какой проектъ старался осуществить тогда фараонъ: онъ нѣсколько лѣтъ уже постепенно двигался противъ Набопалассара, задавшись цѣлю отвоевать себѣ земли на Евфратѣ, которыя вѣкогда принадлежали Египту; начало этого похода падаетъ на царствованіе еще Іосія (въ 609 г.). Двигаясь постепенно, онъ разбилъ іудейское войско (при Мегиддонѣ), прошелъ сѣверную Палестину (которую совершенно покорилъ своей власти) и двигался почти по прямолинейному направленію къ берегамъ сѣвернаго Евфрата, покоря на пути однѣ

¹⁾ Іер. 25, 8—11.

страну за другою; кромѣ Палестины, Сирія и Финикія были всецѣло въ его рукахъ; большая опасность грозила и вавилонскимъ владѣніямъ. Чтобы остановить Нехао и прежде всего, конечно, защитить свои владѣнія на Евфратѣ, Набопалассаръ послалъ во главѣ своего войска сына своего Навуходоносора, такъ какъ самъ былъ уже старъ и не могъ лично руководить войною. Навуходоносоръ отправился вверхъ по Евфрату, пересѣкая путь фараону, такъ сказать, подъ прямымъ угломъ. Встрѣча обоихъ войскъ произошла при г. Кархемишѣ; здѣсь и была рѣшительная битва. Остановимся нѣсколько на вопросѣ о мѣстоположеніи Кархемиша, такъ какъ это имѣетъ существенное значеніе для дальнѣйшихъ нашихъ выводовъ. Многие историки и экзегеты¹⁾, занимавшіеся этимъ вопросомъ, отождествляютъ Кархемишъ съ *Circesium* или *Kirchisium*, о которомъ упоминаютъ классическіе писатели. Этотъ *Circesium* лежалъ на восточномъ берегу Евфрата, при впаденіи въ него рѣки Ховаръ, на небольшомъ островкѣ, образовавшемся при сліяніи этихъ двухъ рѣкъ²⁾. Были попытки (Масперо³⁾) доказать, что этотъ Кархемишъ есть древній Маббогъ - Іераполь, лежавшій значительно сѣвернѣе Цирцезіума, вблизи западнаго берега Евфрата, но не на самомъ Евфратѣ⁴⁾,—или же, что это Кал'атъ-

¹⁾ Менавъ (*Babylone et Chaldée*. P. 224), Зейнеке (*Geschichte des Volkes Israel*. I. Th. Göttingen. 1876. S. 390), Грегцъ (*Geschichte der Israeliten*. Leipzig. 1875. S. 339), Немзеръ (Полный курсъ исторіи израильскаго народа. Ч. I. Вильна. 1888. Стр. 286), Лопухинъ (Библейская исторія при свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій и открытій. В. 3. Т. II. СПб. 1890. Стр. 338), Бортольцъ (*Daniel*. I. Hälfte. S. 165), Цоллеръ (*Lange. Theol.-homilet. Bibelwerk*. A. T. XVII. Th. S. 30), Клифотъ (*Das Buch Daniels*. S. 53), Мейеръ (*Geschichte der poetischen National-Literatur d. Hebräer*. S. 374) и др.

²⁾ Такъ онъ изображается въ большинствѣ и на картахъ, причемъ надписывается или *Circesium*, или Кархемишъ (*Carchemisch*), или тѣмъ и другимъ названіемъ вмѣстѣ. См. бывшій у насъ подъ руками историческій атласъ Шпрунгера (*Spruner. Atlas antiquus*. Editio. Th. Menke Gotha. 1865).

³⁾ *Maspero G. Histoire ancienne des peuples de l'orient*. 4 édition. Paris. 1886. P. 180.

⁴⁾ См. тотъ-же атласъ. Св. пророкъ Давидъ.

Надшмъ¹⁾, тоже на западномъ берегу Евфрата; но новѣйшія изслѣдованія показали неосновательность всѣхъ этихъ предположеній. Настоящій Кархемишъ, какъ доказывается новѣйшими открытіями, лежалъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Джерабисъ - Европосъ²⁾, находящійся далеко къ сѣверу отъ Цирцезіума, на западномъ берегу сѣвернаго Евфрата, почти на той-же широтѣ, что и извѣстный Иссъ (на окраинѣ малой Азіи). Въ настоящее время этотъ Джерабисъ или Герабисъ-Европосъ представляетъ изъ себя только груды развалинъ, дающую, однако, ясное понятіе о томъ, что нѣкогда тамъ существовалъ значительный городъ: видны остатки стѣнъ, башенъ, зданій, немалое количество скульптурныхъ украшеній, барельефовъ и іероглифическихъ надписей; все это говоритъ о значительной цивилизаціи прежнихъ обитателей этого города. Между прочимъ, іероглифическія надписи навели изслѣдователей на вполне основательное заключеніе, что это и есть остатки древняго Кархемиша. Городъ этотъ извѣстенъ въ исторіи въ самыя древнія времена; на ассиро-вавилонскихъ памятникахъ онъ упоминается, начиная еще съ Тиглатпелассара I (около 1100 г. до Р. Хр.³⁾). Это была если не столица, то одинъ изъ важнѣйшихъ городовъ обитавшаго нѣкогда въ сѣверной Сиріи могущественнаго и значительнаго племени хеттеевъ, извѣстнаго и изъ Библии⁴⁾ и на ассиро-вавилонскихъ памятникахъ упоминаемаго весьма часто подъ именемъ племени Хетти или Кхатти, начиная еще съ XIV в. до христіанской эры⁵⁾.

¹⁾ *Schrader* E. Die Keilinschriften und das Alte Testament. 2. Aufl. Giessen. 1883. S. 385.

²⁾ См. упомянутый атласъ.

³⁾ *Schrader* E. Keilinschriftliche Bibliothek. Sammlung von assyrischen u. babylonischen Texten. Band I. Berlin. 1889. S. 33, 105, 107, 139, 159, 161, 171, 179. Band II. S. 31, 39, 43.

⁴⁾ Быт. 10, 15; 23, 3—18; 26, 34; 36, 2; Нав. 1, 4; Суд. 1, 26; 3 Цар. 10, 29; 4 Цар. 7, 6; Ис. 16, 3. 45 и др.

⁵⁾ *Schrader* E. Keil. Bibliothek. B. I. S. 5, 13, 23, 37, 39, 107, 111, 117, 125, 133, 135, 139, 143, 163, 173, 191. B. II. S. 23, 29, 39, 41, 43, 49, 55, 61, 73, 77, 91, 113, 127, 137, 149, 151.

Какъ видно изъ этихъ надписей, въ исторіи древнихъ ассирійскихъ царей племя это и городъ его Кархемишъ играли не совсѣмъ маловажную роль: взаимная борьба между тѣми и другими происходила довольно часто. Саргонъ окончательно покорилъ хеттеевъ и присоединилъ Кархемишъ къ числу ассирійскихъ владѣній съ резиденціей тамъ ассирійскаго намѣстника¹⁾; къ Вавилону же Кархемишъ перешелъ уже въ царствованіе Набопалассара, получившаго его по раздѣлу при завоеваніи Ниневіи вмѣстѣ съ Кіаксаромъ I мидійскимъ²⁾. При этомъ-то Кархемишъ и произошла битва между Навуходоносоромъ и фараономъ Нехао. Это было въ 605 году до Р. Хр., въ четвертый годъ царствованія Іоакима. Фараонъ былъ разбитъ и, конечно, вынужденъ былъ возвращаться назадъ, избирая, притомъ, для себя кратчайшій путь, чтобы скорѣе достигнуть предѣловъ своего царства, тѣмъ болѣе, что Навуходоносоръ гнался за нимъ по пятамъ. Приблизительно до Мегиддона они прошли тѣмъ-же путемъ, какимъ двигался къ Кархемишу фараонъ, а затѣмъ прошли Палестину (по сухопутью) и направились къ предѣламъ Египта. Путь этотъ, вѣроятно, былъ совершенъ сравнительно очень скоро, потому что и въ интересахъ Навуходоносора было преслѣдовать фараона шагъ за шагомъ до самаго Египта, чтобы не дать ему возможности скоро оправиться; тѣмъ не менѣе, и на этомъ пути Навуходоносоръ покорялъ одну за другою

¹⁾ *Schrader* E. Keil. Bibliothek. B. II. S. 39, 43.

²⁾ *Tiele*. Babil.-assyg. Geschichte. II. Teil. S. 410.—О мѣстоположеніи древняго Кархемиша и краткой исторіи его см. у Шрадера (Keilinschriften u. A. T. S. 384—385), Вигуру (Die Bibel u. die neueren Entdeckungen. B. IV. S. 276—278), Тиле (Babil.-assyrische Geschichte. I. Teil. S. 185), Сайса (The hittites, the story of a forgotten empire. 2 edition. 1892. P. 97—99.—Alte Denkmäler im Lichte neuer Forschungen. S. 172), Рина (Handwörterbuch des Biblischen Altertums. II. Band. S. 1067) и особенно замѣчательное изслѣдованіе Менана: „Kar-Kemisch. Sa position d'apres les decouvertes“, помещенное въ Memoires de l'Academie des inscriptions et belles lettres, t. XXXII, part. 2, p. 200—273.

тѣ земли, которыя незадолго предъ тѣмъ успѣлъ завоевать Нехао: Сирія, Финикія, Палестина и другія лежащія на пути области сдѣлались владѣніемъ Вавилона. Можно думать, что борьба съ ними не была сопряжена для Навуходоносора съ большими затрудненіями: государства эти были сравнительно несильны вообще, а въ настоящемъ случаѣ покорить ихъ было еще легче, потому что, вѣроятно, Нехао, направляясь къ Евфрату, забиралъ съ собою лучшія военныя силы покоренныхъ имъ государствъ и городовъ въ качествѣ подкрѣпленія, а во всякомъ уже случаѣ истощалъ свои вассальныя земли громадными поборами, необходимыми ему во время войны ¹⁾; не даромъ онъ шелъ до Кархемиша цѣлыхъ 4 года. Въ числѣ прочихъ городовъ, лежащихъ Навуходоносору на пути, онъ взялъ въ этотъ разъ и Іерусалимъ; Іоакима заковалъ было въ цѣпи, чтобы отвести въ Вавилонъ, но, удовлетворившись, вѣроятно, покорностью его, взялъ съ собою значительное число знатныхъ плѣнниковъ ²⁾ и дорогіе сосуды изъ храма іерусалимскаго и вмѣстѣ съ добычей и плѣнными погнался за фараономъ дальше, прошелъ сѣверную часть Аравіи и вступилъ въ предѣлы Египта, успѣвши подчинить своей власти все отъ сѣверныхъ предѣловъ Вавилона до г. Пелузіума; но здѣсь получилъ извѣстіе о смерти своего отца и, опасаясь, какъ-бы не потерять престола, заключилъ договоръ съ Нехао, оставилъ добычу и плѣнныхъ вмѣстѣ съ войскомъ въ рукахъ своихъ полководцевъ, приказавъ имъ отправляться въ Вавилонъ, а самъ съ небольшимъ отрядомъ направился туда же ближайшимъ путемъ черезъ пустыню. Въ Вавилонѣ онъ формально вступилъ на престолъ ³⁾ и сталъ самодержавнымъ государемъ ⁴⁾.

¹⁾ Мы видѣли, что и на Іудею (при возведеніи на престолъ Іоакима) онъ наложилъ весьма значительную ежегодную дань.

²⁾ Плѣнниковъ онъ бралъ въ каждой побѣжденной странѣ.

³⁾ До его прибытія временно управляли государствомъ знатнѣйшіе изъ вельможъ и жрецы-халдеи.

⁴⁾ Мы передали ходъ этихъ событій въ общихъ только чертахъ, потому что въ послѣдствіи займемся специально частностями и установленіемъ точной хронологіи событій.

Іоакимъ, сдѣлавшись вассаломъ Навуходоносора и обязавшись платить ему дань, съ большимъ неудовольствіемъ сносилъ свое положеніе; онъ готовъ былъ опять подчиниться фараону. Вѣроятно, самъ Нехао убѣждалъ Іоакима къ возмущенію противъ вавилонскаго царя и обѣщалъ ему свою помощь. Іоакимъ, дѣйствительно, чрезъ три года послѣ подчиненія Навуходоносору измѣнилъ ему, надѣясь на помощь Египта; но Египетъ не въ силахъ былъ даже предпринять противъ Вавилона новый походъ. Навуходоносоръ же, чтобы не дать возможности фараону дойти до Іудеи, а Іоакиму—фактически соединиться съ нимъ, предварительно послалъ на Іерусалимъ полчища подчиненныхъ ему народовъ, которыя бы постоянно тревожили Іудею частыми набѣгами. При такомъ положеніи дѣла, продолжавшемся около 4 лѣтъ, и Іоакимъ лишенъ былъ возможности вступить въ союзъ съ Египтомъ, и фараонъ не могъ „выйти изъ земли своей“, такъ какъ Палестина и сосѣднія ей земли были въ рукахъ Навуходоносора ¹⁾; кажется, подъ конецъ этихъ четырехъ лѣтъ фараонъ и умеръ. Между тѣмъ, прибыло войско Навуходоносора и начало формальную осаду Іерусалима; при самомъ началѣ этой осады умеръ и Іоакимъ, и престолъ іудейскій занялъ сынъ его Іехонія.

Іехонія было только 18 лѣтъ, когда онъ вступилъ на престолъ, и царствовалъ онъ всего три мѣсяца; но, несмотря на такой ранній возрастъ, основныя языческія религиозно-нравственныя воззрѣнія были въ немъ глубоко укоренены и сдѣлали изъ него ревностнаго язычника. Между тѣмъ, къ концу третьяго мѣсяца царствованія Іехонія прибылъ подъ стѣны Іерусалима самъ Навуходоносоръ. Тогда Іехонія рѣшился сдаться добровольно. Навуходоносоръ завладѣлъ царскою казною, взялъ изъ храма дорогіе сосуды, царя вмѣстѣ съ его матерью, женами, сановниками и придворными и 10000

¹⁾ 4 Цар. 24, 7.

другихъ плѣнныхъ выселилъ въ Вавилонъ; оставилъ въ Иерусалимѣ только самый бѣдный классъ населенія. Этимъ Навуходоносоръ фактически положилъ конецъ существованію іудейскаго царства, такъ какъ взялъ изъ него не только сокровища, войска, но и самого царя вмѣстѣ съ семействомъ и сановниками. Но исторически конецъ царству іудейскому еще не насталъ: самъ Навуходоносоръ поставилъ въ Иерусалимѣ новаго царя, дядю Іехоніи и сына Іосіи, Матѳанію, которому переименовалъ имя на Седекію, причемъ потребовалъ отъ него торжественную клятву въ вѣрности.

Новый царь іудейскій по своему религіозному направленію былъ таковъ же, какъ и Іоакимъ и Іехонія; по характеру же—далеко хуже ихъ: это былъ человѣкъ трусливый, перфшительный, слабый духомъ, притомъ же способный на всякаго рода коварство и даже клятвопреступленіе. Въ теченіе его 11-лѣтняго царствованія Іудея дошла до послѣдней степени нравственнаго паденія: не только самъ царь „дѣлалъ неуродное въ очахъ Господа“, „не смирялся предъ пророками“, оказался клятвопреступникомъ, „ожесточилъ сердце свое“, но и „всѣ начальствующіе надъ священниками и народомъ много грѣшили, подражая всѣмъ мерзостямъ язычниковъ“, „оскверняли домъ Господа“, издѣвались „надъ посланными отъ Бога и пренебрегали словами Его“, „ругались надъ пророками“¹⁾ и т. д. На политическомъ горизонтѣ тогдашнихъ государствъ было въ то время нѣчто такое, что могло подавать жителямъ Иерусалима надежду на избавленіе отъ вавилонскаго ига: мелкіе народцы, покоренные Навуходоносоромъ,—моавитяне, аммонитяне, идумеи, тиряне и сидоняне—составили общій союзъ съ цѣлю свергнуть съ себя иго Вавилона; они приглашали съ собою и Седекію, а появившіеся во множествѣ ложные пророки только разжигали несбыточную мечту царя и вельможъ, предсказывая о скоромъ

¹⁾ 2 Пар. 36, 12—16.

разрушеніи вавилонскаго царства и возвращеніи въ Иерусалимъ плѣнниковъ іудейскихъ. Седекія готовъ былъ присоединиться къ этому союзу, но предположенное возмущеніе почему-то не состоялось. Седекія же, для отвода подозрѣній, посылалъ пословъ въ Вавилонъ, а потомъ и самъ было отправился туда же. Около 7-го года царствованія Седекія вступилъ на престолъ египетскій новый фараонъ Уагабра (Уапрагетъ), названный греками Априсъ; онъ же Вафрій, какъ называетъ его пророкъ Іеремія¹⁾. Это былъ человѣкъ энергичный, предприимчивый и притомъ замѣчательный полководецъ: въ короткое время онъ завоевалъ Сидонъ, Кипръ, большую часть финикійской области и успѣлъ обратить на себя общее вниманіе. Мелкіе народцы, замышлявшіе прежде возстать противъ Вавилона, надѣялись теперь возобновить свою попытку съ помощію Вафрія. Такъ думалъ и Седекія, который теперь и принялся за осуществленіе своей мечты: отправилъ въ Египетъ пословъ и возобновилъ переговоры съ моавитянами и аммонитянами; въ то же время приступилъ къ укрѣпленію Иерусалима, а затѣмъ отказомъ Навуходоносору въ повиновеніи и дани бросилъ ему рѣшительный вызовъ.

Навуходоносоръ, узнавъ о возмущеніи противъ него, выступилъ въ походъ съ сильнымъ войскомъ, направился на Иерусалимъ и въ десятый мѣсяцъ девятаго года царствованія Седекія обложилъ городъ. Около того же времени онъ успѣлъ взять уже всѣ города Іудеи, кромѣ двухъ крѣпостей Лахеса и Азека. Между тѣмъ, Седекія остался въ Иерусалимѣ только при своихъ силахъ: тѣ народцы, съ которыми онъ сносился и отъ которыхъ могъ ожидать себѣ помощи, одни оставались совершенно равнодушными къ участи Иерусалима, другіе даже прямо присоединились къ войскамъ Навуходоносора. Хотя фараонъ съ сильнымъ войскомъ и двинулся было на защиту Седекія, но Навуходоносоръ, оставивъ вре-

¹⁾ Іер. 44, 30.

менно Иерусалимъ, пошелъ на встрѣчу фараону, заставилъ его возвратиться въ свои владѣнія, а самъ опять подступилъ къ Иерусалиму. Положеніе жителей этого города было очень серьезно; матеріальное положеніе ихъ ухудшалось со дня на день: открылся страшный голодъ; городскія стѣны были сильно повреждены; многіе изъ жителей передались халдеямъ, другіе ломали дома и дворцы и изъ обломковъ воздвигали новыя стѣны. Наконецъ, въ четвертый мѣсяцъ 11-го года царствованія Седекіи вавилонскому войску удалось разрушить сѣверную стѣну города и постепенно завладѣть Иерусалимомъ. Седекія въ отчаяніи бѣжалъ по направленію къ Иордану, а за нимъ двинулось и его войско. Посланный за ними вавилонскій отрядъ догналъ ихъ вблизи Иерихона. Седекію съ сановниками іудейскими отвели къ Навуходоносору въ Ревламъ (сирійскій городъ), гдѣ умертвили всѣхъ тѣхъ, которые подавали поводъ къ возмущенію, а также и сыновей Седекіи на глазахъ отца; самому же царю выкололи глаза, закопали въ цѣпи и отвели въ Вавилонъ. Спустя мѣсяцъ послѣ этого прибылъ въ Іудею Навузарданъ, одинъ изъ вельможъ Навуходоносора, и довершилъ разрушеніе столицы іудейской. Иерусалиму положенъ былъ конецъ: жители его отведены въ плѣнъ, сокровища перевезены въ Вавилонъ, изъ храма взяли золотыя и серебряныя вещи, а большіе мѣдные сосуды разбили на куски—и все это отправили туда же; частныя богатства тоже забрали; дома и стѣны города, не исключая и храма, были разрушены до основанія и преданы огню. Остались въ Иерусалимѣ только бѣдные земледѣльцы. Это было въ 586 году до Р. Хр., въ девятнадцатый годъ царствованія Навуходоносора.

Надъ оставшимся на развалинахъ Иерусалима бѣднымъ людомъ Навуходоносоръ поставилъ правителемъ нѣкоего Годолію, человека благочестиваго, подававшаго всегда голосъ въ пользу Вавилона и притомъ занимавшаго видную должность при дворѣ послѣднихъ іудейскихъ царей. Резиденці-

ей этого правителя была назначена Массифа; къ этому новому центру стали стекаться іудеи, разсѣявшіеся по разнымъ мѣстамъ во время послѣднихъ несчастныхъ событій. Годолія всѣхъ принималъ, раздавалъ участки земли для поселенія, убѣждая въ то же время къ покорности Навуходоносору. Между тѣмъ, прибывшій въ Массифу съ коварнымъ намѣреніемъ родственникъ Седекіи Измаиль убилъ Годолію; вмѣстѣ съ нимъ перебили и партію его приверженцевъ—іудеевъ и халдеевъ, бывшихъ въ Массифѣ. Самъ Измаиль бѣжалъ къ аммонитянамъ, а значительная партія іудеевъ, оставшихся въ Массифѣ и окрестныхъ городахъ, боясь гнѣва царя вавилонскаго, отправилась въ Египетъ, одни—добровольно, другіе—противъ воли. Небольшая группа оставшихся въ Палестинѣ была опять выселена въ Вавилонъ, и Іудея въ собственномъ смыслѣ превратилась въ пустыню, наполненную горами развалинъ. Если кто-нибудь еще и оставался здѣсь, то развѣ только жалкіе остатки низшаго класса прежнихъ жителей ¹⁾.

Перенесемъ теперь мыслію въ Вавилонъ и посмотримъ, въ какомъ положеніи очутились здѣсь плѣнники—іудеи, переселенные Навуходоносоромъ во время его неоднократныхъ нападений на Іудею. Повидимому, положеніе ихъ должно было быть весьма плачевнымъ. Самое плѣненіе народа было уже для послѣдняго большимъ наказаніемъ:—переселеніе въ Вавилонъ, страну язычниковъ, да притомъ еще своихъ поработителей, которые всегда имѣли возможность давать чувствовать плѣнникамъ свое численное и физическое превосходство,—все это, конечно, не могло не вызывать тяжелыхъ

¹⁾ Любопытно изображаетъ тогдашнее состояніе Іудеи талмудъ: въ продолженіе 52 лѣтъ плѣна, говоритъ онъ, не видно было птицы, летающей надъ св. землей; отъ птицъ небесныхъ и до животныхъ—всѣ разбѣжались; 700 родовъ рыбъ, годныхъ въ пищу, 800 родовъ съѣдомой саранчи и множество птицъ направились (одни подземнымъ путемъ, другіе—воздушнымъ) той-же дорогой, по которой шли и плѣнники іудейскіе.—Le talmud de Jérusalem, traduit par M. Schwab. Tome VI. Paris. 1883. P. 193—194.

чувствъ въ самихъ іудеяхъ. Къ счастью для нихъ, ихъ выселяли не по-одиночкѣ, даже не отдѣльными семьями, а цѣлыми сотнями и тысячами, а это, несомнѣнно, смягчало ихъ горькое чувство и замѣнялось для каждой отдѣльной личности сознаниемъ общенароднаго, государственнаго бѣдствія, которое терпѣли всѣ ея собратья въ одинаковой мѣрѣ. Прежде чѣмъ коснемся частныхъ, важно для насъ установить общій взглядъ на положеніе народа іудейскаго въ плѣну, чтобы видѣть, насколько этотъ плѣнъ удовлетворялъ своему назначенію, какъ наказанія народу отъ Іеговы. Вотъ какъ, напр., характеризуетъ положеніе плѣнниковъ іудейскихъ талмудъ: „какъ камень, говоритъ онъ, гораздо тверже кирпича, такъ и плѣнъ вавилонскій былъ гораздо тяжелѣе египетскаго рабства“¹⁾. Характеристика мѣткая, несмотря на свой общій характеръ; но вопросъ въ томъ, насколько она вѣрна. Кто знакомъ съ исторіей египетскаго рабства, тотъ, понятно, скажетъ, что такое сужденіе о вавилонскомъ плѣнѣ не только преувеличено, но и прямо невѣрно, потому что между матеріальнымъ (главнымъ образомъ) положеніемъ народа еврейскаго въ Египтѣ и положеніемъ его въ Вавилонѣ, конечно, громадная разница и, если какое-либо изъ этихъ „плѣнней“ нужно назвать худшимъ, то, во всякомъ случаѣ, египетское, а никакъ не вавилонское. Если, впрочемъ, посмотрѣть на дѣло, такъ сказать, съ нравственной стороны, какъ, несомнѣнно, смотритъ на него талмудъ, тогда увидимъ, что такое его сужденіе имѣетъ основаніе. Въ самомъ дѣлѣ, что потеряли евреи въ Египтѣ и что въ Вавилонѣ? Въ египетское рабство они попали сами собой: ихъ праотцы (Іаковъ съ сыновьями) добровольно переселились въ Египетъ, оставивъ землю ханаанскую; если же потомки ихъ и сдѣлались съ теченіемъ времени рабами египтянъ, то это было естественнымъ слѣдствіемъ постепеннаго хода событій и объясняется изъ чисто-случайныхъ причинъ. Не въ такое положеніе

¹⁾ Le talmud de Jérusalem, trad. par M. Schwab. T. VI. P. 34.

попали плѣнники Навуходоносора: ихъ увели насильно, послѣ отчаяннаго сопротивленія, оторвали отъ родной земли, къ которой привязала ихъ не одна только привычка, но и историческія воспоминанія о лучшихъ временахъ жизни народа,—оторвали отъ храма съ его кивотомъ завѣта, привязанность къ которому (храму), при всемъ развращеніи и нечестіи іудеевъ послѣднихъ временъ іудейскаго царства, была сильна хоть въ силу историческихъ традицій; самый храмъ, Іерусалимъ, всю Палестину враги разграбили, сожгли, уничтожили то, что было дорого для лучшихъ людей изъ среды Израиля. Несомнѣнно, это нравственное насиліе, это поруганіе со стороны враговъ надъ всѣмъ священнымъ для израильтянъ оставило глубокій слѣдъ въ ихъ душѣ; въ то время какъ египетскіе плѣнники страдали только физически,—плѣнники вавилонскіе мучились нравственно, вспоминая о томъ, чего они лишились съ потерей Сіона¹⁾. Въ этомъ именно отношеніи, какъ мы думаемъ, талмудисты-раввины назвали вавилонскій плѣнъ болѣе тяжелымъ рабства египетскаго. Но эта нравственная точка зрѣнія едва ли приложима здѣсь: такъ могли рассуждать позднѣйшіе іудеи, привязанные къ буквѣ закона; для современниковъ же Седекіи (въ общей массѣ ихъ) потеря Іерусалима и храма едва ли была такимъ развѣдающимъ горемъ, которое перенести было для нихъ труднѣе, чѣмъ самыя тяжелыя рабскія работы. Если вавилонскіе іудеи скорбѣли, если и плакали о Сіонѣ, то это дѣлали лучше люди того времени, которыхъ, вѣроятно, было меньшинство; общая же масса смотрѣла на практическую, главнымъ образомъ, сторону дѣла. Если обратимъ вниманіе на то, каково было религіозно-нравственное состояніе іудейскаго общества временъ Седекіи, какъ обращались тогда савонники съ самимъ царемъ, потомкомъ Давида, какъ неблагосклонно смотрѣли іерусалимляне, напр., на пророка Іере-

¹⁾ Пс. 136, 1.

мию,—тогда поймемъ, что интересы религіи стояли у нихъ на заднемъ планѣ; если они и испытывали какое-либо неприятное чувство послѣ отведенія въ плѣнъ, то это была лишь глухая ненависть къ побѣдителямъ ¹⁾, да и то только на первыхъ порахъ; вообще же говоря, практическая сторона— вотъ что имѣло для нихъ главное значеніе. А о какомъ-либо сопоставленіи вавилонскаго плѣна съ египетскимъ рабствомъ съ этой именно стороны не можетъ быть и рѣчи. Въ Египтѣ евреи были въ буквальномъ смыслѣ рабами египтянъ: ихъ принуждали къ тяжелымъ работамъ, причемъ и обращались съ работниками крайне жестоко, ихъ дѣтей умерщвляли ²⁾. Но вавилонскіе государи никогда не думали сдѣлать іудеевъ своими рабами: они хотѣли только разрушить собственно іудейское царство, выселить іудеевъ изъ отечества, гдѣ они имѣли достаточно средствъ сопротивляться и возмущаться противъ Вавилона,—хотѣли только переселить ихъ въ Вавилонъ, чтобы удобнѣе было держать ихъ въ рукахъ и не бояться открытыхъ возмущеній. Вотъ почему плѣнъ вавилонскій представляется въ такомъ видѣ: отдѣльный народъ только переселился въ другую страну, но обычная жизнь его мало измѣнилась; тѣже привычки, тѣже занятія, даже свои власти, хотя, конечно, высшее наблюденіе за іудейскою общиною принадлежало вавилонскому государю и особымъ сановникамъ. Подъ защитою же вавилонскихъ законовъ, подъ покровительствомъ вавилонскаго государя жизнь іудеевъ текла несравненно спокойнѣе, чѣмъ въ послѣднія времена предъ плѣномъ, когда постоянныя смуты государства, взаимная борьба различныхъ партій—политическихъ, общественныхъ и религіозныхъ—не давали времени и возможности успокоиться; въ Вавилонѣ же іудеи проводили сравнительно тихую, спокойную жизнь, вдали отъ всякихъ общественныхъ волненій,—и это обстоятельство давало имъ возможность обратить вниманіе на другую сторону своей жизни,—что было особен-

¹⁾ Пс. 136, 7—9.

²⁾ Исх. 1, 11—22.

но нужно теперь. Въ этомъ именно состоитъ значеніе плѣна, какъ воспитательнаго для іудеевъ средства, такъ какъ онъ, какъ и всякое бѣдствіе, посланное отъ Бога, не былъ только наказаніемъ, а имѣлъ въ себѣ и хорошую воспитательную сторону: по планамъ Іеговы, іудеи должны были стать въ такое положеніе, которое бы восполняло для нихъ то, чего не было у нихъ въ послѣднее время: они должны были отрѣшиться отъ государственныхъ и общественныхъ смутъ, стать въ тоже время въ болѣе или менѣе обезпеченное матеріальное положеніе, чтобы, наряду съ признаніемъ своей зависимости отъ языческихъ властей, понять, что плѣнъ былъ; дѣйствительно, наказаніемъ отъ Іеговы, и, вдумавшись въ эту основную мысль, придти къ признанію своей вины и позаботиться объ исправленіи.

Вообще, плѣтъ основаній смотрѣть на плѣнъ вавилонскій слишкомъ мрачно: онъ имѣлъ гораздо болѣе хорошихъ сторонъ, чѣмъ дурныхъ. Конечно, разлука съ отечествомъ была тяжела, но и оставаться въ немъ послѣ того разгрома, какой произвели вавилоняне при Седекіи, было бы, кажется, еще тяжелѣе. Въ Вавилонѣ жизнь іудеевъ должна была пойти по иному пути и принести болѣе благотворные результаты.

Обратимъ вниманіе сначала на матеріальное и общественное положеніе іудейской колоніи въ Вавилонѣ, такъ какъ эта сторона наиболѣе бросается въ глаза, если смотрѣть на плѣнъ съ чисто-практической точки зрѣнія. Изъ кого состояла эта колонія,—отвѣтить не трудно: это были уведенные Навуходносоромъ въ царствованіе Іоакима, Іехоніи, Седекіи и потомъ—послѣ убіенія Годоліи. Но этого мало: можетъ быть, были въ Вавилонѣ и добровольные переселенцы изъ среды іудейскаго народа, перешедшіе сюда еще до Навуходносора. Мы знаемъ, напр., что Ахазъ, царь іудейскій, добровольно подчинился царю ассирійскому Тиглатпелассару, у котораго искалъ помощи противъ сирійцевъ и израильтянъ,

что онъ называлъ себя даже „рабомъ“ Тиглатпелассара и посылалъ ему богатые дары ¹⁾; нѣтъ ничего невозможнаго, если мы скажемъ, что еще въ то время, вслѣдствіе довольно затруднительныхъ политическихъ обстоятельствъ, единичныя семейства могли переселяться въ Ассирію, на берега Тигра и Евфрата, гдѣ они могли найти для себя болѣе внѣшнихъ удобствъ; предположеніе это вообще вѣроятно, хотя прямыхъ историческихъ данныхъ въ свою пользу оно не имѣетъ. Затѣмъ, вавилонскій царь Меродахъ-Валаданъ самъ уже посылалъ посольство къ іудейскому царю Езекии съ богатыми дарами ²⁾ и, повидимому, находился въ дружественныхъ отношеніяхъ съ нимъ; возможно и здѣсь предположить переселеніе единичныхъ личностей по тѣмъ или инымъ частнымъ побужденіямъ въ Вавилонъ. Конечно, число такихъ добровольныхъ переселенцевъ было весьма незначительно. Гораздо большее значеніе имѣютъ для насъ насильственные переселенія цѣлыхъ массъ іудейскаго народа въ вавилонскія области; и эти переселенія начались сравнительно рано. При томъ-же Езекии Сеннахиримъ, царь ассирійскій, какъ самъ онъ говоритъ въ одной своей надписи, напалъ на 46 большихъ укрѣпленныхъ іудейскихъ городовъ, овладѣлъ ими и увелъ въ плѣнъ 200150 человекъ разнаго возраста мужчинъ и женщинъ ³⁾. Въ правленіе одного изъ преемниковъ Сеннахирима былъ взятъ въ плѣнъ царь іудейскій Манассія; весьма возможно, что вмѣстѣ съ нимъ увели и партію близкихъ къ нему людей. Такимъ образомъ, есть всѣ данныя думать, что еще до Навуходоносора въ предѣлахъ вавилонскихъ (а раньше—ассирійскихъ) владѣній были іудейскіе переселенцы, двинувшіеся сюда отчасти добровольно, а отчасти переведен-

¹⁾ 4 Цар. 16, 7—9; 2 Пар. 28, 16.

²⁾ 4 Цар. 20, 12; Ис. 39, 1.

³⁾ *Schrader E. Keilinschriftliche Bibliothek. Band II. S. 95.—Ср. 4 Цар. 18, 13.*

ные насильно, въ качествѣ плѣнниковъ; и если принять во вниманіе громадное число іудеевъ, взятыхъ въ плѣнъ при Езекии (болѣе 200 тысячъ), тогда поймемъ, что еще до Навуходоносора была въ Вавилонѣ громадная іудейская колонія и что къ этой колоніи, по всей вѣроятности, впоследствии стали примыкать все новые и новые іудейскіе поселенцы и со-обща заводили новую жизнь. Но главное значеніе имѣли здѣсь, конечно, плѣненные Навуходоносоромъ. Мы видѣли уже, когда и какъ это было; не опредѣлили только числа плѣнниковъ. Главныхъ плѣненій было собственно четыре: это—въ 4-й годъ Іоакима, въ 3-й мѣсяцъ Іехоніи и два плѣненія Навузардана (спустя мѣсяцъ по разрушеніи Іерусалима и другое—послѣ убійства Годоліи). Пророкъ Іеремія ¹⁾ опредѣляетъ даже число плѣнныхъ: въ 7-й годъ Навуходоносора (при Іехоніи) взято въ плѣнъ 3023 человекъ (по книгѣ Царствъ ²⁾), гораздо вѣроятнѣе,—10000), въ 18-й годъ (первое плѣненіе Навузардана)—832 человекъ; въ 23-й годъ Навуходоносора (второе плѣненіе Навузардана)—745 человекъ. Главное зерно плѣнныхъ составляли, конечно, уведенные вмѣстѣ съ Іехоніей, которыхъ было, по меньшей мѣрѣ, 10 тысячъ человекъ, какъ говоритъ книга Царствъ; удивительно только, что послѣ разрушенія Іерусалима было взято въ плѣнъ всего 832 человекъ. Сколько было отведено въ Вавилонъ въ 4-й годъ Іоакима,—Библия не говоритъ; но, вѣроятно, число это было довольно значительнѣе. Прибавимъ, что нами опредѣлены только четыре главныхъ плѣненія, которыя, притомъ, касались собственно Іерусалима (а послѣднее—Массифы); но кромѣ нихъ было не мало частныхъ плѣненій, касавшихся другихъ городовъ и крѣпостей палестинскихъ. Опредѣлить общій итогъ всѣхъ плѣненныхъ при Навуходоносорѣ весьма трудно, за неимѣніемъ какихъ-либо опредѣленныхъ историческихъ

¹⁾ Іер. 52, 28—30.

²⁾ 4 Цар. 24, 14.

данныхъ; цифры же, указанные пророкомъ Іереміей, имѣютъ частный характеръ и далеко не обнимаютъ собою всѣхъ плѣнней. Лопухинъ полагаетъ общее число плѣненныхъ въ 100000 или около того ¹⁾. Если это такъ, то, присоединивши сюда значительное число поселенцевъ и плѣнниковъ, уведенныхъ еще до Навуходоносора, которые въ тому времени могли и размножиться,—получимъ вообще солидную цифру, доходящую, по меньшей мѣрѣ, до полумилліона.—Вообще же говоря, отводились въ плѣнъ люди, имѣвшіе какой-либо интересъ для побѣдителей: цари, ихъ жены и семейства, князья, вельможи, придворные, мастера, кузнецы, разнаго рода ремесленники, всѣ способные къ войнѣ и т. п.; все это были лучшіе люди іудейскаго общества, отъ которыхъ въ Палестинѣ можно было ожидать сопротивленія. Самъ пророкъ Іеремія называетъ, напр., плѣненныхъ съ Іехоніей хорошими смоквами, въ противоположность дурнымъ смоквамъ,—оставшимся въ Палестинѣ ²⁾.

Гдѣ же жила такая масса людей? По выраженію священныхъ историковъ, плѣнники іудейскіе были уведены „въ Вавилонъ“. Конечно, Вавилонъ здѣсь понимается въ общемъ смыслѣ, въ смыслѣ государства, а не города, потому что поселить полумилліонную толпу народа въ одной столицѣ, какъ бы ни была она громадна, было все-таки затруднительно. Гораздо естественнѣе думать, что въ Вавилонѣ была оставлена только часть іудейскаго народа, напр., царскіе родственники и князья, которыхъ особенно не слѣдовало выпускать изъ виду, въ интересъ общественнаго спокойствія какъ іудейской толпы, такъ, конечно, и вавилонскихъ подданныхъ; можетъ быть, оставили въ Вавилонѣ военный классъ іудейскаго народа, для пополненія вавилонскихъ войскъ,—или ремесленниковъ и мастеровъ,—словомъ, кого было удобнѣе въ тѣхъ или другихъ видахъ.

¹⁾ Лопухинъ А. П. Библиейская исторія при свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій и открытій. В. 3. Т. II. Стр. 770.

²⁾ Іер. 24, 5. 8.

Остальныхъ расселили по разнымъ областямъ вавилонскихъ владѣній, руководясь и здѣсь тѣми или иными соображеніями: болѣе опасныхъ послали подъ присмотръ вавилонскихъ властей, а мирнымъ жителямъ предоставили полную свободу. Во всякомъ случаѣ, не въ интересъ вавилонскихъ властей было держать громадную толпу плѣнниковъ скученною въ одномъ мѣстѣ: это было-бы не безопасно даже и въ политическомъ отношеніи; держать же ихъ постоянно подъ строгимъ надзоромъ тоже не всегда было удобно. И мы видимъ, что іудеи-плѣнники были расселены по разнымъ городамъ и областямъ вавилонскаго государства: жили они, напр., по р. Ховару ¹⁾, по р. Судъ ²⁾, по р. Агавѣ ³⁾; вообще, „рѣки вавилонскія“ ⁴⁾ обозначаются преимущественно, какъ мѣста поселенія при нихъ плѣнниковъ-іудеевъ ⁵⁾. Называются и опредѣленные мѣста, гдѣ жили іудеи въ Вавилонѣ; таковы, напр., мѣстность Касифья ⁶⁾, города и колоніи Тел-Авивъ ⁷⁾, при р. Ховарѣ ⁸⁾, Телмеллахъ, Тел-Харши, Херубъ-Адданъ-Иммера ⁹⁾ и др. По всей вѣроятности, общую массу плѣнниковъ разбили на отдѣльныя группы и расселили по разнымъ мѣстамъ, болѣе или менѣе отдаленнымъ другъ отъ друга. Нѣтъ основаній предполагать здѣсь какую-нибудь качественную разницу,—будто-бы, т. е., въ од-

¹⁾ Іез. 1, 1.

²⁾ Вар. 1, 4.

³⁾ 1 Эзд. 8, 15.

⁴⁾ Ис. 136, 1.

⁵⁾ Конечно, не самыя рѣки, а лежащія на нихъ города и селенія.

⁶⁾ 1 Эзд. 8, 17.

⁷⁾ Іез. 3, 15.

⁸⁾ На Ховарѣ (Sabogas), впадающемъ въ Евфратъ, лежалъ, какъ мы замѣтили, Цирезіумъ (съ которымъ иногда отождествляютъ Кархемишъ); здѣсь же разумѣется другой Ховаръ (Kebab), впадающій въ Тигръ.—Gautier L. La mission du prophète Ezéchiel. Lausanne, 1891. P. 30—31.—Tiele. Babylonisch-assyrische Geschichte. 2. Teil. S. 427.

⁹⁾ 1 Эзд. 2, 59.

Св. пророкъ Даниилъ.

номъ мѣстѣ жили добровольные переселенцы, въ другомъ—взятые въ плѣнъ, напр., съ Іехоніей, въ третьемъ—захваченные Навузарданомъ и т. д.; вѣроятно, всѣ эти группы были перемѣшаны между собою и расселены въ тѣхъ или иныхъ мѣстахъ, независимо отъ того, кто, когда и при какихъ обстоятельствахъ переселился въ Вавилонъ. Есть данныя предполагать, что и эти колоніи іудейскія не были обособлены; іудеи жили не совсѣмъ отдѣльно отъ вавилонянъ, а болѣе или менѣе принимали участіе въ общегосударственной жизни, на правахъ подданныхъ вавилонскаго царя: дѣти воспитывались въ общественныхъ школахъ, а болѣе знатныя изъ нихъ—и при дворѣ¹⁾; могли поступать на государственную службу, а особенно счастливыя и даровитыя личности иногда дѣлались сановниками, правителями провинцій вавилонскихъ²⁾ и т. д.; для такихъ лицъ, понятно, интересы государства лежали весьма близко къ сердцу; но вмѣстѣ съ тѣмъ участіе ихъ въ государственныхъ дѣлахъ несколько не ослабляло близости ихъ ко всей вообще іудейской общинѣ³⁾; напротивъ, эти чиновники, несомнѣнно, употребляли съ своей стороны средства къ улучшенію положенія своихъ собратій - соплеменниковъ, а пророки въ тоже время убѣждали іудеевъ оставить свой партикуляризмъ и ригоризмъ и принять участіе въ общественной жизни⁴⁾. Словомъ, нѣтъ основаній считать вавилонскихъ іудеевъ какою-то обособленною колоніей, питавшеюся только глухою ненавистью къ своимъ побѣдителямъ: съ теченіемъ времени, первыя впечатлѣнія, конечно, изгладились, и рѣзкая нравственная граница, которую провели сами же іудеи меж-

¹⁾ Ср. Дан. 1, 4.

²⁾ Дан. 2, 48. 49; 6, 2 и др.

³⁾ Всего лучше это видно изъ исторіи самого пророка Давіида: іудеи признали его пророкомъ, признали его книгу, несмотря на то, что онъ былъ однимъ изъ першихъ сановниковъ въ Вавилонѣ, а съ нѣкоторыми языческими государями находился въ весьма дружественныхъ отношеніяхъ. Си. Дан. 6, 3. 14. 18—23.

⁴⁾ Іер. 29, 5—7; Вар. 1, 10—12 и др.

ду собою и вавилонянами, значительно стусеивалась. Каждая іудейская колонія, каждое семейство получило определенное мѣсто для жительства, получало извѣстный участокъ земли, можетъ быть, и даромъ, а вѣроятнѣе—за небольшую плату.

Внѣшнее, чисто-матеріальное положеніе плѣнниковъ было различно. Съ одной стороны, есть основаніе думать, что въ Вавилонѣ плѣнники - іудеи имѣли мало средствъ, чтобы сдѣлать свою жизнь хоть сколько-нибудь достаточною: пророкъ Ісаія предсказываетъ о трудности и скудости средствъ къ содержанію у вавилонскихъ плѣнниковъ, которые вынуждены платить слишкомъ высокую цѣну за дурные матеріалы¹⁾. Если такого рода явленія и бывали, то, вѣроятно, въ видѣ исключенія; въ такомъ положеніи могли быть тѣ изъ плѣнниковъ, которые почему-либо поселились въ наиболѣе неблагопріятныхъ мѣстностяхъ, или тѣ, которые сами не умѣли или не хотѣли воспользоваться данными имъ средствами, чтобы сдѣлать свою жизнь сносною. Во всякомъ случаѣ, считать таковымъ положеніе всѣхъ вообще плѣнниковъ - іудеевъ никоимъ образомъ нельзя: мы имѣемъ такія данныя, которыя говорятъ совершенно противное. Хотя іудеи лишились политической самостоятельности, но жизнь и обычаи ихъ не были затронуты: имъ была предоставлена относительная свобода, дозволено было заниматься ремеслами и другими полезными занятіями,—вообще, направлять свою жизнь къ своей личной и общественной пользѣ. И дѣйствительно, они строили дома²⁾, неженатые женились, дочерей своихъ выдавали замужъ³⁾; семейная свобода ихъ ничѣмъ не была стѣснена. Каждый, кто хотѣлъ, имѣлъ определенное занятіе, которое служило ему какъ вообще полезнымъ упражненіемъ, такъ и средствомъ къ добыванію всего необходимаго для жизни: занимались они

¹⁾ Ис. 55, 2.

²⁾ Іер. 29, 5.

³⁾ Іер. 29, 6.

садоводствомъ и земледѣліемъ¹⁾, вели торговлю, что было весьма удобно для нихъ²⁾. Эти мирныя занятія способствовали, въ свою очередь, благодушному и спокойному настроенію самихъ іудеевъ: въ своихъ собственныхъ интересахъ каждый могъ и долженъ былъ стремиться къ общему согласію и миролюбію, въ чему побуждали ихъ и пророки³⁾. Вообще же жизнь большинства плѣнниковъ сложилась удачно; многіе приобрѣли большія богатства⁴⁾, такъ что, при возвращеніи изъ плѣна, могли дѣлать значительныя пожертвованія на новый храмъ⁵⁾; имѣли большое хозяйство и скотъ⁶⁾, а иные даже значительное число рабовъ⁷⁾. Нѣкоторые іудейскія колоніи жили настолько обезпеченною жизнію, что имѣли возможность держать у себя пѣвцовъ и пѣвицъ⁸⁾, служившихъ для развлечения, подобно бывшимъ напимъ „крѣпостнымъ“ артистамъ, пѣвцамъ и музыкантамъ, составлявшимъ полную собственность ихъ владѣльца. Что матеріальное положеніе большинства плѣнниковъ - іудеевъ было обезпечено,—это прекрасно видно изъ того, что послѣ указа Кирова о возвращеніи плѣнныхъ на родину не всѣ іудеи пожелали возвратиться въ родную страну: многіе предпочли оставаться въ Вавилонѣ, гдѣ имъ жилось вообще хорошо, между тѣмъ какъ въ Палестинѣ (по возвращеніи) на первыхъ порахъ приходилось

¹⁾ Іер. 29, 5.

²⁾ По словамъ Ледрена, г. Терехонъ, построенный Навуходносоромъ на полосоѣ среди двухъ теченій Евфрата и Тигра, былъ особенно важнымъ пунктомъ для торговли въ немъ евреевъ; городъ этотъ былъ главнымъ складочнымъ рынкомъ для произведеній Аравіи и Индіи. Самый языкъ, употреблявшійся въ Вавилонѣ,—арамейскій,—есть языкъ родственнѣе еврейскому; евреи могли говорить на немъ легко.—*Ledrain* E. Histoire d'Israel. II partie. P. 88—89.

³⁾ Іер. 29, 7.

⁴⁾ Дан. 13, 4.

⁵⁾ 1 Эздр. 1, 4, 6; 2, 68—69; 7, 16; 8, 25; Неем. 7, 70—72.

⁶⁾ 1 Эздр. 2, 65—67; Неем. 7, 67—69.

⁷⁾ 1 Эздр. 2, 65; Неем. 7, 67.

⁸⁾ 1 Эздр. 2, 65; Неем. 7, 67.

еще отстраивать города и селенія и вообще терпѣть не мало лишеній. Не будемъ повторять о другихъ, общественныхъ преимуществахъ іудейскихъ плѣнниковъ: воспитаніи знатныхъ дѣтей при дворѣ¹⁾, возможности поступать на государственную службу и притомъ достигать важныхъ мѣстъ²⁾ и т. п. Прибавимъ, что какія-либо повинности по отношенію къ правительству и государству плѣнники - іудеи едва ли обязаны были выполнять: по крайней мѣрѣ, мы ничего не знаемъ о нихъ; о какихъ-либо работахъ, которыя бы іудеи несли въ Вавилонѣ, не говорится нигдѣ³⁾; нѣтъ упоминанія и о податяхъ, которыя бы лежали въ извѣстной мѣрѣ на всѣхъ плѣнныхъ іудеяхъ. Нужно, однако, сознаться, что какъ ни спокойна была жизнь іудейскихъ плѣнниковъ въ Вавилонѣ, тѣмъ не менѣе, и она по временамъ разпообразилась нѣкотораго рода неприятными случайностями,—преслѣдованіями со стороны вавилонскихъ властей. „Плачь“ въ очень мрачныхъ краскахъ рисуетъ положеніе іудеевъ въ Вавилонѣ: „Иуда переселился по причинѣ бѣдствія и тяжкаго рабства, поселился среди язычниковъ и не нашелъ покоя; всѣ, преслѣдовавшіе его, настигли его въ тѣсныхъ мѣстахъ“⁴⁾; а пророкъ Исая говоритъ даже о заключеніи плѣнниковъ въ темницы⁵⁾. Попятно, что такого рода случаи могли быть и, вѣроятно, бывали; но, съ одной стороны, они были вообще

¹⁾ Дан. 1, 3—5.

²⁾ Дан. 1, 19; 2, 48—49; 3, 97; 5, 29; Неем. 1, 11; 2, 1.

³⁾ Правда, ассиро-вавилонскіе цари иногда возлагали на плѣнниковъ своихъ тяжелыя работы (*Schrader* E. Keilschriftliche Bibliothek. V. II. S. 149, 235). Можетъ быть, на этомъ основаніи Масперо говоритъ, что Навуходносоръ для производства общественныхъ работъ употреблялъ многочисленныхъ плѣнниковъ своихъ—сирійскихъ, іудейскихъ, египетскихъ, аравійскихъ (*Maspero*. Histoire ancienne des peuples de l'orient. P. 557). Конечно, такіе случаи могли быть; но считать общественныя работы поголовною повинностію плѣнниковъ - іудеевъ не позволяетъ то, что сообщаетъ о многихъ изъ нихъ Библия (Іер. 29, 5; Дан. 13, 4; 1 Эздр. 2, 65—67; Неем. 7, 67—69).

⁴⁾ Плачь 1, 3.

⁵⁾ Ис. 42, 22.

рѣдки, съ другой—поводъ къ нимъ иногда давали сами же іудеи: ихъ мечты о скоромъ возвращеніи изъ плѣна, разжигаемая рѣчами лжепророковъ,—ихъ религіозная исключительность и нѣкотораго рода фанатизмъ—вызывали, естественно, гоненія противъ нихъ со стороны вавилонскаго правительства. Нельзя отрицать возможности преслѣдованій и религіознаго характера, хотя вавилонскіе государи отличались въ достаточной мѣрѣ вѣротерпимостью.

Съ оставшимися въ Палестинѣ вавилонскіе іудеи, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ, были въ живомъ общеніи и дѣятельной перепискѣ. Послѣдніе 10—15 лѣтъ существованія іудейскаго царства были особенно благоприятнымъ для этого временемъ; переселенные раньше интересовались судьбою оставленнаго ими отечества и участію своихъ палестинскихъ соплеменниковъ: тѣ и другіе передавали другъ другу свои интересы, симпатіи, желанія—или путемъ переписки, или чрезъ живую передачу, благодаря постепенно переселявшимся въ Вавилонъ все новымъ и новымъ партіямъ іудеевъ. И мы видимъ, что пророкъ Іеремія пишетъ въ Вавилонъ свое посланіе ¹⁾, нѣкто Шемаія Нехеламитянинъ изъ среды плѣнниковъ ведетъ переписку съ жителями Іерусалима ²⁾. Возможно было, кажется, взаимное общеніе вавилонскихъ плѣнниковъ и съ выходцами изъ израильскаго царства, взятыми въ плѣнъ ассирійскимъ царемъ за 100 слишкомъ лѣтъ до начала вавилонскаго плѣна и разсѣянными, главнымъ образомъ, по ассирійскимъ владѣніямъ; по крайней мѣрѣ, среди возвратившихся при Кирѣ въ Палестину были, можно заключать, нѣкоторыя лица изъ бывшаго израильскаго царства ³⁾, хотя общая масса ассирійскихъ плѣнниковъ какъ-то безслѣдно ступевалась и совершенно исчезла съ историческаго гори-

¹⁾ Іер., гл. 29.

²⁾ Іер. 29, 24—25.

³⁾ Ср. Дк. 2, 36.

зонта; въ Палестинѣ (кромѣ отдѣльныхъ личностей) они болѣе не появляются.

Обратимъ вниманіе теперь на социальное устройство іудейскихъ общинъ въ Вавилонѣ. Свѣдѣній по этому вопросу сравнительно мало, тѣмъ не менѣе, и на основаніи кое-какихъ отрывочныхъ свидѣтельствъ можно составить себѣ понятіе объ общественной жизни вавилонскихъ плѣнниковъ. Евреи потеряли только царство; внутренняя же жизнь ихъ общества осталась, кажется, таже. Живя въ чужой странѣ, съ которой не соединялось у нихъ никакихъ историческихъ воспоминаній, плѣнные іудеи должны были даже тѣснѣе сплотиться другъ съ другомъ. Небольшія іудейскія общины сохранили прежнюю организацію, которая теперь напоминала нѣчто давно-прошедшее, патриархальное. Во главѣ общинъ стоятъ старѣйшины народныя; имъ принадлежитъ если не власть, то, во всякомъ случаѣ, сильное, авторитетное вліяніе на народъ; они являются проводниками даже правительственныхъ распоряженій. Они по временамъ собираются въ домѣ кого-либо изъ уважаемыхъ лицъ, напр., у пророковъ, можетъ быть, для взаимныхъ совѣщаній,—и этимъ путемъ вся жизнь цѣлаго общества іудейскихъ плѣнниковъ проникается однимъ духомъ и исходитъ изъ однихъ нравственныхъ началъ ¹⁾. Старѣйшины эти называются иногда „главами Израиля“ ²⁾; извѣстны и имена нѣкоторыхъ изъ нихъ ³⁾. Изъ тѣхъ-же старѣйшинъ избирались судьи народныя ⁴⁾, притомъ, кажется, на опредѣленный срокъ (можетъ быть, на годъ), такъ какъ выборы новыхъ судей происходили періодически ⁵⁾.

¹⁾ См. Іез. 8, 1; 14, 1; 20, 1; Іер. 29, 1.

²⁾ 1 Эздр. 7, 28.—Объ этихъ „главахъ“ (Exilarchen), которые „жезломъ управляли израильтянами“, говоритъ и талмудъ.—*Wünsche A. Der babylonische Talmud. II. Halbband, 3. Abtheilung. Leipzig. 1889. S. 2.*

³⁾ 1 Эздр. 8, 16—17.

⁴⁾ Дан. 13, 5. 41.

⁵⁾ Дан. 13, 5.

Обязанности ихъ состояли въ томъ, чтобы рѣшать спорныя дѣла и тяжбы, возникавшія среди вавилонскихъ поселенцевъ¹⁾; только тяжбы дѣла, въ которыхъ одною изъ тяжущихся сторонъ былъ іудей, а другою—язычникъ, или дѣла, имѣвшія политической и общественной характеръ, рѣшались вавилонскими властями²⁾. Для суда, какъ и вообще для рѣшенія общественныхъ дѣлъ, для общенародныхъ сходокъ, вся община собиралась въ домѣ одного изъ самыхъ почетныхъ и уважаемыхъ лицъ³⁾; собранія эти происходили если не ежедневно, то, во всякомъ случаѣ, довольно часто⁴⁾; начинали утромъ, а заканчивали собраніе около полудня⁵⁾. Авторитетъ старѣйшинъ - судей былъ, естественно, весьма высокъ: въ силу своихъ полномочій и присущей имъ судебной власти, они являлись правителями народа, правителями отдѣльных общинъ⁶⁾. Хотя высшій, такъ сказать, полицейскій надзоръ какъ надъ управленіемъ отдѣльными общинами, такъ и надъ судопроизводствомъ въ нихъ принадлежалъ, несомнѣнно, вавилонскимъ властямъ, но въ нравственномъ отношеніи старѣйшинамъ - судьямъ была предоставлена полная свобода; частные же приемы судопроизводства опредѣлялись для нихъ общими религіозно - юридическими началами іудейства,—именно законодательствомъ Моисеевымъ. Въ силу такого обстоятельства, судьи - старѣйшины обладали полнотою судебной власти: они имѣли право осуждать даже на смерть и тутъ же приводить въ исполненіе смертные приговоры, коль скоро виновный подлежалъ смертной казни по закону Моисееву⁷⁾. О какомъ-либо постоянномъ контролѣ со стороны вави-

1) Дан. 13, 6.

2) Іер. 29, 21—23.

3) Дан. 13, 4, 28.

4) Дан. 13, 28.

5) Дан. 13, 7.

6) Дан. 13, 5.

7) Дан. 13, 41. 50—62.

лонскаго правительства надъ іудейскимъ общиннымъ судопроизводствомъ или же объ утвержденіи каждаго отдѣльнаго приговора судей - старѣйшинъ вавилонскими властями—мы не знаемъ; но это не мѣшаетъ намъ сказать съ увѣренностію, что такого контроля (по крайней мѣрѣ, при каждомъ судебномъ дѣлѣ) вовсе не было: рѣшеніе тяжбъ и судебное разбирательство было предоставлено всецѣло авторитету и совѣсти самихъ же старѣйшинъ. Были, конечно, среди нихъ и такіе, которые судили „неправедно“, оправдывали виновныхъ, осуждали невинныхъ, употребляли насиліе¹⁾; однако, напр., въ исторіи Сусанны коварные судьи были обличены и наказаны (тоже по законамъ Моисеевымъ) отнюдь не вавилонскимъ правительствомъ, а своими же соплеменниками въ общемъ народномъ собраніи²⁾. Этотъ примѣръ всего лучше показываетъ, сколько свободы предоставляли вавилоняне своимъ плѣнникамъ въ дѣлахъ внутренняго самоуправленія послѣднихъ. Всѣ званія, чины и степени, полученныя іудеями на родинѣ, оставались за получившими ихъ и въ Вавилонѣ: священники и въ плѣну считались и были священниками³⁾, хотя ихъ дѣятельность здѣсь, въ виду отсутствія храма, была гораздо ограниченивѣе; были въ Вавилонѣ свои пророки⁴⁾. Основная организація іудейскаго общества не измѣнилась и въ плѣну. Въ этомъ отношеніи нужно отдать честь вавилонскимъ государямъ, которые, отнявъ у іудеевъ ихъ политическую самостоятельность, не коснулись ихъ національных основъ, но предоставили имъ полную свободу внутренняго самоуправленія, свободу національной жизни и дѣятельности, довольствуясь только ихъ внѣшнею, „политическою“ покорностью; этимъ они поставили ихъ въ положеніе не столько въ собственномъ смыслѣ плѣнниковъ, сколько простыхъ по-

1) Дан. 13, 52—53, 57.

2) Дан. 13, 45—62.

3) Іер. 29, 1.

4) Іер. 29, 1.

селенцевъ, которые, живя въ чужой странѣ, обязаны были, естественно, подчиняться и мѣстнымъ законамъ, хотя въ своей личной дѣятельности, поскольку она не соприкасалась съ интересами общества и государства, могли располагать собою по своему усмотрѣнію.

Таково въ общемъ было внѣшнее положеніе іудеевъ въ теченіе всего 70-лѣтняго времени плѣна. Можно бы охарактеризовать нѣсколькими словами положеніе ихъ въ частности при каждомъ государѣ этой эпохи, если только можно въ этомъ отношеніи чѣмъ-нибудь обособить одно царствованіе отъ другого. О Навуходоносорѣ говорить что-либо незачѣмъ; все, что было сказано о положеніи іудеевъ въ плѣну вообще, относится прежде всего и главнымъ образомъ къ царствованію Навуходоносора: онъ разрушилъ царство іудейское, онъ переселялъ плѣнниковъ въ предѣлы своихъ владѣній; ему, конечно, принадлежитъ и вся инициатива такого или иного устройства вавилонской жизни іудеевъ; онъ отвелъ имъ мѣста для поселенія, далъ имъ извѣстныя права и т. д.; все это оставалось въ общемъ нерушимымъ во все продолженіе плѣна. Притомъ, царствованіе Навуходоносора занимаетъ собою цѣлыхъ 43 года (изъ всѣхъ 70-ти); на долю его преемниковъ (которыхъ было 6, считая въ томъ числѣ и Кира) до освобожденія изъ плѣна остается всего 26—27 лѣтъ,—время сравнительно небольшое. Конечно, и въ самое непродолжительное время можно сдѣлать много какъ хорошаго, такъ и дурного; но если принять во вниманіе все величіе Навуходоносора и, такъ сказать, безцвѣтность его преемниковъ (Кира не принимаемъ въ расчетъ, такъ какъ іудеи вышли изъ плѣна при самомъ началѣ его царствованія), то окажется, что Навуходоносоръ именно и былъ единственной двигательной пружиной всего этого времени; преемники его были настолько слабыми и изнѣженными лицами, что ожидать отъ нихъ какого-либо важнаго поворотнаго шага въ какомъ бы то ни было отношеніи было нельзя. Весьма важное значеніе имѣетъ здѣсь то

обстоятельство, что на глазахъ различныхъ государей проявлялись особыя знаменія и чудеса, служившія для нихъ явнымъ упрекомъ или вразумленіемъ по поводу какихъ-либо порывовъ ихъ противъ Іеговы или Его избраннаго народа. Этими знаменіями какъ-бы урегулировывались отношенія къ іудеямъ языческихъ властей и сообщалась имъ извѣстная норма, нарушать которую не слѣдовало никому. Изъ царствованія Навуходоносора извѣстенъ только фактъ, когда онъ велѣлъ бросить въ раскаленную печь трехъ іудеевъ—друзей пророка Даніила; но, какъ увидимъ впослѣдствіи, царь, послѣ случившагося на его глазахъ чуда, раскаялся и исповѣдалъ силу и величіе Бога іудейскаго. Преемникъ его Евильмеродахъ оказался весьма благосклоннымъ къ іудеямъ; вѣроятно, онъ помнилъ событія изъ жизни своего отца (Навуходоносора) и не забывалъ тѣхъ знаменій и чудесъ, которыя перѣдко вразумляли послѣдняго. Освобожденіе Евильмеродахомъ изъ темницы 37 лѣтъ тому назадъ заключеннаго туда Навуходоносоромъ плѣннаго царя іудейскаго Іехоніа¹⁾ достаточно говоритъ о благоволеніи Евильмеродаха къ іудеямъ—плѣнникамъ. Самого Іехоніа царь приблизилъ къ себѣ, обращался съ нимъ ласково и милостиво, сажалъ его за столъ рядомъ съ собою, позволилъ ему надѣть на себя царскія одежды, обезпечилъ его вполне съ матеріальной стороны и поставилъ его, какъ царя,

¹⁾ Въ объясненіе такого событія талмудъ приводитъ слѣдующій разсказъ: во время психической болѣзни Навуходоносора (о которой будетъ у насъ рѣчь впереди), наследникъ престола Евильмеродахъ заправлялъ дѣлами государства; по выздоровленіи же и возвращеніи на престолъ Навуходоносоръ изъ подозрительности или опасенія имѣть въ лицѣ сына соперника себѣ на престолѣ заключилъ Евильмеродаха въ темницу; случайно послѣдній попалъ на тоже мѣсто заключенія, гдѣ томился и Іехоніа; оба они сошлись и были вмѣстѣ въ темницѣ до смерти Навуходоносора, послѣ чего Евильмеродахъ былъ освобожденъ и, какъ наследникъ, занявъ принадлежащій ему по праву престолъ; тогда онъ вспомнилъ и о бывшемъ своемъ соплѣнникѣ Іехоніа и выпустилъ его изъ темницы (*Hamburger I. Real-Encyclopädie für Bibel und Talmud. Reustrelitz. 1870. S. 353*). Ледренъ объясняетъ тотъ-же фактъ влияніемъ на Евильмеродаха его любимаго евнуха изъ евреевъ (*Ledrain. Histoire d'Israel. II partie. P. 89*).

гораздо выше всѣхъ другихъ царей, подвластныхъ Вавилону¹⁾. Возможно, что Іехонія, вмѣстѣ съ тѣмъ, получилъ и нѣкоторую власть надъ прежними своими подданными; а въ такомъ случаѣ, конечно, онъ старался дѣлать все возможное для улучшения быта іудейскихъ плѣнниковъ; и вліяніе такого человѣка, который былъ постояннымъ собесѣдникомъ и другомъ вавилонскаго царя, естественно, не могло быть малозначительнымъ. Предположенія эти позволяютъ думать, что при Евильмеродахѣ (который, однако, царствовалъ только два года) судьба іудеевъ еще улучшилась сравнительно съ положеніемъ ихъ при Навуходоносорѣ. Послѣ Евильмеродаха до паденія вавилонскаго государства царствовали Нериглиссоръ (4 года), Лаворосоардахъ (9 мѣсяцевъ) и Набоннидъ (17 лѣтъ). Въ царствованіе этихъ государей особенно важныхъ перемѣнъ въ положеніи іудейскаго народа не произошло; но и предполагать, будто положеніе плѣнниковъ въ то время сдѣлалось еще лучшимъ, такъ какъ цари, значительно уступавшіе Навуходоносору въ военныхъ доблестяхъ и не надѣявшіеся на собственныя государственныя силы, старались привязать къ себѣ плѣнныхъ мягкостью отношенія къ нимъ и дарованіемъ имъ различныхъ гражданскихъ правъ²⁾,—нѣтъ достаточныхъ данныхъ: пророкъ Давіилъ въ то время, какъ увидимъ впоследствии, жилъ въ отдаленіи отъ вавилонскаго двора; случаи покровительства государей іудеямъ - плѣнникамъ намъ неизвѣстно; о какихъ-либо новыхъ гражданскихъ правахъ, дарованныхъ іудеямъ въ это время, мы не знаемъ; между тѣмъ, въ нихъ-то прежде всего и должна была выразиться мягкость отношеній къ іудеямъ вавилонскихъ государей, еслибы по-

¹⁾ 4 Цар. 25, 27—30; Іер. 52, 31—34.—Тиле, совершенно вопреки библейскому тексту, приписываетъ освобожденіе Іехонія изъ темницы не Евильмеродаху, а преемнику его Нериглиссору (*Tiele. Babylonisch-assyrische Geschichte. 2. T. S. 457, 464—465*).

²⁾ Такой взглядъ проводитъ *Лопухинъ* (Библейская исторія при свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій и открытій. В. З. Т. II. Стр. 769).

слѣдніе дѣйствительно хотѣли привязать къ себѣ покоренный народъ съ цѣлю усиленія своей собственной власти. Впрочемъ, не видно, чтобы іудеи были чѣмъ-либо и отягощаемы; вѣроятно, смуты и беспорядки, начавшіеся на вавилонскомъ престолѣ вслѣдъ за смертію еще Навуходоносора, не давали государямъ времени думать объ іудейскомъ народѣ и принимать какіа-либо мѣры къ улучшенію или ухудшенію его положенія; поэтому, оно осталось тоже, что и при Навуходоносорѣ, съ тѣми-же правами и на тѣхъ-же основаніяхъ. Нельзя не упомянуть еще въ частности о Валтасарѣ, послѣднемъ „царѣ“¹⁾ вавилонскомъ. Талмудъ называетъ его крайне злымъ и жестокимъ по отношенію къ жившимъ въ его царствѣ іудеямъ: „какъ левъ или медвѣдь страшень для случайно-натолкнувшася на него человѣка, такъ и Валтасаръ былъ страшень и жестокъ по отношенію къ іудеямъ“²⁾. Такой взглядъ, во всякомъ случаѣ, преувеличенъ. Въ Библии сообщается извѣстный фактъ оскверненія Валтасаромъ священныхъ сосудовъ, взятыхъ Навуходоносоромъ изъ храма іерусалимскаго³⁾; но едвали это говорить за ухудшеніе положенія всей іудейской общины въ Вавилонѣ. Насмѣшки язычниковъ надъ іудеями, надъ ихъ несбыточными надеждами на Іегову и скорое возвращеніе слышались во все продолженіе вавилонскаго плѣна и приурочивать ихъ къ какому-либо единичному факту въ родѣ указаннаго нами—нѣтъ основаній. Правда, Валтасаръ былъ наказанъ Богомъ потерей и царства и самой своей жизни; но вина его, по словамъ пророка Давіила, заключалась въ томъ, что онъ „не смирилъ сердца“ своего и „вознесся“ предъ Богомъ, подобно Навуходоносору, осквернилъ священ-

¹⁾ Въ свое время мы выяснимъ личность этого Валтасара и покажемъ, что онъ былъ только наследникъ престола, соправитель и сынъ Набоннида, послѣднаго царя вавилонскаго, хотя Библия (Дан. 5, 1) называетъ и Валтасара „царемъ“.

²⁾ *Hamburger I. Real-Encyclopädie für Bibel und Talmud. S. 167.*

³⁾ Дан., гл. 5.

ные сосуды, „славиль боговъ серебряныхъ и золотыхъ, мѣдныхъ, желѣзныхъ, деревянныхъ и каменныхъ, которые ни видятъ, ни слышатъ, ни разумѣютъ, а Бога, въ рукѣ Котораго“ жизнь всего міра, „не прославиль“¹⁾. Объ іудеяхъ и отношеніи къ нимъ Валтасара нѣтъ здѣсь и рѣчи. Прибавимъ, что талмудъ, сравнивая Валтасара со львомъ и медвѣдемъ, страшнымъ для беззащитнаго путника, прибавляетъ: „вотъ образецъ жестокости *Навуходоносора и Валтасара* къ іудеямъ“²⁾; между тѣмъ, Навуходоносоръ, какъ извѣстно, не выдавался своею жестокостію по отношенію къ плѣнникамъ-іудеямъ; едвали и Валтасаръ былъ въ этомъ отношеніи хуже перваго; примѣровъ какой-либо жестокости его мы не знаемъ. Съ Валтасаромъ кончилось существованіе вавилонскаго царства; іудеи переходятъ подъ власть царей мидо-персидскихъ—Дарія Мидяннина, а затѣмъ Кира. При Даріѣ пророкъ Даниилъ былъ поставленъ однимъ изъ трехъ главныхъ сановниковъ государства; царь хотѣлъ даже поставить его единовластнымъ правителемъ царства³⁾. Нечего и говорить, какими благими послѣдствіями для іудеевъ должно было сопровождаться такое возвышеніе ихъ соплеменника; можно съ увѣренностію сказать, что положеніе ихъ значительно улучшилось: можетъ быть, въ это именно время они получили еще какія-либо привилегіи, стали собирать богатства, которыя потомъ жертвовали на новоустроивающійся храмъ іерусалимскій. Киру принадлежитъ самое освобожденіе іудеевъ изъ плѣна: на основаніи собственноручнаго указа этого государя, масса іудейскихъ плѣнниковъ (кромѣ, конечно, тѣхъ, которые сами пожелали остаться навсегда въ Вавилонѣ) возвратилась въ Палестину, стала отстраивать Іерусалимъ и другіе города, принялась за постройку новаго храма;—фактъ, говорящій самъ за себя; прибавлять къ нему нечего.

¹⁾ Дан. 5, 22—23.

²⁾ *Hamburger. Real-Encyclopädie für Bibel und Talmud.* S. 167.

³⁾ Дан. 6, 2—3.

Теперь бросимъ взглядъ на религиозное настроеніе народа іудейскаго въ плѣну, поскольку оно выражалось во внѣшнихъ формахъ. Въ Вавилонѣ, говоритъ талмудъ, не было вполне организованнаго культа; тамъ возносилась только молитва¹⁾. Храма іудейскаго въ Вавилонѣ не было; весь жертвенный ритуаль и храмовое обрядовое богослуженіе не могли выполняться. Подъ влияніемъ историческихъ условій, обрядовая сторона религиозныхъ отношеній принимаетъ своеобразный характеръ²⁾. При невозможности жертвоприношеній, изъ которыхъ, главнымъ образомъ, слагалось общественное богослуженіе іудеевъ, послѣднее замѣнялось въ плѣну домашнею молитвою³⁾. Молились, обыкновенно, трижды въ день⁴⁾,—вѣроятно, утромъ, въ полдень и вечеромъ, хотя съ увѣренностію этого нельзя сказать; нельзя опредѣлить и часы молитвъ⁵⁾. Во время молитвы обращались лицомъ къ Іерусалиму⁶⁾, какъ мѣ-

¹⁾ *Traité des Berakthoth du talmud de Jérusalem et du talmud de Babylone*, traduit par M. Schwab. Paris. 1871. P. 71.

²⁾ Въ силу этого обстоятельства, нѣкоторые изслѣдователи относятъ ко времени плѣна вавилонскаго начало позднѣйшаго синагогальнаго культа и происхожденіе всего такъ называемаго іудейства съ его крайнимъ консерватизмомъ, мелочною обрядностію и традиціонною односторонностію.—*Ewald* H. *Geschichte des Volkes Israel.* VI. Band. 3. Ausg. Göttingen. 1865. S. 376.—*Lange* I. P. *Theologisch-homiletisches Bibelwerk.* A. T. XVI. Th. *Der Prophet Hesekiel von Schroeder.* Bielefeld u. Leipzig. 1873. S. 7—9.—*Stade* B. *Geschichte des Volkes Israel.* I. Band. S. 10.—*Schegg.* *Biblische Archäologie.* Freiburg. 1888. S. 467.—Въ этомъ же видятъ причину разногласія и даже противорѣчія между показаніями книги прор. Іезекіиля и Пятикнижія касательно храма, его принадлежности и общественнаго богослуженія.—*Rosenzweig* A. *Das Jahrhundert nach dem babylonischen Exile.* Berlin. 1885. S. 6.

³⁾ Дан. 6, 10—11.

⁴⁾ Дан. 6, 10.

⁵⁾ Тоже говоритъ и талмудъ: „нельзя утверждать, будто эти молитвы іудеевъ произносились всегда въ одно и то же время, потому что въ писаніи сказано (Дан. 6, 10) только, что три раза въ день онъ преклонялъ колѣна“.—*Traité des Berakthoth du talmud de Jérusalem et du talmud de Babylone*, traduit par M. Schwab. P. 71.

⁶⁾ Дан. 6, 10; ср. 3 Цар. 8, 44. 48.

сту, гдѣ было нѣкогда святилище Іеговы, гдѣ и Самъ Онъ былъ близокъ къ Своему народу. Были въ обычаѣ и общественныя молитвы, хотя, за отсутствіемъ храма, онѣ должны были возноситься въ другихъ мѣстахъ. Мы знаемъ, напр., что старѣйшины и народъ сходятся въ дома пророковъ ¹⁾; вѣроятно, цѣлю такихъ собраний была именно общественная молитва или религиозное собесѣдованіе; замѣчательно, что во время такихъ собраний пророки получаютъ отъ Бога откровенія и тутъ же возвѣщаютъ народу волю Іеговы; это показываетъ, что общественныя собранія имѣли именно религиозный характеръ, тѣмъ болѣе, что и сходился-то народъ для того, чтобы „вопросить Господа“ ²⁾. Можетъ быть, для религиозныхъ церемоній плѣнники - іудеи собирались на берегахъ рѣкъ и потоковъ, гдѣ легче было доставать воду для обрядовыхъ очищеній ³⁾. Религиозное чувство свое они изливали въ плѣнныя благочестивыхъ пѣсней и псалмовъ ⁴⁾, а также въ общественной молитвѣ; по крайней мѣрѣ, наставленія пророковъ молиться о жизни и здоровьи вавилонскихъ государей, о мирѣ и благополучіи жителей вавилонской страны ⁵⁾—относятся скорѣе къ общественной, чѣмъ къ частной молитвѣ. Кроме молитвы, другимъ выраженіемъ возбужденнаго религиознаго чувства служили постъ и плачъ,—существенные элементы сердечнаго сокрушенія и раскаянія. Мы имѣемъ прямыя свидѣтельства, что въ особенно знаменательные дни или предъ началомъ какихъ-либо важныхъ общественныхъ предприятий іудеи „плакали, постились и молились“ ⁶⁾; и лучшіе люди, дѣйствительно, выражали свою готовность къ раская-

¹⁾ Іез. 8, 1; 14, 1; 20, 1; 33, 31.

²⁾ Іез. 20, 1.

³⁾ Такой взглядъ проводитъ Допухинъ (Библейская исторія при свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій и открытій. В. З. Т. II. Стр. 772). Ср. Ис. 136, 1.

⁴⁾ См. Псал. 136; 101; 78.

⁵⁾ Вар. 1, 11—12; Іер. 29, 7.

⁶⁾ Вар. 1, 5; Зах. 7, 5; 8, 19.

нію и примиренію съ Іеговою и свою скорбь и тоску по „Сіонѣ“ изливали въ тихихъ рыданіяхъ и молитвенныхъ пѣсняхъ; лучшимъ выраженіемъ этого рода религиознаго чувства служить, напр., псаломъ 136-й. Конечно, полное выраженіе свое религиозное чувство евреевъ находило въ дни общественныхъ празднествъ, которыя, естественно, сами по себѣ отвлекали народъ отъ обычныхъ житейскихъ интересовъ и направляли ихъ мысль и чувство къ болѣе возвышенному. Особенно строго относились къ соблюденію святости субботняго покоя: по сравненію съ послѣдними десятилѣтіями существованія іудейскаго царства, когда суббота весьма часто была нарушаема, когда къ святости ея, по большей части, относились пренебрежительно,—время плѣна представляетъ въ этомъ отношеніи утѣшительное явленіе ¹⁾. Наряду съ субботой праздновалось новомѣсячіе ²⁾. Но были еще особые дни, которые посвящались молитвенному воспоминанію. Это—дни траура и поста, установленные уже въ самомъ плѣну въ память послѣднихъ печальныхъ событій. Такъ, праздновалась годовщина того дня, когда Навуходоносоръ при Седекіи въ десятый мѣсяць девятаго года его царствованія подступилъ къ Іерусалиму и началъ осаду его ³⁾; и въ кругѣ годичномъ празднество это падало на десятый мѣсяць года. Потомъ, праздновался девятый день четвертаго мѣсяца въ память завоеванія Іерусалима Навуходоносоромъ, бывшаго тоже въ девятый день четвертаго мѣсяца 11-го года Седекіи ⁴⁾; затѣмъ день окончательнаго разрушенія и сожженія Іерусалима Навузарданомъ,—седьмой день пятаго мѣсяца ⁵⁾; наконецъ,—третій день седьмаго мѣсяца, въ годовщину убійства Годоліи ⁶⁾. Всѣ эти дни были днями всеобщаго поста, и трау-

¹⁾ Іез. 20, 12—24; 22, 8. 26; Іер. 17, 21. 22. 24. 27.

²⁾ Іез. 46, 1. 3.

³⁾ Ср. 4 Цар. 25, 1.

⁴⁾ См. 4 Цар. 25, 2; Іер. 32, 2.

⁵⁾ Ср. 4 Цар. 25, 8.

⁶⁾ Ср. 4 Цар. 25, 25; Іер. 41, 1.—Послѣднее печальное торжество въ Св. прор. Даниилъ.

ра¹⁾. Особенно трогательно было празднованіе годовщины разрушенія Иерусалима: тогда іудеи одѣвались въ траурныя одежды, садились на пеплѣ, покрывали голову и безпрестанно стонали и рыдали²⁾. Конечно, праздновались и другіе праздники круга годичнаго (пасха, пятидесятница и др.), хотя, естественно, вслѣдствіе отсутствія храма и невозможности обрядоваго богослуженія, празднованіе ихъ, какъ и празднованіе субботы, должно было ограничиваться молитвою, общественными собраніями—и только.

Что касается нравственнаго настроенія вавилонскихъ плѣнниковъ, то главнымъ движеніемъ души, проникавшимъ все ихъ существо, была глубокая тоска и скорбь по Сіонѣ³⁾. Далекое нельзя, конечно, сказать этого о всѣхъ безъ исключенія вавилонскихъ іудеяхъ, даже объ общей массѣ ихъ; но лучшихъ людей изъ среды избраннаго народа, несомнѣнно, проникало это чувство; а на первыхъ порахъ плѣна оно должно было быть весьма живо. Рядомъ съ тоскою по Сіонѣ гнѣздилась въ душахъ вѣрныхъ сыновъ Израиля на первыхъ же порахъ глубокая ненависть къ своимъ поработителямъ⁴⁾; вѣроятно, они перенесли ее съ вавилонянъ и на другіе языческіе народы, которые при послѣднихъ печальныхъ годахъ іудейскаго царства если не прямо шли противъ Іудеи въ союзѣ съ Вавилономъ, то оставались, большею частію, равнодушными къ судьбѣ ея. Все это должно было значительно измѣнить направленіе мыслей вавилонскихъ плѣнниковъ: бывшіе раньше въ частыхъ сношеніяхъ съ языческими народами, перенимавшіе нерѣдко ихъ нравы, обычаи и убѣжденія,—теперь іудеи больше замыкаются въ самихъ себя, чуждаются

рви праздновали и теперь празднуютъ въ третій день праздника рошъ-гагона (новаго года), первый день котораго падаетъ на первое число седьмаго мѣсяца.

¹⁾ Зах. 7, 3; 8, 19.

²⁾ *Ledrain*. Histoire d'Israel. II partie. P. 90.

³⁾ Псал. 136, 1—6.

⁴⁾ Псал. 136, 7—9.

языческаго міра и углубляются въ свою внутреннюю жизнь. Обрѣзаніе въ плѣну особенно считалось отличительнымъ признакомъ іудеевъ¹⁾; и къ этому именно времени нѣкоторые изслѣдователи²⁾ относятъ происхожденіе обычая полагать при входахъ въ дома извѣстные религиозные знаки въ качествѣ внѣшняго нагляднаго отличія „обрѣзанныхъ“ отъ представителей всѣхъ другихъ исповѣданій.

Итакъ, въ основу религиозно-нравственныхъ убѣжденій жившаго въ Вавилонѣ іудейскаго общества легла вообще замкнутость, слѣдствіемъ которой было углубленіе въ свою внутреннюю жизнь и стремленіе создать ее по началамъ закона Моисея. Отъ этого долженъ бы былъ произойти вначительный подъемъ религиозности и нравственности въ средѣ народа. Въ общей массѣ такъ оно и было; но нельзя того-же сказать объ отдѣльныхъ личностяхъ. Далекое не всѣ плѣнники подъ влияніемъ историческихъ условій, среди которыхъ находились, возросли до высшихъ нравственныхъ идей и отдавали предпочтеніе нравственнымъ интересамъ. Многіе продолжали молиться идоламъ, которымъ молились до плѣна, или служили новымъ языческимъ божествамъ³⁾; вводили у себя языческіе обычаи и обряды⁴⁾ и проч.; многіе только смѣялись надъ рѣчами и обличеніями пророковъ, слушали ихъ, какъ „забавныхъ пѣвцовъ съ пріятнымъ голосомъ и хорошо играющихъ“, отдѣ-

¹⁾ Ср. Іезек. 28, 10; 31, 18; 32, 24.

²⁾ Напр., Розенцвейгъ (*Das Jahrhundert nach dem babylonischen Exile*. S. 5).

³⁾ Іез. 14, 3; 20, 30—31.—Въ Египтѣ іудеи, поселявшіеся тамъ послѣ убійства Годоліи, возобновили идолослуженіе даже съ человѣческими жертвами (Іер. 44, 1. 7); и послѣ обличенія ихъ прор. Іереміей, противъ него возстали не только мужчины, но и женщины (Іер. 44, 15—19);—до того всѣ были ревностными поклонниками своей „богини неба“ (ст. 17—19), приписывая благосостоянію ея одной свое матеріальное благосостояніе. Могли быть такого рода случаи идолопоклонства и въ Вавилонѣ.

⁴⁾ Іез. 20, 30.

львались отъ нихъ шутками, а сами отдавались грубымъ порывамъ своей чувственности ¹⁾. Въ нравственно-практической дѣятельности многіе тоже показывали себя съ дурной стороны. Были, напр., представители народа,—старѣйшины, судьи, которые только наслаждались жизнію, а сами, между тѣмъ, угнетали народъ, употребляли насиліе надъ беззащитными и проч. ²⁾. Были священники, которые только „пасли себя самихъ“, а не овецъ, оставляли послѣднихъ безъ призора и руководства, а если и „правили“, то „съ насиліемъ и жестокостію“ ³⁾. Конечно, и сами овцы подъ надзоромъ такихъ пастырей уклонялись вслѣдъ за ними съ праваго пути. Такимъ образомъ, нравственныя неурюстройства, несомнѣнно, были; но они въ достаточной мѣрѣ объясняются изъ самыхъ историческихъ условій, среди которыхъ поставлены были іудеи въ Вавилонѣ. Довольно обезпеченные съ матеріальной стороны, оставшіеся при прежнихъ условіяхъ соціального устройства,—въ чисто-религіозномъ и нравственномъ отношеніи іудеи не свободны были отъ разнаго рода искушеній и нравственныхъ опасностей, которыя служили большою преградой для чистоты ихъ религіознаго и нравственнаго чувства. Обратимъ вниманіе теперь на эту сторону жизни іудеевъ въ Вавилонѣ, какъ имѣющую важное значеніе для установленія правильнаго взгляда на религіозно-нравственное состояніе вавилонскихъ плѣнниковъ.

Сравнительной чистоты ихъ религіозно-нравственнаго чувства можно было-бы ожидать, еслибы плѣнные іудеи жили совершенно изолированно отъ всей суеты языческаго міра, еслибы они вращались только въ своемъ кружкѣ, не входя въ постоянное соприкосновеніе съ язычниками и ихъ общественными интересами. Но на самомъ дѣлѣ обстоятельства

¹⁾ Іез. 33, 31. 32.

²⁾ Дан. 13, 52. 53. 56. 57.

³⁾ Іез. 34, 2. 3. 4 и др.

сложились иначе—и сложились именно въ неблагопріятномъ для іудеевъ отношеніи. Если раньше іудеи постоянно впадали въ идолопоклонство, предавались грубымъ языческимъ суевѣріямъ и обрядамъ—только благодаря чисто-внѣшнимъ, дѣловымъ сношеніямъ съ язычниками,—тѣмъ болѣе опасности было теперь, когда іудеи чувствовали себя побѣжденными тѣми-же язычниками, когда они должны были принимать нѣкоторое участіе въ государственной и общественной жизни вавилонянъ. Въ этомъ отношеніи наибольшая опасность представлялась жителямъ самого же Вавилона, въ силу общественнаго значенія и блеска этой столицы древнеязыческаго міра. Вавилонъ уже самою обширностью, внутреннимъ блескомъ и роскошью своею приковывалъ къ себѣ всеобщее вниманіе; кипучая же жизнь и дѣятельность, царившія въ немъ, невольно увлекали каждого индивидуума, слишкомъ мало въ тоже время давая ему возможности углубиться въ себя и заняться какими-либо высшими интересами. Это былъ, какъ замѣчаетъ Лопухинъ ¹⁾, Парижъ или Лондонъ своего времени, куда стекались постоянно цѣлыя массы народа самыхъ разнообразныхъ націй, исповѣданій и направленій—по дѣламъ торговымъ или религіознымъ, по какимъ-либо общественнымъ интересамъ или просто ради своего личнаго удовольствія; вѣсь кишѣли пришельцы со всѣхъ концовъ тогдашняго міра и все это двигалось впередъ и впередъ въ какой-то кипучей, лихорадочной дѣятельности. По величинѣ своей Вавилонъ превосходилъ всѣ нынѣшніе самые обширные столичные города: обведенный двумя стѣнами, изъ которыхъ внутренняя ограждала самый городъ, а внѣшняя и предмѣстья его, онъ, по измѣреніямъ Опперта, занималъ собою пространство (огражденное внутреннею стѣною) въ 290 квадратныхъ километровъ, больше нынѣшняго Лондона,—а вмѣстѣ съ предмѣстіями (пло-

¹⁾ Библейская исторія при свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій и открытій. В. З. Т. II. Стр. 773.

щадь, огражденную внѣшнею стѣною) въ 513 квадратныхъ километровъ, въ 7 разъ больше нынѣшняго Парижа ¹⁾. Если принять во вниманіе, что городъ этотъ былъ главнѣйшимъ торговымъ пунктомъ ²⁾, если вспомнить блестящія завоеванія Навуходоносора, который послѣ каждаго своего похода привозилъ въ Вавилонъ несмѣтную добычу въ видѣ дорогихъ сосудовъ, разнаго рода произведеній искусствъ, естественныхъ богатствъ той или другой страны и т. п., то поймемъ, что въ Вавилонѣ должны были накопляться богатства со всего тогдашняго міра, которыя, вслѣдъ затѣмъ, шли на украшеніе самой столицы. Набопалассаръ, отецъ Навуходоносора, много потрудился надъ украшеніемъ Вавилона дворцами, храмами и т. п.; въ полномъ же блескѣ является предъ нами этотъ городъ въ царствованіе Навуходоносора. Масса открытыхъ въ послѣднее время клинообразныхъ надписей говоритъ о построеніи имъ новыхъ храмовъ и возобновленіи старыхъ, о построеніи городскихъ стѣнъ, дворцовъ и т. п. ³⁾. Въ его царствованіе Вавилонъ дѣйствительно представлялъ собою нѣчто удивительное. Страбонъ относитъ висячіе сады и стѣны Вавилона къ числу семи чудесъ свѣта ⁴⁾. Недаромъ самъ Навуходоносоръ съ любовію говоритъ о блескѣ и богатствѣ своей столицы ⁵⁾; недаромъ, восхищенный красотой ея, онъ съ гордостью произнесъ: „это ли не величественный Вавилонъ, который я построилъ“ ⁶⁾? Гораздо позже уже, когда Вавилонъ потерялъ много своего прежняго блеска, и тогда еще

¹⁾ *Oppert* I. *Expédition scientifique en Mésopotamie*. T. I. Paris. 1859. P. 234.

²⁾ *Ier.* 17, 4.

³⁾ *Schrader* E. *Keilinschriftliche Bibliothek. Sammlung von assyrischen und babylonischen Texten*. Band III, 2. Hälfte. Berlin. 1890. S. 10—70.

⁴⁾ *Страбонъ*. Географія. Пер. Мищенко, Стр. 754—755.

⁵⁾ *Schrader* E. *Keilinschriftliche Bibliothek*. B. III, 2. Hälfte. S. 15, 25, 27.

⁶⁾ *Дан.* 4, 27.

онъ приводилъ въ изумленіе посѣщавшихъ его иностранцевъ. Геродотъ называетъ его столь великолѣпнымъ, что „мы, прибавляетъ онъ, не знаемъ ни одного города, который бы могъ съ нимъ сравняться“ ¹⁾. Виды, какіе открывались предъ глазами, когда смотрѣли на городъ съ возвышенности, были необычайно роскошны: Евфратъ, пересѣкавшій Вавилонъ по самой срединѣ, великолѣпныя стѣны города, подобныхъ которымъ не было и нѣтъ больше среди произведеній архитектурнаго искусства, висячіе сады—чудо свѣта, множество самыхъ великолѣпныхъ храмовъ, дворцовъ, башенъ—все это представляло роскошное зрѣлище ²⁾. Какое впечатлѣніе произвелъ Вавилонъ на іудеевъ, которые до того времени не видѣли ничего подобнаго, которые мало имѣли понятія о барельефахъ, скульптурныхъ украшеніяхъ и т. п.,—объ этомъ прекрасно говоритъ пророкъ Іезекіиль: „увидѣвши вырѣзанныхъ на стѣнѣ мужчинъ, красками нарисованныя изображенія халдеевъ, опоясанныхъ по чресламъ своимъ поясомъ, съ роскошными на головѣ ихъ повязками, имѣющихъ видъ военачальниковъ, похожихъ на сыновъ Вавилона, которыхъ родина—земля халдейская“, іудеи сразу же „влюбились“ въ Вавилонъ ³⁾. Можно представить себѣ, какъ губительно должно было дѣйствовать на чистоту религіозно-нравственныхъ убѣжденій іудеевъ это пристрастіе ихъ къ Вавилону, въ которомъ все было, такъ сказать, рельефной пластической эмблемой язычества!

Этому поражающему великолѣпію Вавилона вполне соответствовала и его внутренняя кипучая жизнь. Понятно, какое глубокое впечатлѣніе должна была производить она въ связи съ торжественно-подавляющей обстановкой самого

¹⁾ *Геродотъ*. *Исторія*. Пер. Мищенко. Т. I. Стр. 91—92.

²⁾ См. описаніе впечатлѣнія, какое производилъ Вавилонъ, у *Cavaniol'a*, „*Les monuments en Chaldée, en Assyrie et à Babylone d'après les récentes découvertes archéologiques*“. Paris. 1870. P. 359—363.

³⁾ *Ier.* 23, 14—16.

города. Открытыя въ послѣднее время плиты и обелиски съ барельефными украшеніями, взятые изъ развалинъ ассириававилонскихъ дворцовъ, воспроизводятъ предъ нами любопытныя картины изъ древневавилонской жизни. Очень часто по улицамъ Вавилона проходила толпа плѣнниковъ, конечно, при соотвѣтствующемъ триумфѣ, въ сопровожденіи отрядовъ войскъ, указывавшихъ на могущество и славу вавилонскаго государя; часто эти плѣнники везли богатую добычу на верблюдахъ или несли ее на головахъ, плечахъ или въ рукахъ; то, напр., послы направлялись ко дворцу съ богатою данью, провозглашая при этомъ самые лестные эпитеты по адресу могущественнаго государя; иногда самъ царь являлся народу для принятія даровъ или для освященія новоустроеннаго храма; тогда изъ толпы поднимались неистовые крики и благожеланія царю ¹⁾. Особенно важное значеніе имѣютъ для насъ изображенія религиозныхъ процессій, игравшихъ видную роль въ древнеобщественной жизни Вавилона; онѣ были нагляднымъ выраженіемъ всего блеска и всего величія внутренней жизни этого центра тогдашняго міра. На одномъ изъ барельефовъ ²⁾, напр., представлены четыре статуи боговъ и богинь, каждая на плечахъ четырехъ воиновъ или жрецовъ; Виль (Бель) изображенъ въ прямомъ стоячемъ положеніи, съ головой, украшенной двумя парами роговъ,—символомъ силы; въ одной рукѣ у него топоръ, а въ другой—молнія ³⁾. Другая фигура изображаетъ собою богиню Истаръ, сидящую на тронѣ, въ тиарѣ, украшенной рогами; въ

¹⁾ *Menge R. Bilderatlas. 2. Aufl. Leipzig. 1886. Tafel 5 (№ 3), 6 (№ 9).—Vigouroux F. Die Bibel u. die neueren Entdeckungen, übers. v. Ibach. IV. B. S. 293, 64—65.*

²⁾ Барельефъ Нимрода; см. *Vigouroux. IV. B. S. 295.—Layard. Ausgrabungen in Niniveh, übers. von Meisner. Leipzig. 1852. S. 171.*

³⁾ Такъ изображаетъ религиозныя процессіи вавилонянъ и пророкъ Іеремія, когда говоритъ о скипетрѣ, мечѣ и сѣкирѣ въ рукахъ у идола,—или о томъ, что эти идола носятъ на плечахъ, что народъ кланяется имъ и т. д. (Посланіе Іер., ст. 13. 14. 25. 5).

рукахъ у нея разнаго рода драгоценности. Народъ кланялся предъ богами „спереди и сзади“ ¹⁾, воздвигалъ имъ алтари, приносилъ жертвы и т. д. Навуходоносоръ, слѣдуя обычаямъ ассирійскихъ царей, всѣ свои завоеванія приписывалъ не своимъ собственнымъ силамъ, а могуществу боговъ, которые избрали его только орудіемъ своей божеской воли ²⁾. Такъ смотрѣли на величіе его монархіи и всѣ его подданные: не только свою политическую славу, но и успѣхи въ самыхъ обыденныхъ дѣлахъ народъ приписывалъ милости боговъ и потому религиозный экстазъ его при видѣ идоловъ, храмовъ или торжественныхъ процессій былъ безграниченъ. Въ какое же, теперь, положеніе поставлены были іудеи, на глазахъ которыхъ проходили эти религиозныя процессіи, въ ушахъ которыхъ отдавались радостные крики народа, привѣтствовавшаго своихъ боговъ?! Мало того: что должны были чувствовать тѣже іудеи, когда видѣли себя въ рядахъ плѣнниковъ, за побѣду надъ которыми вавилоняне прославляли идоловъ?! Какое нравственное разочарованіе должно было овладѣть ими, когда они видѣли всю эту роскошь, все это богатство, блескъ и славу среди язычниковъ, противъ которыхъ всегда вооружались законъ и пророки?! Если обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что іудеи всегда были склонны къ идолопоклонству,—тогда поймемъ всю силу этой нравственной опасности. Будь іудеи въ такомъ, напр., положеніи, въ какомъ находились христіанскіе мученики первыхъ трехъ вѣковъ нашей эры, когда язычники не хотѣли знать христіанскаго Бога, а требовали поклоненія своимъ богамъ,—тогда дѣло представило-бы въ иномъ свѣтѣ. Но въ Вавилонѣ религиозныхъ преслѣдованій вообще не было; язычники

¹⁾ Посланіе Іер., ст. 5.

²⁾ Замѣчательно, что большая часть отиѣченныхъ нами (въ „Keilinschr. Bibliothek“—von *Schrader*) еллинообразныхъ надписей Навуходоносора говоритъ о построеніи имъ храмовъ; дѣйствительно, въ этого рода сооруженіяхъ Навуходоносоръ являлся неутомимымъ.

предоставляли своимъ плѣнникамъ полную свободу религіозныхъ убѣжденій. Мало того: Навуходоносоръ признавалъ всѣхъ боговъ побѣжденныхъ имъ народовъ и переносилъ статуи ихъ въ свою столицу вмѣстѣ съ военною добычею; эти статуи служили для него трофеями многочисленныхъ побѣдъ, въ частности же побѣдъ его боговъ, которымъ онъ приписывалъ всѣ свои успѣхи. Нужно отмѣтить еще одинъ оригинальный взглядъ древности: общимъ убѣжденіемъ языческаго міра было то, что каждое государство находится подъ покровительствомъ только своихъ боговъ, что чужіе боги не имѣютъ къ нему никакого отношенія; конечно, и каждый богъ, по мѣрѣ силъ своихъ, нравственно обязанъ заботиться о своей странѣ и охранять ее съ помощію своихъ видимыхъ орудій—людей; если же одно государство побѣждаетъ или разрушаетъ другое,—значить, боги перваго сильнѣе боговъ втораго, хотя и менѣе сильные боги не перестаютъ отъ этого быть богами, а только уступаютъ въ силѣ и могуществѣ своимъ „собратьямъ“¹⁾. Понятно теперь, почему языческіе государи вмѣстѣ съ добычей забирали къ себѣ и статуи боговъ покоренныхъ ими народовъ: это было знакомъ побѣды своихъ боговъ надъ чужими. И Навуходоносоръ присоединилъ къ циклу своихъ божествъ Іегову, Бога побѣжденныхъ имъ іудеевъ; вѣроятно, и самые сосуды и другія принадлежности іерусалимскаго храма онъ забралъ въ Вавилонъ не въ качествѣ вообще добычи, а въ смыслѣ религіозныхъ трофеевъ, такъ какъ помѣстилъ ихъ въ „храмъ бога своего“, частіе—въ сокровищницѣ при храмѣ²⁾, гдѣ были, вѣроятно, и идолы другихъ покоренныхъ народовъ. Что же должны были испытывать іудеи, когда видѣли своего Бога видимо побѣжденнымъ чужими богами, которыхъ, между тѣмъ, прославляли язычники? Правда, пророки смѣялись надъ идолами, называли языческихъ боговъ „ничтожествомъ“; сильно обличали

¹⁾ 4 Цар. 19, 10, 12, 18, 19 и др.

²⁾ Дан. 1, 2; 1 Эвр. 1, 7.

самыхъ художниковъ, занимавшихся выдѣлкою ихъ¹⁾; но развѣ опыты не говорили имъ совершенно противнаго? Пророки смѣются надъ „богами“, называютъ ихъ вускомъ дерева, который не видитъ, не слышитъ; но въ плѣну, естественно, могло явиться у іудеевъ сомнѣніе въ истинѣ этихъ словъ: если это не боги, то почему же поклонники ихъ благоденствуютъ, почему они „побѣдили“ и Самого Іегову? Конечно, іудеи не сомнѣвались, что ихъ Іегова есть Богъ; но для слабыхъ въ вѣрѣ здѣсь предстояло сильное искушеніе: значить, и вавилонскіе идолы суть тоже боги, значить, они даже сильнѣе Іеговы, такъ какъ это прямо подтверждается опытомъ, а опыты, нечего и говорить, для людей, недостаточно стойкихъ въ своихъ религіозно-нравственныхъ убѣжденіяхъ (каковыми, несомнѣнно, были іудеи по своей пестоанной склонности къ идолопоклонству), гораздо краснорѣчивѣе какихъ-либо раціональныхъ соображеній или традиціонныхъ взглядовъ! Опасность была еще больше: въ силу тѣхъ-же традиціонныхъ языческихъ взглядовъ, покоренные народы, переселившись въ землю побѣдителей, должны были, наряду со своими богами, почитать и боговъ той страны, въ которой они жили, отдавать должную дань „государственной“ религіи и „государственнымъ“ богамъ: этимъ, по взгляду язычниковъ, обезпечивалась милость и благоволеніе „государственныхъ“ боговъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и слава самого государства²⁾. Нечего и говорить, въ какомъ положеніи очутились бы іудеи, еслибы сознали себя нравственно-обязанными подчиняться этимъ традиціоннымъ принципамъ язычества,—особенно когда въ душѣ ихъ легко могло явиться сомнѣніе въ могуществѣ Іеговы и превосходствѣ Его надъ вавилон-

¹⁾ Ис. 41, 21—24, 28—29; 44, 9—20; 46, 5—7.

²⁾ Такихъ взглядовъ, какъ извѣстно, держались и римскіе императоры—гонители христіанства, когда требовали отъ всѣхъ своихъ подданныхъ (въ томъ числѣ и христіанъ) поклоненія „государственнымъ“ богамъ.

скими богами. Прибавимъ къ этому частыя насмѣшки со стороны вавилонянъ - язычниковъ по адресу богоизбраннаго народа: „они—народъ Господа“, говорили они съ явной ироніей, а между тѣмъ „вышли изъ земли Егѣ“¹⁾; слишкомъ рѣзко должны были отражаться такія слова въ глубинѣ души каждаго іудея; болѣе слабымъ и впечатлительнымъ изъ нихъ весьма легко было поддасться искушенію и впасть въ настоящее идолопоклонство. Нельзя въ сущности слишкомъ и удивляться, если это на самомъ дѣлѣ было; многіе изъ нихъ поклонялись идоламъ, вводили у себя языческіе обычаи, смѣялись надъ пророками и т. п.; такое явленіе было въ порядкѣ вещей. Все въ Вавилонѣ было родственно іудеямъ: обѣ націи—одного семитическаго происхожденія, языки—довольно сродны, основные взгляды тѣхъ и другихъ тоже имѣли много общаго; сами іудеи поставлены были въ такое положеніе, что постоянное сопркосновеніе ихъ съ язычниками вызывалось необходимостью; участіе въ государственной службѣ, сношенія по дѣламъ торговымъ—все это приводило къ взаимному обмѣну мыслей; а внутренняя жизнь Вавилона во всемъ ея блескѣ, естественно, вліяла на умъ и чувство, вносила разладъ религиозныхъ убѣжденій, который подъ конецъ часто ованчивался или отступничествомъ отъ Іеговы, или полнѣйшимъ равнодушіемъ къ религиознымъ интересамъ вѣрныхъ сыновъ Израиля. Для предохраненія всего народа іудейскаго отъ такого увлеченія язычествомъ, Богъ посылалъ къ нему Своихъ пророковъ, задачей которыхъ было прояснить предъ іудейскимъ и даже языческимъ міромъ истинное положеніе вещей, чтобы дать возможность осуществиться настоящей цѣли плѣна вавилонскаго.

Три пророка принадлежать по своей дѣятельности времени плѣна вавилонскаго: это—Іеремія, Іезекіиль и Данииль; только каждый изъ нихъ дѣйствовалъ въ особомъ мѣстѣ и на особомъ поприщѣ. Дѣятельность Іеремии имѣла только косвенное отношеніе къ вавилонскому плѣну: она принадлежала всецѣло послѣднимъ годамъ существованія іудейскаго царства; въ Вавилонѣ пророкъ вовсе не былъ, хотя къ вавилонскимъ плѣнникамъ стоялъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ. Въ плѣну же собственно дѣйствовали два другіе пророка—Іезекіиль и Данииль. Іезекіиль былъ уведенъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ Іехоніей, поселился на Ховарѣ¹⁾ и открылъ свою дѣятельность среди іудейскихъ плѣнниковъ, жившихъ внѣ Вавилона; Данииль же жилъ при дворѣ вавилонскихъ и мидо-персидскихъ государей и дѣйствовалъ въ качествѣ одного изъ первыхъ сановниковъ государства. Одинъ изслѣдователь²⁾ называетъ Іезекіиля Моисеемъ, а Даниила—Іосифомъ вавилонскаго плѣна. Дѣйствительно, пророкъ Іезекіиль выполнялъ въ плѣну ту же задачу, какая выпала на долю Моисея въ пустынѣ. И тотъ и другой были руководителями народа; оба воспитывали его, чтобы сдѣлать способнымъ войти въ землю обѣтованную (Моисей) или возвратиться изъ плѣна и начать тоже новую жизнь въ Палестинѣ (Іезекіиль). Іезекіиль, по откровенію свыше, уясняетъ народу законъ Моисеевъ, который сталъ уже забываться: онъ дѣлаетъ массу ссылокъ на законъ, повторяетъ его мысли и даже отдѣльныя слова. Іезекіиль, притомъ, былъ пророкъ не только по духу, но и по своей, такъ сказать, внѣшности: онъ велъ такой же образъ жизни, такъ же училъ и обличалъ народъ, какъ это дѣлали и другіе пророки. Напротивъ, пророкъ Данииль стоитъ въ этомъ отношеніи совершенно особнякомъ. Будучи по духу пророкомъ въ полномъ смыслѣ

¹⁾ Іез. 36, 20.

¹⁾ Іез. 1, 1.

²⁾ Caspari. Zur Einführung in das Buch Daniel. S. 61—62.

этого слова, онъ съ вѣшной стороны является предъ нами въ совершенно иной обстановкѣ: онъ—придворный вавилонскій сановникъ, имѣющій непосредственныя сношенія съ языческими государями, охраняющій интересы языческаго государства, поработившаго Іудею; но и это все было допущено Промысломъ въ виду той высокой задачи, какая предстояла въ Вавилонѣ этому пророку. Іудеи видѣли себя побѣжденными язычниками, могли, по языческимъ воззрѣніямъ, считать и своего Іегову тоже побѣжденнымъ языческими богами;—нужно было проявить предъ ними силу Бога истиннаго, укрѣпить въ нихъ вѣру въ непреложность Его обѣтованій. Язычники смѣялись надъ евреями, считая и ихъ Іегову слабѣе своихъ боговъ;—нужно было обнаружить предъ ними чудеса всевѣдѣнія и всемогущества Божія, довести ихъ самихъ до признанія безконечнаго величія Бога іудейскаго, а вмѣстѣ и ничтожества ихъ собственныхъ боговъ. Іудеи легко могли увлечься языческою пышностью, забыть и законъ и слова пророковъ;—нужно было на опытѣ, самымъ дѣломъ вразумлять ихъ, для достиженія воспитательной и исправительной цѣли плѣна вавилонскаго. Язычники, конечно, не знали ни Моисеева закона, ни іудейскихъ пророковъ;—ихъ и можно было учить въ то время только дѣломъ, зарождая среди нихъ сѣмена вѣры въ Бога истиннаго. Вся жизнь пророка Даніила и была обращена въ наглядный урокъ прежде всего тѣмъ-же іудеямъ, которые, имѣя въ лицѣ Даніила сильнаго покровителя себѣ при царскомъ дворѣ, могли и должны были изъ живаго примѣра научиться не меньшему, чѣмъ изъ цѣлой книги пророчествъ и видѣній какого-нибудь другого пророка,—а затѣмъ и язычникамъ, которые, имѣя въ Даніилѣ одного изъ сановниковъ своихъ государей, должны были тоже изъ живаго примѣра познать силу и величіе исповѣдуемаго имъ Бога. Вотъ почему насколько Іезекииль дѣйствовалъ на іудеевъ словомъ, настолько же Даніиль на іудеевъ и язычниковъ долженъ былъ дѣйствовать, главнымъ об-

разомъ, примѣромъ собственной жизни. Какъ миссія пророка Іезекииля была направлена на однихъ іудеевъ, на очищеніе ихъ вѣры, на исправленіе ихъ нравственныхъ убѣжденій,—такъ миссія пророка Даніила должна была коснуться и іудеевъ и язычниковъ, и даже преимущественно послѣднихъ. Въ этомъ отношеніи Даніила можно сопоставить именно съ Іосифомъ въ виду широты его задачи, затрогивавшей какъ іудеевъ, такъ и язычниковъ и весь тогдашній міръ: онъ долженъ былъ быть не только пророкомъ іудейскимъ, но и пророкомъ язычниковъ и въ нѣкоторомъ отношеніи пророкомъ всего человѣческаго рода. Какъ же выполнилъ пророкъ Даніиль эту поставленную ему свыше задачу, какъ онъ постепенно пролагалъ путь славы Іеговы среди и іудейскаго и языческихъ народовъ,—естественнымъ отвѣтомъ на это послужить изложеніе жизни и дѣятельности великаго пророка, къ чему мы теперь и переходимъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ СВ. ПРОРОКА ДАНИИЛА ВЪ ПЛѢНУ БАВИЛОНСКОМЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Пророкъ Даниилъ при Навуходоносорѣ.

Пророкъ Даниилъ, какъ видно изъ книги его имени, былъ въ числѣ отроковъ царскаго и княжескаго рода, взятыхъ въ плѣнъ Навуходоносоромъ въ первое нашествіе его на Іудею при Іоакимѣ¹⁾,—въ частности, былъ „изъ сыновъ Іудиныхъ“²⁾. Такія указанія говорятъ за то, что пророкъ происходилъ изъ колѣна іудина и принадлежалъ если не къ царскому, то къ княжескому знатному роду. Происхождение пророка изъ колѣна іудина, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно: помимо библейскаго текста, о томъ-же говоритъ талмудъ³⁾ и все христіанское преданіе⁴⁾. Но другой вопросъ трудно рѣшить,—принадлежалъ ли Даниилъ къ царскому роду или только къ знати іудейской.

¹⁾ Дан. 1, 3.

²⁾ Дан. 1, 6.

³⁾ Wünsche A. Bibliotheca rabbinica. Eine Sammlung alter Midraschim. Der Midrasch Bemidbar rabba. Leipzig. 1885. S. 311.—Dass. Der Midrasch zum Buche Esther. 1881. S. 52.—Wünsche A. Der babylonische Talmud. II. Halbband, 3. Abtheilung. S. 168.

⁴⁾ Sancti Eriphanii opera, tomus II. P. 242.—Fabricius I. A. Codex pseudepigraphus veteris testamenti. Editio 2. Volumen I. Hamburgi. 1722. P. 1124.—Acta sanctorum. Mensis Iulius. Tomus V. Venetii. 1748. P. 117.—Описаніе славянскихъ рукописей московской синодальной бібліотеки. Отд. I. Стр. 112.—Подробное оглавленіе великихъ четвухъ миней м. Макарія, хранящихся въ московской патріаршей (нынѣ синодальной) бібліотекѣ. М. 1892. Стр. 242.—Діонисій Картезіанскій (Acta sanctorum. P. 117) ошибочно предполагаетъ, будто пророкъ Даниилъ только по матери былъ изъ колѣна іудина, а по отцу происходитъ изъ колѣна левіана. Вѣроятно, возникло такое предположеніе изъ того, что въ исторіи о Вилѣ и драконѣ по переводу LXX пророкъ названъ священникомъ. Но, какъ извѣстно, въ священномъ писаніи обозначается обыкновенно происхождение по отцу, а не по матери.

Іосифъ Флавій говоритъ, что пророкъ былъ родственникъ царя Седекіи¹⁾,—очевидно, того Седекіи, который былъ послѣднимъ царемъ іудейскимъ; слѣдовательно, вообще принадлежалъ къ царскому роду²⁾. Предположеніе это, конечно, вполне возможно, но за отсутствіемъ точныхъ данныхъ (такъ какъ Флавій самъ по себѣ не чуждъ иногда историческихъ ошибокъ и своеобразнаго толкованія историческихъ фактовъ) высказаться положительно въ пользу его нѣтъ основаній. Можетъ быть, самъ Іосифъ отнесъ Даниила къ царскому роду именно потому, что видѣлъ и хотѣлъ показать въ исторіи жизни его въ Вавилонѣ исполненіе пророчества Исаи о томъ, что „сыновья Езекиа“ будутъ служить при дворѣ царя вавилонскаго³⁾. Христіанское преданіе тоже рѣшаетъ этотъ вопросъ различно: съ одной стороны, относитъ пророка Даниила къ царскому роду Давидову⁴⁾, съ другой—причисляетъ его къ самой знатной фамилии вельможъ іерусалимскихъ, занимавшей первое мѣсто въ Іудеѣ⁵⁾. Во всякомъ случаѣ, пророкъ былъ очень высокаго происхожденія. Преданіе указываетъ по имени и отца его: это—нѣкто Саваанъ⁶⁾; но что это за личность и какую роль она играла въ исторіи послѣднихъ царей іудейскихъ,—неизвѣстно и нѣтъ данныхъ строить о ней какія-либо догадки⁷⁾.

¹⁾ Іосифъ Флавій. Древности іудейскія. Пер. Самуйлова. Часть II. Стр. 157.

²⁾ Историкъ Дороеей называетъ его „сыномъ царя Езекиа“.—Δορόθεος. Βιβλίον ιστορικών. Ἐνετίη. 1784. Σελ. 87.

³⁾ Ис. 39, 7.—Несомнѣнно, потому и Дороеей причисляетъ Даниила къ „сынамъ Езекиа“.

⁴⁾ Симеонъ Метафрастъ и другіе.—Migne J. P. Patrologiae cursus completus. Series graeca posterior. T. CXV. P. 371—372.—Tischendorf A. F. C. Anecdota sacra et profana. Lipsiae. 1855. P. 117—118.—Подробное оглавленіе великихъ четвухъ миней м. Макарія. Стр. 242.

⁵⁾ S. Eriphanii opera, t. II. P. 242.

⁶⁾ Acta sanctorum. M. Iulius. Tomus V. P. 118.

⁷⁾ Вертольдъ, на основаніи созвучія именъ, полагаетъ, что этотъ Саваанъ есть князь Седекіи, сынъ Анавіи, о которомъ говоритъ пророкъ Іеремія (36, Св. пророкъ Даниилъ.

Называетъ преданіе и мѣсто рожденія пророка Даниїла; это—Бееворъ или Бееоронъ верхній, вблизи Іерусалима¹⁾. Городъ этотъ лежалъ въ колѣнѣ ефремовомъ, на разстояніи 10—12 миль къ сѣверо-западу отъ Іерусалима и принадлежалъ къ числу левитскихъ городовъ²⁾. И это преданіе о мѣстѣ рожденія пророка, пожалуй, правдоподобно, хотя согласиться съ нимъ вполне трудно: Даниїль былъ изъ колѣна іудина; едвали, поэтому, родители его могли жить въ Бееворѣ, который принадлежалъ колѣну ефремову и былъ, притомъ, городомъ, назначеннымъ специально для левитовъ. Скорѣе можно предположить, что пророкъ родился и прожилъ свое дѣтство въ Іерусалимѣ: родители его принадлежали къ самой знатной фамилии іудейской, самъ пророкъ увведенъ былъ въ плѣнъ именно изъ Іерусалима³⁾; слѣдовательно, если даже онъ родился въ Бееворѣ или другомъ какомъ-либо городѣ, то дѣтство свое провелъ въ Іерусалимѣ⁴⁾.

Нельзя опредѣлить точно и года рожденія пророка Даниїла, такъ какъ историческихъ данныхъ для рѣшенія этого вопроса у насъ нѣтъ. Ограничимся только предположеніемъ. Мы говорили, что первый историческій фактъ изъ жизни пророка Даниїла, извѣстный намъ болѣе или менѣе точно, это—плѣненіе его въ первое нашествіе Навуходоносора на Іерусалимъ при Іоакимѣ, вслѣдъ за битвой при Кархемишѣ; въ то время пророку, судя по библейскимъ даннымъ, могло

12). Къ этому же онъ сводитъ и слова Флавія, предполагая, что выраженіе „изъ рода Седекія царя“ указываетъ не на царя Седекю, а на того-же Седекю— князя или Саваана, отца Даниїлова (*Bertholdt. Daniel. I. Hälfte. S. 4.*)

¹⁾ *S. Epiphani opera, t. II. P. 242. — Tischendorf. Anecdota sacra et profana. P. 117. — Fabricius. Codex pseudepigraphus V. T. Vol. I. P. 1124. — Acta sanctorum. M. Iulius. T. V. P. 118.*

²⁾ См. упоминаніе о немъ у Іас. Нав. 16, 5; 21, 22.

³⁾ См. Дан. 1, 1.

⁴⁾ Такъ и думаютъ нѣкоторые изслѣдователи, напр., Гунтеръ. — *The Story of Daniel, his Life and Times. Fourth edition. Edinburgh and London. 1890. P. 1.*

быть 14—17 лѣтъ; слѣдовательно, если битва при Кархемишѣ была въ 605 г., то годомъ рожденія Даниїла будетъ приблизительно 622—619 г. до Р. Хр., или 18—21 годъ царствованія Іосіа.

Вотъ все, что можно сказать о первыхъ годахъ жизни пророка до переселенія его въ Вавилонъ. Конечно, эти 14—17 лѣтъ не богаты были какими бы то ни было приключеніями и прошли такъ, какъ обыкновенно проходили годы дѣтства іудейскихъ отроковъ того времени. Какъ сынъ богатыхъ и знатныхъ родителей, пророкъ Даниїль, естественно, былъ окруженъ въ родительскомъ домѣ всѣмъ, что можно назвать лучшимъ для его религіозно-нравственнаго воспитанія; а что это религіозно-нравственное воспитаніе дѣйствительно было наилучшимъ,—въ этомъ сомнѣваться нельзя: высокое благочестіе, строгая точность и вѣрность въ исполненіи всѣхъ предписаній закона, обнаружившаяся въ самые первые годы его жизни въ Вавилонѣ, несомнѣнно, были заложены еще въ родительскомъ домѣ и настолько, притомъ, твердо и вѣрно, что ихъ онъ предпочиталъ даже самой своей жизни. Родители пророка, несомнѣнно, принадлежали къ числу истинныхъ ревнителей благочестія и были, можетъ быть, сотrudниками царя Іосіа въ его великой религіозной реформѣ. Открытіе „книги закона“, торжественное празднованіе пасхи (о чемъ мы говорили въ свое время) оказывали вліяніе на весь іудейскій народъ, какъ и на самого Іосіа; тѣмъ сильнѣе должно было быть это вліяніе на болѣе впечатлительныхъ людей того времени, которые искренно желали восстановленія благочестія и дѣйствительно помогали Іосіа въ его планахъ; для такихъ людей торжественный завѣтъ царя и народа исполнять въ точности всѣ предписанія закона—былъ, такъ сказать, главнымъ принципомъ, проникавшимъ всю ихъ жизнь; буквальное выполненіе всѣхъ предписаній закона Іеговы сдѣлалось правиломъ ихъ жизни; несомнѣнно, въ этомъ духѣ они воспитывали и молодое поколѣніе, стараясь сдѣлать его представителемъ истиннаго

благочестія. Къ этому-то благоприятному вообще времени относится дѣтство пророка Даниїла. Воспитанный подъ непосредственнымъ надзоромъ родителей, имѣвшій, можетъ быть, въ числѣ воспитателей благочестивыхъ священниковъ времени Іосіи, бывшій, вѣроятно, подъ благодѣтельнымъ вліяніемъ пророка Іереміи¹⁾, Даниїль - отрокъ обрядовый и нравственный законъ Іеговы положилъ въ основу своей жизни; и благодаря особенно счастливо сложившимся обстоятельствамъ, еще родительскій домъ заложилъ въ душѣ его такую религиозную основу, какая особенно нужна была ему въ языческой странѣ, при дворѣ языческихъ государей, куда онъ переселился въ самомъ юномъ возрастѣ и гдѣ сразу же попалъ подъ вліяніе представителей язычества—мудрецовъ-маговъ и жрецовъ.

Первый историческій фактъ изъ жизни пророка, какой передаетъ намъ Библія,—это отведеніе его въ плѣнъ въ Вавилонъ: Навуходоносоръ, говорится въ Дан. 1, 1—6, пришелъ къ Іерусалиму, осадилъ, а затѣмъ и взялъ его, забралъ съ собою часть сосудовъ изъ храма іерусалимскаго и не мало плѣнниковъ, изъ которыхъ велѣлъ выбрать значныхъ отроковъ для воспитанія при царскомъ дворѣ; въ числѣ этихъ отроковъ былъ и пророкъ Даниїль съ тремя своими друзьями. Событіе это помѣчается *третьимъ годомъ царствованія Іоакима, царя іудейскаго*²⁾. Такая хронологическая дата, какъ замѣчаетъ Рейнке³⁾, опредѣляется рѣшительно во всѣхъ древнихъ переводахъ книги Даниїловой; тѣмъ не менѣе, мы должны обратить на нее особенное вниманіе въ виду разнаго рода затрудненій, соединенныхъ съ этимъ вопросомъ библейской исторіи. Дѣло въ томъ, что дата книги

Даниїловой, повидимому, противорѣчитъ другимъ мѣстамъ библейскихъ книгъ. Пророкъ Даниїль говоритъ, что въ 3-й годъ Іоакима Навуходоносоръ, царь вавилонскій, осадилъ и взялъ Іерусалимъ¹⁾; между тѣмъ, пророкъ Іеремія въ четвертый годъ того-же Іоакима только предсказываетъ народу семидесятилѣтнее плѣненіе вавилонское, говоря о нашествіи Навуходоносора, какъ о будущемъ еще событіи²⁾,—слѣдовательно, до того времени Навуходоносоръ никакъ не могъ быть въ Іерусалимѣ, а тѣмъ болѣе взять его. Говоритъ Іеремія, затѣмъ, о битвѣ при Кархемишѣ, когда Навуходоносоръ разбилъ фараона Нехао и завладѣлъ всѣми подвластными ему землями (въ томъ числѣ и Палестиной); и эта битва была тоже въ 4-й годъ Іоакима³⁾; до этого же времени Навуходоносоръ не былъ и не могъ быть въ Іерусалимѣ, такъ какъ въ виду именно битвы пророкъ Іеремія и говоритъ о 70-лѣтнемъ плѣнѣ вавилонскомъ, считая совершенно естественнымъ и необходимымъ то обстоятельство, что, послѣ пораженія фараона, Іудея, какъ подвластная ему, перейдетъ въ руки вавилонянъ. Годъ спустя (въ пятый годъ Іоакима) былъ назначенъ въ Іерусалимѣ общенародный постъ съ цѣлью, повидимому, умолить Господа и чрезъ то отвратить бѣдствіе, предсказанное пророками,—разрушеніе Іерусалима и храма и опустошеніе всей Іудеи⁴⁾; слѣдовательно, даже и въ 5-й годъ Іоакима Навуходоносоръ видимо еще не коснулся Палестины. Какъ же, послѣ этого, смотрѣть на дату книги Даниїловой, по которой уже въ 3-й годъ Іоакима Іерусалимъ былъ взятъ вавилонянами? Необходимо обратить особенное вниманіе на этого рода обстоятельство и рѣшить такъ или иначе кажушееся противорѣчіе. Въ общемъ мы коснулись уже царствованія

¹⁾ Такъ весьма основательно предполагаетъ Тиршъ.—*Thiersch* H Blicke in die Lebensgeschichte des Propbeten Daniel. Augsburg. 1884. S. 4

²⁾ Дан. 1, 1.

³⁾ *Reinke* L. Beiträge zur Erklärung des alten Testaments. I. Band. Münster. 1851. S. 256.

¹⁾ Дан. 1, 1—2.

²⁾ Іер. 25, 1. 9.

³⁾ Іер. 46, 2.

⁴⁾ Іер. 36, 7. 9. 29.

Иоакима и событий, соединенныхъ съ битвой при Кархемишѣ; теперь займемся частностями.

О нашествіи Навуходоносора въ царствованіе Иоакима на Палестину передаютъ и книги Царствъ и Паралипоменонъ. По четвертой книгѣ Царствъ, Навуходоносоръ покорилъ Иоакима и тотъ былъ вѣренъ ему три года, а потомъ отложился отъ него; тогда Господь наслалъ на Иоакима полчища халдеевъ, сирійцевъ, моавитянъ и аммонитянъ, которые должны были „погубить Иуду“. „Погубили“ ли они или нѣтъ,—объ этомъ не говорится; но упоминается о смерти Иоакима; слѣдующее, затѣмъ, нашествіе Навуходоносора на Иудею относится уже къ царствованію преемника Иоакима Іехоніа¹⁾. Во второй книгѣ Паралипоменонъ дѣлается еще прибавка, что Навуходоносоръ, при завоеваніи Іерусалима, заключилъ Иоакима въ оковы, чтобы отвести его въ Вавилонъ,—причемъ забралъ съ собою и часть сосудовъ изъ храма іерусалимскаго²⁾. Когда это было,—трудно опредѣлить, но, по всей вѣроятности, указанныя частности относятся къ первому нашествію Навуходоносора при Иоакимѣ, потому что другого нашествія собственно и не было: во второй разъ Иоакима тревожили только полчища подвластныхъ Вавилону народовъ; самъ же Навуходоносоръ явился къ Іерусалиму только въ третій мѣсяць Іехоніа. Что это такъ,—можно видѣть изъ слѣдующаго: Иоакимъ, по свидѣтельству книги Царствъ, умеръ въ Іерусалимѣ и погребенъ „съ отцами своими“³⁾; между тѣмъ, указанное мѣсто книги Паралипоменонъ говоритъ о намѣреніи Навуходоносора отвести Иоакима въ Вавилонъ; ясно, что Иоакимъ или не былъ отведенъ въ дѣйствительности, или долженъ былъ вернуться съ пути, а можетъ быть уже и изъ Вавилона, и затѣмъ снова сдѣлался царемъ въ Іерусалимѣ, гдѣ потомъ

¹⁾ 4 Цар. 24, 1—11.

²⁾ 2 Пар. 36, 5—10.

³⁾ 4 Цар. 24, 6.

и умеръ. Очевидно, указанное обстоятельство было въ первое нашествіе Навуходоносора, когда Иоакимъ былъ заключенъ въ оковы, но послѣ изъявленія своей покорности предъ Навуходоносоромъ былъ возвращенъ на царство, причемъ долженъ былъ дать клятву въ вѣрности; это-то и значитъ, что, вслѣдъ за тѣмъ, Иоакимъ 3 года былъ вѣренъ Навуходоносору, а потомъ отложился отъ него¹⁾. Если обратимъ вниманіе, теперь, на первые стихи книги Даніиловой, то увидимъ, что обстоятельства похода Навуходоносора по Даніилу сходны съ тѣми подробностями, какія передаетъ намъ книга Паралипоменонъ: и тамъ и здѣсь говорится о покореніи Иоакима, о плѣненіи священныхъ сосудовъ (не всѣхъ, а части ихъ); разница только въ томъ, что, по книгѣ Даніиловой, сосуды были переданы въ храмъ, „въ домъ бога“, частіе—„въ сокровищницу бога“ языческаго²⁾, а по книгѣ Паралипоменонъ,—они были оставлены „въ капищѣ“ (слав. „въ храмѣ царя“), т. е. въ царскомъ дворцѣ въ Вавилонѣ³⁾. Предпочтеніе въ данномъ случаѣ нужно отдать книгѣ Даніиловой, такъ какъ ея показаніе подтверждается вполне свидѣтельствами другихъ библейскихъ мѣстъ⁴⁾; впрочемъ, и показаніе книги Паралипоменонъ, что сосуды были отданы во дворецъ, не противорѣчитъ истинѣ: объясняется оно просто тѣмъ, что, по свидѣтельству даже клинообразныхъ надписей, дворецъ Набопалассара и Навуходоносора былъ выстроенъ въблизи храма или какъ-бы вокругъ его⁵⁾. Такимъ образомъ, и книга Даніилова передаетъ о томъ-же первомъ нашествіи Навуходоносора при Иоакимѣ, о какомъ говорится и въ книгѣ Паралипоменонъ; нашествіе же это, по книгѣ Іереміиной,

¹⁾ 4 Цар. 24, 1; 2 Пар. 36, 5.

²⁾ Дан. 1, 2.

³⁾ 2 Пар. 36, 7.

⁴⁾ Ср. 1 Эздр. 1, 7; 5, 14.

⁵⁾ Tiele C. P. Babylonisch-assyrische Geschichte. 2. Teil. S. 443.

не могло быть раньше 4-го года Иоакима. Итакъ, на основаніи библейскихъ данныхъ получаемъ такую комбинацію фактовъ: въ 4-й годъ Иоакима (который былъ и 1-мъ годомъ Навуходоносора) послѣдній пошелъ войною противъ фараона Нехао и разбилъ его при Кархемишѣ¹⁾; скоро послѣ того Навуходоносоръ двинулся на Іудею, взявъ Іерусалимъ, причемъ заключилъ Иоакима въ оковы, но, удовлетворившись, вѣроятно, покорностью его, возвратилъ его на царство, а самъ захватилъ сосуды изъ храма и плѣнниковъ²⁾. Иоакимъ былъ вѣрнъ Навуходоносору 3 года, потомъ отложился отъ него, терпѣлъ тревожныя нападенія со стороны сосѣднихъ мелкихъ народцевъ и среди этихъ превратностей судьбы умеръ, не испытавъ на себѣ вторичнаго нападенія Навуходоносора. Теперь вопросъ въ томъ, какъ расположить эти событія по годамъ царствованія Иоакима,—когда Навуходоносоръ первый разъ овладѣлъ Іерусалимомъ, откуда считать три года вѣрности Иоакима.

Обратимся за помощью къ свѣтскимъ историкамъ, такъ какъ у библейскихъ писателей касательно этого хронологическихъ датъ вовсе нѣтъ, а съ показаніемъ книги Даниловой, относящей первое нападеніе Навуходоносора къ 3-му году Иоакима, согласиться пока нельзя, въ виду противорѣчія его даннымъ книги Іереміиной.

Іосифъ Флавій передаетъ намъ объ этихъ событіяхъ такимъ образомъ. Въ четвертый годъ царствованія Иоакима, говоритъ онъ, Навуходоносоръ, получивъ самодержавную власть въ Вавилонѣ, отправился съ войскомъ къ Кархемишу, чтобы вступить въ битву съ фараономъ Нехао; здѣсь (при Кархемишѣ) фараонъ былъ совершенно разбитъ, а Навуходоносоръ (двигаясь, очевидно, за нимъ) завоевалъ всю Сирію до Пелузіума (въ Египтѣ), кромѣ одной только

¹⁾ Іер. 25, 1; 46, 1—2.

²⁾ 4 Цар. 24, 1; 2 Пар. 36, 5—7; Дан. 1, 1—3.

Іудеи; къ Іерусалиму же онъ подступилъ въ восьмой годъ Иоакима (или въ четвертый годъ самого Навуходоносора) и потребовалъ отъ него дани; Иоакимъ, дѣйствительно, заплатилъ дань и клятвенно обязался быть вѣрнымъ Навуходоносору; три года онъ исполнялъ свое обязательство, но потомъ нарушилъ клятву и отказалъ въ дани вавилонскому царю, надѣясь на поддержку себѣ со стороны египтянъ; надежда его обманула, а между тѣмъ Навуходоносоръ подступилъ къ Іерусалиму, взявъ городъ, многихъ жителей умертвилъ, приказалъ убить и самого Иоакима, на престолѣ іудейскій возвелъ Іехонію, а три тысячи знатныхъ гражданъ взялъ съ собою въ качествѣ плѣнниковъ¹⁾. Тотъ-же Флавій передаетъ намъ слѣдующій рассказъ халдейскаго историка Бероза (конца IV и начала III в. до Р. Хр.). Когда Набопалассаръ, отецъ Навуходоносора, услышалъ, что поставленный имъ въ Египтѣ, Келесиріи и Финикіи намѣстникъ отложился отъ него, то, будучи не въ состояніи, по причинѣ старости, лично двинуться противъ него, послалъ съ войскомъ сына своего Навуходоносора; послѣдній побѣдилъ отложившагося намѣстника и снова подчинилъ Вавилону все прежнія области (т. е. Египеть, Сирію и Финикію, намѣстникъ которыхъ думалъ было сдѣлаться независимымъ). Между тѣмъ, Набопалассаръ заболѣлъ и умеръ; а Навуходоносоръ, узнавши о смерти отца, поспѣшилъ окончить свои дѣла въ Египтѣ и другихъ отвоеванныхъ странахъ, поручилъ своимъ вѣрнымъ полководцамъ отправляться въ Вавилонъ со всею добычею, съ войскомъ и плѣнниками изъ іудеевъ, финикіянъ, сирійцевъ и египтянъ, а самъ съ небольшимъ отрядомъ поспѣшилъ въ Вавилонъ кратчайшимъ путемъ чрезъ пустыню и, прибывъ въ свою столицу, формально вступилъ на престолъ²⁾. Теперь

¹⁾ Іосифъ Флавій. Древности іудейскія. Переводъ Самуилова. Часть II. Стр. 142—144.

²⁾ І. Флавій. Древности іудейскія. Пер. Самуилова. Ч. II. Стр. 162—

вопросъ въ томъ, объ одномъ и томъ-же ли событіи говорятъ Флавій и Берозъ, или нѣтъ? Правда, Берозъ не упоминаетъ о Кархемишѣ, гдѣ, по Іосифу, была битва между Навуходоносоромъ и фараономъ Нехао, но онъ не называетъ и другого какого-либо мѣста, а только говоритъ, что Навуходоносоръ пошелъ противъ отложившагося „намѣстника“, вступилъ съ нимъ въ битву и побѣдилъ его; въ этомъ отношеніи молчаніе о самомъ мѣстѣ сраженія рѣшительно ничего не доказываетъ. Далѣе,—кто это за „намѣстникъ“, съ которымъ, по Берозу, Навуходоносоръ воевалъ по порученію своего отца? Берозъ говоритъ, будто этотъ „намѣстникъ“ былъ поставленъ Набопалассаромъ для управленія Египтомъ, Сиріей и Финикіей и что онъ будто измѣнилъ Вавилону. Нѣсколько раньше мы изложили ходъ событій этого времени на основаніи преимущественно библейскихъ историческихъ данныхъ и можемъ судить, что было тогда въ Египтѣ, Сиріи и Финикіи. Фараонъ Нехао, славившійся своими военными подвигами, покорялъ одну страну за другою и двигался постепенно къ сѣверовостоку, къ предѣламъ Вавилопа. Начавъ морскимъ путемъ, онъ высадился въ сѣверной части Палестины, здѣсь разбилъ войско Іосіи при Мегиддонѣ, прошелъ всю сѣверную Палестину, которую совершенно подчинилъ своей власти, затѣмъ, покорилъ Финикію и Сирію и направился къ берегамъ сѣвернаго Евфрата; весь этотъ путь отъ Египта до Кархемиша продолжался цѣлыхъ четыре года (609—605). Насколько Нехао успѣлъ подчинить себѣ завоеванныя имъ области,—это прекрасно видно изъ того, какъ самовольно-деспотически онъ обращался съ іудейскими царями Іоахазомъ и Іоакимомъ. Очевидно, Египетъ, Сирія и Финикія въ то время вовсе не были подчинены Набопалассару, который не могъ и назна-

163.—О древностяхъ іудейскихъ противъ Аппіана. Кн. I. Стр. 361—362.— Буквально тотъ-же рассказъ, заимствованный у Бероза, есть у *Евсевія* Кесарійскаго въ его „*Chroniconum canonum libri duo.*“ Lugduni. 1606. P. 40.

чить туда своего намѣстника; напротивъ, все это принадлежало фараону, который не только былъ вполнѣ независимымъ государемъ, но двинулся противъ самого Набопалассара ¹⁾ съ цѣлью завоевать и у него сѣверныя части его владѣній. Берозъ, въ данномъ случаѣ, допустилъ историческую неточность, назвавши фараона „намѣстникомъ“ вавилонскаго царя; можетъ быть, это была даже умышленная ошибка, допущенная халдейскимъ историкомъ изъ чувства національной гордости и пристрастія къ великому монарху, какимъ былъ Навуходоносоръ. Что этотъ „намѣстникъ“ есть именно Нехао и что здѣсь разумѣется та же самая битва при Кархемишѣ,—это видно и изъ самыхъ частныхъ обоихъ рассказовъ Іосифа и Бероза. По Іосифу, Нехао еще раньше овладѣлъ „всю Сирію“; это, конечно, общее названіе, такъ какъ здѣсь же говорится, что Навуходоносоръ отнялъ у него всю „Сирію отъ Евфрата до Пелузіума“; какъ видно, въ составъ этой Сиріи входила и Палестина, и Финикія, и Келесирія (нижняя Сирія) и т. д. Берозъ говоритъ частіе, что „намѣстнику“ Вавилона принадлежали Египетъ (собственное владѣніе фараона), Келесирія, Финикія и Іудея (потому что Навуходоносоръ взялъ въ плѣнъ и іудеевъ); конечно, области однѣ и тѣ же. Далѣе, по Іосифу, Навуходоносоръ, послѣ пораженія фараона, переправился черезъ Евфратъ, т. е. перешелъ границы своихъ владѣній, и покорилъ „всю Сирію даже до Пелузіума“, кромѣ только одной Іудеи; по Берозу же, Навуходоносоръ отвоевалъ всѣ „отложившіяся“ отъ него области, т. е. Египетъ, Келесирію и Финикію; въ числѣ же плѣнниковъ его, кромѣ египтянъ, сирійцевъ и финикіянъ, мы видимъ и іудеевъ;—слѣдовательно, былъ Навуходоносоръ

¹⁾ По 4 Цар. 23, 29.—„противъ царя ассирійскаго“. Ассирія во время выступленія Нехао въ походъ еще не была завоевана и берега сѣвернаго Евфрата могли еще по прежнему считаться владѣніемъ ассирійскаго царя, хотя фактически они принадлежали Набопалассару, который задолго передъ тѣмъ объявилъ себя независимымъ царемъ вавилонскимъ.

и въ Иудеѣ и ее тоже подчинилъ своей власти. Завоевавшая область у Иосифа и Бероза указаны однѣ и тѣже; разница только въ Иудеѣ: по Берозу, Навуходоносоръ былъ и тамъ, а по Иосифу, покорилъ все, кромѣ Иудеи, куда онъ предпринялъ особый походъ чрезъ 4 года (въ восьмой годъ Иоакима). Объ этой разницѣ мы скажемъ нѣсколько впереди; пока же считаемъ себя вправѣ признать, что походъ, описываемый у Бероза, есть тотъ-же самый походъ, о какомъ говоритъ Иосифъ Флавій, такъ какъ исторически извѣстенъ только одинъ такой грандіозный походъ Навуходоносора противъ Египта, Сирии, Финикіи и Палестины вмѣстѣ,—именно походъ, слѣдовавшій за битвой при Кархемишѣ. Выходитъ, такимъ образомъ, что походъ этотъ Навуходоносоръ началъ при жизни своего отца, когда самъ не былъ еще царемъ, а уже въ Египтѣ, куда онъ направился слѣдомъ за фараономъ, получилъ извѣстіе о смерти отца и, закончивъ свои дѣла, поспѣшно возвратился въ Вавилонъ, гдѣ и занялъ престолъ. Такъ передаетъ Берозъ. Не противорѣчитъ ему и рассказъ Флавія: онъ относитъ битву при Кархемишѣ къ 4-му году Иоакима и въ тоже время говоритъ, что особый походъ на Иудею былъ въ 8-й годъ Иоакима, или, что тоже, четвертый годъ самого Навуходоносора; значитъ, битва при Кархемишѣ (въ четвертый годъ Иоакима) была или въ началѣ перваго года Навуходоносора, или даже незадолго до вступленія его на престолъ, т. е. при жизни еще Набопалассара, какъ и говоритъ Берозъ. Навуходоносоръ, говоритъ Иосифъ, при отправленіи въ походъ „получилъ самодержавную власть въ Вавилонѣ“; очень возможно, что здѣсь разумѣется полномочіе, данное ему отцомъ, въ видѣ полнѣйшей, самодержавной власти надъ войскомъ и побѣжденными областями, такъ какъ самъ-то Набопалассаръ былъ старъ и боленъ и хотѣлъ еще при жизни сдѣлать сына своимъ соправителемъ. Рассказъ Флавія почти буквально подтверждаетъ библейскія показанія: по Флавію и по Библии, битва при Кархемишѣ была въ четвертый годъ Иоакима;

Флавій говоритъ, что Навуходоносоръ покорилъ все, кромѣ Иудеи, которая была подчинена Вавилону только въ 8-й годъ Иоакима; и по книгѣ Іереміи, какъ мы видѣли, выходитъ, что не только въ 4-й, но даже и въ 5-й годъ Иоакима Іерусалимъ еще не былъ завоеванъ вавилопцями,—слѣдовательно, нашествіе Навуходоносора нужно отнести, повидимому, къ болѣе позднему времени (можетъ быть, и къ 8-му году Иоакима). На этомъ рассказѣ Флавія можно было-бы и остановиться, принявъ его за вполне точный и достовѣрный историческій рассказъ, еслибы вообще показаніямъ Флавія можно было вполне довѣрять. Между тѣмъ, въ этомъ же самомъ рассказѣ Флавій допускаетъ такіа погрѣшности, которыя явно противорѣчатъ библейскимъ свидѣтельствамъ. Такъ, о концѣ жизни Иоакима онъ говоритъ, что Навуходоносоръ въ 11-й годъ этого государя взялъ Іерусалимъ, умертвилъ знатныхъ жителей его, предалъ самого Иоакима смерти, а тѣло его велѣлъ выбросить безъ погребенія за городъ, на престолъ возвелъ Іехонію, а три тысячи челоуѣкъ отвелъ въ плѣнъ въ Вавилонъ. Но послѣднія событія, по книгѣ Царствъ ¹⁾, были уже въ третій мѣсяцъ Іехоніи, между тѣмъ при Иоакимѣ въ 11-й годъ его царствованія Навуходоносоръ вовсе не былъ въ Іерусалимѣ, только сосѣдніе народцы дѣлали тревожные набѣги на Иудею; а уже въ царствованіе Іехоніи Навуходоносоръ прибылъ подъ Іерусалимъ, когда его войско осаждало городъ, и тогда-то взялъ его и забралъ съ собою, кромѣ самого Іехоніи, десять тысячъ плѣнниковъ ²⁾. Очевидно, самъ Флавій смѣшалъ два факта. Собственно говоря, онъ воспроизводилъ исторію своего народа на основаніи библейскихъ книгъ, причѣмъ, конечно, какъ историкъ, сопоставлялъ различныя библейскія мѣста и располагалъ ихъ въ связномъ историческомъ рассказѣ. Такъ и здѣсь: вѣроятно, онъ вычиталъ у Іереміи ³⁾ пророчество о томъ, что Иоакимъ будетъ

¹⁾ 4 Цар. 24, 2. 11—16; 2 Пар. 36, 5. 10.

²⁾ По Іер. 52, 28, плѣнныхъ было не 10000, а 3023.

³⁾ Іер. 22, 18—19.

погребень „ослинымъ“ погребеніемъ, а рассказъ книги Царствъ о полчищахъ халдеевъ, сирійцевъ, моавитянъ и аммонитянъ, тревожившихъ Іудею, навелъ его на мысль, что подъ халдеями разумѣется самъ Навуходоносоръ, который пришелъ къ Іерусалиму, взялъ его и самъ лично предалъ Іоакима смерти и „ослиному“ погребенію; но такъ какъ о такомъ нападеніи Навуходоносора въ 11-й годъ Іоакима Библия ничего не говоритъ, то Флавій присоединилъ сюда же рассказъ о плѣненіи народа при Іехоніи (по книгѣ Іереміиной), а затѣмъ вторично передаетъ (по книгѣ Царствъ ¹⁾) объ отведеніи въ плѣнъ самого Іехоніи съ семействомъ и 10000 народа. Такого же рода ошибку онъ допустилъ и въ рассказѣ о первомъ нашествіи Навуходоносора при Іоакимѣ: изъ показанія книги Царствъ о томъ, что Іоакимъ былъ вѣренъ Навуходоносору три года, а потомъ отложился отъ него,—Іосифъ вывелъ, что это были три послѣдніе года царствованія Іоакима, закончившіеся смертію его, а слѣдовательно, первое нашествіе Навуходоносора на Іерусалимъ было въ 8-мъ году Іоакима; въ этихъ видахъ Флавій и прибавляетъ, что Навуходоносоръ, послѣ битвы при Кархемишѣ, покорилъ все до Пелузіума, кромѣ Іудеи, куда онъ предпринялъ особый походъ чрезъ четыре года послѣ того. Между тѣмъ, на основаніи даже чисто-теоретическихъ соображеній, легко видѣть, что такого рода дѣйствія Навуходоносора были-бы какъ-то странны. Въ самомъ дѣлѣ, почему онъ не коснулся Іудеи, если покорилъ „всю Сирію до Пелузіума“? Вѣдь Навуходоносоръ шелъ слѣдомъ за фараономъ, который, естественно, спѣшилъ въ свои наслѣдственные владѣнія; во время этого-то преслѣдованія вавилонскій царь покорялъ постепенно тѣ области, чрезъ которыя проходилъ и которыя прежде были подвластны фараону; только въ этихъ-

¹⁾ 4 Цар. 24, 11—16.

то завоеванійхъ и могла состоять цѣль того большого похода, который послѣдовалъ за битвой при Кархемишѣ. И Навуходоносоръ, дѣйствительно, завоевалъ не только Сирію, Финикію и другія сосѣднія области, но коснулся и египетскихъ владѣній; странно, во всякомъ случаѣ, что онъ не затронулъ Іудеи, если вѣрить Іосифу. Сама Іудея, послѣ пораженія фараона, очутилась совершенно въ такомъ же положеніи, въ какомъ и сосѣднія ей государства; путь въ нее былъ открытъ; почему же Навуходоносоръ покорилъ Сирію, Финикію, филистимскіе города, области моавитянъ, аммонитянъ, Идумею, сѣверную Аравію и даже небольшую сѣверо-восточную часть Египта, а одну только Іудею оставилъ въ покоѣ? Если прослѣдить по картѣ путь, какой долженъ былъ избрать Навуходоносоръ, тогда будетъ ясно, могъ ли и долженъ ли онъ былъ пройти сквозъ Палестину. Въ этомъ-то отношеніи мѣстоположеніе Кархемиша, которое мы съ точностью опредѣлили, имѣетъ для насъ существенное значеніе. Еслибы Кархемишъ лежалъ на мѣстѣ Цирцезіума, при впаденіи Ховара въ Евфратъ, тогда направленіе пути Навуходоносора было-бы совершенно иное: тогда онъ прошелъ-бы заіорданскою страню, завоевалъ-бы моавитянъ, аммонитянъ, филистимлянъ, идумеевъ, аравитянъ и дошелъ-бы до Египта, не касаясь владѣній Іоакима. Но если Кархемишъ лежалъ гораздо сѣвернѣе, на мѣстѣ нынѣшняго Джерабисъ-Европосъ, тогда направленіе пути должно значительно измѣниться. Замѣтимъ, что фараонъ Нехао, послѣ пораженія при Кархемишѣ, „бѣжалъ не оглядываясь“, какъ выражается пророкъ Іеремія¹⁾; естественно, путь онъ долженъ былъ избрать самый близкій, чтобы поскорѣе добраться до Египта, гдѣ, конечно, чувствовалъ-бы себя безопаснѣе; между тѣмъ, Іудея-то именно и лежала на пути въ Египетъ и миновать ее было довольно мудрено, если имѣлось въ виду, разумѣется, идти ближайшимъ и самымъ

¹⁾ Іер. 46, 5.

удобнымъ путемъ. Конечно, и Навуходоносоръ тоже не медлилъ, а преслѣдовалъ фараона шагъ за шагомъ, чтобы не дать ему возможности получать подкрѣпленія, а поскорѣе загнать въ Египетъ; можетъ быть, подвластные фараону народы, чрезъ области которыхъ Навуходоносоръ шелъ, оказывали ему сопротивление, слѣдствіемъ чего было завоеваніе и этихъ земель. Долженъ былъ Навуходоносоръ пройти и чрезъ Іудею и покорить ее своей власти, такъ какъ—мало того, что она лежала на пути, но и едвали въ его интересахъ было оставить фараону хоть одно подвластное государство, тогда какъ всего естественнѣе было совершенно обезсилить фараона, чтобы отнять у него возможность вредить Вавилону и на дальнѣйшее время. Если даже Навуходоносоръ на этотъ разъ не тронулъ Іудей, то чего онъ приходилъ сюда чрезъ 4 года? Неужели, послѣ пораженія фараона, послѣ завоеванія Сиріи, Финикіи, областей моавитянъ, аммонитянъ, идумеевъ, аравитянъ и т. д., Іудея, данница Египта, могла представлять для вавилонскаго монарха такой интересъ, что ради нея онъ сталъ-бы снаряжать новый походъ изъ Вавилона? Послѣднее, во всякомъ случаѣ, нѣсколько странно; между тѣмъ какъ нѣтъ ничего естественнѣе предположить, что и Іудея вмѣстѣ съ сосѣдними ей землями была завоевана вслѣдъ за битвой при Кархемишѣ, а не потомъ уже и совершенно отдѣльно. Вотъ почему мы безусловно отдаемъ предпочтеніе Берозу, по разсказу котораго Навуходоносоръ, проходя вслѣдъ за фараономъ Сирію и Финикію, былъ и въ Палестинѣ и завоевалъ іудейское царство (главнымъ образомъ, вѣроятно, Іерусалимъ), потому что забралъ оттуда плѣнниковъ и притомъ гораздо больше, чѣмъ, напр., изъ Сиріи, Финикіи или Египта ¹⁾.

¹⁾ Такъ можно думать на основаніи того, что Берозъ ставитъ іудейскихъ плѣнниковъ на первомъ мѣстѣ, а потомъ уже говоритъ о финикійскихъ, сирійскихъ и египетскихъ.

Разсказъ Бероза, слѣдовательно, есть воспроизведеніе того похода Навуходоносора, о какомъ говоритъ, повидимому, и писатель 4-ой книги Царствъ ¹⁾, что царь вавилонскій отнялъ у фараона всѣ области „отъ потока египетскаго до рѣки Евфрата“. Этотъ же походъ, по Іереміи ²⁾, Флавію и Берозу, былъ послѣ битвы при Кархемишѣ, въ четвертый годъ царствованія Іоакима ³⁾. Какъ же согласить съ этимъ свидѣтельство книги Данииловой ⁴⁾, что уже въ 3-й годъ Іоакима Іерусалимъ былъ взятъ Навуходоносоромъ? Видимое здѣсь затрудненіе довольно легко сгладить путемъ филологическаго объясненія текста. Мѣсто книги Данииловой читается такъ: „въ третій годъ царствованія Іоакима, царя іудейскаго, при-

¹⁾ 4 Цар. 24, 7.

²⁾ Іер., гл. 25; 46—49.

³⁾ Іер. 46, 2.—Что мы говорили объ ошибочности разсказа Іосифа Флавія, тоже самое должны сказать и о другихъ историкахъ, относящихъ первое нашествіе Навуходоносора на Іерусалимъ только къ 8-му году Іоакима. Такими, напр., Эвальдъ (*Geschichte des Volkes Israel*. III. Band. 3. Ausgabe. Göttingen. 1866. S. 783—794), Штаде (*Geschichte des Volkes Israel*. I. Band. 1877. S. 678—681), Веберъ (*Geschichte des Volkes Israel*. I. Band S. 355), Кнобель (*Der Prophetismus der Hebräer*. II. Theil. S. 228), Тиле (*Babylonisch-assyrische Geschichte*. 2. Teil. S. 425, 439, 441), Менанъ (*Babylone et la Chaldée*. P. 225), Ленорманъ (*Руководство въ древней исторіи востока*. Переводъ И. Каманина. Томъ I, выпускъ 2. Стр. 396), Дункеръ (*Geschichte des Alterthums*. I. Band. 3. Auflage. Berlin. 1863. S. 328), Мейеръ (*Geschichte des Alterthums*. I. Band. Stuttgart. 1884. S. 579) и другіе. Всѣ они, очевидно, или прямо опираются на Флавія, или руководятся тѣмъ-же соображеніемъ, каковымъ, повидимому, руководился и Флавій: камнемъ претенвенія для нихъ служить то, что, по 4 Цар. 24, 1, Іоакимъ былъ вѣрненъ Навуходоносору 3 года; слѣдовательно, заключаютъ, это были три послѣдніе года его царствованія, а начало этой покорности и самый походъ на Іерусалимъ нужно отнести къ 8-му году Іоакима. Но вѣдь нигдѣ не говорится, что Навуходоносоръ пошелъ вторично на Іудею сейчасъ же послѣ того, какъ Іоакимъ отложился отъ него. Напротивъ, на основаніи 4 Цар. 24, 2, нужно предположить, что Навуходоносоръ наказалъ Іоакима совершенно иначе, прежде чѣмъ лично пошелъ противъ него; сколько же времени прошло отъ „отреченія“ Іоакима до вторичнаго похода Навуходоносора на Іерусалимъ (при Іехоніи), изъ библейскихъ мѣстъ этого не видно.

⁴⁾ Дан. 1, 1.
Св. пророкъ Данииль.

шелъ Навуходоносоръ, царь вавилонскій, къ Иерусалиму и осадилъ его“; „пришелъ“— בָּרַח (греч.— $\eta\lambda\theta\epsilon$, лат.—*venit*). Глаголъ בָּרַח , употребленный здѣсь, прежде всего значить „приходить, входить“ ($\epsilon\rho\chi\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$, *venire*); но имѣть и другое значеніе—просто „идти, отправляться, собираться“ (πορεύεσθαι , $\beta\alpha\delta\acute{\iota}\zeta\epsilon\iota\upsilon$), хотя, правда, въ этомъ послѣднемъ смыслѣ употребляется гораздо рѣже¹⁾. Если предположить въ греческой, латинской и нашихъ (славянской и русской) Библияхъ нѣкоторую неточность перевода слова בָּרַח и принять его въ смыслѣ не „пришелъ“, а „отправился, выступилъ“,—тогда смыслъ а нваго мѣста книги Данииловой значительно измѣнится, въ пользу именно установленныхъ нами доселѣ хронологическихъ датъ; тогда Дан. 1, 1 нужно будетъ перевести такъ: „въ третій годъ царствованія Іоакима... выступилъ (отправился, т. е. изъ Вавилона) Навуходоносоръ къ Иерусалиму (не прямо къ Иерусалиму, потому что походъ былъ направленъ собственно противъ фараона Нехао) и осадилъ его“ (не сейчасъ, конечно, потому что путь, которымъ шелъ Навуходоносоръ отъ Вавилона до Иерусалима былъ далеко не близкій). Само собою понятно, что Навуходоносоръ могъ отправиться къ Кархемишу еще въ 3-мъ году царствованія Іоакима, а дойти до него и вступить въ битву съ фараономъ уже въ 4-мъ году Іоакима (въ началѣ его), такъ какъ и до Кархемиша отъ Вавилона разстояніе было не незначительно. А если пророкъ Даниилъ не говоритъ ни о Кархемишѣ, ни о фараонѣ, ни о покореніи Навуходоносоромъ другихъ народовъ, то и это есьма естественно: пророку нужно было отмѣтить только одинъ фактъ, имѣвшій значеніе для іудейскаго народа, а въ частности и для него—Даниила, одного изъ первыхъ по времени плѣнниковъ іудейскихъ,—извѣстный походъ Навуходоносора, сопровождавшійся, между прочимъ, осадой и взяті-

¹⁾ Gesenius W. Hebräisches und chaldäisches Handwörterbuch über das Alte Testament. 9. Aufl. Leipzig. 1883. S. 95—96.

емъ Иерусалима,—чтобы вслѣдъ затѣмъ перейти къ внутренней жизни Вавилона; о военныхъ подвигахъ и завоеваніяхъ Навуходоносора онъ вообще ни слова не говоритъ; поэтому, онъ и выражается такъ, какъ будто походъ Навуходоносора былъ направленъ прямо на Іудею. Можно думать, что въ книгѣ Данииловой отмѣчено именно начало похода на Иерусалимъ (а не результаты его) и это потому, что писатель книги былъ лицо, жившее въ Вавилонѣ и писавшее тамъ же: на все, естественно, онъ могъ и даже долженъ былъ смотрѣть съ точки зрѣнія вавилонскаго жителя; и вотъ почему онъ отмѣчаетъ именно выступленіе Навуходоносора изъ Вавилона, хотя хронологически опредѣляетъ его по палестинской эрѣ; послѣднее объясняется просто тѣмъ, что дѣло касалось собственно Палестины; притомъ же самъ Навуходоносоръ въ то время еще не вступилъ и на престолъ и не имѣлъ, такъ сказать, своей эры. А что слово בָּרַח дѣйствительно употребляется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ветхаго завѣта въ смыслѣ именно „отправляться, выступать“,—объ этомъ лучше всего говорить слѣдующій примѣръ: пророкъ Іона прибылъ въ Іоппію и нашелъ здѣсь корабль, „отправлявшійся“ (снаряженный) בָּרַח ($\beta\alpha\delta\acute{\iota}\zeta\omicron\nu$, *abeuntem*) въ Фарсисъ¹⁾. Возможно, что въ этомъ же смыслѣ употреблено слово בָּרַח и въ Дан. 1, 1; а въ такомъ случаѣ, всякое противорѣчіе между показаніями пророка Даниила и другими библейскими историческими свидѣтельствами, конечно, исчезаетъ²⁾. Можетъ, пожалуй, возбудить сомнѣніе

¹⁾ Іон. 1, 3. Ср. еще Быт. 37, 10; 45, 17; Исх. 6, 11; 9, 1; 10, 1; Числ. 32, 6; 1 Цар. 20, 19; 4 Цар. 5, 5; Ис. 7, 24; 22, 15; Дан. 11, 13. 17. 28.

²⁾ Объясняютъ „третій годъ Іоакима“ и иначе. Кляфотъ, напр., допускаетъ разный счетъ годовъ у пророковъ Іеремія и Даниила: Іоакимъ, говоритъ онъ, вступилъ на престолъ въ концѣ календарнаго года и Іеремія считаетъ годы по календарю, а Даниилъ—со дня дѣйствительнаго вступленія Іоакима на престолъ, такъ что, по Іереміи, начало 4-го (календарнаго) года Іоакима совпадало съ концомъ 3-го дѣйствительнаго года его царствованія, по счету Даниила (*Kliefoth*. Das Buch Daniels. S. 65—66). Гипотеза довольно искусственная, согласиться съ которою трудно.

еще то, что пророкъ Данилъ называетъ Навуходоносора „царемъ вавилонскимъ“ по отношенію еще къ 3-му году царствованія Іоакима. Но вѣдь и пророкъ Іеремія называетъ его „царемъ“, говоря о битвѣ при Кархемишѣ, бывшей въ 4 году того-же Іоакима¹⁾, когда онъ (Навуходоносоръ), если вѣрить Берозу (а не вѣрить ему нѣтъ основаній), еще не вступилъ на престолъ. Конечно, и пророкъ Данилъ называетъ Навуходоносора „царемъ вавилонскимъ“ именно потому, что его читатели только и знали Навуходоносора, какъ царя: тотъ самый Навуходоносоръ, который былъ царемъ вавилонскимъ, разбилъ фараона при Кархемишѣ,—вотъ что это значитъ,—а вовсе не то, что Навуходоносоръ побѣдилъ, именно какъ *царя* вавилонскій. Такъ вообще выражаются и на литературномъ языкѣ: императоръ Петръ Великій родился тамъ-то, въ дѣтствѣ занимался тѣмъ-то и т. д., хотя, конечно, при рожденіи или въ дѣтствѣ онъ не былъ еще императоромъ. Замѣчательно же, что Іосифъ Флавій въ указанномъ нами разказѣ своемъ о битвѣ при Кархемишѣ выражается такимъ образомъ: „*никто* по имени Навуходоносоръ, получивъ самодержавную власть въ Вавилонѣ..., пошелъ противъ египетскаго *царя* Нехао“,—а уже послѣ битвы при Кархемишѣ называетъ его „царемъ вавилонскимъ“; на нашъ взглядъ, это служить только подтвержденіемъ разказа Бероза, что предъ битвой при Кархемишѣ Навуходоносоръ еще не былъ царемъ, а только „получилъ самодержавную власть“ или важныя полномочія отъ отца и уже послѣ битвы (когда отецъ его умеръ) сталъ дѣйствительнымъ царемъ.

Прослѣдимъ теперь весь путь Навуходоносора параллельно съ исторіей Іоакима, чтобы свести къ одному сдѣланнѣе нами выводы.

Въ третій годъ Іоакима (именно въ концѣ этого года) Навуходоносоръ, по порученію отца, выступилъ съ войскомъ

изъ Вавилона къ Кархемишу, куда направлялся и фараонъ Нехао. Чтобы дойти до Кархемиша, Навуходоносору требовалось приблизительно мѣсяца два¹⁾; эти два мѣсяца приходились на самый конецъ 3-го и, пожалуй, начало 4-го года Іоакима, такъ что прибылъ къ Кархемишу и вступилъ въ битву съ фараономъ Навуходоносоръ уже въ началѣ четвертаго года Іоакима; такъ говоритъ и пророкъ Іеремія²⁾, который, затѣмъ, обличаетъ іудеевъ въ нечестіи и грозитъ имъ и окрестнымъ народамъ подчиненіемъ новому завоевателю, указывая и самую продолжительность вавилонскаго плѣна³⁾. Какъ долго продолжалась битва при Кархемишѣ,—трудно сказать, но, во всякомъ случаѣ, она не могла быть продолжительною. Это не была правильная война, которую бы вели, напр., два государства на границѣ своихъ владѣній: Нехао сдѣлалъ рѣшительный натискъ, Навуходоносору пришлось отразить его и первая битва должна была окончить все; о какихъ-либо частыхъ нападеньяхъ и отступленіяхъ историки ничего не говорятъ; по всей вѣроятности, одною

¹⁾ Интересенъ вопросъ, съ какою скоростью ходилъ въ то время войска при военныхъ походахъ. На основаніи Анавасиса Ксенофонта это можно опредѣлить, думаемъ, съ достаточною точностью. Тамъ описывается походъ Кира младшаго, начатый изъ Сарды (въ малой Азій) и направляющійся постепенно къ Евфрату и дальше. Если прослѣдимъ по картѣ хоть часть этого похода и вычислимъ разстояніе или протяженіе пути по масштабу, то получимъ довольно точныя данныя. Напр., Киръ двигается изъ Сарды чрезъ Мидію, Фригію (г.г. Колоссы, Келайны, Пельты, Калестру, Эмбрионъ, Тиріайонъ, Иконіонъ), Ликаонію, Каппадокію, Киликію (Тарсъ), Иссы, Мириандръ и достигаетъ рѣки Аракса (*Ксенофонтъ*. Анавасисъ. Переводъ Тимошенко. Выпускъ 1. Изданіе 2. Кіевъ. 1879. Стр. 8—37). Разстояніе это, по масштабу, равняется приблизительно 6200 стадіямъ или около 207 парасаговъ (парасагъ=30 стадіямъ). Въ день проходили отъ 4 до 10 парасаговъ, т. е. отъ 20 до 45 верстъ (парасагъ= отъ $\frac{2}{3}$ до $\frac{3}{5}$ геогр. миль); слѣд., еслибы идти безрешительно, то весь путь можно было-бы окончить максимумъ въ 50 дней. Теперь, отъ Вавилона до Кархемиша приблизительно 6000 стадій; слѣд., двухъ мѣсяцевъ для Навуходоносора было вполне достаточно.

²⁾ Іер. 46, 2; 25, 1.

³⁾ Іер., гл. 25.

¹⁾ Іер. 46, 2.

только грандіозною битвою дѣло и ограничилося. Перевѣсъ оказался на сторонѣ Навуходоносора и фараонъ, потерявъ не мало войска, долженъ былъ поспѣшно отступить назадъ и двигаться къ предѣламъ своего государства, тѣмъ болѣе, что Навуходоносоръ преслѣдовалъ его по пятамъ, задавшись цѣлью отнять у него завоеванныя имъ раньше области. Вслѣдъ за фараономъ онъ прошелъ Сирію, Финикію, Іудею, области сосѣднихъ съ іудеями народовъ—филистимлянъ, моавитянъ, аммонитянъ, идумеевъ и др. и подошелъ къ Египту. Сколько времени продолжался этотъ походъ? Определить хотя-бы приблизительно, конечно, нельзя, но можно думать, что чрезъ 4—5 мѣсяцевъ онъ былъ оконченъ¹⁾. Въ Египтѣ Навуходоносоръ узналъ о смерти отца и поспѣшно (чрезъ пустыню) возвратился въ Вавилонъ, какъ сообщаетъ Берозъ. Когда это было? Нужно замѣтить, что для опредѣленія хронологіи даннаго періода, кромѣ извѣстнаго птолемеевского канона²⁾, большое значеніе имѣютъ недавно открытыя контрактныя таблички или нотаріальные документы, помѣченные точными датами царствованія вавилонскихъ государей; табличекъ этихъ довольно много, такъ что время царствованія каждаго государя можно опредѣлить съ приблизительною точностью³⁾. На этихъ табличкахъ самая ранняя помѣченная дата изъ царствованія Навуходоносора есть 20 тисри 605 года, года его вступленія на престолъ⁴⁾. Тисри соотвѣтствуетъ

¹⁾ Отъ Кархемиша до Іерусалима приблизительно 5500 стадій, а отъ Іерусалима (чрезъ Газу) до Пелузіума—около 1500, всего 7000 стадій. На это путешествіе при быстромъ, безпрепятственномъ походѣ одного мѣсяца было болѣе чѣмъ достаточно; а несомнѣнно, Навуходоносоръ, какъ и фараонъ, не медлилъ. Если же принять во вниманіе завоеваніе различныхъ городовъ, болѣе или менѣе продолжительную осаду (Дан. 1, 1) ихъ и другія затрудненія,—то, во всякомъ случаѣ, въ теченіе 4—5 мѣсяцевъ можно было, кажется, дойти до Египта, поворота въ тоже время одну страну за другую.

²⁾ См. о немъ, напр., у Менана—*Babylone et la Chaldée*. P. 288—290.

³⁾ См. у Тиле—*Babylonisch-assyrische Geschichte*. 1. Teil, S. 21; 2. Teil, S. 419.

⁴⁾ *Ibid.*, 2. T., S. 423.

нашему концу сентября и началу октября¹⁾; слѣдовательно, Навуходоносоръ вступилъ на престолъ не позже начала октября (по нашему счету) 605 года. Библейскія данныя даютъ возможность опредѣлить время того-же событія еще точнѣе. Іерусалимъ впослѣдствіи былъ взятъ въ 4-й мѣсяцъ въ 9-ый день мѣсяца 11-го года Седекіи,—въ 18-ый годъ царствованія Навуходоносора²⁾, а 5-й мѣсяцъ 7-й (10-й) день мѣсяца того-же 11-го года Седекіи былъ уже не 18-мъ, а 19-мъ годомъ Навуходоносора³⁾; слѣдовательно, конецъ одного и начало другого года его царствованія, равнымъ образомъ и вступленіе его на престолъ приходились между 10-мъ днемъ 4-го мѣсяца (іюнь—іюль) и 7-мъ (10-мъ) днемъ 5-го мѣсяца (іюль—августъ),—по нашему счету, между іюнемъ и августомъ 605 года. Набопалассаръ-же умеръ, нужно думать, тремя-четырьмя мѣсяцами раньше⁴⁾. Такимъ образомъ, выходитъ, что битва при Кархемишѣ была въ началѣ 4-го года Іоакима, а во вторую половину того-же 4-го года Навуходоносоръ успѣлъ побывать въ Іерусалимѣ, дойти до Египта и формально вступить на престолъ по смерти отца; четвертый годъ Іоакима былъ первымъ годомъ Навуходоносора, какъ и говоритъ пророкъ Іеремія⁵⁾, но не совпадалъ съ нимъ вполне, потому что первый годъ Навуходоносора начался уже въ концѣ 4-го года Іоакима и продолжался, за тѣмъ, въ первую половину 5-го его года⁶⁾.

¹⁾ *Tiele*. 2. T. S. 421.

²⁾ 4 Цар. 25, 3; Іер. 39, 2; 52, 5—6; ср. Іер. 52, 29.

³⁾ 4 Цар. 25, 8; Іер. 52, 12.

⁴⁾ Полтора или двухъ мѣсяцевъ вполне достаточно, чтобы вѣстники могъ привести Навуходоносору изъ Вавилона даже въ Пелузіумъ печальную вѣсть о смерти его отца. Столько же приблизительно времени нужно было для возвращенія Навуходоносора кратчайшимъ путемъ въ Вавилонъ.

⁵⁾ Іер. 25, 1.

⁶⁾ Что этотъ счетъ вѣренъ,—легко видѣть, кромѣ указаннаго нами при мѣра объ 11-мъ годѣ Седекіи, совпадавшемъ съ 18—19-мъ годомъ Навуходоносора,—еще изъ слѣдующаго. Въ Іер. 52, 28 указывается на выселеніе іудеевъ

Противъ нашего вывода,—что уже въ четвертый годъ царствованія Іоакима Навуходоносоръ былъ въ Іерусалимѣ и завоевалъ его,—говорить, повидимому, одно обстоятельство, имѣвшее мѣсто въ 5-мъ году Іоакима; это—общенародный постъ, назначенный, очевидно, съ цѣлью умолить Господа въ виду угрожающей опасности нашествія Навуходоносора. Обстоятельства дѣла таковы. Въ 4-й годъ Іоакима Богъ велѣлъ пророку Іереміи записать всѣ рѣчи, сказанныя имъ со времени еще Іосіи (въ теченіе 23 лѣтъ), всѣ угрожающія пророчества о разрушеніи іудейскаго царства и Іерусалима царемъ вавилонскимъ; эти рѣчи пророкъ долженъ былъ прочесть публично предъ народомъ, чтобы напомнить ему, чѣмъ Іегова угрожаетъ нечестивцамъ, и побудить его къ нравственному исправленію, раскаянію и молитвѣ о спасеніи царства, Іерусалима и храма. По порученію пророка, записалъ и прочелъ народу эти рѣчи ученикъ Іереміи—Варухъ. Онъ воспользовался большимъ стеченіемъ народа по случаю назначеннаго въ девятый мѣсяць 5-го года Іоакима общенароднаго поста и прочелъ свой свитокъ сначала народу, потомъ особо князьямъ; тѣ ужаснулись, что такія грозныя предсказанія были прочтены публично, такъ какъ за это на Іеремію и Варуха царь могъ воздвигнуть сильное гоненіе. Дѣйствительно, когда потомъ и царю читали тотъ-же сви-

въ 7-й годъ Навуходоносора. Обыкновенно принимаютъ, что здѣсь разумѣется плѣненіе при Іехоніи—то самое, которое въ 4 Цар. 24, 12 помѣчено 8-мъ годомъ Навуходоносора, такъ какъ при Іоакимѣ было только одно плѣненіе—въ 4-й годъ Іоакима—1-й годъ Навуходоносора. Во всякомъ случаѣ, 7-й годъ Навуходоносора долженъ быть (по Іер. 52, 28) 11-мъ годомъ Іоакима, потому что три мѣсяца царствованія Іехоніи можно безъ натяжки приложить къ 11 годамъ Іоакима и сказать, что второе переселеніе іудеевъ было въ 3-ій мѣсяць Іехоніи или, что тоже, въ 11-ый годъ Іоакима (по смерти его, конечно). Но если (по Іер. 25, 1) первый годъ Навуходоносора былъ четвертымъ годомъ Іоакима, то, предположивши, что начало годовъ того и другого совпадаютъ, получаемъ такой выводъ, что 7-ой годъ Навуходоносора долженъ быть только 10-мъ годомъ Іоакима; слѣдовательно, первый годъ Навуходоносора приходился въ 4-мъ и 5-мъ году Іоакима, т. е. начался въ концѣ 4-го и продолжался черезъ половину 5-го года его царствованія.

токъ, онъ отрѣзывалъ отъ него по куску и бросалъ въ огонь, пока не сжегъ всего свитка; Іеремію же и Варуха велѣлъ схватить, но они скрылись. Тогда пророкъ Іеремія, по повелѣнію Господа, пишетъ другой свитокъ, гдѣ повторяетъ прежнія рѣчи и присоединяетъ еще новыя; Іоакиму же предсказываетъ наказаніе ему лично и тѣ бѣдствія, какими угрожаетъ Богъ Іерусалиму и всему царству¹⁾. Повидимому, эти обстоятельства говорятъ, что въ то время (въ 5-ый годъ Іоакима) Іудея еще не испытала нашествія Навуходоносора²⁾, такъ какъ все здѣсь (постъ, рѣчи пророка Іереміи) было направлено именно къ тому, чтобы побудить народъ, такъ сказать, отвратить наступающее бѣдствіе. Но вотъ вопросъ,—по какому случаю въ девятый мѣсяць пятого года Іоакима былъ назначенъ этотъ постъ? Въ книгѣ Іереміиной объ этомъ не говорится ни слова; нѣтъ даже данныхъ сдѣлать по этому поводу какіе-либо опредѣленные выводы; здѣсь только передается, что былъ назначенъ постъ и что Варухъ, воспользовавшись большимъ стеченіемъ народа, прочиталъ публично рѣчи Іереміи. Во всякомъ случаѣ, думать, будто этимъ постомъ народъ хотѣлъ умолить Господа и тѣмъ отвратить нашествіе Навуходоносора³⁾,—едвали возможно. Довольно обратить вниманіе на характеръ Іоакима и поведеніе его въ то время, чтобы понять это. Іоакимъ былъ особенно нечестивымъ царемъ⁴⁾; не въ его духѣ было назначать постъ съ религіозною цѣлью и умолять Господа о прощеніи; если даже

¹⁾ Іер., гл. 36.

²⁾ Придо (Histoire des juifs et des peuples voisins. T. I. Amsterdam. 1744. P. 39) и Кранихфельдъ (Das Buch Daniel S. 16—19), будучи въ общемъ вполне согласны со сдѣланными нами выводами, находятъ возможнымъ допустить первое нашествіе Навуходоносора на Іудею при Іоакимѣ дѣйствительно не раньше 9-го мѣсяца 5-го года царствованія Іоакима,—времени всенароднаго поста, о какомъ передаетъ пророкъ Іеремія.

³⁾ Что такіе случаи, дѣйствительно, бывали,—объ этомъ см. 3 Цар. 21, 27; 2 Цар. 20, 3—4; Эсе. 4, 1. 3. 16 и др.

⁴⁾ См. 4 Цар. 23, 37; 24, 3—4; 2 Цар. 36, 5; Іер. 22, 13—17.

не онъ лично назначилъ постъ, то, во всякомъ случаѣ, безъ его разрѣшенія и вѣдома не могло быть ни самаго поста, ни такого стеченія народа въ Иерусалимѣ, какое имѣло мѣсто при этомъ случаѣ¹⁾. Еслибы, въ самомъ дѣлѣ, постъ былъ назначенъ съ цѣлью раскаянія и молитвы къ Богу,—развѣ Іоакимъ велѣлъ-бы схватить Іеремію и Варуха, развѣ онъ пришелъ-бы въ такой гнѣвъ, что изрѣзалъ весь свитокъ пророка Іереміи только потому, что въ немъ было написано о нашествіи Навуходоносора? Тогда, кажется, нужно было не только не раздражаться и не преслѣдовать пророка, а напротивъ усугубить свои молитвы и просить самого Іеремію умолять Господа о прощеніи. Или чего, напр., ужаснулись князья, когда узнали о содержаніи прочитаннаго Варухомъ свитка? Того же, отъ чего разсердился и Іоакимъ: такъ какъ здѣсь было написано, что придетъ непременно царь вавилонскій, разорить Іудею и истребить въ ней людей и скотъ²⁾. Правда, лжепророки постоянно твердили: „миръ, миръ, не будетъ у васъ ни меча, ни голода“³⁾; но въ тоже время народъ по меньшей мѣрѣ не могъ забыть и о нашествіи вавилонянъ, такъ какъ не только и раньше истинные пророки говорили объ этомъ, но,—что особенно важно,—самъ Іеремія годъ тому назадъ очень ясно и опредѣленно говорилъ какъ о Навуходоносорѣ вообще, такъ и о продолжительности вавилонскаго плѣна⁴⁾. Очевидно, не это пророчество само по себѣ, а что-то другое привело въ ужасъ князей и въ гнѣвъ Іоакима и подвергло опасности Іеремію и Варуха. И если предположимъ, что одно нападеніе Навуходоносора уже было, тогда дѣло вполне выяснится: Навуходоносоръ за годъ предъ тѣмъ уже былъ въ Иерусалимѣ, забралъ часть сосудовъ и плѣн-

¹⁾ Іер. 36, 6. 9.

²⁾ Іер. 36, 29.

³⁾ Іер. 14, 13; 5, 12; 8, 11 и др.

⁴⁾ Іер., гл. 25. ♣

никовъ; но какъ это нападеніе отразилось на іудеяхъ вообще,—это видно: чрезъ 3 года Іоакимъ уже отложился отъ Вавилона, чувствуя себя въ силахъ (хоть съ помощью Египта) отразить самого Навуходоносора, еслибы тотъ пришелъ вторично. Слѣдовательно, при первомъ нападеніи іудеи не почувствовали еще силы вавилонскаго завоевателя, не испытывали еще на себѣ всей тяжести божественнаго наказанія; Іоакимъ же, съ одной стороны, съ большимъ неудовольствіемъ сносилъ вавилонское иго, съ другой—раздумывалъ о томъ, какъ-бы возстать противъ Вавилона; при такихъ обстоятельствахъ пророчество Іереміи о томъ, что Навуходоносоръ *непременно придетъ, разоритъ Іудею и истребитъ въ ней людей и скотъ*, было въ высшей степени непріятно для Іоакима; и вотъ онъ приказываетъ схватить Іеремію и Варуха, а свитокъ сожигаетъ, чтобы тѣмъ какъ-бы уничтожить самое исполненіе предсказаннаго, такъ какъ оно разбивало всѣ его планы. Нужно войти въ духъ Іоакима, чтобы видѣть здѣсь тонкую политику его. Іоакимъ задумалъ отложиться отъ Навуходоносора; конечно, онъ долженъ былъ возбудить противъ вавилонскаго ига и всѣхъ своихъ подданныхъ, чтобы быть увѣреннымъ въ успѣхъ своихъ предпріятій. И вотъ онъ назначаетъ постъ какъ-бы въ знакъ траура, для напоминанія зависимости іудейскаго царства отъ воли вавилонскаго царя¹⁾; этимъ онъ надѣялся, вѣроятно, возбудить въ народѣ духъ патріотизма, привлечь его къ ревностной борьбѣ за свою свободу. Но вотъ, когда все было направлено къ этой цѣли и Іоакимъ могъ вполне рассчитывать на успѣхъ въ своихъ планахъ,—Богъ повелѣваетъ пророку Іереміи объявить народу, что только его раскаяніе и молитва могли-бы еще спасти страну и городъ, что спасеніе то это зависитъ отъ Іеговы, а не отъ политики царя Іоакима,—а Варухъ, по порученію Іереміи, прочитываетъ народу пророчество о томъ, что Навухо-

¹⁾ Что подобнаго рода случаи поста дѣйствительно бывали,—объ этомъ см. 1 Цар. 31, 13; 2 Цар. 1, 12; 1 Эзд. 10, 6; Неем. 1, 4; Зах. 7, 5 и др.

доносоро́ непременно придетъ на Иерусалимъ и разрушитъ его. Это уже въ конецъ подрывало планы Иоакима; онъ думалъ отложиться отъ Вавилона и надѣялся отстоять свою свободу; а пророкъ Іеремія прямо говорилъ: не надѣйтесь на свои силы, не думайте, что, если возстанете, то будете свободны и спокойны, потому что Навуходоносоро́ опять придетъ, „непременно придетъ“, разоритъ городъ и опустошитъ всю страну¹⁾. При такихъ обстоятельствахъ вполне понятно, почему Иоакимъ пришелъ въ сильный гнѣвъ, почему онъ сжегъ самый свитокъ и велѣлъ схватить Іеремію и Варуха; понятна и причина ужаса князей: они испугались того, что такія рѣчи были прочитаны въ слухъ всего народа, что онѣ явно шли въ разрѣзъ съ планами Иоакима и общимъ направлениемъ присутствовавшихъ въ Иерусалимѣ. Замѣчательно, что князья допытываются у Варуха, неужели онъ писалъ всѣ эти рѣчи подъ диктовку самого Іереміи²⁾, т. е., можно перефразировать этотъ вопросъ, неужели самъ Іеремія³⁾ предсказываетъ о нашествіи Навуходоносора, неужели это правда, что царь вавилонскій *непременно придетъ* и что планы царя и народа не приведутъ рѣшительно ни къ чему? А удостовѣрившись въ этомъ, они передаютъ какъ содержаніе свитка, такъ затѣмъ и самый свитокъ царю⁴⁾; впрочемъ, и раньше они выражаются, что „непременно перескажутъ всѣ сіи слова царю“⁵⁾, т. е. считаютъ себя обязанными донести царю, что пророкъ говоритъ о безуспѣшности пустыхъ желаній и суетныхъ надеждъ, потому что дальнѣйшія нашествія Навуходоносора и опустошеніе имъ Іудеи и Иерусалима будутъ непременно, какъ наказанія, посылаемыя Богомъ за возвращеніе всего народа. И пророкъ, обличая Иоакима,

¹⁾ Іер. 36, 29.

²⁾ Іер. 36, 17—18.

³⁾ Очевидно, пророкъ Іеремія пользовался глубокимъ уваженіемъ среди народа, даже высшихъ классовъ его.

⁴⁾ Іер. 36, 20—25.

⁵⁾ Іер. 36, 16.

говоритъ ему: „ты сожегъ свитокъ сей, сказавъ: затѣмъ ты написалъ въ немъ: непременно придетъ царь вавилонскій... За это такъ говоритъ Господь“....¹⁾), т. е. ты разсердился за то, что я разрушаю твои надежды, ты думалъ отмѣнить божественное опредѣленіе и осуществить свои замыслы; поэтому... Кажется, словомъ, всѣ событія, передаваемые въ 36-ой главѣ книги Іереміиной, гораздо скорѣе говорятъ за то, что первое нападеніе Навуходоносора на Иерусалимъ уже было сдѣлано раньше, такъ какъ при противоположномъ предположеніи довольно трудно объяснить какъ каждый фактъ въ отдѣльности, такъ и всю совокупность ихъ.

Итакъ, первый походъ Навуходоносора на Иерусалимъ былъ въ 4-мъ году Иоакима. Послѣ того, какъ говоритъ исторія іудейскаго царства²⁾, Иоакимъ былъ вѣренъ Навуходоносору три года, а затѣмъ отложился отъ него. Эти три года нужно считать, конечно, со времени того-же самаго перваго покоренія Іудеи, такъ что время покорности Иоакима падаетъ на 4—7 годы его царствованія. Въ 7-мъ году онъ отложился и „Господь послалъ на него“ полчища халдеевъ, сирійцевъ, моавитянъ и аммонитянъ³⁾, которые своими частыми набѣгами на Иерусалимъ и другія области и города іудейскихъ владѣній не давали возможности успокоиться и были дѣйствительнымъ наказаніемъ Иоакиму за нечестіе и вѣроломство. Это были полчища сосѣднихъ съ іудеями народовъ, подвластныхъ Навуходоносору, который самъ, конечно, и отрядилъ ихъ для наказанія Иоакима. Мѣра была, дѣйствительно, удачная. Какъ мы говорили, Иоакимъ вступилъ въ союзъ съ фараономъ Нехао и ждалъ отъ него помощи; здѣсь-то и нужны были частыя тревожныя нападенія на Іудею, чтобы не дать Иоакиму возможности укрѣпиться при по-

¹⁾ Іер. 36, 29—31.

²⁾ 4 Цар. 24, 1; 2 Цар. 36, 5.

³⁾ 4 Цар. 24, 2; 2 Цар. 36, 5.

мощи фараона, а затѣмъ и послѣдняго замкнуть въ его собственныхъ владѣнiяхъ и не позволять ему принимать какое-либо участiе въ судьбѣ подвластныхъ Навуходоносору народовъ; при малѣйшей попыткѣ со стороны фараона оказать фактическую помощь Иоакиму тѣже полчища, напр., моавитянъ и аммонитянъ, жившихъ недалеко и отъ Египта, устремились-бы на него самого. Въ такомъ тревожномъ положенiи Навуходоносоръ держалъ Иоакима около 4 лѣтъ до самой его смерти (на 11-мъ году царствованiя); незадолго же до смерти Иоакима онъ отправилъ свои войска къ Иерусалиму, а потомъ и самъ направился туда же, но явился подъ стѣнами города уже въ царствованiе Иехонiи. Можно, конечно, спросить, почему Навуходоносоръ не пошелъ къ Иерусалиму сейчасъ же послѣ отреченiя Иоакима, а ждалъ цѣлыхъ 4 года. У Бероза мы находимъ достаточный отвѣтъ на это: онъ говорить, что Навуходоносоръ въ первые годы послѣ вступленiя на престолъ по необходимости былъ занятъ внутренними дѣлами государства, укрѣпленiемъ своей столицы и т. д.¹⁾ Не говоримъ уже о томъ, что отпаденiе сравнительно незначительнаго царя iудейскаго не было такимъ важнымъ дѣломъ, которое бы наносило существенный вредъ власти самого Навуходоносора и требовало, поэтому, быстрыхъ и рѣшительныхъ мѣръ. Нужно было собственно не допустить взаимнаго сближенiя Иоакима съ фараономъ, чтобы не дать тому и другому укрѣпиться—каждому при помощи своего союзника; но противъ этого Навуходоносоръ принялъ мѣры и мѣры вполне цѣлесообразныя.

Послѣ всего сказаннаго нами по поводу хронологической даты книги Даниловой, видно, что писатель этой книги не пользовался книгами Царствъ, Паралипоменонъ и Иеремiи и не заимствовалъ отсюда своихъ историческихъ свѣдѣ-

¹⁾ I. Флавiй. О древностяхъ iудейскихъ противъ Аппiона. Кн. 1. Стр. 362--363.

нiй: онъ пишетъ оригинально, хотя и вполне согласно съ другими историко-библейскими данными; кажется, что это доказываетъ только подлинность книги Даниловой, такъ какъ постороннiй писатель,—а тѣмъ болѣе позднѣйшее лицо,—излагалъ-бы исторiю прошлаго времени на основанiи уже готовыхъ данныхъ,—напр., книги Иеремiиной. Между тѣмъ, этотъ „третiй годъ Иоакима“ для многихъ кажется такою существенною погрѣшностью, которая показываетъ въ писателѣ будто-бы совершенное незнанiе исторiи пророка Данила и его времени; изъ-за этого они готовы или отвергнуть всецѣло историческiй характеръ книги Даниловой, или, по крайней мѣрѣ, отнести происхожденiе ея къ позднѣйшему времени ветхозавѣтной исторiи. Только въ 2 Пар. 36, 6, говорить, идетъ рѣчь о плѣнѣ Иоакима; вѣроятно, писатель книги Даниловой изъ этого мѣста, въ связи съ 4 Цар. 24, 1, вывелъ, будто Иоакимъ дѣйствительно былъ взятъ въ плѣнъ и будто это было въ третiй годъ его царствованiя¹⁾. Приводить противъ этого какiя-либо соображенiя, послѣ сказаннаго нами, считаемъ излишнимъ. Обращаемъ вниманiе только на тѣ взгляды, которые своеобразно устанавливаютъ иную хронологическую дату плѣненiя пророка Данила, понимая „третiй годъ Иоакима“ въ другомъ, отличномъ отъ проведеннаго нами смыслѣ. Нѣкоторые принимаютъ эти слова въ прямомъ, буквальной смыслѣ, какъ они стоятъ въ Библии: въ третiй годъ Иоакима, говорятъ, Навуходоносоръ, до вступленiя еще своего на престолъ, пошелъ на Iудею, взялъ Иерусалимъ, а затѣмъ оттуда, въ четвертый уже годъ Иоакима, направился къ Кархемишу, разбилъ фараона и т. д. (разсказъ по Берозу). Такой взглядъ проводятъ

¹⁾ Такое воззрѣнiе проводятъ de-Bette (Lehrbuch d. hist.-krit. Einl. in d. kan. u. apokr. Bücher d. A. T. S. 486), Кюнень (Hist.-krit. Einl. in d. Bücher d. A. T. II. T. S. 460) и другiе защитники макавейскаго происхожденiя книги Даниловой.

Гофманъ ¹⁾, Герферникъ ²⁾, Циндель ³⁾, Филлеръ ⁴⁾, Бухаревъ ⁵⁾ и другіе. Но если такъ, то какой же смыслъ имѣло пророчество Іереміи о нашествіи Навуходоносора, произнесенное въ 4-й годъ Іоакима ⁶⁾? Что значили тогда слова пророка: „вотъ, Я поплю и возьму всѣ племена сѣверныя и пошлю къ Навуходоносору, царю вавилонскому, рабу Моему, и приведу ихъ на землю сію“ ⁷⁾, когда это нашествіе Навуходоносора было уже годомъ раньше и Іоакимъ уже былъ вассаломъ вавилонскаго царя? Съ какою, затѣмъ, цѣлью Навуходоносоръ пошелъ на Іерусалимъ въ третій годъ Іоакима? Если только для того, чтобы расширить предѣлы своихъ владѣній, то почему же первую пала подъ его властью именно Іудея, а не другія государства, лежація сравнительно ближе къ Вавилону? Да и могъ ли Навуходоносоръ въ 3-й годъ Іоакима отправиться на Іерусалимъ, когда ему предстояло другое поприще для военной дѣятельности? Вѣдь фараонъ Нехао овладѣлъ сосѣдними съ Вавилономъ землями, дошелъ уже до Евфрата ⁸⁾, съ цѣлью завоевать сѣверные предѣлы вавилонскаго государства; безъ сомнѣнія, это онъ и сдѣлалъ-бы, еслибы при Кархемишѣ не потерпѣлъ окончательнаго пораженія. Не будь этого, онъ отъ Кархемиша двинулся-бы, пожалуй, и на самый Вавилонъ.

¹⁾ *Hoffmann*. Die 70 Jahre des Jeremias und die 70 Jahrwochen Daniels. Nürnberg. 1836. S. 16.

²⁾ *Hävernick* H. A. Ch. Handbuch der historisch-kritischen Einleitung in das A. T. Band II, Abtheilung 2. S. 474.

³⁾ *Zündel*. Kritische Untersuchungen über die Abfassungszeit d. Buches Daniel. S. 20—26.

⁴⁾ *Füller* I. L. Der Profet Daniel S. 11—14.

⁵⁾ *Бухаревъ*. О подлинности и цѣлости священныя книги пророковъ Исаіи, Іереміи, Іезекіиля и Даниила. Стр. 140—141.

⁶⁾ Іер., гл. 25.

⁷⁾ Іер. 25, 9.

⁸⁾ 4 Цар. 23, 29; 2 Пар. 35, 20.

Какъ же могъ Навуходоносоръ въ это время идти на Іерусалимъ? Не значило ли бы это рисковать всѣми своими владѣніями, открыть фараону свободный доступъ къ самому Вавилону, какъ-бы уступить его ему безъ боя? Съ другой стороны, развѣ фараонъ, въ свою очередь, позволилъ-бы Навуходоносору отвоевывать подвластныя ему земли? Развѣ онъ пропустилъ-бы вавилонянъ сзади себя и оставилъ ли бы ихъ на свободѣ? Вѣдь и это значило-бы точно также открыть Навуходоносору прямой путь въ Египетъ. И не естественно ли было ему, въ самомъ дѣлѣ, двинуться отъ Іерусалима именно въ Египетъ, путь въ который для него былъ открытъ, а не возвращаться назадъ къ Кархемишу для того только, чтобы сразиться съ фараономъ? Думаемъ, что въ силу самыхъ очевидныхъ соображеній предположеніе о завоеваніи Іерусалима Навуходоносоромъ еще до битвы при Кархемишѣ является совершенно невозможнымъ.

Другіе понимаютъ „третій годъ Іоакима“ иначе. Это, говорятъ, третій годъ не отъ начала царствованія Іоакима, а третій годъ со времени его „отреченія“ отъ Навуходоносора, послѣдовавшаго на 8-мъ году его царствованія (предполагая первое нашествіе Навуходоносора на Іудею въ 4-мъ или 5-мъ году царствованія Іоакима); этотъ третій годъ со времени восстановленія Іоакимомъ своей независимости будетъ, слѣдовательно, 11-мъ годомъ отъ начала его царствованія. Такъ предполагаютъ Раши, Саадіасъ, Діонисій Картезіанскій, Мальдонатъ и другіе ¹⁾. Михаэлисъ ²⁾ же и Бертольдъ ³⁾ считаютъ эти три года со дня перваго покоренія Навуходоносоромъ Іерусалима, бывшаго, по ихъ взгляду, въ 8-мъ году Іоакима; 3-мъ годомъ, по этому счету, будетъ

¹⁾ См. русскій переводъ книги Даниловой, печатавшійся при „Трудахъ Киевск. Дух. Академіи“, стр. 359, примѣч. 2.—*Cornelius a Lapide*. Commentaria in Daniele prophetam. P. 1259.

²⁾ *Michaelis*. Adnotationes in vaticinium Danielis. Halae. 1720. P. 12—13.

³⁾ *Bertholdt*. Daniel. I. Hälfte. S. 169, 172—173.

Св. пророкъ Даниилъ.

опять 11-ый годъ Иоакима, когда онъ, по 4 Цар. 24, 1, отложилъ отъ Навуходоносора и когда послѣдній, какъ передаетъ Иосифъ Флавій¹⁾, вторично пришелъ къ Иерусалиму, взялъ его, забралъ съ собою не мало плѣнниковъ, а самого Иоакима предаль смерти. Такой взглядъ, конечно, не имѣетъ вовсе оснований. Не говоримъ уже о томъ, какъ несправедливо относить первое нашествіе Навуходоносора на Палестину только къ 8-му году царствованія Иоакима, какъ невѣроятенъ рассказъ Флавія о вторичномъ нашествіи Навуходоносора при Иоакимѣ же. Но почему указанные нами изслѣдователи какъ-то искусственно считаютъ „третій годъ Иоакима“, когда въ Дан. 1, 1 прямо говорится: „въ третій годъ царствованія Иоакима“? Очевидно, здѣсь разумѣется настоящій третій годъ отъ вступленія Иоакима на престоль, а не третій годъ отъ возстановленія имъ независимости или, что еще несообразнѣе, третій годъ послѣ подчиненія Навуходоносору.

Обращаетъ на себя вниманіе еще взглядъ на тотъ-же предметъ извѣстнаго нашего библіолога-экзегета, покойнаго профессора спб. д. академіи И. С. Якимова, который предполагаетъ, что въ Дан. 1, 1 должно стоять имя не Иоакима, а Іехоніи, созвучное ему по еврейскому и греческому произношенію (יְחִיָּזָק и יְחִיָּזָק; Ἰωακίμ и Ἰωαχ(ν)); затѣмъ, вмѣсто „3-го года“, по соображенію Якимова, первоначально стояло „третій мѣсяць“; плѣненіе пророка Даніила, по этой гипотезѣ, относится къ „3-му мѣсяцу Іехоніи“, когда, дѣйствительно, Навуходоносоръ взялъ Иерусалимъ и забралъ съ собою какъ плѣнниковъ, такъ и золотые сосуды изъ храма²⁾. Взглядъ Якимова отличается своею оригинальностью: сознавая трудность объясненія хронологической даты Дан. 1, 1,

онъ останавливается на томъ, что видитъ здѣсь ошибку писца, измѣнившаго неумышленно имя Іехоніи (Іегояхина) въ Иоакима (Іегоакима); затѣмъ, предполагаетъ онъ, позднѣйшій читатель, тоже по ошибкѣ, поставилъ вмѣсто „3-го мѣсяца“ Іехоніи—„3-й годъ“ его; такимъ путемъ и вышло „третій годъ Иоакима“. Конечно, оснований въ пользу своего взгляда Якимовъ не представляетъ и не можетъ представить никакихъ: онъ только ссылается на ошибки подобнаго рода, несомнѣнно существующія въ Библии, и приводитъ цѣлый рядъ ихъ, въ качествѣ фактического подтвержденія правдоподобности своего вывода,—и затѣмъ *предполагаетъ*, что, можетъ быть, и въ книгѣ Даніиловой допущена подобнаго рода ошибка, безъ которой возможна была-бы вполне точная хронологическая дата, согласная со всѣми прочими библейскими показаніями. Понятно, что одно предположеніе безъ достаточной фактической подкладки не можетъ имѣть большой цѣны; и самъ Якимовъ, конечно, не претендуетъ на безусловную достовѣрность своего вывода,—высказываетъ его въ качествѣ только гипотезы своей личной, которая бы могла повести къ болѣе удовлетворительному рѣшенію занимающаго насъ вопроса. Такого же воззрѣнія на хронологическую дату плѣненія пророка Даніила держатся Кнобель¹⁾, Римъ²⁾ и авторъ „*σύνοψις χρονική*“³⁾, изъ которыхъ первые двое не упоминаютъ, впрочемъ, о какихъ-либо ошибкахъ въ библейскомъ текстѣ, а только высказываютъ, будто позднѣйшій писатель книги Даніиловой событія, бывшія при Іехоніи, о которыхъ передается въ 4 Цар. 24, 13, помѣтилъ исторически невѣрно третьимъ годомъ Иоакима. Соображенія, по существу тождественныя съ предположеніемъ Якимова, но имѣющія за

¹⁾ *И. Флавій*. Древности іудейскія. Перев. Самуѣлова. Ч. II. Стр. 144.

²⁾ *Якимовъ*. „Опытъ соглашенія библейскихъ свидѣтельствъ съ показаніями намятниковъ клинообразнаго письма“.—Христ. Чтеніе, 1884 г., июль—августъ, стр. 55—60.

¹⁾ *Knobel*. Der Prophetismus der Hebräer. II. Th. S. 392.

²⁾ *Riehm*. Einleitung in das A. T. X. Lief. S. 302.

³⁾ Ἰωνάνου συνοψις χρονική. Bibliotheca graeca medii aevi, ed. C. Sathas. Vol. II. Parisiis. 1894. P. 14.

собою еще менѣе вѣроятности. Замѣчательно здѣсь вотъ что: Якимовъ утверждаетъ, будто при Иоакимѣ вовсе не было нашествія Навуходоносора на Іерусалимъ, будто въ первый разъ царь вавилонскій подступилъ къ столицѣ іудейской только незадолго до смерти Иоавима и продолжалъ осаду города всѣ три мѣсяца царствованія Іехоніи; плѣненіе, бывшее при этомъ царѣ, и есть будто-бы результатъ *перваго* (а не втораго) покоренія Іудей 1); на этомъ, несомнѣнно, опирается и вся его гипотеза. Между тѣмъ, послѣднее заключеніе Якимова ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть оправдано. Книга Царствъ 2), правда, не опредѣляетъ точно, былъ ли Навуходоносоръ при Иоакимѣ лично въ Палестинѣ; но пророкъ Іеремія въ одной изъ своихъ рѣчей, помѣченной царствованіемъ того-же царя іудейскаго 3), несомнѣнно, упоминаетъ 4) о сдѣланномъ уже нападении на Іудею со стороны Навуходоносора; сомнѣваться въ этомъ вообще невозможно. Затѣмъ, что то плѣненіе, о которомъ говоритъ книга Даниілова 5), не есть плѣненіе, бывшее при Іехоніи, какъ говоритъ Якимовъ и какъ предполагаютъ Кнобель и Римъ,—это можно видѣть изъ слѣдующаго: пророкъ Даниілъ говоритъ, что Навуходоносоръ взялъ съ собою только *часть* священныхъ сосудовъ, между тѣмъ какъ при Іехоніи были забраны „всѣ сокровища дома Господня и сокровища царскаго дома“ и изломаны „всѣ золотыя сосуды“ 6). Особенно рельефно видна эта разница по книгѣ Паралипоменонъ, гдѣ ясно отличается первое покореніе Іерусалима (при Иоакимѣ), когда царь вавилонскій взялъ съ собою „часть сосудовъ“ 7), отъ втораго

1) Якимовъ. „Опыты соглашенія библ. свид. съ показ. памяти. клин. письма“.—Хр. Чтеніе, 1884, іюль—августъ, стр. 57.

2) 4 Цар. 24, 1.

3) Іер., гл. 35; см. ст. 1.

4) Іер. 35, 11.

5) Дан. 1, 1—2.

6) 4 Цар. 24, 13.

7) 2 Пар. 36, 7.

(бывшаго при Іехоніи), когда были взяты всѣ сосуды 1); слѣловательно, еще раньше царствованія Іехоніи Навуходоносоръ сдѣлалъ нападеніе на Іерусалимъ, послѣ котораго унесъ съ собою *часть* сосудовъ изъ храма іерусалимскаго; вотъ почему мы и отнесли рассказъ 2 Пар. 36, 7 къ тому-же первому нашествію при Иоакимѣ, о какомъ говорится и въ книгѣ Даниіловой. А что вообще пророкъ Даниілъ переселился въ Вавилонъ гораздо раньше плѣненія, бывшаго при Іехоніи,—въ пользу этого, намъ кажется, много говоритъ упоминаніе о немъ пророка Іезекіиля 2). Дѣло въ томъ, что рѣчь 14-ой главы книги Іезекіиля относится къ 6-му году царствованія Седекіи, т. е., какъ выходитъ по Якимову, къ 6-му году пребыванія пророка Даниіла въ Вавилонѣ; въ то время ему могло быть немного больше 20 лѣтъ, тогда онъ ничѣмъ еще не заявилъ себя 3), не обнаружилъ своей мудрости; могъ ли бы, поэтому, пророкъ Іезекіиль называть его образцомъ вѣры и праведности, ставить его наряду съ Ноемъ и Іовомъ? По нашему мнѣнію, это—весьма сильное основаніе противъ соображеній Якимова, Кнобеля и Рима; оно одно могло-бы дать намъ право безусловно отвергнуть ихъ гипотезу, какъ не имѣющую въ свою пользу никакихъ данныхъ.

Итакъ, въ четвертый годъ царствованія Иоакима Навуходоносоръ, разбивъ при Кархемишѣ фараона Нехао, двинулся на Іудею, осадилъ, а затѣмъ и взялъ Іерусалимъ, царя іудейскаго заключилъ было въ оковы съ намѣреніемъ отправить въ Вавилонъ 4), но, удовлетворившись, вѣроятно, по-

1) 2 Пар. 36, 10.

2) Іез. 14, 14. 20.

3) Событіе, передаваемое во 2-ой главѣ книги Даниіловой, Якимовъ относитъ къ 20-му году Навуходоносора, т. е. къ 12-му только году со времени плѣненія пророка Даниіла.

4) 2 Пар. 36, 6.

корностью его и общаніемъ богатой дани,—съ другой же стороны, занятый преслѣдованіемъ фараона, оставилъ Іоакима на престолѣ, съ собою же забралъ достаточное число другихъ плѣнниковъ и часть драгоценныхъ сосудовъ изъ храма іерусалимскаго. Послѣдніе нужны были ему въ качествѣ военныхъ трофеевъ, знаковъ побѣды, но побѣды не надъ людьми, а надъ Самимъ Богомъ іудейскимъ. Мы знаемъ, какого рода возрѣній держались вавилонскіе государи: они предполагали, такъ сказать, параллель между силою того или другого мѣстнаго, „національнаго“ бога и могуществомъ его народа; вотъ почему въ знакъ побѣды надъ чужеземными богами, въ лицѣ исповѣдывавшихъ ихъ народовъ, ассиро-вавилонскіе государи вмѣстѣ съ военной добычей почти всегда забирали съ собою и самихъ боговъ побѣжденныхъ племенъ¹⁾; вотъ почему этихъ плѣненныхъ чужихъ боговъ они часто приносили въ даръ своимъ національнымъ, государственнымъ богамъ, ставили ихъ, какъ побѣдные трофеи, въ храмахъ собственныхъ боговъ²⁾, принося тѣмъ послѣднимъ должную дань благодарности и признательности за помощь въ побѣдахъ надъ врагами. Такъ и Навуходоносору, естественно, побѣда надъ іудеями казалась побѣдой вмѣстѣ и надъ Іеговою; и всю честь этой побѣды онъ тоже приписывалъ своимъ богамъ. За неимѣніемъ у іудеевъ національныхъ „боговъ“, онъ изъ храма іерусалимскаго забираетъ, естественно, болѣе цѣнное, болѣе священное, по взгляду его, язычника,—драгоценныя храмовыя сосуды, которые отсылаетъ въ Вавилонъ³⁾ и полагаетъ въ „сокровищницѣ“⁴⁾, находившейся при храмѣ. Плѣнники же, ко-

¹⁾ *Schrader* E. Keilinschriftliche Bibliothek. B. I. S. 27, 29, 35, 67, 101, 133, 141, 143, 185. B. II. S. 13, 15, 33, 63, 67, 101, 131, 133, 149, 199, 203, 205, 223, 229, 275. B. III, 2. Hälfte. S. 123.

²⁾ *Ibid.*, B. II, S. 29.

³⁾ Въ Дан. 1, 2 говорится, что свящ. сосуды были отправлены „въ землю Сеннааръ“; это общее названіе областей вавилонскаго государства, въ которомъ славилась особенно города: Вавилонъ, Эрехъ, Аккадъ и Халле (см. Быт. 10, 10; ср. 11, 2; 14, 1).

⁴⁾ Дан. 1, 2.

нечно, были обыкновенною военною добычею, особенно въ древнее время. Замѣчательно, что Навуходоносоръ забираетъ съ собою въ плѣнъ большое число отроковъ; цѣлью его было, нужно думать, то, чтобы сильнѣе воздѣйствовать на молодыхъ и впечатлительныхъ души, погасить въ нихъ любовь къ Богу и родинѣ, воспитать въ духѣ язычества и этимъ путемъ сдѣлать надежнымъ орудіемъ въ своихъ рукахъ для окончательнаго пораженія іудейскаго народа. Дѣйствительно, вслѣдъ за покореніемъ Іудеи и прибытіемъ плѣнниковъ въ Вавилонъ, Навуходоносоръ поручаетъ начальнику своихъ эвнуховъ Асфеназу¹⁾ выбрать изъ общей массы іудейскихъ плѣнниковъ отроковъ знатныхъ по происхожденію (изъ царскаго и княжескаго рода), не имѣющихъ никакихъ физическихъ недостатковъ, красивыхъ по наружности, разумныхъ, смѣтливыхъ и знающихъ уже кое-что,—и научить ихъ халдейскому языку, наукамъ и литературѣ, чтобы, по окончаніи образованія, они могли занять соотвѣтствующія должности при царскомъ дворѣ. Это не исключительный фактъ въ исторіи ассиро-вавилонскихъ государей: при завоеваніи какой-либо страны они нерѣдко брали въ плѣнъ небольшихъ мальчиковъ знатнаго происхожденія, давали имъ при дворѣ прекрасное воспитаніе, наряду съ дѣтьми первыхъ сановниковъ государства, а впоследствии предоставляли имъ не только соотвѣтствующія должности въ государственной или придворной службѣ, но и дѣ-

¹⁾ Эвнухами у ассиро-вавилонянъ, какъ и вообще у древнихъ восточныхъ народовъ, назывались не скотцы въ собственномъ смыслѣ, а вообще высшій классъ придворныхъ чиновниковъ, или принадлежавшихъ къ свитѣ царя, или исполнявшихъ важныя обязанности при дворѣ (см. Быт. 37, 36; 39, 1; 1 Цар. 8, 15; 3 Цар. 22, 9; 4 Цар. 20, 18; 25, 19; Ис. 39, 7); были среди нихъ и люди женатыя (Быт. 39, 7). Начальникъ же эвнуховъ послѣ царя былъ первымъ лицомъ въ государствѣ. Ему принадлежалъ общій надзоръ за всеми жившими и служившими при царскомъ дворѣ; онъ слѣдовалъ за царемъ и на войну (Іер. 39, 3. 13; былъ какъ-бы оберъ-гофмаршаломъ, подобно турецкому кизляръ-ага (*Ленорманъ*. Руководство къ древней исторіи востока. Пер. Каманина. Т. I, вып. 2. Стр. 317).

ляли самостоятельными правителями цѣлыхъ областей. Клинообразныя надписи, какъ нельзя лучше, подтверждаютъ это: „Белиба, вавилонянина, выросшаго, подобно маленькой собачкѣ, въ моемъ дворцѣ, говоритъ въ одной изъ своихъ надписей ассирійскій царь Сеннахримъ, я поставилъ въ Сумирѣ и Аккадѣ¹⁾ правителемъ надъ ними“²⁾. Извѣстно, далѣе, что въ главныхъ ассиро-вавилонскихъ городахъ, а можетъ быть, и при царскомъ дворѣ, существовали особыя организованныя школы для воспитанія юношей. Саргонъ, какъ самъ онъ говоритъ въ одной изъ своихъ надписей, „велѣлъ мудрецамъ и ученымъ обучать жителей земли ассирійской всѣмъ наукамъ“³⁾; по словамъ же Плинія, эти мудрецы - халдеи имѣли въ нѣкоторыхъ городахъ и организованныя школы⁴⁾. Чему учили въ этихъ школахъ,—можно видѣть,—по крайней мѣрѣ, предполагать,—на основаніи дошедшихъ до насъ вещественныхъ памятниковъ. Открытая недавно ниневійская бібліотека Ассурбанипала, представляющая собою массу глиняныхъ дощечекъ или кирпичиковъ съ клинообразными письменами, замѣнявшихъ наши книги, и предназначавшаяся, вѣроятно, для учителей и учениковъ придворныхъ и общественныхъ школъ, а въ широкомъ смыслѣ—для всего тогдашняго ученаго міра, имѣетъ неоцѣнимое значеніе для исторіи древняго востока, въ частности—исторіи ассиро-вавилонскаго языка, науки и литературы. Большинство дощечекъ этой бібліотеки представляетъ собою обширную грамматическую энциклопедію, содержащую ассирійскую грамматику, таблицы знаковъ клинообразнаго письма съ указаніемъ ихъ первообразовъ—іероглифовъ, ихъ

¹⁾ Сумиръ и Аккадъ отождествляютъ съ Сеннааромъ и Халдеей. Сумерійцы и аккадійцы—это два древнихъ народа, населявшихъ Месопотамію.

²⁾ *Schrader*. Keilinschr. Bibliothek. B. II. S. 115.

³⁾ *Ménant* I. Annales des rois d'Assyrie. Paris. 1874. P. 195.—*Schrader*. Keil. Bibliothek. B. II. S. 77.

⁴⁾ *C. Plini* Secundi naturalis historia, recogn. L. Janus. Vol. I. Editio 2. Lipsiae. 1870. P. 241.

идеографическаго и фонетическаго значенія, разнаго рода словари—халдео-туранскій, словарь древнѣйшихъ надписей, словарь ассирійскихъ синонимовъ и цѣлыхъ выраженій и т. п. Эти пособія и руководства направлены были къ облегченію и болѣе основательному изученію и пониманію клинообразнаго письма, на которомъ ассирійскіе цари писали—прежде всего для подданныхъ, а главнымъ образомъ для потомства—лѣтописную исторію своего времени¹⁾, и потому важнаго и необходимаго для образованнаго ассирійца, но представляющаго въ тоже время значительныя трудности и для самихъ ассирянъ. Найдены въ бібліотекѣ плитки съ записями юридическаго содержанія: отрывками законовъ, административными распоряженіями, договорами и контрактами частныхъ лицъ, тяжебными дѣлами, списками должностей, ремесель, записями податей, имуществъ и т. д. Попадаютъ чисто-историческія свѣдѣнія: таблицы и списки эпонимовъ съ лѣтописями главнѣйшихъ событій ассирійской исторіи, даже настоящее руководство краткой исторіи Вавилона и Ассирии съ параллельнымъ изложеніемъ событій и взаимныхъ политическихъ и дипломатическихъ отношеній обоихъ государствъ. Есть фрагменты мифологическаго содержанія: свѣдѣнія объ эпитетахъ и атрибутахъ разныхъ боговъ, о главнѣйшихъ храмахъ, о чужеземныхъ божествахъ, священные гимны и проч.; отрывки географическаго словаря съ перечнемъ странъ, городовъ, горъ, рѣкъ; статистическія свѣдѣнія объ административной іерархіи, списки ассирійскихъ провинцій съ указаніемъ ихъ естественныхъ произведеній и доходовъ, списки завоеванныхъ городовъ разныхъ странъ, списки архитектурныхъ сооруженій страны и проч. Найдены плитки, содержащія списки растений, деревьевъ, минераловъ, камней, животныхъ съ распредѣленіемъ ихъ по извѣстной классификаціи и съ примѣненіемъ даже научной номенклатуры ихъ; попадаютъ математическіе трактаты, вычисленія, зада-

¹⁾ *Schrader*. Keilinschr. Bibliothek. B. III, 2. Hälfte. S. 43.

чи, фигуры и свѣдѣнія астрономическія: таблицы движенія планетъ, солнечныхъ и лунныхъ затмѣній и т. п. Наконецъ, встрѣчаются плитки, на которыхъ начертаны разнаго рода заклинанія, заговоры и другія принадлежности искусства восточныхъ маговъ¹⁾. Какъ видно, самое разнообразіе содержанія плитокъ ниневійской бібліотеки даетъ намъ въ общемъ достаточное понятіе о развитіи древней ассиро-вавилонской науки, хотя не можетъ указать постепеннаго распредѣленія различныхъ отдѣловъ ея, сравнительнаго преобладанія однихъ изъ нихъ надъ другими. Спеціальныхъ отраслей научнаго знанія было, разумѣется, нѣсколько. Первое мѣсто въ ряду ихъ занимало языческое богословіе въ обширномъ смыслѣ этого слова. Мудрецамъ и книжникамъ ассиро-вавилонскимъ, между прочимъ, вмѣняли въ обязанность заботиться о почитаніи боговъ и царя²⁾. Такого рода заботу они, естественно, прилагали и въ дѣлѣ воспитанія юношества. Да и безъ того вавилоняне, подобно другимъ древнимъ народамъ, отличались высокою, хотя и своеобразною, религіозностію, приписывая свои выдающіеся успѣхи въ какихъ бы то ни было дѣлахъ исключительно милости и благоволенію своихъ отечественныхъ боговъ. Этимъ обстоятельствомъ объясняется, между прочимъ, и тотъ авторитетъ, и то глубокое уваженіе, какимъ пользовались древніе жрецы, мудрецы и книжники³⁾; этимъ объясняется и то, почему у древнихъ народовъ духъ религіи проникалъ всѣ обнаруженія высшихъ психическихъ силъ человѣка (музыку, поэзію, скульптуру и т. д.). Во всякомъ случаѣ, умозрительное богословіе должно было

¹⁾ *Denormand*. Руководство къ древней исторіи востока. Пер. Каманина. Т. I, выв. 2. Стр. 354—357.—*Tiele*. *Babylonisch-assyrische Geschichte*. 2. Teil. S. 579—580.

²⁾ *Schrader*. *Keilinschr. Bibliothek*. В. II. S. 51.

³⁾ Цари приглашаютъ ихъ къ себѣ во дворецъ по случаю какихъ-либо общественныхъ и государственныхъ торжествъ, вмѣстѣ съ князьями, садовниками государства и др. (*Schrader*. *Keil. Bibl.* В. II. S. 79).

стоять на первомъ планѣ въ ряду древневосточныхъ наукъ. Насколько же эта система знанія отличалась сложностью,—видно уже изъ самыхъ элементовъ или основъ, на которыхъ она постройкалась. Языческій политеизмъ имѣлъ, конечно, весьма много развѣтвленій; каждый богъ являлся патрономъ особаго города, особой области; къ каждому можно было приложить свою особую систему богословія, аналогичную, такъ сказать, индивидуальнымъ особенностямъ каждаго отдѣльнаго бога. Понятно теперь, какъ сложна была общая политеистическая система древневавилонскаго умозрительнаго богословія. Съ этимъ спеціальнымъ отдѣломъ научнаго знанія соединялось изученіе обрядоваго культа, такъ какъ религія была существеннымъ началомъ, проникавшимъ въ основѣ не только частную, но, главнымъ образомъ, общественную, государственную жизнь. Мы упоминали о разнаго рода процессіяхъ, церемоніяхъ, сопровождавшихъ каждый болѣе или менѣе выдающійся актъ общественной или государственной жизни Вавилона и служившихъ естественнымъ выраженіемъ той своеобразной религіозной настроенности, какою вообще отличались древніе вавилоняне. Правда, это были нѣкоторымъ образомъ чрезвычайные случаи; однако, и въ обыкновенной, частной жизни было не мало праздниковъ, постовъ, религіозныхъ церемоній, сопровождавшихся, естественно, цѣлымъ рядомъ самыхъ разнообразныхъ религіозныхъ актовъ; и все это, конечно, должно было входить въ составъ извѣстныхъ отдѣловъ высшей халдейской мудрости. Рядомъ съ такимъ религіознымъ знаніемъ, весьма видное мѣсто занимала религіозная философія или теософія, какъ выраженіе естественнаго развитія умозрительныхъ способностей человѣка, направленныхъ къ тому, что являлось основнымъ принципомъ знанія и жизни,—религіи. Тѣже мудрецы и жрецы создавали множество преданій о давно-прошедшихъ временахъ, составляли религіозные гимны и молитвы, занимались чисто-философскими вопросами (напр., о происхожденіи зла) и т. д.;

все это, естественно, заключалось въ книги, составлявшія въ общемъ основу вавилонской „мудрости“. Къ этому присоединялись и практическія знанія, достигшія большого развитія въ древнемъ Вавилонѣ. Въ ряду ихъ первое мѣсто занимали опытные, естественныя науки, особенно астрономія ¹⁾). Развитие этой отрасли знанія объясняется весьма естественно: широкія, однообразныя равнины нижней Месопотаміи весьма мало давали пищи для мысли восточнаго человѣка и мало возбуждали эстетическія способности его; естественно, умъ долженъ былъ останавливаться на томъ, что оставалось интереснымъ для него,—на голубомъ восточномъ небѣ, усѣянномъ мириадами звѣздъ; и вотъ человѣкъ начинаетъ всматриваться въ этотъ невѣдомый міръ, изучаетъ его, наблюдаетъ и строитъ цѣлую отрасль знанія. Въ этой наукѣ древніе халдеи достигли громаднхъ по тому времени успѣховъ; они сдѣлали массу астрономическихъ наблюденій, открытій (о движеніи луны, полярныхъ звѣздъ, кометъ и планетъ, о солнечныхъ пятнахъ, солнечныхъ и лунныхъ затмѣніяхъ) и изобрѣтеній (подзорной трубы, солнечныхъ часовъ, большей части мѣръ и проч.), которыя лежатъ въ основѣ и современной намъ астрономіи ²⁾). Значительными свѣдѣніями обладали древніе халдеи и въ области ботаники: они тщательно изучили хозяйственныя и лечебныя свойства растений и ихъ ботаническая система, неудовлетворительная, пожалуй, въ научномъ отношеніи, была рѣшительно незамѣнима въ практическомъ отношеніи. Нельзя только сказать съ увѣренностью, знали ли вавилонскіе мудрецы научную медицину; но кажется, на этотъ вопросъ нужно отвѣтить утвердительно. Правда,

¹⁾ Ср. рассказъ евангелиста Маттея (2, 2) о волхвахъ - астрологахъ, пришедшихъ поклониться родившемуся Спасителю.

²⁾ *Ленорманъ*. Руководство въ древней исторіи востока. Пер. Каманина. Т. I, вып. 2. Стр. 358—362.—*Tiele*. *Babylonisch-assyrische Geschichte*. 2. Teil. S. 576—579.

ихъ медицина не чужда была иногда суевѣрія, но были (есть основаніе предполагать) и образованные, въ нашемъ смыслѣ слова, медики, примѣнявшіе на практикѣ нѣкоторые научныя медицинскіе приемы. Если же обыкновенныя медицинскія средства не помогали, тогда тѣже врачи обращались къ разнаго рода заклинаніямъ, амулетамъ и другимъ таинственнымъ средствамъ. Вотъ почему и волшебныя науки (магія) получили широкое развитіе у тѣхъ-же халдеевъ и названіе „волхвъ“ ¹⁾ было обыкновеннымъ эпитетомъ восточнаго мудреца ²⁾). Діодоръ Сицилійскій ³⁾ даетъ обстоятельный отзывъ о древнихъ халдеяхъ—восточныхъ мудрецахъ и учителяхъ народныхъ: помимо философіи и астрономіи, они, говоритъ онъ, занимались еще гаданіями; путемъ разнаго рода волшебствъ отвращали зло и превращали его въ добрыя послѣдствія; истолковывали сны и чудесныя явленія; предсказывали будущее по полету птицъ, по внутренностямъ животныхъ и т. п.

Подобнаго рода восточной мудрости должны были учиться знатные іудейскіе отроки, уведенные въ Вавилонъ и назначенные для приготовленія къ придворной службѣ. Среди нихъ были пророкъ Даніилъ и три его друга: Ананія, Азарія и Мисаилъ ⁴⁾. Чему же собственно ихъ учили? Прежде всего

¹⁾ Мѡ. 2, 1 и др.

²⁾ Драгоценныя свѣдѣнія о древнихъ халдеяхъ, полученныя, такъ сказать, изъ первыхъ рукъ, передаетъ намъ *Діодоръ Сицилійскій* (см. его „Историческая библиотека“, переводъ И. Алексѣева. Часть I. СПб. 1774. Стр. 207—212).

³⁾ *Ibid.*, стр. 207.

⁴⁾ Друзья пророка по своему происхожденію, состоянію, развитію могутъ быть поставлены, конечно, наряду съ нимъ же. Подобно пророку, и они происходили изъ колѣна іудина (Дан. 1, 6), принадлежали къ царскому или княжескому роду (Дан. 1, 3), а по преданію—именно къ первому (Подробное оглавленіе великихъ четвѣхъ миней и. Макарію. Стр. 242) и т. д. Касательно этихъ „естественныхъ“ даровъ нѣтъ основаній проводить между ними какое-либо различіе. Тоже преданіе называетъ родиною друзей пророка Іерусалимъ, а родителями ихъ—Іезекія и Калигомъ (*ibid.*), считая ихъ, очевидно, братьями. Равнины же неосновательно говорятъ, будто только пророкъ Даніилъ былъ изъ колѣна іудина, друзья же его—изъ другихъ колѣнъ (*Wünsche* A. *Der babyl. Talmud*. II. Halbband, 2. Abtheilung. S. 168).

и главнымъ образомъ— „книгамъ и языку халдейскому“¹⁾. Сюда входило, конечно, обученіе чтенію клинообразнаго письма, столь обычнаго и употребительнаго въ то время, да и вообще преподаваніе древняго халдейскаго языка,—преддверія всякой мудрости²⁾. За изученіемъ собственно языка слѣдовало изученіе древней литературы, совмѣщавшей въ себѣ всю древнюю науку и мудрость³⁾. Во всей своей совокупности она была, конечно, весьма сложна и для основательнаго изученія ея необходимо было далеко не три года, какъ назначено было для воспитанія пророка Даніила и друзей его⁴⁾; но если пророкъ не превратился въ настоящаго халдейскаго мага-мудреца, то, во всякомъ случаѣ, вынесъ изъ школы основательныя познанія въ области халдейской мудрости. Разумѣется, онъ изучилъ въ достаточной мѣрѣ практическія науки (астрономію, ботанику) въ ихъ главныхъ основахъ, познакомился и съ положеніями древнеавилонской религіозной системы и теософіи; для его образованія, какъ будущаго придворнаго, употребляли, естественно, наилучшія средства; да и самъ царь окружилъ отроковъ возможными

¹⁾ Дан. 1, 4.

²⁾ Это, впрочемъ, не тотъ арамейскій, точнѣе—восточно-аравейскій языкъ, на которомъ написаны нѣкоторые отдѣлы еврейской Библии и, между прочимъ, часть книги Даніиловой (2, 4—7, 28), который и самъ пророкъ называетъ арамейскимъ или сирскимъ (Дан. 2, 4). Послѣдній былъ обычнымъ, народнымъ языкомъ ассиро-авилонянъ (см. 4 Цар. 18, 26; Ис. 36, 11); между тѣмъ какъ халдейскій языкъ, языкъ собственно халдеевъ (сеитическаго племени), былъ во времена Даніила придворнымъ языкомъ (см. Дан. 2, 4: халдеи сказали царю по арамейски,—слѣд., раньше разговоръ шелъ на другомъ языкѣ,—именно халдейскомъ), а вмѣстѣ языкомъ вавилонской науки. Кажется, что это рѣзко отнѣненное въ Дан. 1, 4 и 2, 4 различіе употреблявшихся при Навуходоносорѣ двухъ языковъ—халдейскаго, придворнаго, и арамейскаго, народнаго, служить, между прочимъ, немаловажнымъ доказательствомъ подлинности книги Даніиловой, въ отношеніи, конечно, ея вавилонскаго происхожденія: уже въ греческій періодъ, а тѣмъ болѣе въ макавейскія времена существованіе помимо арамейскаго, народнаго, еще и халдейскаго, какъ именно придворнаго, языка является невозможнымъ.

³⁾ Дан. 1, 17.

⁴⁾ Дан. 1, 5.

удобствами, съ цѣлью впослѣдствіи видѣть въ нихъ образованныхъ и развитыхъ во всехъ отношеніяхъ чиновниковъ. Наравнѣ съ Даніиломъ такое-же образованіе получили и друзья его; но самъ пророкъ владѣлъ, кромѣ того, еще особеннымъ даромъ—понимать и объяснять различныя видѣнія и сны¹⁾. Конечно, въ извѣстной мѣрѣ и это искусство (понимаемое въ такомъ именно смыслѣ, въ какомъ понимали его древніе язычники) пророкъ (и не онъ одинъ, а и друзья его) изучилъ у тѣхъ-же халдеевъ-мудрецовъ, занимавшихся и славившихся разнаго рода волшебствами, заклинаніями, предсказаніями будущаго, толкованіями сновъ и т. д.; но чудесный даръ пророка объяснять видѣнія и сны, какой онъ обнаружилъ впослѣдствіи, былъ особымъ сверхъестественнымъ дарованіемъ одного Даніила, низпосланнымъ ему Богомъ въ видахъ исключительности назначенной ему Промысломъ пророческой миссіи. По словамъ Іосифа Флавія, пророка и друзей его учили еще въ Вавилонѣ мѣстнымъ „законамъ“²⁾. Это было, конечно, не только возможно, но и прямо необходимо; отроки назначались для опредѣленія ихъ впослѣдствіи на придворныя должности: естественно было, поэтому, не только дать имъ соответствующее образованіе, но и воспитать ихъ въ духѣ государственныхъ законовъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ теоретически-образованныхъ, но вмѣстѣ и практически-опытныхъ чиновниковъ; а для того, прежде всего, нужно было и самыя законы подвергнуть теоретическому изученію, потому что вообще практика не сильна, коль скоро она не имѣетъ подъ собою прочной теоретической подкладки³⁾.

¹⁾ Дан. 1, 17.

²⁾ I. Флавій. Древности іудейскія. Пер. Самуилова. Ч. II. Стр. 157.

³⁾ Тотъ-же Іосифъ (Древности іуд. Ч. II. Стр. 158) и Симеонъ Метафрастъ (*Migne. Patrologiae cursus completus. Ser. graeca postea. T. CXV. P. 373—374*) говорятъ, что пророкъ изучалъ въ Вавилонѣ мудрость не только халдейскую, но и еврейскую. Извѣстіе, конечно, сомнительное; но крайней мѣрѣ, у тѣхъ-же халдеевъ-мудрецовъ онъ не могъ научиться „еврейской“ мудрости, въ чемъ бы послѣдняя не состояла.

Во все время воспитанія при дворѣ царь велѣлъ давать отрокамъ пищу съ царскаго стола и вино, которое онъ самъ пилъ ¹⁾. И это не исключительный случай въ исторіи жизни древняго востока. Царскимъ столомъ у восточныхъ народовъ прежде всего пользовались знатные гости: такъ, въ послѣдствіи плѣнный царь іудейскій Іехонія ежедневно обѣдалъ за однимъ столомъ съ вавилонскимъ царемъ Евильмеродахомъ ²⁾. Затѣмъ, и всѣ придворные получали, обыкновенно, пищу съ царскаго стола; такъ было, напр., при персидскомъ дворѣ ³⁾, гдѣ, по Ктезію, ежедневно приготавливался обѣдъ на 15000 человекъ ⁴⁾. Нѣтъ, поэтому, ничего удивительнаго, если и знатымъ отрокамъ, назначеннымъ для служенія царю, приказано было отпускать ту же пищу, какою пользовались и всѣ придворные.

Здѣсь же пророку Даниилу и друзьямъ его (да, конечно, и всѣмъ отрокамъ, воспитывавшимся съ ними при царскомъ дворѣ) дали новыя имена, имена вавилонскія, вмѣсто прежнихъ еврейскихъ: это, какъ объясняетъ блаж. Феодоритъ, было знакомъ владычества надъ ними, потому что и рабамъ они перемѣняли имена въ знакъ ихъ рабства ⁵⁾. Конечно, отроки, воспитывавшіеся при дворѣ, были далеко не рабами даже самого царя; тѣмъ не менѣе, какъ будущіе чиновники въ Вавилонѣ, они должны были примѣняться и къ самымъ обычаямъ своего новаго отечества,—должны были принять и новыя, мѣстные имена ⁶⁾. Въ этомъ смыслѣ восточные государи перемѣняли имена даже правителямъ и самимъ царямъ побѣжденныхъ ими народовъ въ знакъ ихъ зависимости и подданства своему побѣдителю.

¹⁾ Дан. 1, 5.

²⁾ 4 Цар. 25, 29—30; Іер. 52, 33—34.

³⁾ Это видно изъ свидѣтельствъ Плутарха (Probl. VII, 4), Атенея (Dei-нос. IV, 10) и другихъ.—*Kranichfeld*. Das Buch Daniel. S. 65.

⁴⁾ *Hengstenberg*. Beiträge zur Einkleitung ins A. T. I. B. S. 335.

⁵⁾ Творенія св. отцевъ въ русскомъ переводѣ. Т. XXIX. Творенія бл. Феодорита, еп. кирскаго, ч. 4. Стр. 16.

⁶⁾ Мы знаемъ, что нѣкогда и Іосифъ при вступленіи на службу въ Египтъ получилъ отъ фараона новое имя (Быт. 41, 45). Ср. еще 2 Цар. 12, 25; Усе. 2, 7.

Примѣровъ для этого достаточно. Такъ, ассирійскій царь Ассурбанипаль, покоривши египетскаго фараона Нехао I и назначая сына его Псамметиха правителемъ провинціи Гатароба, перемѣнилъ послѣднему прежнее имя на ассирійское—Набусизибанни ¹⁾. Другой фараонъ Нехао II поставилъ царемъ іудейскимъ Еліакима, которому далъ новое имя—Іоакима ²⁾; самъ Навуходоносоръ возвелъ на іудейскій престолъ Матеанію, которому перемѣнилъ имя на Седекію ³⁾. Въ силу этого распространеннаго на востокъ обычая измѣнять имена подчиненнымъ лицамъ, и пророкъ Даниилъ со своими друзьями получилъ въ Вавилонѣ мѣстные имена: Даниилъ—Валтасара, Ананія—Седраха, Азарія—Авденаго, а Мисаиль—Мисаха ⁴⁾. Любопытно знать, какое значеніе имѣютъ эти новыя имена и въ какомъ отношеніи они стоятъ къ прежнимъ еврейскимъ именамъ пророка Даниила и друзей его. Имя „Даниилъ“ (דָּנִיֵּאל) значитъ „Богъ есть мой судья“ или „судилъ меня Богъ“ ⁵⁾. Новое его имя „Валтасаръ“ (וַלְתַשְׁמֶרֶס) значитъ „Виль (Бель), защищай его жизнь“ ⁶⁾ или „Белитта (жена бога Вила) да защититъ царя“ ⁷⁾. „Ананія“

¹⁾ *Schrader*. Keil. Bibliothek. V. II. S. 167.

²⁾ 4 Цар. 23, 34; 2 Цар. 36, 4.

³⁾ 4 Цар. 24, 17.

⁴⁾ Дан. 1, 7.

⁵⁾ *Keil* u. *Delitzsch*. Bibl. Commentar üb. d. A. T. III. Th., 5. B. S. 1.—*Lange*. Theol.-homil. Bibelwerk. A. T. XVII. Th. S. 7.—*Cornely*, *Knabenbauer*, *de Hummelauer*. Cursus scripturae sacrae. Comm. in V. T. p. III, in libr. proph. IV. P. 3.—*Верховскій*. Библейскій словарь. Т. I. СПб. 1871. Стр. 494.—По Іакову Тириу, названъ такъ за то, что предсказалъ о судѣ Божиимъ надъ азычскими царями и царствами и о послѣднемъ всемірномъ судѣ (Acta sanctorum. M. Iulius. T. V. P. 117). Едвали это такъ: пророкъ Даниилъ назывался этимъ именемъ еще въ дѣтствѣ и получилъ его, конечно, отъ родителей; предполагать же у послѣднихъ какое-либо предѣльное нѣтъ основаній.

⁶⁾ Ср. Дан. 4, 5.—*Schrader* E. Die Keilinschriften und das A. T. S. 429.—*Zeller* P. Bibl. Handwörterbuch. Calw. u. Stuttgart. 1885. S. 96.—Мальдонавъ переводитъ тоже имя чрезъ „мудрость Вила“ (Acta sanctorum. Iulius. T. V. P. 117).

⁷⁾ *Cornely*, *Knabenbauer*, *de Hummelauer*. Cursus scripturae sacrae. P. I. Introduct., vol. II, 2. P. 468.

Св. пророкъ Даниилъ

(מִלְחָמָה) значить „милость Божія“¹⁾, а вавилонское его имя „Седрахъ“ (שִׁדְרָחַ) довольно неопредѣленно, такъ что трудно установить самое значеніе его²⁾. „Азарія“ (אֶזְרָיָה) означаетъ „помощь Божія“³⁾; вавилонское же имя „Авденаго“ (אֲבִדְנֶגוֹ) значить „служитель бога Нево“⁴⁾. „Мисаилъ“ (מִשְׁאֵל) значить „кто какъ Богъ“⁵⁾, а вавилонское имя „Мисахъ“ (מִשְׁחַ) переводятъ чрезъ „кто какъ Аку“ (вавилонскій богъ⁶⁾). Какъ видно, новыя имена четырехъ друзей были всецѣло языческія: вмѣсто имени Иеговы, входившаго въ составъ ихъ іудейскихъ именъ, здѣсь являются имена вавилонскихъ божествъ—Вила, Нево, Аку. Конечно, перемѣна именъ не была какимъ-либо посвященіемъ языческимъ богамъ: это—обыкновенныя вавилонскія имена, составленныя изъ именъ главныхъ божествъ, подобно тому, какъ и многія іудейскія имена составлялись изъ словъ „Иегова“, „Эль“ и др. Этимъ можно ближе объяснить и самую причину перемѣны именъ: послѣ побѣды надъ Богомъ іудейскимъ (какъ думали вавилоняне) неприлично было съ ихъ точки зрѣнія, чтобы государственные чиновники (да еще придворные) носили имена какъ-бы своего „побѣжденнаго“ Бога; нужно было назвать ихъ по именамъ боговъ-побѣдителей, служителями которыхъ стали теперь въ извѣстномъ смыслѣ и эти плѣнные іудей; тѣмъ самымъ, съ одной стороны, приносилась должная дань почтенія къ государственнымъ богамъ, съ другой—новыя вавилонскія имена для носителей ихъ, какъ говоритъ Ленорманъ, служили своего рода признакомъ гражданскаго права⁷⁾.

¹⁾ Zeller. Bibl. Handwörterbuch. 3. 316.

²⁾ Целлеръ (ibid., S. 787) переводитъ его чрезъ „повелѣніе Аку“ (бога луны).

³⁾ Ibid., S. 316.

⁴⁾ Schrader. Die Keilinschriften n. d. A. T. S. 429.—Zeller. Bibl. Handwörterbuch. S. 316.

⁵⁾ Zeller. Handwörterbuch. S. 581.

⁶⁾ Ibid.

⁷⁾ Ленорманъ. Руководство къ древней исторіи востока. Пер. Каманина. Т. I, выд. 2. Стр. 403.

Іосифъ Флавій передаетъ, что Навуходоносоръ осконилъ въ некоторыхъ плѣнныхъ отроковъ іудейскихъ, какъ и часто дѣлалъ онъ съ другими своими плѣнниками¹⁾. Въ это число невольныхъ скопцовъ іудей включали и пророка Даниила. Поводомъ къ такому преданію о скопцествѣ пророка могло служить его цѣломудріе. Дѣйствительно, по словамъ св. Епифанія, „Даниилъ былъ до того воздерженъ, что іудей считали его эвнухомъ“²⁾. Основаніе, понятно, не безспорное: между цѣломудріемъ, этою высокою и похвальною добродѣтелью, безъ которой не можетъ быть и представленъ пророкъ-праведникъ, и насильственнымъ воздержаніемъ вслѣдствіе подчиненія позорной операціи—громадный шагъ. По замѣчанію же блаж. Иеронима, іудей опирались въ своемъ предположеніи, между прочимъ, и на словахъ пророка Исаи къ царю Езекии, что многіе изъ потомковъ послѣдняго будутъ отведены въ Вавилонъ и здѣсь будутъ эвнухами (עֲרֻמִים) при дворѣ царя вавилонскаго³⁾. Но слово עֲרֻמִים, какъ мы замѣчали, обозначаетъ не только „эвнуха“, т. е. скопца въ собственномъ смыслѣ, но гораздо чаще—придворнаго чиновника; и самъ Асфенавъ не былъ скопцомъ, хотя по должности считался начальникомъ эвнуховъ. Нужно прибавить, что пророкъ Даниилъ не былъ приставленъ къ царскимъ жепамъ; онъ долженъ былъ служить только самому царю⁴⁾; нигдѣ пророкъ, по замѣчанію Абенъ-Эзры, и не называется עֲרֻמִים⁵⁾. Что же касается словъ пророка Исаи, то едвали съ полною достовѣрностью можно отнести ихъ именно къ

¹⁾ I. Флавій. Древности іудейскія. Пер. Самуилова. Ч. II. Стр. 157.

²⁾ S. Eriphani opera. T. II. P. 242.—Fabricius. Codex pseudepigraphus V. T. Vol. I. P. 1124.

³⁾ 4 Цар. 20, 18; Ис. 39, 7.—Библиотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ. Кн. 21. Твор. бл. Иеронима, ч. 12. Стр. 7.

⁴⁾ Дан. 1, 4. 19.

⁵⁾ Geierus M. Praelectiones in Daniele prophetam. Editio 3. Lipsiae. 1702. P. 29.

Даніилу, такъ какъ царское происхожденіе этого пророка нельзя считать несомнѣннымъ. Если Флавій и говоритъ объ оскотленіи нѣкоторыхъ плѣнныхъ іудейскихъ отроковъ, то только *нѣкоторыхъ*; но нѣтъ основаній, конечно, включать въ это число непременно Даніила.

Интересно еще знать, сколько лѣтъ было пророку, когда онъ переселился въ Вавилонъ и началъ свое воспитаніе при царскомъ дворѣ. На основаніи библейскаго текста можно опредѣлить это съ вѣроятностью. Пророкъ и его сверстники называются еще отроками, но такими, которые были „понятливы для всякой науки“, слѣдовательно, достаточно развиты въ умственномъ отношеніи; что еще важнѣе,—они имѣли уже нѣкоторыя познанія; подъ руководствомъ своихъ ученыхъ наставниковъ, они приступаютъ къ изученію языка халдейскаго,—языка чужого и довольно труднаго,—и древнехалдейской литературы, преимущественно научной¹⁾. Воспитаніе ихъ должно было продолжаться три года²⁾, по истеченіи которыхъ отроки имѣли вступить уже на службу при дворѣ. Принимая во вниманіе эти данныя, слѣдуетъ предположить, что воспитаніе пророка Даніила началось приблизительно на 14—15-мъ году его жизни, а окончилось, слѣдовательно, на 17—18-мъ году. Это—самый естественный и пригодный возрастъ для изученія иностраннаго языка, для систематическаго образованія имѣющихъ уже элементарныя познанія отроковъ и приготовленія ихъ къ государственной службѣ; да и раньше 17—18 лѣтъ пророкъ не могъ быть опредѣленъ на службу при дворѣ. Нужно здѣсь указать именно такой возрастъ, при которомъ бы онъ началъ свое воспитаніе еще отрокомъ, а кончилъ его (черезъ 3 года) уже юношей, достаточно развитымъ какъ въ умственномъ и нравственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи и близкимъ уже къ полной возмужало-

¹⁾ Дан. 1, 4.

²⁾ Дан. 1, 5.

сти: въ этихъ предѣлахъ указанныя нами лѣта (14—17) единственно возможны. Наше предположеніе подтверждается и историческими данными. По свидѣтельству Платона, персы начинали систематическое воспитаніе своихъ дѣтей съ 14-лѣтняго возраста послѣднихъ¹⁾; по разсказу же Ксенофонта, тѣже персидскіе юноши въ 16—17 лѣтъ занимались уже общественными дѣлами и получали даже извѣстныя должности²⁾; такимъ образомъ, и у нихъ систематическое воспитаніе продолжалось приблизительно три года. Весьма возможно, что въ такомъ же приблизительно возрастѣ началъ и кончилъ свое воспитаніе при вавилонскомъ дворѣ и пророкъ Даніиль со своими сверстниками³⁾.

Воспитаніе пророка и друзей его съ внѣшней стороны, какъ видно, было обставлено самыми лучшими условіями. Они жили при дворѣ, нища для нихъ была назначена отъ царскаго стола, учились они у лучшихъ учителей того времени

¹⁾ Платонъ. Сочиненія, пер. Карпова. Изд. 2. Часть II. СПб. 1863. Стр. 423.

²⁾ Ксенофонтъ. Сочиненія, пер. Янчевецкаго. III. Киропедія. Кіевъ. 1878. Стр. 6.

³⁾ Нѣкоторые совершенно неосновательно относятъ начало воспитанія пророка Даніила при вавилонскомъ дворѣ то къ болѣе раннему, то къ болѣе позднему возрасту его жизни. Такъ, Салианъ относитъ плѣненіе пророка къ трехлѣтнему его возрасту (Acta sanctorum. M. Julius. T. V. P. 126), Меньявъ — къ 8-лѣтнему (Meignan. Les prophètes d'Israel et le Messie depuis Salomon jusqu'à Daniel. Paris. 1893. P. 535), Парерій — къ 10-лѣтнему (Acta sanctorum. P. 119), Менанъ — къ 12-лѣтнему (Ménant. Babylone et la Chaldée. P. 239), Придо — къ 18-лѣтнему (Prideaux. Histoire des juifs. T. I. P. 55), Санкцій (Sanctius. Commentarii in Daniele prophetam. Lugduni. 1619. P. 7), Корнелій а Липиде (Cornelius a Lapide. Commentaria in Daniele prophetam. P. 1255) и Мальдонатъ (ibid.) — къ 20-лѣтнему, а талмудисты — даже къ 25-лѣтнему (Wünsche A. Der babylonische Talmud. II. Halbband, 4. Abtheilung Leipzig. 1889. S. 82). Возрѣнія, очевидно, непримиримы съ сущностью библейскаго текста. Не только трехлѣтній, но и 12-лѣтній возрастъ недостаточенъ былъ для того, чтобы отроки могли приступить къ основательному (не элементарному только) образованію, а черезъ 3 года начать и государственную службу; съ другой стороны, 18—20—25-лѣтній возрастъ, хотя былъ удобенъ въ этомъ отношеніи, но непримиримъ съ другимъ обстоятельствомъ: не только 25-лѣтняго, но и 18-лѣтняго юношу нельзя было назвать „отрокомъ“ (Дан. 1, 4) въ собственномъ смыслѣ.

и изучали всю „мудрость“ своего вѣка; впереди имъ предстояла завидная будущность. Но весь этотъ блескъ, въ сожалѣнію, коренился на почвѣ языческой: воспитатели ихъ были, конечно, язычники; учителя учили тому, что особенно цѣнилось въ языческомъ обществѣ; имъ дали языческія имена и т. д. Несомнѣнно, болѣе или менѣе друзья должны были принимать нѣкоторое участіе и въ языческой жизни Вавилона,—въ ея религіозно-нравственной сферѣ: если ихъ, можетъ быть, не заставляли, напр., участвовать активно въ религіозныхъ церемоніяхъ, которыя играли, какъ мы замѣтили, видную роль въ общественной жизни Вавилона, то, во всякомъ случаѣ, непосредственными свидѣтелями и зрителями всѣхъ этихъ религіозныхъ торжествъ они были. Всѣ нравственные опасности и искушенія, которыя, какъ мы говорили, сильно угрожали чистотѣ душевнаго настроенія іудеевъ, жившихъ въ Вавилонѣ даже совершенно изолированно отъ языческой суеты,—тѣмъ болѣе предстояли іудейскимъ отрокамъ, воспитывавшимся при дворѣ, на глазахъ которыхъ язычники славил своихъ боговъ, высказывая явное пренебреженіе къ Богу іудейскому. Припомнимъ еще, что это были отроки съ душой впечатлительной и воспримчивой,—отроки, у которыхъ, естественно, религіозное чувство не могло быть такъ сильно, какъ у взрослога человѣка,—у которыхъ и привязанность къ родинѣ тоже легко могла испариться; припомнимъ, что эти отроки были перенесены въ чисто-языческую атмосферу и подверглись всѣмъ вліяніямъ нравственно-растлѣннаго высшаго языческаго общества;—опасность для религіозно-нравственнаго чувства ихъ была весьма велика. Вотъ здѣсь-то неопцѣненное значеніе имѣла та нравственная подкладка, каковую получилъ пророкъ Даніилъ въ домѣ родителей; только она, при помощи, конечно, Промысла, могла сохранить пророка чистымъ среди соблазновъ придворнаго вавилонскаго міра и укрѣпить его въ борьбѣ съ самимъ язычествомъ. Навуходоносоръ, отдавшій приказъ до-

ставлять отрокамъ ту же пищу, какую питался онъ самъ, естественно, не дѣлалъ и не желалъ дѣлать существеннаго различія между этими отроками и настоящими своими придворными; весьма возможно, что въ нѣкоторыхъ чрезвычайныхъ случаяхъ тѣ же отроки принимали хоть пассивное участіе въ важнѣйшихъ актахъ придворной жизни,—напр., участвовали въ свитѣ царя во время торжественныхъ религіозныхъ процессій и т. п.; но какъ вообще относился пророкъ къ такого рода неизбѣжнымъ случайностямъ, каково было его господствующее настроеніе,—всего лучше видно изъ того, что передаетъ намъ Библия о времени его трехлѣтняго воспитанія въ Вавилонѣ. Дѣло въ томъ, что пророкъ - отрокъ сразу же отказался отъ роскошной царской пищи и вина, назначенныхъ для нихъ самимъ царемъ, и потому обратился къ тому же Асфеназу, начальнику эвнуховъ, которому порученъ былъ главный надзоръ за ними, съ просьбою перемѣнить ему и друзьямъ назначенную для нихъ пищу. Много обстоятельствъ побуждало пророка поступить такимъ именно образомъ. Прежде всего, законъ Моисеевъ запрещалъ употреблять въ пищу нѣкоторые роды животныхъ, рыбъ и птицъ, которые употреблялись у народовъ языческихъ; на этотъ счетъ Моисей далъ самыя обстоятельныя предписанія своему народу ¹⁾. При царскомъ же дворѣ въ Вавилонѣ, по всей вѣроятности, употреблялись въ пищу самыя лакомыя блюда изъ запрещенныхъ именно закономъ Моисеевымъ (напр., мясо зайцевъ, свиней и т. п.). Затѣмъ, евреямъ запрещено было употреблять въ пищу жиръ и кровь ²⁾,—что, конечно, не соблюдалось у народовъ языческихъ. Дальше, самый способъ приготовленія пищи у евреевъ былъ обставленъ разнаго рода законными формальностями, касавшимися законной же чистоты сосудовъ, печей и проч.; при оскверненіи послѣднихъ самая пища счи-

¹⁾ См. Лев. 11, 4—19; Втор. 14, 7—18 и др.

²⁾ См. Лев. 3, 17; 7, 23—27; 17, 10—14 и др.

талась нечистою и запрещенною законом¹⁾; язычники, разумѣется, этому не подчинялись. Вотъ почему евреи вообще боялись вкушать пищу вмѣстѣ съ язычниками²⁾, а тѣмъ болѣе изъ ихъ рукъ, такъ какъ опасность оскверниться и чрезъ то стать нарушителями закона была весьма близка. Нерѣдко язычники употребляли въ пищу посвященное идоламъ, а то и прямо идоложертвенное³⁾; для нихъ это было, должно быть, выраженіемъ почтенія къ богамъ,—для іудеевъ же, разумѣется, могло граничить съ идолопоклонствомъ. Часто даже самая пища у язычниковъ окроплялась кровью жертвенныхъ животныхъ,—что тоже имѣло для нихъ религіозный характеръ, но для іудеевъ было преступленіемъ противъ закона. Наконецъ, самый процессъ вкушенія пищи, особенно въ торжественныхъ случаяхъ (напр., на званыхъ обѣдахъ, пиршествахъ и т. п.), былъ обставленъ у язычниковъ чисто-религіозными церемоніями: предъ принятіемъ пищи призывали идоловъ, въ честь ихъ совершали жертвоприношенія, кажденія, возліанія вина; во время обѣда пѣли хвалебные гимны богамъ⁴⁾ и т. д. Понятно, какъ нравственно-преступно было іудею даже присутствовать на такого рода зрѣлищахъ, а тѣмъ болѣе вкушать вмѣстѣ съ язычниками тѣ яства, которыя, по выраженію блаж. Теодорита, „осквернялись призываніемъ идоловъ“, и пить вино, которое возливалось языческимъ богамъ⁵⁾. Замѣчательно, что сами пророки говорили объ оскверненіи іудеевъ пищею въ Вавилонѣ⁶⁾; и если гдѣ, то именно при царскомъ дворѣ, средоточіи языческой атмосферы, опасность оскверниться для благочести-

¹⁾ Лев. 11, 32—38.

²⁾ Ср. Гал. 2, 12.

³⁾ Ср. Исх. 34, 15.

⁴⁾ Что все это было въ употребленіи при вавилонскомъ дворѣ во времена пророка Даніила,—видно изъ описанія пиршества Валтасара (Дан. 5, 4).

⁵⁾ Творенія св. отцевъ, т. XXIX. Творенія бл. Теодорита, ч. 4. Стр. 17.

⁶⁾ Ис. 4, 13—14; ср. 22, 26; 33, 25; 44, 23; Ос. 9, 3; ср. Ам. 7, 17.

ваго іудея была особенно сильна. Можно намѣтить и другую причину воздержанія пророка Даніила: подъ вліяніемъ воспитанія въ домѣ родительскомъ онъ достаточно окрѣпъ въ нравственномъ отношеніи и достигъ сравнительной зрѣлости своихъ религіозныхъ убѣжденій; а въ то время, когда его отечество видимо падало, когда и онъ самъ чувствовалъ живую скорбь по Іерусалимѣ, по своему народѣ и домѣ родительскомъ,—въ это время онъ не желалъ пользоваться удобствами придворной обстановки, наслаждаться лакомствами царской пищи и прибѣгаетъ къ болѣе простому образу жизни¹⁾. Весьма возможно, что пророкъ хотѣлъ еще болѣе укрѣпить себя духовно, такъ какъ считалъ своею нравственною обязанностью и среди всецѣло языческой атмосферы охранять тѣ добрыя религіозно-нравственныя начала, какія внушила ему родная семья. Въ силу этого Даніиль, какъ говоритъ св. Ефремъ Сиринъ, „воздерживался не потому, что нечисты были снѣди и питія; ибо могъ-бы, замѣняя одно мясо другимъ, ѣсть и пить не оскверняясь; но потому, что онъ и его товарищи посвятили себя посту“²⁾. И вотъ пророкъ обращается къ Асфеназу³⁾ съ просьбою переимѣнить ему и друзьямъ назначенную для нихъ пищу. Кажется, Даніиль пользовался особымъ расположеніемъ начальника эвнуховъ: можетъ быть, его исключительныя природныя дарованія, а вѣроятно же—нравственныя достоинства заставили Асфеназа обратить на него свое особенное вниманіе; да и вообще пророкъ Даніиль, нужно думать, былъ выдающеюся личностью среди своихъ товарищей-сверстниковъ; по край-

¹⁾ Такъ мотивируетъ воздержаніе пророка св. Елифаній (Орег. Т. II. P. 242).—Ср. *Fabricius. Codex pseudepigraphus V. T. Vol. I. P. 1124.*

²⁾ Творенія св. отцевъ. Тоизъ XXII. Творенія св. Ефрема Сирина, часть 8. Стр. 58.

³⁾ Иосифъ Флавій (Древности іудейскія. Пер. Самуйлова. Ч. II. Стр. 158) и Симеонъ Метафрастъ (*Migne. Patrologiae cursus completus. Ser. graeca poster., t. CXV. P. 373—374*) называютъ его Асханонъ.

ней мѣрѣ, друзья его идутъ всегда за нимъ и во всемъ слѣдуютъ его совѣтамъ; такъ и въ настоящемъ случаѣ инициатива въ дѣлѣ перемѣны пищи принадлежала именно Даниилу, который обращается къ Асфеназу отъ лица вмѣстѣ и своихъ друзей. Можетъ быть, пророкъ и откровенно передалъ, что онъ, какъ іудей, считаетъ нравственно-недозволеннымъ для себя питаться тѣми яствами, какія употребляетъ царь и его придворные. По Іосифу Флавію, пророкъ употребилъ при этомъ и вѣкотораго рода хитрость, сообщивъ Асфеназу, что онъ и друзья его любятъ только самую простую, растительную пищу, всякихъ же сладостей, вина, мяса не могутъ ѣсть¹⁾. По разсказу того-же Флавія, пророкъ Даниилъ прямо просилъ начальника эвнуховъ, чтобы тотъ назначенную для нихъ пищу бралъ себѣ, а имъ присылалъ только овощи, травы и другія растительныя вещества²⁾. Асфеназъ снисходительно выслушалъ просьбу отрока - пророка, но исполнить ее на первыхъ порахъ отказался; онъ бы и готовъ сдѣлать Даниилу пріятное для него, но страхъ и опасеніе за себя самого заставляли его отказать друзьямъ. Съ своей точки зрѣнія онъ былъ, конечно, правъ: „боюсь я, сказалъ Асфеназъ пророку, господина моего, царя, который самъ назначилъ вамъ пищу и питье: если онъ увидитъ лица ваши худощавѣе, нежели у отроковъ, сверстниковъ вашихъ, то вы сдѣлаете голову мою виновною предъ царемъ“³⁾. Дѣйствительно, жестоко поплатился-бы Асфеназъ, еслибы, въ самомъ дѣлѣ, случилось то, чего онъ боялся; тогда его обвинили-бы не только въ ослушаніи царскаго приказа и въ пренебреженіи къ возложеннымъ на него обязанностямъ, но, пожалуй, прямо въ воровствѣ,—такъ какъ онъ бралъ себѣ роскошную царскую пищу, назначавшуюся для Даниила и друзей его,

¹⁾ I. Флавій. Древности іудейскія. Пер. (ануйлова. Ч. II. Стр. 158.

²⁾ Ibid.

³⁾ Дан. 1, 10.

а имъ давалъ только овощи. Когда же пророкъ замѣтилъ что Асфеназъ согласился-бы на ихъ просьбу, еслибы съ него сняли отвѣтственность предъ царемъ, тогда онъ поступаетъ рѣшительно:—обращается къ дворецкому¹⁾, приставленному самимъ Асфеназомъ для ближайшаго присмотра за друзьями, въ частности за отпускаемою для нихъ пищею, и проситъ его дать имъ сроку на 10 дней, а тѣмъ временемъ давать имъ вмѣсто царскаго стола только овощи и воду²⁾. Эти яства Даниилъ не боится уже употреблять въ пищу хотя-бы изъ рукъ даже язычниковъ; съ одной стороны, сами по себѣ овощи и вода были совершенно безвредны и дозволены закономъ Моисеевымъ; опасности оскверниться не могло быть никакой; да притомъ такія незначительныя вещества не приносились въ жертву идоламъ, такъ что здѣсь не могло быть и идоложертвеннаго; вкушая же пищу совершенно одни (такъ какъ самая перемѣна ея совершалась тайкомъ для всѣхъ),

¹⁾ Въ славянской и русской Библии указывается собственное имя — Анелсаръ (Дан. 1, 11); но въ еврейской Библии соответствующее слово אֱלִיָּאֵר — существительное съ членомъ; членъ показываетъ, что это имя не собственное (какъ Асфеназъ), а названіе должности. По всей вѣроятности, это тоже, что у персовъ называлось „melar“, т. е. дворецкій („vini princers“, какъ называютъ эту должность; ср. евангельскій „архитриклинъ“. Іоан. 2, 8—9), завѣдующій столомъ. По замѣчанію В. гуру, имена Асфенаса и „Малазара“ часто встрѣчаются на ассиро-вавилонскихъ памятникахъ; усвоенныя имъ должности — тѣже самыя, какія приписываются имъ въ Библии (*Vigouroux. Die Bibel u. die neueren Entdeckungen. Uebers. v. Ibach. B. IV. S. 386—387*).

²⁾ Ленгерке говоритъ, что такое строгое воздержаніе отроковъ, такой аскетизмъ возможенъ былъ только въ вѣкъ Маккавеевъ, почему и книгу Даниилу относить къ этому именно времени (*Lengerke. Das Buch Daniel. S. 25—26*). Конечно, подобнаго рода воздержаніе съ цѣлью оградить себя отъ оскверненія пищею принадлежитъ, между прочимъ, и маккавейскимъ іудеямъ (1 Макк. 1, 62—63; 2 Макк. 5, 27); но его показали и съ тою-же цѣлью Товитъ въ Ниневіи (Тов. 1, 10—11), Эсавръ при персидскомъ дворѣ (Есф. 4, 17) и др. Опасность оскверненія пищею въ Вавилонѣ была тоже велика, о чемъ предсказывали и сами пророки (Іез. 4, 13; Ос. 9, 3). Современникъ и соплѣнникъ Даниила Іезекіиль, въ свою очередь, заботился о сохраненіи себя отъ оскверненія пищею (Іез. 4, 14). Нельзя забывать, что и пророкъ Даниилъ воздерживался *главнымъ образомъ* потому, что боялся оскверниться (Дан. 1, 8); это было первоначальною причиною его воздержанія, а не чисто-аскетическое направленіе.

отроки-друзья могли быть увѣрены, что ихъ пища никто не окропитъ жертвенною кровью, не осквернитъ призываніемъ идоловъ, возліаніями и т. д. „Сдѣлай опытъ, говорилъ пророкъ Даниилъ дворецкому ¹⁾, надъ рабами твоими: въ теченіе десяти дней пусть дадутъ намъ въ пищу овощи и воду для питья; и потомъ пусть явятся предъ тобою лица наши и лица тѣхъ отроковъ, которые питаются царскою пищею, и затѣмъ поступиай съ рабами твоими, какъ увидишь“ ²⁾. Дворецкій согласился, давалъ друзьямъ въ продолженіе 10 дней только овощи ³⁾ и воду, а присылаемую имъ царскую пищу забиралъ себѣ ⁴⁾. По истеченіи же назначеннаго срока, оказалось, что пророкъ Даниилъ и друзья его не только не исхудали и не поблѣднѣли, напротивъ сдѣлались полнѣе и красивѣе своихъ сверстниковъ, употреблявшихъ царскую пищу, такъ что всѣмъ казалось, будто первые питаются пищею самою изысканною и живутъ въ довольствѣ и забавахъ, а послѣдніе питаются такъ скудно, что не могутъ поддержать даже своихъ тѣлесныхъ силъ ⁵⁾. Послѣ того, конечно, отказа четверемъ друзьямъ не было: все время воспитанія ихъ тайкомъ кормили только овощами и водой.

Между тѣмъ, отроки развивались какъ физически, такъ и духовно. Три года—время достаточное для того, чтобы 14-лѣтніе отроки, поставленные въ сравнительно хорошей обстановкѣ придворной жизни, могли достигнуть зрѣлости и

¹⁾ По Флавію, съ такимъ предложеніемъ обратился пророкъ къ тому-же Асфеназу или Асхану, какъ онъ его называетъ (I. Флавій. Древности іудейскія. Пер. Самуилова. Ч. II. Стр. 158).

²⁾ Дан. 1, 13.

³⁾ По ивѣвію Маймонада, это были 1) хлѣбныя зерна: пшеница, рожь, ячмень; 2) бобы и другія шелушныя зерна; 3) садовые плоды.—Cornely, *Книга Бен-Сера, de Hummelauer*. *Cursus scripturae sacrae*. V. T. p. III, libr. proph. IV. Comm. in Daniele prophetam. P. 74.

⁴⁾ Творенія св. отцевъ. Т. XXIX. Твор. бл. Теодорита, ч. 4. Стр. 19, 21.

⁵⁾ I. Флавій. Древности іудейскія. Ч. II. Стр. 158.—*Migne. Patrologiae cursus completus. Ser. graeca poster.*, t. CXV. P. 373—374.

расцвѣта какъ физическихъ, такъ и духовныхъ силъ ¹⁾. Физическая красота ихъ отъ растительной пищи только развилась ²⁾; умственные способности проявились во всей своей силѣ ³⁾. Пророкъ Даниилъ и друзья его хорошо изучили всю преподаваемую имъ „мудрость“ халдейскую и оказали въ ней блестящіе успѣхи. Заниматься языческими науками и даже достигнуть въ нихъ возможнаго совершенства не мѣшало высокое благочестіе пророка: его предпріятіе въ дѣлѣ перемѣны пищи достаточно показываетъ, какъ сильны были въ немъ религіозно-нравственныя убѣжденія, какое мѣсто онъ отводилъ религіи и нравственному долгу въ ряду другихъ своихъ интересовъ. При такомъ положеніи дѣла, понятно, не могло быть и рѣчи о какой-либо опасности для чистоты его религіозно-нравственныхъ убѣжденій: онъ воспринималъ халдейскую „мудрость“, какъ науку, какъ полезное знаніе, но не проникался ею и тѣмъ болѣе не предпочиталъ ее той истинно-религіозной мудрости, какой научилъ его законъ Іеговы. Тоже нужно сказать и о друзьяхъ пророка Даниила. Впрочемъ, самъ пророкъ имѣлъ особое преимущество предъ ними: онъ могъ понимать и толковать видѣнія и сны; онъ, какъ поясняетъ блаж. Іеронимъ, „своимъ прозорливымъ умомъ видѣлъ видѣнія и сны, въ которыхъ подъ нѣкоторыми символами таинственно ука-

¹⁾ Замѣтить, что дѣло было на востокѣ, гдѣ люди скорѣе развиваются, чѣмъ въ умѣренныхъ или холодныхъ странахъ.

²⁾ По преданію, пророкъ Даниилъ былъ сухощавъ, но строень и весьма красивъ собою (S. *Ephraim* orig. T. II. P. 242.—*Fabricius. Codex pseudepigraphicus* V. T. Vol. I. P. 1124.—*Порфирій*. Сказанія о внѣшней видѣ святыхъ мужей и женъ и о возрастѣ ихъ. Кіевъ. 1867. Стр. 15). Въ одномъ рукописномъ „сказаніи о житіи“ Даниила передается, что онъ „сухъ съ (бѣ) и кощъ и скудобрядъ лицомъ“ (Описаніе славянскихъ рукописей Моск. синод. бібліотеки. Отд. I. Стр. 112). Вѣроятно, таковъ былъ пророкъ уже въ зрѣломъ возрастѣ, когда самъ изнурялъ себя постомъ и подвигами молитвы и сокрушенія (Дан. 9, 3; 10, 3).

³⁾ „Еслибы всѣхъ языческихъ мудрецовъ, займаетъ въ одной мѣстѣ талмудъ, положить на одну чашку вѣсовъ, а Даниила на другую, то онъ перевѣсилъ-бы всѣхъ“ (*Hamburger. Real-Encyclopädie für Bibel u. Talmud* S. 224).

зывается будущее; своими умственными очами созерцалъ то, что другіе видѣли въ видѣ призраковъ¹⁾. Въ Вавилонѣ, да и вообще въ древнеязыческомъ мірѣ, такое „искусство“ считалось высшимъ, таинственнымъ знаніемъ²⁾; неудивительно, если пророкъ въ послѣдствіи обращалъ на себя вниманіе какъ царей, такъ и высшаго языческаго общества.

Какого же рода была самая мудрость Даніила, которую онъ „въ десять разъ“ превзошелъ всѣхъ „тайновѣдцевъ и волхвовъ“ вавилонскаго царства³⁾? Очевидно, это была мудрость вышечеловѣческая, потому что ученикъ, какъ бы ни былъ онъ одаренъ своими умственными способностями, но путемъ однихъ естественныхъ силъ, на основаніи того, что добылъ въ школѣ,—сейчасъ же по выходѣ изъ нея не можетъ стать во много разъ мудрѣе всѣхъ своихъ учителей; а вавилонскіе мудрецы и маги были, во всякомъ случаѣ, выдающіеся по уму люди. Мудрость пророка Даніила, какъ онъ самъ говоритъ о себѣ⁴⁾, была не плодомъ только его естественнаго умственнаго развитія, но преимущественно сверхъестественнымъ даромъ Божиимъ: „не халдейское обученіе, говоритъ блаж. Теодоритъ, сдѣлало Даніила смысленнымъ, и исполнило всякой премудрости, но по Божіей благодати, сподобившись смысла и премудрости и всякаго знанія, оказался онъ всѣхъ лучшимъ“⁵⁾. Мудрость его, такимъ образомъ, была источникомъ двухъ факторовъ: съ одной стороны и въ самой малой степени—глубокаго изученія имъ всѣхъ тайнъ восточной науки, съ другой и главнымъ образомъ—божественной благодати, воспитывавшей въ немъ будущаго пророка и государственнаго дѣятеля на почвѣ язы-

¹⁾ Библиотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ. Кн. 21. Твор. блаж. Иеронима, ч. 12. Стр. 9.

²⁾ Ср. Ис. 47, 12.

³⁾ Дан. 1, 20.

⁴⁾ Дан. 2, 30. 18.

⁵⁾ Творенія св. отцевъ. Т. XXIX. Твор. бл. Теодорита, ч. 4. Стр. 20.

ческой во славу Иеговы¹⁾. Вмѣстѣ съ умственными качествами, и нравственное достоинство пророка Даніила вполне укрѣпилось: строгая точность его въ исполненіи предписаній обрядоваго закона Моисеева, его самопожертвованіе въ виду высшихъ религиозно-нравственныхъ интересовъ, проявлявшееся въ послѣдующія времена, но заложенное еще съ отроческаго возраста,—все это дало поводъ пророку Іезекилю дать весьма лестный отзывъ о своемъ молодомъ современникѣ и соплѣнникѣ и поставить его за его благочестіе наряду съ Ноемъ и Іовомъ²⁾.

На второмъ или третьемъ году воспитанія пророка Даніила въ Вавилонѣ случилось тамъ событіе, имѣвшее немаловажное значеніе для самого пророка, такъ какъ послужило началомъ его извѣстности и возвышенія его пророческаго достоинства среди вавилонскихъ плѣнниковъ-іудеевъ. Въ числѣ послѣднихъ жилъ въ Вавилонѣ нѣкто Іоакимъ. Когда онъ переселился сюда,—трудно сказать: по всей вѣроятности, въ одно время съ самимъ же пророкомъ Даніиломъ; можетъ быть, впрочемъ, и раньше, такъ какъ случаи то добровольнаго, то насильственнаго выселенія іудеевъ въ Вавилонъ еще до Навуходоносора, какъ мы говорили, изрѣдка бывали. Іоакимъ принадлежалъ къ числу самыхъ знатныхъ, вліятельныхъ и уважаемыхъ среди народа лицъ; притомъ, былъ очень богатъ: спустя годъ или два со времени переселенія іудейскихъ плѣнниковъ въ Вавилонъ у него является уже прекрасный домъ съ садомъ и со всѣми удобствами для роскошной жизни, много слугъ и т. п.³⁾. По всей вѣроятности,

¹⁾ Неосновательно, поэтому, говоритъ Гербстъ, будто пророкъ Даніилъ понималъ видѣнія и сны и вообще достигъ своей чрезвычайной мудрости единственно потому, что изучилъ всѣ науки халдейскія (*Herbst. Histor.-krit. Einleitung in die heiligen Schriften d. A. T. II. Th., 2. Abth. S. 76*); тогда бы онъ, конечно, не былъ и не могъ быть въ *десять разъ* мудрѣе вавилонскихъ мудрецовъ и волхвовъ (Дан. 1, 20).

²⁾ Іез. 14, 14—20.

³⁾ Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, а тѣмъ болѣе—невозможнаго.

онъ пользовался расположеніемъ и вавилонскаго правительства, какъ одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ представителей покоренной іудейской націи: оказывая покровительство Іоакиму, вавилонское правительство тѣмъ самымъ могло надѣяться привязать къ себѣ и всѣхъ вообще плѣнниковъ-іудеевъ, относившихся къ Іоакиму съ полнымъ уваженіемъ и подчинявшихся его авторитету. Домъ этого почетнаго жителя Вавилона былъ, между прочимъ, мѣстомъ общественныхъ собраній для его соплеменниковъ,—а также и судебныхъ засѣданій: всѣ имѣвшіе какую-либо нужду въ судебномъ, законномъ рѣшеніи своего дѣла сходились въ домъ Іоакима и здѣсь поставленные для народа судьи (изъ среды іудеевъ же) рѣшали спорныя дѣла. Последнее обстоятельство, въ свою очередь, говоритъ о томъ глубокомъ уваженіи, какое питала къ Іоакиму жившая въ Вавилонѣ іудейская община¹⁾. Этотъ Іоакимъ былъ женатъ на Сусаннѣ²⁾, дочери Хелкіи³⁾, женщинѣ весьма красивой и богобоязненной; родители ея были

Если Навуходоносоръ конфисковалъ богатства покоренныхъ имъ странъ и городовъ, а затѣмъ, конечно, и частныхъ лицъ, то это вполне объясняется духомъ восточной политики; между тѣмъ, самихъ евреевъ, какъ и другихъ своихъ плѣнниковъ, онъ никогда не думалъ сдѣлать своими рабами; напротивъ, старался воспользоваться ими гораздо высшимъ способомъ: напр., вятныхъ отроковъ воспиталъ при дворѣ, послѣ чего предоставилъ имъ соответствующія должности, давъ имъ возможность впоследствии достигнуть первыхъ государственныхъ мѣстъ. Возможно, конечно, что Навуходоносоръ покровительствовалъ и другимъ лучшимъ іудейскимъ гражданамъ, жившимъ теперь въ Вавилонѣ: могъ онъ возвратитъ имъ конфискованныя раньше имущества (ср. Іер. 29, 5—6), дать извѣстныя государственныя права и т. д.

¹⁾ Юлій Африканъ предполагаетъ, что это былъ царь іудейскій Іоакимъ или, скорѣе, Іехонія (*Origenis responsum ad Africani epistolam de historia Susannae*. P. 221). Но это хронологически невозможно: царь Іоакимъ никогда не жилъ въ Вавилонѣ; Іехонія же переселилась туда только въ 8-мъ году царствованія Навуходоносора, когда пророкъ Давидъ былъ уже взрослымъ человѣкомъ, а не „молодымъ юношей“, какъ онъ называется въ Дан. 13, 45. Еслибы, притомъ, это былъ царь Іоакимъ, по всей вѣроятности, объ этомъ было-бы упомянуто въ самомъ разсказѣ.

²⁾ Имя „Сусанна“ значитъ „лилія“ (ср. Ос. 14, 6; Пѣсьмъ пѣси. 2, 1); имя, вполне соответствующее ея въ высшей степени чистой и цѣломудренной красотѣ.

³⁾ Кто былъ этотъ Хелкіа,—неизвѣстно; но считать его тѣмъ первосвя-

люди праведные и воспитали свою дочь въ духѣ истиннаго благочестія и цѣломудрія. Такъ какъ вавилонскіе іудейскіе плѣнники въ дѣлахъ внутренняго самоуправленія пользовались большой свободой, то они выбирали для себя судей изъ своей же среды и судились по своимъ законамъ; въ Вавилонѣ такихъ выборныхъ судей было двое и въ тотъ годъ, когда происходило излагаемое нами событіе, были выбраны судьями двое старѣйшинъ, которые, впрочемъ, не только не заботились объ управленіи народомъ, о водвореніи среди него законной правды и истинной нравственности,—напротивъ, сами творили беззаконія и предавались постыднымъ страстямъ¹⁾. Такъ какъ домъ Іоакима служилъ, между прочимъ, мѣстомъ общественнаго судопроизводства, то понятно, что и двое старѣйшинъ-судей по дѣламъ службы часто бывали въ этомъ домѣ и здѣсь не могли не замѣтить жены Іоакима Сусанны, выдающаяся красота которой обращала на себя общее вниманіе. Между прочимъ, народъ, сходявшійся въ домъ Іоакима для рѣшенія своихъ тяжёбныхъ дѣлъ, оставался здѣсь до полудня, а Сусанна послѣ того проходила въ садъ своего мужа для прогулки. Сладострастные старцы-судьи, часто види ея то про-

щениковъ Хелкіей, который при Іосіи нашёл „книгу закона“,—вѣтъ данныхъ, такъ какъ и о Сусаннѣ нельзя съ увѣренностью сказать, чтобы она происходила изъ священническаго рода. Впрочемъ, имя Хелкіи было довольно употребительно у евреевъ (ср. Іер. 1, 1; 29, 3; 1 Пар. 26, 11; Неем. 8, 4).

¹⁾ Оригенъ (*Responsum ad Africani epistolam*. P. 230—231) и блаж. Іеронимъ (Библиотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ. Кн. 21. Твор. блаж. Іеронима, ч. 12. Стр. 140) передаютъ іудейское преданіе, будто упоминаемые здѣсь двое старцевъ были тѣже жепороки Ахавъ и Седекія, сожженные Навуходоносоромъ за беззаконія и прелюбодѣланія съ чужими женами (Іер. 29, 22—23. Ср. *Wünsche*. *Der babyl. Talmud*. II. Halbband, 3. Abth. S. 164—165). Основаніе для такого предположенія едва ли можно найти. Ахавъ и Седекія были сожжены Навуходоносоромъ (Іер. 29, 22—23), а эти двое судей умерщвлены народомъ; можетъ быть, впрочемъ, и послѣдніе только были осуждены въ общемъ собраніи народа, а для исполненія смертнаго приговора отданы вавилонскимъ властямъ; но при этомъ умерщвлены они были не за прелюбодѣланіе (какъ Ахавъ и Седекія), а за лжесвидѣтельство: развѣчье значительное.

Св. пророкъ Давидъ.

ходящею въ садъ, то гуляющею тамъ, воспылали къ ней похотью и настолько сильною, что она совершенно затемнила ихъ умъ, заставила ихъ забыть и собственную старость, и тотъ авторитетъ, которымъ они были облечены, и тѣ нравственныя обязанности, которыя лежали на нихъ, какъ на исполнителяхъ и блюстителяхъ закона Иеговы,—забыли они и положеніе Сусанны, какъ жены одного изъ самыхъ почетныхъ и уважаемыхъ народомъ лицъ. Тотъ и другой питали въ душѣ самыя преступныя чувства по отношенію къ Сусаннѣ, но стыдились признаться другъ другу въ своей страсти; каждому, конечно, хотѣлось отстранить своего соперника или, по крайней мѣрѣ, отвести глаза какъ его, такъ и всѣхъ окружающихъ. Часто, когда народъ около полудня расходился по домамъ, и эти двое старцевъ говорили одинъ другому: „пойдемъ домой,—уже время обѣдать“; оба расходились въ разныя стороны, а затѣмъ снова съ двухъ противоположныхъ концовъ возвращались къ дому Іоакима; каждый, разумѣется, былъ не мало удивленъ, видя своего товарища почему-то возвратившимся назадъ, и, конечно, освѣдомлялся о причинѣ возвращенія. Наконецъ, оба признались другъ другу въ своей преступной страсти и тогда сообща стали искать случая и времени, чтобы овладѣть Сусанной, когда она будетъ одна. Въ одинъ жаркій полдень Сусанна, по обыкновенію, вышла въ садъ съ двумя только служанками и захотѣла выкупаться въ саду; она послала служанокъ за масломъ ¹⁾ и мыломъ, велѣла имъ затворить двери въ садъ и оставить ее одну; тѣ такъ и сдѣлали, заперли главныя двери, ведущія въ садъ, а сами вышли боковыми дверьми, чтобы привести, что приказала имъ госпожа. Между тѣмъ, въ саду за деревьями скрывались двое старцевъ, рѣшившихся теперь воспользоваться случаемъ и привести въ исполненіе свои гнусныя намѣренія;

¹⁾ Послѣ купанья, обыкновенно, помазывали или все тѣло, или только лице и голову масломъ; см. Чувъ 3, 3; 2 Цар. 12, 20; Эсв. 2, 3, 9; Іудеевъ 10, 3

до времени они зацрятались такъ искусно, что ни служанки, ни сама Сусанна не замѣтили ихъ и послѣдняя думала, что она одна. Какъ только служанки вышли, старцы выбѣжали изъ своей засады, подбѣжали къ ней и сказали: „вотъ двери сада заперты и никто насъ не увидитъ, и мы имѣемъ похотѣніе къ тебѣ, поэтому согласись съ нами и побудь съ нами; если же не такъ, то мы будемъ свидѣтельствовать противъ тебя, что съ тобою былъ юноша, и ты поэтому отослала отъ себя служанокъ твоихъ“ ¹⁾. Сусанна, очутившись въ такомъ безвыходномъ положеніи, испугавшись и ужаснувшись послѣ такихъ словъ безстыдныхъ старцевъ, застонала отъ внутренней муки и сильнаго нравственнаго потрясенія и сказала: „тѣсно мнѣ отсюда; ибо если я сдѣлаю это, смерть мнѣ ²⁾, а если не сдѣлаю, то не избѣгну отъ рукъ вашихъ; лучше для меня не сдѣлать этого и впасть въ руки ваши, нежели согрѣшить предъ Господомъ“. Боясь, чтобы старцы, послѣ такого категорическаго отказа съ ея стороны, не употребили надъ нею насилія, такъ какъ страсть ихъ разжигалась все болѣе и болѣе, а она была въ саду одна и совершенно беззащитна, Сусанна закричала громкимъ голосомъ, призывая къ себѣ на помощь; старцы же, сообразивши и свое положеніе, рѣши-

¹⁾ Эта сцена очень часто воспроизводилась на памятникахъ искусства первыхъ временъ христіанства. На нѣкоторыхъ саркофагахъ Сусанна изображается одѣтою въ длинную тунику и плащъ, въ стоячемъ положеніи, съ руками, простертыми какъ-бы для молитвы: съ двухъ сторонъ ея стоятъ два старца, которые говорятъ къ ней съ большими воодушевленіемъ. На другихъ саркофагахъ Сусанна изображается одна, часто въ положеніи молящейся или читающей, а на заднемъ планѣ—два дерева, за которыми прячутся двое старцевъ въ положеніи людей, которые выслаживаютъ давно ожидаемую и страстно желаему добычу. Кромѣ прямого, буквального, такъ сказать, изображенія этой сцены, весьма интересной, конечно, для художника и потому особенно любимой предшавителями древнехристіанскаго искусства, было не мало самыхъ разнообразныхъ аллегорическихъ воспроизведеній этого сюжета.—*Martigny. Dictionnaire des antiquités chrétiennes. Paris. 1877. P. 747—748.*

²⁾ Конечно, смерть какъ физическая, такъ какъ за прелюбодѣяніе законъ Моисеевъ наказывалъ смертію (Лев. 20 10; Втор. 22, 22), такъ и духовная—грѣхъ.

обратить дѣло въ свою пользу и жестоко наказать Сусанну за ея непреклонность,—наказать тѣмъ, чѣмъ они угрожали ей за отказъ. Дѣлая видѣ, какъ будто они, въ самомъ дѣлѣ, застали Сусанну съ юношей и воіують противъ такого беззаконія, оба подняли крикъ съ своей стороны, а одинъ изъ нихъ побѣжалъ и отворилъ двери въ садъ, чрезъ которыя будто-бы убѣжалъ мнимый юноша. Домашніе Сусанны, услышавъ крикъ въ саду, побѣжали туда боковыми дверьми; когда же старцы стали обвинять Сусанну въ мнимомъ прелюбодѣяніи, слуги ея сильно смутились, такъ какъ никогда не слышали и не замѣчали за своей госпожей не только такого гнуснаго грѣха, въ какомъ ее обвиняли уважаемые старѣйшины народа, но и вообще ничего предосудительнаго. Дѣло было послѣ полудня, когда народъ разошелся уже по домамъ; старцы же хотѣли придать своему беззаконному предпріятію какъ можно большую гласность и торжественность и потому окончательное обвиненіе отложили до утра, до слѣдующаго общенароднаго собранія въ домѣ самого Іоакима. Когда на другой день народъ собрался, по обыкновенію, въ домъ мужа Сусанны, старцы - судьи, пылая мщеніемъ противъ нея, принялись за осуществленіе хорошо обдуманнаго ими замысла. Они велѣли привести въ народное собраніе Сусанну, такъ какъ имѣли противъ нея важное обвиненіе. Сусанна пришла вмѣстѣ со своими родителями, дѣтьми и другими родственниками, желавшими если защищать ее, то, по крайней мѣрѣ, присутствовать при производствѣ дѣла, которымъ, конечно, они не могли не интересоваться, такъ какъ Сусанна пользовалась общою любовью всѣхъ своихъ домашнихъ и близкихъ. Сусанна была закрыта покрываломъ, какъ и вообще на востокѣ ходили женщины, особенно во время траура; но беззаконные судьи велѣли открыть ея лице, желая еще разъ насладиться ея нѣжной и привлекательной красотой; по восточнымъ обычаямъ, открытіе лица было, кромѣ того, знакомъ

супружеской невѣрности¹⁾ и служило, въ данномъ случаѣ, тяжкимъ обвиненіемъ для Сусанны, къ чему всячески стремились оба старца. Всѣ бывшіе вокругъ Сусанны и многіе изъ народа, знавшіе ее, плакали, слыша такое страшное обвиненіе противъ добродѣтельной и любимой всѣми женщины и видя позоръ, навлекаемый этимъ на всю ея семью, на весь ея родъ, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ; сомнѣваться въ справедливости обвиненія было, повидимому, невозможно, такъ какъ обвинителями являлись судьи - старѣйшины, избранные самимъ народомъ въ блюстители законной правды, а также и законнаго благочестія; Сусанна же не имѣла защитника (сцена наканунѣ въ саду происходила безъ свидѣтелей), а собственный ея голосъ въ свою пользу, понятно, не могъ имѣть никакого значенія сравнительно съ голосомъ авторитетныхъ судей. Между тѣмъ, старцы-обвинители встали со своихъ мѣстъ, подошли къ Сусаннѣ и положили свои руки на ея голову: это было законнымъ обрядомъ при обвиненіи подсудимаго со стороны свидѣтелей²⁾; затѣмъ, они начали свою обвинительную рѣчь въ присутствіи всего народа, самой Сусанны и всѣхъ близкихъ къ ней: „когда мы, говорили они, ходили по саду одни, вошла эта (Сусанна) съ двумя служанками и затворила двери сада и отослала служанокъ; и пришелъ къ ней юноша, который скрывался тамъ, и легъ съ нею; мы, находясь въ углу сада и видя такое беззаконіе, побѣжали на нихъ и увидѣли ихъ совокупляющимися, и того не могли удержать, потому что онъ былъ сильнѣе насъ и, отворивъ двери, выскочилъ, но эту мы схватили и допрашивали: кто былъ этотъ юноша? но она не захотѣла объявить намъ; объ этомъ мы свидѣтельствуемъ“. Обвиненіе, дѣйствительно, было страшное, особенно для замужней женщины; изъ-за этого не только сама виновница

¹⁾ Числ. 5, 18.

²⁾ Лев. 24, 14.

преступленія подвергалась, по закону Моисееву, смертной казни, побіенію камнями¹⁾,—но и на ея мужа, самаго почетнаго и уважаемаго человѣка изъ среды іудеевъ,—на ея дѣтей, родителей и всѣхъ родныхъ налагалось позорное клеймо, служившее для нихъ постояннымъ уворомъ. Сусанна во время этого обвиненія только плакала и, молча, поднимала свои глаза къ небу, надѣясь единственно на Господа; она ожидала помощи себѣ и твердо вѣрила, что невинность ея будетъ раскрыта. Между тѣмъ, обвиненіе со стороны старцевъ произвело свое дѣйствіе: народъ не могъ не вѣрить имъ, старѣйшинамъ и судьямъ, такъ какъ о прежнихъ беззаконіяхъ ихъ ничего не зналъ и считалъ обоихъ представителями строгой справедливости и законнаго благочестія. На основаніи представленнаго обвиненія, было рѣшено поступить съ Сусанной по закону,—передать ее смертной казни²⁾. Когда сама обвиняемая услышала свой смертный приговоръ, когда она поняла, какое горе невольно причинила любимому мужу и всѣмъ роднымъ, какимъ позоромъ покрыла свое имя и имя всѣхъ близкихъ къ ней,—она, съ сознаниемъ собственной невинности, возопила ко Господу съ молитвеннымъ воплемъ: „Боже вѣчный, вѣдающій сокровенное и знающій все прежде бытія его! Ты знаешь, что они ложно свидѣтельствовали противъ меня, и вотъ я умираю, не сдѣлавши ничего, что эти люди злостно выдумали на меня“. Только одного Бога призывала она во свидѣтели своей невинности, такъ какъ не

¹⁾ Лев. 20, 10; Втор. 22, 22; ср. Иоан. 8, 5. 7.

²⁾ Въ то время плѣнники - іудеи имѣли не только свой судъ, но даже право жизни и смерти надъ своими соплеменниками - подсудимыми; судъ это былъ не уголовный, какой, конечно, принадлежалъ только вавилонскому правительству (ср. Іер. 29, 21—22), а судъ частный, судъ по закону Моисееву, какой Навуходоносоръ могъ предоставить своимъ плѣнникамъ: вѣдь самъ онъ поставилъ въ послѣдствіи пророка Данила и друзей его правителями Вавилона, Годолію - іудея сдѣлавъ своимъ наѣстителемъ въ Палестинѣ по разрушеніи Іерусалима; что же удивительнаго, если іудейской націи онъ позволялъ жить въ Вавилонѣ по своимъ законамъ, управляться и судиться своими судьями и т. д. (ср. Niebuhr. Geschichte Assur's und Babel's. Berlin. 1857. S. 25—27).

имѣла защитниковъ на землѣ; ея же родные, можетъ быть, и были убѣждены въ ея полной невинности, но, конечно, какъ не бывшіе лично свидѣтелями происходившаго съ Сусанной въ саду, не могли и не осмѣлились-бы поднять свой голосъ въ ея пользу, такъ какъ въ глазахъ народа, естественно, слова родныхъ Сусанны не могли устоять противъ голоса „безпристрастныхъ“, какъ всѣмъ казалось, судей—очевидцевъ событія. Приговоръ надъ Сусанной вошелъ въ законную силу и обвиненную повели изъ дома ея мужа на смертную казнь. Когда Сусанна и народъ были на пути къ мѣсту исполненія надъ осужденной смертнаго приговора, изъ толпы выдѣлился молодой юноша Данииль¹⁾ и, воодушевленный духомъ Божи-

¹⁾ Сколько лѣтъ было въ то время пророку Даниилу? Въ Дан. 13, 45 онъ называется „παῖδάριον νεώτερον“, т. е. юнымъ отрокомъ. На этомъ основаніи въ сирскомъ переводѣ (по изданію Оомы, епископа иракійскаго) исторія Сусанны начинается прямо словами: „когда Данииль былъ 12-лѣтнимъ отрокомъ, жилъ въ Вавилонѣ нѣкто Іоакимъ....“ (Cornely, Knabenbauer, de Hummelauer. Cursus scripturae sacrae. V. T. p. III, libr. proph. IV. P. 327). Таковой же возрастъ усвоить пророку Переріи, относя плѣненіе Даниила къ 10-му, а исторію съ Сусанной къ 12-му году его жизни (Acta sanctorum. M. Inlius. T. V. P. 119). Корвеліи а Ланиде относятъ первое только къ 20-му, а исторію съ Сусанной къ 24-му году жизни пророка (Cornelius a Lapide. Commentaria in Daniele prophetam. P. 1404). Къ послѣднему, кажется, примыкаетъ и Кнабенбауэръ (Cornely, Knabenbauer, de Hummelauer. Cursus script. sacrae. V. T. III, libr. pr. IV. P. 326). Основаніемъ для нихъ служитъ то, что въ библейскихъ книгахъ словомъ παῖδάριον (соотв. евр. יָרֵד) обозначаются молодые люди 20-ти и болѣе лѣтъ, а иногда даже отцы семействъ (ср. Быт. 43, 8; 1, Цар. 16, 11; 17, 34; 2 Цар. 18, 5; 3 Цар. 3, 7); притомъ, говорятъ, старѣйшины народныя не могли подчиниться суду 12-лѣтняго отрока. Трудно, конечно согласиться какъ съ первымъ, такъ и со вторымъ мнѣніемъ. Такъ какъ пророкъ переселился въ Вавилонъ на 14—15 году своей жизни, слѣд., о 12-лѣтнемъ возрастѣ не можетъ быть и рѣчи. Настоящая правильная норма—это 16—17-лѣтній его возрастъ, волилъ соответствующій какъ слову παῖδάριον, такъ и тому обстоятельству, что 17-лѣтнему юношѣ могли подчиниться и старѣйшины народа, особенно когда замѣтилъ его острый, провидательный умъ и его особое вдохновеніе. Трудно принять и второе мнѣніе, такъ какъ исторія съ Сусанной была, во всякомъ случаѣ, раньше событія, изложеннаго въ Дан. 2: вѣдѣсь

имъ, твердо убѣжденный въ невинности Сусанны и желающій, по крайней мѣрѣ, въ эти послѣднія для нея минуты спасти ее отъ несправедливаго обвиненія, закричалъ вслухъ всего народа: „чистъ я отъ крови ея“ (т. е., я несогласенъ на ея несправедливое обвиненіе ¹⁾). Народъ съ удивленіемъ обратился къ нему: „что это за слово, которое ты сказалъ?“ Тогда пророкъ, ставши посреди, съ укоромъ произнесъ: „такъ ли вы неразумны, сыны Израиля, что, не изслѣдовавши и не узнавши истины, осудили дочь Израиля? Возвратитесь въ судъ, ибо эти ложно противъ нея засвидѣтельствовали“. Вѣроятно, слова пророка-юноши были проникнуты глубокимъ воодушевленіемъ, въ голосѣ его звучало сильное пророческое обличеніе,—потому что народъ былъ изумленъ и пораженъ и потребовалъ новаго пересмотра дѣла. Всѣ возвратились назадъ въ судъ; съ ними пошелъ и пророкъ Даніиль; нѣкоторые же старѣйшины, видя въ немъ необычайно сильный, просвѣщенный свыше умъ и чувствуя его громадную нравственную силу, предложили ему сѣсть рядомъ съ ними и принять дѣятельное участіе въ судопроизводствѣ. Впрочемъ, при этомъ пересмотрѣ дѣла пророку Даніилу принадлежала главная, если только не единственная, активная роль. Такъ какъ цѣль новаго судопроизводства состояла въ оправданіи Сусанны, то нужно было доказать, что старцы-судьи возвели на нее ложное обвиненіе; и потому теперь подсудимою является не Сусанна, а оба эти судьи. Пророкъ велѣлъ отвести ихъ подальше другъ отъ друга, чтобы не дать имъ возможности сговориться; потомъ призвалъ одного

(ст. 25) пророкъ называется уже по славянскому тексту „мужемъ“, по еврейски *גבר* („чѣкто“, „человѣкъ“),—т. е. взрослымъ человѣкомъ, какъ и слѣдовало называть юношу, окончившаго воспитаніе и вступившаго уже на службу, хотя бы этому юношѣ было всего 17 лѣтъ.

¹⁾ Довольно употребительное библейское выраженіе; см. Втор. 21, 7; Дѣян. 18, 6.

изъ нихъ и сказалъ ему: „состарѣвшійся въ злыхъ дняхъ! нынѣ обнаружили грѣхи твои, которые ты дѣлалъ прежде, производя суды несправедливыя, осуждая невинныхъ и оправдывая виновныхъ, тогда какъ Господь говоритъ: невиннаго и праваго не умрещь ¹⁾“. И такъ, если ты сію видѣлъ, скажи, подѣ какимъ деревомъ видѣлъ ты ихъ разговаривающими другъ съ другомъ?“ Вѣроятно, допрашиваемый нѣсколько смутился при такомъ неожиданномъ для него вопросѣ; но, надѣясь, конечно, извернуться, отвѣчалъ: „подѣ мастиковымъ деревомъ“ ²⁾. Пророкъ, обличая его, сказалъ: „точно, солгалъ ты на твою голову; ибо вотъ, ангелъ Божій, принявъ рѣшеніе отъ Бога, разсѣчетъ тебя пополамъ“. Отославши перваго старца, онъ велѣлъ привести другаго, къ которому тоже обратился съ обличительною рѣчью: „племя Ханаана ³⁾, а не Іуды! красота прельстила тебя и похоть развратила сердце твое. Такъ поступали вы съ дочерьми Израиля, и онѣ изъ страха имѣли общеніе съ вами; но дочь Іуды не потерпѣла беззаконія вашего. И такъ, скажи мнѣ: подѣ какимъ деревомъ ты засталъ ихъ разговаривающими между собою?“ И этотъ старецъ, вѣроятно, не ожидалъ подобнаго вопроса, но долженъ былъ отвѣчать наугадъ: „подѣ зеленымъ дубомъ“ ⁴⁾. Тогда пророкъ сказалъ ему: „точно, солгалъ ты на твою голову; ибо ангелъ Божій съ мечемъ ждетъ, чтобы разсѣчь тебя пополамъ, чтобы истребить васъ“. Противорѣчивыя показанія обоихъ старцевъ раскрыли глаза народу: всѣ поняли, что Сусанна была ложно оклеветана беззаконными судьями, и громкимъ голосомъ выражали свое

¹⁾ Ср. Исх. 23, 7; Лев. 19, 15; Втор. 27, 25.

²⁾ Въ греч. текстѣ „сухіво“, въ слав.—„териз“, въ сирскомъ—„теревинез“.

³⁾ Хананеи пользовались весьма дурною репутаціей; самое имя „ханаанецъ“ было обыкновеннымъ эпитетомъ чужака, пограбитаго во всевозможныхъ беззаконіяхъ. См. Лев. 18, 3; Прем. 12, 3—6; 14, 24—31; Лев. 16, 3. 45.

⁴⁾ Греч. „пріво“, слав. „чресмина“.

негодование на виновниковъ дѣла; конечно, и ихъ нужно было судить за лжесвидѣтельство и все собраніе произнесло имъ смертный приговоръ¹⁾. Такой оборотъ дѣла обрадовалъ всѣхъ, а особенно мужа, родителей и всѣхъ родственниковъ Су-санны; всѣ прославляли Бога не столько за то, что ложно оклеветанная женщина спаслась отъ смерти, сколько за то, что она всенародно была оправдана и невинность ея была доказана предъ всѣми²⁾. Для пророка же Даніила фактъ этотъ имѣлъ тоже весьма важное значеніе, такъ какъ онъ положилъ начало его извѣстности и возвышенію его пророческаго авторитета среди плѣннаго іудейскаго народа.

Спустя три года, назначенные для воспитанія плѣнныхъ Навуходносоромъ отроковъ, всѣхъ воспитывавшихся при дворѣ Асфеназъ представилъ для испытанія самому царю. Царь лично экзаменовалъ ихъ, стараясь узнать какъ спеціальныя познанія, такъ и вообще степень умственного развитія каждаго, предлагалъ имъ остроумные вопросы, на которые отроки съ своей стороны должны были давать со-отвѣтствующіе отвѣты,—бесѣдовалъ съ ними и т. д.; вѣроятно, при этомъ обращалось вниманіе и на другія качества, какія были необходимы для будущихъ придворныхъ,—напр., на виѣшній лоскъ, ловкость и умѣнье держать себя. Оказалось, что пророкъ Даніилъ и друзья его превзошли своихъ сверстниковъ „красотою и ростомъ тѣла, мудростью и разумѣніемъ души, стройностью рѣчей и всякимъ разумнымъ познаніемъ“³⁾. Во всѣхъ отношеніяхъ они далеко опередили другихъ воспитывавшихся съ ними отроковъ; что же касается въ частности ихъ умственного развитія и приобрѣтенныхъ

¹⁾ Такъ слѣдовало по закону Моисею; см. Втор. 19, 18—19.

²⁾ Библиотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ. Кн. 21. Твор. бл. Иеронима, ч. 12. Стр. 145.

³⁾ Творенія св. отцевъ. Томъ XXIX. Творенія бл. Феодорита, ч. 4. Стр. 21.

ими познаній, то въ этомъ отношеніи они оказались въ десять разъ мудрѣе даже всѣхъ тайновѣдцевъ и волхвовъ¹⁾, какіе только были въ царствѣ вавилонскомъ. Вѣроятно, вслѣдъ за тѣмъ, пророкъ и друзья его были назначены въ придворную службу, гдѣ и началось быстрое возвышеніе ихъ по ступенямъ вавилонской чиновничьей іерархіи.

Блестящее начало ему положило событіе, случившееся вслѣдъ за окончаніемъ воспитанія пророка Даніила при царскомъ дворѣ, выдвинувшее его сразу на одинъ изъ самыхъ важныхъ государственныхъ постовъ въ Вавилонѣ. Это—чудесное откровеніе пророку и объясненіе имъ царю Навуходносору во 2-й годъ его царствованія²⁾ забытаго имъ, но сильно встревожившаго его сна. Замѣтимъ, что, несмотря на указанную хронологическую дату—2-го года царствованія Навуходносора, излагаемое событіе было, несомнѣнно, уже по окончаніи трехлѣтняго воспитанія пророка Даніила при царскомъ дворѣ, послѣ экзамена, произведеннаго ему и его сверстникамъ самимъ царемъ, такъ какъ царь, послѣ объясненія ему пророкомъ таинственнаго сна, назначаетъ его прямо правителемъ всей области вавилонской и главнымъ начальникомъ вавилонскихъ мудрецовъ³⁾, чего, естественно, не могло-бы быть, еслибы пророкъ не кончилъ еще изученія „книгъ и языка халдейскаго“⁴⁾; тогда, понятно, не было-бы и рѣчи ни о какомъ экзаменѣ⁵⁾. Но какимъ же образомъ

¹⁾ „Тайновѣдцы и волхвы“ у LXX переведены чрезъ „софисты и философы“. Тайновѣдцы (ϕηλοσοφοί, ἑπασιδοί)—это книжники, обладавшіе нѣкоторою чудодѣйственною волшебною силою и высшимъ таинственнымъ знаніемъ; въ Быт. 41, 8. 24 такъ названы волхвы, призванные къ фараону для объясненія его сна; въ Исх. 7, 11—волхвы, подражавшіе своими волшебствами чудесамъ Моисея. Волхвы въ собственномъ смыслѣ или маги (ϕηλοσοφοί, μάγοι)—это заклинатели всякаго рода, въ частности заклинатели змѣй.

²⁾ Дан. 2, 1.

³⁾ Дан. 2, 48.

⁴⁾ Дан. 1, 4.

⁵⁾ Вотъ почему безусловно нельзя согласиться съ мнѣніемъ Визелера (Die

трехлѣтнее воспитаніе пророка и друзей его мирится съ да- той 2-го года царствованія Навуходоносора, въ который оно, очевидно, уже кончилось? Въ достаточной мѣрѣ мы подгото- вили почву для рѣшенія этого вопроса своими прежними выводами. Мы говорили, что битва при Кархемишѣ, первое покореніе Іудеи и плѣненіе пророка Даниила съ друзьями были еще до вступленія Навуходоносора на вавилонскій престоль,—въ 4-й годъ Іоакима,—къ концу котораго отно- сится, однако, и самое воцареніе Навуходоносора. Отецъ его Набоалассаръ царствовалъ 21 годъ, съ 625 по 605 г. до Р. Хр., и умеръ, какъ мы говорили, зимой или весной 605 года; такъ опредѣляетъ годы его царствованія и птоломеев- скій канонъ. Навуходоносоръ же вступилъ на престоль между іюнемъ и августомъ того-же 605 года; отъ 20 тисри (начала октября) этого года мы имѣемъ и официальные документы съ именемъ его, какъ царствующаго уже государя ¹⁾. Слѣдо- вательно, фактическое царствованіе его начинается именно съ 605 года,—года его восшествія на престоль; такъ, несомнѣнно, считаютъ годы его царствованія пророкъ Іеремія ²⁾ и писа- тель 4-й книги Царствъ ³⁾. Но не такъ считали вавилоняне: у нихъ обыкновенно хронологическія даты опредѣлялись го- дами царствованія государей; но эти годы ихъ царствованія начинались всегда съ 1-го нисана ⁴⁾, такъ что, когда бы фактически царь ни вступилъ на престоль, но официально

70 Wochen und die 63 Jahrwochen d. Propheten Daniel. Göttingen. 1839. S. 8—10), Филлера (Der Profet Daniel. S. 33—35) и Спаскаго (Толкованіе на пророч. книги ветх. завѣта. Вып. 2. Новгородъ. 1894. Стр. 76—77), будто событіе 2 главы книги Данииловой было еще до окончанія трехлѣтняго срока воспитанія пророка и друзей его при вавилонскомъ дворѣ.

¹⁾ *Tiele*. *Babylonisch-assyrische Geschichte*. 2. Teil. S. 423.

²⁾ Іер. 25, 1; 32, 1 и др.

³⁾ 4 Цар. 24, 12; 25, 8.

⁴⁾ Нисанъ—первый мѣсяць года, соответствующій концу нашего марта и началу апрѣля (*Tiele*. *Babyl.-assyg. Gesch.* 2. T. S. 421).

первый годъ его царствованія считался съ 1-го нисана слѣ- дующаго послѣ восшествія на престоль года, а остатокъ отъ дня вступленія на престоль до новаго года (до 1-го нисана) назывался просто „началомъ новаго царствованія“, но не входилъ въ счетъ ¹⁾. Такимъ образомъ, хотя Навуходоносоръ вступилъ на престоль между іюнемъ и августомъ 605 года, но официально первый годъ его царствованія начинался съ 1-го нисана 604 года; съ этого именно года и начинается его цар- ствованіе птоломеевскій канонъ. Несомнѣнно, пророкъ Да- нилъ, какъ житель Вавилона, да притомъ еще официальное, государственное лицо, обозначалъ въ своей книгѣ годы цар- ствованія Навуходоносора по этому именно официальному счету и первымъ годомъ его считалъ не 605-й, какъ пророкъ Іеремія, а 604-й годъ. Въ такомъ случаѣ, указанное хроно- логическое затрудненіе рѣшается легко. Прежде всего, ничто не заставляетъ насъ думать, что пророкъ Даниилъ съ друзьями воспитывались при дворѣ *ровно* три года (съ точностью); по всей вѣроятности, это только круглое число, какъ вообще употребляется при обозначеніи болѣе или менѣе продолжи- тельныхъ періодовъ времени (напр., времени царствованія государей и т. п.); поэтому, ничто не мѣшаетъ намъ предпо- ложить, что они воспитывались *около* трехъ лѣтъ. Затѣмъ, самое опредѣленіе „во второй годъ царствованія Навуходо- носора“ ²⁾ для нашего вопроса довольно неточно; мѣсяць, четверть, даже половина года, когда случилось излагаемое во 2-й главѣ книги Данииловой событіе, не указывается; между тѣмъ, въ данномъ случаѣ это чрезвычайно важно: если мы, положимъ, отнесемъ указанное событіе къ самому началу, къ первому мѣсяцу 2-го года Навуходоносора, или къ самому концу, къ послѣднему мѣсяцу его, то этимъ, такъ сказать, предваримъ или отсрочимъ данное событіе почти на цѣлый

¹⁾ *Tiele*. *Bab.-ass. Gesch.* 1. T., S. 27; 2. T., S. 420.

²⁾ Дан. 2, 1.

годъ; понятно, насколько это важно въ виду рѣшенія указаннаго нами хронологическаго затрудненія. Мы вправѣ сдѣлать еще одно предположеніе. Берозъ въ приведенномъ нами выше разказѣ говоритъ, что Навуходоносоръ, узнавъ о смерти отца, поручилъ своимъ полководцамъ войско, плѣнниковъ и добычу и велѣлъ имъ отправляться въ Вавилонъ; а самъ съ небольшимъ отрядомъ направился туда же ближайшимъ путемъ¹⁾. Весьма возможно, что здѣсь были не всѣ плѣнники, какихъ онъ только забралъ въ покоренныхъ странахъ; многихъ онъ могъ еще раньше отослать въ свою столицу, а не влечь за собою при дальнѣйшихъ походахъ; особенно это нужно сказать о знатныхъ отрокахъ, которые, конечно, съ самаго начала были предназначены для служенія царю; едва ли ихъ тащили вмѣстѣ съ обозомъ: это значило-бы истощать ихъ, подвергать всевозможнымъ случайностямъ, между тѣмъ какъ самое воспитаніе и приготовленіе ихъ къ придворной службѣ требовало особеннаго ухода за ними и тщательнаго присмотра²⁾. Не будетъ, поэтому, натяжкой, если мы предположимъ, что еще раньше, вслѣдъ за взятіемъ Іерусалима, Навуходоносоръ отослалъ въ Вавилонъ отборную часть іудейскихъ плѣнниковъ и что съ этого именно времени началось трехлѣтнее воспитаніе пророка Даніила и друзей его. Если теперь примемъ во вниманіе всѣ эти обстоятельства,—если предположимъ, что воспитаніе отроковъ началось еще до вступленія самого Навуходоносора на престолъ, т. е. приблизительно весной 605-го года, что это воспитаніе продолжалось только около трехъ лѣтъ, а что сонъ Навуходоносора былъ въ концѣ втораго года его царствованія,—т. е. въ послѣдніе мѣсяцы 603 года (по официальному, обычному счету, котораго держится и пророкъ Даніиль), то найдемъ, дѣйстви-

¹⁾ I. Флавій. Древности іудейскія. Пер. Самуилова Ч. II. Стр. 162—163.—О древностяхъ противъ Авіона. Стр. 362.

²⁾ Ср. Дан. 1. 5. 10.

тельно, возможнымъ сказать, что отъ начала 605 года до конца 603 года трехлѣтнее воспитаніе пророка и друзей его могло уже окончиться. Прибавимъ къ этому, что, какъ видно изъ самаго хода разказа, воспитаніе это въ то время *только-что* окончилось; на такое соображеніе наводятъ насъ многія данныя. Пророка Даніила, какъ видно, не было среди мудрецовъ, призванныхъ царемъ для объясненія сна; однако, послѣ изданія царскаго указа, искали умертвить и пророка съ друзьями¹⁾; слѣдовательно, Даніиль въ то время не былъ еще причисленъ къ разряду вавилонскихъ мудрецовъ, хотя по своему положенію уже принадлежалъ къ нимъ; вѣроятно, онъ только-что окончилъ свое воспитаніе подъ руководствомъ тѣхъ-же представителей языческой мудрости, такъ какъ учился специально „книгамъ и языку халдейскому“²⁾,—языку вавилонской науки и жреческой касты; какъ ученикъ этихъ мудрецовъ, онъ, конечно, могъ быть поставленъ наряду съ ними, но не успѣлъ еще занять соотвѣтственнаго мѣста при дворѣ и въ обществѣ. Замѣчательно, что самъ пророкъ какъ-бы исключаетъ себя изъ числа „мудрецовъ, обаятелей, тайновѣдцевъ и гадателей“³⁾; но зачѣмъ же, спрашивается, его искали умертвить вмѣстѣ со всѣми этими мудрецами⁴⁾? Обратимъ вниманіе еще на то, что Аріохъ, начальникъ царскихъ тѣлохранителей, докладывая царю о пророкѣ Даніилѣ, называетъ его однимъ изъ „плѣнныхъ сыновъ Іудей“⁵⁾, жившихъ, однако,

¹⁾ Дан. 2. 13.

²⁾ Дан. 1. 4.

³⁾ Дан. 2. 27.

⁴⁾ Спасскій, относящій, какъ мы замѣтили, указанное событіе ко времени еще трехлѣтнаго воспитанія пророка Даніила, дѣйствительно недоумѣваетъ предъ этимъ обстоятельствомъ и то объясняетъ его излишнимъ усердіемъ исполнителей царскаго указа или завистью ихъ къ мудрости друзей-отроковъ, то, наконецъ, считаетъ болѣе сообразнымъ отнести самое это историческое событіе не ко 2 году царствованія Навуходоносора, а къ болѣе позднему времени (Спасскій. Толкованіе на пророч. книги в. з. Вып. 2. Стр. 94).

⁵⁾ Дан. 2. 25.

въ то время при дворѣ¹⁾, а самъ пророкъ, повидимому, указываетъ на свою мудрость²⁾, какъ-бы ссылается на некое дѣло, что мудрость его могла быть извѣстна многимъ, жившимъ при царскомъ дворѣ; но самъ Данииль въ глазахъ цари и придворныхъ былъ только „плѣнникомъ іудейскимъ“, не вступившимъ еще на вавилонскую службу. Наше предположеніе о томъ, что пророкъ въ концу 2-го года царствованія Навуходоносора только-что окончилъ свое трехлѣтнее воспитаніе,—этимъ путемъ вполне подтверждается; а вслѣдъ затѣмъ и всѣ затрудненія при опредѣленіи хронологической даты 2-й главы книги Данииловой исчезаютъ сами собою.

Вотъ почему искусственныя попытки измѣнить такъ или иначе эту дату въ видахъ примиренія трехлѣтняго срока воспитанія пророка съ обстоятельствами излагаемаго здѣсь событія совершенно излишни и по существу своему несостоятельны. Яхиадъ, напр., предполагаетъ, что помѣченный здѣсь второй годъ Навуходоносора есть второй годъ не царствованія этого государя, а второй годъ послѣ того трехлѣтія, когда окончилось воспитаніе пророка Даниила и друзей его³⁾. Нечего и говорить, что такой взглядъ совершенно неправиленъ, такъ какъ въ Дан. 2, 1 прямо сказано, что дѣло было „во второй годъ царствованія Навуходоносора“; прямѣе и опредѣленнѣе ничего и быть не можетъ; толковать же такъ, какъ хочетъ Яхиадъ, это значитъ идти противъ всѣхъ рѣшительно правилъ экзегетики, противъ самаго библейскаго текста. Иосифъ Флавій объясняетъ ту же хронологическую дату въ смыслѣ втораго года „послѣ разрушенія Іерусалима“⁴⁾, а Корнелій а Лапиде⁵⁾, Санкцій⁶⁾, Мальдопачъ

¹⁾ Дан. 2, 49.

²⁾ Дан. 2, 30.

³⁾ *Iachiaides. Paraphrasis in Danielelem. Amstelodami. 1633. P. 30.*

⁴⁾ *I. Flavii. Древности іудейскія. Пер. Самуиловича. Ч. II. Стр. 158.*

⁵⁾ *Cornelius a Lapide. Commentaria in Danielelem prophetam. P. 1286*

⁶⁾ *Sanctius. Commentarii in Danielelem prophetam. P. 63.*

и Перерій¹⁾ считаютъ, что это—второй годъ послѣ того, какъ Навуходоносоръ покорилъ своей власти окрестные народы (въ томъ числѣ и Египетъ) и сдѣлалъ свою монархію дѣйствительно всемірной монархіей; по счету это будетъ 37-й годъ отъ начала его царствованія. Правда, такое объясненіе могло бы имѣть своимъ основаніемъ 37—38 стихи той-же главы книги Данииловой, гдѣ пророкъ самыми яркими чертами изображаетъ могущество и славу Навуходоносора, которыя, конечно, всего естественнѣе можно бы было приписывать ему уже въ послѣдніе годы его царствованія; но само по себѣ такое толкованіе „втораго года Навуходоносора“, понятно, не имѣетъ ничего общаго съ буквальныймъ смысломъ библейскаго текста. Библия въ своихъ хронологическихъ датахъ никогда не допускаетъ такого искусственнаго опредѣленія времени, а всегда помѣчаетъ извѣстныя событія годами царствованія государей: это обычный счетъ какъ у древнихъ евреевъ, такъ и у другихъ восточныхъ народовъ древности. Такъ и у пророка Даниила нужно понимать буквально—„второй годъ царствованія Навуходоносора“; а могло ли данное событіе произойти уже въ это время,—объ этомъ мы сказали.

Другіе измѣняютъ „второй“ годъ въ „двѣнадцатый“ годъ царствованія Навуходоносора. Въ этомъ смыслѣ высказывается Эвальдъ, предполагая, что число „2“ здѣсь вышло изъ „12“²⁾. Кнабенбауеръ же объясняетъ самую возможность такого измѣненія: число „2“ обозначается у евреевъ буквою $\beth$, а число „12“— $\beth$; возможно, говоритъ онъ, что переписчикъ по ошибкѣ пропустилъ малозамѣтную букву $\beth$ и оставилъ одно $\beth$ (т. е. „2“³⁾). Этимъ же путемъ идетъ и И. С. Якимовъ. Относя плѣненіе пророка Даниила къ 3-му мѣсяцу Іехоніи (т. е.

¹⁾ *Geierus M. Praelectiones in Danielelem prophetam. P. 97.*

²⁾ *Ewald. Die Propheten des Alten Bundes. III. B. S. 334, 339.*

³⁾ *Cornely, Knabenbauer, de Hummelauer. Cursus scripturae sacrae. P. I. Introductio, vol. II, 2. P. 467.—Comm. in V. T. p. III, libr. proph. IV. P. 77.*

къ 8-му году Навуходоносора), онъ, естественно, не могъ оставить безъ вниманія и хронологической даты второй главы книги Даниловой; и вотъ онъ высказываетъ новое предположеніе, будто первоначально въ Дан. 2,1 стояло не α (2) а α (20); переписчикъ же, не взглянувъ хорошо въ текстъ, принялъ букву α за сходную съ нею по начертанію α и, такимъ образомъ, допустилъ важную хронологическую ошибку; предположеніе свое Якимовъ подтверждаетъ по прежнему рядомъ аналогичныхъ этому случаевъ¹⁾. Между тѣмъ, противъ „20-го года“, въ пользу котораго высказывается Якимовъ, рѣшительно говоритъ тоже самое упоминаніе о пророкѣ Даниилѣ со стороны Іезекииля, которое относится приблизительно къ 14-му году царствованія Навуходоносора: еслибы въ то время пророкъ Даниилъ не успѣлъ еще проявить своей мудрости, еслибы онъ не былъ хорошо извѣстенъ какъ іудеямъ-плѣнникамъ, такъ и вавилонянамъ,—то и Іезекииль не могъ бы говорить о немъ такъ, какъ говоритъ въ дѣйствительности. Послѣднему обстоятельству не мѣшаетъ, впрочемъ, предположеніе Эвальда и Кнабенбауера, которые измѣняютъ „второй“ годъ въ „двѣнадцатый“; это такъ; но, во всякомъ случаѣ, гораздо больше оснований согласиться съ настоящимъ библейскимъ чтеніемъ, чѣмъ съ соображеніемъ Эвальда и Кнабенбауера: несомнѣнно, не одинъ только фактъ изъясненія Данииломъ сна Навуходоносора имѣлъ въ виду пророкъ Іезекииль, когда давалъ о своемъ современникѣ столь лестный отзывъ,—да и пророкъ Даниилъ не въ этомъ одномъ проявилъ свою мудрость и свои высокія нравственныя совершенства; нужно было довольно продолжительное время (а не только два года), цѣлый рядъ, такъ сказать, опытовъ или доказательствъ мудрости, благочестія, праведности Даниила, чтобы можно было поставить 30-тилѣтняго юношу наряду съ та-

¹⁾ Якимовъ. „Опытъ соглашенія библ. свидѣтельствъ съ показаніями памятниковъ клинообразнаго письма“. Христ. Чт., 1834, июль-августъ, стр. 60—62

кими великими праведниками, какими, конечно, были, по сознанію всѣхъ и каждаго, Ной и Іовъ. Прибавимъ, что едва ли нужно прибѣгать къ искусственнымъ гипотезамъ и поправкамъ священнаго текста, коль скоро можно объяснить его самымъ естественнымъ путемъ.

Итакъ, событіе, случившееся въ концѣ втораго года царствованія Навуходоносора, было особенно знаменательнымъ въ жизни пророка Даниила. Это было время, слѣдовавшее непосредственно за первыми блестящими военными подвигами молодого государя, когда онъ, покоривши всѣ области отъ Евфрата до Нила, завоевавши и сдѣлавши своими данниками многихъ мелкихъ государей, занялся внутренней политикой государства и, какъ энергичный и умный государь, создавалъ въ умѣ своемъ массу разнообразныхъ проектовъ, большинство которыхъ ему и удавалось осуществить. Блестящему завоевателю хотѣлось основать всемірную монархію подъ верховнымъ владычествомъ Вавилона; наряду же съ этимъ стремленіемъ у него, конечно, не могла не являться по временамъ мысль о томъ, удастся ли ему привести въ исполненіе свой планъ, сдумаютъ ли его преемники удержать то, что онъ уже сдѣлалъ и еще намѣренъ былъ сдѣлать. И вотъ однажды, когда онъ, засыпая, раздумывалъ о томъ, что будетъ съ вавилонскимъ царствомъ послѣ его смерти, ему приснился удивительный сонъ, который произвелъ въ его душѣ необыкновенно сильное впечатлѣніе, такъ что привелъ царя въ большое смущеніе. Да это и неудивительно. Въ древности вообще снамъ придавали громадное значеніе, особенно такимъ снамъ, которые почему-либо обращали на себя вниманіе; и нужно сказать, что исторія говоритъ о нѣсколькихъ дѣйствительно-вѣщихъ снахъ, которые служили какъ-бы предсказаніями о будущихъ событіяхъ¹⁾. Вотъ почему вѣра въ то, что каждый

¹⁾ Такіе вѣщіе сны спились, напр., Іосифу въ доиѣ родительской (Быт. 37, 6—7. 9), виночерпію и хлѣбодару, бывшимъ съ нимъ въ темницѣ (Быт.

болѣе или менѣе оригинальный сонъ долженъ имѣть какое-то особое, пророчественное значеніе, была широко распространена въ древности. Она замѣчается у іудеевъ, египтянъ, мидянъ, персовъ, лидійцевъ¹⁾; широко была развита и у ассири-вавилонянъ. Вавилонскіе цари вѣрили, что боги во снѣ открываютъ имъ свою волю. Самъ Навуходоносоръ въ одной своей надписи обращается съ молитвою къ богу Самасу, чтобы тотъ во снѣ возвѣстилъ ему свою милость и благоволеніе къ благочестивому царю²⁾. Набонидъ неоднократно говоритъ о явленіи ему во снѣ боговъ Самаса и Раммана, Меродаха и Сина, которые при этомъ передавали ему свои божескія велѣнія³⁾. Древній вавилонскій царь Агумкакримисъ называетъ даже Меродаха, Самаса, Раммана и Нево „владыками сновидѣній“⁴⁾. Замѣчательнымъ снамъ ассири-вавилонскіе цари придавали такое важное значеніе, что даже вносили ихъ въ свои лѣтописи въ качествѣ историческаго матеріала. До насъ, напр., дошелъ разсказъ клинообразныхъ надписей о замѣчательномъ снѣ царя ассирійскаго Ассурбанипала, который наканунѣ битвы съ Тейманомъ, царемъ эламскимъ, повергся предъ богиней Истаръ съ горячей молитвой о помощи ему въ трудной войнѣ и ночью увидѣлъ во снѣ саму богиню, обѣщавшую ему свое покровительство и полнѣйшую побѣду

40, 9—11. 16—17), фараону египетскому, современнику ихъ (Быт. 41, 1—8), Крезу, царю лидійскому (Геродотъ. Исторія. Пер. Мищенко. Т. I. Стр. 17), Астиагу мидійскому (ibid., стр. 57, 64—65), Ксерксу персидскому (ibid., т. II, 1886 г., стр. 139—140) и др. (ср. еще Быт. 15, 1; 28, 12; Числ. 12, 6; 3 Цар. 3, 5—14; Иов. 33, 15—16. Геродотъ, т. I, стр. 17, 57, 108—109, 188—189, 227, 245—246, 276—277; т. II, стр. 26, 111, 117, 124, 139—143 и др.). Схоластички различали четыре вида сновъ: 1) naturale, 2) morale, 3) a daemone, 4) a Deo (Drexelius. Daniel. Antverpiae, 1651. P. 25—29). Последній-то видъ сновъ и составляютъ пророческіе или вѣщіе сны.

¹⁾ См. отмѣченныя нами мѣста Библии и Геродота.

²⁾ Schrader. Keilinschr. Bibliothek. B. III—2. Hälfte. S. 65.

³⁾ Ibid., S. 85, 99, 101, 105.

⁴⁾ Ibid., B. III—1. Hälfte. Berlin. 1892. S. 151.

надъ сильнымъ врагомъ¹⁾. И совершенно естественно, если у древнихъ народовъ всегда существовали особые „пророки“, пифіи и другіе истолкователи, ставившіе своею задачею объясненіе таинственнаго значенія разнаго рода сновидѣній²⁾: они отвѣчали вполнѣ запросамъ своего времени и въ виду указанныхъ обстоятельствъ были рѣшительно необходимы для всѣхъ классовъ общества. Были и въ Ассиріи и Вавилонѣ особые „пророки“ или сновидцы (такъ называемые „сабру“), которые, по общему убѣжденію, получали отъ боговъ пророчественные сны; по всей вѣроятности, они употребляли для этого искусственныя средства, окуривались, принимали разнаго рода наркотическія вещества и т. п.³⁾. Существовали и особаго рода придворные снотолкователи, появленіе которыхъ вызывалось самымъ естественнымъ путемъ. На Ассурбанипала, напр., сновидѣнія его имѣли чрезвычайно важное вліяніе: объ этомъ говоритъ масса дошедшихъ до насъ клинообразныхъ надписей этого государя. Вотъ почему при его дворѣ спеціальныя снотолкователи были особенно многочисленны и занимали весьма видное мѣсто въ кругу высшаго ассирійскаго общества. Это были вообще представители древней восточной мудрости: они записывали свои наблюденія, составляли разнаго рода научныя энциклопедіи по астрологіи, некромантіи, авгурству, гаруспиціи, естественнымъ наукамъ и т. д.; самыя сновидѣнія они старались толковать въ научной формѣ⁴⁾;

¹⁾ Schrader. Keil. Bibl. B. II. S. 251—253.

²⁾ См. отмѣченныя раньше мѣста Библии и Геродота.

³⁾ Vigouroux. Die Bibel u. die neueren Entdeckungen. Uebers. v. Ibach. IV. B. S. 390.

⁴⁾ Въ новооткрытой ниневійской бібліотекѣ Ассурбанипала найдено много табличекъ съ описаніемъ различныхъ предзнаменательныхъ сновъ и съ указаніемъ ихъ значенія. На одной, напр., опубликованной табличкѣ этого рода идетъ такой перечень: „если человѣку приснится мужчина . . . ., если приснится тѣло собаки . . . ., если приснится тѣло медвѣда съ ногами другого животнаго . . ., если приснится мертвый драконъ . . .“ и т. д. Къ сожалѣнію, другая половинна этой таблички отбита, такъ что самаго значенія этихъ сновъ негдѣ прочесть. — Vigouroux. B. IV. S. 389.

объясняли разнаго рода примѣты¹⁾, благодаря чему суевѣріе развилось въ сильной степени: каждому, даже самому обыкновенному явленію приписывалось какое-то предзнаменательное значеніе. Отъ ассирійскаго двора подобнаго рода спотолкователи перешли и ко двору вавилонскихъ государей и, по паденіи вавилонскаго царства, сохранили о себѣ память у всѣхъ древнихъ народовъ.

Совершенно естественно, если и на Навуходоносора удивительный сонъ его произвелъ необыкновенно-сильное впечатлѣніе; понятно, ему захотѣлось сейчасъ же узнать и значеніе его. Сонъ этотъ имѣлъ самъ по себѣ нѣчто знаменательное, представлялъ собою нѣкоторую аналогію съ тѣми мыслями, какими царь былъ занятъ уже въ постели,—приснился онъ, какъ говоритъ талмудъ, незадолго до разсвѣта²⁾—и потому впечатлѣніе отъ него должно было быть особенно живо при пробужденіи. Но дѣло въ томъ, что Навуходоносоръ за былъ самое содержаніе сна въ подробностяхъ: у него оставалось только темное предчувствіе его; но это предчувствіе или ощущеніе въ душѣ живого впечатлѣнія, произведеннаго сновидѣніемъ, тѣмъ настойчивѣе побуждало его искать разрѣшенія волновавшихъ его мыслей,—прежде всего, проясненія удивительнаго сна, а затѣмъ, конечно, и истолкованія его. И вотъ утромъ царь призываетъ къ себѣ тайновѣдцевъ, гадателей, чародѣевъ и халдеевъ, желая узнать отъ нихъ содержаніе и объясненіе волновавшаго его сновидѣнія. На вос-

¹⁾ Вотъ образцы толкованія самыхъ обычныхъ примѣтъ: „если соколы прилетятъ къ дому, то жена хозяина умретъ; если они будутъ слетать къ дому, медленно кружась, то этотъ домъ разрушится; если они унесутъ съ собою въ клювъ какую-либо вещь, то хозяинъ дома заболѣетъ и умретъ; если ничего не унесетъ въ клювъ, то хозяинъ заболѣетъ, но не умретъ; если они виснута дѣтейшей на крышѣ дома, то этотъ домъ разрушится“, и т. д.—*Vigouroux*. B. IV. S. 391—392.

²⁾ *Wünsche* A. Bibliotheca rabbinica. Eine Sammlung alter Midraschim. Der Midrasch Bereschit rabba. Leipzig. 1881. S. 437.

токѣ и въ частности въ Вавилонѣ роль пророковъ-спотолкователей играли такъ называемые халдеи; понятно, почему именно къ нимъ обратился Навуходоносоръ за разъясненіемъ того вопроса, которымъ въ то время онъ былъ занятъ. „Халдеи“—это было синонимомъ вообще восточнаго мудреца, именно мудреца, вышедшаго изъ Вавилона. Между прочимъ, вотъ что сообщаетъ объ организаціи и занятіяхъ этихъ восточныхъ мудрецовъ или „халдеевъ“ одинъ изъ древнихъ историковъ—Діодоръ Сицилійскій: „халдеи играютъ въ Вавилонѣ такую же роль, какую въ Египтѣ играли жрецы; всю жизнь свою они посвящаютъ занятію философскимъ мышленіемъ и астрологіей. Особеннаго вниманія заслуживаютъ у нихъ гаданія, благодаря которымъ они предсказываютъ будущее и разнаго рода умиловленіями, жертвоприношеніями и волшебствами отгоняютъ бѣдствія и призываютъ на человѣка удачу и счастье. Гадаютъ они по птицамъ, по внутренностямъ животныхъ, объясняютъ сны и видѣнія и т. д. Сами по себѣ они составляютъ совершенно изолированную и замкнутую касту, свободную отъ какихъ-либо государственныхъ должностей и обязанностей, отъ всякаго вообще участія въ государственной и общественной жизни. Доступъ въ нее постороннимъ лицамъ почти невозможенъ или вообще весьма труденъ: искусство халдеевъ переходитъ изъ рода въ родъ, отъ отца къ сыну; отецъ самъ учитъ своего сына всей мудрости халдейской; а такъ какъ, притомъ, видитъ въ сынѣ своего будущаго преемника, то и учитъ его всему, ничего не скрывая; а сыновья, въ силу того же, съ большимъ вниманіемъ изучаютъ преподаваемое отцомъ“¹⁾. Какъ видно, эти халдеи²⁾ составляли особое, изолированное общество, особую коллегію, не принимавшую участія въ обще-

¹⁾ Діодоръ Сицилійскій. Историческая бібліотека. Пер. Алексѣева. Ч. I. Стр. 207—208.

²⁾ Общее библейское названіе для нихъ—חֲלָדָיִם; см. Ис. 41, 25; Іер. 50, 35; Дан. 2, 12.

ственной живни, но, тѣмъ не менѣе, стоявшую весьма высоко въ глазахъ народа. Во главѣ этой коллегіи стоялъ особый начальникъ или глава маговъ (רַב־קַדְוֵי), по самому сану своему занимавшій весьма почетное и видное положеніе въ государствѣ¹⁾. Не будучи, кажется, по этой именно должности официальнымъ лицомъ, онъ, тѣмъ не менѣе, стоялъ весьма близко къ царю, соучествовалъ и даже руководилъ имъ, а во время междоусобія, какъ видно изъ прямыхъ историческихъ данныхъ, верѣдко былъ регентомъ государства²⁾. По словамъ Діодора, халдеи занимались самыми разнообразными науками и искусствами: философіей, астрологіей, мантикой, гаданіями, предсказаніями, волшебствами, толкованіемъ сновидѣній и т. п. Несомнѣнно, все это—различныя вѣтви одной и той-же области знанія. Каждый халдей умѣлъ при-мѣнять на практикѣ всѣ эти спеціальныя приемы: вѣроятно, каждый изъ нихъ и изучалъ и зналъ всѣ эти отрасли въ та-кой, напр., мѣрѣ, въ какой у насъ каждый образованный чело-вѣкъ владѣеть тѣмъ, что называется общимъ образова-ніемъ. Въ такомъ именно смыслѣ и пророкъ Давидъ изучилъ при дворѣ „всю мудрость халдейскую“³⁾. Но, при всемъ томъ, были тамъ особые спеціалисты, занимавшіеся преимущественно тою или другою вѣтвю халдейской мудрости, такъ что вся масса халдеевъ распадалась на различныя классы или отдѣ-ленія,—каждое съ особою спеціальностью. Такихъ классовъ извѣстно пять. Были такъ называемые „хартумимъ“ (חַרְטֻמִּים), тайновѣдцы⁴⁾. Они существовали, между прочимъ, и въ Египтѣ и тамъ занимались или толкованіемъ сновидѣній⁵⁾, или вол-шебствами и теургическими чарами⁶⁾. Собственно это—про-

¹⁾ Ср. Іер. 39, 3. 13; Дан. 2, 48.

²⁾ *Леморманъ*. Руководство къ древней исторіи востока. Пер. Каманина. Т. I, вып. 2. Стр. 422.

³⁾ Дан. 1, 17.

⁴⁾ Дан. 2, 2. Слав.—„обязатели“, у ЛХХ—ἐπιλοδοί (заклинатели).

⁵⁾ Быт. 41, 8. 24.

⁶⁾ Исх. 7, 11. 22; 9, 11.

рицатели¹⁾, толкователи сновидѣній, а затѣмъ—заклинатели злыхъ геніевъ, дѣйствовавшіе, однако, одними словами²⁾, безъ помощи какихъ-либо волшебныхъ средствъ. Это—тоже, что египетскіе ἱερογραμματεῖς или жрецы-книжники, о которыхъ говоритъ Геродотъ³⁾, знатоки священной халдейской литера-туры⁴⁾; при помощи этихъ знаній они занимались толкованіемъ сновъ,—толкованіемъ ихъ именно въ религіозномъ смыслѣ,— а съ другой стороны—заклинаніями злыхъ геніевъ и всѣхъ посылаемыхъ ими бѣдствій для чело-вѣка⁵⁾. Другой разрядъ вавилонскихъ мудрецовъ-халдеевъ—это „асафимъ“ (אַסַפִּים), волхвы, гадатели⁶⁾. По словамъ блаж. Іеронима, это—не ча-родѣи, каковыми обыкновенно считаютъ волхвовъ-маговъ, а люди, занимавшіеся философскимъ изслѣдованіемъ разнаго рода предметовъ⁷⁾, въ собственномъ смыслѣ „философы“ хал-дейскіе⁸⁾. Они, между прочимъ, слагали гимны въ честь бо-

¹⁾ Narioli, какъ выражается бл. Іеронимъ (Библиотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ. Кн. 21. Твор. бл. Іеронима, ч. 12. Стр. 11).

²⁾ Ibid.

³⁾ *Геродотъ*. Исторія. Пер. Мищенко. Т. I. Стр. 132.

⁴⁾ Самое слово אַסַפִּים производятъ отъ אַסַפִּ (грифель), чѣмъ указы-вается какъ-бы на ученый характеръ этой касты (*Kranichfeld. Das Buch Daniel. S. 72*).

⁵⁾ Въ новооткрытой клинообразной магической библиотекѣ Ассурбанинала въ г. Эрехѣ найдена книга, озаглавленная „о злыхъ духахъ“ и наполненная формулами заклинаній, употребившихся, по всей вѣроятности, „хартумимъ“ а-ми при заклинаніи злыхъ геніевъ (*Vigouroux. Die Bibel u. d. neueren Entde-ckungen. Uebers. v. Ibach. IV. B. S. 393*). — Клинообразныя глыбочки царей ассиро-вавилонскихъ говорятъ о „мудрыхъ книжникахъ“ (*Schrader. Keilinschr. Bibliothek. B. II. S. 79*) и объ „очистителяхъ“ (*ibid., B. III-1. Hälfte. S. 3*), существовавшихъ въ Вавилонѣ. Не разумѣются ли и здѣсь именно „хартумимъ“?

⁶⁾ О „хартумимъ“ и „асафимъ“ намъ приходилось упоминать нѣсколько раньше.

⁷⁾ Библия твор. св. отцевъ и учителей церкви западныхъ. Кн. 21. Твор. бл. Іеронима, ч. 12. Стр. 11.

⁸⁾ Древнелат. переводъ этого класса мудрецовъ и называетъ philosophi; въ греческомъ переведено μάγοι, въ славянскомъ—волхвы.

говъ, изъясняли чудесныя видѣнія и предсказанія оракуловъ ¹⁾ и объявляли народу волю боговъ ²⁾. Кромѣ того, занимались и заклинаніями. По Маймониду, они укрощали дивныхъ звѣрей и ядовитыхъ животныхъ ³⁾; но эти заклинанія производили не однимъ словомъ, какъ „хартумимъ“, а дуновеніемъ ⁴⁾. Третій разрядъ—„мекасфимъ“ (מֵקַסְפִּים), чародѣи, волшебники ⁵⁾, употреблявшіе видимыя чары для своихъ волхвованій ⁶⁾,—иногда, впрочемъ, съ цѣлью леченія больныхъ ⁷⁾; при этомъ, по словамъ блаж. Иеронима, они пользовались кровью и самими

¹⁾ Въ Вавилонѣ существовали особые оракулы, къ которымъ сами цари нерѣдко носылали спросить объ исходѣ того или другого важнаго предпріятія, о судьбѣ своей и царства и т. п.; были оракулы разныхъ боговъ (*Schrader. Keil. Bibl. V. III—2. Hälfte. S. 65, 85, 91*).

²⁾ Въ библиотекѣ Ассурбанипала найдена книга, содержащая гимны богами, — гимны, которымъ приписывали сверхъестественную и таинственную силу; вѣроятно, ихъ произносили „асафимъ“ при сообщеніи народу своихъ предсказаній, полученныхъ якобы отъ божества (*Vigouroux. Die Bibel u. d. neueren Entdeckungen. Uebers. I. Bach. IV. V. S. 393*).

³⁾ *Kranichfeld. Das Buch Daniel. S. 72*.

⁴⁾ Такъ объясняется и самое названіе מֵקַסְפִּים отъ קָסַף (дууть) (*Kranichfeld. S. 73*). Упомянутыя ассиро-вавилонскія клинообразныя надписи о пророкахъ, изрекающихъ „божественную волю“ (*Schrader. Keil. Bibl. V. III—1. H., S. 31; V. II, S. 51*), и о „заклинателяхъ звѣрей“ (*ibid., V. III—1. H., S. 147*), по всей вѣроятности, относятся къ „асафимъ“.

⁵⁾ Названіе מֵקַסְפִּים происходитъ отъ קָסַף (чародѣйствовать) (*Kranichfeld. S. 73*). Бертольдъ почему-то переводитъ его „наблюдатели солнечныхъ затмѣній и фазъ луны“, считая „мекасфимъ“ астрономами (*Bertholdt. Daniel. II. Hälfte. 1808. S. 837*).

⁶⁾ Ассиро-вавилонскія клинообразныя надписи упоминаютъ о „заклинателяхъ съ помощью волшебныхъ травъ“ и „вызывателяхъ умершихъ“ (*Schrader. Keil. Bibl. V. III—1. H. S. 31—33*), принадлежавшихъ, нужно думать, къ разряду „мекасфимъ“.

⁷⁾ Въ одной изъ книгъ клинообразной бібліотеки Ассурбанипала содержатся разнаго рода заговоры, описанія магическихъ приемовъ, рецепты всевозможныхъ снадобій, которыми, по всей вѣроятности, пользовались „мекасфимъ“ какъ при волхвованіяхъ своихъ вообще, такъ въ особенности при леченіи больныхъ (*Vigouroux. Die Bibel u. d. neueren Entdeckungen. Uebers. I. Bach. IV. V. S. 393*).

жертвами и часто прикасались къ тѣламъ умершихъ ¹⁾. Четвертый разрядъ вавилонскихъ мудрецовъ—это „касдимъ“ (קַסְדִּים), халдеи въ собственномъ смыслѣ или жрецы ²⁾. Они наблюдали движенія звѣздъ, занимались астрономическими наблюденіями и вычисленіями и, сообразно съ этимъ, по словамъ блаж. Иеронима, предсказывали судьбу человѣка по теченію звѣздъ, по дню его рожденія и т. п. ³⁾. Пятый классъ—это „газримъ“ (גַּזְרִים ⁴⁾). Они занимались тоже астрономическими наблюденіями, гадали по звѣздамъ ⁵⁾, по дню рожденія человѣка, составляли гороскопы; занимались гаданіями и по внутренностямъ животныхъ, по полету птицъ, по ихъ крику, влеченію и т. п. ⁶⁾.

Какъ видно, каждый классъ вавилонскихъ мудрецовъ-халдеевъ имѣлъ, такъ сказать, свои спеціальности и, разумѣется, въ случаѣ нужды прибѣгали къ тому или другому разряду ихъ. Навуходоносоръ для разъясненія и толкованія своего сна призываетъ къ себѣ четыре класса мудрецовъ: тайновѣдцевъ (хартумимъ), гадателей (асафимъ), чародѣевъ (мекасфимъ) и халдеевъ (касдимъ). Можно было вполнѣ ограничиться только одними „хартумимъ“, занимавшимися спе-

¹⁾ Библи. твор. св. отц. и учит. церкви зап. Ки. 21. Твор. бл. Иеронима, ч. 12. Стр. 11.

²⁾ По Діодору Сицилійскому, халдеи въ Вавилонѣ занимали такое же положеніе, какъ жрецы въ Египтѣ (Историч. бібліотека. Пер. Алексѣева. Ч. I. Стр. 207); Геродотъ же прямо называетъ халдеевъ жрецами (Исторія. Пер. Мищенко. Т. I. Стр. 93).

³⁾ Библи. твор. св. отц. и учит. церкви зап. Ки. 21. Твор. бл. Иеронима, ч. 12. Стр. 11.

⁴⁾ Первые четыре класса мудрецовъ упоминаются въ Дан. 2, 2, а „газримъ“ въ Дан. 2, 27; 4, 4; 5, 7. 11.

⁵⁾ Ср. Ис. 47, 13. — Самое названіе גַּזְרִים производятъ отъ גָּזַר (разрѣзать), такъ какъ они какъ-бы раздѣляли небо на множество сферъ, которыя и наблюдали при своихъ астрономическихъ опытахъ (*Kranichfeld. S. 75*).

⁶⁾ Библи. твор. св. отц. и учит. ц. зап. Ки. 21. Тв. бл. Иеронима, ч. 12. Стр. 16. — *Sixtus Senensis. Bibliotheca sancta. P. 44—45*.

ціально толкованієм сновидѣній;—но царь зоветъ мудрецовъ и другихъ специальностей, потому что требовалось не только истолковать, но и угадать самое содержаніе сна; мало того: если сонъ предвѣщаетъ что-либо дурное,—нужно было силою халдейской мудрости отвратить отъ царя грозившее ему бѣдствіе. „Хартумимъ“ должны были дать толкованіе встревожившаго Навуходоносора сна; въ связи съ этимъ „асафимъ“ должны были сообщить царю волю боговъ; чтобы подтвердить истину такого или иного толкованія сна и точнѣе опредѣлить предугазываемое сновидѣніемъ благополучіе или несчастье, можно было погадать по звѣздамъ, чѣмъ, между прочимъ, занимались „касдимъ“; если сонъ предвѣщаетъ какое-либо несчастье,—тѣже „касдимъ“, какъ жрецы, должны были жертвами умилостивить боговъ; а „мекасфимъ“—постараться отвратить несчастье силою своихъ волшебныхъ чаръ. Всѣ этого рода мудрецы, по требованію царя, являются предъ нимъ и царь обращается къ нимъ съ такими словами: „сонъ снился мнѣ и тревожится духъ мой; желаю знать этотъ сонъ“. Мудрецы (халдеи) отвѣчали царю ¹⁾: „царь! во вѣки живи ²⁾! скажи сонъ рабамъ твоимъ, и мы объяснимъ значеніе его“. Навуходоносоръ сказалъ: „слово отступило отъ меня; если вы не скажете мнѣ сновидѣнія и значенія его, то въ куски

¹⁾ Халдеи говорили съ царемъ на арамейскомъ языкѣ, который Ксенофонтъ называетъ сирскимъ (*Ксенофонтъ*. Сочиненія. Перев. Яичевецкаго. Ш. Киропедія. Стр. 238) или восточно-арамейскимъ діалектомъ. Какъ мы упоминали, это былъ обычный народный разговорный языкъ ассиро-вавилонянъ, отличный отъ халдейскаго, придворнаго языка, употреблявшагося и въ наукѣ.

²⁾ Это—обычное правѣтельство, котораго требовалъ восточный этикетъ. Оно употреблялось и въ іудейскомъ царствѣ при разговорѣ съ царемъ (1 Цар. 10, 24; 3 Цар. 1, 31); при вавилонскомъ же (Дан. 2, 4; 3, 9; 5, 10), мидійскомъ (Дан. 6, 6, 21) и персидскомъ (Неем. 2, 3.—*Элианъ*. Различныя повѣсти, пер. Сичкарева. Ч. I. СПб. 1773. Стр. 18.—*Curtius De rebus gestis Alexandri Magni Regis* 1821. P. 187) дворахъ было весьма обычно. Еще и въ настоящее время въ южной Африкѣ формула „Богъ да продлитъ жизнь царя“ постоянно употребляется въ разговорѣ съ царствующимъ лицомъ (*Lengerke. Das Buch Daniel*. S. 52).

будете изрублены, и дома ваши обратятся въ развалины“. Угрозы Навуходоносора, конечно, жестоки и наказаніе, которое онъ обѣщалъ мудрецамъ, безчеловѣчно; но, при всемъ томъ, такая жестокость въ духѣ того времени: эгоизмъ восточныхъ деспотовъ-тиранновъ извѣстенъ каждому; жизнь подданныхъ почти ничего не значила въ глазахъ государя; вотъ почему наказанія—и самыя жестокия,—мучительная смерть, пытка—все это было въ большомъ ходу. Въ частности, разсѣченіе тѣла на куски или отсѣченіе различныхъ членовъ было обычнымъ наказаніемъ у іудеевъ ¹⁾, египтянъ ²⁾, персовъ ³⁾ и др. Что касается вавилонянъ, то они въ этомъ отношеніи едва ли не были гораздо болѣе жестоки, чѣмъ другіе народы древности: сдиранье кожи съ живого человѣка ⁴⁾, вѣтанье людей ⁵⁾, сажанье ихъ на колъ ⁶⁾, отсѣченіе головъ ⁷⁾ и другихъ членовъ тѣла ⁸⁾, наконецъ, въ частности, разсѣченіе на куски ⁹⁾—вотъ примѣры жестокостей, которыми даже хвалились ассиро-вавилонскіе государи, заноса ихъ во многострадальствѣ и въ мельчайшихъ подробностяхъ въ свои лѣтописи. Восточному деспоту ничего не стоило велѣть избить цѣлымъ сотнями своихъ подданныхъ, будь это знатнѣйшіе и нужнѣйшіе люди во всемъ государствѣ, или приказать умертвить жителей покоренныхъ странъ, будь это даже царствующія особы. Самъ Навуходоносоръ, хотя былъ, несомнѣнно, однимъ изъ лучшихъ

¹⁾ 1 Цар. 11, 7; 15, 33; 2 Цар. 4, 12; 12, 31; 1 Пар. 20, 3.

²⁾ *Геродотъ*. Исторія. Пер. Мищенка. Т. I. Стр. 217.

³⁾ *Бриссоній*. О персскомъ царствѣ. Пер. Алексѣева. Ч. II. М. 1781. Стр. 332—333; 335—340.

⁴⁾ *Schrader*. Keil. Bibl. V. I, S. 63, 67, 71, 93; V. II, S. 57, 59, 61, 229, 257.

⁵⁾ *Ibid.*, V. I, S. 67, 88, 167.

⁶⁾ *Ibid.*, V. I, S. 67, 71, 91, 101, 109, 113, 147, 167; V. II, S. 5, 13.

⁷⁾ *Ibid.*, V. I, S. 19, 35, 63, 71, 73, 75, 77, 83, 91, 113, 155, 157, 159, 167, 171; V. II, S. 109, 127, 181, 197, 255, 257, 265.

⁸⁾ *Ibid.*, V. I, S. 67, 71, 91, 113; V. II, S. 109, 193, 197, 257, 259.

⁹⁾ *Ier.* 16, 40; 23, 47.—*Keil. Bibl.* V. II. S. 193, 203, 217.

во всѣхъ отношеніяхъ государей, но въ жестокости мало чѣмъ уступалъ другимъ восточнымъ деспотамъ: извѣстны, напр., такого рода факты, что онъ приказалъ убить сыновей іудейскаго царя Седевіи на глазахъ отца, а послѣднему, затѣмъ, выколоть глаза¹⁾; въ другой разъ велѣлъ избить множество знатныхъ іудейскихъ гражданъ²⁾ и т. п. Нѣтъ, поэтому, ничего удивительнаго, если и теперь, взволнованный сновидѣніемъ, горя нетерпѣніемъ узнать какъ содержаніе, такъ и значеніе его, онъ угрожаетъ мудрецамъ разсѣченіемъ ихъ въ куски и обращеніемъ самыхъ домовъ ихъ въ развалины³⁾,— только за то, что тѣ не могли прежде всего угадать содержаніе сна⁴⁾. „Если же, продолжаетъ онъ, вы расскажете сонъ и значеніе его, то получите отъ меня дары, награду и великую почесть; итакъ, скажите мнѣ сонъ и значеніе его“. Мудрецы, будучи не въ состояніи исполнить требованіе царя, отвѣчаютъ тоже, что и прежде: „да скажетъ царь рабамъ своимъ сновидѣніе и мы объяснимъ его значеніе“. Царь, въ свою очередь, продолжаетъ настаивать на своемъ требованіи: „вѣрно знаю, что вы хотите выиграть время, потому что видите, что слово отступило отъ меня. Такъ какъ вы не объявляете мнѣ сновидѣнія, то у васъ одинъ умыселъ: вы соби-

¹⁾ 4 Цар. 25, 7; Іер. 39, 6—7; 52, 9—11.

²⁾ 4 Цар. 25, 18—21; Іер. 52, 24—27.

³⁾ Въ послѣдней угрозы Навуходоносора замѣчается прекрасный намекъ на характеръ вавилонской архитектуры. Для постройки въ Вавилонѣ употреблялись кирпичи, сѣлачные изъ глины и въ большинствѣ только высушенные на солнцѣ; изъ нихъ складывались не только дома, но даже и дворцы (*Schrader. Keil Bibl. V. III — 1. N. S. 57. — Геродотъ. Исторія. Пер. Мищенко. Т. I. Стр. 92.—I. Флавій. О древностяхъ прогавъ Авліона, кн. I. Стр. 362, 363*). Конечно, достаточно было сравнительно небольшого усилія, чтобы подобнаго рода постройку обратить въ кучу развалинъ.

⁴⁾ Совершенно неосновательны, поэтому, возраженія Вертольда (*Daniel. I. Hälfte. S. 193*) и Эйхгорна (*Einleitung in das A. T. IV. B. S. 482*), будто подобная жестокость невѣроятна и несвойственна характеру Навуходоносора. Факты на лицо: 4 Цар. 25, 7. 18—21; Іер. 39, 6—7; 52, 9—11. 24—27.

раетесь сказать мнѣ ложь и обманъ, пока минетъ время; итакъ, расскажите мнѣ сонъ, и тогда я узнаю, что вы можете объяснить мнѣ и значеніе его“. Навуходоносоръ не требуетъ отъ халдеевъ какого-либо всевѣдѣнія или всемогущества: съ своей точки зрѣнія онъ вполне правъ. Дѣло въ томъ, что халдеи сами хвалились своимъ какимъ-то высшимъ знаніемъ, своимъ умѣньемъ толковать сны и видѣнія и возвѣщать каждому волю боговъ и назначенную ему судьбу: если, поэтому, вы, совершенно справедливо разсуждалъ царь, знаете всѣ тайны сновъ и видѣній, то почему же самые сны составляютъ для васъ тайну? обладая высшимъ вѣдѣніемъ настолько, чтобы умѣть правильно объяснить сонъ, вы должны, путемъ того-же вѣдѣнія, узнать и самое содержаніе его, и только если вы мнѣ скажете послѣднее, тогда будетъ ясно, что вы обладаете дѣйствительно какимъ-то сверхъестественнымъ даромъ вѣдѣнія, что можете, поэтому, и толковать сны правильно; если же вы теперь не можете рассказать мнѣ содержанія моего сна, то кто поручится, что вы правильно истолкуете его, что вы не обманщики, только обольщающіе народъ своимъ хвастовствомъ¹⁾? Нѣтъ, докажите вотъ на дѣлѣ свое искусство.— Вѣроятно, мудрецы, въ самомъ дѣлѣ, были заняты въ это время тяжелою мыслью о томъ, какъ-бы, по крайней мѣрѣ, спасти свою жизнь, и надѣялись какъ-нибудь стороною выйти изъ бѣды; но и въ эту опасную для нихъ минуту они не могли какъ-либо солгать царю, потому что, по выраженію блаж. Іеронима, „въ сердцѣ Навуходоносора осталась нѣкотораго рода тѣнь и, такъ сказать, вѣяніе и слѣдъ сна, такъ что, при повтореніи его другими, онъ могъ вспомнить то, что видѣлъ, но обмануть его чрезъ ложь нившимъ образомъ было нельзя“²⁾. Въ виду же настойчиваго требованія царя сооб-

¹⁾ Ср. Библиотека твор. св. отц. и учит. ц. зап. Кн. 21. Твор. бл. Іеронима, ч. 12. Стр. 12.

²⁾ *Ibid*, стр. 11.

щить ему содержание сна,—мудрецамъ ничего больше не оставалось, какъ только сказать: „нѣтъ на землѣ человѣка, который могъ-бы открыть это дѣло царю, и потому ни одинъ царь, великій и могущественный, не требовалъ подобнаго ни отъ какаго тайновѣдца, гадателя и халдея; дѣло, котораго царь требуетъ, такъ трудно, что никто другой не можетъ открыть его царю, кромѣ боговъ, которыхъ обитаніе не съ плотію“. Въ этихъ словахъ мудрецы открыто признались, что они самые обыкновенные люди, что въ нихъ нѣтъ ничего божественнаго, никакого вышечеловѣческаго вѣдѣнія; предположеніе Навуходоносора о нихъ, какъ объ обманщикахъ, вполне оправдалось. Въ виду этого царь сильно разгнѣвался и привелъ въ исполненіе свою прежнюю угрозу,—издалъ повелѣніе ¹⁾ казнить всѣхъ мудрецовъ, находившихся въ Вавилонѣ. Къ числу ихъ былъ причисленъ и пророкъ Даніиль съ друзьями, которые въ то время только-что окончили трехлѣтній курсъ своего воспитанія, изучили всю мудрость халдейскую подъ руководствомъ тѣхъ-же представителей ея и, какъ ученики послѣднихъ, могли быть причислены къ халдейской кастѣ ²⁾. Къ царю пророкъ и друзья его не являлись вмѣстѣ съ призванными во дворецъ мудрецами,—вѣроятно, потому, что потребованы были старѣйшіе и знатнѣйшіе представители вавилонской мудрости и, во всякомъ случаѣ, не всѣ мудрецы, жившіе въ Вавилонѣ; указъ же Навуходоносора

¹⁾ Такого рода распоряженія издавались въ видѣ указовъ, развозимыхъ обыкновенно гонцами (ср. 1 Эдр. 8, 36; Эсв. 2, 8; 3, 14. 15; 4, 3. 8; 8, 13. 14. 17; 9, 1. 14).

²⁾ Ленгерке доказываетъ, что пророкъ Даніиль и друзья его не могли фактически вступить въ касту мудрецовъ - халдеевъ, потому что она была строго замкнута и исключала всякій доступъ въ свою среду для иностранцевъ; притомъ, по Діодору, знаніе халдея переходило отъ отца къ сыну, что еще больше укрѣпляло изолированность халдейской касты (*Lengerke. Das Buch Daniel. S. 50—51*). Но номинальная принадлежность пророка къ этой кастѣ, во всякомъ случаѣ, могла быть; по крайней мѣрѣ, въ общенародномъ сознаніи Даніиль, какъ ученикъ халдеевъ, могъ считаться однимъ изъ нихъ.

простирался по существу на всѣхъ вообще халдеевъ и не исключалъ собою, поэтому, и пророка Даніила съ друзьями; и ихъ искали убить вмѣстѣ съ ихъ учителями.

Между тѣмъ, самъ Даніиль ничего и не зналъ о томъ, что происходило во дворцѣ ¹⁾,—не зналъ и объ указѣ царя, касавшемся его собственной жизни. Не говоря уже о томъ, что лично онъ не присутствовалъ при разговорахъ царя съ потребованными къ нему мудрецами - халдеями,—но и царскій указъ, изданный съ такою горячностью, могли быстро приводить въ исполненіе: царь сильно разгнѣвался и, по всей вѣроятности, велѣлъ немедленно казнить не только тѣхъ мудрецовъ, которыхъ онъ призывалъ къ себѣ, но и всѣхъ жившихъ въ Вавилонѣ собратій ихъ поголовно, такъ какъ видѣлъ въ нихъ только обманщиковъ, лгуновъ—и больше ничего. Представимъ себѣ, въ самомъ дѣлѣ, положеніе восточнаго деспота, которому его же подданные отказываютъ въ исполненіи его требованія: ярость его должна была дойти до крайнихъ предѣловъ; нужно было только немного времени, чтобы разыскать всѣхъ мудрецовъ (многіе изъ нихъ могли и скрыться), а затѣмъ можно было приняться и за поголовное ихъ истребленіе. Во время самыхъ розысковъ и пророкъ Даніиль узналъ о страшной опасности, грозившей ему и друзьямъ его, но не зналъ все-таки причины ея. Онъ обратился къ Аріоху, начальнику тѣлохранителей царскихъ ²⁾, которому

¹⁾ Филлеръ, относящій излагаемое нами событіе ко времени еще воспитанія пророка, объясняетъ дѣло совершенно естественно: какъ ученикъ, воспитанныкъ, пророкъ не могъ касаться всего, что дѣлали старѣйшіе халден (*Füller. Der Profet Daniel. S. 45*). По предположенію же блаж. Иеронима, сами халден не сообщали Даніилу о томъ, для чего требовалъ ихъ къ себѣ царь, такъ какъ боялись, чтобы пророкъ, успѣвшій обнаружить при дворѣ свою необыкновенную мудрость еще на придворномъ экзаменѣ, не открылъ царю сна и значенія его и тѣмъ не уронилъ ихъ собственного достоинства (Библия твор. св. отц. и учт. ц. зап. Кн. 21. Твор. бл. Иеронима, ч. 12. Стр. 13).

²⁾ Этотъ сановникъ въ еврейской Библии называется халдейскимъ словомъ אֲרִיָּוֹן אֲרִיָּוֹן (начальникъ тѣлохранителей, начальникъ придворной стражи); въ

поручено было распоряженіе по совершенію казни, съ во-просомъ, что значить такой грозный указъ и почему такъ быстро хотятъ привести его въ исполненіе. Вѣроятно, пророкъ, немного раньше на придворномъ экзаменѣ обратившій на себя вниманіе самого царя, пользовался особымъ расположе-ніемъ и Аріоха, такъ какъ тотъ вступаетъ съ нимъ въ раз-говоръ и объясняетъ ему, въ чемъ дѣло. Тогда Даніиль рѣ-шилъ добиться личнаго свиданія съ царемъ, чтобы попросить его, по крайней мѣрѣ, объ отсрочкѣ. При помощи, вѣроятно, того-же Аріоха, одного изъ самыхъ приближенныхъ къ царю лицъ, дѣло удалось легко; да и самъ Навуходносоръ помнилъ пророка, относился къ нему благосклонно и легко могъ до-пустить его къ личной аудіенціи. Здѣсь пророкъ Даніиль

славянскомъ текстѣ слово это переводится чрезъ „архимагиръ“. Нѣсколько дальше (въ ст. 15-мъ) тотъ-же Аріохъ называется $\text{אַרְיֹחַ הַמְלָכִי}$ (управитель цар-скій). Это—одинъ изъ вліятельнѣйшихъ сановниковъ государства. Въ Іер. 39, 9. 11; 40, 1; 41, 10; 43, 6; 52, 12. 15; 4 Цар. 25, 8. 18 съ такимъ титуломъ называется Навузарданъ, извѣстный полководецъ Навуходносора, разрушившій окончательно іудейское царство; въ славянскомъ текстѣ онъ называется то „архи-магиромъ“, то „воеводой“, то „воеводой воинствъ“. Были такіе архимагиры и раньше—въ исторіи израильской (1 Цар. 28, 2); были они въ Египтѣ (см. Быт. 37, 36; 39, 1; 40, 3. 4; 41, 10. 12), гдѣ назывались $\text{אַרְיֹחַ הַמְלָכִי}$ (по славян-ски безразлично „архимагиръ“). Обязанности вавилонскаго „архимагира“ со-стояли, прежде всего, въ завѣдываніи придворной стражей и вмѣстѣ въ распо-ряженіяхъ во время производства государственныхъ казней; это былъ своего рода главный начальникъ тайной полиціи (тоже, что римскій *praefectus praetorio*). Нерѣдко „архимагиры“ бывали полководцами и, по порученію царя, выступали часто въ значительные походы, имѣя почти неограниченную власть надъ войскомъ; такимъ, напр., архимагиромъ былъ Навузарданъ. На ассирійскихъ и вавилонскихъ памятникахъ часто встрѣчается названіе *rab-daiki*, одного изъ главнѣйшихъ сановниковъ вавилонскихъ,—именно начальника придворной стражи. По своему производству названіе это близко подходитъ къ „*rab-tabbahayya*“ (тому-же „архимагиру“); по всей вѣроятности, это—одно и то же сановное лицо, тѣмъ болѣе, что и *daiki*, подъдомные этому *rab-daiki*, были тѣже тѣлохранители. Въ Дан. 2, 14 архимагиръ называется Аріохомъ. Между прочимъ, во многихъ вави-лонскихъ частныхъ документахъ упоминается имя какого-то *Ariku* (что значитъ „длинный“). Возможно, что это тотъ-же Аріохъ, такъ какъ оба указанія имени близко подходятъ одно къ другому (*Vigouroux*. Die Bibel u. die neueren Entde-

упросилъ царя¹⁾ дать ему сроку нѣсколько дней²⁾, обѣщая съ своей стороны сообщить царю какъ самое содержаніе тре-вожившаго его сна, такъ вмѣстѣ представить и объясненіе его; а тѣмъ временемъ просилъ отсрочить казнь. Можетъ быть, при этомъ онъ прямо заявилъ, что хочетъ попросить помощи у Бога своего, такъ какъ дѣло касалось того, чего не могли исполнить все мудрецы силою своего ума и своихъ чаръ. Навуходносоръ, не забывшій, что еще на экзаменѣ пророкъ оказался въ десять разъ мудрѣе тайновѣдцевъ и волхвовъ, бывшихъ въ вавилонскомъ царствѣ,—съ другой стороны—заинтересованный, конечно, своимъ свидѣніемъ и желая во что бы то ни стало разгадать его, согласился на просьбу Даніила, считая исполненіе его обѣщанія, во всякомъ случаѣ, возможнымъ. Пророкъ же, возвратившись къ себѣ домой, передалъ обо всемъ своимъ друзьямъ Ананіи, Азаріи и Ми-саилу, съ которыми онъ вмѣстѣ жилъ, и четверо благочести-выхъ юношей обратились съ горячею молитвою къ Богу, прося о спасеніи ихъ жизни. Ночью пророку Даніилу была открыта въ видѣніи роковая тайна, о которой онъ предъ тѣмъ молился, и въ благочестивомъ восторгѣ и благодарности къ Богу онъ воспѣлъ Ему хвалебную пѣснь: „да будетъ благословенно имя Господа отъ вѣка и до вѣка, ибо у Него мудрость и

skungen. Uebers. v. Ibach. IV. B. S. 394). Талмудъ отождествляетъ этого Аріоха съ Навузарданомъ (*Wünsche* A. Bibliotheca rabbinica. Eine Sammlung alter Midraschim. Der Midrasch Echa rabbati. Leipzig. 1881. S. 148).

¹⁾ Иосифъ Флавій передаетъ дѣло нѣсколько иначе: по нему, пророкъ Да-нииль просилъ не царя, а самого Аріоха ходатайствовать объ отсрочкѣ казни; Аріохъ же уже самъ сообщилъ объ этой просьбѣ, а равно и обѣщанія Даніила царю, который, затѣмъ, и разрѣшилъ ему отсрочить казнь до тѣхъ поръ, пока пророкъ не исполнитъ своего обѣщанія (*I. Флавій*. Древности іудейскія. Пер. Самуилова. Ч. II. Стр. 159).

²⁾ По Флавію, хоть одну ночь (Древн. іуд. Ч. II. Стр. 159). Видно, очень снѣжили съ исполненіемъ царскаго указа, потому что пророкъ Даніиль узнаетъ о грозившей ему опасности только въ тотъ самый день, когда ему приходилось уже разстаться съ жизнью.

сила; Онъ измѣняетъ времена и лѣта, низлагаетъ царей и поставляетъ царей, даетъ мудрость мудрымъ и разумѣніе разумнымъ; Онъ открываетъ глубокое и сокровенное, знаетъ, что во мракѣ, и свѣтъ обитаетъ съ Нимъ. Славлю и величаю Тебя, Боже отцовъ моихъ, что Ты даровалъ мнѣ мудрость и силу и открылъ мнѣ то, о чемъ мы молили Тебя; ибо Ты открылъ намъ дѣло царя¹⁾. Утромъ пророкъ явился къ Аріоху и просилъ его не убивать мудрецовъ вавилонскихъ²⁾, но провести его къ царю³⁾, обѣщая сообщить послѣднему заинтересовавшій его сонъ. Сознавая всю важность этой просьбы, Аріохъ немедленно представилъ Даніила къ царю, назвавши его однимъ изъ плѣнниковъ іудейскихъ, который, хотя не принадлежитъ собственно къ классу вавилонскихъ мудрецовъ-халдеевъ, но обѣщаетъ раскрыть царю сонъ и объяснить значеніе его. Царь, удивленный тѣмъ, что пророкъ въ самомъ дѣлѣ беретъ сообщать ему то, чего не могли мудрѣйшіе маги, съ другой стороны—обрадованный тѣмъ, что надежды его такъ скоро сбываются, обращается къ Даніилу съ вопросомъ: „можешь ли ты сказать мнѣ сонъ, который я видѣлъ, и значеніе его?“³⁾. Пророкъ съ полною скромностью, но вмѣстѣ и величіемъ отвѣчалъ: „тайны, о которой царь спрашиваетъ,

¹⁾ По Сульницю Северу, мудрецы были уже умерщвлены наканунѣ въ силу царскаго указа, такъ какъ пророкъ Даніилъ будто-бы просилъ царя отсрочить казнь только ему и друзьямъ, но не всѣмъ мудрецамъ вавилонскимъ (*Суммий Северъ*. Священная исторія. Москва. 1782. Стр. 55 на оборотѣ).

²⁾ По восточнымъ законамъ, не только простые подданные, но и придворные и даже члены царской семьи не могли входить къ царю безъ доклада, а только въ сопровожденіи особаго приставленнаго для того приближеннаго сановника. Такъ было, напр., въ Мидіи (*Геродотъ*. Исторія. Пер. Мищенко. Т. I. Стр. 54), Персіи (Эсэ. 4, 11) и др. мѣстахъ.

³⁾ По замѣчанію блаж. Іеронима, царь „соблюдаетъ послѣдовательность въ вопросѣ, сначала спрашивая о снѣ, относительно котораго маги отвѣтили, что они не знаютъ его, а потомъ объ объясненіи сна, чтобы, выслушавъ сонъ и припомнивъ видѣнное, онъ могъ повѣрить послѣ того и истолкованію, какъ заключающему истинный смыслъ“ (Вибл. твор. св. отц. и учт. ц. зап. Кн. 21. Твор. бл. Іеронима, ч. 12. Стр. 16).

не могутъ открыть царю ни мудрецы, ни обаятели, ни тайновѣдцы, ни гадатели. Но есть на небесахъ Богъ, открывающій тайны; и Онъ открылъ царю Навуходоносору, что будетъ въ послѣдніе дни. Сонъ твой и видѣнія главы твоей на ложѣ твоёмъ были такіа: ты, царь, на ложѣ твоёмъ думалъ о томъ, что будетъ послѣ сего? и Открывающій тайны показалъ тебѣ то, что будетъ. А мнѣ тайна сія открыта не потому, чтобы я былъ мудрѣе всѣхъ живущихъ, но для того, чтобы открыто было царю разумѣніе, и чтобы ты узналъ помышленія сердца твоего. Тебѣ, царь, было такое видѣніе: вотъ, какой-то большой истуканъ; огромный былъ этотъ истуканъ, въ чрезвычайномъ блескѣ стоялъ онъ предъ тобою, и страшнѣе былъ видъ его. У этого истукана голова была изъ чистаго золота, грудь его и руки его—изъ серебра, чрево его и бедра его—мѣдныя, голени его желѣзныя, ноги его частью желѣзныя, частью глиняныя. Ты видѣлъ его, доколѣ камень не оторвался отъ горы безъ содѣйствія рукъ, ударилъ въ истуканъ, въ желѣзныя и глиняныя ноги его, и разбилъ ихъ. Тогда все вмѣстѣ раздробилось: желѣзо, глина, мѣдь, серебро и золото сдѣлались какъ прахъ на лѣтнихъ гумнахъ, и вѣтеръ унесъ ихъ, и слѣда не осталось отъ нихъ; а камень, разбившій истуканъ, сдѣлался великою горою и наполнилъ всю землю¹⁾.

¹⁾ Характеръ и содержаніе сна Навуходоносора, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствуютъ понятіямъ и вкусамъ ассиро-вавилонскихъ государей. Статуи самыя разнообразныя по величинѣ, по матеріалу, по формѣ и т. п. были весьма обычны и встрѣчались очень часто въ Ассиріи и Вавилонѣ. Нерѣдко цари брали въ плѣн статуи боговъ, царей и героев побѣжденныхъ странъ, въ качествѣ военной добычи. Ассурбанипаль, напр., въ одной изъ своихъ надписей, говоря о войнѣ своей съ Уманнадасомъ, царемъ эламскимъ, сообщаетъ, что онъ „взаялъ Сусивака бога..... Сумуду, Лагамару, Партиккира, Аммакасибара, Удурана, Сапака, которыхъ почитали цари эламскіе, Гусуна, Рагиба, Сунгура, Карса, Кирсамаса, Судаву, Аипаксива, Билала, Паниитимри, Сиагара, Нанса, Нанирту, Кидакарну, этихъ боговъ и богинь съ ихъ сокровищами, дарами, украшеніями, жрецами и храмовой прислугой; все это, прибавляетъ онъ, я отправилъ въ Ассирію. Тридцать двѣ статуи царей, сдѣланныя изъ серебра, золота, мѣди и мрамора“.

Изложение пророкомъ содержания удивительнаго сна сильно подѣйствовало на Навуходоносора: теперь онъ припомнилъ то, чего до сихъ поръ не могъ вспомнить, хотя смутный образъ чего-то необыкновеннаго и страшнаго оставался въ его душѣ; его мысленнымъ взорамъ представилась картина

мора, изъ городовъ Сузъ, Мадакту и Гуради, а также и статуи Уммангаса.... Истарнангунди, Галузи, Таммариту II... я взялъ съ собою въ Ассирію“ (*Schrader. Keil. Bibl. V. II. S. 205—207*). Статуи главнымъ образомъ должны были привлекать къ себѣ вниманіе побѣдителей: не говоря уже о томъ, что статуи боговъ и богинь могли служить и служили трофеями побѣды надъ чужеземными боже-ствами, но и въ чисто-матеріальныхъ видахъ онѣ были вообще богатой добычей. И нужно думать, что Навуходоносоръ, какъ блестящій завоеватель, въ свою очередь въ изобиліи наполнилъ столицу свою статуями, взятыми у покоренныхъ народовъ; не говоримъ о громадномъ множествѣ статуй, перешедшихъ въ Вавилонъ изъ Ниневіи. Извѣстно, что и сами ассиро-вавилонскіе цари любили сооружать статуи человѣка, которыя въ немаломъ количествѣ ставили, какъ украшенія, между прочимъ, въ своихъ дворцахъ (*Schrader. Keil. Bibl. V. II, S. 77; V. III—1. H., S. 15, 27, 43*). Не чуждъ былъ этого и Навуходоносоръ (Дан., гл. 3). Матеріала для сооруженія всевозможнаго рода статуй въ Ассиріи и Вавилонѣ было достаточно: его доставляли главнымъ образомъ многочисленныя военныя походы. Тотъ-же Ассурбанипалъ послѣ побѣды надъ Уммангаласомъ забралъ изъ царскихъ сокровищницъ громадную массу золота и серебра, драгоценныхъ камней, не говоря о другихъ богатствахъ и сокровищахъ, собранныхъ въ теченіе многихъ лѣтъ предшествующими царями эламскими (*Schrader. Keil. Bibl. V. II. S. 203—205*). И каждый удачный походъ царей ассиро-вавилонскихъ сопровождался богатой добычей, взятой изъ покоренныхъ странъ. Камни статуи въ Ассиріи и Вавилонѣ отливались или высѣкались изъ благородныхъ металловъ (*Schrader. Keil. Bibl. V. III—1. H. S. 43*), золота и серебра (*ibid., V. II, S. 207*), бронзы (*ibid., V. III—1. H., S. 43*), мѣди (*ibid., V. II, S. 207; V. III—1. H., S. 43*), олова (*ibid., V. III—1. H., S. 43*), горнаго хрустала (*ibid.*), мрамора (*ibid., V. II, S. 207*), особаго рода камня (*ibid., V. III—1. H., S. 41, 43, 55, 61*) и т. п. Изъ золота же, серебра и мѣди были различныя части истукана, приснивагося Навуходоносору. Правда, голени и ноги его были желѣзныя и глиняныя; но, разумѣется, если бывали статуи оловяныя, каменные, почему же не могли дѣлать ихъ изъ желѣза, а пожалуй и глины; о глиняныхъ же идолахъ говорить, между прочимъ, и самъ пророкъ Даніилъ въ другомъ изъ рассказовъ своей богодухновенной книги (Дан. 14, 7). Видно отсюда, что содержаніе и характеръ оригинальнаго на первый взглядъ сновидѣнія Навуходоносора являются совершенно естественными съ точки зрѣнія того времени: царю снилось то, что онъ на каждомъ шагѣ видѣлъ и съ чѣмъ постоянно встрѣчался.

его сновидѣнія во всѣхъ его подробностяхъ и, несомнѣнно, онъ былъ пораженъ и удивленъ вѣрностью воспроизведенія его со стороны пророка Даніила. Теперь царь могъ быть увѣренъ, что пророкъ, сумѣвшій передать ему содержаніе сна, вѣрно и истолкуетъ его ему: этого онъ добивался передъ тѣмъ и отъ мудрецовъ вавилонскихъ. Даніилъ, дѣйствительно, сейчасъ же приступилъ къ самому объясненію таинственнаго сновидѣнія: „ты, царь, сказалъ онъ Навуходоносору,—царь царей¹⁾, которому Богъ Небесный даровалъ царство, власть, силу и славу, и всѣхъ сыновъ человѣческихъ, гдѣ-бы они ни жили, звѣрей земныхъ и птицъ небесныхъ Онъ отдалъ въ твои руки и поставилъ тебя владыкою надъ всѣми ими²⁾, ты—эта золотая голова! Послѣ тебя возстанетъ другое царство, ниже твоего, и еще третье царство, мѣдное, которое будетъ владычествовать надъ всею землею. А четвертое царство будетъ крѣпко, какъ желѣзо; ибо какъ желѣзо разбивается и раздробляетъ все, такъ и оно, подобно всесокрушающему желѣзу, будетъ раздроблять и сокрушать. А что ты видѣлъ ноги и пальцы на ногахъ частью изъ глины горшечной, а частью изъ желѣза, то будетъ царство раздѣленное,

¹⁾ Такой титулъ усвоилъ Навуходоносору и прор. Іезекиль (Іез. 26, 7). Такъ обычно называли себя восточные государи. Ассиро-вавилонскіе цари въ своихъ разнообразныхъ лѣтописяхъ сами прилагаютъ къ себѣ различныя эпитеты, въ родѣ „великій царь“ (*Schrader. Keil. Bibl., V. I, S. 51, 55, 57, 59, 95, 113, 115, 117, 123, 137, 153, 189, 191; V. II, S. 3, 9, 35, 41, 53, 81, 120, 125, 151, 233, 259, 271; V. III—2. H., S. 125*), „царь народовъ“ (*ibid., V. I, S. 9, 11, 17, 49, 51, 59, 95, 113, 115, 131, 153; V. II, S. 3, 9, 35, 41, 53, 120, 121, 151, 271*), „царь міра“ (*ibid., V. I, S. 17, 55, 59, 95, 117, 131, 153, 189, 191; V. II, S. 3, 9, 35, 41, 81, 115, 120, 125, 153, 233, 259; V. III—2. H., S. 97, 125*), „господинъ господъ“ (*ibid., V. I, S. 17, 57*) и, между прочимъ, „царь владыкъ“, „царь царей“ (*ibid., V. I, S. 17, 57, 59, 113, 115; V. II, S. 151, 259*). Послѣднимъ названіемъ титуловались также и персидскіе цари (1 Эзд. 7, 12).

²⁾ Такимъ владыкою даже надъ звѣрями земными и птицами небесными изображаетъ Навуходоносора и прор. Іеремя (Іер. 27, 6; 28, 14). Подобныя выраженія въ приложеніи къ нему же есть у Іез. 31, 6; Вар. 3, 16; Іуд. 11, 7.

и въ немъ останется нѣсколько крѣпости желѣза, такъ какъ ты видѣлъ желѣзо, смѣшанное съ горшечною глиною. И какъ персты ногъ были частью изъ желѣза, а частью изъ глины, такъ и царство будетъ частью крѣпкое, частью хрупкое. А что ты видѣлъ желѣзо, смѣшанное съ глиною горшечною, это значитъ, что они смѣшались чрезъ сѣмя человеческое, но не сольются одно съ другимъ, какъ желѣзо не смѣшивается съ глиною. И во дни тѣхъ царствъ Богъ Небесный воздвигнетъ царство, которое во вѣки не разрушится, и царство это не будетъ передано другому народу; оно сокрушитъ и разрушитъ всѣ царства, а само будетъ стоять вѣчно, такъ какъ ты видѣлъ, что камень отторгнуть былъ отъ горы не руками и раздробилъ желѣзо, мѣдь, глину, серебро и золото. Великій Богъ далъ знать царю, что будетъ послѣ сего. И вѣренъ этотъ сонъ, и точно истолкованіе его!¹⁾ Навуходо-

¹⁾ О какихъ царствахъ открылъ Богъ Навуходоносору въ знаменательномъ сновидѣніи его? Это, какъ видно изъ объясненія самаго сновидѣнія пророкомъ Данииломъ, четыре земныя царства, представленныя подъ образами четырехъ частей истукана, и послѣднее—„воздвигнутое Богомъ Небеснымъ“ царство, символизируемое отторгнутымъ отъ горы камнемъ. Первые четыре царства преемственно слѣдуютъ одно за другимъ, каждое уступая мѣсто послѣдующему. Первое царство, какъ видно изъ символическаго образа его — золотой головы, это—царство, отличавшееся блескомъ, богатствомъ и роскошью. „Ты—эта золотая голова“, пояснилъ пророкъ царю Навуходоносору. Разумѣется, слишкомъ уже буквально было-бы относить символъ золотой головы къ одному Навуходоносору: въ лицѣ послѣдняго пророкъ разумѣетъ царство вавилонское вообще, блестящимъ представителемъ, именно „золотую голову“ котораго былъ Навуходоносоръ. Такъ выражается пророкъ и въ дальнѣйшихъ своихъ словахъ: „послѣ тебя возстанетъ другое царство...“, разумѣя, конечно, подъ Навуходоносоромъ вмѣстѣ и всѣхъ преемниковъ его. все царство вавилонское. Дальнѣйшая рѣчь вмѣстѣ предметомъ своимъ отдѣльныя царства, а не царей; и „золотая голова“, поэтому, является образомъ царства вавилонскаго вообще (Дан. 2, 32. 37—38; ср. Іер. 51, 7). За нимъ слѣдуетъ другое царство, „ниже“ вавилонскаго, менѣе блестящее; символическій образъ его — серебрянная грудь и руки истукана. Въ послѣдующей исторіи человечества вслѣдъ за вавилонскимъ царствомъ мы замѣчаемъ мидійское, за нимъ персидское, далѣе греко-македонское; впрочемъ, мидійское царство было, съ одной стороны, весьма непродолжительно (съ точки зрѣнія, конечно,

носоръ былъ сильно пораженъ и изумленъ: его сонъ предсталъ предъ нимъ во всей своей силѣ; толкованіе же его показало царю, что сонъ этотъ означаетъ его же собственную судьбу, которая находится въ рукахъ Бога Даниилова, от-

міроваго значенія, съ какой разсматриваются и всѣ указанія здѣсь царства), съ другой — несамостоятельно; вотъ почему и особаго значенія здѣсь оно не имѣетъ и говорить о немъ, какъ о міровомъ царствѣ, нельзя; таковымъ было только царство мидо-персидское, по существу единое и нераздѣльное. Такъ именно смотритъ на него и пророкъ Даниилъ: въ одномъ изъ своихъ видѣній онъ видитъ его подъ однимъ образомъ барана съ двумя рогами, означающими царей мидійскихъ и персидскихъ (Дан. 8, 20). Далѣе, царство вавилонское, самостоятельное по существу, было отдано, по волѣ Промысла, „миданамъ и персамъ“ (Дан. 5, 28); Дарій Мидянинъ царствовалъ по законамъ „миданъ и персовъ“ (Дан. 6, 8. 12. 15). Впослѣдствіи нераздѣльное мидо-персидское царство было покорено Александромъ Македонскимъ (1 Макк. 1, 1). Это-то мидо-персидское царство, заступившее мѣсто вавилонскаго и объединенное въ лицѣ блестящаго представителя своего Кира, при которомъ главнымъ образомъ достигло міроваго значенія, и есть второе, „серебряное“ царство, возвышенное Навуходоносору въ сновидѣніи его. Слѣдующее преемственное за нимъ царство, представленное подъ образомъ мѣднаго туловища истукана, по своему вышнему блеску будетъ уступать обонимъ первымъ, но по силѣ и могуществу значительно превзойдетъ ихъ: оно „будетъ владычествовать надъ всею землею“. Это—царство греческое (Дан. 8, 20—21; ср. 11, 2—3), вѣрнѣе, греко-македонское, блестящее царство Александра В., покорившаго при Даріи Кодоманиѣ мидо-персидское царство, „прошедшаго до предѣловъ земли“, „собравшаго весьма сильное войско и господствовавшаго надъ областями и народами и властителями“, заставившаго „землю умолкнуть предъ нимъ“ (1 Макк. 1, 1—4). Какъ вавилонское царство пророкъ сосредоточилъ въ личности одного Навуходоносора, такъ и греко-македонское царство въ сущности держалось гениальною личностью одного Александра В., хотя исторически оно существовало, правда въ раздѣленномъ уже видѣ, и при преемникахъ его. Наконецъ, четвертое царство представлено подъ образомъ голени желѣзныхъ и ноги частью желѣзныхъ, частью глиняныхъ истукана. Это царство, по словамъ пророка, „будетъ крѣпко, какъ желѣзо“; „подобно всесокрушающему желѣзу, и оно будетъ все раздроблять и сокрушать“; вмѣстѣ съ тѣмъ, это—„царство раздѣленное, частью крѣпкое (какъ желѣзо), частью хрупкое (какъ глина)“. Качества эти принадлежатъ царству римскому, дѣйствительно „крѣпкому, какъ желѣзо“, „раздробляющему и сокрушавшему“ все, встрѣчавшееся ему на пути къ достиженію всемірнаго господства, наложившему свою руку на бывшія владѣнія Александра В., которыхъ не могли отстоять слабѣе его преемники. Поставивши задачу для себя стремленіе къ обладанію, царство это

крывшаго ему ее чрезъ Своего пророка. Въ лицѣ же послѣдняго царь увидѣлъ не обыкновеннаго мудреца, изучившаго у халдеевъ искусство снотолкованія въ связи со всею вообще ихъ мудростью, а человѣка, озареннаго какимъ-то высшимъ вѣдѣніемъ,—человѣка, въ которомъ явно присутствуетъ высшая сила. Неудивительно, поэтому, если этотъ гордый царь палъ ницъ предъ пророкомъ Данииломъ и поклонился ему

дѣйствительно достигло всемірнаго по тому времени господства. Составленное изъ множества покоренныхъ странъ, областей и націй, оно объединилось подъ тяжелою рукою Рима; впрочемъ, самое разнообразіе этихъ странъ и націй вело только къ тому, что отдѣльныя части его чисто-внѣшнимъ образомъ сплывались одна съ другой, но не „сливались“ другъ съ другомъ въ одинъ народъ, въ одно государство. Вотъ почему насколько съ внѣшней стороны царство римское было „всесокрушающимъ“, всеирнымъ, „крѣпкимъ, какъ желѣзо“, настолько же съ внутренней стороны оно было „хрупко, какъ глина“: при малѣйшемъ ослабленіи державной руки „желѣзнаго“ Рима отдѣльныя части громадной имперіи могли распасться, что и случилось, дѣйствительно, въ послѣдующей исторіи римскаго царства. Камень, оторвавшійся отъ горы, ударившій въ ноги истукана и разбившій его, а самъ сдѣлавшійся великою горою и наполнившій всю землю, означаетъ, по словамъ пророка Даниила, послѣднее царство, совершенно отличное отъ предыдущихъ. Существенные признаки его состоятъ въ слѣдующемъ: четыре другія царства „возстаютъ“ преемственно какъ-бы сами собою, по естественному порядку исторической жизни (Дан. 2, 39),—послѣднее же царство „воздвигнетъ“ Самъ „Богъ Небесный“ (Дан. 2, 44); предыдущія царства постепенно смѣняютъ одно другое, полагая конецъ предыдущему и уступая въ свое время мѣсто послѣдующему (Дан. 2, 39), а послѣднее царство „сокрушитъ и разрушитъ всѣ царства“ въ лицѣ послѣдняго изъ нихъ (Дан. 2, 34, 44), но само „не будетъ“ уже „нежданно другому народу“ (Дан. 2, 44); другія царства времени, скоро-преходяща и исчезающія безъ слѣда (Дан. 2, 35), а послѣднее изъ нихъ „будетъ стоять вѣчно“ и „во вѣки не разрушится“ (Дан. 2, 44); оно будетъ расти постепенно и наполнитъ собою „всю землю“ (Дан. 2, 35). Такіе признаки указываютъ только на царство мессіанское, царство основанное „Богомъ Небеснымъ“, явившееся „во дни“ римскаго царства (Дан. 2, 44), грубую, военную силу котораго (да и вообще древняго міра—всѣхъ мировыхъ царствъ) оно „соарушило“ вышекъ, духовно-нравственной силою,—по существу неизмѣнное и вѣчное,—наконецъ, постепенно распространяющееся и наполняющее собою „всю землю“. Замѣчательный и символическій образъ этого царства—камень, образъ, указывающій въ устахъ Господа и апостоловъ на Основателя мессіанскаго царства (Мѡ. 21, 42; Мр. 12, 10; Лк. 20, 17; Дѣян. 4, 11; 1 Петр. 2, 4; Рим. 9, 32).

до земли, какъ какому-то высшему существу¹⁾. Въмѣстѣ съ тѣмъ, онъ велѣлъ принести пророку дары, а жрецамъ²⁾ приказалъ воскурить предъ нимъ благовонія. Послѣднее было уже какъ-бы божескою почестію. Въ лицѣ пророка царь и почтилъ не столько его самого, сколько Бога іудейскаго, открывшаго ему его тайну. Полный благоговѣнія къ этому Богу, онъ произнесъ: „истинно Богъ вашъ есть Богъ боговъ и Владыка царей, открывающій тайны, когда ты могъ открыть эту тайну!“ Конечно, эти слова далеко не были обращеніемъ Навуходносора къ Іеговѣ. Хотя онъ и называетъ Его Богомъ боговъ и Владыкою царей, но самое это выраженіе звучитъ какъ-то по язычески. Навуходносоръ, какъ язычникъ, зналъ и признавалъ множество національных боговъ, изъ которыхъ, по понятіямъ языческимъ, одни были сильнѣе, другіе—слабѣе; однимъ изъ такихъ національных боговъ казался ему и Іегова; и вотъ теперь царь признаетъ, что этотъ Іегова есть самый сильный изъ всѣхъ боговъ, есть „Богъ боговъ“; но до признанія Его *единымъ* Богомъ еще слишкомъ далекій шагъ. Царь богато одарилъ пророка Даниила и поставилъ его правителемъ надъ всею областью вавилонскою³⁾,—а за его мудрость сдѣлалъ его тѣмъ начальни-

¹⁾ Это было знакомъ особеннаго уваженія къ человѣку (Быт. 33, 7; 1 Цар. 20, 41; 2 Цар. 14, 4; 3 Цар. 1, 16; Ис. 3, 2). Глаголь же קָרַב, употребленный здѣсь, указываетъ даже на божеское поклоненіе (ср. Ис. 44, 15. 17. 19; 46, 6, гдѣ идетъ рѣчь о поклоненіи идоламъ). По мнѣнію блаж. Іеронима (Внбл. твор. св. отц. и учит. п. зап. Ки. 21. Твор. бл. Іеронима, ч. 12. Стр. 20) и І. Флавія (Древности іудейскія. Пер. Самуилова. Ч. II. Стр. 161), и Навуходносоръ въ лицѣ пророка Даниила поклонился Богу, обитающему въ небѣ. Аналогичный этому фактъ мы имѣемъ въ исторіи Александра В., который, по прибытіи въ Іерусалимъ, принесъ въ храмъ жертву Богу и поклонился первосвященнику, какъ служителю или посреднику этого Божества (І. Флавій. Древн. уд. Ч. II. Стр. 218).

²⁾ Твор. св. отцевъ. Т. XXIX. Твор. бл. Феодорита, ч. 4. Стр. 44.

³⁾ Филлеръ, относящій излагаемое событіе ко времени еще восстанія пророка, говоритъ, что на такой постъ Даниилъ былъ поставленъ уже впослед-

комъ или главою всего класса вавилонскихъ халдеевъ (רַב־חַנְנִיָּא)¹⁾, о которомъ мы упоминали. Послѣдняя должность или, лучше, званіе было, во всякомъ случаѣ, только почетнымъ титуломъ, которымъ награждали сами государи, но съ которымъ не соединялась обязанность фактически руководить всю касту мудрецовъ, а тѣмъ болѣе жить ихъ общою жизнью и принимать участіе въ ихъ общихъ занятіяхъ²⁾. И мы, дѣйствительно, видимъ, что пророкъ Даніиль, будучи по званію главою мудрецовъ, въ тоже время не имѣлъ съ ними рѣшительно ничего общаго: гдѣ только рѣчь идетъ объ этихъ халдеяхъ, тамъ пророкъ остается совершенно въ сторонѣ³⁾. Можно было, слѣдовательно, быть начальникомъ касты халдеевъ, не вступая фактически въ самую касту. Понятно отсюда, почему пророкъ Даніиль, такъ ревностно охранявшій неприкосновенность своихъ отечественныхъ преданій, бывшій такимъ исполнителемъ обрядовыхъ предписаній закона, что не хотѣлъ даже употреблять языческой пищи изъ боязни оскверниться,—въ тоже время могъ принять на себя званіе начальника вавилонскихъ мудрецовъ: еслибы, напротивъ, съ этимъ почетнымъ титуломъ была соединена какая-либо дѣятельность по должности, тогда, несомнѣнно, религиозныя убѣжденія пророка должны были-бы постоянно сталкиваться съ требованіями вавилонскаго языческаго культа, а пожалуй и усту-

ствіи, много спустя послѣ окончательнаго экзамена (*Füller. Der Profet Daniel. S. 68*). Предположеніе неосновательное: библейскій текстъ имѣетъ совершенно другой смыслъ.

¹⁾ См. Дан. 2, 48.—И въ послѣдующее время царствованія Навуходоносора пророкъ Даніиль является главою или предводителемъ вавилонскихъ халдеевъ: самъ царь обращается съ нимъ, какъ съ представителемъ мудрецовъ (Дан. 4, 6).

²⁾ *Scholz P. Götzendienst und Zauberwesen bei den alten Hebräern u. den benachbarten Völkern. Regensburg. 1877. S. 86.*

³⁾ См. Дан. 5, 7: мудрецы приходятъ по зову царя, но пророка Даніила между ними нѣтъ; Дан. 4, 3—4: царь призываетъ *всѣхъ* мудрецовъ вавилонскихъ, но пророкъ опять не является вмѣстѣ съ ними.

пать послѣднему:—тогда Даніиль, конечно, не принялъ-бы этого званія. Понятно, съ другой стороны, какъ и халдеи, которые жили вообще замкнуто и строго охраняли кастовую чистоту своего происхожденія и своего званія, могли принять въ свою среду и даже признавать своимъ главою чужестранца, да притомъ еще исповѣдывавшаго совершенно другую религію.

Для непосредственнаго управленія областью вавилонскою, по просьбѣ пророка Даніила, были поставлены его друзья Седрахъ, Мисахъ и Авденаго; самъ же пророкъ остался жить при царскомъ дворѣ. Вѣроятно, онъ не безусловно отказался отъ дѣлъ правленія, а оставилъ за собою высшій надзоръ за ходомъ управленія: живя во дворцѣ, онъ могъ наблюдать за подвѣдомыми ему лицами и учрежденіями; друзья же его управляли отдѣльными частями провинціи въ качествѣ подчиненныхъ ему, какъ главному сановнику, лицъ. Разумѣется, при выборѣ себѣ помощниковъ, пророкъ прежде всего долженъ былъ остановить вниманіе на своихъ друзьяхъ, съ которыми связывали его не только узы дружбы и національнаго происхожденія, но и интересы религіи; да лучшихъ сановниковъ и самъ царь не могъ найти, такъ какъ, вѣроятно, помнилъ ихъ еще съ придворнаго экзамена, на которомъ и они тоже оказались въ десять разъ мудрѣе всѣхъ тайновѣдцевъ и волхвовъ вавилонскихъ¹⁾. Вмѣстѣ съ ними

¹⁾ Изъ всего сказаннаго объ этомъ событіи изъ жизни пророка Даніила можно видѣть, насколько самня мелочныя подробности указаннаго факта соответствуютъ дѣйствительнымъ обстоятельствамъ того времени, въ которое жилъ и дѣйствовалъ пророкъ Даніиль. Вѣра вавилонявъ въ пророческое значеніе сновидѣній, общее устройство касты халдеевъ и частивѣйшія развѣтвленія ея, дѣятельность различныхъ классовъ вавилонскихъ мудрецовъ, характеръ бесѣды съ ними царя, имя и должность Аріоха, характеръ и содержаніе сна Навуходоносора и т. д.—все это вполне подтверждается свидѣтельствами разнообразныхъ надписей и показаніями древнихъ историковъ; и слѣдовательно, говорить не только о достовѣрности самаго разказа, но и о томъ, что онъ написанъ въ то самое время и тѣмъ самымъ лицомъ, которое принимало участіе въ самомъ событіи. Совершенно основательны и весьма цѣпны слова Ленормана. „Возможно

и пророкъ Даниль, стоя на высотѣ мірской славы, несомнѣнно, много трудился для пользы своего народа и всѣми мѣрами старался улучшить его положеніе среди языческаго населенія Вавилона; въ тоже время, охраняя неприкосновенность вавилонскихъ государственныхъ интересовъ, онъ своими нравственными качествами обращалъ на себя вниманіе языческаго общества и могъ благотворно воздѣйствовать на его религіозно-нравственныя воззрѣнія. Расположенія Навуходоносора друзья, вообще говоря, не теряли никогда; и это дало имъ возможность съ успѣхомъ выполнять указанную имъ Промысломъ миссію по отношенію какъ къ іудеямъ, такъ и къ язычникамъ.

Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ указаннаго знаменательнаго событія случилось происшествіе, въ которомъ самъ пророкъ Даниль, правда, не принималъ участія, но за то друзья его показали себя на высотѣ своего призванія и чрезъ то достигли еще большей извѣстности и славы среди какъ язычниковъ, такъ и своихъ же соплеменниковъ. Дѣло было въ 18-й годъ царствованія Навуходоносора, вскорѣ послѣ окончательнаго разрушенія имъ царства іудейскаго¹⁾. Правда, это событіе

ли, говоритъ онъ, допустить, чтобы писатель, жившій въ Палестинѣ около 167 года до Р. Хр., такъ стоялъ въ уровенъ въ своихъ знаніяхъ съ тѣмъ значеніемъ, какое имѣли сновидѣнія въ виду предрасудковъ вавилонянъ, съ ихъ вліяніемъ на отдѣльные поступки и дѣятельность царей, особенно въ то именно время, къ которому относится описываемое событіе? Если признать писателемъ книги современника Маккавеевъ, тогда нужно допустить, что этотъ писатель обладалъ не только познаніемъ прошедшаго, но и инстинктомъ мѣстнаго отгѣнка... Могъ ли бы писатель маккавейскаго времени узнать или выдумать тѣ подробности, какія сообщаются въ книгѣ Даниловой? Я признаю это невозможнымъ“ (*Leopoldant F. La divination et la science des présages chez les Chaldéens. P. 188*). Прекрасный отвѣтъ тѣмъ, которые защищаютъ маккавейское происхожденіе книги Даниловой!

¹⁾ Въ 4 Цар. 25, 8; Іер. 52, 12 время окончательнаго разрушенія Іерусалима помѣчается 19-мъ годомъ Навуходоносора, хотя въ Іер. 52, 29 выселеніе 832 жителей Іерусалима относится къ 18-му году царствованія Навуходоносора; къ послѣднему году, можетъ быть, относится окончаніе осады Іерусалима, слѣд-

не могло быть особенно выдающимся фактомъ въ жизни блестящаго завоевателя; тѣмъ не менѣе, оно имѣло, несомнѣнно, вліяніе какъ на него самого, такъ и на всѣхъ его подданныхъ: монархія вавилонская, благодаря новому завоеванію, увеличилась еще одною областью, причемъ было уведено въ плѣнъ значительное количество народа, унесено не мало добычи. Поводъ для общенароднаго празднества былъ вообще подходящий¹⁾. Довольно вспомнить, какъ относились вавилоняне къ своимъ побѣдамъ, какъ смотрѣли они на завоеваніе чужихъ областей, какими мотивами руководились они, когда уносили съ собою громадную добычу, вводили плѣнныхъ, брали и иноземныхъ боговъ— и все это въ качествѣ военныхъ трофеевъ. Естественнo, если даже и каждая такая побѣда сопровождалась разнаго рода торже-

ствомъ чего, уже въ 19-мъ году Навуходоносора, было разрушеніе столицы іудейской Навузарданомъ. Во всякомъ случаѣ, пророкъ Іеремія и писатель 4 книги Царствъ, какъ мы упоминали, начинаютъ счетъ отъ дѣйствительнаго вступленія Навуходоносора на престолъ; пророкъ же Даниль, какъ житель Вавилона, помѣчаетъ годы по вавилонскому оффиціальному счету, т. е. съ 1-го виссана слѣдующаго за вступленіемъ Навуходоносора на престолъ года. Вотъ почему и выходитъ, что 19-й годъ Навуходоносора по счету Іеремія и книги Царствъ будетъ только 18-мъ годомъ по счету Даниила.

¹⁾ Указанная нами хронологическая дата излагаемаго событія опредѣляется только въ греческой Библии, — въ переводѣ LXX и у Θεοδοтіона, а отсюда и въ нашей славянской Библии; въ еврейскомъ же текстѣ ея нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, нѣтъ никакихъ данныхъ не согласиться съ нею. Предположеніе Корнели, относящаго данное событіе къ 19-му или 20-му году царствованія Навуходоносора (*Cornely, Knabenbauer, de Hummelauer. Cursus scripturae sacrae. P. I. Introductio, vol. II, z. P. 476*), мало чѣмъ разнится отъ нашего взгляда и основывается, вѣроятно, на хронологической датѣ 4 Цар. 25, 8; Іер. 52, 12 касательно времени разрушенія Іерусалима. Взгляды же Корнелиа а Даниде, относящаго указываемое событіе къ 37-му году царствованія Навуходоносора (*Cornelius a Lapide. Commentaria in Daniele prophetam. P. 1283*), и Шольца, относящаго его вообще къ послѣднему десятилѣтію царствованія этого государя (*Scholz A. Einleitung in die heiligen Schriften d. A. u. N. T. III. Th. Leipzig. 1848. S. 519*), не имѣютъ подъ собою достаточныхъ основаній; соображеніе перваго, по крайней мѣрѣ, стоитъ въ связи съ предположеніемъ его о времени событія 2-й главы кн. Даниловой, относимаго имъ къ тому-же 37 году царствованія Навуходоносора.

ствами, религиозными процессіями и т. п. Главная-то честь принадлежала богамъ, но и царямъ, какъ „сынамъ боговъ“, усвоилось не мало славы: духъ восточнаго деспотизма довольно говоритъ за это. Конечно, инициатива всѣхъ „побѣдныхъ“ торжествъ исходила, главнымъ образомъ, отъ самихъ же царей, которые хотѣли такъ или иначе ознаменовать свои военные подвиги и придать большій блескъ своему царствованію. Такъ было и послѣ разрушенія Іерусалима: Навуходоносоръ поставилъ громадную золотую статую или истуканъ вблизи своей столицы и созвалъ всѣхъ сановниковъ своего царства для поклоненія ей.

Статуи вообще играли въ древнемъ мірѣ, а особенно у ассиро-вавилонянъ, выдающуюся роль. Мы уже упоминали о громадномъ количествѣ самыхъ разнообразныхъ статуй боговъ, царей, героевъ, которыя (статуи) ассирійскіе цари забирали изъ покоренныхъ ими странъ въ качествѣ военной добычи и переносили въ Ниневію¹⁾; съ теченіемъ времени все это сдѣлалось достояніемъ Вавилона. Какъ ни много, впрочемъ, было въ Ассиріи и Вавилонѣ статуй (разумѣемъ, конечно, изображенія человѣческихъ фигуръ), однако сравнительно онѣ попадались рѣже: дворцы ассирійскихъ царей украшались, напр., скульптурными барельефными украшеніями, колонками, фигурами различныхъ животныхъ, особенно крылатыхъ львовъ и быковъ, живописью и т. п., статуями же въ рѣдкихъ случаяхъ. Послѣднія имѣли больше общественный характеръ и служили дѣйствительными памятниками славы и величія изображаемыхъ ими боговъ, царей и героевъ. Вотъ почему онѣ ставятся преимущественно въ храмахъ²⁾, среди дворцовъ³⁾, на площадяхъ⁴⁾, на горахъ⁵⁾,

¹⁾ *Schrader*. Keil. Bibl. V. II. S. 207.

²⁾ *Ibid.*, V. I, S. 147, 169; V. III—2. H., S. 109, 113.

³⁾ *Ibid.*, V. I, S. 69; V. II, S. 77; V. III—1. H., S. 15, 27, 43.

⁴⁾ *Ibid.*, V. I, S. 63; V. II, S. 59, 61.

⁵⁾ *Ibid.*, V. I, S. 63, 141, 167.

у моря¹⁾, у рѣкъ и источниковъ²⁾, на мѣстахъ, ознаменованныхъ дальними военными походами³⁾, и т. п.⁴⁾. Разумѣется, и самое открытіе ихъ должно было сопровождаться религиозно-общественными торжествами. Мы знаемъ, что ассирійскіе цари устраивали праздники въ честь Меродаха и другихъ своихъ божествъ⁵⁾, назначая опредѣленные дни для ежегоднаго празднованія тому или другому богу⁶⁾. Навуходоносоръ тоже чествовалъ своихъ боговъ въ извѣстные дни года⁷⁾; при перенесеніяхъ идоловъ, при установкѣ ихъ въ новыхъ храмахъ устраивалъ празднества, отличавшіяся всеобщю народною „радостью и ликованьемъ“⁸⁾, совершалъ торжественныя процессіи въ честь Меродаха⁹⁾, въ которыхъ принимали участіе массы народа,—одни изъ благочестія и ревности къ своимъ богамъ, другіе—просто изъ любопытства и желанія посмотрѣть интересное зрѣлище. Самыя статуи торжественно и благоговѣнно несли среди народа жрецы или государственные сановники, народъ же преклонялся предъ ними, подносилъ или клалъ у ихъ подножія свои вещественныя приношенія¹⁰⁾ и т. д. Нельзя отрицать, что общественнымъ торжествомъ въ извѣстной мѣрѣ сопровождалось и открытіе статуй въ честь царей и героевъ, въ память ихъ славы и величія. Подобнаго рода празднество было устроено Навуходоносоромъ и послѣ разрушенія Іерусалима, только оно отличалось необыкновенною пышностью и великолѣпіемъ. Царь поставилъ для поклоненія громадную статую въ 60 локтей высоты и 6 локтей

¹⁾ *Schrader*. Keil. Bibl. V. I. S. 155, 161.

²⁾ *Ibid.*, V. I, S. 63, 69, 141, 159.

³⁾ *Ibid.*, V. I, S. 165.

⁴⁾ Имѣемъ въ виду именно статуи, а не идолы.

⁵⁾ *Schrader*. Keil. Bibl. V. II. S. 39, 73.

⁶⁾ *Ibid.*, V. I, S. 95.

⁷⁾ *Ibid.*, V. III—2. H., S. 15.

⁸⁾ *Ibid.*, S. 35, 51, 59, 101, 105, 111.

⁹⁾ *Ibid.*, S. 61.

¹⁰⁾ *Ibid.*, S. 15.

См. пророкъ Давидъ.

ширины¹⁾. Какъ ни массивною кажется такого рода колоссальная фигура, тѣмъ не менѣе, невѣроятнаго здѣсь пѣтъ ничего: вавилоняне, да и вообще древніе мало заботились о красотѣ, изяществѣ, соразмѣрности и пропорціональности своихъ монументальныхъ сооружений; но за то массивность, грандіозность стояла у нихъ на первомъ планѣ. Дѣйствительно, на древнемъ востокѣ встрѣчались такого рода колоссы, какихъ никогда нельзя встрѣтить среди современныхъ намъ произведеній искусства. Не только такая грандіозная статуя, какую поставилъ Навуходоносоръ, но и гораздо болѣе массивныя сооружались на востокѣ, какъ видно изъ несомнѣнныхъ историческихъ свидѣтельствъ. Въ Мемфисѣ, напр., по свидѣтельству Геродота, стояла статуя въ 75 футовъ (50 локтей) высоты²⁾; въ Иліополи въ 866 г. былъ разбитъ молніей идолъ солнца въ 150 локтей высоты и 75 локтей ширины³⁾. Если вспомнить притомъ, какая массивность и грандіозность отличала древневосточныя (архитектурныя по преимуществу) сооружения (восточныя пирамиды, вавилонскія стѣны, дворцы, храмы и проч.), тогда, во всякомъ случаѣ, не будетъ никакого основанія видѣть въ статуѣ Навуходоносора что-либо невѣроятное, а тѣмъ болѣе невозможное. И самая цѣнность этой статуи не должна особенно поражать насъ. Правда, если въ самомъ дѣлѣ вся статуя была вылита изъ массивнаго золота, то для нея, конечно, потребовалась изумительная масса этого драгоценнаго матеріала; но какими богатствами владѣли ассирійскіе и вавилонскіе цари,—это мы отчасти уже видѣли. Громадную добычу, увезенную изъ различныхъ покоренныхъ городовъ и областей, они обращали на украшеніе своихъ столицъ и зна-

¹⁾ Это будетъ 13 саж. 6 вершковъ высоты и 1 саж. 15 вершковъ ширины.

²⁾ Геродотъ. Исторія. Пер. Мищенко. Т. I. Стр. 208.

³⁾ *Assemanus* I. Bibliotheca orientalis clementino-vaticana. Т. II. Romae. 1721. P. 89.

чительныхъ городовъ: великолѣпные храмы, алтари, статуи воздвигались одни за другими въ различныхъ мѣстахъ ассирійскаго и вавилонскаго царства. Особенно это нужно сказать о Навуходоносорѣ: блестящія побѣды его, громадная добыча давали ему возможность украсить Вавилонъ лучшими произведеніями тогдашняго искусства и сдѣлать его прекраснѣйшимъ городомъ въ мірѣ, какъ называетъ его Геродотъ¹⁾. Какія въ частности богатства употребляли древніе ассирійскіе и вавилонскіе цари на сооруженіе великолѣпныхъ статуй,—довольно указать нѣсколько фактовъ. Въ британскомъ музеѣ сохранилась, напр., табличка, взятая, вѣроятно, изъ бібліотеки Ассурбанипала; она передаетъ намъ жалобу какого-то Авденаго къ царю (вѣроятно, Ассурбанипалу же) на двухъ важныхъ придворныхъ сановниковъ, которые получили распоряженіе выдать 7 талантовъ чистаго золота для сооруженія двухъ статуй—самого царя и его матери, но вмѣсто этого растратили полученное ими золото²⁾. Отсюда видно, что на двѣ статуи было отпущено цѣлыхъ 7 талантовъ чистаго золота (цѣнностью около 400000 р.). Вавилонскій царь Агумкакримисъ, какъ самъ онъ говоритъ въ одной изъ своихъ надписей, выдалъ 4 таланта превосходнаго массивнаго золота на однѣ одежды для двухъ статуй боговъ Меродаха и Царпанить, находившихся въ одной пирамидѣ вавилонской, причемъ велѣлъ сдѣлать для нихъ же золотыя шапки, которыя украситъ драгоценными камнями³⁾. И древніе историки говорятъ о существованіи у ассирио-вавилонянъ золотыхъ литыхъ статуй, притомъ нерѣдко колоссальной величины. Геродотъ видѣлъ въ вавилонскомъ храмѣ большое золотое изображеніе сидящаго Вила, предъ которымъ были

¹⁾ Геродотъ. Исторія. Пер. Мищенко. Т. I. Стр. 92.

²⁾ *Lenormant*. La divination et la science des présages chez les Chaldéens. P. 192—194.

³⁾ *Schrader*. Keil. Bibl. V. III—1. H. S. 141.

устроены столъ, стулъ и скамейка,—все это изъ золота вѣсомъ въ 800 талантовъ; тамъ же была массивная золотая статуя въ 12 локтей высоты ¹⁾. По словамъ Діодора Сицилійскаго, на храмѣ Дія или Вила вавилонскаго были три литыя статуи изъ чистаго золота: статуя Дія въ 40 футовъ высоты, вѣсомъ въ 1000 талантовъ, другая—богини Реи, вѣсомъ тоже въ 1000 талантовъ, съ разнаго рода литыми изображеніями львовъ, змѣй и т. п.; наконецъ, третья статуя Ирина вѣсомъ въ 800 талантовъ; предъ этими статуями былъ воздвигнутъ столъ вѣсомъ въ 500 талантовъ; на немъ два сосуда по 30 талантовъ каждый, двѣ кадиланицы въ 300, три чаши въ 2400 талантовъ и т. д. ²⁾; все это изъ массивнаго золота, вѣсомъ въ общей совокупности свыше 6000 талантовъ (болѣе 300 милліоновъ рублей). Нѣтъ, такимъ образомъ, ничего удивительнаго, если и послѣ разрушенія Іерусалима Навуходоносоръ устроилъ громадную статую всю изъ золота: по словамъ Ленормана, это не только вполне возможно и вѣроятно, но и совершенно въ духѣ того времени ³⁾. Нѣтъ, впрочемъ, нужды предполагать, будто вся статуя была изъ массивнаго именно золота: можетъ быть, она была пустая внутри, какъ нерѣдко бывало и бываетъ; или, что еще вѣроятнѣе, была устроена изъ другого, менѣе цѣннаго матеріала, напр., дерева, глины,—и только обложена плотными золотыми листами. Библейскій текстъ нисколько не говоритъ противъ этого. А что такого рода позолоченныя только статуи дѣйствительно употреблялись на востокѣ,—это несомнѣнно ⁴⁾. Самъ пророкъ Даниилъ говоритъ, напр., что въ томъ-же Вавилонѣ была статуя Вила, сдѣланная просто изъ глины, но

¹⁾ Геродотъ. Исторія. Пер. Мищенко. Т. I. Стр. 94.

²⁾ Діодоръ Сицилійскій. Исторія. библіотека. Пер. Алексѣева. Ч. I. Стр. 177—178.

³⁾ Lenormant. La divination et la science des présages chez les Chaldéens. P. 196.

⁴⁾ См. Ис. 30, 22; 40, 19; Іер. 10, 3—4 и др.

покрытая снаружи мѣдью ¹⁾. Возможно, что такого же рода была и статуя Навуходоносора.

Статуя эта представляла собою, несомнѣнно, фигуру человѣка ²⁾, стоявшую на высококомъ пьедесталѣ; послѣдній-то, во всякомъ случаѣ, былъ, такъ какъ поставлена была статуя на полѣ, куда, по приказанію царя, собрались массы народа и гдѣ открылось религіозно-общественное торжество; а чтобы статуя была всѣмъ видна, чтобы усилить впечатлѣніе, произведенное уже самою грандіозностью ея, для этого, конечно, нужно было придать самому истукану еще больше величія, поставить его на высококомъ пьедесталѣ, какъ-бы на недосыгаемой для народа высотѣ. Наше предположеніе о существованіи подъ статуей еще высокаго пьедестала подтверждается, между прочимъ, слѣдующимъ обстоятельствомъ: по указанію книги Даниловой, статуя имѣла 60 локтей въ высоту и только 6 локтей въ ширину ³⁾. Какъ ни мало былъ развитъ эстетическій вкусъ вавилонянъ, какими бы несовершенствами ни отличались ихъ скульптурныя изваянія, но, при всемъ томъ, статуя въ 60 локтей высоты и 6 локтей ширины представляла-бы собою нѣчто крайне уродливое, потому что въ обыкновенной человѣческой структурѣ длина человѣческаго организма только въ 6 разъ превосходитъ его ширину; приблизительно въ такой же пропорціи должны были быть высота и ширина статуи, поставленной Навуходоносоромъ: если ширина ея равнялась 6 локтямъ, то высота, слѣдовательно, 36—40 локтямъ; остальные же 20 локтей, нужно думать, представляли собою высоту того пьедестала, на которомъ была по-

¹⁾ Дан. 14, 7.

²⁾ См. еврейское названіе ея אֱלֹהִים (человѣческая фигура) по ср. съ Дан. 2, 31, гдѣ употреблено тоже слово אֱלֹהִים. Для обелиска же или колонны есть спеціальнѣйшій терминъ אֲבָנֵי יְהוּדָה.

³⁾ Дан. 3, 1.

ставлена статуя¹⁾. Такое предположеніе о вѣншемъ видѣ статуи Навуходоносора удобно для насъ и въ другихъ отношеніяхъ. Съ одной стороны, сама по себѣ статуя имѣла только около 40 локтей высоты и, слѣдовательно, далеко не отличалась какой-либо чрезвычайной величиной, какъ можетъ показаться съ перваго раза, потому что были въ древности статуи гораздо болѣе высокія и болѣе массивныя, какъ мы уже говорили; съ другой стороны, если даже самая статуя была изъ массивнаго золота, то пьедесталь, можно думать, былъ устроенъ изъ другого матеріала (камня или чего-либо иного), а можетъ быть, былъ покрытъ и золотыми листами. И это, конечно, вполне естественно и возможно; а въ такомъ случаѣ, совершенно исчезаетъ и то недовѣріе, съ какимъ нѣкоторые готовы отнести къ библейскому разсказу.

Что касается самаго мѣста поставленія статуи—долины Деира или Дуры, то эта равнина, находящаяся вблизи Вавилона, сохраняетъ за собою тоже названіе и до сихъ поръ. Вотъ какъ описываетъ положеніе ея одинъ изъ видныхъ изслѣдователей на почвѣ древней Ассиріи и Вавилона—Оп-

¹⁾ Замѣчательно, что въ древнехристіанскихъ катакомбахъ, гдѣ часто воспроизводился этотъ библейскій сюжетъ, статуя Навуходоносора изображается въ видѣ только человѣческаго бюста, стоящаго на высокой колоннѣ (*Martigny. Dictionnaire des antiquités chrétiennes. P. 338*).—Совершенно иную форму приписываетъ этой статуѣ проф. В. В. Болотовъ, который, опираясь на указанныя въ Библии измѣренія ея (60 локтей въ высоту и 6 локтей въ ширину), утверждаетъ, что она не представляла собою человѣческой фигуры, а была просто колонной или обелискомъ, назначавшимся и для элементарныхъ астрономическихъ цѣлей (*Болотовъ В. „Валтасаръ и Дарій Мидянинъ“.* Христ. Чтеніе, 1896, сентябрь—октябрь, стр. 337). Но для подобнаго предположенія нѣтъ вовсе нужды: существованіе сравнительно высокаго пьедестала подъ статуей хорошо объясняетъ видимую несоразимность ея измѣреній—высоты и ширины; а что въ данномъ случаѣ (Дан. 3, 1) слово 𐤏𐤃𐤅 означаетъ именно статую, человѣческую фигуру, а не колонну или обелискъ,—въ подтвержденіе этого достаточно указать на Дан. 2, 31, гдѣ тѣмъ-же терминомъ названа уже несомнѣнно человѣческая фигура.

пертъ: „Дура, говоритъ онъ, это—равнина, которая находится весьма близко къ самому Вавилону... Если мы направимся отъ Вавилона къ юго-востоку, то встрѣтимъ на пути много каналовъ, въ настоящее время уже высохшихъ, а далѣе, на разстояніи 8 километровъ отъ Вавилона, дойдемъ до древней рѣки Наръ-Дуры (что значитъ „рѣка ограды“). Идя по тому-же направленію дальше, встрѣтимъ рядъ холмовъ, которые простираются вдоль прямолинейнаго пути больше, чѣмъ на милю; почти всѣ они тянутся въ направленіи къ юго-востоку и называются Толуль-Дура (т. е. холмы Дура¹⁾). Потомъ дойдемъ до террасы, которая уже носитъ на себѣ слѣды вавилонской культуры. Здѣсь вблизи двухъ большихъ, расположенныхъ другъ противъ друга холмовъ находится третій холмъ—небольшой, но довольно высокій, который, поэтому, видно издалека. Этотъ холмъ называется Эль-Мокгататъ (т. е. выровненный холмъ); дѣйствительно, названіе это для него весьма подходяще, такъ какъ онъ, имѣя въ высоту 6 метровъ, представляетъ собою почти правильный квадратъ въ 14 метровъ у основанія.... Замѣчательно, что по краямъ верхнее основаніе холма значительно возвышается надъ серединой его, такъ что, если стать на серединѣ, то края представляются какъ-бы стѣнками, которыя окружаютъ центральное пространство со всѣхъ сторонъ. Весь этотъ холмъ воздвигнутъ изъ обожженныхъ камней и кирпичей въ 15 сантиметровъ толщиною; теперь, конечно, тамъ есть не мало трещинъ и довольно значительныхъ... Смотри на этотъ искусственный холмъ, какъ-то невольно поражаешься сходствомъ его съ пьедесталами колоссальныхъ статуй; не служилъ ли, въ самомъ дѣлѣ, этотъ холмъ подно-

¹⁾ По объясненію Шрадера, самое названіе „Дура“ значитъ „холмъ“, а затѣмъ „городъ“; въ различныхъ мѣстахъ вавилонскаго государства было много городовъ, холмовъ и т. п. съ такимъ названіемъ. — *Schrader. Die Keilinschriften und das A. T. S. 430.*

жіемъ или пьедесталомъ воздвигнутой Навуходоносоромъ статуи? Такое предположеніе навязывается какъ-то само собою, такъ какъ есть всѣ данныя думать о немъ такимъ именно образомъ¹⁾. Открытіе Опперта, несомнѣнно, имѣетъ для насъ громадную цѣну: оно говоритъ не только о положеніи древней равнины Дуры, но и указываетъ (положимъ, гипотетически только) вещественные остатки или слѣды того иппонскаго истукана, который былъ воздвигнутъ здѣсь Навуходоносоромъ. Этимъ путемъ самая историческая достовѣрность факта сооруженія статуи еще болѣе подтверждается.

Интересенъ еще вопросъ, зачѣмъ или въ честь кого была поставлена Навуходоносоромъ его грандіозная статуя. Естественнѣе всего думать, что царь воздвигнулъ ее себѣ же самому, такъ какъ, упоенный своими блестящими побѣдами, возгордился до того, что вообразилъ себя богомъ и захотѣлъ себѣ божескаго почтенія²⁾. Въ пользу этого предположенія мы имѣемъ вѣскія данныя. Древніе ассирійскіе и вавилонскіе цари дѣлали во множествѣ изъ камня и другихъ матеріаловъ свои собственныя статуи, которыя украшали панегирическими надписями о славѣ и величіи своего царствованія и ставили въ различныхъ мѣстахъ: въ храмахъ, среди дворцовъ, на площадяхъ, на горахъ, у моря, у рѣкъ и источниковъ, на мѣстахъ, ознаменованныхъ дальними военными походами, и т. п.³⁾. Совершенно естественно, если и Наву-

¹⁾ *Oppert* I. *Expédition scientifique en Mésopotamie*. Т. I. P. 239—240

²⁾ Такъ предполагаютъ св. Златоустъ (*Гоанна Златоустаго бесѣды на разныя мѣста св. писанія*. Т. I. СПб. 1861. Стр. 353), блаж. Іеронимъ (*Вибл. твор. св. отц. и учит. ц. зап. Кн. 21. Твор. бл. Іеронима, ч. 12. Стр. 21*), Симеонъ Метафрастъ (*Migne. Patrologiae cursus completus. Ser. graeca poster., t. CXV. P. 377—378*), преосвящ. Филаретъ (*Начерт. церк.-биб. ист. Стр. 355*) и др.—*Ср. Ис. 14, 13.*

³⁾ *Schrader*. *Keil. Bibl. V. I, S. 63, 69, 73, 87, 99, 121, 123, 133, 135, 141, 143, 147, 155, 159, 161, 165, 167, 169, 181; V. II, S. 7, 19, 25, 33, 59, 61; V. III—2. H., S. 5, 109, 113.*

ходоносоръ, въ сознаніи могущества и блеска своего царствованія, воздвигнулъ себѣ самому величественную золотую статую, къ поклоненію которой и призвалъ теперь всѣхъ своихъ подданныхъ. А что эта статуя была именно изображеніемъ царя, а не идоломъ какого-либо бога, въ подтвержденіе этого обратимъ вниманіе на слова друзей пророка Давіила къ царю: „мы богамъ твоимъ служить не будемъ и золотому истукану, который ты поставилъ, не поклонимся“¹⁾; на нашъ взглядъ, здѣсь ясно различается служеніе богамъ отъ поклоненія золотой статуѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ указанное обстоятельство даетъ основаніе предполагать, что въ самомъ поклоненіи воздвигнутому царемъ истукану не исключался нѣкотораго рода религіозный элементъ: какъ увидимъ дальше, Навуходоносоръ требуетъ отъ Ананіи, Азаріи и Мисаила поклоненія именно статуѣ (а не себѣ самому); да и сами друзья пророка, вѣроятно, не отказались-бы воздать царю должную честь, какъ отказываются они теперь отъ поклоненія истукану. Эти данныя приводятъ къ заключенію, что Навуходоносоръ требовалъ себѣ именно божескаго поклоненія и въ этихъ видахъ воздвигнулъ какъ-бы своего идола, которому, какъ такому, и велѣлъ воздавать надлежащее почтеніе. Устроенное имъ торжество было, такимъ образомъ, религіозно-политическимъ празднествомъ во славу царя и его царства, сопровождавшимся музыкой, всепароднымъ поклоненіемъ воздвигнутому истукану, жертвоприношеніями, но только не статуѣ, а вообще богамъ²⁾, въ благодарность за одержанныя царемъ побѣды и могущество его монархіи. При такомъ предположеніи вполне понятно, почему друзья пророка наотрѣзъ отказались отъ фактическаго участія въ торжествѣ: отъ нихъ требовали не только просто покло-

¹⁾ Дан. 3, 12, 18.

²⁾ См. Дан. 3, 14: „богамъ моимъ вы не служите и золотому истукану, который я поставилъ, не поклоняйтесь“, и особенно Дан. 3, 12: „не повинуются повелѣнію твоему, царь, богамъ твоимъ не служатъ (слѣд., здѣсь же на торжествѣ) и золотому истукану, который ты поставилъ, не поклоняются“.

ниться статуѣ царя, но поклониться ей, какъ богу; конечно, этого сдѣлать они не могли¹⁾).

Празднество, устроенное Навуходносоромъ, вообще отличалось необыкновенною пышностью и великолѣпиемъ. Открытіе статуи,—этого видимаго знака величія царя и его царства,—должно было сопровождаться всѣмъ, что только могло придать ему какъ можно больше блеска. Поклоненіе истукану, жертвоприношеніе богамъ совершались, конечно, не въ безмолвіи, а сопровождалось выраженіемъ народного восторга и всеобщаго ликовація. Музыка играла здѣсь главную роль. Конечно, сама въ себѣ она имѣетъ нѣчто такое, что служитъ наилучшимъ выраженіемъ эстетическаго вкуса и душевной настроенности человѣка, и потому дѣйствуетъ на него въ высшей степени возбуждающимъ образомъ. Какъ въ настоящее время, такъ и

¹⁾ Шольцъ (*Scholz*. Einleitung in d. heiligen Schriften d. A. u. N. T. III. Th. S. 497) и Моингольдъ (*Meinhold*. Beiträge zur Erklärung d. Buches Daniel. Heft I. Leipzig. 1888. S. 57) думаютъ, будто статуя Навуходносора была въ буквальномъ смыслѣ идоломъ какого-либо бога; а Кнабенбауеръ даже возражаетъ противъ высказаннаго нами предположенія: почему, говоритъ онъ, царь требуетъ поклоненія именно статуѣ, а не лично себѣ? почему рѣчь идетъ о культѣ, объ идольскихъ жертвоприношеніяхъ, а не только о поклоненіи статуѣ царя? (*Cornely, Knaebenbauer, de Hummelauer*. Cursus scripturae sacrae. V. T. p. III, lib. rroph. IV. P. 105). Но царь-то и поставилъ статую затѣмъ, чтобы кланялись ей, а не ему самому, потому что едвали бы даже и восточный деспотъ дошелъ до такого самообольщенія, что велѣлъ-бы молиться и приносить жертвы непосредственно себѣ самому; олицетворять свою особу въ идолѣ—совсѣмъ другая вещь. Если же рѣчь идетъ о культѣ, то, какъ мы сказали, рядомъ съ поклоненіемъ статуѣ происходило и жертвоприношеніе богамъ (Дан. 3, 14). Во всякомъ случаѣ, Дан. 3, 12, 18 говорятъ о томъ, что статуя Навуходносора не была идоломъ бога. Кнабенбауеръ хочетъ объяснить эти слова иначе: „такъ какъ мы богамъ твоимъ не служимъ, то и статуѣ.....“ (Кнаб Р. 105); но что же, въ такомъ случаѣ, значитъ Дан. 3, 14: „богамъ моимъ вы не служите и золотому истукану....“ и особенно Дан. 3, 12: „не повинуюсь повелѣнію твоему, царь, богамъ твоимъ не служатъ и золотому истукану...“? Этому не объяснить и самъ Кнабенбауеръ.—Гроцій почему-то думаетъ, будто статуя Навуходносора была воздвигнута въ честь отца его Набопалассара, котораго смѣлъ хотѣлъ почтить божескимъ поклоненіемъ (*Grotius* H. Annotationes in vetus testamentum. T. II. Naiae. 1776. P. 348). Но для такого предположенія нѣтъ никакихъ данныхъ.

въ древности музыка была весьма употребительна; особенно это нужно сказать о религиозно-общественныхъ торжествахъ. Была она, напр., у евреевъ¹⁾, была и у другихъ народовъ, въ частности, конечно, и у ассирянъ и вавилонянъ. Клинообразныя надписи даютъ намъ подтвержденіе этому. Сennaхиримъ, царь ассирійскій, послѣ побѣды надъ Меродахомъ-Валаданомъ, царемъ вавилонскимъ, и Езекией, царемъ іудейскимъ, взялъ съ собою въ плѣнъ въ оба раза „музыкантовъ“ обоюго пола²⁾. Другой царь ассирійскій Асаргадонъ послѣ битвы съ Сандуарри, царемъ городовъ Кунди и Сизу, возвратился въ Ниневію „съ пѣвцами и музыкантами“³⁾. Ассурбанипаль въ одной изъ своихъ надписей передаетъ, какъ наканунѣ похода его противъ царя эламскаго явилась ему въ сонномъ видѣніи богиня Истаръ и велѣла „вкусать пищу, пить вино и при звукахъ музыкальныхъ инструментовъ прославлять ея божество“⁴⁾. Послѣ побѣды надъ Теймманомъ, царемъ эламскимъ, тотъ-же Ассурбанипаль двинулся противъ его союзника Дунана, царя гамбулскаго, и, побѣдивъ его, въ числѣ прочей добычи забралъ съ собою „музыкантовъ изъ мужчинъ и женщинъ“⁵⁾; въ Ниневію побѣдитель торжественно вступилъ среди музыкантовъ, игравшихъ на музыкальныхъ инструментахъ⁶⁾. Эту именно картину изображаетъ уцѣлѣвшій барельефъ изъ временъ Ассурбанипала, на которомъ представленъ цѣлый оркестръ пѣвцовъ и музыкантовъ, сопровождающихъ побѣдоноснаго царя: среди нихъ 11 музыкантовъ и 15 пѣвцовъ; изъ музыкантовъ семеро играютъ на арфахъ, двое

¹⁾ Исх. 15, 20; 32, 6; Суд. 11, 34; 1 Цар. 10, 5; 16, 16. 18. 23; 18, 6. 10; 2 Цар. 6, 5; 3 Цар. 1, 40; 10, 12; 4 Цар. 3, 15; 1 Цар. 15, 16. 28; 2 Пар. 5, 12. 13; 29, 25; Неем. 12, 27; Пс. 32, 2; 80, 3; 91, 4; 143, 9; 149, 3; 150, 3—5; Экл. 2, 8; Ис. 5, 12; 24, 8; Ам. 6, 5; 1 Макк. 4, 54.

²⁾ *Schrader*. Keil. Bibl. V. II. S. 85, 97.

³⁾ *Ibid.*, S. 127.

⁴⁾ *Ibid.*, S. 253.

⁵⁾ *Ibid.*, S. 255.

⁶⁾ *Ibid.*, S. 257.

на свирѣляхъ, одинъ на гусяхъ и одинъ на барабанѣ; рядомъ съ ними идутъ шесть эвнуховъ; пѣвцы состоятъ изъ 6 женщинъ и 9 дѣтей различнаго возраста; свое пѣніе онѣ сопровождаютъ хлопаньемъ руками, что было въ обычаѣ въ Палестинѣ и Египтѣ¹⁾. Вмѣстѣ съ музыкантами — плѣнниками, отводимыми въ Ниневію и Вавилонъ и тамъ поступавшими въ составъ ассирійскихъ и вавилонскихъ оркестровъ, забирались въ качествѣ добычи и мѣстные музыкальные инструменты; этимъ, разумѣется, и объясняется то обстоятельство, что въ ассирійскихъ и вавилонскихъ оркестрахъ мы видимъ иногда иностранные инструменты. Дошелъ до насъ отъ временъ ассирио-вавилонскихъ государей барельефъ, изображающій трехъ музыкантовъ-плѣнниковъ, играющихъ на арфахъ; по выраженію лица, эти музыканты похожи на евреевъ, такъ что завѣдующіе британскимъ музеемъ, гдѣ теперь хранится самый барельефъ, предполагаютъ, что онъ изображаетъ плѣнныхъ іудеевъ въ Вавилонѣ, играющихъ и тоскующихъ по своему Сіонѣ, подписали подъ нимъ: „на рѣкахъ вавилонскихъ“²⁾. Во время плѣна вавилонскаго, дѣйствительно, вавилоняне очень любили музыку и пѣніе³⁾; Вавилонъ, какъ увидимъ впоследствии, былъ взятъ Киромъ среди ликованія и пиршества безпечныхъ жителей его⁴⁾. Если такъ, то и величественное торжество, открытое Навуходоносоромъ, должно было сопровождаться игрою на разнаго рода музыкальныхъ инструментахъ. Такъ оно и было: поклоненіе истукану совершалось при звукахъ цѣлаго оркестра, состоявшаго изъ трубъ, свирѣлей, цитръ, цѣвницъ, гуслей, симфоній и разнаго рода другихъ музыкальныхъ орудій⁵⁾. Всѣ эти инструменты были въ употребленіи у вавило-

¹⁾ *Vigouroux*. Die Bibel u. d. neueren Entdeckungen. Uebers. v. Ibach. IV. B. S. 411, 414.

²⁾ *Ibid.*, S. 415.

³⁾ Пс. 136, 3; ср. Ис. 14, 11.

⁴⁾ *Геродотъ*. Исторія. Пер. Мищенко. Т. I. Стр. 99.

⁵⁾ Дан. 3, 5. 7. 10. 15.

ннѣ и часто упоминаются въ историческихъ свидѣтельствахъ. Труба (𐤀𐤓𐤏) встрѣчается на барельефѣ ассирійскаго царя Сеннахирима¹⁾; по устройству своему она походила на римскую трубу, изображенную на колоннѣ Траяна²⁾; сдѣлана она была изъ простаго рога, но отличалась необыкновенно-чистымъ и сильнымъ звукомъ. Свирѣль (𐤀𐤓𐤏𐤓𐤏) — это та же труба, только меньшая по размѣрамъ и съ болѣе высокимъ тономъ. Въ простѣйшемъ своемъ видѣ она представляла собою обыкновенную пастушескую дудку; о такомъ инструментѣ не говорятъ, впрочемъ, ни клинообразныя надписи, ни историки и поэты; но особаго рода инструментъ, состоящій изъ нѣсколькихъ свирѣлей (дудокъ) различной толщины, соединенныхъ вмѣстѣ и представляющихъ при игрѣ цѣлый аккордъ звуковъ, — былъ въ большомъ употребленіи у ассирио-вавилонянъ; можетъ быть, и отъ послѣднихъ, а во всякомъ случаѣ, отъ одного изъ азіатскихъ народовъ инструментъ этотъ получили свое происхожденіе и отсюда уже перешелъ къ грекамъ и римлянамъ и распространился среди всѣхъ народовъ древности. Былъ онъ, напр., у финикянъ (маленькая свирѣль, называемая „гингромъ“), у египтянъ (длиною 7—18 дюймовъ) и др. Наиболѣе употребительная ассирійская свирѣль состояла изъ двухъ дудокъ, прямыхъ (хотя на барельефахъ изображаются онѣ и изогнутыми), но не соединенныхъ вмѣстѣ при помощи одного мундштука, а совершенно разъединенныхъ и представляющихъ какъ-бы два отдѣльныхъ инструмента; такія свирѣли употреблялись и у классическихъ народовъ древности³⁾. Цитра или кивара (𐤀𐤓𐤏𐤓𐤏)⁴⁾ — это струнный инструментъ, имѣющій сходство съ нашей арфой или еврейскимъ „кинноръ“. На древнѣйшихъ ассирійскихъ памятникахъ онъ изображается еще въ

¹⁾ *Vigouroux*. S. 404.

²⁾ *Ibid.*, S. 405.

³⁾ *Ibid.*, S. 405—406.

⁴⁾ По славянскому тексту — гусли (Дан. 3, 5. 7. 10. 15).

своемъ несовершенномъ видѣ: это—два деревянныхъ бруска, одинъ горизонтальный, другой—почти въ перпендикулярномъ положеніи къ нему, соединенные и скрѣпленные своими концами; струны (которыхъ было 8—10) закрѣплялись всё въ одномъ мѣстѣ, у горизонтальнаго бруска и натягивались на вертикальный, гдѣ и прикрѣплялись на различной высотѣ послѣдняяго; этимъ только и обуславливалась различная высота тоновъ, такъ какъ толщина у всѣхъ струнъ была совершенно одинакова. Въ общемъ такая цитра имѣла видъ треугольника; носили ее на плечѣ или на шеѣ, а играли смычкомъ, держа инструментъ лѣвою рукою. Во времена послѣднихъ ассирійскихъ и вавилонскихъ царей цитра представляется уже въ болѣе усовершенствованномъ видѣ. Общая форма ея остается таже, только вмѣсто вертикальнаго бруска устроился округленный ящикъ для резонанса съ нѣсколькими дырками (какъ и въ нашихъ скрипкахъ или гитарахъ); струны (числомъ 17 и болѣе) закрѣплялись въ различныхъ мѣстахъ горизонтальнаго бруска и переходили на вертикальную деку; концы же спускались сзади въ видѣ бахромы. При игрѣ держали такую цитру прямо предъ собой, такъ чтобы струны находились въ вертикальномъ положеніи, и играли уже не смычкомъ, а пальцами обѣихъ рукъ (какъ и на нашихъ арфахъ). Такія именно цитры встрѣчаются на позднѣйшихъ вавилонскихъ памятникахъ ¹⁾. Цѣвница или самвика (𐤆𐤃𐤃𐤃)—это, кажется, такого же рода инструментъ, какъ и предыдущій, только въ значительно уменьшенномъ видѣ; онъ имѣлъ только 4 струны и издавалъ рѣзкіе, пронзительные звуки ²⁾. Гусли или псалтирь (𐤁, 𐤒, 𐤓, 𐤔)—это струнный инструментъ въ родѣ нашей гитары, но безъ шейки: пустой внутри ящикъ, на которомъ натяги-

¹⁾ *Vigouroux*. S. 406—407.—Подобныя цитры или китары употреблялись также у персовъ (sitareh) и грековъ (κίθαρῆς).—*Страбонъ*. Географія. Пер. Мищенко. Стр. 482.

²⁾ *Vigouroux*. S. 407.—*Страбонъ* упоминаетъ и о немъ (стр. 482).

валось до 10 и болѣе струнъ; вѣшали его на шею при помощи ремней, а играли посредствомъ небольшой палочки или молоточка, которымъ ударяли по струнамъ. Такого рода гусли изображены на барельефѣ Ассурбанипала, гдѣ представлена торжественная процессія въ Сузахъ, сопровождаемая оркестромъ музыкантовъ ¹⁾. Былъ еще особый инструментъ—симфонія (𐤍𐤓𐤕𐤓𐤕) ²⁾; приписываютъ ему такого рода устройство: въ кожаномъ мѣху было два небольшихъ отверстія, сквозь которыя проходили двѣ дудки на противоположныхъ концахъ одна отъ другой; если надували мѣхъ чрезъ одну изъ трубокъ, то скопившійся тамъ воздухъ выходилъ чрезъ другую, причѣмъ издавалъ рѣзкіе звуки; при помощи пальцевъ руки, то закрывая, то открывая отверстіе второй дудки, можно было достигнуть нѣкоторой варіаціи тоновъ ³⁾. Впрочемъ, греческое слово *συμφωνία* означаетъ скорѣе цѣлый аккордъ звуковъ, а не однозвучный только инструментъ; въ этомъ отношеніи устройство только-что описаннаго инструмента какъ-то не совсѣмъ вяжется съ самымъ названіемъ его—„симфонія“. Между прочимъ, на одномъ барельефѣ изъ временъ Сенахирима, гдѣ изображается цѣлая процессія музыкантовъ, одинъ изъ нихъ держитъ въ рукахъ какой-то неизвѣстный инструментъ, по внѣшнему виду похожій на вывороченный наизнанку мѣшокъ; кажется, это былъ просто деревянный или металлическій ящикъ, который, когда потрясали въ рукахъ, издавалъ нѣкоторую гармоническую систему звуковъ ⁴⁾. Можетъ быть, это и есть симфонія, тѣмъ болѣе, что инструментъ

¹⁾ *Vigouroux* S. 408.—Совершенно тотъ-же инструментъ былъ у арабовъ (santir), египтянъ (pissantir) и грековъ (pivanterion, psalterion, psalterion).

²⁾ Славянское „согласія“ (Дан. 3, 5. 7. 10. 15).

³⁾ *Lange*. Theol.-homilet. Bibelwerk. A. T. XVII. Th. S. 84.—*Keil*. u. *Delitzsch*. Bibl. Commentar über d. A. T. III. T., 5. B. S. 102.—Подобнаго рода инструментъ есть у нынѣшнихъ итальянцевъ, такъ называемый *zampogna* (испорченное *symphonia*).

⁴⁾ *Vigouroux*. S. 408—409.

этотъ издавалъ не раздѣльные звуки и тоны, а гармоническій шумъ, напоминающій отголосокъ отдаленнаго оркестра (въ родѣ нашей эоловой арфы). Употреблялись въ Вавилонѣ и другіе инструменты, о которыхъ говорятъ намъ историческіе памятники. Была, напр., лира троякаго рода: простѣйшая состояла изъ деревянной треугольной рамы, на которую натягивалось 4 струны¹⁾; болѣе совершенная имѣла видъ прямоугольнаго треугольника, основаніемъ котораго служилъ не простой брусокъ, а ящикъ для резонанса; играли на пей обѣими руками²⁾. Третій родъ лиры сохранялъ форму и устройство тѣже, только отличался большимъ изяществомъ: бруски или боковыя плечья дѣлались не прямыми, а для красоты—изогнутыми; какъ они, такъ и ящикъ покрывались разнаго рода украшеніями; струны были различной длины³⁾. Вавилонская гитара была приблизительно такого же устройства, какъ и наша, только ящикъ ея былъ сравнительно меньше, а грифъ—гораздо длиннѣе; числа и распредѣленія струнъ нельзя указать, такъ какъ незамѣтно этого и на памятникахъ, гдѣ изображается этотъ инструментъ⁴⁾. Были въ вавилонской музыкѣ и барабаны—большіе и малые; послѣдніе, вѣроятно, употреблялись танцовщиками во время пляски, какъ это въ обычаѣ и теперь на востокѣ; большіе же барабаны имѣли видъ опрокинутаго конуса и отличались значительными размѣрами; прикрѣпляли ихъ, вѣроятно, къ поясу, но держали высоко передъ собою; ударяли не палками, а ладонями рукъ⁵⁾. Существовали и бубны, какъ обыкновенно, круглые (а не

¹⁾ Такая лира изображена на одномъ барельефѣ во дворцѣ Ассурба-нипала — *Vigouroux*. S. 409.

²⁾ Среди открытыхъ Зарцекомъ статуй найденъ обломокъ, представляющій фигуру музыканта, играющаго на лирѣ; лира эта имѣетъ 11 струнъ и украшена головою быка.— *Vigouroux*. S. 410.

³⁾ *Vigouroux*. S. 409—410.

⁴⁾ *Ibid.*, S. 410.

⁵⁾ *Ibid.*

четыреугольные, какъ у египтянъ); они состояли просто изъ кожи, натянутой на круглую раму; какихъ-либо колець, звонковъ или металлическихъ шариковъ, которые привѣшиваются на нашихъ бубнахъ, тамъ не было; держали ихъ прямо предъ собою и ударяли пальцами правой руки¹⁾. Употреблялись еще кимвалы, состоявшіе изъ двухъ металлическихъ полукруговъ, снабженныхъ длинными ручками; при игрѣ ихъ ударяли одинъ о другой²⁾.

Къ блестящему торжеству, сопровождавшемуся игрою многочисленнаго оркестра изъ названныхъ нами инструментовъ, были созваны чрезъ гонцовъ³⁾ важнѣйшіе сановники со всѣхъ концовъ вавилонскаго царства. Здѣсь были сатрапы (*𐎧𐎠𐎧𐎠𐎧𐎠𐎧𐎠*)⁴⁾, правители отдѣльныхъ областей, соединявшіе въ своемъ лицѣ высшую военную и гражданскую власть и снабженные особыми полномочными правами⁵⁾; воеводы (*𐎧𐎠𐎧𐎠*)⁶⁾ или визири,—начальники областей военные⁷⁾; намѣстники (*𐎧𐎠𐎧𐎠*)⁸⁾, паши, правители областей гражданскіе, подчиненные

¹⁾ *Vigouroux*. S. 410, 413.

²⁾ *Ibid.*, S. 413.

³⁾ Такъ всегда передавались въ древности распоряженія царя или высшихъ властей. См. 1 Цар. 11, 7; 2 Цар. 30, 6, 10; Эсф. 3, 15; 8, 14; 1 Макк. 1, 44. — *Ксенофонтъ*. Киропедія. Пер. Ячевецкаго. Стр. 289. — *Геродотъ*. Исторія. Пер. Мищенко. Т. II. Стр. 280.

⁴⁾ Слав. „пата“, греч. ἄρχων.

⁵⁾ При ассирійскихъ царяхъ, вѣроятно, именно сатрапы назывались „визьями“, о которыхъ говорятъ египтообразныя надписи (*Schrader*. Keil. Bibl. V. P. S. 79). При Навуходоносорѣ такимъ сатрапомъ въ Палестинѣ былъ, напр., Годолія (4 Цар. 25, 22). Послѣ Навуходоносора подобныя должности учреждаются у другихъ народовъ древности—индѣевъ (Дан. 6, 2, 4, 7), персовъ (Эсф. 8, 36; Эсф. 3, 12; 8, 9, 9, 3.—Киропедія. Стр. 285. — *Геродотъ*. Т. I. Стр. 261), такъ называемые khshatrapavan,—и др.

⁶⁾ Греч. στρατηγός.

⁷⁾ Ср. Иер. 51, 23, 57. Въ ассирійскихъ египтообразныхъ надписяхъ упоминается о „главнокомандующихъ“ и „полководцахъ“ (*Schrader*. Keil. Bibl. V. P. S. 237, 239); терминъ тождественный греческому στρατηγός.

⁸⁾ Слав. „мѣстоначальникъ“, греч. τοπάρχων.

Св. пророкъ Давидъ.

(какъ и воеводы) сатрапамъ¹⁾; верховные судьи (שֹׁפְטֵי הָאָרֶץ²⁾), облеченные особыми высшими полномочіями³⁾; казнохранители (גִּבְרֵי הַכֶּסֶף), стражи государственныхъ имуществъ и государственной казны, завѣдывавшіе экономическими и финансовыми дѣлами⁴⁾; законовѣдцы (שֹׁפְטֵי הַחֹק), блюстители законовъ, завѣдывавшіе юридическими дѣлами государства⁵⁾; блюстители суда (שֹׁפְטֵי הַדִּין) или судьи въ собственномъ смыслѣ⁶⁾; наконецъ, областные правители (שָׂרֵי הַמְּדִינָה), начальники отдѣльныхъ провинцій, подчиненные воеводамъ⁷⁾). Когда эти сановники⁸⁾ съ различ-

¹⁾ Такіе правители извѣстны намъ изъ Библии: 3 Цар. 10, 15; 20, 24; 2 Пар. 9, 14; 1 Эздр. 5, 3; 6, 6; Неем. 5, 14, 18; 12, 26; Эсв. 3, 12; 8, 9; 9, 3; Іер. 51, 23, 57; Іез. 23, 6; Агг. 1, 1, 14; 2, 2, 21.— Въ ассиро-вавилонскихъ клинообразныхъ надписяхъ упоминаніа о „намѣстникахъ“ нерѣдки (*Schrader. Keil. Bibl., V. II, S. 79, 237, 239; V. III—1. H., S. 29, 193.*)

²⁾ Слав. „вожди“, греч. ἡγέμονοι.

³⁾ Ассиро-вавилонскія клинообразныя надписи говорятъ о „префектахъ“ и „старшинахъ“ вавилонскихъ (*Schrader. Keil. Bibl., V. II, S. 79; V. III—1. H., S. 193.*) Не имѣются ли здѣсь въ виду верховные судьи? У персовъ они назывались „царскими судьями“ (*Геродотъ, т. I, стр. 228; т. II, стр. 218.*)

⁴⁾ О „казначейхъ“, хранителяхъ сокровищъ встрѣчаются упоминаніа въ вавилонскихъ клинообразныхъ надписяхъ (*Schrader. Keil. Bibl. V. III—1. H. S. 29, 51.*) Извѣстны такіе сановники въ Персія (1 Эздр. 1, 8; 7, 21), Сиріа (1 Макк. 1, 29) и др.

⁵⁾ Ассирійскія клинообразныя надписи, ставшія въ разрядъ высшихъ ассирійскихъ властей какихъ-то „чиновниковъ“ (*Schrader. Keil. Bibl. V. II. S. 79, 145.*) можетъ быть, и разумѣюгъ подъ ними высшихъ государственныхъ юристовъ, къ которымъ ближе всего и подходитъ это названіе.

⁶⁾ О нихъ тоже говорятъ вавилонскія клинообразныя надписи (*Schrader. Keil. Bibl. V. III—1. H. S. 193.*)

⁷⁾ Кажется, таими областными правителями, о которыхъ упоминается и въ ассирійскихъ клинообразныхъ надписяхъ (*Schrader. Keil. Bibl. V. II. S. 145.*) были Ананія, Азарія и Мисаилъ (Дан. 2, 48, 49).

⁸⁾ Какъ видно, указанныя названія вавилонскихъ должностей встрѣчаются на ассирійскихъ и вавилонскихъ памятникахъ, что даетъ новое доказательство въ пользу происхожденія книги Данииловой отъ самого пророка: еслибы она была написана въ вѣкъ только Маккавеевъ, тогда писатель, нужно думать, привнесъ-бы сюда и греческія названія (напр., стратеговъ), какъ дѣлаютъ писатели III и позднѣйшихъ вѣковъ до Р. Хр.

ныхъ концовъ государства прибыли въ Вавилонъ и въ назначенный для празднества день собрались на полѣ Деирѣ во-вкругъ поставленнаго царемъ истукана, то глашатай прокричалъ вслухъ всѣхъ: „объявляется вамъ, народы, племена и языки: въ то время, какъ услышите звукъ трубы, свирѣли, цитры, цѣвницы, гуслей и симфоніи, и всякихъ музыкальныхъ орудій, падите и поклонитесь золотому истукану, который поставилъ царь Навуходоносоръ, а кто не падетъ и не поклонится, тотчасъ брошенъ будетъ въ печь, раскаленную огнемъ“. Какъ ни жестоко, разумѣется, наказаніе, которымъ царь угрожаетъ слушникамъ его повелѣнія, но оно совершенно въ духѣ того времени. Ассирійскія клинообразныя надписи представляютъ намъ наглядное подтвержденіе этому. Воинственные ассирійскіе цари не затруднялись предавать такой страшной казни своихъ плѣнниковъ. Особенною жестокостью отличался въ этомъ отношеніи Ассурнасирабаль: въ одинъ разъ 200 плѣнныхъ¹⁾, въ другой—3000 ихъ²⁾, нерѣдко „многихъ“ плѣнниковъ³⁾, „многихъ жителей завоеваннаго города“ онъ безъ пощады велѣлъ сожигать въ огнѣ⁴⁾; тотъ-же Ассурнасирабаль и Салманассаръ II простирали свою жестокость до того, что весьма часто предавали сожженію „мальчиковъ и дѣвочекъ“, взятыхъ ими въ плѣнъ изъ покоренныхъ городовъ⁵⁾. Самъ Ассурнасирабаль хвалился тѣмъ, что онъ „сожигаетъ преступниковъ“⁶⁾. Другой ассирійскій царь Ассурбанипаль сжегъ въ печи своего собственнаго брата Саммугаса, который возмущился противъ него и пошелъ на него войною: за это, говоритъ Ассурбанипаль, сами боги „Ассуръ, Синъ, Самасъ, Рамманъ, Виль, Нево, Истаръ..., Ниинь, Нергалъ, Нуску,

¹⁾ *Schrader. Keil. Bibl. V. I. S. 71.*

²⁾ *Ibid., S. 69.*

³⁾ *Ibid., S. 71.*

⁴⁾ *Ibid., S. 91.*

⁵⁾ *Ibid., S. 71, 75, 77, 81, 91, 155.*

⁶⁾ *Ibid., S. 55, 115.*

которые предо мною шли и моихъ противниковъ побѣдили, бросили Саммугаса... въ пылающую печь и предали его смерти“¹⁾. Самъ Навуходоносоръ сжегъ въ огнѣ іудейскихъ лжепророковъ Ахава и Седекію, проповѣдывавшихъ среди плѣнныхъ іудеевъ о скоромъ паденіи Вавилона и возвращеніи въ отечество и тѣмъ возбуждавшихъ плѣнныхъ противъ его власти²⁾. Встрѣчается одинъ случай сожженія въ печи и въ израильской исторіи³⁾. Въ Персіи же обычай сожигать преступниковъ существовалъ до послѣдняго времени: Шарденъ, жившій въ первой половинѣ XVII в., рассказываетъ, что въ Испагани во время сильнаго голода были построены двѣ громадныя печи—одна на царской площади, другая—на публичной площади, и глашатаи объявили всѣмъ, что туда будутъ брошены живыми тѣ, которые, пользуясь народнымъ бѣдствіемъ, станутъ продавать хлѣбъ по слишкомъ высокой цѣнѣ или даже утаивать свои запасы хлѣба; печи эти горѣли непрерывно цѣлый мѣсяцъ, но никого туда не бросили, такъ какъ никто не посмѣлъ, въ виду страшной казни, оказаться ослушникомъ⁴⁾. Какъ видно, сожженіе въ печи⁵⁾ было наказаніемъ преимущественно для политическихъ преступниковъ, назначалось за преступленія противъ царя, общества и всѣхъ государственныхъ интересовъ. Преступниковъ бросали въ особаго рода печь (𐤏𐤓𐤍),—вѣроятно, не специально назначенную только для казни, но употреблявшуюся для расплавленія металловъ или обжиганія кирпичей и разнаго рода лѣнныхъ вещей⁶⁾. Такого

¹⁾ *Schrader. Keil. Bibl. V. II. S. 191.*

²⁾ *Ier. 29, 22.*

³⁾ *2 Цар. 12, 31.*

⁴⁾ *Chardin. Voyage en Perse. T. IV. Amsterdam. 1735. P. 276.*

⁵⁾ Между прочимъ, во времена Маккавеевъ употреблялся аналогичный способъ мучительной смертной казни—поджариваніе на сковородѣ (2 Макк. 7, 3, 5), но не сожженіе въ печи:—новое основаніе противъ маккавейскаго происхождения книги Давіиловой.

⁶⁾ *Ср. 2 Цар. 12, 31.*

рода печь имѣла широкое отверстіе въ своей верхней части, чрезъ которое бросали преступниковъ или опускали массу металла, назначенную для плавленія¹⁾; была, впрочемъ, и другая дверца въ нижней части одной изъ боковыхъ стѣнокъ печи²⁾; чрезъ нее вынимали расплавленный металлъ, обожженные вещи, уголья и пепелъ; чрезъ ту же дверь можно было видѣть, что дѣлается въ печи³⁾. Разжигали ее нефтью⁴⁾, смолою, паклею и хворостомъ⁵⁾,—весьма горючимъ матеріаломъ, дававшимъ именно не жаръ и тепло, а только сильный огонь, что, конечно, и нужно было при расплавленіи металловъ или сожженіи преступниковъ.

Итакъ, всѣ присутствовавшіе на торжествѣ Навуходоносора, какъ только оно открылось звуками музыкальныхъ инструментовъ, пали ницъ и поклонились поставленному царемъ золотому истукану. Конечно, не однимъ только страхомъ быть сожженными заживо руководились сановники и народъ, хотя громадная печь, назначенная для ослушниковъ, стояла на виду у всѣхъ⁶⁾: въ поклоненіи статуѣ выражалась, во всякомъ случаѣ, вѣрность самому царю, въ жертвоприноше-

¹⁾ Это можно видѣть изъ Дан. 3, 22.

²⁾ Такого устройства были, между прочимъ, и римскія плавильныя печи.—*Vigouroux. Die Bibel u. d. neueren Entdeckungen. V. IV. S. 424.*

³⁾ См. Дан. 3, 91—92: Навуходоносоръ видитъ, живы ли остались брошенные имъ въ печь друзья пророка Давіила, что они дѣлаютъ, кто еще съ ними,—все это, конечно, чрезъ боковую дверцу, а не чрезъ верхнее отверстіе: чрезъ послѣднее за сильнымъ жаромъ и пламенемъ невозможно было что-либо различить внутри печи.

⁴⁾ Какъ говорить бл. Іеронимъ, нефть—это или родъ трута для поджиганія печи, или, какъ объясняютъ нѣкоторые, косточки оливокъ вмѣстѣ съ высушеннымъ маслянымъ отстоемъ.—*Библ. твор. св. отц. и учит. ц. зап. Кн. 21. Твор. бл. Іеронима, ч. 12. Стр. 28.*

⁵⁾ Дан. 3, 46.

⁶⁾ Въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего удивительнаго: такой же случай, какъ мы упомянули, сообщаетъ и Шарденъ. Печь могла быть приготовлена на всякій случай, хотя бы даже Навуходоносоръ (какъ и персидскія власти, по Шардену) и сомнѣвался въ томъ, осмѣлится ли кто-либо нарушить его приказаніе.

ніяхъ богамъ—преданность государственной религіи; а исполнять этотъ общій долгъ каждаго гражданина всѣ, конечно, считали себя обязанными; ослушники въ этомъ отношеніи были-бы уже совсѣмъ выходящими изъ ряда другихъ личностями. Царь и высшіе сановники приносили жертвы богамъ и подъ звуки музыкальнаго оркестра открылось всенародное торжество. Не принимали въ немъ участія только друзья пророка Даниила—Ананія, Азарія и Мисаиль. Какъ правители отдѣльныхъ частей провинціи вавилонской, они, конечно, по зову царскихъ гонцовъ, должны были явиться вмѣстѣ съ прочими сановниками на поле Деиръ. Присутствіе на языческомъ торжествѣ въ качествѣ государственныхъ чиновниковъ, такъ сказать, по обязанностямъ службы, еще не заключало въ себѣ ничего предосудительнаго: мы знаемъ, напр., что и пророкъ Данииль принялъ на себя званіе не только правителя всей области вавилонской, высшаго сановника при языческомъ дворѣ, но и начальника вавилонскихъ халдеевъ; и это нисколько не противорѣчило его религіознымъ воззрѣніямъ и не нарушало спокойствія его совѣсти. Когда же дѣло дошло до самаго участія въ языческихъ религіозныхъ обрядахъ, когда было приказано всѣмъ сановникамъ при звукахъ оркестра поклониться золотой статуѣ,—тогда, естественно, друзья пророка не могли измѣнить своей отечественной религіи, не могли поклониться истукану, какъ богу, и принести жертвы идоламъ¹⁾.

¹⁾ Талмудъ строитъ цѣлую легенду по поводу этого событія. По его разсказу, для поклоненія статуѣ еще задолго до торжества были избраны только по три человека отъ каждой націи; и вотъ, изъ среды іудеевъ такими избранниками оказались Ананія, Азарія и Мисаиль; но они сейчасъ же сказали царю, что не поклонятся истукану. Часто они ходили къ пророку Даниилу и сирашивали у него совѣта, слѣдуетъ ли имъ повиноваться царю или нѣтъ; тотъ послалъ ихъ къ пророку Іезекилю, жившему тоже среди плѣнныхъ іудеевъ. Іезекиль сначала совѣтовалъ имъ скрыться на время, но послѣ геройской рѣшимости друзей остаться и затѣмъ показать, что одни только іудеи не поклоняются истуканамъ,—„вопросилъ“ Господа и получилъ отвѣтъ, что Господь не обѣщаетъ Своей помощи народу израильскому вообще. Послѣ того друзья опять пошли

Самого Даниила вмѣстѣ съ ними, кажется, не было. По роду своей службы пророкъ состоялъ въ числѣ первыхъ сановниковъ государства и долженъ бы былъ непременно присутствовать на полѣ Деиръ, гдѣ былъ царь и всѣ придворные и высшіе чины; еслибы даже онъ выѣхалъ изъ Вавилона по дѣламъ службы, то и тогда ко дню торжества былъ-бы вызванъ въ столицу обратно вмѣстѣ съ правителями различныхъ провинцій, съѣхавшихся съ отдаленныхъ концовъ громадной монархіи. Скорѣе можно предположить, что пророкъ въ то время былъ нездоровъ или находился въ какихъ-либо такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ, что не могъ явиться къ всенародному торжеству. Во всякомъ случаѣ, о немъ не упоминается ни слова. И вотъ, во время блестящаго празднества подходятъ къ царю его приближенные и доносятъ на ослушниковъ: „царь, во вѣки живи! ты, царь, далъ повелѣніе, чтобы каждый человекъ, который услышитъ звукъ трубы, свирѣли, цитры, цѣвницы, гуслей и симфоніи и всякаго рода музыкальныхъ орудій, палъ и поклонился золотому истукану; а кто не падетъ и не поклонится, тотъ долженъ быть брошенъ въ печь, раскаленную огнемъ. Есть мужи іудейскіе, которыхъ ты поставилъ надъ дѣлами страны вавилонской, Седрахъ, Мисахъ и Авденаго; эти мужи не повинуются повелѣнію твоему, царь, богамъ твоимъ не служатъ и золотому истукану, который ты поставилъ, не поклоняются“. Конечно, не ревность и не преданность царю, но скорѣе всего зависть къ этимъ іудеямъ, которые изъ плѣнниковъ сдѣлались вліятельными чиновниками въ Вавилонѣ¹⁾, ненависть къ нимъ и къ

къ Навуходоносору и сказали ему, что они ни въ какомъ случаѣ не поклонятся истукану, хотя бы Богъ и не спасъ ихъ отъ наказанія со стороны царя. Но Іегова открылъ Іезекилю, что Онъ поможетъ друзьямъ и спасетъ ихъ отъ смерти.—*Wünsche A. Bibliotheca rabbinica. Eine Sammlung alter Midraschim. Der Midrasch Schir-ha-schirim. Leipzig. 1880. S. 174—175.*

¹⁾ Св. І. *Златоустъ*. Бесѣды на разныя мѣста св. писанія. Т. І. Стр. 354.

ихъ религіи и желаніе во что бы то ни стало погубить этихъ людей¹⁾, такъ какъ они за свой умъ, за свою честность и ревностное исполненіе своего долга могли получить первыи мѣста въ государствѣ,—побудили доносчиковъ рассказать о нихъ царю, который безъ того ничего и не зналъ-бы²⁾. Самый доносъ ихъ проникнуть злобною ненавистью: вотъ какъ они смотрятъ на тебя, царь, и на твоихъ боговъ, а ты еще поставилъ ихъ правителями вавилонской провинціи!³⁾ Можно представить себѣ, какъ былъ раздраженъ царь, когда услышалъ о противникахъ его воли. Конечно, съ его точки зрѣнія поступокъ друзей Даниіловыхъ былъ преступленіемъ противъ него самого, противъ его религіи и боговъ, такъ какъ виновные не хотѣли почтить поставленнаго царемъ истукана, не хотѣли поклониться ему, какъ богу, отказались принести жертву и государственнымъ богамъ; а какъ ревниво относились восточные государи къ собственной чести и власти,—можно видѣть изъ многочисленныхъ примѣровъ деспотизма

¹⁾ Библия твор. св. отц. и учт. ц. зап. Ки. 21. Твор. бл. Иеронима, ч. 12. Стр. 23.

²⁾ Пресвѣщ. Филаретъ высказываетъ предположеніе, не эти ли завистники и уговорили царя устроить всенародное торжество такого именно характера, въ полной увѣренности, что благочестивые друзья откажутся отъ поклоненія поставленному царемъ истукану и тѣмъ возбудятъ гнѣвъ царя (Начертаніе церк.-библи. исторіи. Стр. 355). Предположеніе, во всякомъ случаѣ, возможное (ср. подобное обстоятельство при Даріѣ Мидянинѣ: Дан., гл. 6), хотя фактическихъ данныхъ въ пользу его нѣтъ.

³⁾ Крайхфельдъ предполагаетъ, будто и пророкъ Даниилъ былъ на торжествѣ и, конечно, подобно своимъ друзьямъ, не поклонился воздвигнутому истукану, но это онъ сдѣлалъ по праву, какъ глава мудрецовъ, которые не обязаны были приносить поклоненіе, такъ какъ въ преданности ихъ царь былъ вполне увѣренъ (*Kranichfeld. D. Buch Daniel. S. 153—154*). Сдѣланное предположеніе, разумѣется, натянуто: хотя пророкъ и считался главою мудрецовъ, но по существу не имѣлъ съ ними ничего общаго; если онъ и былъ на полѣ Девръ, то примкнулъ не къ халдеямъ, а къ кружку гражданскихъ сановниковъ; съ другой стороны, почему мудрецы не обязаны были поклониться истукану, а равно принести жертвы богамъ? преданность царю тутъ ни при чемъ.

ихъ, о которыхъ мы не разъ говорили выше; какъ, съ другой стороны, относился самъ Навуходоносоръ къ чести и славіи своихъ божествъ,—объ этомъ достаточно говорятъ дошедшія до насъ клинообразныя надписи его: масса построенныхъ и богато разукрашенныхъ имъ храмовъ въ честь разныхъ боговъ и богинь¹⁾, богатые дары и жертвы, многократно приносимыя имъ своимъ покровителямъ-богамъ²⁾, торжественныя религіозныя процессіи и празднества богамъ въ благодарность за оказанную ими помощь въ военныхъ дѣлахъ³⁾—все это хорошо доказываетъ, какъ высоко ставилъ этотъ царь свои религіозныя интересы и какъ строго, поэтому, онъ долженъ былъ относиться къ оскорбителямъ чести своихъ боговъ. Неудивительно, если за преступленія противъ религіи ассиро-вавилонскіе цари предавали виновныхъ самымъ страшнымъ наказаніямъ,—вырывали языки, снимали съ живыхъ кожу, предавали жестокой смерти, какъ это было, напр., при Ассурбанипалѣ⁴⁾. Въ настоящемъ случаѣ поступокъ друзей Даниіловыхъ—оскорбленіе ими вавилонскихъ боговъ—соединялся, по понятіямъ вавилонянъ, съ преступленіемъ политическаго характера—оскорбленіемъ чести и власти царя, что нерѣдко, какъ мы видѣли, наказывалось сожженіемъ въ печи. Неудивительно, если царь пришелъ въ такую ярость, что не задумался пригнѣнить къ друзьямъ ту жестокою казнь, какою въ началѣ празднества угрожалъ слушникамъ. Но прежде, разумѣется, нужно было убѣдиться, правду ли сказали царю доносчики. Навуходоносоръ призываетъ къ себѣ виновныхъ и обращается къ нимъ съ такою рѣчью: „съ умысломъ ли вы, Седрахъ, Мисахъ и Авдспаго, богамъ моимъ не служите и золотому

¹⁾ *Schrader. Kell. Bibl. V. III—2. II. S. 15, 17, 19, 25, 31, 33, 35, 37, 41, 43, 45, 47, 49, 51, 53, 57, 59, 61, 63, 65, 67, 71.*

²⁾ *Ibid., S. 33, 35, 37, 39, 47, 51, 53, 55, 59, 61, 63, 69.*

³⁾ *Ibid., S. 61.*

⁴⁾ *Ibid., V. II, S. 257.*

истукану, который я поставил, не поклоняетесь? Отвнѣ, если вы готовы, какъ скоро услышите звукъ трубы, свирѣли, цитры, цѣвницы, гуслей, симфоніи и всякаго рода музыкальныхъ орудій, падите и поклонитесь истукану, который я сдѣлалъ; если же не поклонитесь, то въ тотъ-же часъ брошены будете въ печь, раскаленную огнемъ, и тогда какой Богъ избавитъ васъ отъ руки моей?“ добавилъ онъ съ ироніей. Но мужественные друзья съ полнымъ достоинствомъ отвѣтили царю: „нѣтъ нужды намъ отвѣчать тебѣ на это. Богъ нашъ, Которому мы служимъ, силенъ спасти насъ отъ печи, раскаленной огнемъ, и отъ руки твоей, царь, избавитъ. Если же и не будетъ того, то да будетъ извѣстно тебѣ, царь, что мы богамъ твоимъ служить не будемъ и золотому истукану, который ты поставилъ, не поклонимся“¹⁾. Нечего и говорить, въ какое неистовство долженъ былъ придти Навуходоносоръ послѣ такого отвѣта обвиненныхъ предъ нимъ друзей Даниловыхъ; онъ увидѣлъ въ нихъ мятежниковъ, противниковъ его власти и въ тоже время хулителей почитаемыхъ имъ боговъ. Полный ярости, онъ приказалъ разжечь печь въ семь разъ больше, чѣмъ какъ обыкновенно ее разжигали, а самымъ сильнымъ своимъ воинамъ велѣлъ связать Седраха, Мисаха и Авденаго, чтобы бросить ихъ въ печь. Приказаніе царя было отдано съ такою настойчивостью, что нужно было спѣ-

¹⁾ По талмуду, этимъ не ограничился еще разговоръ царя съ обвиняемыми. Царь обратился къ нимъ съ вопросомъ: „развѣ вашъ Богъ не велѣлъ вамъ повиноваться своему царю и властямъ и дѣлать то, что вамъ прикажутъ? Почему же вы теперь не повиноваетесь мнѣ и богамъ моихъ ставите ни во что?“ На это друзья сказали: „что касается налоговъ, податей, штрафовъ и т. п.,—то всего этого ты вправѣ требовать отъ насъ: мы признаемъ тебя своимъ государемъ и исполняемъ установленія твоею государственными повинности; но когда ты требуешь, чтобы мы служили твоимъ богамъ, тогда мы столько же обращаемъ вниманія на твои слова, какъ и на лай собаки“.—*Wünsche A. Bibliotheca rabbinica. Eine Sammlung alter Midraschim. Der Midrasch Bemidbar rabba. S. 408.—Dass. Der Midrasch Wajikra rabba. 1884. S. 233.*

шить поскорѣе выполнить его; не снимая даже одежду съ осужденныхъ, ихъ такъ, какъ они были,—въ исподнихъ одеждахъ, верхнихъ плащахъ, головныхъ повязкахъ и другихъ одеждахъ¹⁾,—связали и бросили въ печь²⁾. Пламя было до того велико, что сожгло даже тѣхъ людей, которые бросали осужденныхъ въ печь³⁾; между тѣмъ, сами друзья не только не были сейчасъ же умерщвлены огнемъ, чего, разумѣется, естественно было ожидать, въ силу физической необходимости, а напротивъ встали и ходили среди пламени, воспѣвая и благословляя Господа. Азарія же, ставши посреди огня, возносила горячую молитву Богу, въ которой исповѣдывалъ грѣхи и беззаконія народа іудейскаго, прославлялъ правду Іеговы,

¹⁾ По свидѣтельству Геродота (*Геродотъ. Исторія. Перев. Мишенка. Т. I. Стр. 101*), ассирияне носили длинную, спускающуюся до ногъ льняную тунику, сверху другую тунику, шерстяную, а на ней небольшой бѣлый плащъ; носили и башмаки. Въ Дан. 3, 21 называются нижняя туника (סַרְבַּלַיִם), въ родѣ нашей рубахи, длинной, узкой, покрывающей все тѣло (по слав. „раци“),—верхній плащъ (סַרְבַּלַיִם, по славянски „покрывало“), головная повязка (סַרְבַּלַיִם) или головная тиара (хотя другіе понимаютъ подъ указаннымъ еврейскимъ терминомъ широкую верхнюю тунику, о которой говоритъ Геродотъ, сходную съ еврейскимъ סַרְבַּלַיִם, по славянскому тексту вмѣсто повязки—„сапоги“, а затѣмъ и „другія одежды“,—разумѣется, и головная тиара, и обувь, и другая туника, упоминаемая Геродотомъ. Въ катакомбахъ, гдѣ часто изображается этотъ сюжетъ, друзья представлены въ туникахъ самаго разнообразнаго покрою и вида, опоясанныхъ или украшенныхъ иногда лентами, и тиарахъ или чалмахъ.—*Martigny. Dictionnaire des antiquités chrétiennes. P. 338, 339.*

²⁾ Гамбургеръ совершенно вопреки священному тексту думаетъ, будто и пророкъ Даниилъ былъ брошенъ въ печь вмѣстѣ съ друзьями, а потомъ чудесно спасся вмѣстѣ съ ними же (*Hamburger. Real-Encyclopädie für Bibel u. Talmud. S. 224*).

³⁾ Бросали осужденныхъ въ широкое верхнее отверстіе печи; а такъ какъ послѣдняя, разумѣется, была громадной величины, то для совершенія самаго процесса казни нужно было приставлять къ печи лѣстницы; сильный огонь, подымавшійся изъ разжиганной въ семь разъ болѣе обыкновеннаго печи наружу, естественно, уже самымъ жаромъ своимъ могъ лишить жизни находившихся вблизи огня палачей.

наказавшую народъ Свой по заслугамъ его¹⁾, но вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ Господа не разрушить завѣта Своего съ умаленнымъ и униженнымъ нынѣ народомъ, не лишить его милости Своей, не оставить рабовъ Своихъ и теперь, но спасти ихъ по множеству благодати Своей и прославить имя Свое, чтобы всѣ враги народа израильскаго, враги и его Бога были постыжены, чтобы они узнали, что только Иегова есть единый Богъ, Богъ преславный во всей вселенной. Между тѣмъ, слуги царя, по приказанію послѣдняго, все больше и больше разжигали печь, подкладывая въ нее горючій матеріалъ,—нефть²⁾, смолу, паклю и хворостъ,—думая, конечно, испечелить и самыя кости казненныхъ; пламя до того усилилось, что поднялось на 49 локтей выше самой печи и сожгло всѣхъ стоявшихъ вблизи нея и разводившихъ огонь. Но вмѣстѣ съ друзьями сошелъ въ печь ангелъ Господень³⁾, который какъ-бы выгналъ изъ нея пламень и чудесно умѣрилъ температуру внутри

¹⁾ Нѣкоторыя мѣста этой молитвы, указывающія на положеніе народа іудейскаго въ плѣну, характерны. Суровыя наказанія, говорится здѣсь, постигли Іудею и Іерусалимъ; народъ іудейскій лишился своихъ князей, пророковъ, вождей, не имѣетъ ни всеозоженія, ни жертвы, ни приношенія, ни оміама, лишенъ, наконецъ, и храма (Дан. 3, 28, 38; ср. Плачь 2, 9); народъ Иеговы—во власти царя „неправосуднаго и злѣйшаго“ (Дан. 3, 32), по сознаною истиннаго Израиля; наказаніе, постигшее іудеевъ по суду Иеговы, привнесло уже свои плоды (Дан. 3, 41) и т. д. Совершенно напрасно Бертольдъ утверждаетъ, будто этими чертами изображается несчастное время Антиоха Епифана (*Bertholdt. Daniel. I. Hälfte. S. 117, 121—123*).

²⁾ Шольцъ обращаетъ вниманіе на то, что въ Дан. 3, 46 среди горючаго матеріала впервые встрѣчается „нефть“, которой въ Вавилонѣ было большое количество (*Scholz. Einleitung in d. heiligen Schriften d. A. u. N. T. III. Th. S. 519*);—знакъ, что неканоническій отрывокъ 3-й гл. книги Даниловой написанъ въ Вавилонѣ.

³⁾ По талмудистамъ—раввинамъ, это былъ архангелъ Михаилъ (*Wünsche. Bibliotheca rabbinica. Eine Sammlung alter Midraschim. Der Midrasch Bereschit rabba. S. 205. — Dass. Der Midrasch Schir-ha-schirim. S. 45*), по другимъ — Гавриилъ, „князь огня“, который снаружи печи раскалилъ, а внутри освѣтилъ и, такимъ образомъ, „сотворилъ чудо въ чудѣ“ (см. интересную легенду объ этомъ въ „Der babylonische Talmud“—von A. *Wünsche. I. Halbband. S. 244*).

печи до такой степени, что казалось, будто легкой, влажный вѣтерокъ обвѣваетъ бывшихъ тамъ; огонь же нисколько не повредилъ имъ и не коснулся ихъ; они даже не чувствовали его жара. Вмѣстѣ съ ангеломъ благочестивые мужи ходили въ печи и, по выраженію бл. Θεодорита, „наслаждались такою прохладою, что по углямъ ходили, какъ-бы по нѣкіимъ розамъ“¹⁾. Полные духовнаго восторга, они всѣ трое воспѣли благодарственный гимнъ Господу²⁾, благословляя и прославляя величіе Его, призывая всѣхъ воспѣвать и превозносить Творца,—и небесныя силы, и небеса, облака, и свѣтила, и величественныя явленія природы (ночь и день, свѣтъ и тьму, молнію), и всѣ физическія стихіи и перемѣны (дождь, вѣтеръ, огонь и жаръ, холодъ и зной, ледъ и морозъ, росу, иней и свѣтъ), и землю, и всѣ земные элементы и организмы (горы, холмы, источники, моря, рѣки, растенія), и всѣ водныя и земныя существа (китовъ и рыбъ, птицъ, звѣрей), наконецъ, людей всѣхъ вообще, затѣмъ, израильтянъ, священниковъ, праведниковъ и т. д. Въ этомъ величественномъ гимнѣ выразилась глубокая благодарность спасенныхъ за милость Божію, глубокое и возвышенное чувство—сознаніе неизмѣримаго величія и всемогущества и безпредѣльной благодати Творца; пѣсня ихъ изливалась изъ глубины сердца и, несмотря на шумъ и трескъ пламени, была слышна и внѣ печи. Вѣроятно, услышалъ ее и Навуходоносоръ и въ удивленіи подошелъ къ боковой дверцѣ печи, чрезъ которую можно было видѣть, что дѣлается внутри ея. Конечно, онъ былъ весьма изумленъ, когда вмѣсто однихъ

¹⁾ Творенія св. отца. Т. XXIХ. Творенія бл. Θεодорита, ч. 4. Стр. 55.— По талмуду, друзья чувствовали себя въ печи такъ приятно, какъ чувствуетъ себя человекъ, который въ холодные дни гуляетъ подъ теплымъ, весеннимъ солнцемъ.—*Wünsche. Bibliotheca rabbinica. Eine Sammlung alter Midraschim. Der Midrasch Debarim rabba. Leipzig. 1882. S. 176*.

²⁾ Въ катакомбной живописи одинъ изъ друзей (Азарія) изображается даже съ музыкальнымъ инструментомъ въ рукѣ.—*Martigny. Dictionnaire des antiquités chrétiennes. P. 340*.

обуглившихся костей увидѣлъ казенныхъ живыми, да еще замѣтилъ, что съ ними есть кто-то четвертый. Въ удивленіи онъ подозвалъ своихъ придворныхъ и спросилъ ихъ: „не троихъ ли мужей бросили мы въ огонь связанными?“ Тѣ подтвердили это. „Вотъ, я вижу, сказалъ царь, четырехъ мужей несвязанныхъ, ходящихъ среди огня, и нѣтъ имъ вреда; и видъ четвертаго подобенъ сыну Божию“¹⁾. Пораженный этимъ обстоятельствомъ, Навуходоносоръ подошелъ къ самой дверцѣ печи, несмотря на то, что она пылала огнемъ, и сказалъ: „Седрахъ, Мисахъ и Авденаго, рабы Бога Всевышняго! выйдите и подойдите“. Тѣ, дѣйствительно, вышли. Съ изумленіемъ и любопытствомъ собрались вокругъ нихъ придворные и государственные сановники, бывшіе на празднествѣ, осматривали чудесно спасенныхъ мужей и нашли, что огонь не причинилъ имъ ни малѣйшаго вреда: ни одинъ волосокъ на головѣ у нихъ не опалился, платья не только не истлѣли, но и не измѣнились вовсе; мало того: даже никакого запаха гари не было отъ нихъ слышно. Пораженный этимъ необыкновеннымъ чудомъ, царь публично предъ всѣми исповѣдалъ силу и могущество Бога іудейскаго, Который чудесно спасъ отъ огня

¹⁾ Подобно грекамъ, римлянамъ, да и всѣмъ вообще языческимъ народамъ, и вавилоняне имѣли цѣлую классифицированную систему божествъ: были у нихъ и жены и сыновья боговъ. Такъ, въ устахъ самого Навуходоносора и ближайшихъ его преемниковъ, Силь называется вообще отцомъ боговъ (*Schrader. Keil Bibl. V. III—2. H. S. 103*), а богиня Нингалъ—матерью ихъ (*ibid., S. 103*), въ частности—Самасъ считается сыномъ Сива (*ibid., S. 81, 83, 103, 105, 107*) и Нингалъ (*ibid., S. 103, 105*), Ануита и Истаръ—дочерьми Сива (*ibid., S. 87, 103, 107*), Нево—сыномъ Меродаха (*ibid., S. 11, 25, 55, 71—73*), богиня Малкату—невѣстой Самаса (*ibid., S. 83, 89, 107*) и т. д. Слѣдовательно, выраженія „отецъ“ и „сынъ“ боговъ были техническими словами, принявшимися къ тому или другому изъ цикла вавилонскихъ божествъ. Такъ и въ устахъ Навуходоносора выраженіе „сынъ Божій“, равносильное и тождественное „сыну боговъ“, не представляетъ собою чего-либо особеннаго: царь только говоритъ, что спутникъ Аваніа, Азарія и Мисаила не похожъ на человѣка, а на что-то высшее,—на одного изъ боговъ („сынъ боговъ“—т. е. одинъ изъ боговъ, какъ и „сынъ человѣчскій“—т. е. человѣкъ).

рабовъ Своихъ¹⁾, надѣющихся только на Него и въ силу этого пожелавшихъ скорѣе быть брошенными въ печь, чѣмъ поклониться, по приказанію царя, другимъ богамъ, помимо Бога истиннаго²⁾. Вслѣдъ затѣмъ, царь издалъ строгій указъ, которымъ подѣ страхомъ смерти запрещалось хулить Іегову: „изъ всякаго народа, племени и языка кто произнесетъ хулу на Бога Седраха, Мисаха и Авденаго, будетъ изрубленъ въ куски, и домъ его обращенъ въ развалины, ибо,—прибавилъ царь,—нѣтъ иного Бога, Который могъ-бы такъ спасать“. Конечно, и это признаніе Навуходоносора далеко не было

¹⁾ Навуходоносоръ упоминалъ при этомъ объ „ангелѣ“, между тѣмъ какъ раньше называлъ его „сыномъ Божиимъ“. Вѣроятно, онъ былъ въ общемъ знакомъ съ основами іудейской религіи или, по крайней мѣрѣ, зналъ, что іудеи признаютъ только одного Бога, хотя говорятъ и о какихъ-то подчиненныхъ Ему, но высшихъ человѣка существахъ—ангелахъ; можетъ быть, какъ язычникъ, Навуходоносоръ считалъ этихъ іудейскихъ ангеловъ низшими „богами“, подчиненными ихъ Іеговѣ, и потому, говоря съ язычниками, называетъ спутника друзей Даниловыхъ однимъ изъ подчиненныхъ боговъ, а обращаясь къ самимъ спасеннымъ, называетъ того-же самаго подчиненнаго „бога“ іудейскимъ названіемъ „ангела“.

²⁾ Чѣмъ кончилось деирское торжество,—неизвѣстно. Талмудисты, впрочемъ, передаютъ цѣлую (неправдоподобную, конечно) легенду про судьбу деирскаго мстужана, въ которой играетъ роль самъ пророкъ Даниилъ. Навуходоносоръ, говорятъ они, убѣждалъ и Даниила поклониться золотому истужану и, чтобы показать предъ нимъ могущество идола, употребилъ хитрость: вложилъ въ уста послѣдняго головную повязку іудейскаго первосвященника и тогда истужанъ силою этой святыни произносилъ: „я—Вѣчный, твой Богъ“. Пророкъ замѣтилъ хитрость, попросилъ позволенія поцѣловать статую въ уста и во время этого поцѣлуя вынулъ изъ устъ истужана священную повязку; статуя послѣ того не могла ничего произносить; но тутъ же, по словамъ пророка, отъ вѣтра она упала и разбилась. Это, говорятъ, произвело впечатлѣніе на язычниковъ и многие изъ нихъ принялись сами разбивать и ругаться надъ своими идолами (*Wünsche. Bibliotheca rabbinica. Eine Sammlung alter Midraschim. Der Midrasch Schir-ha-schirim. S. 176—177*).—Что же касается печи, вправней при чудесномъ спасеніи друзей пророка такую видную роль, то, по разсказу извѣстнаго путешественника XII в. Вениамина Тудельскаго, развалины ея показывали путешественникамъ еще въ его время (*Benjamin. Itinerarium. Lugd. Batavorum. 1638. P. 135*).

обращеніемъ его къ Іеговѣ: здѣсь нѣтъ ни слова о томъ, что Онъ есть единый истинный Богъ, что Ему одному нужно поклоняться; царь только признаетъ Его Богомъ, болѣе сильнымъ, чѣмъ всѣ другіе боги, и запрещаетъ хулить Его; но это еще не значитъ, что другіе боги, по убѣжденію царя, не существуютъ; царь и не узаконяетъ поклоненія Іеговѣ, а только запрещаетъ хулить Его; до признанія Бога іудейскаго единымъ Богомъ слишкомъ еще далекій шагъ. Тѣмъ не менѣе, Навуходоносоръ многое понялъ и многое сдѣлалъ, благодаря совершившимся на его глазахъ чудесамъ: онъ призналъ, что іудейскій Богъ не только не ниже и не слабѣе его собственныхъ боговъ, побѣдившихъ будто-бы этого Бога, но что Онъ гораздо могущественнѣе ихъ, гораздо болѣе достоинъ и поклоненія и почтенія; въ силу этого, не могъ царь не почтить и служителей этого Бога, такъ чудесно спасенныхъ Имъ среди пламени. Онъ не только возвратилъ имъ свое благоволеніе, не только отдалъ всѣ права и преимущества, какія они имѣли равнѣе, но и предоставилъ имъ болѣе широкую арену дѣятельности, назначилъ ихъ на высшія мѣста: они были поставлены главными начальниками надъ всѣми іудеями, жившими въ царствѣ вавилонскомъ; весьма возможно, что это—должности высшихъ областныхъ судей, какъ думаетъ блж. Іеронимъ ¹⁾).

Рядомъ блестящихъ завоеваній сопровождалось все царствованіе Навуходоносора,—этого знаменитаго государя, сдѣлавшаго въ сравнительно короткое время далеко расширить предѣлы своихъ владѣній и поставить свое царство на высотѣ первенствующей державы того времени. Последними знаменитыми походами его были походы на Тиръ (572 г.) и Египетъ (568 г., на 37-мъ году его царствованія ²⁾). Последніе

¹⁾ Библ. твор. св. отц. и учн. ц. зап. Кн. 21. Твор. бл. Іеронима, ч. 12. Стр. 81—82.

²⁾ *Schrader*. Keil. Bibl. V. III—2. H. S. 140—141.—*Tiele*. Babylonisch-assyrische Geschichte. 2. Teil. S. 433.

годы этого царствованія прошли въ мирѣ: военные походы далеко расширили предѣлы вавилонскаго государства и упрочили за Навуходоносоромъ славу блестящаго завоевателя. Теперь этотъ царь все свое вниманіе обратилъ на украшеніе своей столицы и на упроченіе внутренняго довольства своихъ подданныхъ: онъ строилъ великолѣпные храмы, дворцы, общественныя зданія, стѣны, мосты, бассейны, каналы, покровительствовалъ изящнымъ искусствамъ, старался расширить торговлю и т. п. Въ это-то мирное время его царствованія случилось событіе весьма знаменательное какъ для самого Навуходоносора, такъ и для близкаго сановника и совѣтника его—пророка Даниила. Навуходоносоръ увидѣлъ опять замѣчательный сонъ, который сильно смутилъ и испугалъ его ¹⁾).

¹⁾ Несомнѣнно, это было вскорѣ послѣ послѣдняго похода Навуходоносора на Египетъ,—можетъ быть, и въ тотъ самый годъ его,—слѣдовательно, лѣтъ за 6 до смерти знаменитаго завоевателя. Значительное, впрочемъ, затрудненіе здѣсь представляютъ „семь временъ“ безумія Навуходоносора, подъ которыми большинство разумѣютъ годы. Въ указанномъ смыслѣ опредѣляютъ хронологическую дату этого событія Придо (*Histoire des juifs et des peuples voisins*. T. I. P. 67), который, однако, относитъ походъ на Египетъ къ 35 году царствованія Навуходоносора (570 г.) и Корнелій а Ланиде (*Commentaria in Daniele propheta*. P. 1297), который опредѣляетъ время царствованія этого государя въ 45 лѣтъ, включая сюда и 2 года соправительства его. При такого рода возрѣніяхъ затрудненія съ „семью временами“, дѣйствительно, сглаживаются. Съ другой стороны, Богословскій (*Священная исторія ветхаго завета*. Т. II. СПб. 1857. Стр. 144) и авторъ „Библейской хронологіи“ (Чтенія въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія, 1874 г., мартъ—апрѣль) относятъ излагаемое событіе къ 572 г., году похода на Тиръ. Высказаться опредѣленно въ пользу того или другого взгляда трудно: противъ послѣдняго можно только сказать, что указанное нами событіе случилось уже по окончаніи всѣхъ походовъ Навуходоносора, а его выздоровленіе отъ продолжительнаго безумія и восстановленіе на престолѣ было незадолго до кончины этого государя. По замѣчанію преосв. Фидарета, обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что Навуходоносоръ, испытавшій на себѣ въ послѣдніе годы руку Божию и, повидимому, обратившійся къ Іеговѣ, ничего, однако, не сдѣлалъ въ пользу іудеевъ и плѣннаго царя ихъ; полагаютъ, что скорая смерть помѣшала ему (Начерт. церк.-библ. исторіи. Стр. 357).

На этотъ разъ царь уже не забылъ его, какъ прежде, но, при всемъ томъ, сильно желалъ узнать значеніе сна, такъ какъ онъ самъ по себѣ казался таинственнымъ и знаменательнымъ, а Навуходносору, имѣвшему уже случай видѣть такого рода сны, онъ былъ особенно интересенъ. Царь велѣлъ призвать къ себѣ всѣхъ представителей извѣстныхъ классовъ мудрецовъ вавилонскихъ, чтобы тѣ объяснили ему значеніе сна. Какъ и въ первый разъ, онъ обращается къ нѣсколькимъ классамъ этихъ мудрецовъ: тайновѣдцамъ (хартумимъ), чтобы тѣ истолковали ему знаменательный сонъ,—обаятелямъ (газримъ), чтобы они погадали по звѣздамъ и точнѣе опредѣлили судьбу царя, его благополучіе или угрожающее несчастіе,—гадателямъ (асафимъ), чтобы отъ нихъ услышать волю боговъ,—и халдеямъ (касдимъ), чтобы тѣ въ случаѣ нужды умилостивили боговъ жертвоприношеніями. Этимъ представителямъ восточной мудрости царь самъ уже рассказалъ содержаніе своего сна и требовалъ отъ нихъ только объясненія. Однако тѣже мудрецы, хвалившіеся своимъ высшимъ знаніемъ и отказавшіеся объяснить царю его первый сонъ только потому, что не знали его содержанія, и теперь вынуждены были сознаться въ своемъ безсиліи: вѣроятно, сонъ царя поразилъ ихъ своею таинственностью, потому что въ противномъ случаѣ они не преминули бы дать какое-либо своеобразное объясненіе его, особенно еслибы царь, какъ и въ первый разъ, сталъ угрожать имъ смертію. Этого, впрочемъ, не было. Царь же, видя безсиліе мудрецовъ, самъ уже обращается къ пророку Даніилу, передаетъ ему содержаніе своего сна и проситъ объяснить его. Замѣчательно, что и на этотъ разъ царь обращается первоначально къ мудрецамъ, а затѣмъ уже къ пророку Даніилу, хотя послѣдній не только проявилъ при первомъ аналогичномъ этому случаѣ свою необыкновенную мудрость и замѣчательный даръ снотолкованія, но и оффиціально былъ извѣстенъ въ качествѣ главы вавилонскихъ мудрецовъ-халдеевъ. Удивляться этому, впрочемъ, нечего. Припомнимъ, что со времени

перваго сна Навуходносора прошло уже болѣе 30 лѣтъ; царь могъ забыть какъ содержаніе своего прежняго сна, такъ и обстоятельства изъясненія его пророкомъ Даніиломъ,—тѣмъ болѣе, что блестящій завоеватель былъ очарованъ славою своихъ побѣдъ и величіемъ своего царствованія, а новыхъ сверхъестественныхъ откровеній ему не было; да и самъ пророкъ Даніиль, вѣроятно, съ тѣхъ поръ никогда не объяснялъ сновидѣній ни самому царю, ни кому-либо изъ его подданныхъ, такъ какъ этимъ специально занимались извѣстные классы вавилонскихъ халдеевъ, пророкъ же былъ однимъ изъ государственныхъ сановниковъ,—человѣкъ съ извѣстнымъ положеніемъ и съ опредѣленнымъ кругомъ дѣятельности. Правда, онъ былъ вмѣстѣ и главою, начальникомъ мудрецовъ, но, какъ мы говорили, вовсе не фактически, а только номинально: съ послѣдними онъ не имѣлъ рѣшительно ничего общаго, а „главенство“ его надъ ними было только почетнымъ титуломъ, не обязывавшимъ нисколько къ дѣйствительному участию въ ихъ спеціальныхъ занятіяхъ. Къ тому-же на востокѣ весьма рѣзко разграничивались области знанія и дѣятельности различныхъ государственныхъ мужей и сословій; такъ, и за толкованіемъ сновъ нужно было обращаться къ людямъ, занимавшимся этимъ, т. е. къ извѣстнымъ классамъ халдеевъ, а никакъ не къ правителю области вавилонской, хотя бы онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, носилъ титулъ начальника мудрецовъ. Понятно, такимъ образомъ, почему царь обращается за разрѣшеніемъ своего недоумѣнія первоначально къ мудрецамъ, а затѣмъ уже къ пророку Даніилу, о которомъ онъ могъ вспомнить по аналогіи съ предшествующимъ, бывшимъ 30 слишкомъ лѣтъ тому назадъ, случаемъ. Если даже царь и помнилъ о Даніилѣ и зналъ его, какъ мудрѣйшаго и искуснаго снотолкователя, то и тогда ничто не мѣшало ему обратиться сначала къ своимъ придворнымъ мудрецамъ-халдеямъ: вспомнимъ, что въ первый разъ тѣже халдеи обѣщали объяснить сонъ царя, если только имъ расскажутъ содержаніе его; можетъ быть, теперь царь

надѣялся услышать отъ нихъ значеніе своего сна, содержанія котораго онъ самъ не забылъ и, несомнѣнно, передалъ явившимся къ нему мудрецамъ. Послѣ открытаго же признанія послѣднихъ въ собственномъ безсиліи царь призываетъ къ себѣ пророка Даніила и обращается къ нему съ такими словами: „Валтасаръ, глава мудрецовъ! я знаю, что въ тебѣ духъ святаго Бога, и никакая тайна не затрудняетъ тебя; объясни мнѣ видѣнія сна моего, который я видѣлъ, и значеніе его. Видѣнія же головы моей на ложѣ моемъ были такіа: я видѣлъ—вотъ, среди земли дерево весьма высокое. Большое было это дерево и крѣпкое, и высота его достигала до неба, и оно видимо было до краевъ всей земли. Листья его прекрасны, и плодовъ на немъ множество, и пища на немъ для всѣхъ; подъ нимъ находили тѣнь полевые звѣри, и въ вѣтвяхъ его гнѣздились птицы небесныя, и отъ него питалась всякая плоть ¹⁾. И видѣлъ

¹⁾ Содержаніе сна Навуходоносора проникнуто виолѣй духомъ и міровозрѣніемъ того времени. Дерево древніе народы выставляли всегда эмблемой или символомъ человѣческой жизни: высокое, раскидистое дерево означало чловѣка могущественнаго и величественнаго; зеленое дерево—чловѣка благоденствующаго; обратныя явленія имѣли и противоположныя значенія: изсохшее дерево было символомъ чловѣка, потерявшаго свое прежнее величіе,—срубленное означало такъ или иначе уничтоженнаго или стертаго съ лица земли чловѣка и т. д. (см. Пс. 1, 3; Ис. 6, 13; 64, 6; 65, 22; Иерем. 17, 8; Иез. 17, 22; 19, 10; 31, 3; Ам. 2, 9.—*Геродотъ*. Исторія. Пер. Мищенко. Т. II. Стр. 78). Въ частности, дерево служило, кажется, эмблемой ассиро-вавилонскаго государства, какъ можно думать на основаніи словъ пророка Іезекіиля (31, 3—6). Извѣстны и историческіе сны, предметомъ которыхъ служилъ образъ дерева и которые подъ этимъ символомъ изображали судьбу извѣстнаго историческаго лица (*Геродотъ*. Исторія. Пер. Мищенко. Т. I. Стр. 57). Вѣроятно, и сонъ Навуходоносора соответствовалъ господствующему направленію его мыслей: онъ думалъ и мечталъ о славѣ своего царствованія; и вотъ, подъ вліяніемъ нѣкотораго рода возбужденнаго состоянія его психическихъ силъ, ему приснилось его собственное величіе и блескъ подъ видомъ громаднаго дерева, которое видимо было со всѣхъ концовъ земли и подъ покровомъ котораго находили себѣ пріютъ и пищу разные роды животныхъ и птицъ. Все это—символическое изображеніе широты власти Навуходоносора и величія его царствованія, какъ и объяснилъ самый сонъ пророкъ Даніиль.

я въ видѣніяхъ головы моей на ложѣ моемъ, и вотъ, нисшелъ съ небесъ Бодрствующій и Святый ¹⁾. Воскликнувъ громко, Онъ сказалъ: срубите это дерево, обрубите вѣтви его, стрясите листья съ него и разбросайте плоды его; пусть удалятся звѣри изъ-подъ него и птицы съ вѣтвей его; но главный корень его оставьте въ землѣ, и пусть онъ ²⁾ въ узахъ желѣзныхъ и мѣдныхъ среди полевой травы орошается небесною росой, и съ животными пусть будетъ часть его въ травѣ земной. Сердце чловѣческое отнимется отъ него и дастся ему сердце звѣриное ³⁾, и пройдутъ надъ нимъ семь временъ ⁴⁾. Повелѣніемъ Бодрствующихъ это опредѣлено, и по приговору Святыхъ назначено, дабы знали живущіе, что Всевышній вла-

¹⁾ Въ разсказѣ выступаетъ Бодрствующій и Святый (Дан. 4, 10), отдающій приказаніе срубить громадное цѣлущее дерево. И въ этихъ чертахъ нельзя не видѣть слѣдовъ религиозно-философскаго міровоззрѣнія древнихъ вавилонянъ. Идея божественнаго суда была не чужда вавилонянамъ: по свидѣтельству Діодора Сицилійскаго, они не вѣрили въ судьбу и случай, а все приписывали суду боговъ (*Діодоръ* Сицилійскій. Историч. библіотека. Перев. Алексѣева. Ч. I. Стр. 209). Вѣроятно, Навуходоносоръ и считалъ „Бодрствующаго и Святаго“ судью однимъ изъ низшихъ вавилонскихъ божествъ, такъ называемыхъ „боговъ-совѣтниковъ“, которые, по вѣрованію вавилонянъ, были посланниками верховныхъ боговъ, сходили съ неба на землю и слѣдили за жизнью людей (*Діодоръ* Сицилійскій. Историч. библіотека. Ч. I. Стр. 210); они же произносили и приговоры надъ виновными (ср. Дан. 4, 14). Какъ видно, эти „совѣтники-боги“ занимаютъ въ системѣ вѣрученія вавилонянъ приблизительно такое же мѣсто, какое занимаютъ ангелы въ системѣ богооткровеннаго вѣрученія (ср. Пс. 120, 4; Іов. 1, 6; Товит. 12, 15 и др.); ангеломъ-то и считаютъ приснившася Навуходоносору „Бодрствующаго и Святаго“, такъ какъ сонъ его былъ все-таки отъ Бога (Твор. св. отецъ. Т. XXIX. Твор. бл. Феодорита, ч. 4. Стр. 84).

²⁾ Оригинальный логическій оборотъ: рѣчь о деревѣ прерывается и вмѣсто нея начинается рѣчь о чловѣкѣ („онъ“, „сердце чловѣческое“); это прямо указываетъ на то, кто представленъ подъ образомъ дерева.

³⁾ Лишиться сердца чловѣческаго и получить вмѣсто него сердце звѣриное—это значить лишиться ума чловѣческаго, его чувствованій и стремленій, а вмѣсто этого чувствовать подобно животнымъ и стремиться къ тому, къ чему стремятся звѣри.

⁴⁾ Что такое „семь временъ“, опредѣляющія продолжительность безумія Навуходоносора,—скажемъ нѣсколько позже.

дичествуеть надъ царствомъ человѣческимъ и даетъ его, кому хочеть, и поставляетъ надъ нимъ уничиженнаго между людьми. Такой сонъ видѣлъ я, царь Навуходоносоръ; а ты, Валтасаръ,—прибавилъ царь, обращаясь къ пророку,—скажи значеніе его, такъ какъ никто изъ мудрецовъ въ моемъ царствѣ не могъ объяснить его значенія, а ты можешь, потому что духъ святаго Бога въ тебѣ“. Когда пророкъ Давидъ услышалъ содержаніе сна, онъ пришелъ въ сильное смущеніе: онъ былъ обязанъ царю весьма многимъ, находился съ нимъ въ короткихъ, дружескихъ отношеніяхъ, желалъ ему всего лучшаго—и теперь былъ сильно пораженъ, когда узналъ, какая горькая участь предвѣщается царю чрезъ этотъ сонъ. Цѣлый часъ онъ оставался безмолвнымъ, не рѣшаясь высказать царю объ ожидающемъ его несчастіи, и только когда самъ Навуходоносоръ ободрилъ его словами: „Валтасаръ! да не смущаетъ тебя этотъ сонъ и значеніе его“,—тогда пророкъ сказалъ царю: „господинъ мой! твоимъ бы ненавистникамъ этотъ сонъ, и врагамъ твоимъ значеніе его! Дерево, которое ты видѣлъ, которое было большое и крѣпкое, высоту своею достигало до небесъ и видимо было по всей землѣ, на которомъ листья были прекрасные и множество плодовъ и пропитаніе для всѣхъ, подъ которымъ обитали звѣри полевые и въ вѣтвяхъ котораго гнѣздились птицы небесныя, это—ты, царь, возвеличившійся и укрѣпившійся, и величіе твое возросло и достигло до небесъ и власть твоя—до краевъ земли. А что царь видѣлъ Бодрствующаго и Святаго, сходящаго съ небесъ, Который сказалъ: срубите дерево и истребите его, только главный корень его оставьте въ землѣ, и пусть онъ въ узахъ желѣзныхъ и мѣдныхъ среди полевой травы орошается росой небесною, и съ полевыми звѣрами пусть будетъ часть его, доколѣ не пройдутъ надъ нимъ семь временъ,—то вотъ значеніе этого, царь, и вотъ опредѣленіе Всевышняго, которое постигнетъ господина моего, царя: тебя отлучатъ отъ людей, и обитаніе твое будетъ съ полевыми звѣрами; травю будутъ кормить тебя, какъ вола,

росою небесною ты будешь орошаемъ, и семь временъ пройдутъ надъ тобою, доколѣ познаешь, что Всевышній владычествуеть надъ царствомъ человѣческимъ и даетъ его, кому хочеть. А что повелѣно было оставить главный корень дерева, это значитъ, что царство твое останется при тебѣ, когда ты познаешь власть небесную. Посему, царь, да будетъ благоуденъ тебѣ совѣтъ мой: искупи грѣхи твои правдою и беззаконія твои милосердіемъ къ бѣднымъ; вотъ, чѣмъ можетъ продлиться миръ твой“.

Чрезъ годъ, дѣйствительно, Навуходоносора постигло тяжкое наказаніе, указанное ему во снѣ. Гордый царь, упоенный блескомъ своего царствованія, вѣроятно, и забылъ данное ему пророкомъ Давидомъ предостереженіе или не обратилъ на него вниманія¹⁾ и продолжалъ украшать свою столицу, любуясь по временамъ плодами рукъ своихъ. Дѣйствительно, Вавилонъ и другіе города вавилонскаго царства были многимъ обязаны Навуходоносору: если основаніе ихъ было положено задолго до него, то украшеніе, отстройка и т. п.—все это было дѣломъ главнымъ образомъ Навуходоносора; ему одному обязанъ Вавилонъ тѣмъ, что сдѣлался прекраснѣйшимъ городомъ во всемъ мірѣ, какъ отзывались о немъ иностранцы²⁾. Древніе историки Берозъ³⁾ и Абиденъ⁴⁾ достаточно говорятъ объ украшеніи Навуходоносоромъ Вавилона и другихъ горо-

¹⁾ Талиудъ, напротивъ, разуверяетъ передаваемый нами фактъ изъ жизни Навуходоносора своеобразными прибавками. Онъ говоритъ, что царь принималъ совѣтъ пророка Давида быть милосерднымъ, отворилъ свои житницы и продолженіе 12 мѣсацевъ снабжалъ іудеевъ-бѣдняковъ всѣмъ необходимымъ, но затѣмъ почему-то заперъ житницы и вотъ за это постигнулъ его грозный судъ Іеговы.—*Wünsche A. Bibliotheca rabbinica. Eine Sammlung alter Midraschim. Der Midrasch Schemot rabba. Leipzig. 1882. S. 232.*

²⁾ *Геродотъ. Исторія. Пер. Мищенка. Т. I. Стр. 91—92.*

³⁾ *Г. Флавій. О древностяхъ противъ Алпіона. Кн. 1. Стр. 362—363.*

⁴⁾ *Eusebius Pamphilus. Praeparatio evangelica. Coloniae. 1688. P. 457—458.*

довъ своего обширнаго государства. Еще краснорѣчивѣе свидѣтельствуютъ о томъ-же дошедшія до насъ клинообразныя надписи этого государя: всѣ несмѣтныя богатства, полученныя при завоеваніи покоренныхъ городовъ и областей, шли, большею частію, на украшеніе или постройку стѣнъ, дворцовъ, мостовъ и преимущественно храмовъ въ благодарность богамъ за одержанныя царемъ побѣды. „Золото, серебро, дорогія каменья, разнаго рода драгоценности“¹⁾—все это выставлялось на видъ и способствовало блеску всемірной столицы. Великолѣпіе, обширность, богатства и роскошь Вавилона не даромъ приводили въ удивленіе и восторгъ всѣхъ видѣвшихъ его. Замѣчательныя во всѣхъ отношеніяхъ громадныя стѣны города²⁾, роскошныя и богато украшенныя ворота Вавилона³⁾, масса великолѣпно разукрашенныхъ храмовъ въ честь Вила, Меродаха, Нево, Сина, Самаса, Раммана, Гулы, Нинлиланны, Тури, Царпанитъ, Нана, Нинкарракъ и другихъ вавилонскихъ боговъ и богинь⁴⁾, блестящіе дворцы, построенные или только достроенные и украшенные Навуходоносоромъ⁵⁾, массивныя башни⁶⁾, разнаго рода искусственные каналы⁷⁾, рвы⁸⁾, плотины⁹⁾, мосты¹⁰⁾ и т. п.—все это въ общей совокупности своей составляло такую прекрасную панораму, что ею нельзя было не залюбоваться. Недаромъ самъ Навуходоносоръ въ одной изъ своихъ надписей съ восхищеніемъ и гордостью говоритъ: „Вавилонъ и Борсиппа—вотъ два главные города, мною по-

¹⁾ *Schrader. Keil. Bibl. V. III—2. N. S. 27.*

²⁾ *Schrader. Keil. Bibl. V. III—2. N. S. 19, 21, 23, 25, 27, 35, 39, 41, 43, 49, 57.*—*Геродотъ. Исторія. Пер. Мищенко. Т. I. Стр. 92—93.*

³⁾ *Schrader. Keil. Bibl. V. III—2. N. S. 23.*

⁴⁾ *Ibid., S. 15, 17, 19, 31, 33, 35, 43, 45, 47, 49, 67.*

⁵⁾ *Ibid., S. 27, 29, 31, 39, 69.*

⁶⁾ *Ibid., S. 41, 53.*

⁷⁾ *Ibid., S. 61.*

⁸⁾ *Ibid., S. 35, 43.*

⁹⁾ *Ibid., S. 35.*

¹⁰⁾ *Ibid., S. 61.*

строенные; въ Вавилонѣ, городѣ, который я предпочитаю всѣмъ другимъ, который я люблю, есть дворецъ, служащій предметомъ удивленія для всѣхъ.... чудный замокъ—царское жилище....“ и т. д.¹⁾ И вотъ, когда однажды царь прохаживался по террасамъ, устроеннымъ на крышѣ его роскошнаго дворца²⁾ и, любуясь великолѣпіемъ и красотою Вавилона, съ гордостью произнесъ: „это ли не величественный Вавилонъ, который построилъ я въ домъ царства силою моего могущества и въ славу моего величія!“—тогда вдругъ раздался голосъ съ неба: „тебѣ говорятъ, царь Навуходоносоръ: царство отошло отъ тебя! И отлучать тебя отъ людей, и будетъ обитаніе твое съ полевыми звѣрями; травою будутъ кормить тебя, какъ вола, и семь временъ пройдутъ надъ тобою, доколѣ познаешь, что Всевышній владычествуетъ надъ царствомъ человѣческимъ и даетъ его, кому захочетъ!“ Немедленно постигнулъ гордаго и высокомернаго царя грозный судъ Божій: онъ подвергся одной изъ самыхъ страшныхъ формъ душевной болѣзни,—такъ называемой „ликантропіи“. Больные ликантропіей воображаютъ себя превратившимися въ волковъ, быковъ, собакъ и другихъ животныхъ и, сообразно съ этимъ, живутъ и дѣлаютъ то, что дѣлаютъ обыкновенно эти животные: перестаютъ говорить, а вмѣсто этого воютъ, мычатъ, подражаютъ лаю собакъ; не притрогиваются къ человѣческой нищѣ, а питаются травою, падалью, или, что всего ужаснѣе, убиваютъ дѣтей и пожираютъ ихъ; ходятъ на четверенькахъ—рукахъ и ногахъ; чуждаются людей, домовъ, городовъ,—и убѣгаютъ на поля, въ лѣса; или, подобно волкамъ, днемъ скрываются, а ночью съ ревомъ и воемъ бѣгаютъ по лѣсамъ. Всѣ прежнія привычки, стремленія и чувства тоже совершенно измѣняются и

¹⁾ *Schrader. Keil. Bibl. V. III—2. N. S. 25.*

²⁾ Впрочемъ, блж. Феодоритъ предполагаетъ, что Навуходоносоръ въ этотъ разъ гулялъ по стѣнамъ Вавилона и любовался столицей съ высоты устроенныхъ на нихъ городскихъ башень.—Творенія св. отцевъ. Т. XXIX. Твор. бл. Феодорита, ч. 4. Стр. 90.

становятся похожими на инстинктъ и образъ дѣйствій животныхъ ¹⁾. И нужно замѣтить, что такой родъ душевной болѣзни былъ извѣстенъ медикамъ еще съ древнѣйшихъ временъ. Такъ, Геродотъ рассказываетъ о неврахъ, которые, по его словамъ, превращались въ волковъ ²⁾. О ликантропахъ передаетъ также Орибазій, придворный врачъ императора Юліана ³⁾. Въ XIV и XV в.в. эта страшная болѣзнь распространилась было и въ Европѣ: явилась масса кинантроповъ и ликантроповъ, которые оставляли свои жилища, убѣгали въ горы или лѣса, приставали къ стадамъ животныхъ, ходили на рукахъ и ногахъ, отращивали волосы и ногти, питались травою, а иногда даже умерщвляли и пожирали дѣтей; примѣровъ наблюдатели передаютъ не мало ⁴⁾. Замѣчаютъ нѣчто похожее на ликантропію и среди современныхъ намъ лифляндцевъ ⁵⁾ и абиссинцевъ ⁶⁾. Такого же рода была и болѣзнь Навуходоносора. Онъ лишился разума ⁷⁾ и, подобно всѣмъ помѣшаннымъ, одичалъ и сталъ чуждаться общества людей; вмѣстѣ съ тѣмъ, вообразилъ себя быкомъ ⁸⁾, но, конечно, только вооб-

¹⁾ *Vigouroux*. Die Bibel u. d. neueren Entdeckungen. B. IV. S. 427—428.

²⁾ *Herodotus*. Исторія. Пер. Мищенко. Т. I. Стр. 344. — Вѣроятно, не превращались, а воображали себя превратившимися въ волковъ.

³⁾ *Hävernicks*. H. A. Ch. Kommentar über d. Buch Daniel. Hamburg. 1832. S. 127.

⁴⁾ *Brierre de Boismont* A. Des hallucinations. 2 edit. Paris. 1852. P. 383—384. — *Psychiatrische Briefe*. Augsburg. 1863. S. 149—150. — *Geierus*. Praelectiones in Daniele prophetam. P. 371. — *Hävernicks*. Kommentar üb. d. Buch Daniel. S. 127.

⁵⁾ *Herbst*. Histor.-krit. Einleitung in d. heiligen Schriften d. A. T. II. Th., 2. Abth. S. 92.

⁶⁾ *Brierre de Boismont*. Des hallucinations, P. 385.

⁷⁾ По Златоусту, Навуходоносоръ не потерялъ совершенно разума, но имѣя человѣческую душу, сознавалъ все-таки свое положеніе. — Св. I. *Златоустъ*. Бесѣды на разныхъ мѣстахъ св. писанія. Т. I. Стр. 369.

⁸⁾ Поэтому, болѣзнь его удобнѣе назвать „тавантропіей“ или „боантропіей“.

разилъ, а не на самомъ дѣлѣ превратился въ него ¹⁾. Человѣческія желанія и стремленія царя превратились тоже въ чисто-животныя влеченія: онъ убѣжалъ изъ своего дворца ²⁾, сталъ блуждать въ пустынныхъ царскихъ садахъ, бѣгалъ на четверенькахъ, рычалъ, подобно звѣрю ³⁾, питался только травою, спалъ подъ открытымъ небомъ ⁴⁾ и т. п. Благодаря вліянію на него разнаго рода атмосферныхъ переменъ, — дождя, росы, жара, холода, — самая наружность царя сильно огрубѣла, потеряла человѣческую красоту и стала похожа на наружность дикаго звѣря: кожа на тѣлѣ потемнѣла ⁵⁾, волосъ и ногтей за это время онъ, конечно, не стригъ и они отросли у него, подобно гривѣ или шерсти на львахъ ⁶⁾ и длиннымъ когтямъ у хищныхъ птицъ ⁷⁾. Придворные, во всякомъ случаѣ, не упустили царя изъ виду: благодаря его неистовству, его оставили только на свободѣ ⁸⁾, предоставили ему огромныя пустынные

¹⁾ Существуетъ преданіе о дѣйствительномъ превращеніи Навуходоносора верхнею частію своего тѣла въ быка, а нижнею въ льва. — *S. Epirhanii oroga*, t. II. P. 242. — *Fabricius*. Codex pseudepigraphus V. T. Vol. I. P. 1125.

²⁾ Можетъ быть, безумнаго царя и выпустили въ лѣсъ или въ пустынные сады, особенно если онъ неистовствовалъ или причинилъ всѣмъ безпокойство и вредъ.

³⁾ *Cornelius a Lapide*. Commentaria in Daniele prophetam. P. 1300—1301.

⁴⁾ Безумнаго царя оставили, конечно, на свободѣ, потому что въ противномъ случаѣ неистовство его достигло-бы крайнихъ предѣловъ.

⁵⁾ Творенія св. отцевъ. Т. XXIX. Твор. бл. Феодорита, ч. 4. Стр. 92.

⁶⁾ Въ Австраліи водятся и теперь особия птицы „казуары“, покрытыя не перьями, а шерстью. Не было ли во времена прор. Даниила въ Азіи орловъ съ шерстью? Арамейскій текстъ книги Данииловой говоритъ, что волосы у Навуходоносора отросли, подобно „орламъ“ (LXX перевели „львамъ“). Дан. 4, 30.

⁷⁾ Если ногтей не стричь, то они достигаютъ до 1½—2 дюймовъ длины, а затѣмъ перестаютъ расти и загибаются, подобно когтямъ у хищныхъ птицъ. — *Hölliker*. Handbuch der Gewebelehre des Menschen. 1859. S. 126.

⁸⁾ По мнѣнію блаж. Феодорита (Твор. св. отцевъ. Т. XXI. Твор. бл. Феодорита, ч. 4. Стр. 85) и пресвщ. Филарета (Начертаніе церк.-библ. исторіи. Стр. 356), царя заковали въ цѣпи, такъ какъ онъ безумствовалъ, кидался съ яростью на людей и т. п.

сады, лежавшіе вблизи дворца, и не мѣшали ему ни въ чемъ; но за ходомъ его болѣзни они, несомнѣнно, слѣдили, по крайней мѣрѣ, знали, гдѣ его искать, и по временамъ наблюдали за состояніемъ больного¹⁾. Старались они, вмѣстѣ съ тѣмъ, по мѣрѣ возможности скрывать положеніе царя отъ празднаго люда во избѣжаніе лишнихъ толковъ,—тѣмъ болѣе, что ликантропія сама по себѣ болѣзнь излечимая²⁾, да и у вавилонскихъ жителей не исчезала надежда, что царь ихъ поправится и снова займется дѣлами правленія. Пока же для этого были поставлены временные правители. Это были, конечно, люди, близко стоявшіе къ престолу и къ самому царю; возможно, что высшій авторитетъ правителя государства принадлежалъ женѣ царя³⁾ или его сыну Евильмеродаху, наслѣднику престола⁴⁾; но собственно завѣдываніе дѣлами государства должны были взять на себя ближайшіе совѣтники и вельможи царя въ качествѣ регентовъ и правителей государства. Клинообразныя надписи даютъ намъ основаніе указать даже определенное лицо, занимавшее должность полновластнаго регента во время продолжительной болѣзни Навуходоносора. Нериглиссоръ, зять и второй преемникъ этого государя, въ одной изъ своихъ публичныхъ надписей называетъ своего родного отца Билусумискуна царемъ вавилонскимъ: „Нериглиссоръ—сынъ Билусумискуна, царя вавилонскаго“⁵⁾; между тѣмъ, въ дѣтописяхъ вавилонскихъ царей нѣтъ такого имени; выходитъ, слѣдовательно, что Билусумискунъ былъ не настоящимъ царемъ, тѣмъ болѣе, что время его царствованія должно совпа-

¹⁾ По выздоровленіи царя, придворные „ищутъ“ его и приглашаютъ опять занять престолъ.

²⁾ *Hieronymus Mercurialis. Medicina practica. Frankfurt. 1601. P. 57.*

³⁾ Творенія св. отцевъ. Т. XXII. Твор. св. Ефрема Сирива, ч. 8. Стр. 67.

⁴⁾ *Wünsche. Bibliotheca rabbinica. Der Midrasch Wajikra rabba. S. 118.—Hess. Geschichte der Israeliten. B. XI. Zürich. 1788. S. 160.*

⁵⁾ *Schrader. Keil. Bibl. B. III—2. H. S. 73.*

дать съ царствованіемъ Навуходоносора. Здѣсь-то и близко предположеніе, что этотъ Билусумискунъ временно управлялъ государствомъ во время душевной болѣзни Навуходоносора. Самъ Нериглиссоръ до вступленія на престолъ былъ начальникомъ касты халдеевъ¹⁾; вѣроятно, и отецъ его Билусумискунъ занималъ такую же должность²⁾, такъ какъ мѣста въ высшихъ кастахъ вавилонскихъ передавались часто по наслѣдству. При такомъ предположеніи понятно, почему Билусумискунъ вмѣстѣ съ прочими сановниками взялъ на себя временное управленіе государствомъ за болѣзнію самого царя: начальникъ касты халдеевъ, какъ мы упоминали, былъ нерѣдко регентомъ во время междуцарствія и, разумѣется, въ другихъ исключительныхъ (подобныхъ настоящему) случаяхъ. Можетъ быть, Билусумискунъ хотѣлъ произвести настоящую узурпацію, съ цѣлію сдѣлаться самому царемъ (какимъ титуломъ и называетъ его сынъ его Нериглиссоръ); но подобное желаніе, конечно, могло явиться у него только при самыхъ исключительныхъ обстоятельствахъ, такъ какъ свергнуть съ престола самого Навуходоносора было невысказано; болѣзнь же царя давала узурпатору нѣкоторую возможность завладѣть вавилонскимъ престоломъ; впрочемъ, попытка его не удалась, такъ какъ, по выздоровленіи Навуходоносора, вельможи сейчасъ же возстановили его на престолѣ. Во всякомъ случаѣ, эти сообщенія, высказанныя нами на основаніи несомнѣнно-историческихъ данныхъ, достаточно говорятъ въ пользу того, что и

¹⁾ Іер. 39, 3. 13 упоминаетъ о какомъ-то Нергалшарецѣ (по евр. тексту), „начальникѣ маговъ“; имя, очевидно, то же, что и Нериглиссоръ (Нергалшарусуръ, по клинообразнымъ надписямъ). Предполагаютъ, что этотъ Нергалшарецъ и есть будущій царь вавилонскій Нериглиссоръ (*Vigouroux. Die Bibel u. d. neueren Entdeckungen. B. IV. S. 484.—Tiele. Babylonisch-assyrische Geschichte. 2. Teil. S. 430.*)

²⁾ Замѣчательно, что въ другой своей надписи тотъ же Нериглиссоръ называетъ отца своего Билусумискуна „величественнымъ мудрецомъ“ (какъ-бы волхвомъ-халдеемъ), но уже не царемъ.—*Schrader. Keil. Bibl. B. III—2. H. S. 77.*

безуміе Навуходоносора есть дѣйствительно-историческій фактъ, а не легенда или выдумка писателя книги Даниловой, какъ высказываются нѣкоторые изъ западныхъ экзегетовъ и историковъ¹⁾. Правда, событіе это не записано древними историками и, кромѣ книги Даниловой, не отмѣчено ни въ одной исторіи изъ жизни Навуходоносора; но вотъ какой разсказъ, между прочимъ, мы встрѣчаемъ у Абидена (историка II в. по Р. Хр.), заимствовавшаго свои свѣдѣнія у Мегасеена (жившаго въ III в. до Р. Хр.) и чрезъ него изъ непосредственнаго вавилонскаго преданія: „Навуходоносоръ, говоритъ Абиденъ на основаніи словъ Мегасеена, превосходилъ самого Геркулеса мужествомъ и храбростью; онъ предпринималъ походъ въ Ливію и Иверію и, побѣдивши жителей этихъ странъ, часть ихъ переселилъ на правый берегъ Понта. По возвращеніи изъ этого похода, какъ говорятъ халдеи, онъ вошелъ на кровлю своего дворца и здѣсь, воодушевленный свыше божествомъ, изрекъ слѣдующее пророчество: я, Навуходоносоръ, предсказываю вамъ, вавилоняне, о предстоящей вамъ гибели; мой предокъ Виль не могъ ее отвратить и царица Белтиса не могла умолить боговъ судьбы. Придетъ персидскій мулъ²⁾, который при помощи вашихъ же боговъ побѣдитъ васъ. Помощникомъ его при завоеваніи Вавилона будетъ мидянинъ, которымъ особенно гордятся ассиріяне. О еслибы онъ, прежде чѣмъ овладѣетъ моими гражданами, погибъ въ пропасти или

¹⁾ Ленгерке (Das Buch Daniel. S. 151), Гитцингъ (Kurzgef. exeget. Handbuch z. A. T. X. Lief. S. 57), Мейнгольдъ (Beiträge z. Erklärung d. B. Daniel. Heft I. S. 33—34), Римъ (Handwörterbuch d. bibl. Altertums. II. B. S. 1069), Шрадеръ (Jahrbücher für protest. Theologie, 1881, Heft IV, S. 618—620: „Die Sage vom Wahnsinn Nebukadnezar's.“—Die Keilinschriften n. d. A. T. S. 431—432), Масперо (Histoire ancienne des peuples de l'orient. P. 559), Тиле (Babylonisch-assyrische Geschichte, 2. Teil. S. 456) и др.

²⁾ Разумѣется Киръ, котораго и Геродотъ называетъ муломъ, такъ какъ онъ родился отъ отца-перса и матери-мидянки (Геродотъ. Исторія. Пер. Мишевца. Т. I. Стр. 25, 49).

утонулъ въ глубокомъ морѣ! еслибы онъ, отправившись другимъ путемъ, блуждалъ по пустынямъ, гдѣ нѣтъ ни города, ни тропинки, ни слѣда человѣческаго,—гдѣ только бродятъ звѣри и летаютъ хищныя птицы! еслибы онъ одинъ блуждалъ по бесплоднымъ скаламъ! Для меня же, прежде чѣмъ онъ это сдѣлаетъ, да будетъ приготовлена лучшая участь!—Сказавши эти слова, Навуходоносоръ внезапно исчезъ съ глазъ людей“¹⁾. Этотъ разсказъ, взятый непосредственно изъ вавилонскаго преданія, есть своеобразно-національная окраска того-же самаго историческаго факта безумія Навуходоносора, о которомъ говоритъ и пророкъ Данииль. Несмотря на значительную разницу въ подробностяхъ того и другого разсказа, основныя черты ихъ довольно сходны. Безуміе Навуходоносора состояло въ изступленіи; но и даръ пророчества, о которомъ говоритъ Абиденъ, по понятіямъ древнихъ, былъ тоже слѣдствіемъ изступленія естественнаго или искусственнаго²⁾. Затѣмъ, безуміе Навуходоносора, по разсказу какъ пророка Даниила, такъ и Абидена, началось тогда, когда царь стоялъ на кровлѣ своего дворца и осматривалъ свою столицу. Выраженіе Абидена, что Навуходоносоръ „исчезъ съ глазъ людей“, равносильно библейскому „отлученъ былъ отъ людей“³⁾. Что же касается частныхъ тѣхъ и другого разсказа, то различіе между ними легко объясняется изъ обстоятельствъ происхожденія разсказа Абидена или, лучше, разсказа, сохранившагося въ вавилонскомъ преданіи, откуда заимствовали свои свѣдѣнія Мегасеенъ, а отъ послѣдняго уже и Абиденъ. Дѣло въ томъ, что халдейскіе историки ставятъ Навуходоносора необыкновенно высоко и личность его окружаютъ самымъ свѣтлымъ ореоломъ: тотъ-же Мегасеенъ ставитъ Навуходоносора выше даже Геркулеса; другой историкъ Берозъ настолько преуве-

¹⁾ Eusebius Pamphilus. Praeparatio evangelica. P. 456—457.—Chroniconum sanonum libri duo. P. 41.

²⁾ Вспомнимъ греческихъ пней, восточныхъ пророковъ и пророчицъ и т. п.

³⁾ Дан. 4, 30.

личиваетъ его могущество и славу, что фараона Нехао, совершенно самостоятельнаго государя и знаменитаго въ свое время завоевателя, называетъ не больше, какъ намѣстникомъ Навуходоносора и отца его Набопалассара¹⁾. Понятно, что тѣже историки не могли выставить прямо такой, можно сказать, оскорбительный для величія Навуходоносора, хотя и несомнѣнно-дѣйствительный, фактъ, какъ безуміе этого государя, сопровождавшееся изгнаніемъ его изъ человѣческаго общества и чисто-животною жизнію его подобно звѣрю²⁾. По меньшей мѣрѣ, они должны были смягчить его или истолковать въ хорошую сторону; а такимъ путемъ и могъ явиться рассказъ о томъ, будто Навуходоносоръ былъ осѣненъ божествомъ (своеобразная вариация факта его изступленія или безумія), будто онъ произнесъ пророчество о судьбѣ своего царства (гораздо сообразнѣе было для халдейскаго историка вложить это пророчество въ уста самого царя, а не іудея Даниила; а то, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ Навуходоносоръ во время своего безумія какъ-нибудь бредилъ пророчествами Даниила о судьбѣ царя и его царства) и т. п. Во всякомъ случаѣ, основная нить рассказа Авидена наводитъ на заключеніе, что здѣсь подъ своеобразно-національной окраской скрывается дѣйствительно-историческій рассказъ о безуміи Навуходоносора, аналогичный рассказу о томъ-же книги Данииловой, и что самое-то безуміе этого государя есть тоже историческій фактъ, отмѣченный косвенно какъ у нѣкоторыхъ халдейскихъ историковъ, такъ и въ вавилонскихъ клинообразныхъ надписяхъ. Мы указывали уже на одно мѣсто изъ надписи Нериглиссора, — о Билусумискунѣ, „царѣ вавилонскомъ“, — которое сильно гово-

¹⁾ I. Флавій. Древн. іуд. Пер. Самуйлова. Ч. II. Стр. 162.—Противъ Аппіона. Стр. 361.

²⁾ Этимъ именно и объясняется, почему никто изъ древнихъ историковъ (кроме пророка Даниила и, пожалуй, Авидена) не отмѣчаетъ даннаго историческаго факта, хотя, разумѣется, подобное молчаніе еще не даетъ намъ права считать рассказъ 4-й главы книги Данииловой легендой или вымысломъ.

рить въ пользу исторической дѣйствительности самаго факта безумія Навуходоносора¹⁾. О томъ-же свидѣтельствуется и слѣдующая надпись этого государя: „въ теченіе четырехъ лѣтъ мое сердце не радовалось трону моего царствованія, я не предпринималъ никакихъ построекъ.... я не пѣлъ хвалебныхъ гимновъ въ честь Меродаха, не приносилъ ему жертвъ, не очищалъ каналовъ“²⁾. Здѣсь идетъ рѣчь о какомъ-то четырехлѣтнемъ перерывѣ въ царствованіи Навуходоносора, во время котораго царь не могъ заниматься постройками, приносить жертвы богамъ и т. д. Возможно, что и это—намекъ на время ликантропіи знаменитаго государя.

Болѣзнь Навуходоносора не продолжалась до самой его смерти; напротивъ, по истеченіи „семи временъ“³⁾, разсудокъ

¹⁾ Замѣчательно, напр., что Тиле, считающій рассказъ о безуміи Навуходоносора въ книгѣ Данииловой и своеобразную вариацию того-же рассказа у Авидена только сагой (Babyl.-assyrg. Geschichte. 2. T. S. 456), въ тоже время становится совершенно втупикъ предъ рѣшеніемъ вопроса, почему Нериглиссоръ называетъ своего отца Билусумискуна „царемъ вавилонскимъ“ (ibid., S. 457), и прибѣгаетъ для объясненія этого обстоятельства къ разнаго рода искусственнымъ гипотезамъ (ibid., S. 465—466).

²⁾ *Buddensieg*. Die assyrischen Ausgrabungen und das Alte Testament. 1880. S. 65.

³⁾ Что такое „семь временъ“, — трудно сказать. Большинство древнихъ и нѣкоторые новѣйшіе толкователи считаютъ ихъ за 7 лѣтъ, другіе—за 7 мѣсяцевъ, третьи—за 7 недѣль; иные приравниваютъ „семь временъ“ къ 3 $\frac{1}{2}$ годамъ, насчитывая въ году два „времени“—зиму и лѣто; или опредѣляютъ „семь временъ“ въ 21 мѣсяць, считая „время“ равнымъ 3 мѣсяцамъ. Новѣйшіе знаменитые ортодоксальные богословы (Кейль, Цоклеръ, Филлеръ, Клифотъ, Квабенбауеръ и др.) считаютъ „семь временъ“ просто неопредѣленнымъ, болѣе или менѣе продолжительнымъ временемъ. Отдать предпочтеніе какому-либо одному изъ этихъ толкованій—трудно. Принимая же во вниманіе приведенный нами отрывокъ изъ клинообразныхъ надписей, въ которомъ говорится о четырехлѣтнемъ перерывѣ въ царствованіи Навуходоносора, приходится болѣе склоняться на сторону св. Златоуста (Бесѣды на разныя мѣста св. писанія. Т. I. Стр. 370) и Ефрема Сирина (Гворенія св. отцевъ. Т. XXII. Стр. 66), считающихъ „семь временъ“ за 3 $\frac{1}{2}$ года. При такомъ толкованіи весьма удобно установить и хронологическія даты этого событія: сонъ Навуходоносора можно отнести къ

возвратился къ царю и онъ, полный благодарности и чувства смиренія предъ Богомъ вышнимъ, прославилъ Его величіе и силу и призналъ непреложность Его неисповѣдимой воли. Въ то же время и сановники вавилонскіе, не упускавшіе изъ виду положенія безумнаго царя, какъ только замѣтили его выздоровленіе, пришли къ нему и возвратили ему опять престолъ, недовольные, вѣроятно, прежнимъ правительствомъ. Съ тѣхъ поръ царственное величіе и слава Навуходоносора снова возвратились къ нему и даже съ избыткомъ; не вернулись, вѣроятно, только прежній деспотизмъ, высокомеріе и гордость. Самъ царь, тотчасъ по выздоровленіи своемъ и возвращеніи на престолъ, издалъ указъ или манифестъ ко всѣмъ своимъ подданнымъ, въ которомъ подробно сообщилъ исторію своей страшной болѣзни вмѣстѣ съ предварявшими и сопровождавшими ее обстоятельствами съ цѣлью обнародовать предъ всѣми знаменія и чудеса, какія исполнились надъ нимъ по волѣ Бога вышняго. Изданіе такого рода манифестовъ не представляетъ собою чего-либо особеннаго: оно вполнѣ въ духѣ того времени. Не только въ своихъ клинообразныхъ надписяхъ ассирійскіе и вавилонскіе цари отмѣчали болѣе или менѣе выдающіяся событія изъ своей жизни и своего царствованія, — говорили, напр., о своихъ постройкахъ, войнахъ, побѣдахъ, опредѣляли количество добычи и плѣнныхъ, — но и сообщали о томъ-же въ особыхъ указахъ или воззваніяхъ къ народу съ цѣлью опредѣлить и объяснить то или другое событіе своего царствованія, возбудить энергію или религіозное чувство подданныхъ и т. д. Нѣтъ, поэтому, ничего удивительнаго, если и Навуходоносоръ не только официально сообщаетъ объ одномъ изъ важнѣйшихъ событій своей жизни, но и передаетъ въ подробностяхъ исторію своего безумія, вмѣсто того, чтобы

37 году его царствованія (году завоеванія Египта), начало ликантропіи царя къ 38 году (спустя 12 мѣсяцевъ послѣ сна), а выздоровленіе его — къ 42 г., за годъ приблизительно до смерти.

лучше, кажется, скрывать ее. Дѣло въ томъ, что этотъ царь въ самой своей болѣзни призналъ карающую руку Вышняго, наказавшаго его за высокомеріе и гордость; при самомъ выздоровленіи онъ исповѣдалъ непреложность воли Божіей и зависимость всѣхъ царей земныхъ отъ верховнаго Царя¹⁾; теперь же набожный²⁾ царь стремится раскрыть ту же истину и предъ всѣми своими подданными, исповѣдуя предъ ними безконечное величіе, правосудіе, всемогущество Всевышняго, какъ верховнаго Царя и Владыки всѣхъ царствъ и народовъ³⁾. Притомъ, самая болѣзнь Навуходоносора не могла быть тайною для большинства его подданныхъ, несмотря на усилія придворныхъ чиновниковъ скрывать ее: весь придворный штатъ, вѣроятно, зналъ о ней; да и другія официальные лица (жрецы, военные люди) могли, по крайней мѣрѣ, догадываться о сущности дѣла въ виду долгаго отсутствія царя, перемѣны въ придворной жизни и т. п.; и вотъ, во избѣжаніе разнаго рода неправильныхъ толковъ, царь самъ пожелалъ „возвѣстити“ подданнымъ все случившееся съ нимъ⁴⁾ и съ этою цѣлью подробно излагаетъ исторію своей болѣзни, начиная съ быв-

¹⁾ Вспомнимъ слова пророка Даніила, обращенныя къ царю: „тебя отлучаютъ отъ людей...., доколѣ познаешь, что Всевышній владычествуетъ надъ царствомъ человѣческимъ“ (Дан. 4, 22), и буквально такія же слова съ неба царю (Дан. 4, 29). Слѣдовательно, выздоровленіе произошло только тогда, когда съ первыми проблесками сознанія Навуходоносоръ, прежде не знавшій предѣловъ своей гордости, самъ призналъ величіе верховнаго Царя и свою зависимость отъ Него.

²⁾ Мы не разъ говорили о набожности и сильномъ религіозномъ чувствѣ, отличавшемъ вообще ассирійскихъ и вавилонскихъ царей. Навуходоносоръ былъ не менѣе (если не болѣе) проникнутъ высокою религіозною настроенностью: масса построенныхъ и украшенныхъ имъ храмовъ служить нагляднымъ доказательствомъ этого.

³⁾ Припомнимъ прежніе указы Навуходоносора, въ которыхъ говорилось о величіи, всевѣдннн, всемогуществѣ Бога истиннаго; они имѣютъ почти тотъ-же характеръ.

⁴⁾ Дан. 3, 99.

шаго ему сновидѣнія и кончая выздоровленіемъ и возвращеніемъ на престоль,—все, какъ оно было въ дѣйствительности. Указъ былъ написанъ, вѣроятно, не безъ вліянія самого пророка Даніила, которымъ, можетъ быть, былъ даже составленъ или редактированъ, такъ какъ въ немъ сильно просвѣчиваетъ теократическая идея и живое религиозное чувство, направлявшее мысли царя къ одному „Богу Всевышнему“. „Нынѣ я славлю, превозношу и величаю Царя Небеснаго“, говоритъ царь въ своемъ указѣ. „Царство Его—царство вѣчное, и владычество Его—въ роды и роды“. „И всѣ живущіе на землѣ ничего не значатъ; по волѣ Своей Онъ дѣйствуетъ какъ въ небесномъ воинствѣ, такъ и у живущихъ на землѣ, и нѣтъ никого, кто могъ-бы противиться рукѣ Его и сказать Ему: что Ты сдѣлалъ?“ Онъ „силенъ смирить ходящихъ гордо“; „знаменія Его велики и чудеса Его могущественны“; но и „всѣ дѣла Его истинны и пути праведны“¹⁾. Впрочемъ, языкъ и ходъ мыслей въ этомъ выраженіи религиозныхъ чувствъ у Навуходоносора подходятъ къ другимъ его воззваніямъ, направленнымъ преимущественно къ Меродаху, одному изъ главныхъ боговъ вавилонскихъ. Въ одной клинообразной надписи своей Навуходоносоръ называетъ этого бога „господомъ“²⁾, „великимъ господомъ“³⁾, „княземъ боговъ“⁴⁾, „господомъ боговъ“⁵⁾; всю славу своего собственнаго царствованія приписываетъ милости Меродаха и его сына Нево⁶⁾; говоритъ о могуществѣ перваго, простирающемся на всѣхъ людей⁷⁾, и т. д. Это внѣшнее сходство между языкомъ указа Навуходоносора (по книгѣ Даніиловой) и языкомъ другихъ его

¹⁾ Дан. 3, 100; 4, 31. 32. 34.

²⁾ *Schrader. Keil. Bibl. V. III—2. H. S. 29.*

³⁾ *Ibid.*, S. 23, 59.

⁴⁾ *Ibid.*, S. 29, 59.

⁵⁾ *Ibid.*, S. 25.

⁶⁾ *Ibid.*, S. 25, 29.

⁷⁾ *Ibid.*, S. 29.

воззваній, направленныхъ къ Меродаху, заставляетъ насъ сказать, что и въ этотъ разъ въ сущности не было какого-либо обращенія Навуходоносора къ Іеговѣ¹⁾: въ указѣ его проглядываетъ одно общее вѣрованіе большинства языческихъ народовъ въ верховное Божество, управляющее судьбами всѣхъ царствъ и народовъ; для вавилонянъ такимъ верховнымъ божествомъ и былъ Меродахъ, „князь и господинъ“ всѣхъ остальныхъ боговъ. Монотеистомъ же, поклонникомъ одного Іеговы, Навуходоносоръ никогда не былъ²⁾.

Недолго³⁾ ему пришлось и пожить послѣ своего выздоровленія отъ страшной болѣзни⁴⁾. Въ 562 г. до Р. Хр. знаменитый государь скончался послѣ 43-лѣтняго блестящаго царствованія.

¹⁾ Замѣчательно, что теперь Навуходоносоръ не говоритъ, напр., „Богъ вашъ“, т. е. Богъ Даніила и друзей его, Богъ іудейскій (Дан. 2, 47), „Богъ Седраха, Мисаха и Авденаго“ (Дан. 3, 95. 96)—съ опредѣленнымъ указаніемъ на Іегову, а только „Богъ Всевышній“ (Дан. 3, 99; 4, 31) и „Царь Небесный“ (Дан. 4, 34).

²⁾ Въ томъ-же своемъ указѣ Навуходоносоръ, наряду съ признаніемъ „Бога Всевышняго“ говоритъ и о „богахъ“ языческихъ, называя одного изъ нихъ даже по имени (Дан. 4, 5).

³⁾ По Придо, только 1 годъ.—*Prideaux. Histoire des juifs et des peuples voisins. T. I. P. 74 (66).*

⁴⁾ Преданіе разукрашаетъ исторію послѣднихъ дней Навуходоносора легендарными подробностями. Послѣ выздоровленія своего царь, говоритъ оно, не вкушалъ болѣе не только мяса и вина, но даже и хлѣба, а питался, по совету пророка Даніила, исключительно зеленью, размоченною въ водѣ, и тѣмъ умолялъ Бога о прощеніи грѣховъ своихъ. Даніила же хотѣлъ сдѣлать наследникомъ своего имущества вмѣстѣ со своими сновьями, но пророкъ отказался наследовать имущество „необрѣзанныхъ“.—*S. Epirhanii opera, t. II. P. 243.—Fabricius. Codex pseudepigraphus V. T. Vol. I. P. 1127—1128.*

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Пророкъ Даниль при преемникахъ Навуходоносора до паденія вавилонской монархіи.

Послѣ Навуходоносора вступилъ на вавилонскій престолъ сынъ его Евильмеродахъ и царствовалъ только 2 года (561—560)¹⁾; на второмъ году своего правленія онъ былъ убитъ²⁾ мужемъ сестры своей Нериглиссоромъ, стоявшимъ во главѣ партіи заговорщиковъ³⁾. Нериглиссоръ самъ занялъ престолъ

¹⁾ По прежнему, мы считаемъ годы царствованія вавилонскихъ государей согласно съ официальнымъ вавилонскимъ счетомъ.—Двухлѣтнее царствованіе приписываютъ Евильмеродаху Берозъ (I. *Флавій*. Противъ Аппіона. Кн. 1. Стр. 363), канонъ Птоломея и упомянутыя нами новооткрытыя контрактныя таблички, представляющія неопровержимый документъ для хронологіи этого періода. Помѣченная на нихъ послѣдняя хронологическая дата царствованія Евильмеродаха есть 5-е дузу (іюнь-іюль) 2-го года его царствованія (560 г.) (*Tiele*. *Babyl.-assyr. Geschichte*. 2. T. S. 424). Сомнительны, поэтому, свидѣтельство Флавія, будто Евильмеродахъ царствовалъ цѣлыхъ 18 лѣтъ (I. *Флавій*. Древн. іуд. Пер. Самуйлова. Ч. II. Стр. 164), и предположеніе автора „*σύντομος χρονική*“, дающаго тому-же государю 6 лѣтъ царствованія (*Bibliotheca graeca medii aevi*, ed. Sathas. Vol. VII. P. 14).

²⁾ По Верову, за свое распутство и жестокость (I. *Флавій*. Прот. Аппіона. Стр. 363); по предположенію же новѣйшихъ историковъ,—за свою благосклонность къ іудеямъ-плѣнникамъ (*Rawlinson G. The five great ancient monarchies*. T. III. London. 1873. P. 62.—*Smith. History of Babylonia*. London. 1877. P. 168).

³⁾ Объ этомъ свидѣлствуютъ Берозъ (I. *Флавій*. Прот. Аппіона. Стр. 363.—*Eusebius. Chroniconum canonum libri duo*. P. 41), Абиденъ (*Eusebius. Praeparatio evangelica*. P. 457) и др.

и царствовалъ около 4 лѣтъ (559—556)¹⁾. Во время войны съ персами онъ былъ убитъ и на престолъ вступилъ сынъ его Лаворосоардахъ, еще мальчикъ, царствовавшій только 9 мѣсяцевъ²⁾ и убитый партіей заговорщиковъ, среди которыхъ былъ и Набоннидъ, знатный вавилонянинъ, занявшій послѣ того вавилонскій престолъ³⁾. Сдѣлавшись царемъ (можетъ быть, впрочемъ, и ранѣе того), Набоннидъ, чтобы упрочить за собою престолъ, вступилъ въ бракъ съ одною изъ представительницъ царскаго рода вавилонскаго,—дочерью или внучкой знаменитаго Навуходоносора⁴⁾. Царствовалъ Набоннидъ цѣлыхъ 17 лѣтъ (554—538)⁵⁾ и пережилъ свое собственное низложеніе и паденіе вавилонской монархіи. Это былъ послѣдній вавилонскій царь, преемникъ Навуходоносора; послѣ него Вавилонъ переходитъ въ руки мидо-персидскихъ госу-

¹⁾ Такъ говорятъ Берозъ (I. *Флавій*. Прот. Аппіона. Стр. 363), птоломеевскій канонъ и контрактныя таблички (*Tiele. Bab.-ass. Gesch.* 2. T. S. 424). Флавій и тутъ ошибочно даетъ ему 40 лѣтъ царствованія (*Флавій*. Др. іуд. Ч. II. Стр. 164).

²⁾ О немъ говорятъ Берозъ (*Флавій*. Прот. Аппіона. Стр. 363), Абиденъ (*Eusebius. Praeparatio evangelica*. P. 457), самъ Флавій (Др. іуд. Ч. II. Стр. 164) и контрактныя таблички (*Tiele. S. 424, 466*).

³⁾ Богословскій (Свящ. исторія ветх. зав. Т. II. Стр. 148), Разумовскій (Св. пророкъ Даниль и его книга. СПб. 1891. Стр. 143) и др. почему-то предполагаютъ, будто Набоннидъ былъ сынъ Евильмеродаха. Между тѣмъ, самъ Набоннидъ въ своихъ клинообразныхъ надписяхъ называетъ своего отца, „мудраго князя“, Набубалатсунки (*Schrader. Keil. Bibl. V. III—2. H. S. 97, 115, 119, 121*). По Вигуру (*Die Bibel u. d. neueren Entdeckungen*. V. IV. S. 436) и Сайсу (*Alte Denkmäler im Lichte neuer Forschungen*. S. 177), „мудрый князь“ этотъ былъ начальникомъ вавилонскихъ халдеевъ.

⁴⁾ Такъ предполагаютъ Вигуру (*Die Bibel u. d. neuer. Entdeck.* V. IV. S. 436), Кнабенбауеръ (*Cornely, Knabenbauer, de Hummelauer. Circa scripturae sacrae*. V. T. p. III, libr. proph. IV. P. 168) и др. Въ древности иерѣико узурпаторы для упроченія своей власти женились на вдовахъ или дочеряхъ прежнихъ законныхъ государей (*Геродотъ*. Исторія. Пер. Мищенко. Т. I. Стр. 248, 260).

⁵⁾ Такъ говорятъ всѣ древніе историки (Берозъ, Абиденъ, Флавій), клинообразныя надписи, контрактныя таблички и т. п.

дарей—Дарія Мидянина, а затѣмъ—Кира. Каково было положеніе пророка Даниїла при дворѣ четырехъ преемниковъ Навуходоносора,—трудно сказать; но, судя по нѣкоторымъ даннымъ, вліяніе пророка стало слабѣе. Рѣзкой переменѣны, во всякомъ случаѣ, не было. Евильмеродахъ, благосклонный вообще къ іудеямъ и въ частности къ ихъ плѣнному царю Іехоніи, съ довѣріемъ и откровенностью, можно думать, относился и къ Даниїлу. Дальнѣйшіе же государи, кажется, или совершенно удалили пророка отъ своего двора, или отстранили его отъ нѣкоторыхъ почетныхъ должностей, оставивши на какомъ-либо малозначительномъ придворномъ посту; такъ было, напр., въ послѣдніе годы царствованія Набоннида. Чѣмъ объяснить такую переменѣну,—тоже можно строить только предположенія: вѣроятно, иноплеменное происхожденіе пророка Даниїла, его религіозныя и нравственныя убѣжденія наложили нѣкоторую тѣнь на взаимныя отношенія между пророкомъ и государами, уступавшими во всѣхъ отношеніяхъ знаменитому Навуходоносору, а главное—не испытанными еще на себѣ силы Бога іудейскаго и не имѣвшими, поэтому, должнаго уваженія къ Его пророку.

Набоннидъ въ послѣдніе годы царствованія сдѣлалъ своимъ соправителемъ своего старшаго сына Валтасара ¹⁾. Древніе историки (Берозъ, Абиденъ и др.) ни слова не говорятъ объ этомъ принцѣ-соправителѣ; между тѣмъ, въ исторіи пророка Даниїла онъ играетъ видную роль; понятно, поэтому, какъ важно

¹⁾ Валтасаромъ же назывался и самъ пророкъ Даниїль—по халдейскому своему имени. Хотя Вульгата и наши славянскій и русскій библейскіе тексты называютъ сына царя Набоннида и пророка Даниїла безразлично Валтасаромъ, но въ подлинномъ еврейско-арамейскомъ текстѣ имена того и другого пишутся и произносятся совершенно различно. Сынъ Набоннида назывался בַּלְטַשְׁצַר (Белшадаръ) (Дан. 5, 1; 7, 1; 8, 1); по клинообразному тексту Вилсарусуръ (Вилшаруцуръ) (*Schrader. Keil. Bibl. V. III—2. N. S. 83, 89, 97*), а пророкъ Даниїль דָּנִיֵּל (Делтешадаръ) (Дан. 1, 7). Мы придерживаемся правописанія славянской и русской Библии.

для насъ проясненіе этой исторической личности. Что у Набоннида дѣйствительно былъ сынъ Валтасаръ и что онъ являлся дѣятельнымъ помощникомъ, а потомъ и соправителемъ своего отца,—въ этомъ удостовѣряютъ насъ клинообразныя надписи царя Набоннида. Въ одной изъ этихъ надписей, открытыхъ недавно въ Урѣ, Набоннидъ заканчиваетъ свою молитву къ Сину слѣдующими словами: „меня, Набоннида, царя вавилонскаго, сохрани отъ какого-либо грѣха противъ твоего свѣтлаго божества и дай мнѣ въ удѣлъ долгую жизнь; а сердце Валтасара, моего первороднаго сына, моего наслѣдника, направь къ тому, чтобы онъ почиталъ твое свѣтлое божество; да не идетъ онъ путемъ грѣха, но да наслаждается счастьемъ жизни“ ¹⁾. Въ другой надписи того-же государя дважды приведена подобнаго рода фраза: „да наслаждаюсь я, Набоннидъ, царь вавилонскій, почитатель твоего свѣтлаго божества, счастьемъ жизни; а Валтасару, моему первородному сыну, продолжи дни его; да не уклоняется онъ во грѣхъ“ ²⁾. Какъ замѣтилъ по поводу этихъ надписей Ролинсонъ, такое упоминаніе наслѣднаго принца рядомъ съ именемъ самого царя есть чрезвычайно рѣдкій примѣръ изъ клинообразныхъ надписей; объяснить его можно только предположеніемъ, что этотъ принцъ еще при жизни отца былъ сдѣланъ его соправителемъ; вотъ почему отецъ и возноситъ молитву о его благоденствіи, благочестіи, справедливости рядомъ съ молитвою о себѣ самомъ ³⁾. Въ этихъ видахъ могъ Валтасаръ называться и царемъ, хотя фактически былъ только соправителемъ отца. Косвенное подтвержденіе того-же соправительства Валтасара можно находить и въ извѣстныхъ контрактныхъ табличкахъ, значительно пополняющихъ птоломеевскій канонъ и другіе историко-хронологическіе документы, въ которыхъ, напр., не называются

¹⁾ *Schrader. Keil. Bibl. V. III—2. N. S. 97.*

²⁾ *Ibid.*, S. 83—85, 89.

³⁾ *Allgemeine Zeitung*, 1855, 13. Juni.

государи, царствовавшие менше года или бывшие только соправителями. Между прочимъ, среди этихъ табличекъ сохранилась одна, содержащая въ себѣ документъ о продажѣ поля какимъ-то Аги-иттапси другому лицу Идина-Мардуку; документъ этотъ помѣченъ 3-мъ годомъ царя Мардуксарусура. Идина-Мардукъ, какъ видно изъ другихъ контрактowychъ табличекъ, впервые упоминается въ документѣ отъ 33-го года царя Навуходоносора (571 г.), а жилъ онъ до 3-го года Камбиза (526 г.); слѣдовательно, между Навуходоносоромъ и Камбизомъ царствовалъ и Мардуксарусуръ. Затѣмъ, въ качествѣ свидѣтелей при заключеніи торговой сдѣлки упоминается какой-то Инабитсагалцикирь, внукъ Музециба; самъ Музецибъ называется во многихъ документахъ отъ 8-го года Навуходоносора (596 г.); внукъ его долженъ былъ жить лѣтъ на 60 позже,—приблизительно около 536 г. Другіе свидѣтели (Набуискумъ, Идинанабу) упоминаются въ контрактахъ послѣднихъ годовъ царствованія Набоннида. Слѣдовательно, и Мардуксарусуръ долженъ былъ жить и царствовать около того-же времени. Но самое имя этого царя наводитъ на заключеніе, что здѣсь разумѣется тотъ-же Валтасаръ или, какъ онъ называется въ клинообразныхъ надписяхъ, Билсарусуръ. Различіе между тѣмъ и другимъ именемъ состоитъ только въ томъ, что въ составъ перваго входитъ имя бога Мардука или Меродаха, а въ составъ втораго—имя Вела или Вила (окончаніе „сарусуръ“ одно и то же и тамъ и здѣсь). Но это различіе не велико: многіе ассиріане и вавилоняне носили по нѣскольку именъ, различающихся только названіемъ того или другаго бога (Ассурбанипаль и Син-банипаль, Бал-пагиръ и Набу-пагиръ и т. п.). Съ этой стороны, различіе именъ Мардуксарусура и Билсарусура еще не говоритъ противъ тождества и единства лица, носившаго оба эти имени,—тѣмъ болѣе, что Виль и Меродахъ это были верховныя божества вавилонянъ, которыя нерѣдко отождествлялись другъ съ другомъ; а храмъ Вила, о

которомъ говоритъ и самъ пророкъ Данииль ¹⁾), былъ, вѣроятно, знаменитый храмъ Меродаха ²⁾).

Указанный нами документъ важенъ не только потому, что онъ говоритъ о существованіи Валтасара, сына Набоннидова, на что указываютъ и приведенныя нами раньше свидѣтельства,—но и прямо называетъ Мардуксарусура (Валтасара) царемъ и официально помѣчаетъ нотаріальный документъ 3-мъ годомъ его царствованія ³⁾. Едва ли, послѣ этого, можно сомнѣваться, что Набоннидъ въ послѣдніе годы своего царствованія раздѣлил свою царскую власть и права съ сыномъ своимъ Валтасаромъ. Вѣроятно, онъ, будучи самъ узурпаторомъ, хотѣлъ упрочить свою власть и за своимъ потомствомъ, а для того еще при жизни официально призналъ и объявилъ царемъ своего сына. Можетъ быть, этотъ Валтасаръ родился отъ дочери или внучки Навуходоносора, жены Набоннида ⁴⁾; а въ такомъ случаѣ поступокъ этого царя имѣетъ еще боль-

¹⁾ Дан. 14, 11.

²⁾ Противъ такого предположенія о тождествѣ Мардуксарусура съ Валтасаромъ, защищаемаго Вигуру (Die Bibel u. d. neueren Entdeckungen. B. IV. S. 449—451), высказывается Тиле (Bab.-ass. Geschichte. 2. T. S. 476), относя самый документъ, помѣченный 3-мъ годомъ Мардуксарусура, къ царствованію Нериглиссора. Но кто такой самъ Мардуксарусуръ, почему нотаріальный документъ помѣченъ датой этого невѣдомаго царя, а не Нериглиссора, и т. п.—на это Тиле по прежнему не даетъ никакого отвѣта.

³⁾ Этимъ годомъ и пророкъ Данииль отмѣчаетъ одно изъ бывшихъ ему видѣній (8, 1).

⁴⁾ Есть основаніе предполагать, что Валтасаръ носилъ даже имя Навуходоносора въ знакъ своего родства съ знаменитымъ государемъ. По крайней мѣрѣ, Дарій Гистаспъ въ своихъ клинообразныхъ надписяхъ сообщаетъ, что, когда противъ него два раза поднимались народныя возмущенія, то въ томъ и другомъ случаѣ предводители возставшихъ, стремясь къ тому, чтобы завладѣть престоломъ (хотя-бы обманомъ и хитростію), возглаголи къ своимъ приверженцамъ: „я—Навуходоносоръ, сынъ Набоннида“ (*Mémoires. Babylone et la Chaldée. P. 276, 277*). Впрочемъ, Дункеръ (*Duncker. Geschichte des Alterthums. IV. B. Leipzig. 1880. S. 365*) и Масперо (*Maspero. Histoire ancienne des peuples de l'orient. P. 608*) предполагаютъ, что этотъ Навуходоносоръ былъ *второй* сынъ Набоннида, а не тотъ-же Валтасаръ.

ший смыслъ, такъ какъ сынъ его, происходившій отъ царской крови, имѣлъ гораздо больше правъ на престолъ, чѣмъ самъ Набоннидъ ¹⁾. Нужно, притомъ, прибавить, что Валтасаръ въ исторіи послѣднихъ годовъ существованія вавилонской монархіи вообще играетъ не совсѣмъ мало важную роль: изъ клинообразныхъ надписей временъ Набоннида видно, что въ 7-й, 9-й, 10-й, 11-й годы его царствованія „сынъ царя“ Валтасаръ съ полководцами и войсками стоялъ въ землѣ аккадійской, въ то время какъ самъ царь былъ въ городѣ Тима ²⁾; слѣдовательно, еще въ сравнительно ранніе годы царствованія Набоннида Валтасаръ распорядился войсками и былъ уже извѣстною историческою личностію. Вполнѣ естественно, если въ послѣдствіи отецъ, по указаннымъ уже нами соображеніямъ, сдѣлалъ его и своимъ соправителемъ, предоставивши ему даже царскія права и царскій титулъ ³⁾.

¹⁾ Стефанъ Катрмеръ строитъ совершенно своеобразное и ничѣмъ не оправдываемое предположеніе, что Валтасаръ—это дѣйствительно внукъ Навуходоносора, царствовавшій вмѣстѣ съ узурпаторомъ Набоннидомъ, который, опасаясь за свою власть, вступилъ въ союзъ съ послѣднимъ царственнымъ потомкомъ Навуходоносора (Etienne *Quatremère*. „Memoires sur Darius le Mede et Balthazar, rois de Babylone“. Annales de philosophie chretienne, t. XVI, p. 95, p. 317).

²⁾ *Schrader*. Keil. Bibl. V. III—2. H. S. 131, 133. Правда, этотъ „сынъ царя“ не называется по имени, но весьма вѣроятно, что подъ нимъ разумѣется тотъ-же „первородный“ сынъ Набоннида Валтасаръ.

³⁾ Пророкъ Даниилъ въ своей книгѣ не упоминаетъ о преемникахъ Навуходоносора, но прямо переходитъ отъ него къ Валтасару, котораго называетъ „царемъ“ (5, 1; 7, 1; 8, 1) и годами царствованія котораго опредѣляетъ хронологическую послѣдовательность описываемыхъ имъ событій. Если принять во вниманіе все сказанное нами о личности Валтасара, особенно же указанный нами контрактный документъ отъ 3-го года Мардуксарурсура, то нечему будетъ и удивляться, почему пророкъ называетъ годы царствованія не Набоннида, а Валтасара,—потому именно, что Набоннида онъ оставляетъ въ сторонѣ, выдвигая на первый планъ личность Валтасара, важную для исторіи его же собственной дѣятельности, тѣмъ болѣе, что Валтасаръ этотъ пользовался такими же въ сущности правами, какъ и самъ Набоннидъ. Прибавимъ, что и Ксенофонтъ называетъ Валтасара „царемъ“ вавилонскимъ (*Ксенофонтъ*. Киропедія.

Личность Валтасара, такимъ образомъ, является вполнѣ опредѣленною ¹⁾.

Перев. Янчевецкаго. Стр. 139, 154, 157, 238, 239), присвоивъ этотъ титулъ именно Валтасару, а не Набонниду.

¹⁾ Нужно замѣтить, что не только прежніе, но и позднѣйшіе экзегеты, комментаторы и историки, оставляющіе безъ вниманія драгоценныя для насъ выводы клинообразныхъ надписей, останавливаясь предъ личностію упоминаемаго пророкомъ Данииломъ царя Валтасара, отождествляютъ его съ кѣмъ-либо инымъ изъ упоминаемыхъ Берозомъ, Абиденомъ и другими древними историками преемниковъ Навуходоносора. Вольшианство считаетъ Валтасара за Евильмеродаха (*Drexelius*. Daniel. P. 161.—*Kranichfeld*. D. Buch Daniel. S. 24—39.—*Kliefoth*. D. Buch Daniels. S. 143—155.—*Füller*. D. Profet Daniel. S. 124.—*Keil u. Delitzsch*. Bibl. Commentar über d. A. T. III, T., 5. B. S. 136—146.—*Lange*. Theol.-homilet. Bibelwerk. A. T. XVII. Th. S. 32—34.—*Fabre d'Élevieu*. Le livre du prophète Daniel. Paris. 1888. P. 358—409.—*Harenberg*. Aufklärung des Buches Daniel. S. 454—*Zündel*. Kritische Untersuchungen über d. Abfassungszeit d. Buches Daniel. S. 26—34.—*Hävernick*. Neue kritische Untersuchungen über d. Buch Daniel. Hamburg. 1838. S. 71.—Handbuch d. histor.-krit. Einleitung in d. A. T. V. II, Abth. 2. S. 476.—*Hoffmann*. Die 70 Jahre d. Jeremias u. d. 70 Jahrwochen Daniels. S. 44.—*Bergier*. Dictionnaire de Théologie. T. II. Toulouse. 1823. P. 436.—*Rockerath*. Biblische Chronologie. Münster. 1865. S. 123.—*Niebuhr*. Geschichte Assur's und Babel's. S. 91.—*Scheuchzer*. „Assyrische Forschungen“. Vierteljahrsschrift von Heidenheim. V. IV. H. 1.—*Schulze*. „Cyrus der Grosse“. Stud. u. Krit. 1853, H. III, S. 680.—*Смирновъ*. „Св. пророкъ Даниилъ и его книга“. Приб. къ Ряз. Еп. Вѣд., 1874 г., стр. 74).—*другіе*—за брата его, царствовавшего будто-бы 4 года (*Δωρόθεος*. Βιβλίον ιστορικόν. Σελ. 98.—*Ἀνωνόμου σύνοψις χρονική*. Bibliotheca graeca medii aevi. Vol. VII. P. 14), о существованія, а тѣмъ болѣе о царствованія котораго, однако, ничего неизвѣстно; третьи—за сына Евильмеродаха (*Sanctius*. Commentarii in Daniele prophetam. P. 218.—*Jachiades*. Paraphrasis in Daniele. P. 89.—*Münster*. Annotata ad libros propheticos. T. III. Francofurti ad M. 1695. P. 671.—*Prücknerus* M. Commentarius philologico-theologicus in omnes V. et N. T. libros. P. 212), о которомъ также не упоминаютъ древніа историческіа свидѣтельства; иѣкоторые—за Лаворосоардаха (*Grotius*. Annotationes in V. T. T. II. P. 357); иныя, наконецъ, за самого Набоннида (*I. Флавій*. Древности іудейскія. Пер. Самуйлова. Ч. II. Стр. 164.—*Michaelis*. Adnotationes in vaticinium Danielis. P. 161.—*Cornelius a Lapide*. Commentaria in Daniele prophetam. P. 1307.—*Calmet*. Commentaria in libros V. et N. T. T. VI. Venetiis. 1732. P. 465.—*Alber*. Interpretatio sacrae scripturae. T. XI. Pesthini. 1803. P. 50—53.—*Bertholdt*. Daniel. 2. Hälfte. S. 344, 356—358.—*Herbst*. Histor.-krit.

Въ первый годъ соправительства этого царя вавилонскаго пророкъ Данилъ видѣлъ сонъ, который предуказывалъ ему судьбу языческихъ монархій и наступленіе новаго, месіанскаго царства. Приснилось ему огромное море, которое

Einleitung in d. heiligen Schriften d. A. T. II. Th. 2. Abth. S. 90.—*Scholz*. Einleitung in d. heiligen Schriften d. A. u. N. T. III. Th. S. 502.—*Knobel*. Der Prophetismus der Hebräer. II. Th. S. 359.—*Winer*. Biblisches Realwörterbuch. I. B. 3. Aufl. Leipzig. 1847. S. 151, 152.—*Prideaux*. Histoire des juifs et des peuples voisins. T. I. P. 71, 72.—*Hess*. Geschichte der Israeliten. B. XI. S. 164.—*Hengstenberg*. Geschichte des Reiches Gottes unter dem Alten Bunde. II. Periode, 2. Hälfte. Berlin. 1871. S. 271.—Histoire universelle, composée par une société de gens de lettres. T. VII. Paris. 1779. P. 82.—*Бухаревъ*. О подлинности и плѣсти св. книга прор. Исаи, Иереміа, Іезекіиля и Данила. Стр. 143). Предположеній этихъ, конечно, ничѣмъ нельзя оправдать: не только нѣтъ данныхъ приписывать кому-либо изъ названныхъ преемниковъ Навуходоносора, кромѣ извѣстнаго намъ его историческаго имени, еще имя Валтасара, но и судьба послѣдняго царя вавилонскаго представляется настолько различною у древнихъ историковъ (особенно Бероза и Ксенофонта), что Кейль, напр., становится рѣшительно втупикъ предъ взаимными противорѣчіями историческихъ показаній; примирить ихъ можно только при сопоставленіи съ повѣствованіемъ книги Данииловой, подъ условіемъ предположенія двухъ послѣднихъ царей въ Вавилонѣ—Набоннида и Валтасара, на что указываютъ прямо и клинообразныя надписи.—Нельзя пройти молчаніемъ еще своеобразнаго воззрѣнія на личность „царя“ Валтасара проф. В. В. Болотова. Въ Дан. 5, 2. 11. 13. 18. 22 и Вар. 1, 11. 12, говорить онъ, Валтасаръ называется сыномъ Навуходоносора; имя его поставлено послѣ имени Навуходоносора такъ же, какъ въ „цилиндрѣ Кира“ имя Камбиза—подлѣ имени отца его Кира; очевидно, въ 583 г. Валтасаръ, сынъ Навуходоносора, былъ всѣми признанный наслѣдникъ вавилонскаго престола; вѣроятно, впослѣдствіи онъ былъ отстраненъ отъ престола, такъ какъ преемникомъ Навуходоносора сдѣлался другой сынъ его Евильмеродахъ; тѣмъ не менѣе, въ 560 г. партія легитимистовъ провозгласила Валтасара царемъ вавилонскимъ; но, такъ какъ въ самомъ Вавилонѣ партія Нериглиссора была сильнѣе легитимистовъ, то Валтасару пришлось перенести свой престолъ въ Сузы (эламской области), гдѣ его признавали царемъ и по годамъ царствованія его вели лѣтосчисленіе (*Болотовъ* В. „Валтасаръ и Дарій Мидяннинъ“. Христ. Чтеніе, 1896, сентябрь—октябрь, стр. 284—285, 316—317, 324—325). Въ какомъ смыслѣ Валтасаръ называется „сыномъ“ Навуходоносора,—объ этомъ мы скажемъ нѣсколько позже. Теперь же считаемъ нужнымъ противопоставить воззрѣнію проф. Болотова слѣдующія соображенія. Наряду съ „цилиндромъ Кира“, гдѣ этотъ царь возноситъ молитву о себѣ и сынѣ своемъ Камбизѣ (*Schrader*. Keil. Bibl. B. III—2. II. S.

взволновали четыре вѣтра небесныя и изъ котораго, затѣмъ, вышли четыре необыкновенныхъ звѣря, отличныхъ одинъ отъ другого. Первый звѣрь былъ похожъ на льва ¹⁾, но съ орлиными крыльями; крылья эти у него были выдернуты и, вслѣдъ затѣмъ, онъ сталъ на ноги прямо, подобно человѣку, и сталъ размышлять и чувствовать по человѣчески. Другой звѣрь былъ похожъ на медвѣдя ²⁾ въ полустоячемъ положеніи, съ тремя клыками во рту между зубами; ему говорили: „встань, ѣшь мяса много!“ Третій звѣрь былъ похожъ на барса ³⁾ съ четырьмя птичьими крыльями на спинѣ и четырьмя головами ⁴⁾.

125, 127), мы имѣемъ надписи и Набоннида, гдѣ онъ неоднократно молится о себѣ и рядомъ—о Валтасарѣ, своемъ первородномъ сынѣ и наслѣдникѣ (*ibid.*, S. 83—85, 89, 97). Не повторяемъ всего того, что уже сказано нами по поводу личности „царя“ Валтасара. Обращаемъ вниманіе еще на два видѣнія прор. Данила, бывшія ему въ 1-й и 3-й годъ Валтасара (Дан. 7, 1; 8, 1). Въ первомъ видѣніи, какъ увидимъ нѣсколько позже, пророку открывается судьба четырехъ царствъ, начиная съ вавилонскаго, а во второмъ—судьба двухъ царствъ, начиная уже съ мидо-персидскаго. Не значить ли это, что вавилонское царство, которое въ 1-й годъ Валтасара было еще могущественнымъ, мировымъ царствомъ, въ 3-й годъ его уже явно доживало свои послѣдніе дни, что едва ли могло-бы быть, еслибы Валтасаръ царствовалъ, какъ говоритъ проф. Болотовъ, ок. 559—555 г., т. е. былъ современникомъ по царствованію Нериглиссора. Что же касается предположенія В. В. Болотова о Сузахъ, какъ мѣстѣ царствованія Валтасара, то оно, кажется, опирается на Дан. 8, 2; между тѣмъ, это библейское мѣсто, какъ увидимъ впереди, имѣетъ совершенно иной смыслъ.

¹⁾ Въ слав. „львица“ (Дан. 7, 4).

²⁾ Слав. „медвѣдица“ (Дан. 7, 5).

³⁾ Слав. „рысь“ (Дан. 7, 6).

⁴⁾ Характеръ и содержаніе этого видѣнія Даниилова указываетъ всецѣло на вавилонское происхожденіе его. Левъ, медвѣди, бараны, леопарды и т. п.—были обыкновеннымъ воспроизведеніемъ ассири-вавилонской скульптуры (*Schrader*. Keil. Bibl. B. III—1. II. 145). Особенно изваянія крылатыхъ львовъ и барельефныя изображенія были такъ обычны въ Вавилонѣ, что ихъ можно было видѣть вездѣ, какъ показываютъ новѣйшія ассири-вавилонскія раскопки (*Vigouroux*. Die Bibel u. d. neueren Entdeckungen. B. IV. S. 485—486). Пророку Даниилу, видѣвшему много разъ скульптурныя изображенія подобнаго рода животныхъ, и самое видѣніе представилось подъ этими именами обычными образами. У другихъ пророковъ (кромѣ Іезекіиля, жившаго тоже въ Вавилонѣ) такихъ символическо-поэтическихъ описаній и картинъ вовсе нѣтъ.

Четвертый же звѣрь былъ что-то страшное и ужасное; онъ отличался необыкновенной силой; его желѣзные зубы были громадны; ими онъ пожиралъ и разрывалъ на части, а остатки топталъ ногами; когти у него были мѣдные; имѣлъ онъ 10 роговъ, среди которыхъ явился еще одинъ малый рогъ, причемъ три прежніе рога были исторгнуты съ корнемъ, а малый рогъ возросъ и сталъ по виду больше прочихъ; на немъ явились глаза, подобныя человѣческимъ, и уста, начавшія богохульствовать; рогъ этотъ сталъ преслѣдовать святыхъ и угнеталъ ихъ. Но въ то же время были поставлены престолы для суда и на нихъ возсѣлъ „Ветхій днѣми“¹⁾; одежда Его была бѣлая, какъ снѣгъ, волосы, какъ чистая волна²⁾; престолъ Его, какъ пламень огненный, колеса изъ пылающаго огня³⁾; предъ Нимъ выходила и протекала широкая огненная рѣка. Ему служило безчисленное множество высшихъ духовныхъ существъ,—тысячи тысячъ и тмы темъ ихъ окружали престолъ Судіи⁴⁾. Раскрыли книги⁵⁾ и начался судъ. Четвертый звѣрь, рогъ котораго богохульствовала, былъ убитъ, а тѣло его брошено въ огненную рѣку; другіе звѣри были лишены своего могущества и силы, но до времени оставлены въ живыхъ. Въ то самое время на облакахъ появился Кто-то, подобный Сыну человѣческому⁶⁾; Онъ дошелъ до Ветхаго днѣми и отъ Него принялъ власть, славу и царство; всѣ земныя царства, всѣ племена и народы стали служить Ему, Его же собственное царство стояло во вѣки нерушимо.—Видя столь знаменательное явленіе, про-

¹⁾ Ср. Пс. 9, 5.

²⁾ Описание „Ветхаго днѣми“ тоже носитъ на себѣ слѣды вавилонскаго вліянія. На вавилонскихъ барельефахъ иерѣдко изображались колоссальныя фигуры съ волнистыми волосами, курчавой бородой, въ длинныхъ туникахъ и т. д. (*Vigouroux. Die Bibel u. d. neueren Entdeckungen. B. IV. S. 484.*)

³⁾ Ср. Іез. 1, 26—27.

⁴⁾ Ср. Втор. 33, 2; 3 Цар. 22, 19; Неем. 9, 6; Пс. 102, 20.

⁵⁾ Ср. Исх. 32, 32; Пс. 68, 29; Ис. 4, 3; Мал. 3, 16; Лук. 10, 20; Фил. 4, 3; Апок. 3, 5; 20, 15.

⁶⁾ Мѡ. 24, 30; 26, 64; Мр. 13, 26; 1 Сол. 4, 17; Апок. 1, 7; 14, 14.

рокъ Даніиль вострепеталъ и смутился (дѣло было во снѣ, а не наяву) и подошелъ къ одному изъ окружавшихъ престолъ Судіи съ вопросомъ о значеніи всего происходившаго вокругъ него. Тотъ объяснилъ, что четыре звѣря обозначаютъ четырехъ царей земныхъ, послѣ которыхъ откроется вѣчное царство святыхъ Всевышняго; что же касается въ частности четвертаго страшнаго звѣря, превосходившаго всѣхъ другихъ своимъ необычайнымъ видомъ, своею яростью и могуществомъ надъ святыми, то, по объясненію того-же собесѣдника, онъ означалъ собою четвертое міровое царство, которое не только будетъ отлично отъ другихъ предшествующихъ ему царствъ, но само сокрушитъ и уничтожитъ всѣ эти царства. 10 роговъ страшнаго звѣря означаютъ 10 царей четвертаго царства, а малый рогъ—это еще одинъ отличный отъ всѣхъ царь, который истребитъ трехъ предшествующихъ ему царей, который будетъ самъ богохульствовать и притѣснять поклонниковъ Бога вышняго. Онъ задумаетъ даже измѣнить праздничныя времена и законъ по своему и своею властію, дѣйствительно, будетъ пользоваться въ теченіе „времени, временъ и полувремени“. Но затѣмъ произойдетъ судъ надъ нимъ; у него отнимутъ власть, а самого его подвергнуть истребленію; царство, власть и слава переданы будутъ святымъ Всевышняго и это послѣднее царство будетъ царствомъ вѣчнымъ и всеобъемлющимъ¹⁾.—

¹⁾ О какихъ царствахъ открылъ Богъ пророку Даніилу въ изложенномъ нами видѣніи его? Приступая къ отвѣту на этотъ вопросъ, нельзя не замѣтить несомнѣнной параллели самаго пророческаго видѣнія Даніила съ знаменательнымъ сновидѣніемъ царя Навуходоносора, изложеннымъ во 2-й главѣ книги Даніиловой: что язычнику царю, стремившемуся къ блеску, роскоши, представилось подъ видомъ блестящихъ металловъ, то самое богодухновенному пророку открылось подъ символами болѣе реальными—живыхъ существъ, различныхъ по качествамъ и особенностямъ, какъ и символизуемымъ ими міровыя явленія. Четыре большіе звѣря, вышедшіе изъ моря, означаютъ, по объясненію небожителя, „что четыре царя возстанутъ отъ земли“ (Дан. 7, 17). Рѣчь, ие-

Видѣніе это произвело чрезвычайно сильное впечатлѣніе на пророка: онъ смутился и даже перемѣнился на лицѣ; но сущность видѣнія и объясненіе его небожителемъ глубоко вѣд- рились въ душу пророка и всегда были свѣжи въ его памяти.

сомнѣнно, идетъ о четырехъ не царяхъ, а царствахъ, какъ видно изъ даль- ийшихъ словъ небожителя пророку: „звѣрь четвертый—четвертое царство бу- деть на землѣ, отличное отъ всѣхъ царствъ“ (Дан. 7, 23); слѣдовательно, и три прежніе звѣря означаютъ собою три предшествующія четвертому царства, а не только царей. Первое царство представлено подъ образомъ льва съ орли- ными крыльями,—царя звѣрей и царя птицъ,—невольно указывающимъ, какъ и золотая голова приснившася Навуходоносору истукана, на царство величе- ственное: сила, хищность, быстрота льва и орла—вотъ качества, характеризую- щія отличительныя черты перваго царства. Останавливаясь на этихъ призна- кахъ, мы вправѣ приписать ихъ царству вавилонскому, которое и у другихъ современныхъ Даниилу или близкихъ къ его времени пророковъ изображается подъ символами льва и орла (Иер. 2, 15; 4, 7; 5, 6; 48, 40; 49, 19, 22; 50, 17; Плачъ Иер. 4, 19; Иез. 17, 3, 12; Авв. 1, 8). Орлиныя крылья на спинѣ у льва указы- ваютъ, естественно, на могучую власть Вавилона, которой въ непродолжитель- номъ времени онъ лишился, потерявъ вмѣстѣ съ нею свою хищность, быстроту и силу: крылья у льва были выдернуты и, вслѣдъ затѣмъ, хищный звѣрь сталъ на ноги прямо и вмѣсто хищническихъ инстинктовъ сталъ размышлять и чув- ствовать, подобно кроткому человѣку. Второе царство изображено подъ симво- ломъ ненасытнаго медвѣдя: свирѣтость, прожорливость его наглядно указываютъ на слѣдующее за вавилонскимъ мидо-персидское мировое царство, дѣйствительно ненасытное въ своихъ завоеваніяхъ, какъ говоритъ о немъ исторія. Три клыка во рту медвѣдя указываютъ на Вавилонъ, Мидію и Персію, соединенныя и объединенныя подъ властію Кира и преемниковъ его, поставившія общюю для себя цѣлю стремиться къ удовлетворенію ненасытныхъ влеченій своихъ воин- ственныхъ персидскихъ царей. Символомъ третьяго царства служить барсъ съ четырьмя птичьими крыльями на спинѣ и четырьмя головами. Кровожадность этого звѣря, его необыкновенная быстрота и стремительность при захватѣ до- бычи ясно указываютъ на блестящее и славное своими воинственными добле- стями царство греко-македонское, сильное, стремительное, распространившееся въ лучшую пору своей исторіи „до предѣловъ земли“ (1 Макк. 1, 1—4). Че- тыре крыла на спинѣ у барсы указываютъ на четыре страны свѣта, по кото- рымъ простерлась власть этого царства при блестящемъ представителѣ его Александрѣ В., „господствовавшемъ надъ областями и народами и властителями“ и заставившемъ „землю умолкнуть предъ нимъ“ (1 Макк. 1, 3—6); а четыре головы у того-же звѣря—на четыре главы-правителя громадной монархіи Александра В., раздѣлившихъ ее между собою послѣ его смерти. Наконецъ

Въ третій годъ царствованія Валтасара пророкъ Данииль имѣлъ другое видѣніе, предуказывавшее ему судьбу близкихъ къ тому времени двухъ языческихъ государствъ. Представи- лось ему, будто онъ былъ въ Сузахъ ¹⁾, престольномъ городѣ

четвертый звѣрь, страшный и ужасный, необыкновенно сильный, съ мѣдными когтями и громадными желѣзными зубами, которыми онъ пожиралъ и разры- валъ, а остатки попирали ногами, означаетъ, по словамъ небожителя, что „четвертое ~~будетъ~~ будетъ на землѣ . . . ., которое будетъ пожирать всю землю, поирать и сокрушать ее“ (Дан. 7, 23). Это послѣднее мировое цар- ство, всеокрушающее, съ желѣзными зубами, страшное и ужасное для пред- шествующихъ ему царствъ, есть царство римское, воживавшее въ свое время всю землю, попиравшее и сокрушавшее все на пути къ обладанію тогдашнимъ міромъ. Десять роговъ страшнаго звѣря, явившіяся среди нихъ малый рогъ, уста котораго стали богохульствовать, а самый рогъ сталъ преслѣдовать свя- тыхъ и угнетать ихъ,—все это, по словамъ небснаго собесѣдника пророка, указываетъ на будущія событія: „десять роговъ значатъ, что изъ этого царства возстанутъ десять царей, и послѣ нихъ возстанетъ иной, отличный отъ преж- нихъ, и уничтожитъ трехъ царей, и противъ Всевышняго, будетъ произносить слова и угнетать святыхъ Всевышняго; даже возмечтаетъ отиѣнить у нихъ праздничныя времена и законъ, и они будутъ преданы въ руку его до времени, временъ и полувременъ“ (Дан. 7, 24—25). Нельзя не видѣть въ этомъ „иномъ“ царѣ будущаго сильнаго врага христіанства, который устами своими будетъ говорить „гордо и богохульно“, станетъ изрекать „хулу на Бога“, „хулить имя Его и жилище Его, и живущихъ на небѣ“, будетъ „вести войну со свя- тыми и побѣждать ихъ“, простретъ власть свою „надъ всякимъ колѣномъ и на- родомъ, и языкомъ и племенемъ“ и властію этою будетъ пользоваться „сорокъ два мѣсяца“ (Апок. 13, 5—7; ср. 2 Сол. 2, 3—10). Владычество антихриста кончится судомъ надъ нимъ: врагъ Господа и святыхъ Его будетъ лишень „вла- сти губить и истреблять до конца“ (Дан. 7, 26), самъ будетъ лишень жизни и „тѣло его будетъ предано на сожженіе“ огню (Дан. 7, 11; Апок. 19, 20; 2 Сол. 2, 8), послѣ чего „Синъ Человѣческой“ приметъ отъ Отца „власть, славу и царство“, съ Нимъ воцарятся „святые Всевышняго“ и это новое славное царство будетъ царствомъ „вѣчнымъ“, которое „не преидетъ и не разрушится“; „всѣ народы, племена и языки“ будутъ „служить“ Всевышнему Царю и „пови- новаться Ему“ (Дан. 7, 14, 18, 27; Апок. 19, 1, 4—7; 21, 1).

¹⁾ Предполагаютъ, будто пророкъ дѣйствительно былъ въ Сузахъ и здѣсь имѣлъ свое видѣніе (I. Флавій. Древности іудейскія. Пер. Самуилова. Ч. II. Стр. 169.—Bertholdt. Daniel. II. Hälfte. S. 482.—Kuene. Histor.-krit. Einlei- tung in d. Bücher d. A. T. II. T. S. 435.—Cornely, Knabenbauer, de Humme- lauer. Cursus scripturae sacrae. P. I. Introd., vol. II, 2. P. 469.—Вологодъ.

въ эламской области, на рѣкѣ ¹⁾ Улаѣ ²⁾. Здѣсь ³⁾ онъ увидѣлъ барана, стоявшаго противъ теченія рѣки, съ двумя боль-

„Валтасаръ и Дарій Мидянинъ“. Христ. Чтеніе, 1896, сентябрь—октябрь, стр. 317), будто онъ или временно посланъ былъ сюда для исполненія какого-либо порученія (по Вертольду, для собиранія податей), или совершенно былъ удаленъ отъ двора въ правленіе Набвида и Валтасара и отправленъ правителемъ су-санской области (Корнелъ), или, наконецъ, добровольно выбылъ изъ Вавилона и переселился въ Сузы (по взгляду Болотова, ко двору Валтасара, царствовавшего не въ Вавилонѣ, а въ Сузахъ). На самомъ же дѣлѣ, пророку въ видѣніи только представилось, будто онъ былъ въ Сузахъ (какъ показывается смыслъ самаго текста Дан. 8, 2), подобно тому, какъ и пророкъ Іезекіиль только мыслю, а не реально былъ въ Іерусалимѣ (Іез. 8, 3; 40, 2).

¹⁾ Видѣніе пророкъ получаетъ у рѣки (Дан. 8, 2). Нельзя ли и въ этомъ обстоятельстве видѣть одно изъ многочисленныхъ доказательствъ вавилонскаго происхожденія какъ самаго видѣнія, такъ, разумѣется, и всей книги Даніиловой? Тоже мы видимъ у пророка Іезекіила, жителя Вавилона (Іез. 1, 1. 3). Вавилонъ вообще отличался обиліемъ рѣкъ.

²⁾ Сузы во времена пророка Даніила были главнымъ городомъ области эламской (или Элимаиды), завоеванной Навуходоносоромъ въ числѣ прочихъ многочисленныхъ областей и городовъ (Іер. 25, 15; 49, 34; Іез. 32, 24). Построенъ этотъ городъ, по свидѣтельству древнихъ историковъ и географовъ, Тавономъ, отцомъ Мемнона, современника осады Трон, почему и назывался часто „мемноновыми Сузами“, „мемноновымъ городомъ“ (*Страбонъ*. Географія. Пер. Мищенко. Стр. 744.—*Геродотъ*. Исторія. Пер. Мищенко. Т. II. Стр. 26, 197). Во времена Кира Сузы стали еще болѣе значительнымъ городомъ и сдѣлались резиденціей персидскихъ царей на весеннее время года (*Ксенофонтъ*. Киропедія. Пер. Лячевецкаго. Стр. 290). Тѣже персидскіе цари отдѣляли отъ Элимаиды особую сатрапію Сузіану и сдѣлали Сузы главнымъ городомъ послѣдней (*Страбонъ*. Стр. 760), такъ что при первыхъ персидскихъ царяхъ Сузы становятся уже городомъ не Элимаиды, какъ при Навуходоносорѣ и его преемникахъ на вавилонскомъ престолѣ, а Сузіаны. Расположены были Сузы на рѣкѣ Улаѣ или Увалѣ (Euläus) (нижній Карунъ къ востоку отъ Сузъ), отличной, однако, отъ Хоаспы, протекавшей тоже вблизи Сузъ, по другую сторону города (*Schrader*. Keil. Bibl. V. II. S. 183.—*Геродотъ*. Исторія; т. I, стр. 97; т. II, стр. 23, 25.—*Страбонъ*. Стр. 47, 745).

³⁾ Флавій нѣсколько иллюстрируетъ обстановку этого видѣнія. Онъ сообщаетъ, что пророкъ въ Сузахъ вышелъ съ товарищами на поле; вдругъ случилось землетрясеніе, спутники пророка разбѣжались, а самъ онъ палъ на землю и лежалъ ницъ, пока кто-то не поднялъ его и не велѣлъ ему смотрѣть видѣніе (*И. Флавій*. Древности іудейскія. Пер. Самуйлова. Ч. II. Стр. 169). Очевидно, Флавій примѣшалъ сюда повѣствованіе о видѣніи, бывшемъ Даніилу въ 3-й годъ царствованія Кира (Дан. 10, 7—11).

шими рогами, изъ которыхъ одинъ былъ сначала меньше другого, но потомъ выросъ и сталъ гораздо больше его. Баранъ этотъ бодалъ на западъ, сѣверъ и югъ, побѣждалъ и истреблялъ всѣхъ другихъ звѣрей, изъ которыхъ ни одинъ не могъ сразиться съ нимъ. Между тѣмъ, съ запада шелъ, проходя всю землю, козелъ съ громаднымъ рогомъ между глазами, двинулся на стоящаго у рѣки барана, съ яростью бросился на него, сломалъ оба его рога, повергнулъ на землю и топталъ ногами, никто не могъ сразиться съ козломъ, который, въ свою очередь, сталъ чрезвычайно сильнымъ; но тогда и у него самого сломался большой рогъ его, вмѣсто котораго выросли четыре другіе съ четырехъ сторонъ свѣта; отъ одного изъ этихъ роговъ выросъ еще небольшой рогъ, который, затѣмъ, чрезвычайно разросся по направленію къ югу, востоку и „прекрасной странѣ“; онъ достигъ мѣста обитанія воинства небеснаго и повергнулъ на землю часть этого воинства и звѣздъ; онъ посягнулъ даже на Вождя воинства небеснаго, такъ что служеніе Ему, ежедневныя жертвы были оставлены, святилище Его было осквернено и запущено; нечестивый рогъ безнаказанно и успѣшно уничтожалъ и отмѣнялъ самый законъ. Въ это время пророкъ Даніиль услышалъ, какъ одинъ святой спрашивалъ другого, долго ли будетъ продолжаться это беззаконіе, это насиліе надъ святилищемъ, надъ жертвами и всѣмъ священнымъ,—и пророкъ получилъ отвѣтъ, что только чрезъ 2300 дней нечестіе прекратится и святилище будетъ очищено и восстановлено по прежнему. Между тѣмъ, когда самъ пророкъ старался разгадать смыслъ знаменательнаго видѣнія, къ нему подошелъ какой-то мужъ и раздавшійся изъ середины Улаи голосъ человѣческой обратился къ таинственному мужу со словами: „Гавріиль! объясни ему это видѣніе!“ Тотъ подошелъ ближе къ пророку, но Даніиль до того испугался одного вида небеснаго посланника, что палъ на землю. Архангелъ Гавріиль сказалъ ему: „знай, сынъ человѣческой, что видѣніе отпослано къ концу времени!“ Пророкъ

еще больше ужаснулся, слыша надъ собою слова небожителя, такъ что даже лишился чувствъ; но архангелъ прикоснулся къ нему, поднялъ его, поставилъ на ноги и сказалъ: „вотъ я открываю тебѣ, что будетъ въ послѣдніе дни гнѣва; ибо это относится къ концу опредѣленнаго времени. Овень, котораго ты видѣлъ съ двумя рогами, это цари мидійскій и персидскій. А козель косматый—царь Греціи, а большой рогъ, который между глазами его, это—первый ея царь; онъ сломился, и вмѣсто него вышли другіе четыре: это—четыре царства возстанутъ изъ этого народа, но не съ его силою. Подъ конецъ же царства ихъ, когда отступники исполнятъ мѣру беззаконій своихъ, возстанетъ царь наглый и искусный въ коварствѣ; и укрѣпится сила его, хотя и не его силою, и онъ будетъ производить удивительныя опустошенія и успѣвать и дѣйствовать и губить сильныхъ и народъ святыхъ, и, при умѣ его, и коварство будетъ имѣть успѣхъ въ рукахъ его; и сердцемъ своимъ онъ превознесетъ и среди мира погубить многихъ и противъ Владыки владыкъ возстанетъ, но будетъ сокрушенъ—не рукою. Видѣніе же о вечерѣ и утрѣ, о которомъ сказано, истинно; но ты сокрой это видѣніе, ибо оно относится къ отдаленнымъ временамъ“¹⁾. Видѣніе это своею таинственностью, которой

¹⁾ Какія царства и цари и какія историческія событія разумѣются въ данномъ видѣніи пророка Даниила? Оно предсказываетъ, главнымъ образомъ, судьбу двухъ только царствъ, представленныхъ подъ образами двухъ животныхъ—барана и козла,—царствъ мидо-персидскаго и греко-македонскаго, какъ видно изъ самаго объясненія видѣнія со стороны небожителя. О вавилонскомъ царствѣ здѣсь уже не говорится ни слова, такъ какъ оно въ то время явно доживало свои послѣдніе дни и судьба его, какъ міроваго именно царства, заканчивалась. Видѣніе касается слѣдующихъ царствъ, всемірно-историческое значеніе которыхъ было еще дѣломъ будущаго. Баранъ и козель означаютъ, по словамъ арх. Гавріила, первый—„царей мидійскаго и персидскаго“, а второй—„царя Греціи“ (Дан. 8, 20, 21). Въ данномъ случаѣ, какъ и въ прежнихъ видѣніяхъ пророка Даниила, совершенно естественно видѣть подъ образами двухъ животныхъ не царей—личности, а цѣлыя царства: большой рогъ между глазами козла означаетъ перваго царя греческаго (Дан. 8, 21), четыре другихъ рога у того-же козла—четыре царства (Дан. 8, 22); тѣмъ болѣе разумѣются цѣлыя

пророкъ все-таки не могъ вполне раскрыть, и вмѣстѣ глубокою знаменательностію еще сильнѣе предыдущаго поразило

царства подъ самостоятельными образами отдѣльныхъ животныхъ. Итакъ, баранъ двумя рогами своими изображаетъ царства мидійское и персидское, или правильнѣе—одно міровое и въ сущности нераздѣльное царство мидо-персидское, начавшее свою политическую исторію, какъ именно мидійское, но вскорѣ затѣмъ совершенно затмившее послѣднее, ставши собственно персидскимъ. На это указываютъ въ частности видѣнія Даниилова: одинъ изъ двухъ роговъ барана былъ сначала меньше другого, но потомъ выросъ и сталъ гораздо больше его (Дан. 8, 3). „Овень этотъ бодалъ къ западу и къ сѣверу и къ югу, и никакой звѣрь не могъ устоять противъ него, и никто не могъ спасти отъ него; онъ дѣлалъ, что хотѣлъ, и величался“ (Дан. 8, 4);—пророчество о многочисленныхъ завоеваніяхъ персидскаго царства при Кирѣ и его преемникахъ, о блестящихъ походахъ этихъ царей на западъ (малоазійскія государства и города, Сирія, Вавилонъ и др.), сѣверъ (народы понтійскіе и скивскіе) и югъ (Египетъ), о военной славѣ знаменитаго и неопредѣляемаго въ свое время государства. Козель же косматый—это, по объясненію небожителя, царство греческое (Дан. 8, 21), върнѣе—греко-македонское, какъ видно изъ указанія на дальнѣйшую судьбу этого царства,—а большой рогъ между глазами козла означаетъ перваго царя этого царства (Дан. 8, 21)—Александра Великаго, сдѣлавшаго свою монархію дѣйствительно неопредѣлимую и „возвеличившаго“ ее въ возможной только для его времени степени (Дан. 8, 7, 8). Направившись съ запада, козель прошелъ чью землю, двинулся на барана, стоявшаго у рѣки, съ яростью бросился на него, сломалъ оба его рога, повергъ овна на землю и растопталъ его (Дан. 8, 5—7);—пророческое значеніе этого образа ясно: Александръ Великій съ запада (изъ предѣловъ своего государства) двигался съ военною силою, „прошелъ до предѣловъ земли“, „произвелъ много войнъ“, „овладѣлъ многими укрѣпленными мѣстами“, „взялъ добычу отъ множества народовъ“, пошелъ и на Дарія Кодомана, „царя персидскаго и мидійскаго“, у котораго отнялъ и славу и царство, „воцарившись вмѣсто него надъ Елладой“, „господствуя и надъ другими областями и народами и властителями, сдѣлавшимися его данниками“, такъ что „умолкла земля предъ нимъ, и онъ возвысился, и вознеслось сердце его“ (1 Макк. 1, 1—4). Но когда козель „услылся“, большой рогъ его сломился и вмѣсто него выросли четыре другіе съ четырехъ сторонъ свѣта (Дан. 8, 8);—едва достигши своей славы, царство греко-македонское потеряло своего знаменитаго вождя—Александра Великаго, вмѣстѣ съ которымъ лишилось и значительной доли своего могущества и силы; громадная монархія, по завѣщанію, впрочемъ, самого Александра (1 Макк. 1, 5—6), раздѣлилась на четыре новыя царства, меньшія, разумѣется, какъ по величинѣ, такъ и по силѣ (Дан. 8, 22): македонское (Македонія и Греція), сирійское (Сирія, Вавилонъ и Персія), еракійское (Фракія, Вионія и азіатскія владѣнія вдоль Геллесонта и

Даніила: оно до того нарушило его внутренній миръ и произвело такое горькое, болѣзненное впечатлѣніе на воспримчивую

Восфора) и египетское (Египеть, Ливія, Аравія и Палестина). „Отъ одного изъ этихъ четырехъ роговъ вышелъ небольшой рогъ, который чрезвычайно разросся къ югу и къ востоку и къ прекрасной странѣ, и вознесся до воинства небеснаго, и низринулъ на землю часть сего воинства и звѣздъ и попралъ ихъ, и даже вознесся на Вождя воинства сего, и отнята была у Него ежедневная жертва, и поругано было мѣсто святости Его, и воинство предано вмѣстѣ съ ежедневною жертвою за нечестіе, и онъ, повергая истину на землю, дѣйствовалъ и успѣвалъ“ (Дан. 8, 9—12). По объясненію этого небожителемъ, „подъ конецъ“ политическаго существованія четырехъ царствъ, „когда отступники исполнять мѣру беззаконій своихъ, возстанетъ царь наглый и искусный въ коварствѣ; и укрѣнится сила его, хотя и не его силою, и онъ будетъ производить удивительныя опустошенія и успѣвать и дѣйствовать и губить сильныхъ и народъ святыхъ, и, при умѣ его, и коварство будетъ имѣть успѣхъ въ рукѣ его, и сердцемъ своимъ онъ превознесется в средѣ мира погубить многихъ и противъ Владыки владыкъ возстанетъ, но будетъ сокрушенъ—не рукою“ (Дан. 8, 23—25). Трудно не видѣть въ этомъ наглѣ и коварномъ царѣ „корень грѣха—Антіоха Епифана“ (1 Макк. 1, 10), явившагося тогда, когда „въ теченіе многихъ лѣтъ“ преемники Александра В. на четырехъ престолахъ „умножили зло на землѣ“ (1 Макк. 1, 9). Нечестивый царь этотъ чрезвычайно „разросся къ югу и къ востоку и къ прекрасной странѣ“, такъ какъ предпринималъ опустошительныя походы противъ Египта (1 Макк. 1, 16—19), Персін (1 Макк. 3, 31. 37; 6, 1—4), Вавилона (1 Макк. 6, 4) и, наконецъ, Іерусалима (1 Макк. 1, 20. 29—32), заноса съ собою по большей части разореніе и грабительство. Особенно много зла принесъ онъ іудейской странѣ, оскверняя и опустошая все, что дорого было сердцу истиннаго израильтянина. Гордый царь, который „мечталъ касаться звѣздъ небесныхъ“ (2 Макк. 9, 10), ограбилъ святилище іерусалимское, забралъ изъ него свѣтильники, сосуды, сокровища (1 Макк. 1, 21—23), привелъ его въ совершенное запустѣніе (1 Макк. 1, 39), велѣлъ осквернить его (1 Макк. 1, 46), устроивши на жертвенникѣ „мерзость запустѣнія“ (1 Макк. 1, 54). Выражая желаніе, чтобы всѣ подданные его были однимъ народомъ, онъ требовалъ, чтобы и всѣ оставили свой прежній законъ (1 Макк. 1, 41—42), воздвигъ жестокаго гоненія на іудеевъ, требуя отъ нихъ подданія чужимъ для нихъ законамъ (1 Макк. 1, 44): найденныя книги закона іудейскаго велѣлъ сожигать (1 Макк. 1, 56), іудеевъ запретилъ приносить всеосужденія и жертвы, совершать возліанія Іеговы (1 Макк. 1, 45), праздновать субботы и другіе праздники (1 Макк. 1, 45); строилъ капища и жертвенники идоловъ (1 Макк. 1, 47—49. 54), заставляя израильтянъ приносить жертвы языческимъ богамъ, совершать предъ ними куренія, осквернять себя участіемъ во всѣхъ языческихъ

и отзывчивую душу пророка, что тотъ даже заболѣлъ; впрочемъ скоро оправился и снова занялся дѣлами своей службы.

Между тѣмъ, вавилонское царство близилось къ своему паденію. Составленное изъ многихъ разнообразныхъ государствъ и областей, быстро сплоченное въ одну державу,—царство это могло держаться только подъ могучею рукою самого Навуходоносора; при слабыхъ энергіей и волей его преемникахъ, при существованіи и даже развитіи придворныхъ смуть и междоусобій, оно легко могло и должно было пасть подъ напоромъ военныхъ силъ какой-либо другой усилившейся державы; такъ оно, дѣйствительно, и было. На арену политической дѣятельности во времена Набоннида выступилъ новый блестящій завоеватель, персидскій царь Киръ,—личность

религіозныхъ обрядахъ (1 Макк. 1, 47—49. 55) и подвергалъ ревнителѣй закона Іеговы жестокимъ казнямъ (1 Макк. 1, 53. 57. 60—61. 63). Такое поруганіе надъ Самимъ „Владыкою владыкъ“, надъ „мѣстомъ святости Его“ в народомъ Его продолжится, по словамъ архангела, 2300 дней (Дан. 8, 14. 26). Началось оно въ 143 году по счету книги Маккавейской, когда Антіохъ послѣ пораженія Египта двинулся на Іерусалимъ, вошелъ въ святилище и ограбилъ его (1 Макк. 1, 20—24); гоненія надъ іудееми наступили чрезъ 2 года послѣ того (въ 145 г.), когда священный городъ, по приказанію царя, былъ разрушенъ и сожженъ, а жители частію убиты, частію взяты въ плѣнъ (1 Макк. 1, 29—32); 15 хслева того-же 145 года алтарь іерусалимскаго храма подвергся окончательному оскверненію, „мерзости запустѣнія“ (1 Макк. 1, 54) и поклонники Іеговы были подвергнуты безпощадному преслѣдованію за вѣру; правда, 25 хслева 148 года іудеи достигли возможности въ первый разъ принести жертву Іеговѣ на новоустроенномъ ими (вмѣсто оскверненнаго) жертвенникѣ (1 Макк. 4, 52), но религіозныя гоненія продолжались и послѣ того и закончились уже чрезъ годъ послѣ смерти самого Антіоха (умеръ въ 149 г., „сокрушенъ не рукою“, по объясненію архангела,—отъ страшной, мучительной болѣзни, въ которой самъ онъ призналъ поразившую его за нечестіе руку Іеговы. 1 Макк. 6, 8—16; 2 Макк. 9, 5. 7. 9. 28), въ 150 году (1 Макк. 6, 20; ср. 7, 1), когда полководецъ сирійскій Лисій окончательно уступилъ іудеемъ и убѣдилъ царя и вельможъ заключить съ ними миръ (1 Макк. 6, 59). Принимая во вниманіе крайнія даты этого религіознаго гоненія на іудеевъ (143—150 гг.), опредѣлить которыя болѣе точно (мѣсяцами и днями) мы не имѣемъ возможности, считаемъ себя правѣ, согласно видѣнію пророка Даніила, приравнять этотъ промежутокъ времени къ 2300 днямъ или 6 годамъ и 4 приблизительно мѣсяцамъ.

не менѣ Навуходоносора извѣстная и прославившаяся своими военными подвигами. Замѣчательный полководецъ, искусный и опытный дипломатъ, энергичный правитель,—онъ умѣлъ быстро расширить доставшіяся ему владѣнія и укрѣпить свою власть; свое наследственное владѣніе—Персію ¹⁾ онъ сдѣлалъ не только самостоятельною, но и первенствующею державою того времени, смѣнившею собою Вавилонъ Навуходоносора. Военные подвиги онъ поставилъ принципомъ своей дѣятельности и въ этомъ отношеніи, подобно Навуходоносору, если не больше его, являлся рѣшительно неутомимымъ: слава о новомъ блестящемъ завоевателѣ гремѣла повсюду ²⁾. Поднималъ Киръ оружіе противъ скиѳовъ ³⁾, противъ своего дѣда по матери—Астиага, царя мидійскаго ⁴⁾, противъ Арменіи ⁵⁾ и т. д.; на западѣ въ короткое время успѣлъ покорить Креза, царя лидійскаго ⁶⁾, а затѣмъ фригійцевъ, каппадокійцевъ и сирійцевъ ⁷⁾; потомъ подступилъ и къ Вавилону. Недавно открытая „хроника Набоннида и Кира“ представляетъ собою драгоценный историческій документъ, проливающий свѣтъ на исторію послѣднихъ временъ вавилонскаго царства и воспроизводящій обстоятельства его паденія. Начиная съ 7-го года своего царствованія, Набоннидъ, какъ видно изъ этого документа, оставался въ г. Тима; сынъ же царя съ отрядомъ войска и полководцами стоялъ въ землѣ аккадійской. Въ м. нисанъ ⁸⁾

¹⁾ Въ своихъ клинообразныхъ надписяхъ самъ Киръ называетъ себя „потомкомъ древняго царскаго рода“, „царемъ города Ансана“, въ которомъ царствовалъ отецъ его Камбизъ, дѣдъ Киръ и прадѣдъ Сисписъ (*Schrader. Keil. Bibl. V. III—2. N. S. 123, 125.*)

²⁾ *Schrader. Keil. Bibl., V. III—2. N. S. 125.*

³⁾ *Ibid., S. 99.*

⁴⁾ *Геродотъ. Исторія. Перев. Мищенко. Т. I. Стр. 36—Schrader. Keil. Bibl. V. III—2. N. S. 129—131.*

⁵⁾ *Ксенофонтъ. Киропедія. Пер. Янчевецкаго. Стр. 78.*

⁶⁾ *Геродотъ. Т. I. Стр. 44.—Ксенофонтъ. Стр. 233.*

⁷⁾ *Ксенофонтъ. Стр. 234.*

⁸⁾ Мартъ—апрѣль.

9-го года царствованія Набоннида Киръ снарядилъ свои отряды и перешелъ Тигръ при Арбелахъ ¹⁾. Въ 17-й годъ Набоннида въ м. таммузъ ²⁾ Киръ одержалъ побѣду при Рутъ, разбилъ вавилонскіе отряды, бывшіе въ землѣ аккадійской, и 14-го числа мѣсяца безъ битвы взялъ городъ Сиппару ³⁾. Въ это время предводителемъ аккадійскаго отряда былъ уже не сынъ царя Валтасаръ, который удалился въ Вавилонъ для защиты его отъ возможнаго нападенія со стороны персовъ, а самъ Набоннидъ, который, послѣ пораженія своего войска, обратился въ бѣгство ⁴⁾ и заключился въ городѣ Борсиппѣ ⁵⁾. Черезъ два дня (16-го числа мѣсяца таммуза) Киръ послалъ одного изъ своихъ полководцевъ—Угбару, правителя области Гутіума, съ отрядомъ войска для осады Вавилона. Дѣло, очевидно, происходило подъ самыми стѣнами Вавилона: Борсиппа была предметомъ столицы, заключеннымъ внутри первыхъ стѣнъ ея ⁶⁾, которыя были открыты для Кира послѣ первыхъ его побѣдъ надъ Набоннидомъ. Оставалось собственно взять самый Вавилонъ, окруженный второю, внутреннею стѣною. Дѣло, однако, было весьма трудное. Продолжительная осада не привела ни къ чему: жители имѣли у себя припасовъ болѣе, чѣмъ на 20 лѣтъ, и только смѣлились падъ осаждающими ⁷⁾, а крѣпкія стѣны города отнимали у персовъ всякую надежду разрушить ихъ или сдѣлать проломъ, чтобы силою войти въ городъ. Киръ ⁸⁾ рѣшительно недоумѣвалъ, какъ ему

¹⁾ *Schrader. Keil. Bibl. V. III—2. N. S. 131.*

²⁾ Іюнь—іюль.

³⁾ *Schrader. III—2. S. 133—135.*

⁴⁾ *Ibid., S. 135.*

⁵⁾ *I. Флавій. Противъ Аппіона. Кн. I. Стр. 364.—Ср. Геродотъ. Т. I. Стр. 98.*

⁶⁾ *Tiele. Babyl.-assyr. Geschichte. S. 83, 448.—Méant. Babylone et la Chaldée. P. 264.—Cuvaniol. Les monuments en Chaldée, en Assyrie et à Babylone. P. 308.*

⁷⁾ *Ксенофонтъ. Киропедія. Стр. 236.—Геродотъ. Т. I. Стр. 98.*

⁸⁾ Осаждалъ Вавилонъ собственно Угбару; Киръ же, во всякомъ случаѣ, былъ внутри внѣшнихъ стѣнъ Вавилона или вблизи его и могъ лично давать распоряженія на счетъ пріемовъ осады.

поступить, и думалъ было уже оставить Вавилонъ въ покоѣ ¹⁾; но потомъ придумалъ хитрость: велѣлъ копать рвы и каналы, чтобы въ удобный часъ отвести Евфратъ, протекавшій среди города, въ другое мѣсто и по сухому дну рѣки проникнуть въ городъ ²⁾. Случай, дѣйствительно, помогъ ему.

Легкомысленный и безпечный Валтасаръ, остававшійся все время въ Вавилонѣ и заправлявшій всѣми дѣлами, какъ полновластный государь (такъ какъ Набоннидъ былъ въ Борсиппѣ ³⁾), не заботясь совершенно о мѣрахъ предосторожности и безопасности столицы, задумалъ вдругъ устроить блестящій пиръ, на который были приглашены всѣ значительные сановники, бывшіе въ Вавилонѣ ⁴⁾. Поводомъ къ этому пиршеству,

¹⁾ Геродотъ. Т. I. Стр. 98. — Ксенофонтъ. Стр. 234—235.

²⁾ Ксенофонтъ. Стр. 236.

³⁾ Что царя въ то время дѣйствительно не было въ столицѣ,—на это указываетъ Иер. 51, 31.

⁴⁾ Излагаемое событіе проф. В. В. Болотовъ относитъ не къ Вавилону, а къ Сузѣ, гдѣ, по его взгляду, царствовалъ Валтасаръ (*Болотовъ* В. „Валтасаръ и Дарій Мидянскій“. Христ. Чтеніе, 1896, сентябрь—октябрь, стр. 318, 325). Соображеніе, не имѣющее подъ собою достаточныхъ основаній. Правда, въ Дан. 5 не говорится, что пиръ Валтасара происходилъ въ Вавилонѣ, но не указывается и никакого другого мѣста. Напротивъ, упоминаніе о „мудрецахъ вавилонскихъ“ (Дан. 5, 7; ср. 2, 12. 14. 18. 24; 4, 3) даетъ основаніе предполагать, что и самое событіе происходило въ Вавилонѣ. Еще болѣе убѣждаютъ въ этомъ „золотые и серебряные сосуды, которые Навуходоносоръ вынесъ изъ храма іерусалимскаго“ (Дан. 5, 2). Въ первое вшествіе Навуходоносора на Иудею при Іоакимѣ часть взятыхъ имъ изъ Іерусалима священныхъ сосудовъ была перенесена въ Вавилонъ и положена „въ домъ бога“, „въ сокровищницѣ бога“ вавилонскаго (Дан. 1, 2; 2 Пар. 36, 7); тамъ же были положены священныя сосуды, перенесенныя въ Вавилонъ и впоследствии (4 Пар. 25, 15; 2 Пар. 36, 10. 18; Иер. 52, 19), потому что Киръ при освобожденіи іудеевъ изъ плѣна вавилонскаго возвращаетъ имъ „сосуды дома Господня, которые Навуходоносоръ взялъ изъ Іерусалима и положилъ въ домъ бога своего“ (1 Эзд. 1, 7; 5, 14);—возвращаетъ, естественно думать, *все* уцѣлѣвшіе сосуды, взятые некогда изъ храма іерусалимскаго. Предполагать съ проф. Болотовымъ, будто въ храмѣ вавилонскомъ были оставлены не всѣ священныя сосуды, а по нѣскольку ихъ было разослано въ главные города провинцій и, между прочимъ, въ Сузы,—нѣтъ фактическихъ данныхъ; да и едвали только *нѣсколькими* сосудами воспользовался Валтасаръ, когда изъ нихъ пилъ царь, тысяча приглашенныхъ вельможъ, жены царя и наложницы его (Дан. 5, 2. 3. 23).

вѣроятно, послужило какое-нибудь религиозное или общественное торжество,—можетъ быть, напр., оригинальный лѣтній праздникъ „засен“, когда слуги превращались на время въ господъ и наоборотъ ¹⁾. Предположеніе это совершенно естественно, такъ какъ не только исключительныя и знаменательныя событія—завоеванія, побѣды, по и ежегодныя общественныя торжества, разнаго рода празднества въ честь боговъ и богинь ассиро-вавилонскіе цари ознаменовывали устройствомъ въ своихъ дворцахъ роскошныхъ пиршествъ ²⁾. А что въ данномъ случаѣ есть основаніе предполагать именно праздникъ „засен“,—за это говорятъ обстоятельства роковой ночи пиршества, такъ какъ празднество, ознаменованное имъ, носило характеръ общенароднаго торжества: пировали и веселились не одни приглашенные въ царскій дворецъ, а всѣ жители Вавилона въ разныхъ мѣстахъ. Во дворцѣ же въ частности былъ приготовленъ роскошный пиръ, на который собралось около тысячи знатныхъ гостей. Во время осады Вавилона, когда предмѣстья и окрестности его были почти въ рукахъ непріятелей, масса военныхъ силъ, а затѣмъ и другихъ государственныхъ чиновъ, разсѣянныхъ прежде по провинціямъ, теперь скопилась въ Вавилонѣ и потому громадное количество гостей, приглашенныхъ на пиръ Валтасара, нисколько неудивительно ³⁾. Ассирійскія барельефныя изображенія воспроизводятъ предъ нами цѣлыя картины ассиро-вавилонскихъ пиршествъ; на основаніи ихъ можно легко представить себѣ, какой характеръ

¹⁾ Праздновался „засен“ въ теченіе 5 дней, начиная съ 16 числа мѣсяца абу или лу (июль—августъ).—*Wolff* O. *Alttestamentliche Studien und Kritiken*. H. B. Breslau. 1875. S. 222—223. — *Ménant*. *Babylone et la Chaldée*. P. 272.

²⁾ *Schrader*. *Keil. Bibl.* B. I, S. 109; B. II, S. 39, 79, 203, 233, 235, 253.

³⁾ Да и вообще самая обычная обстановка восточныхъ царей отличалась чрезвычайною пышностью: при дворѣ персидскихъ царей, напр., ежедневно обѣдало до 15 тысячъ гостей. О пиряхъ и обѣдахъ въ торжественныхъ случаяхъ нечего и говорить: на брачномъ пиру Александра В., напр., присутствовало 10 тысячъ приглашенныхъ.—*Lengerke*. *Das Buch Daniel*. S. 243.

носили званые обѣды и пиры у вавилонянъ и чѣмъ они особенно выдавались. На одномъ монументѣ, напр., представлена слѣдующая сцена пиршества: 50 приглашенныхъ гостей, разделенныхъ какъ-бы на 4 группы, сидятъ по двое на высокихъ стульяхъ другъ противъ друга за богато-украшеннымъ столомъ; столъ покрытъ скатертью или ковромъ, спускающимся съ концовъ стола; на немъ лежитъ полукруглая доска и еще какой-то неизвѣстный предметъ. Гости обуты въ сандалии, на рукахъ у нихъ запястья; въ правой рукѣ каждый держитъ въ уровень съ головой изящную чашу съ виномъ въ видѣ небольшой вазы съ рукояткой внизу, имѣющей форму львиной головы. Гостямъ прислуживаютъ рабы ¹⁾. Это, такъ сказать, сцена обычнаго пиршества. Другой барельефъ, найденный во дворцѣ Ассурбанипала въ Куйюнджикѣ, представляетъ царя и царицу ²⁾, принимающихъ участіе въ пиршествѣ вмѣстѣ съ гостями. У нихъ тоже чаши въ рукахъ, только болѣе глубокиа, чѣмъ у остальныхъ гостей. Царица сидитъ на стулѣ; подъ ногами у нея скамеечка; царь же полулежитъ на лежанкѣ, опираясь, какъ было въ обычаѣ у классическихъ народовъ, на лѣвый локоть. За царемъ и царицей стоятъ два эвнуха съ опахалами въ рукахъ. Самое пиршество происходитъ не во дворцѣ, а въ саду: тамъ и здѣсь виднѣются бесѣдки, роскошныя деревья, птицы на вѣтвяхъ и проч. ³⁾. Сопровождались вавилонскія пиршества и музыкой: на первомъ изъ указанныхъ нами барельефовъ изображено, напр., трое музыкантовъ, играющихъ—двое на лирахъ, третій на какомъ-то неизвѣстномъ инструментѣ; на второмъ барельефѣ

¹⁾ *Vigouroux*. Die Bibel u. d. neueren Entdeckungen. B. IV. S. 453—454.

²⁾ Какъ видно, и женщины на востокѣ, при всей своей гаремной замкнутости, допускались къ участію въ общахъ пиршествахъ; особенно это должно сказать о женахъ и наложницахъ царей и вѣстныхъ вельможъ. Историки тоже подтверждаютъ это (*Геродотъ*. Т. II. Стр. 8. — *Ксенофонтъ*. Кнропедія. Стр. 154.—Ср. Эсв. 1, 9).

³⁾ *Menge*. Bilderatlas. Tafel 5 (№ 4).—*Vigouroux*. IV. S. 454.

тоже виднѣтся нѣсколько вдали одинъ изъ эвнуховъ, играющій на арфѣ ¹⁾. Обстановка самой залы пиршества соотвѣтствовала, разумѣется, своему назначенію: второй барельефъ изображаетъ массу рабовъ, несущихъ вазы съ цвѣтами и составляющихъ ихъ въ разныхъ мѣстахъ и углахъ залы ²⁾. Какъ видно, въ общемъ пиры вавилонскіе не отличались чѣмъ-либо рѣзко и отъ нашихъ современныхъ пировъ. Но была тамъ одна особенность, на которую можно было обратить вниманіе на основаніи того, что мы уже сказали: всѣ гости изображаются съ чашами въ рукахъ,—очевидно, пьющими, но не за обѣдомъ или ужиномъ. На востокѣ, въ южныхъ, жаркихъ странахъ, въ древности, какъ и теперь, ѣли сравнительно мало; особенно мясо употребляли въ незначительномъ количествѣ (говоримъ вообще о массѣ народа),—впрочемъ, не потому, что считали его вреднымъ для здоровья, а въ виду того, что мясо было тамъ сравнительно рѣдкостью: незначительное количество лѣсовъ, климатическія условія почвы и воздуха значительно затрудняли добываніе дичи и разведеніе на убой скота и птицъ ³⁾. За то растительныхъ продуктовъ было въ изобиліи; особенно воздѣлываніе винограда было широко распространено ⁴⁾; да и сами вавилоняне очень любили вино и употребляли его постоянно въ громадномъ количествѣ ⁵⁾. И замѣчательно, что всѣ вообще барельефныя изображенія вавилонскихъ пиршествъ, подобно двумъ указаннымъ нами, представляютъ гостей не ѣдящими, а пьющими,—съ чашами въ рукахъ; сообразно съ этимъ и обязанность рабовъ, прислу-

¹⁾ *Vigouroux*. IV. S. 454—457.

²⁾ *Ibid*, S. 457.

³⁾ Впрочемъ, гдѣ представлялась возможность, тамъ ассирійскіе воины не отказывались поживиться на чужой счетъ: послѣ побѣды, напр., забирали скотъ, убивали его и приготовляли лакомня блюда; такіа сцены нерѣдко изображаются на ассирійскихъ монументахъ (*Vigouroux*. IV. S. 457).

⁴⁾ 4 Цар. 18, 32.

⁵⁾ Ис. 21, 5; Іер. 51, 39; Наум. 1, 10.

живавшихъ на пирахъ, состояла собственно въ томъ, чтобы наполнять пустыя чаши гостей новымъ виномъ изъ стоявшей на полу большой кружки и подавать ихъ пирующимъ ¹⁾. Такого же характера, конечно, былъ и блестящій пиръ Валтасара въ роковую ночь паденія Вавилона. Пиршество, по восточному обычаю ²⁾, происходило поздно вечеромъ, около полуночи; зала собранія была роскошно убрана и освѣщена лампами; масса приглашенныхъ гостей сидѣла за столами, самъ же царь сидѣлъ или возлежалъ на особомъ приготовленномъ для него мѣстѣ, обратившись лицомъ къ присутствовавшимъ; пировали здѣсь же царскія жены и наложницы; у всѣхъ въ рукахъ были застольныя чаши, а прислуживавшіе рабы постоянно наполняли ихъ свѣжимъ виномъ. Царское пиршество, тѣмъ болѣе въ виду общественнаго праздника, — продолжалось, конечно, довольно долго; угощеніе виномъ было обильно; раздавалась, вѣроятно, музыка, пѣніе гимновъ и хвалебныхъ пѣсней богамъ, какъ было въ обычаѣ у древнихъ языческихъ народовъ, и время проходило незамѣтно. Когда всѣ гости порядочно опьянѣли, легкомысленный царь, возбужденный винными парами, вздумалъ публично наругаться надъ Богомъ іудейскимъ. Вѣроятно, ему приходилось слышать, что іудеи, согласно пророчеству Іереміи ³⁾, ожидаютъ своего освобожденія по окончаніи 70 лѣтъ плѣна; теперь эти 70 лѣтъ приходили къ концу, и легкомысленный царь вздумалъ посмѣяться надъ ложною, какъ ему казалось, надеждою іудеевъ, считая ихъ Бога и пророка обманщиками ⁴⁾. Онъ велѣлъ принести во дворецъ золотыя и серебряныя сосуды, вывезенныя еще Навуходоносоромъ изъ храма іерусалимскаго и положенныя имъ,

¹⁾ *Vigouroux*. IV. S. 458.

²⁾ *Bertholdt*. Daniel. 2. H. S. 369.

³⁾ Іерем. 25, 12.

⁴⁾ Библия твор. св. отц. и учит. ц. запад. Кн. 21. Твор. блаж. Іеронима, ч. 12. Стр. 41.

какъ мы говорили, въ сокровищницѣ главнаго храма Вила или Меродаха; принести ихъ въ залу пиршества ничего не стоило, такъ какъ самый храмъ, какъ мы тоже упомянули, находился вблизи дворца, а царское приказаніе, конечно, должно было быть исполнено и въ самый поздній часъ ночи. Когда сосуды были принесены во дворецъ, царь, желая показать предъ всѣми свое пренебреженіе къ святынь іудейской, не только самъ пилъ изъ нихъ вино, но велѣлъ поставить ихъ вмѣсто застольныхъ чашъ всѣмъ своимъ вельможамъ, женамъ и наложницамъ, участвовавшимъ въ пиршествѣ. По приказанію же царя, гимны и религіозныя пѣсни въ честь языческихъ боговъ еще болѣе умножились: всѣ пили изъ священныхъ сосудовъ іудейскихъ, воздавая хвалу своимъ государственнымъ, національнымъ богамъ; самъ же Валтасаръ, при этомъ, произносилъ еще хулы на Бога іудейскаго ¹⁾. Наказаніе послѣдовало сейчасъ же. Веселое пиршество внезапно было прервано чудеснымъ явленіемъ: на передней стѣнѣ залы показалась кисть руки человѣческой, которая написала на ней какія-то слова. Нужно замѣтить, что въ Ассиріи и Вавилонѣ, какъ мы упомянули ранѣе, зданія строились, большею частію, изъ кирпича, часто даже необожженнаго, такъ какъ камней вблизи Евфрата и Тигра было сравнительно мало; въ Ассиріи, затѣмъ, отстроенное зданіе украшалось изнутри алебастровыми плитками, расположенными на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга; конечно, во дворцахъ и храмахъ ихъ было особенно много и на нихъ изображались живописью цѣлыя сцены изъ жизни того или другого царя, историческія сюжеты и т. п. Ассиро-вавилонскія роскоши представляютъ намъ довольно образцовъ такого рода стѣнныхъ украшеній ассирійскихъ зданій. Употреблялась, впрочемъ, и другого рода отделка внутренней стороны домовъ въ Вавилонѣ: стѣна, сложенная изъ кирпичей, покрывалась штукатуркой, собственно

¹⁾ *І. Флавій*. Древности іуд. Пер. Самуилова. Ч. II. Стр. 164.

Св. пророкъ Даниилъ.

крѣпкимъ цементомъ изъ гашеной извести и гипса, предохранявшимъ стѣны отъ разрушительнаго дѣйствія погоды и разнаго рода случайностей; штукатурка, сверхъ того, покрывалась бѣлой мастикой, на которой иногда изображались цѣлыя картины. Подобнаго рода отдѣлка стѣнъ существовала и въ вавилонскихъ дворцахъ, какъ показываютъ раскопки и изслѣдованія ¹⁾. Столъ Валтасара, вѣроятно, стоялъ противъ передней бѣлой стѣны дворца и на столѣ стояла лампа, ярко освѣщавшая и эту стѣну. Вотъ здѣсь-то, на виду у всѣхъ, явилась кисть человѣческой руки ²⁾, которая начертала на стѣнѣ таинственныя слова. Царь, увидѣвъ страшное явленіе, сильно перепугался: весь онъ сталъ дрожать, по лицу прошли нервныя судороги, сознаніе его помрачилось; онъ могъ только закричать, чтобы сейчасъ привели въ залу гадателей, халдеевъ и обаятелей, которые бы прочли и объяснили неизвѣстныя слова, написанныя, вѣроятно, на какомъ-то чужомъ языкѣ, незнакомомъ ни царю, ни кому-либо изъ вельможъ. Припомнимъ, что волхвы-гадатели (асафимъ) занимались, между прочимъ, изъясненіемъ чудесныхъ явленій, таинственныхъ писменъ и предсказаній; отъ нихъ, поэтому, можно было-бы ожидать отвѣта царю, на какомъ бы языкѣ и какимъ бы способомъ таинственныя слова ни были написаны; обаятели (газримъ) могли къ тому-же, въ подтвержденіе истинности представленнаго объясненія, погадать по звѣздамъ или другимъ какимъ-либо способомъ, а халдеи (кадимъ), кромѣ того, принести жертву богамъ для огражденія царя отъ ожидавшей его опасности. Какъ только мудрецы вавилонскіе вошли въ залу, царь обратился къ нимъ съ такими словами: „кто прочитаетъ это написанное и объяснитъ мнѣ значеніе его, тотъ будетъ облеченъ въ багряницу, и золотая цѣпь будетъ на шеѣ

¹⁾ *Vigouroux*. IV. S. 461.

²⁾ Кюненъ предполагаетъ, что это была рука ангела. — *Kuenen* A. *Histoire critique des livres de l' A. T. T. II*. P. 517.

у него ¹⁾, и третьимъ властелиномъ ²⁾ будетъ въ царствѣ“. Какъ ни старались, однако, мудрецы прочитатъ таинственную надпись, какіе приемы своего халдейскаго искусства ни употребляли, чтобы найти хоть какой-нибудь смыслъ и уловить хоть малѣйшую знакомую черту въ небольшомъ столбцѣ начертанныхъ на стѣнѣ буквъ,—но всѣ усилія ихъ были напрасны: слова были написаны или на совершенно неизвѣстномъ для нихъ языкѣ, или буквы расположены такъ, что при чтеніи ихъ получались слова, не имѣющія рѣшительно никакого смысла ³⁾.

¹⁾ Ассиро-вавилонскіе государи, въ знакъ своего особаго благоволенія къ побѣжденнымъ ими царямъ, одѣвали ихъ въ роскошную разноцвѣтную одежду, возлагали на нихъ золотую перевязь, приличествовавшую царямъ, надѣвали на пальцы золотыя кольца, вручали мечъ, украшенный золотомъ, и т. п. (*Schrader*. *Keil. Bibl. V. II*. S. 167, 173, 185). Да и вообще драгоцѣнная пурпуровая одежда (багряница, порфира) и золотая цѣпь на шею были обыкновенной наградой, которую восточные цари жаловали даже своимъ подданнымъ за какія-либо важныя заслуги. Такъ было, напр., у египтянъ (Быт. 41, 42), мидянъ (*Ксенофонтъ*. Киропедія. Стр. 10), персовъ (Эсэ. 6, 8; 8, 15.— *Геродотъ*. Исторія. Т. I. Стр. 222.— *Ксенофонтъ*. Киропедія. Стр. 70), сирійцевъ (1 Макк. 10, 20; 14, 43—44; 2 Макк. 4, 38) и другихъ народовъ древности.

²⁾ Первымъ былъ, конечно, Набонидъ, законный царствующій государь, вторымъ—Валтасаръ, его соправитель. Предположеніе Бертольда (*Daniel*. 2. II. S. 374), Ленгерке (*Das Buch Daniel*. S. 251), Филлера (*Der Profet Daniel*. S. 128) и В. В. Болотова („Валтасаръ и Дарій Мидянинъ“. Христ. Чтеніе, 1896, сентябрь—октябрь, стр. 306—307), будто царь обѣщаетъ прочтавшему и объяснившему таинственныя слова мѣсто втораго министра, послѣ не только самого царя, но и великаго визиря или перваго министра,—едвали вѣроятно: другіе цари за подобныя заслуги обѣщали и давали второе именно мѣсто въ государствѣ, непосредственно послѣ царя (см. Быт. 41, 40; Эсэ. 10, 3; 2 Эздр. 3, 7; 4, 42). Эта незначительная съ виду подробность можетъ служить вѣскимъ основаніемъ въ пользу историческаго характера личности Валтасара.

³⁾ Предположеніе Придо (*Histoire des juifs et de peuples voisins*. Т. I. P. 76) и Крайхфельда (*Das Buch Daniel*. S. 220—221), будто таинственныя слова были написаны на древнефиникійскомъ языкѣ, прототипъ послѣдующаго самарянскаго нарѣчія, едва ли вѣроятно, такъ какъ евреи знали этотъ языкъ, а слѣдовательно и вавилоняне могли знать его уже въ силу постоянныхъ торговыхъ сношеній съ Финикіей. Правдоподобнѣе предположеніе талмудистовъ-раввиновъ, что надпись была сдѣлана особымъ кабылистическимъ способомъ, напр., не въ горизонтальномъ, а въ вертикальномъ направленіи, или же слова или буквы на-

Между тѣмъ, царь приходилъ въ еще большій ужасъ отъ страха предъ таинственною надписью, содержащаю и значенія которой никто не въ силахъ былъ объяснить: лицо его сильно искажилось и наводило страхъ на всѣхъ присутствовавшихъ; приглашенные во дворецъ гости и многочисленный штатъ придворныхъ, бывшихъ очевидцами чудеснаго явленія, не знали, что и дѣлать, чтобы успокоить царя и разрѣшить тревожившее его недоумѣнїе. Веселье, музыка и пѣнїе были, конечно, забыты и смѣнились тревогой и беспокойствомъ по случаю неожиданнаго, но и страшнаго явленія. Вѣроятно, слухъ о чудесномъ событїи, смутившемъ царя и вельможъ, не только распространился среди жившихъ во дворцѣ, но и перешелъ, можетъ быть, за стѣны его; донесли о случившемся и матери царя, женѣ Набоннида, которая оставалась въ Вавилонѣ вмѣстѣ съ сыномъ, въ то время какъ самъ Набоннидъ, послѣ пораженія своего Киромъ, обратился въ бѣгство и заперся съ войскомъ въ Борсиппѣ. Въ пиршествѣ она не принимала участія вмѣстѣ съ женами и наложницами царя, а вѣроятно, сидѣла въ своихъ комнатахъ съ приближенными къ ней лицами. Теперь, получивши свѣдѣнїе о происшедшемъ съ царемъ, она вошла въ залу пиршества и сказала сыну: „царь, во вѣки живи! да не смущаютъ тебя мысли твои, и да не измѣняется видъ лица твоего. Есть въ царствѣ твоёмъ мужъ, въ которомъ духъ святаго Бога; во дни отца твоего найдены были въ немъ свѣтъ, разумъ и мудрость, подобная мудрости боговъ, и царь Навуходоносоръ, отецъ твой¹⁾, поставилъ его

сались въ обратномъ направленїи, или, наконецъ, отъ каждаго слова было написано только по одной или по двѣ начальныя буквы, отъ чего смыслъ какъ отдѣльныхъ словъ, такъ и цѣлой фразы было весьма трудно уловить (*Bertholdt. Daniel. 2. H. S. 350*). Въ подобнаго рода соображенїяхъ нѣтъ ровно ничего невѣроятнаго: можетъ быть, мудрецы и читали слова, но не понимали ихъ связи и смысла, какъ и раньше Навуходоносору не умѣли изъяснить его втораго сна, хотя знали его содержанїе.

¹⁾ Въ данномъ случаѣ, какъ и въ Вар. 1, 11. 12, Навуходоносоръ называется „отцомъ“ Валтасара въ смыслѣ не собственнаго, роднаго отца, а во-

главою тайновѣдцевъ, обаятелей, халдеевъ и гадателей,—самъ отецъ твой, царь, потому что въ немъ, въ Даниилѣ, котораго царь переименовалъ Валтасаромъ, оказались высокій духъ, вѣдѣнїе и разумъ, способный изъяснить сны, толковать загадочное и разрѣшать узлы¹⁾. Итакъ пусть призовутъ Даниила, и онъ объяснитъ значенїе“²⁾. Обрадованный царь послалъ

обще предка, прадѣда, знаменитѣйшаго монарха въ исторїи Вавилона. Во всякомъ случаѣ, такого рода упоминанїе еще не даетъ права отождествлять Валтасара, напр., съ Евильмеродахомъ или какимъ-то никому неизвѣстнымъ младшимъ братомъ его, роднымъ сыномъ Навуходоносора (о чемъ мы упоминали). Аналогично этому и Иуей, царь израильскїй, въ одной изъ клинообразныхъ надписей Салманассара II называется сыномъ Амврія (*Schrader. Keil. Bibl. V. I. S. 141*), хотя на самомъ дѣлѣ онъ былъ сынъ Йосафата (4 Цар. 9, 2): очевидно, Амврий, основатель Самарїи (3 Цар. 16, 24), былъ такимъ же „отцомъ“ для всѣхъ царей израильскихъ, какъ и Навуходоносоръ для своихъ преемниковъ. Основательно, во всякомъ случаѣ, замѣчаетъ и Бухаревъ: еслибы здѣсь разумѣлся родной отецъ, тогда незачѣмъ было-бы прибавлять и имя его („Навуходоносоръ, отецъ твой“); очевидно, отецъ разумѣется не родной, а просто предокъ (*Бухаревъ. О подлинности и цѣлости св. книгъ пророковъ Исаян, Иеремїи, Иезекїиля и Даниила. Стр. 143--144*).

¹⁾ Пророкъ Даниилъ, какъ видно, не присутствовалъ на пиршествѣ; можно думать, что онъ не былъ въ то время и начальникомъ мудрецовъ халдейскихъ, не былъ и однимъ изъ важнѣйшихъ сановниковъ, какъ при Навуходоносорѣ; вѣроятно, онъ занималъ какое-либо мѣсто (можетъ быть, и при дворѣ) и жилъ въ то время въ Вавилонѣ, но, какъ должностное лицо, не былъ хорошо извѣстенъ Валтасару.

²⁾ Изъ самаго разговора видно, что это была именно мать царя, хотя въ Библии она названа просто „царицей“ (Дан. 5, 10): не говоря уже о томъ, что жены царскія были тутъ-же въ залѣ,—жена восточнаго царя не могла говорить съ такимъ авторитетомъ, а тѣмъ болѣе публично давать совѣты царю. Это была жена Набоннида, дочь или внучка Навуходоносора, съ личностью и обстоятельствами жизни котораго она прекрасно знакома. Можетъ быть, это знаменитая Нитокриса, о которой говоритъ Геродотъ (Исторїя. Перев. Мищенко. Т. I. Стр. 94). Флавій называетъ ее бабкой Валтасара, но, очевидно, внучкой самого Навуходоносора, котораго считаетъ прапрадѣдомъ Валтасара (I. *Флавій. Древности иудейскія. Пер. Самуилова. Ч. II. Стр. 164—165*). Михаэлисъ (*Michaelis. Adnotationes in vaticinium Danielis. P. 168*), Кальметъ (*Calmet. Commentaria in libros V. et N. T. T. VI. P. 467*) и Циндель (*Zündel. Brit. Untersuchungen üb. d. Abfassungszeit d. B. Daniel. S. 32*) считаютъ царицу женой Навуходоносора, а Дороеей (Δωροθεῖς. Βιβλίον ιστορικόν. Σελ. 98)—даже матерью его, но бабкой Валтасара (брата Евильмеродаха, по его взгляду).

за пророкомъ и, когда тотъ явился, спросилъ его: „ты ли Даниилъ, одинъ изъ плѣнныхъ сыновъ іудейскихъ, которыхъ отецъ мой—царь привелъ изъ Іудеи? Я слышалъ о тебѣ, что духъ Божій въ тебѣ и свѣтъ и разумъ, и высокая мудрость найдена въ тебѣ. Вотъ, приведены были ко мнѣ мудрецы и обаятели, чтобы прочесть это написанное и объяснить мнѣ значеніе его; но они не могли объяснить мнѣ этого. А о тебѣ я слышалъ, что ты можешь объяснять значеніе и разрѣшать узлы; итакъ, если можешь прочесть это написанное и объяснить мнѣ значеніе его, то облечевъ будешь въ багряницу, и золотая цѣпь будетъ на шеѣ твоей, и третьимъ властелиномъ будешь въ царствѣ“. Пророкъ съ полнымъ достоинствомъ отвѣчалъ царю: „дары твои пусть останутся у тебя, и почести отдай другому; а написанное я прочитаю царю и значеніе объясню ему. Царь! Всевышній Богъ даровалъ отцу твоему Навуходоносору царство, величіе, честь и славу. Предъ величіемъ, которое Онъ далъ ему, всѣ народы, племена и языки трепетали и боялись его: кого хотѣлъ, онъ убивалъ, и кого хотѣлъ, оставлялъ въ живыхъ; кого хотѣлъ, возвышалъ, и кого хотѣлъ, унижалъ. Но когда сердце его надмилось и духъ его ожесточился до дерзости, онъ былъ сверженъ съ царскаго престола своего и лишенъ славы своей, и отлученъ былъ отъ сыновъ человѣческихъ, и сердце его уподобилось звѣриному, и жилъ онъ съ дикими ослами; кормили его травою, какъ вола, и тѣло его орошаемо было небесною росой, доколѣ онъ позналъ, что надъ царствомъ человѣческимъ владычествуетъ Всевышній Богъ и поставляетъ надъ нимъ, кого хочетъ. И ты, сынъ его Валтасаръ, не смирилъ сердца своего, хотя зналъ все это, но вознесся противъ Господа небесъ, и сосуды дома Его принесли къ тебѣ, и ты и вельможи твои, жены твои и наложницы твои пили изъ нихъ вино, и ты славилъ боговъ серебряныхъ и золотыхъ, мѣдныхъ, желѣзныхъ, деревянныхъ и каменныхъ, которые ни видятъ, ни слышатъ, ни разумѣютъ; а Бога, въ рукѣ Котораго дыханіе твое и у Котораго всѣ

пути твои, ты не прославилъ. За это и послана отъ Него кисть руки, и начертано это писаніе. И вотъ, что начертано: $\text{ܡܢܝܢܐ ܕܢܘܪܐ ܕܩܝܡܐ ܕܩܝܡܐ}$ — мене, мене, текел, упарсин. Вотъ—и значеніе словъ: мене—исчислилъ Богъ царство твое и положилъ конецъ ему; текел—ты взвѣшенъ на вѣсахъ и найденъ очень легкимъ; перес—раздѣлено царство твое и дапо мидянамъ и персамъ“. Значеніе чудесной надписи было для Валтасара дѣйствительно ужасно: оно предвѣщало наступившей конецъ какъ величественнаго Вавилона, такъ и конецъ жизни самого Валтасара; неудивительно, если онъ былъ сильно пораженъ этимъ извѣстіемъ¹⁾, тѣмъ болѣе вспомнивъ указанный ему пророкомъ аналогичный случай изъ жизни Навуходоносора; въ исполненіи надъ собою грознаго предопредѣленія онъ теперь, конечно, не могъ сомнѣваться. Несмотря, однако, на горькую истину, высказанную ему пророкомъ Данииломъ, царь не хотѣлъ оставить его безъ обѣщанной награды, а тѣмъ болѣе не осмѣлился наказывать его: можетъ быть, онъ надѣялся тѣмъ заслужить прощеніе у Бога Даниилова и отмѣнить или, по крайней мѣрѣ, отсрочить грозную кару²⁾. Какъ бы то ни было, однако пророка тутъ же одѣли въ драгоценную пурпуровую одежду, возложили ему на шею золотую цѣпь и глашатай, по повелѣнію царя, объявилъ предъ всѣми вельможами, бывшими на пиру, а можетъ быть, и предъ придворными и толпою народа, устраивающею, вѣроятно, какія-либо увеселенія по случаю общественнаго торжества, — что Даниилъ называется первымъ послѣ обоихъ царей (Набоннида и Валтасара) человѣкомъ въ государствѣ³⁾.

¹⁾ I *Оливій* Древности іудейскія. Пер. Самуйлова. Ч. II. Стр. 165.—*Διορόθεος. Βιβλίον ἱστορίων. Σελ.* 100.

²⁾ Св. I. *Златоустъ*. Бесѣды на разныя мѣста св. писанія. Т. I. Стр. 379.—Творенія св. отцевъ. Т. XXII. Твор. св. Ефрема Сирина, ч. 8. Стр. 71.—Библи. твор. св. отцевъ и учит. ц. зап. Кн. 21. Твор. блаж. Іеронима, ч. 12. Стр. 47.

³⁾ Замѣчательно, что и пророкъ Даниилъ принялъ отъ царя обѣщанное ему дары и почести, хотя раньше отказался отъ нихъ. Блаж. Іеронимъ объ

Это была роковая въ исторіи Вавилона ночь: грозный судъ Божій, предсказанный Валтасару пророкомъ Даниломъ, не замедлил исполниться. Киръ, или точнѣе—Угбару, съ отрядомъ войска стоялъ, какъ мы говорили, подъ стѣнами Вавилона и только ждалъ случая, чтобы выполнить свой планъ—отвести воду Евфрата въ приготовленные уже каналы и по дну рѣки проникнуть въ городъ. Вѣроятно, онъ зналъ о предполагавшемся въ Вавилонѣ народномъ торжествѣ и рѣшилъ теперь же воспользоваться удобнымъ случаемъ. Какъ только стемнѣло, а вавилоняне, между тѣмъ, были заняты приготовленіемъ къ торжеству, персидскіе рабочіе соединили небольшими каналами Евфратъ съ приготовленными уже рвами и вода постепенно стала убывать въ рѣкѣ, переходя въ искусственные рвы и каналы ¹⁾. Работа эта заняла, конечно, не мало времени, такъ что только ночью можно было въ бродъ пройти вдоль рѣки подъ стѣнами Вавилона. Осажденные предавались полнѣйшему веселію, пляскамъ и пированію, вполне увѣренные въ своей безопасности; вѣроятно, и стража, охранявшая стѣны и ворота города, принимала участіе въ пиршествѣ или, по крайней мѣрѣ, значительно ослабила свой надзоръ. Персы, такимъ образомъ, безъ большого труда,—„безъ битвы и сраженія“, какъ говоритъ самъ Киръ въ одной изъ клинообразныхъ надписей своихъ ²⁾,—могли войти въ городъ съ двухъ даже сторонъ его. Встрѣчавшихся на пути вавилонянъ избили; тоже сдѣлали и съ городской стражей. Двигаясь постепенно по улицамъ, убивая и разрушая все попадавшееся на пути ³⁾, персы подошли къ царскому дворцу. Пиръ здѣсь все еще продолжался; придворная стража тоже пировала и усиѣла уже опьянѣть настолько, что избить ее

ясняетъ это тѣмъ, что пророкъ хотѣлъ сдѣлаться извѣстнымъ преемнику Валтасара и чрезъ то болѣе полезнымъ своему народу (Библ. твор. Кн. 21. Стр. 47).

¹⁾ Въ праздникъ „засеп“, при общей убыли воды, сдѣлать это было легко.

²⁾ *Schrader*. Keil. Bibl. V. III—2. H. S. 123, 135.

³⁾ Ср. Iep. 50, 32; 51, 30. 50. 58.

было не трудно. Еще легче было войти во дворецъ и овладѣть или перебить всѣхъ собравшихся сюда: опьянѣлые ¹⁾ и беспечные гости и самые жители дворца, застигнутые врагами врасплохъ, падали подъ ударами персидскихъ мечей, какъ беззащитныя жены ²⁾, и скоро большинство было убито, другіе успѣли бѣжать. Валтасаръ со своею свитою тоже былъ убитъ ³⁾, и городъ, такимъ образомъ, попалъ въ руки персовъ ⁴⁾. Столицу вавилонскую Киръ пощадилъ ⁵⁾, но, чтобы обезопасить для себя владѣніе завоеваннымъ городомъ и от-

¹⁾ Ср. Iep. 51, 39. 57.

²⁾ Iep. 51, 30; ср. 51, 21—23. 40.

³⁾ Равнины передаютъ своеобразную легенду объ обстоятельствахъ смерти Валтасара (*Wünsche*. Bibliotheca rabbinica. Eine Sammlung alter Midraschim. Der Midrasch Schir-ha-schirim. S. 85, 202), въ которой, однако, значительно извращены историческіе факты; приводить ее, поэтому, считаемъ излишнимъ.

⁴⁾ *Ксенофонтъ*. Киронедія. Стр. 237—238.—*Геродотъ*. Исторія. Т. I. Стр. 98—99.—Изложенныя нами событія, случившіяся въ ночь паденія Вавилона, Келеръ относитъ къ осадѣ и завоеванію персами знаменитаго храма вавилонскаго Исагиллы, куда, по его взгляду, заключился съ отрядомъ войска Валтасаръ, между тѣмъ какъ самый Вавилонъ, куда будто-бы бѣжалъ Набоннидъ послѣ взятія Киромъ г. Сиппары, былъ уже взятъ Угбару ранѣе того. Въ пользу вѣроятности своего предположенія Келеръ указываетъ на то, что здѣсь же, въ храмѣ, находились и священные сосуды, взятые нѣкогда Павуходносоромъ изъ Иерусалима и оскверненные Валтасаромъ въ описываемую ночь (*Köhler*. Lehrbuch der biblischen Geschichte A. T. II. Hälfte, 2. Th., 3. Lief. S. 548—549). Что часть вавилонскаго войска заключилась въ Исагиллѣ, гдѣ должна была выдерживать продолжительную осаду,—объ этомъ говоритъ и Тиле (*Tiele*. Babyl.-assyr. Geschichte. 2. T. S. 472, 480). Но самое основаніе, приведенное Келеромъ, весьма недостаточно для своей цѣли. Обстоятельства событія, изложеннаго въ Дан. 5, гораздо скорѣе говорятъ противъ предположенія Келера: большое пиршество, устроенное Валтасаромъ (Дан. 5, 1), тысяча вельможъ, приглашенныхъ на пиръ (Дан. 5, 1), присутствіе здѣсь царскихъ женъ и наложницъ (Дан. 5, 2), безопасность самого Валтасара (Дан. 5, 1. 2. 3. 4), призывъ сначала мудрецовъ вавилонскихъ (Дан. 5, 7. 8), а потомъ Даниила (Дан. 5, 13) и т. п.—все это доказываетъ, что дѣло происходило въ большомъ городѣ, хотя осажденномъ врагами, но и весьма укрѣпленномъ и потому жившемъ своею обычною жизнью въ увѣренности въ своей безопасности,—а не въ храмѣ, гдѣ, повидимому, нужно ожидать только Валтасара съ отрядомъ войска, а не мудрецовъ, царскихъ женъ и наложницъ и др.

⁵⁾ *Schrader*. Keil. Bibl. V. III—2. H. S. 123.

нять у жителей его возможность укрѣпиться и поднять возмущеніе противъ побѣдителей, Киръ велѣлъ разрушить внѣшнія стѣны города ¹⁾, оставивъ однѣ внутреннія. Затѣмъ, тотъ же Угбару, по распоряженію Кира, направился къ г. Борсиппѣ, предмѣстью Вавилона, гдѣ находился Набоннидъ, и началъ формальную осаду его. Набоннидъ, видя полнѣйшую невозможность съ своей стороны выдержать осаду, сдался и былъ отправленъ сначала въ оковахъ въ Вавилонъ ²⁾, а потомъ представленъ Киру. Киръ принялъ его благосклонно, но не оставилъ его въ Вавилонѣ, а отослалъ въ Караманію (кажется, даже сдѣлалъ правителемъ-намѣстникомъ ея ³⁾, гдѣ этотъ государь и прожилъ остальные свои дни ⁴⁾. Другія предмѣстья и окрестные къ Вавилону города тоже легко были покорены и заняты персами, хотя, повидимому, были тамъ люди, пытавшіеся поднять возмущеніе противъ владычества Кира ⁵⁾. 3-го числа м. мархезана ⁶⁾ Киръ торжественно вступилъ въ Вавилонъ ⁷⁾ и былъ встрѣченъ здѣсь вельможами и жителями города съ изъявленіемъ полнѣйшей вѣрности и знаками покорности и преданности ⁸⁾. Онъ обѣщалъ всѣмъ свое благоволеніе и оказалъ честь вавилонскимъ богамъ, возвративъ боговъ, вынесенныхъ Набоннидомъ изъ разныхъ городовъ въ столицу, на ихъ прежнія мѣста ⁹⁾. Скоро послѣ того умерла жена Набоннида ¹⁰⁾ (мать Валтасара, о которой мы говорили) и, такимъ образомъ, родъ царей вавилонскихъ окончательно пресѣкъся. Это было въ 538 г. до Р. Хр.

¹⁾ I. *Флавій*. Противъ Аппіона. Кн. 1. Стр. 364.

²⁾ *Schrader*. Keil. Bibl. V. III—2. N. S. 135, 123.

³⁾ *Eusebius*. Praeparatio evangelica. P. 457—458.

⁴⁾ I. *Флавій*. Прот. Аппіона. Стр. 364.

⁵⁾ *Schrader*. Keil. Bibl. III—2. S. 135.

⁶⁾ Октябрь—ноябрь.

⁷⁾ *Schrader*. Keil. Bibl. III—2. S. 135.

⁸⁾ *Ibid.*, S. 123.

⁹⁾ *Ibid.*, S. 135.

¹⁰⁾ *Ibid.*

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Пророкъ Даниилъ при царяхъ мидо-персидской династіи.

Киръ не одинъ взялъ Вавилонъ; не ему одному досталось на первыхъ порахъ и покоренное вавилонское царство. Какъ предсказали въ свое время пророки Исаія и Іеремія, царство вавилонское было покорено мидянами, мидійскимъ царемъ ¹⁾; а по предсказанію самому Валтасару пророка Даниила, царство его (Валтасара) было раздѣлено и отдано мидянамъ и персамъ ²⁾, но не однимъ только персамъ. Дѣйствительно, по разсказу древнихъ историковъ, помощникомъ Кира при завоеваніи Вавилона былъ „мидянинъ“ ³⁾,—именно Дарій, царь мидійскій, который, по свидѣтельству Іосифа Флавія, былъ сынъ Астіага мидійскаго и у грековъ назывался другимъ именемъ ⁴⁾,—именемъ Киаксара II, занявшаго, послѣ смерти отца своего Астіага, мидійскій престолъ ⁵⁾. Онъ приходился роднымъ дядей Киру, братомъ его матери Манданы, дочери Астіага, вышедшей замужъ за персидскаго царя Камбиза ⁶⁾. Впослѣдствіи

¹⁾ Ил. 13, 17; Іерем. 51, 11. 28.

²⁾ Дан. 5, 28.

³⁾ *Eusebius*. Praeparatio evangelica. P. 457.

⁴⁾ I. *Флавій*. Древности іудейскія. Пер. Самуилова. Ч. II. Стр. 166.

⁵⁾ *Ксенофонтъ*. Киропедія. Пер. Мичевецкаго. Стр. 27.

⁶⁾ Объ этомъ свидѣтельствуесть *Ксенофонтъ* (Киропедія. Стр. 4); о царскомъ достоинствѣ своего отца говоритъ, кромѣ того, и самъ Киръ въ своихъ клинообразныхъ надписяхъ (*Schrader*. Keil. Bibl. V. III—2. N. S. 125). Геродотъ же называетъ Камбиза только „апатнымъ персомъ“ (*Геродотъ*. Исторія. Пер. Мищенко. Т. I. Стр. 57).

эта родственная связь еще болѣе укрѣпилась: Кирь женился на дочери Кіаксара ¹⁾ и, послѣ смерти тестя, у котораго не было больше дѣтей, получилъ въ приданое всѣ мидійскія области и сталъ полновластнымъ мидо-персидскимъ царемъ. Замѣчательно, впрочемъ, что, кромѣ Ксенофонта, который подробно и обстоятельно передаетъ намъ о личности этого Кіаксара, никто изъ древнихъ историковъ ясно и положительно не упоминаетъ о немъ, не называетъ его имени, а Геродотъ даже какъ-бы отрицаетъ самое его существованіе: онъ говоритъ, напр., что Астіагъ, отецъ Манданы, вовсе не имѣлъ мужскаго потомства и потому, послѣ его смерти, всѣ его владѣнія перешли къ Киру ²⁾. Но не довѣряя Ксенофонту, кажется, нѣтъ оснований: всѣ выводимые у него герои, при какой бы поэтической обстановкѣ они ни изображались, суть, тѣмъ не менѣе, историческія лица: Камбизъ, Астіагъ, Крезъ и другіе—всѣ эти герои извѣстны намъ какъ изъ рассказовъ другихъ древнихъ историковъ, такъ и изъ клинообразныхъ надписей. На какомъ же основаніи мы можемъ отрицать историческій характеръ личности одного Кіаксара II, сына Астіагова, о которомъ Ксенофонтъ говоритъ подробно и часто ³⁾, но о которомъ умалчиваетъ Геродотъ? Послѣдній вообще выводитъ только выдающихся въ какомъ-либо отношеніи историческихъ личностей, о посредственныхъ же болѣею частью умалчиваетъ; всего лучше это видно изъ его изложенія вавилонской исторіи: задавшись цѣлію назвать государей, прославившихся своимъ строительнымъ искусствомъ въ Вавилонѣ, онъ, однако, говоритъ только о древнѣйшей царицѣ Семирамидѣ, а затѣмъ о Нитокрисѣ и сынѣ ея Лабинетѣ, какъ онъ его называетъ, послѣднемъ царѣ вавилонскомъ, проходя молчаніемъ даже Навуходоносора ⁴⁾, несомнѣнно, славнаго сво-

¹⁾ Киропедія. Стр. 283, 285.

²⁾ Геродотъ. Т. I. Стр. 57—71.

³⁾ Киропедія. Стр. 19, 21, 27, 97, 98, 99, 130, 142 и др.

⁴⁾ Геродотъ. Т. I. Стр. 94—97.

ими постройками въ Вавилонѣ. Если такъ, то и молчаніе Геродота о Кіаксарѣ II, сынѣ Астіага, еще ничего не говоритъ противъ существованія этой исторической личности, тѣмъ болѣе, что косвенныя указанія на нее находимъ у другихъ древнихъ писателей. Эсхиль, напр., въ одной изъ своихъ историческихъ трагедій приводитъ такую тираду: „первый предводитель мидійскаго войска былъ мидянинъ (Астіагъ), довершилъ же это дѣло (т. е. усиленіе Мидіи) другой, сынъ его (очевидно, Кіаксаръ), а третій послѣ него Киръ“ ¹⁾. Обращаютъ вниманіе, далѣе, на существованіе персидскихъ золотыхъ монетъ „дариковъ“ уже въ царствованіе Кира, во время возвращенія іудеевъ изъ плѣна вавилонскаго ²⁾,—слѣдовательно, еще до Дарія Гистаспа, которому приписываетъ введеніе этого рода монетъ Геродотъ ³⁾; по словамъ Свида, дѣйствительно, дарики получили свое названіе отъ имени не Дарія Гистаспа, а другого Дарія, царствовавшего (я слѣдовательно, несомнѣнно существовавшего) раньше его ⁴⁾. Но болѣе всего подтверждаетъ историческое существованіе Дарія Мидянина и его царствованіе надъ Вавилономъ слѣдующее обстоятельство: Киръ, подъ власть котораго въ 538 году подпала вавилонская монархія и который съ тѣхъ поръ номинально дѣлается вавилонскимъ царемъ ⁵⁾, первые два года своего царствованія самъ называетъ себя въ договорахъ вавилонскихъ только „ца-

¹⁾ *Aeschylus*. Tragoediae, recens. Hermannus. Lipsiae. 1852. „Persae“, v. 762—765.—А Эсхиль, припомнимъ, между прочимъ, жилъ ранѣе Ксенофонта; слѣдовательно, имѣлъ въ виду не его Кіаксара, а дѣйствительно историческаго Кіаксара, котораго зналъ по преданію.

²⁾ 1 Эздр. 2, 69; Неем. 7, 70—72.

³⁾ Геродотъ. Т. I. Стр. 371.—Свидѣтельство Геродота, впрочемъ, не совсѣмъ ясно.

⁴⁾ *Hengstenberg*. Beiträge zur Einleitung ins A. T. I. B. S. 51. — Ленгерке, впрочемъ, отрицаетъ и это, говоря, что дарики получили свое названіе отъ общаго титула царей персидскихъ — *dara*, *darab*, т. е. господинъ, царь (*Lengerke*. Das Buch Daniel. S. 229).

⁵⁾ Ср. Дан. 6, 8: Дарій царствуетъ по законамъ мидянъ и персовъ.

ремь народовъ“, а съ 3-го года начинаетъ называться „царемъ вавилонскимъ, царемъ народовъ“¹⁾; канонъ Птолемея даетъ ему 9 лѣтъ царствованія въ Вавилонѣ²⁾; ясно, что изъ нихъ Киру принадлежитъ собственно 7 лѣтъ, а первые два года по завоеваніи Вавилона царемъ его былъ кто-то другой; этотъ другой и есть Дарій Мидянинъ или Киаксаръ II. Персидское имя Дарія, можетъ быть, было царскимъ титуломъ его, тѣмъ болѣе, что восточныхъ царей съ этимъ именемъ извѣстно нѣсколько³⁾. Какъ мы сказали, Дарій Мидянинъ былъ помощникомъ или сотрудникомъ Кира при завоеваніи Вавилона; впрочемъ, эта помощь ограничилась, кажется, только тѣмъ, что Дарій присоединилъ къ персидскимъ войскамъ свой мидійскій отрядъ⁴⁾; самъ же онъ едва ли присутствовалъ на полѣ битвы. Вотъ почему вся честь этого завоеванія принадлежала собственно одному Киру, какъ и замѣчаютъ это обыкновенно историки. Но послѣ завоеванія Киръ вступилъ, вѣроятно, въ соглашеніе съ Даріемъ и затѣмъ ему, какъ старѣйшему, уступилъ первенство надъ Вавилономъ⁵⁾. Этому

¹⁾ *Ménant. Babylone et la Chaldée. P. 275. — Lenormant. La divination et la science des présages chez les Chaldéens. P. 181—182.*

²⁾ О Даріѣ Мидянинѣ (какъ и о нѣкоторыхъ другихъ царяхъ) птоломеевой канонъ не упоминаетъ.

³⁾ По Геродоту, Дарій значитъ „правитель, укротитель“ (*Геродотъ. Истор. Т. II. Стр. 108*). Впрочемъ, какое имя основательнѣе считать родовымъ царскимъ титуломъ Дарія Мидянина, — имя ли Дарія или Киаксара, — это вопросъ далеко не легкій. Дѣло въ томъ, что и отецъ Дарія Астиагъ назывался, кажется, тоже Киаксаромъ: въ Дан. 9, 1 онъ названъ Ахашвершемъ, Ассуйромъ, по еврейскому правописанію אֲחַשְׁוֵרֶשׁ ; послѣднее имя тождественно съ персидскимъ *Uwakshatra*, а это равняется греческому *Κοαξάρης* (Киаксаръ). Киаксаромъ же (I) назывался и отецъ Астиага. Можетъ быть, поэтому, „Киаксаръ“ было родовымъ именемъ Дарія Мидянина.

⁴⁾ Ср. рассказъ Ксенофонта о томъ, что Киръ воевалъ противъ Вавилона, какъ *полководецъ* Киаксара (Киропедія. Стр. 175), — очевидно, предводитель его мидійскихъ войскъ.

⁵⁾ Ср. рассказъ Ксенофонта о томъ, что Киръ отдалъ все завоеванное имъ Киаксару, приготовилъ ему даже дворецъ въ Вавилонѣ и т. д. (Киропедія. Стр.

Дарію-Киаксару, при вступленіи его на престолъ вавилонскій, было уже 62 года¹⁾. Какъ историческая личность, онъ ничѣмъ вообще не выдавался; характеръ его тоже былъ какой-то неровный; энергіи, сильной воли у него совсѣмъ не было; правда, онъ умѣлъ иногда цѣнить людей²⁾, но въ другое время былъ въ высшей степени непроницателенъ³⁾; иногда приходилъ въ сильный гнѣвъ⁴⁾, въ другихъ же случаяхъ былъ настолько слабъ духомъ и волею, что доходилъ до слезъ⁵⁾; самъ онъ былъ лѣнивъ и любилъ возлагать всѣ дѣла по управленію на приближенныхъ къ нему лицъ⁶⁾; склоненъ къ роскоши и чувственнымъ удовольствіямъ⁷⁾ и гораздо больше занимался своими обѣдами и пиршествами, чѣмъ государственными дѣлами⁸⁾. Отъ такого царя трудно было, конечно, ожидать чего-либо прочнаго и опредѣленнаго въ дѣлахъ управленія; неудивительно, если онъ въ большинствѣ случаевъ былъ въ рукахъ своихъ вельможъ, управлявшихъ имъ по своему произволу; и самъ пророкъ Даниилъ долженъ былъ испытать на себѣ злобу и ненависть сановниковъ Дарія, но, несмотря на всѣ ихъ козни, покрылъ себя еще большею славой въ глазахъ какъ самого Дарія, такъ и всѣхъ его подданныхъ⁹⁾.

283, 175, 185). Талмудъ проводитъ мысль именно о соглашеніи Дарія и Кира, изъ которыхъ послѣдній охотно уступилъ первенство своему родственнику (*Wünsche. Bibliotheca rabbinica. Der Midrasch Schir-ha-schirim. S. 84—85*).

¹⁾ Дан. 5, 31. — Ср. соответствующія мѣста Ксенофонта: Киаксаръ въ такомъ возрастѣ, что не надѣется уже имѣть наследниковъ мужескаго пола (Киропед., стр. 283); онъ — старше Кира (Киропед., стр. 185), которому было уже въ то время свыше 60 лѣтъ (умеръ на 70-мъ году, — см. Кироп., стр. 290, — а Вавилонъ взялъ за 9 лѣтъ до кончины, — слѣд., на 61-мъ приблизительно году).

²⁾ Дан. 6, 1—3. 14; Кироп., стр. 19.

³⁾ Дан. 6, 9; Кироп., стр. 101.

⁴⁾ Дан. 6, 24; Кироп., стр. 132.

⁵⁾ Дан. 6, 14—16. 18. 23; Кироп., стр. 24, 50, 111, 176.

⁶⁾ Дан. 6, 3; Кироп., стр. 24, 111, 203.

⁷⁾ Дан. 6, 18; Кироп., стр. 137.

⁸⁾ Дан. 6, 18; Кироп., стр. 130, 183.

⁹⁾ Мы указали главныя черты характера Дарія Мидянина (по книгѣ Данииловой) и Киаксара (по Ксенофону) въ доказательство того, что тотъ и дру-

По вступленіи на вавилонскій престолъ, Дарій, нужно думать, остался въ своей новой столицѣ—Вавилонѣ, представ-

гой есть одно и тоже лицо Дарій-Киаксаръ, царь мидійскій (а потомъ вмѣстѣ и вавилонскій). Совершенно напрасны, поэтому, стремленія исследователей искать Дарія Мидяннина въ комъ-либо другомъ изъ извѣстныхъ намъ историческихъ лицъ. Такъ, отождествляютъ его съ Нериглиссоромъ (*Fabre d'Envieu. Le livre du prophète Daniel. P. 358—409.—Harenberg. Aufklärung des Buches Daniel. S. 454.—Histoire universelle, comp. par une société de gens de lettres. T. VII. P. 68.—Bergier. Dictionnaire de Théologie. T. II. P. 436.—Graevius. Syntagma variarum dissertationum rariarum. Ultraj. 1702. P. 180*), Набоннадомъ (*Grotius. Annotationes in V. T. T. II. P. 359*), Астагомъ мидійскіимъ (*Winer. Bibl. Realwörterbuch. I. B. S. 250.—Niebuhr. Geschichte Assur's u. Babel's. S. 45, 92*), признаннымъ добровольно халдейскими легитимистами царемъ вавилонскимъ, но фактически царствовавшимъ, кромѣ Мидіи, только надъ областью эламскою (ок. 554—550 г.) и жившимъ по временамъ въ Сузахъ (*Болотовъ. „Валтасаръ и Дарій Мидяннинъ“.* Христ. Чтеніе, 1896, сентябрь—октябрь, стр. 319—323, 325), Даріемъ Гистаспомъ (*Meinhold. Beiträge z. Erklärung d. V. Daniel. Heft I. S. 41—46.—Bunsen Ernst. Die Einheit d. Religionen. I. B. S. 506.—Haneberg. Versuch einer Geschichte d. biblischen Offenbarung. S. 369*) и др. Гипотеза, не имѣющая вообще подъ собою прочныхъ основаній. Противъ нихъ говорятъ, напр., Дан., гл. 9. Почему именно въ 1-й годъ Дарія пророкъ „сообразилъ по книгамъ число лѣтъ, на которомъ было слово Господне къ Іереміи пророку, что семьдесятъ лѣтъ исполнятся надъ опустошеніемъ Іерусалима“ (Дан. 9, 2)? Почему въ то время онъ „обращалъ лице свое къ Господу Богу съ молитвою и моленіемъ, въ постъ и вретидъ и неплѣ“ (Дан. 9, 3), умоляя Господа обратить гнѣвъ Свой на милость, призрѣть на развалины Іерусалима и на позоръ народа Его и простить его не по заслугамъ, а по великому милосердію Своему (Дан. 9, 15—19)? Очевидно, въ то время оканчивались 70 лѣтъ плѣна; очевидно, это было около 538—537 г., а не въ 1-й годъ Нериглиссора, или Набоннада, или Дарія Гистаспа, или ок. 554 г., какъ говоритъ проф. Болотовъ. Противъ послѣдняго можно выставить и другія основанія. Почему, напр., Дарій царствуетъ по законамъ мидянъ и персовъ (Дан. 6, 8, 12, 15), когда Астиагъ былъ совершенно независимый мидійскій государь, имѣвшій только союзникомъ Кира, царя ахеменидскаго (*Болотовъ, стр. 322*)? Какимъ образомъ Дарій—это Астиагъ мидійскій, дѣдъ Кира, когда онъ оказывается только на 17 лѣтъ старше Кира (Киръ въ 554 г. было ок. 45 лѣтъ, а Дарію—62 года)?—Сравнительно состоятельнае предположеніе (*Vigouroux. Die Bibel u. die neueren Entdeckungen. IV. B. S. 463*), не есть ли Дарій Мидяннинъ тотъ самый полководецъ Кира Угбару или Гобрій, который собственно и взялъ Вавилонъ и котораго Киръ, вслѣдъ затѣмъ, поставилъ правителемъ Вавилона (*Schrader. Keil. Bibl. V. III—2. H. S. 135*). Затруд-

лявшей для него, вѣроятно, большій интересъ, чѣмъ Ми-

навіе, впрочемъ, въ томъ, что, по Геродоту, Гобрій родомъ былъ персъ (*Геродотъ. Т. I. Стр. 250*), а по Ксенофонту—ассиріецъ (Киропедія. Стр. 138), но не мидяннинъ; затѣмъ, если бы при завоеваніи Вавилона Гобрію было уже 62 года, тогда едва ли бы онъ могъ быть въ числѣ заговорщиковъ противъ Лжесмердиса (*Геродотъ. Т. I. Стр. 252*), а при Даріѣ Гистаспѣ—въ числѣ его совѣтниковъ (*Геродотъ. Т. I. Стр. 355—356*); наконецъ, полнота самодержавной власти, какая приписывается въ книгѣ Даниловой Дарію Мидяннину, не позволяетъ высказаться въ пользу отождествленія этого царя съ Гобріемъ.—Остонавливаясь на себѣ вниманіе еще предположеніе Тиле (*Tiele. Babyl.-assyr. Geschichte. 2. T. S. 476—477, 483—484*), Мейера (*Meyer. Geschichte des Alterthums. I. B. S. 605—606*), Масперо (*Maspero. Histoire ancienne des peuples de l'orient. P. 582, 583*) и другихъ, будто кромѣ Гобрія, которому поручилъ Киръ управление Вавилономъ, онъ назначилъ своего старшаго сына Камбиза „вице-царемъ“ вавилонскимъ. Основанія для такого предположенія находятъ въ томъ, что самъ Киръ возносить молитву къ Меродаху и другимъ богамъ вавилонскимъ не только о себѣ, но и о своемъ сынѣ Камбизѣ (*Schrader. Keil. Bibl. V. III—2. H. S. 125, 127.—Tiele. S. 476.—Meyer. S. 606*),—что Камбизъ послѣ завоеванія Вавилона устроилъ 4-го нисана какое-то религиозное торжество съ жертвоприношеніями богамъ (*Schrader. Keil. Bibl. V. III—2. H. S. 135—137*) по случаю, можетъ быть, своего посвященія въ „вице-царя“ вавилонскіе (*Tiele. S. 476—477.—Maspero P. 582*),—что среди контрактныхъ табличекъ сохранилась одна, помѣченная „11-мъ годомъ Камбиза, царя вавилонскаго“, между тѣмъ какъ, по птоломеевскому канону и другимъ историческимъ свидѣтельствамъ, Камбизъ, послѣ смерти своего отца, царствовалъ только 8 лѣтъ (*Tiele. S. 477, 483.—Meyer. S. 606*), и наряду съ этимъ сохранилась другая съ датой „1-го года Камбиза, царя вавилонскаго“ и съ упоминаніемъ о дѣятельности въ то время „Кира, отца его, царя народовъ“ (*ibid.*); все это, говорятъ, доказываетъ, что еще при жизни Кира, носившаго титулъ „царя народовъ“, сынъ его Камбизъ былъ и титуловался „царемъ вавилонскимъ“; а если допустить, что „11-й годъ Камбиза“, какъ царя вавилонскаго, былъ послѣднимъ, 8-мъ годомъ его самостоятельнаго царствованія по смерти отца, то выйдетъ, что еще при жизни Кира Камбизъ по крайней мѣрѣ 3 года царствовалъ въ Вавилонѣ (*Tiele. S. 483*). Основанія далеко не безспорны. Нѣкоторое значеніе развѣ могла-бы имѣть только молитва Кира о себѣ и о своемъ сынѣ Камбизѣ (подобно молитвѣ Набоннада о себѣ и сынѣ своемъ Валтасарѣ); по торжество, устроенное Камбизомъ, нѣкимъ образомъ не можетъ говорить еще о посвященіи его при этомъ въ „вице-царя“ вавилонскіе. Что же касается контрактныхъ табличекъ, то затрудненій, встрѣчающихся здѣсь, не можетъ рѣшить и самъ Тиле. Дѣло въ томъ, что встрѣчаются даты „10-го года Кира, царя вавилонскаго, царя народовъ“, между тѣмъ какъ въ Вавилонѣ Киръ царствовалъ только 9 лѣтъ; въ 8-й годъ своего царствованія Киръ называется не только

дія¹⁾),—и занялся устройством своихъ новыхъ владѣній. Онъ раздѣлилъ свое государство на 120²⁾ округовъ и каждый изъ нихъ поручилъ въ управленіе особому сатрапу³⁾). Кромѣ нихъ, царь, для облегченія себя въ управленіи государствомъ, поставилъ еще трехъ высшихъ сановниковъ—князей или архонтовъ, которымъ подчинены были сатрапы; послѣдніе должны были давать во всемъ отчетъ своимъ непосредственнымъ начальникамъ—архонтамъ и особенно тамъ, гдѣ дѣло касалось податей, налоговъ и вообще финансовыхъ интересовъ государства,—немедленно доносить архонтамъ и руководиться ихъ указаніями. Однимъ изъ этихъ трехъ князей-архонтовъ царь поставилъ пророка Даніила, которому въ то время было уже

„даремъ народовъ“, но и „царемъ вавилонскимъ“, Камбизъ же въ 1-мъ и 2-мъ году своего царствованія называется не только „царемъ вавилонскимъ“, но и „царемъ народовъ“, а въ 3-мъ году—только „царемъ народовъ“ (*Tiele*. S. 483—484). Все это заставляетъ Тиле (S. 484) и Мейера (S. 606, 616) строить не мало разнаго рода дополнительныхъ соображеній, не всегда даже вѣроятныхъ. Во всякомъ случаѣ, предположеніе о царствованіи Камбиза въ Вавилонѣ еще при жизни отца не имѣетъ подъ собою прочныхъ данныхъ. При допущеніи его мы имѣли-бы основаніе построить дальнѣйшую гипотезу о тождествѣ Камбиза съ Даріемъ Мидянникомъ; но и это положительно невозможно въ силу библейскаго текста: Дарій былъ „сынъ Ассиуровъ“ (Дан. 9, 1), а не Кировъ; былъ „мидянинъ“, „изъ рода мидійскаго“ (Дан. 9, 1) и царствовалъ „по законамъ мидійскимъ и персидскимъ“ (Дан. 6, 8. 12. 15), а не только персидскимъ; вступилъ на престолъ вавилонскій 62 лѣтъ (Дан. 5, 31) и по возрасту былъ старше Кира,—слѣд., не могъ быть сыномъ его; наконецъ, царствованіе Дарія предшествовало царствованію Кира (Дан. 6, 28), между тѣмъ какъ Камбизъ долженъ былъ-бы, повидимому, царствовать надъ Вавилономъ сначала совмѣстно съ Кировъ, а потомъ самостоятельно, по смерти уже отца,—и слѣдовательно, быть скорѣе преемникомъ, чѣмъ предшественникомъ Кира.

¹⁾ Впрочемъ, Флавій говоритъ, что Дарій уѣхалъ въ Мидію, куда взялъ съ собою и пророка Даніила (I. *Флавій*. Древности іудейскія. Пер. Самуйлова. Ч. II. Стр. 166).

²⁾ По Флавію—360 (Древности іудейск. Ч. II. Стр. 166).

³⁾ Впослѣдствіи Киръ (Киропедія. Стр. 285), а затѣмъ Дарій Гястаспъ (Геродотъ. Т. I. Стр. 261) тоже дѣлили вавилоно-мидо-персидскую монархію на округа или сатрапій; но этотъ обычай и самое названіе „сатрапъ“ были извѣстны, какъ мы въ свое время говорили, гораздо раньше.

свыше 80 лѣтъ. Какъ видно, пророкъ при этомъ государѣ достигъ такого вліянія и поставленъ былъ на такую высоту административныхъ чиновъ и должностей, какой онъ не достигъ не только при послѣднихъ царяхъ вавилонскихъ, но и при самомъ Навуходоносорѣ. Правда, въ ночь паденія Вавилона пророкъ былъ назначенъ Валтасаромъ первымъ сановникомъ въ государствѣ послѣ обоихъ царей; но, за смертію самого Валтасара, за паденіемъ вавилонскаго государства, назначеніе это оказалось только номинальнымъ. При всемъ томъ, оно, несомнѣнно, повліяло на предоставленіе пророку Даніилу того высокаго государственнаго поста, на какомъ онъ вдругъ является въ самомъ началѣ царствованія Дарія. Событія послѣдней ночи Вавилона, хорошо извѣстныя и памятные, конечно, ихъ очевидцамъ, могли быть переданы и Дарію; возможно, что ему сообщили и пророчество Даніила о завоеваніи Вавилона мидянами и персами¹⁾. Да и независимо отъ того, слава о необыкновенной мудрости Даніила, его высококомъ пророческомъ дарѣ, о которомъ публично говорила мать Валтасара, хорошо извѣстны были большинству вавилонянъ; исторія же съ Валтасаромъ еще болѣе подтвердила громкіе слухи и широкую извѣстность, какую пророкъ успѣлъ приобрѣсти во всѣхъ слояхъ общества. Несомнѣнно, зналъ это и Дарій и потому сейчасъ же пригласилъ Даніила, стараго вельможу еще Навуходоносора, на постъ одного изъ трехъ поставленныхъ имъ князей-архонтовъ. Въ новой своей должности пророкъ Даніиль успѣлъ показать себя съ самой лучшей стороны; не говоря уже о томъ, что своею мудростью и прозорливостью онъ превосходилъ всѣхъ архонтовъ и сатраповъ, но и высочайшая честность и добросовѣстность отличала пророка отъ другихъ сановниковъ Дарія: его административный тактъ, регулируемый необыкновенною сверхъестественною мудростью,

¹⁾ Библиотека твор. св. отц. и учит. ц. зап. Кн. 21. Твор. бл. Иеронима, ч. 12. Стр. 49.

вниманіе къ своему долгу при надзорѣ за подчиненными ему лицами, ревность и заботливость объ интересахъ государства— дѣлали его, какъ администратора, незамѣнимымъ и обращали на него общее вниманіе. Царь самъ, конечно, имѣлъ не мало случаевъ убѣдиться въ мудрости, честности и аккуратности пророка-сановника и, будучи самъ расположенъ гораздо болѣе къ покою и удобствамъ, чѣмъ къ занятію дѣлами правленія, хотѣлъ поручить всё безъ исключенія государственныя дѣла одному Даніилу,—думалъ поставить его полновластнымъ правителемъ всего своего царства.

Такая благосклонность царя къ пророку, а тѣмъ болѣе предполагавшееся назначеніе послѣдняго единовластнымъ правителемъ государства не могли понравиться другимъ архонтамъ и сатрапамъ и завистливые сановники стали придумывать средство, какъ-бы подорвать значеніе пророка, ослабить его вліяніе на царя, а если можно, то и совсѣмъ погубить его. Они стали доискиваться, нѣтъ ли въ самыхъ дѣлахъ Даніила, въ его управленіи ввѣренномъ ему округомъ какихъ-либо промаховъ, ошибокъ или злоупотребленій; но ничего не могли найти, потому что пророкъ необыкновенно строго относился къ самому себѣ и къ исполненію своихъ должностныхъ обязанностей и ни въ какой мелочи нельзя было упрекнуть его. Для достиженія своей цѣли, они употребляли даже хитрости: посылали къ пророку своихъ довѣренныхъ лицъ съ подарками,—единственно для того, чтобы имѣть поводъ обвинить его предъ царемъ въ корыстолюбіи и злоупотребленіяхъ; но всё попытки завистливыхъ враговъ пророка не удались: Даніиль не только съ полифѣйшимъ презрѣніемъ относился къ деньгамъ и подаркамъ, но пренебрегалъ и добровольными дарами, подносимыми ему¹⁾, и тѣмъ отнималъ у своихъ враговъ всякую возможность обвинить его въ какомъ бы то ни было неблаговидномъ дѣлѣ. Послѣ многократныхъ бесплодныхъ по-

¹⁾ *И. Флавій. Древности іуд. Перев. Самуйлова. Ч. II. Стр. 166.*

пытокъ этого рода, враги Даніила, дѣйствительно, успѣли придумать средство, съ помощью котораго, какъ они были увѣрены, имъ удастся погубить своего соперника. Они знали благочестіе пророка, знали его сильную приверженность къ закону Іеговы, они были увѣрены, что въ случаѣ нужды и онъ, подобно своимъ друзьямъ (при Навуходносорѣ), согласится скорѣе умереть, чѣмъ отказаться отъ своей религіи, отъ своего законнаго благочестія,—и рѣшили обратить это обстоятельство въ свою пользу. Исполненіемъ задуманнаго плана особенно заинтересовались, конечно, двое другихъ князей, такъ какъ возвышеніе пророка Даніила, естественно, значительно подрывало ихъ собственный вѣсъ и значеніе: имъ, поэтому, принадлежитъ, главнымъ образомъ, инициатива всего задуманнаго дѣла. Собравши къ себѣ подчиненныхъ имъ сатраповъ, они всё вмѣстѣ толпою отправились къ царю и отъ лица не только своего, но и другихъ высшихъ сановниковъ государства сдѣлали ему слѣдующее предложеніе: „царь Дарій, во вѣки живи!“ обратились они къ нему: „всѣ князья царства, намѣстники, сатрапы, совѣтники и военачальники¹⁾ согласились между собою, чтобы сдѣлано было царское постановленіе и издано повелѣніе, чтобы, кто въ теченіе тридцати дней будетъ просить какого-либо бога или человѣка, кромѣ тебя, царь²⁾, того бросить въ львиный ровъ. Итакъ, утверди, царь, это опредѣленіе и подпиши указъ, чтобы онъ былъ неизмѣненъ, какъ законъ мидійскій и персидскій³⁾, и чтобы онъ не былъ

¹⁾ Съ этими чинами мы встрѣчались уже въ исторіи Навуходносора; и въ его царствѣ были тѣже сатрапы, намѣстники, воеводы и т. п.

²⁾ Иосифъ Флавій страшно варьируетъ этотъ рассказъ: по нему, сановники просили у Дарія разрѣшенія устроить 30-дневный праздникъ, впродолженіе котораго запрещено было-бы каждому просить о чемъ-либо *царя и боговъ* (*И. Флавій. Древности іуд. Ч. II. Стр. 166*).

³⁾ Законы мидянъ и персовъ дѣйствительно отличались замѣчательною прочностью и неизмѣнностью: какъ бы ни былъ несправедливъ и чудовищенъ царскій указъ, но вслѣдствіе своего значенія, какъ закона, онъ долженъ былъ сохранять за собою полную силу до смерти законодателя (ср. *Эсе. 1, 19; 8, 8*).

нарушенъ“. Предложеніе сановниковъ Дарія, естественно, обращаетъ на себя вниманіе своею оригинальностью: оно имѣло въ виду въ сущности возвести царя на степень божества и обязать всѣхъ подданныхъ молиться царю, какъ Богу. Между тѣмъ, такое странное, повидимому, предложеніе вполнѣ въ духѣ своего времени. По свидѣтельству Діодора, египтяне и эѳіопы считали своихъ царей за боговъ, становились предъ ними на колѣни и т. п. ¹⁾ Курцій ²⁾ и Бриссоній ³⁾ говорятъ тоже о персахъ, которые ставили своихъ царей въ разрядъ божествъ и воздавали имъ чисто-божескую честь. И замѣчательно, что первые обратили своихъ царей въ божества именпо мидяне, царь которыхъ Дейокъ сталъ совершенно удалаться отъ народа, чтобы его считали какимъ-то недосыгаемымъ, высшимъ существомъ ⁴⁾; отъ нихъ этотъ обычай перешелъ къ персамъ ⁵⁾ и другимъ народамъ древности и постепенно превратился въ настоящее обожаніе царей. Въ этихъ видахъ предложеніе сановниковъ Дарія нисколько неудивительно и страшныя угрозы ослушникамъ новаго царскаго указа вполнѣ естественны для того времени. Самое осужденіе на растерзаніе львами и другими дикими животными (подобно изрубленію въ куски, сожженію въ печи и другимъ страшнымъ казнямъ, о которыхъ мы уже говорили) было въ обычаѣ въ древней Ассиріи и Вавилонѣ. Ассурбанипаль, напр., описывая въ одной своей надписи свой походъ противъ возмутившагося брата своего Саммугаса, говоритъ, что у однихъ изъ бунтовщиковъ онъ вырвалъ языки, другихъ сжегъ, третьихъ избилъ, а „у остальныхъ отсѣкалъ различные члены тѣла и бросалъ ихъ

¹⁾ Діодоръ Сицилійскій. Историч. библіотека. Перев. Алексѣева. Ч. I. Стр. 145, 258, 261.

²⁾ Curtius. Historia Alexandri Magni. Lipsiae. 1829. P. 241.

³⁾ Бриссоній. О перскомъ царствѣ. Пер. Алексѣева. Ч. I. М. 1781. Стр. 22, 39; ср. стр. 24—42.

⁴⁾ Геродотъ. Исторія. Т. I. Стр. 54.

⁵⁾ Бриссоній. Ч. I. Стр. 52.

въ пищу собакамъ, кабанамъ, коршунамъ, орламъ, птицамъ и рыбамъ“ ¹⁾. Львовъ въ окрестностяхъ Ниневіи и Вавилона водилось множество; недаромъ ассирійскіе цари часто охотились за ними и львиную охоту считали лучшимъ для себя удовольствіемъ. Насколько распространена была эта охота,—достаточно видно изъ клинообразныхъ надписей: Тиглатпелассаръ I рассказываетъ, что онъ убилъ на охотѣ 120 львовъ, а потомъ еще 800 ²⁾; Ассурназирабаль убилъ въ одинъ разъ 120 львовъ, въ другой разъ—370 ³⁾; Самси-Рамманъ передаетъ только о 3 убитыхъ имъ львахъ ⁴⁾. Сколько, притомъ, ихъ убивали, столько же и ловили: тотъ-же Ассурназирабаль передаетъ, какъ онъ поймалъ 15 сильныхъ львовъ въ горахъ, кромѣ нихъ еще 50 молодыхъ львовъ, которыхъ привезъ въ столицу и помѣстилъ въ особо устроенныхъ для того клѣткахъ во дворцахъ, приставивъ для присмотра за ними особыхъ людей; да и въ другихъ случаяхъ этотъ царь привозилъ съ охоты цѣлыя стада львовъ живыми ⁵⁾. Нерѣдко львами платили подать побѣдителямъ-царямъ: такъ, на одномъ барельефѣ во дворцѣ Сеннахирима въ Куйюнджикѣ изображены побѣжденные, несущіе этому царю дань; въ числѣ прочихъ подарковъ, подносимыхъ ему, находится и скованный цѣпями левъ ⁶⁾. Этихъ-то, содержимыхъ въ клѣткахъ или особыхъ помѣщеніяхъ, львовъ употребляли и для казни преступниковъ,—въ частности—политическихъ преступниковъ, какъ видно изъ указанной выше надписи. Нечего удивляться, поэтому, если и теперь, по указу Дарія, всѣмъ ослушникамъ новаго закона

¹⁾ Schrader. Keil. Bibl. V. II. S. 193. Надпись не говоритъ прямо о растерзаніи звѣрями, однако наводитъ на мысль о существованіи и такого рода казни, при чудовищной жестокости ассиро-вавилонскихъ царей вполнѣ возможной.

²⁾ Schrader. Keil. Bibl. V. I. S. 39.

³⁾ Ibid., S. 125.

⁴⁾ Ibid., S. 185.

⁵⁾ Ibid., S. 125.

⁶⁾ Vigouroux. Die Bibel u. d. neueren Entdeckungen. V. IV. S. 466.

назначена была жестокая казнь—растерзаніе львами: подобная суровость въ духѣ того времени.

Дарій утвердилъ и подписалъ предложенный ему указъ. На скорое согласіе его, помимо нѣкоторой, такъ сказать, основательности указа, вліяли, конечно, и другіе мотивы. Вѣроятно, сановники выставили царю и разнаго рода политическіе резоны: они могли уговорить его, что это—наилучшее средство возвысить его царственный авторитетъ и укрѣпить его власть, такъ какъ въ данномъ случаѣ онъ можетъ непосредственно убѣдиться, насколько чтутъ и повинуются ему его подданные. Впрочемъ, и безъ того предложеніе архонтовъ и сатраповъ льстило Дарію, ничѣмъ не прославившемуся старику, такъ какъ оно имѣло въ виду какъ-бы превратить его на нѣкоторое время въ единственное и главнѣйшее божество для всѣхъ его подданныхъ.

Пророка Давіила въ то время, вѣроятно, не было въ столицѣ, такъ какъ трудно допустить, чтобы царь не призвалъ и его для совѣщанія по поводу предполагавшагося новаго указа. Когда же пророкъ возвратился и узналъ, что произошло безъ него, то, конечно, понялъ, къ чему направили свой планъ его завистливые соперники, но съ своей стороны, разумѣется, не задумался, какъ ему поступить въ данномъ случаѣ. Интересы религіи для него стояли на первомъ планѣ; ради нихъ онъ не обратилъ вниманія и на то, что угрожаетъ ему въ случаѣ нарушенія царскаго указа. По обычаю всѣхъ благочестивыхъ достаточныхъ іудеевъ, пророкъ имѣлъ въ своемъ домѣ особую горницу, служившую ему постоянной молебней. По описанію археологовъ, подобныя горницы устраивались съ задней стороны дома, на одномъ изъ двухъ заднихъ угловъ или надъ заднимъ крыльцомъ; сюда обыкновенно удалялись для отдыха и уединенія отъ шума и суеты городской жизни,—особенно же для молитвы¹⁾. Окна такой горницы въ домѣ

¹⁾ *Bertholdt. Daniel*, 2. H. S. 400—401.—Что такія горницы дѣйствительно существовали и что онѣ преимущественно приспособлены были для молитвы,—см. *Иудея*. 8, 5; *Мѣ*. 6, 6; *Дѣян.* 1, 13; 10, 9 и друг.

пророка Давіила были обращены въ сторону Іерусалима, и пророкъ, открывая ихъ на время молитвы (какъ-бы для живѣйшаго воспоминанія о разрушенномъ храмѣ,—мѣстѣ особеннаго присутствія Іеговы¹⁾), трижды въ день²⁾ преклонялъ колѣна³⁾ и изливалъ предъ Богомъ горячую молитву, воспѣвая ему хвалебные гимны. Этого благочестиваго обычая пророкъ не оставлялъ и теперь, несмотря на то, что, въ случаѣ доноса, ему грозила страшная казнь. Между тѣмъ, враги Давіила пристально подсматривали за нимъ, чтобы въ удобное время застать его, такъ сказать, на мѣстѣ преступленія. Узнавши чрезъ своихъ шпионовъ, когда и гдѣ пророкъ совершаетъ свою обычную молитву, они однажды цѣлой толпой вошли къ нему въ молебню и застали благочестиваго старца за молитвой и пѣснопѣніями. Тотчасъ отправились они къ царю и сказали ему: „не ты ли подписалъ указъ, чтобы всякаго человѣка, который въ теченіе тридцати дней будетъ просить какого-либо бога или человѣка, кромѣ тебя, царь, бросать въ львиный ровъ?“ Царь отвѣчалъ: „это слово твердо, какъ законъ мидянъ и персовъ, не допускающій измѣненія“. Видя, что царь самъ признаетъ изданный имъ указъ ненарушимымъ, сановники приступили къ рѣшительному обвиненію царскаго любимца: „Давіиль, который изъ плѣнныхъ сыновъ Іудей, не обращаетъ вниманія ни на тебя, царь, ни на указъ, тобою подписанный, но три раза въ день молится своими молитвами“⁴⁾. Царь, услышавъ доносъ на своего любимца, не

¹⁾ Ср. 3 Цар. 8, 38. 44. 48; 2 Пар. 6, 29. 34. 38; Псал. 27, 2.

²⁾ Можетъ быть, утромъ, въ полдень и вечеромъ (ср. Пс. 54, 18), или въ 3-й, 6-й и 9-й часы дня (ср. *Дѣян.* 2, 15; 3, 1; 10, 9), какъ часы богослуженія въ іерусалимскомъ храмѣ (ср. 1 Эздр. 9, 5; Пс. 140, 2; *Дан.* 9, 21).

³⁾ Такъ молились многіе израильтяне: см. 3 Цар. 8, 54; 2 Пар. 6, 13; 1 Эздр. 9, 5.

⁴⁾ Да и это, продолжаетъ Флавій рѣчь обвинителей, онъ (Давіиль) дѣлаетъ вовсе не изъ набожности, а нарочно, чтобы показать свое къ нимъ (т. е. къ царю и изданному имъ новому указу) презрѣніе (*И. Флавій. Древности іуд.* Пер. Самуйлова. Ч. II. Стр. 167).

только не разсердился и не велѣлъ сейчасъ же казнить его (какъ, можетъ быть, думали доносчики), но напротивъ—сильно опечалился и сталъ придумывать средство, какъ-бы спасти обвиняемаго старца. Онъ готовъ бы былъ отмѣнить и самый законъ, еслибы это было теперь въ его власти; нужно было, по крайней мѣрѣ, придумать, нельзя ли какъ-нибудь обойти новый законъ и тѣмъ избавить пророка отъ страшной казни. Царь до самаго вечера строилъ всевозможные планы,—вѣроятно, вступалъ въ споръ и съ доносчиками, желая повернуть дѣло въ свою сторону; но исхода изъ затруднительнаго положенія, повидимому, не было. Вечеромъ пришли къ нему тѣже архонты и сатрапы и настойчиво требовали казни пророка: „знай, царь, сказали они Дарію, что по закону мидянъ и персовъ никакое опредѣленіе или постановленіе, утвержденное царемъ, не можетъ быть измѣнено“. Послѣ такого категорическаго заявленія, слабому и робкому Дарію оставалось только съ грустью изъявить согласіе на казнь своего любимца. Пророка привели, прочитали надъ нимъ смертный приговоръ и повели ко рву львиному. Съ великою скорбію прощался Дарій съ пророкомъ Давиломъ: „Богъ твой, Которому ты неизмѣнно служишь, Онъ спасетъ тебя!“ Глубокаго старца-пророка бросили въ ровъ или яму, въ которой держали свирѣпыхъ львовъ. Опредѣлить ближе самое устройство этихъ ямъ или рвовъ львиныхъ—трудно, такъ какъ изображеній или какихъ-либо описаній ихъ мы не имѣемъ; на барельефахъ ниневійскихъ есть только изображеніе клѣтки со львомъ¹⁾, въ какихъ этихъ звѣрей, вѣроятно, перевозили, выставляли для осмотра и т. п. Обыкновенно же ихъ держали въ приспособленныхъ для того берлогахъ или ямахъ, вырытыхъ просто въ землѣ. Тоже самое, напр., мы видимъ у султановъ Марокко, которые любятъ охотиться на львовъ, а пойманныхъ звѣ-

¹⁾ См. изображеніе и описаніе у Вигуру (*Die Bibel u. d. neueren Entdeckungen*. IV. B. S. 465—467).

рей держать въ особыхъ ямахъ; устройство послѣднихъ можетъ легко навести на довольно точное представленіе и о вавилонскихъ львиныхъ рвахъ. Въ Марокко львиный ровъ состоитъ, по описанію очевидцевъ, изъ большой вырытой въ землѣ четырехугольной ямы, которая раздѣляется на двѣ приблизительно равныя части стѣною, снабженною дверью; чрезъ эту дверь, которую можно легко затворить или отворить сверху ямы, львы могутъ переходить изъ одной половины въ другую. Когда наступаетъ время корма, пищу бросаютъ львамъ въ одно отдѣленіе и, какъ только звѣри займутся ею, сторожа, затворивъ предварительно дверь, раздѣляющую обѣ половины ямы, спускаются въ пустое отдѣленіе и очищаютъ его. Сверху такая яма обыкновенно не закрывается ничѣмъ, такъ что можно свободно смотрѣть на львовъ; здѣсь только есть небольшой барьеръ или стѣнка вокругъ ямы въ 1½ локтя высоты¹⁾. Нѣчто подобное было, конечно, и въ Вавилонѣ: такого же приблизительно устройства яма, въ которую чрезъ верхнее отверстіе бросали, между прочимъ, и преступниковъ. Такъ было и въ данномъ случаѣ: пророка бросили внизъ ко львамъ, но къ отверстію привалили большой камень²⁾, который и припечатали печатью царя и печатью присутствовавшихъ здѣсь вельможъ³⁾. Это было сдѣлано, прежде всего,

¹⁾ *Bertholdt*. Daniel. 2. H. S. 398—399.

²⁾ Талмудисты-раввины строятъ по поводу этого камня фантастическія предположенія: по однимъ, это былъ камень не изъ Вавилона, а изъ Іудеи, который самъ собою прикатился и закрылъ отверстіе надъ пророкомъ; по другимъ, это былъ ангелъ въ видѣ каменнаго льва (*Wünsche*. Bibliotheca rabbinica. Der Midrasch Bemidbar rabba. S. 350. Der Midrasch Schir-ha-schirim. S. 2).

³⁾ По свидѣтельству Геродота, знатные вавилоняне постоянно носили при себѣ, въ качествѣ какъ-бы необходимой принадлежности самаго костюма, кольцо со своею именною печатью; его надѣвали на палецъ или же вѣшали на шнурѣкъ на шею (*Геродотъ*. Исторія. Перев. Мищенко. Т. I. Стр. 102). На перстиѣхъ вырѣзывалось имя владѣльца, изображеніе его или близкаго къ нему лица; къ этому присоединялись нерѣдко краткія сентенціи. Часто такія печати замѣняли самую подпись (*Bertholdt*. Daniel. 2. H. S. 409). Свои печати имѣли и употреб-

для приданія законности дѣлу, для свидѣтельства о томъ, что казнь совершена съ согласія и утвержденія царя; затѣмъ и главнымъ образомъ, этимъ имѣлось въ виду взаимное обезпеченіе съ той и другой стороны, въ виду наступленія особенно ночного времени: царь боялся, чтобы вельможи не убили пророка, если львы его не тронуть,—и для предохраненія отъ этого къ единственному отверстию рва велѣлъ привалить большой камень, который и припечаталъ своею печатью; съ другой стороны, и вельможи не хотѣли допустить, чтобы царь по своему мягкосердечію какъ-нибудь освободилъ Даниила изъ рва,—и потому приложили и свои печати ¹⁾. Оставивши пророка на съѣденіе звѣрямъ, всѣ разошлись домой.

Насколько были довольны теперь враги Даниила, настолько же былъ огорченъ и подавленъ печалію самъ царь. На него осужденіе любимаго сановника произвело подавляющее впечатлѣніе и привело въ сильное уныніе и отчаяніе. Въ тотъ вечеръ царь отказался совершенно отъ ужина, хотя самъ былъ преданъ роскоши и сластолюбію; всю ночь онъ не могъ заснуть отъ сильной грусти и безпокойства о своемъ любимцѣ; въ спасеніи его онъ, конечно, не былъ увѣренъ, хотя могъ питать въ душѣ слабую надежду, что желаніе его, можетъ быть, исполнится. Какъ только разсвѣло, измученный безпокойствомъ и безсонницей царь поспѣшно отправился со

лали и вавилонскіе цари (*Schrader. Keil. Bibl. V. III—1. N. S. 183*). Разумѣется, всѣ важные государственные документы обязательно скрѣплялись царскою печатью (ср. Эсѣ. 8, 8), которая хранилась обыкновенно у перваго министра царя (Быт. 41. 42; Эсѣ. 8, 2; Тов. 1, 22; Дан. 14, 14; 1 Макк. 6, 14. 15). Иногда сами цари давали и своимъ сановникамъ печати въ знакъ особыхъ полномочій (Эсѣ. 8, 2). Впрочемъ, не только сановники, но и всѣ начальствующія лица, всѣ состоящіе на общественной службѣ скрѣпляли и утверждали свои постановленія печатами (ср. Неем. 9, 38).

¹⁾ Ср. I. *Златоустъ*. Бесѣды на разныя мѣста св. писанія. Т. I. Стр. 384.—Твор. св. отц. Т. XXII. Твор. св. Ефрема Сирина, ч. 8. Стр. 72.—Библиот. твор. св. отц. и учит. д. зап. Кн. 21. Твор. бл. Иеронима, ч. 12. Стр. 53.

свитою къ мѣсту заключенія пророка и, колеблясь между надеждой и отчаяніемъ, жалобнымъ голосомъ окликнулъ его: „Данииль, рабъ Бога живаго! Богъ твой, Которому ты неизмѣнно служишь, могъ ли спасти тебя отъ львовъ?“ Велика была радость царя, когда онъ услышалъ изъ рва голосъ пророка: „царь, во вѣки живи! Богъ мой послалъ ангела Своего и заградилъ пасть лвамъ, и они не повредили мнѣ ¹⁾, потому что я оказался предъ Нимъ чистъ, да и предъ тобою, царь, я не сдѣлалъ преступленія“. Невинность Даниила была чудесно доказана и царь, полный радости за своего любимца, велѣлъ немедленно освободить его изъ рва. Разломали печати, отвалили камень отъ верхняго отверстія и пророка невредимымъ подняли наверхъ на глазахъ всѣхъ присутствовавшихъ ²⁾.

¹⁾ Чудесное спасеніе пророка Даниила было единственно дѣломъ всемогущества Божія и слѣдствіемъ фактическаго явленія ангела къ пророку: примѣръ аналогичный другому,—явленію тоже ангела въ раскаленную печь къ брошеннымъ туда друзьямъ пророка. Какъ тамъ ангелъ чудесно измѣнилъ дѣйствіе стихій природы и велѣлъ огню не сжигать, а прохлаждать праведниковъ, такъ и здѣсь небесный посланникъ запретилъ лвамъ коснуться пророка и сдѣлалъ ихъ тихими и смиренными, какъ агнята. Думать, будто самъ Данииль обладалъ какою-же магнетическою силою своихъ глазъ, съ помощью которой укротилъ хищныхъ звѣрей (*Fabre d'Enviou. Le livre du prophète Daniel. P. 523*), совершенно неосновательно. Такъ же невозможно предполагать, будто львы были сыты или ангелъ чудесно удовлетворилъ ихъ голодь (*Cornely, Knabenbauer, de Hummelauer. Cursus scripturae sacrae. V. T. p. III, libr. proph. IV. P. 184*), потому что, какъ увидимъ изъ послѣдующаго разсказа, и сытые львы по самой свирѣпости своей растерзали враговъ Даниила. Нѣтъ: ангелъ буквально „заградилъ пасть львовъ“, т. е. не позволялъ имъ коснуться пророка, хотя, вѣроятно, ихъ страшно мучилъ голодь.

²⁾ Пребываніе прор. Даниила во рву львиномъ было тоже излюбленнымъ сюжетомъ древнехристіанской живописи и скульптуры (*Acta sanctorum. M. Iulius. T. V. P. 125*). Христіанскіе художники изображали пророка въ молитвенномъ положеніи, съ распростертыми руками и поднятыми къ небу глазами (*Martigny. Dictionnaire des antiquités chrétiennes. P. 237*). Между прочимъ, и въ Вавилонѣ было открыто скульптурное изображеніе льва надъ простертымъ человѣкомъ; думаютъ, что эти фигуры представляютъ прор. Даниила во рву львиномъ (*Hunter. The Story of Daniel. P. 306*).

Теперь нужно было подвергнуть наказанію враговъ пророка, такъ безжалостно и невинно осудившихъ его на смерть. По обычаямъ и законамъ того времени ¹⁾, клеветники подлежали тому-же наказанію, какому они подвергли свою невинную жертву; такъ и теперь Дарій осудилъ ихъ на растерзаніе тѣми-же львами. Приведенные ко рву, сановники пытались было увернуться, старались доказать, что Даниилъ, благодаря только случайности, спасся отъ смерти; они говорили, что львы были сыты и потому не хотѣли не только коснуться, но и подойти къ пророку. Царь для удостовѣренія велѣлъ бросить львамъ множество мяса, а когда звѣри насытились, приказалъ спустить въ ровъ клеветниковъ, чтобы увидѣть, коснутся ли ихъ львы ²⁾. Это было, конечно, смертнымъ приговоромъ для нихъ, и не только для нихъ, но и для ихъ женъ и дѣтей, какъ было въ обычаѣ на востокъ ³⁾. Судъ Божій, дѣйствительно, не замедлил исполниться надъ врагами пророка: не успѣли они еще достигнуть дна ямы, какъ львы подхватили ихъ на воздухъ ⁴⁾, растерзали и сокрушили самыя кости ихъ. Дарій, видя столь чудесныя дѣйствія Бога Данилова, Который спасъ Своего избранника и наказалъ враговъ его,—скоро послѣ того издалъ указъ ко всѣмъ своимъ подданнымъ, въ которомъ повелѣвалъ, чтобы во всѣхъ предѣлахъ царства его „трепетали и благоговѣли предъ Богомъ Даниловымъ, потому что Онъ есть Богъ живой и присносущій, и

¹⁾ Ср. 2 Цар. 21, 5.

²⁾ I. Флавій. Древности іудейскія. Пер. Самуилова. Ч. II. Стр. 167.

³⁾ По свидѣтельству Геродота, у персовъ вмѣстѣ съ виновными предавались казни ихъ жены и дѣти и даже ближайшіе родственники (*Геродотъ*. Исторія. Пер. Мищенко. Т. I. Стр. 274); а по Бриссонію, и весь родъ преступника (*Бриссоній*. О перскомъ царствѣ. Пер. Алексѣева. Ч. II. Стр. 343). Бывали такого рода случаи и у евреевъ (Числ. 16, 26—33; Нав. 7, 24—25), хотя законъ Моисея запрещалъ казнить невиннаго вмѣстѣ съ виновнымъ (Второз. 24, 16).

⁴⁾ Какъ будто-бы были страшно голодны (хотя только-что наѣлись мяса), прибавляетъ Флавій (Древн. іуд. Ч. II. Стр. 168).

царство Его несокрушимо и владычество Его безконечно. Онъ избавляетъ и спасаетъ и совершаетъ чудеса и знаменія на небѣ и на землѣ; Онъ избавилъ Даниила отъ силы львовъ“. Называя Бога Данилова живымъ и присносущимъ, признавая Его знаменія и чудеса и повелѣвая на этомъ основаніи всѣмъ „трепетать и благоговѣть“ предъ этимъ Богомъ, Дарій, при всемъ томъ, еще далекъ отъ того, чтобы признать Бога Данилова единственнымъ, истиннымъ Богомъ; какъ и Навуходоносоръ, онъ не возвышается и не возвысился надъ своими политеистическими вѣрованіями, даже не узаконилъ поклоненія Богу израильскому;—но тѣмъ выше была честь, оказанная имъ пророку Даниилу: онъ любилъ и уважалъ старца-праведника, сдѣлалъ его однимъ изъ первыхъ своихъ друзей ¹⁾, возвысилъ и уважалъ Ананію, Азарію и Мисаила ²⁾, которые по прежнему трудились на пользу своихъ братій въ чужой землѣ. И пророкъ Даниилъ во все непродолжительное, однако, царствованіе этого государя пользовался громадною славою и вліяніемъ при дворѣ и, конечно, употреблялъ ихъ на нравственную пользу какъ своихъ соотечественниковъ, такъ въ особенности языческаго населенія, подготавливая среди него почву для развитія высшихъ религіозно-нравственныхъ началъ.

Скоро послѣ указаннаго знаменательнаго событія, еще въ первый годъ царствованія Дарія, пророкъ Даниилъ имѣлъ видѣніе, которое предуказывало ему не только судьбу его народа, но и исполненіе божественныхъ обѣтованій для всего человѣчества. Поводомъ къ этому замѣчательному видѣнію послужили историческія обстоятельства того времени и размышленія пророка относительно ихъ. Дѣло въ томъ, что пророкъ Іеремія нѣкогда предсказывалъ о семидесятилѣтней продолжительности вавилонскаго плѣна ³⁾ и даже прямо ставилъ

¹⁾ I. Флавій. Древности іудейскія. Ч. II. Стр. 168.

²⁾ *Migne*. Patrologiae cursus completus. Ser. graeca poster., t. CXV. P. 389—390.

³⁾ Іер. 25, 11—13; 29, 10.

въ связь окончаніе этого плѣна съ паденіемъ самого Вавилона. Теперь Вавилонъ палъ, 70 лѣтъ со дня перваго плѣненія при Іоакимѣ уже подходили къ концу, а между тѣмъ народъ іудейскій по прежнему еще оставался въ плѣну. Что же это значить? Не нужно ли считать начало плѣна вавилонскаго съ какого-либо другого пункта (напр., плѣненія при Іехоніи или разрушенія Іерусалима)? Такіе вопросы и пророка Даніила приводили въ недоумѣніе и онъ, занимаясь часто чтеніемъ пророческихъ книгъ, особенно же пророчествъ Іереміи, вдумывался въ смыслъ ихъ и разсчитывалъ по книгамъ число лѣтъ, какое народъ его пробудетъ еще въ Вавилонѣ. Затрудняясь рѣшить смущавшіе его вопросы, пророкъ часто обращался съ молитвою къ Богу, приготавливая себя къ ней строгимъ постомъ, покаяніемъ и сокрушеніемъ сердечнымъ. И вотъ, во время одной горячей молитвы (въ тотъ часъ, когда нѣкогда въ храмѣ іерусалимскомъ приносилась вечерняя жертва), въ которой пророкъ исповѣдывалъ грѣхи и беззаконія своего народа—его нечестіе, вѣроломство, пренебреженіе къ словамъ пророковъ,—прославлялъ правду Божию, наказавшую избранный народъ всѣми тѣми бѣдствіями, какими угрожалъ ему еще Моисей,—и умолялъ Іегову обратитъ гнѣвъ Свой на милость, призрѣть на развалины Іерусалима и на позоръ народа Его и простить его не по заслугамъ, а по великому милосердію Своему,—въ это время явился пророку архангелъ Гавріиль и сказалъ ему: „Даніиль! теперь я испелъ, чтобы научить тебя разумѣнію. Въ началѣ моленія твоего вышло слово, и я пришелъ возвѣстить его тебѣ, ибо ты—мужъ желаній; итакъ, вникни въ слово и уразумѣй видѣніе. Семьдесятъ седмиць опредѣлены для народа твоего и святаго города твоего, чтобы покрыто было преступленіе, запечатаны были грѣхи и заглажены беззаконія, и чтобы приведена была правда вѣчная и запечатаны были видѣніе и пророкъ и помазанъ былъ Святый святыхъ. Итакъ, знай и разумѣй: съ того времени, какъ выйдетъ повелѣніе о восстановленіи Іеру-

салима, до Христа Владыки семь седмиць и шестьдесятъ двѣ седмицы; и возвратится народъ и обстроятся улицы и стѣны, но въ трудныя времена. И по истеченіи шестидесяти двухъ седмиць преданъ будетъ смерти Христосъ, и не будетъ; а городъ и святилище разрушены будутъ народомъ вождя, который придетъ, и конецъ его будетъ какъ отъ наводненія, и до конца войны будутъ опустошенія. И утвердитъ завѣтъ для многихъ одна седмица, а въ половинѣ седмицы прекратится жертва и приношеніе, и на крилѣхъ святилища будетъ мерзость запустѣнія, и окончательная предопредѣленная гибель постигнетъ опустошителя“¹⁾. Видѣніе это, не говоря прямо о

¹⁾ Пророчество, открытое Даніилу архангеломъ Гаврииломъ, хотя не даетъ прямого отвѣта на волновавшія мысли пророка, но по существу имѣетъ непосредственную связь съ горячею молитвою св. мужа: живое „вышедшее въ началѣ этого моленія слово“ или опредѣленіе Божіе возвѣщается „мужу желаній“ (Дан. 9, 23), мужу по сердцу Божію (ср. 1 Цар. 13, 14; Дѣян. 13, 22), заслуживающему откровенія ему великихъ тайнъ Божіихъ, чтобы „научить его разумѣнію“ (Дан. 9, 22) того, о чемъ онъ раздумывалъ, что „сообразжалъ“ (Дан. 9, 2) и о чемъ молился. Пророкъ исповѣдывалъ предъ Іеговою грѣхи и беззаконія народа своего и молился о прощеніи ихъ (Дан. 9, 4—15, 19);—небожитель открываетъ ему время, когда всякое преступленіе будетъ покрыто, потеряетъ силу (обѣтшаетъ), грѣхи человечества будутъ запечатаны (скончатся), преданы забвенію, беззаконія будутъ заглажены, смуты (очистятся), когда будетъ водворена (приведется) въ міръ правда вѣчная, закончатся (запечатываются) видѣнія и пророчества и помазанъ будетъ Святый святыхъ (Дан. 9, 24). Пророкъ молился о градѣ своемъ Іерусалимѣ и святомъ храмѣ (Дан. 9, 16—19),—и получалъ откровеніе, что народъ его возвратится изъ плѣна, Іерусалимъ будетъ восстановленъ, но въ опредѣленное промысломъ Божіимъ время городъ и святилище опять будутъ разрушены и опустошены до конца (Дан. 9, 25—27). Этотъ великій религіозно-нравственный переворотъ на землѣ—очищеніе грѣховъ и беззаконій человечества, водвореніе вѣчной правды, помазаніе Святаго святыхъ—наступитъ только по истеченіи семидесяти седмиць отъ восстановленія Іерусалима, ветхозавѣтнаго храма и жертвъ, которыя и должны будутъ уступить свое мѣсто съ водвореніемъ новыхъ вѣчныхъ началъ, принесенныхъ Святымъ святыхъ. Нельзя не видѣть въ этомъ знаменательномъ пророчествѣ великаго мессіанскаго обѣтованія о томъ времени, когда всякое преступленіе потеряло силу—черезъ І. Христа, пришедшаго на землю, чтобы уничтожить грѣхъ (Евр. 9, 26; Рим. 6, 2—14), когда грѣхи человечества преданы забвенію и беззаконія его заглажены—силою искупительной

возвращеніи народа іудейскаго изъ плѣна, открыло про-
року то, что было гораздо важнѣе,—дальнѣйшую и оконча-

жертв Мессіи, совершившаго очищеніе грѣховъ нашихъ (Евр. 1, 3), когда водворена была правда вѣчная—въ лицѣ обѣтованнаго Искупителя, сдѣлавшагося правдою, оправданіемъ для насъ (1 Кор. 1, 30; ср. Ис. 51, 5; Іер. 23, 6), когда ветхозавѣтныя пророчества и видѣнія закончились, такъ какъ пророки бываю только до Іоанна Крестителя (Лук. 16, 16), когда помазанъ былъ или посланъ на Свое великое мессіанское служеніе Святый святыхъ, едиnorodный Сынъ Божій (ср. Пс. 2, 2; 44, 8; Ис. 61, 1; Дѣян. 10, 38). Время этого пришествія на землю обѣтованнаго Мессіи и совершенія Имъ великаго дѣла искупленія человечества опредѣляется 70 седминами отъ изданія указа о восстановленіи Іерусалима. Счетъ по седминамъ былъ въ обычаѣ у ветхозавѣтныхъ евреевъ: существовали у нихъ седмины дней или недѣли (Втор. 16, 9; Дан. 10, 2), седмины лѣтъ или семилѣтія, въ которыхъ каждый 7-й годъ, подобно 7-му дню въ недѣлѣ, назывался субботнымъ (Быт. 29, 27; Лев. 25, 3—5), и, наконецъ, седмины субботныхъ годовъ или кругъ времени, обнимаемый семью септилетиями—49 годами, за которыми слѣдовалъ годъ такъ называемый юбилейный (Лев. 25, 8, 10—11). Какого рода седмины называетъ въ пророчествѣ архангелъ Гавріилъ? Очевидно, не седмины дней (т. е. 490 дней), такъ какъ въ столь короткое время не могли совершиться событія, указанныя въ самомъ пророчествѣ: напр., обстройка улицъ и стѣнъ Іерусалима при всевозможныхъ затрудненіяхъ, впродолженіе 49 дней (Дан. 9, 25—26) и т. д. Не могъ разумѣть архангелъ и седмины субботныхъ годовъ, т. е. кругъ времени, опредѣляемый 70 пятидесятилѣтіями, такъ какъ въ такомъ случаѣ подразумѣваемыя въ пророчествѣ событія не исполнились-бы еще даже и въ наши дни, между тѣмъ какъ исторія указываетъ на дѣйствительное уже исполненіе ихъ задолго до настоящаго времени. Остается считать Давидовы седмины седминами лѣтъ или семилѣтіями, что оправдывается и историческими данными.

Счетъ 70 седмины или 490 лѣтъ, естественно, нужно начинать „съ того времени, какъ вышло повелѣніе о восстановленіи Іерусалима“ (Дан. 9, 25). Исторія богоизбраннаго народа намѣчаетъ намъ четыре указа царей персидскихъ, которыми опредѣлялась судьба и положеніе іудеевъ, вышедшихъ изъ плѣна и возвратившихся на развалины прежняго отечества. Указъ Кира въ первый годъ его царствованія, разрѣшающій плѣннымъ іудеямъ возвратиться въ Іерусалимъ и построить тамъ храмъ Богу іудейскому; о постройкѣ же самаго города, его улицъ и стѣнъ здѣсь не говорится ни слова (1 Эздр. 1, 1—4); считать его, по этому, исключнымъ пунктомъ, откуда слѣдовало-бы начинать седмины, нельзя. Указъ Дарія Гистаспа во 2-й годъ его царствованія, представляющій только повтореніе и подтвержденіе указа Кира о постройкѣ храма іудейскаго въ Іерусалимѣ, но не дающій еще разрѣшенія отстроить улицы и стѣны столицъ

тельную судьбу Іерусалима, ветхозавѣтнаго храма и народа іудейскаго и время пришествія и искупительной жертвы Мес-

іудейской (1 Эздр. 4, 24; 6, 1—12); считать его „повелѣніемъ о восстановленіи Іерусалима“ тоже, естественно, вѣтъ основаній. Указъ Артаксеркса Лонгимана въ 7-й годъ его царствованія, на имя Эздры, которому царемъ давалось полномочіе отправиться съ остающимися еще іудеями въ отечество вмѣстѣ съ священными сосудами и большими дарами для храма іерусалимскаго и устроить общественную жизнь новоприбывшихъ въ Палестинѣ: поставить для нихъ правителей и судей, наблюдать за исполненіемъ закона Іеговы, судить и наказывать нарушителей его; строить улицы и стѣны города Эзра не получилъ позволенія и не строилъ ихъ (1 Эздр. 7, 7. 11—26); значить, и съ 7-го года Артаксеркса Лонгимана начинать счетъ седмины Давидовыхъ нельзя. Наконецъ, указъ того-же Артаксеркса Лонгимана въ 20-й годъ его царствованія, на имя Нееміи, бывший, правда, по существу только подтвержденіемъ полномочій, данныхъ Эздрѣ, но разрѣшавшій Неемію, вмѣстѣ съ тѣмъ, отстроить улицы и стѣны Іерусалима (Неем. 2, 1—17), чѣмъ послѣдній дѣйствительно и воспользовался (Неем. 2, 18; гл. 3 и 4); считать этотъ послѣдній указъ „повелѣніемъ о восстановленіи Іерусалима“ мы имѣемъ полное право. Принимая, дагѣе, за несомнѣнное, что Артаксерксъ Лонгиманъ, хотя началъ единоличное свое правленіе только по смерти отца своего Ксеркса I съ 465 г. до Р. Хр., но, по нѣкоторымъ историческимъ даннымъ, былъ сдѣланъ соправителемъ отца еще въ 473 году (въ 3 году 76 олимпіады по греческому счету, на шестомъ году послѣ знаменитой битвы Ксеркса съ греками, бывшей въ 1-й годъ 75-й олимпіады), мы должны отнести указъ Артаксеркса въ 20-й годъ его царствованія къ 453 году до Р. Хр. (3 году 81 олимпіады по греческому счету, 299 году отъ основанія Рима по римскому счету) и съ этого года начинать счетъ событій, указанныхъ архангеломъ въ пророчествѣ о седминахъ. Семьдесятъ седмины, „опредѣленныхъ, по словамъ небожителя, для народа іудейскаго и святаго города Іерусалима“ (Дан. 9, 24), распадаются на три періода: семь седмины, шестьдесятъ двѣ седмины и одна послѣдняя седмина; изъ нихъ семь и шестьдесятъ двѣ седмины (въ общей сложности) простираются отъ изданія повелѣнія о восстановленіи Іерусалима до Христа Владыки“ (Дан. 9, 25), до открытаго выступленія „помазанія“ Его на великое служеніе роду человеческому. Присоединяя къ 453 году до Р. Хр. 69 седмины (483 года), получимъ 30 годъ по Р. Хр., начальный годъ общественнаго служенія Спасителя по крещеніи Его отъ Іоанна, 15 годъ Тиверія Кесаря (Лук. 3, 1. 21. 23). Въ частности, первыя 7 седмины обнимаютъ собою время возвращенія дальнѣйшихъ поколѣній народа іудейскаго изъ Вавилона, обстройки улицъ и стѣнъ и полнаго восстановленія Іерусалима, хотя при трудныхъ обстоятельствахъ (Дан. 9, 25; см. Неем., гл. 4 и 6); а шестьдесятъ двѣ седмины простираются отъ устроенія общественной жизни послѣднихъ іудеевъ

си, о Которомъ такъ много говорили пророки. Оставалось теперь ждать обѣщаннаго возвращенія изъ плѣна и исполненія всѣхъ дальнѣйшихъ пророчествъ и обѣтованій Иеговы Своему народу.

Дарій Мидянинъ, послѣ двухлѣтняго царствованія надъ Вавилономъ, скончался и всѣ его владѣнія (въ томъ числѣ и Вавилонъ) достались его зятю и племяннику Киру, царю персидскому¹⁾, который съ тѣхъ поръ сталъ называться, какъ мы уже говорили, „царемъ вавилонскимъ, царемъ народовъ“. Этотъ государь былъ насколько замѣчательнѣйшимъ завоевателемъ и полководцемъ, настолько же тонкимъ и глубокимъ политикомъ. Особенно замѣчательна его религіозная политика:

до явленія среди нихъ „Хреста Владыки“. Послѣдняя седмица „утвердила вавѣтъ для многихъ“ (Дан. 9, 27), почему имѣетъ особенно важное значеніе въ ряду знаменательныхъ событій, на которыя указано пророку въ рассматриваемомъ нами видѣніи его. Она раздѣляется на двѣ половины: первая равняется 3½ годамъ общественаго служенія Христа Спасителя, увѣнчавшагося крестною „смертію“ Его (Дан. 9, 26), которая и послужила къ „утверженію новаго завѣта“ для вѣрующихъ въ Него (Лук. 22, 20), къ „прекращенію“ силы и значенія ветхозавѣтныхъ „жертвъ и приношеній“ (Дан. 9, 27), уступившихъ свое мѣсто новой, безкровной жертвѣ христіанской (Лук. 22, 19); вторая половина обвиняетъ собою первые 3½ года проповѣднической дѣятельности апостоловъ, призывавшихъ человечество къ участию въ новомъ завѣтѣ. Слѣдствіемъ, далѣе, крестной смерти Спасителя, огниной ветхозавѣтныхъ жертвъ и приношеній послужило разрушеніе какъ Иерусалима, мѣста истинной смерти Богочеловѣка, такъ и самаго храма: городъ и святилище были разрушены осадившимъ столицу войскомъ славнаго полководца, предавшимъ городъ совершенному опустошенію (подобно наводненію) (Дан. 9, 26). Разумѣется событіе, совершившееся уже въ предѣлахъ времени, обвиняемаго 70 седмицами, но имѣющее тѣсную причинную связь съ событіями первой половины 70-ой седмицы,—разрушеніе Иерусалима римлянами подъ предводительствомъ Тита, въ 70 г. по Р. Хр. (см. Мк. 24, 2. 15; Мр. 13, 2. 14; Лк. 21, 20). Вслѣдствіе общаго разрушенія, и храмъ іерусалимскій подвергся залуствію (Дан. 9, 27)—полному и окончательному: ветхій завѣтъ, по опредѣленію Пророка, фактически уступилъ свое мѣсто начавшему привлекать къ себѣ общее вниманіе новому религіозно-нравственному христіанскому ученію.

¹⁾ *Ксенофонтъ*. Киропедія. Перев. Янчевецкаго. Стр. 289; ср. стр. 283.

всѣхъ боговъ покоренныхъ имъ народовъ онъ не только не презиралъ и не сокрушалъ,—но напротивъ, воздавалъ имъ должную честь наравнѣ со своимъ персидскимъ Ормуздомъ. Открытый недавно „цилиндръ Кира“ представляетъ блестящее подтвержденіе этому: послѣ покоренія Вавилона Киръ, какъ говорится здѣсь, возстановлялъ вавилонскія божества, строилъ имъ храмы и т. д.¹⁾ Особенное почтеніе онъ питалъ къ Меродаху, главному божеству вавилонянъ: ему онъ приписывалъ свои блестящіе военные подвиги (въ частности, завоеваніе и самаго Вавилона), называя себя только орудіемъ въ рукахъ Меродаха и исполнителемъ его божественнаго повелѣнія²⁾; его онъ называлъ „царемъ боговъ“³⁾, „великимъ господомъ“⁴⁾; у него просилъ милости и благоволенія къ себѣ и къ своему сыну Камбизу⁵⁾ и т. д.; такимъ же уваженіемъ пользовались у него Виль и Нево⁶⁾. Воздавая почтеніе божествамъ покоренныхъ имъ народовъ, Киръ, очевидно, ставилъ ихъ ничуть не ниже своихъ персидскихъ боговъ, руководясь, разумѣется, общимъ соображеніемъ, что всѣ боги суть боги и, какъ такіе, имѣютъ одинаковое право на уваженіе и почтеніе. Такая религіозная политика Кира лежала въ основѣ и его политики государственной: вслѣдъ за вступленіемъ на престолъ вавилонскій, Киръ, какъ самъ онъ говоритъ въ той-же своей надписи, „собралъ всѣ подвластные Вавилону народы и возвратилъ ихъ въ ихъ прежнее отечество“, причемъ и самыя бо-

¹⁾ *Schrader*. Keil. Bibl. V. III—2. N. S. 127.

²⁾ *Ibid.*, S. 123.

³⁾ *Ibid.*, S. 121.

⁴⁾ *Ibid.*, S. 123, 126.

⁵⁾ *Ibid.*, S. 125, 127.

⁶⁾ *Ibid.*, S. 125, 127.—Въ этомъ смыслѣ нужно понимать и слова Ис. 46, 1—2; Іер. 50, 2; 51, 52, гдѣ говорится о „паденіи“, „низверженіи“, „осрамленіи“, „сокрушеніи“ Вила, Нево и другихъ божествъ вавилонскихъ, объ оскверненіи ихъ идоловъ и т. п. Здѣсь идетъ только обравная рѣчь о побѣдѣ надъ ними боговъ побѣдителей, сообразно общимъ вѣрованіямъ древнихъ ашшуритовъ, а не объ оскверненіи ихъ Кириемъ.

жества этих народов возвратил на мѣста ихъ прежняго поклоненія ¹⁾. Коснулось это распоряженіе и іудеевъ, жившихъ въ плѣну вавилонскомъ: Киръ издалъ указъ (536 г.), въ которомъ воздавалъ хвалу и честь „Господу Богу небесному“, отдавшему въ его руки „всѣ царства земли“ ²⁾, и разрѣшалъ іудеямъ возвратиться въ родную землю и построить въ Иерусалимѣ храмъ своему Богу ³⁾. На народъ іудейскій и его исторію Киръ, во всякомъ случаѣ, обратилъ особенное вниманіе,—и есть основаніе предполагать, что заслуга въ этомъ отношеніи принадлежитъ именно пророку Даниилу. Дѣйствительно, при дворѣ Дарія Мидяннина пророкъ занималъ такое выдающееся мѣсто, что оно, вѣроятно, давало ему возможность познакомиться съ Киromъ еще при жизни Дарія; послѣ воцаренія же самого Кира въ Вавилонѣ, Даниилъ и къ нему сталъ въ такія же близкія отношенія, въ какихъ стоялъ къ его предшественнику: подобно послѣднему, и Киръ сдѣлалъ пророка однимъ изъ ближайшихъ своихъ друзей и высоко цѣнилъ и уважалъ его ⁴⁾. Вѣроятно, впрочемъ, старость не позволяла пророку занять при этомъ государѣ какой-либо выдающійся административный постъ; но тѣмъ сильнѣе и благотворнѣе могло быть его нравственное вліяніе на царя. Пользуясь этимъ, Даниилъ могъ ознакомить его со всей предшествующей исторіей іудеевъ (зъ частности, исторіей ихъ плѣненія и пребыванія въ Вавилонѣ), возбудить симпатіи царя къ этому народу и склонить его на освобожденіе іудеевъ изъ плѣна. По словамъ Флавія, на изданіе Киromъ указа объ освобожденіи іудеевъ-плѣнниковъ имѣло немаловажное вліяніе и чисто-внѣшнее обстоятельство: царю показали, говоритъ онъ,

¹⁾ *Schrader*. Keil. Bibl. III—2. S. 127.

²⁾ Тоже онъ говоритъ, какъ мы видѣли, и о Меродахѣ (*Schrader*. Keil. Bibl. III—2. S. 123).

³⁾ 1 Эздр. 1, 1—4; 6, 3; 2 Парал. 36. 22—23.

⁴⁾ Дан. 14, 2.

книгу пророка Исаи, въ которой этотъ богодухновенный мужъ за 200 лѣтъ предъ тѣмъ не только предсказалъ о могуществѣ Кира, завоеваніи имъ Вавилона и освобожденіи изъ плѣна избраннаго народа,—но и назвалъ этого знаменитаго государя по имени ¹⁾; Киръ, изумленный и пораженный этимъ пророчествомъ, исповѣдалъ могущество и величіе Іеговы и возвратилъ въ отечество Его избранный народъ ²⁾. Если это такъ, то и тогда кто естественнѣе могъ показать Киру богодухновенное пророчество о немъ же, какъ не горячій заступникъ своего народа, но вмѣстѣ и ближайшій другъ царя—пророкъ Даниилъ? Не подлежитъ сомнѣнію, что пророкъ этотъ имѣлъ вліяніе на Кира и это обстоятельство, нужно думать, было одною изъ причинъ какъ освобожденія избраннаго народа изъ плѣна, такъ въ особенности благосклоннаго содѣйствія ему со стороны царя въ построеніи новаго храма іерусалимскаго ³⁾. Можетъ быть, Киръ имѣлъ въ виду и какіе-

¹⁾ Ис. 44, 28; 45, 1—13.

²⁾ I. Флавій. Древн. іудейск. Пер. Самуѣлова. Ч. II. Стр. 174.

³⁾ Это допускаетъ и талмудъ (*Hamburger*. Real-Encyclopädie für Bibel u. Talmud. S. 224). Апокрифическія же сказанія еще рельефнѣе вмѣстываютъ это воздѣйствіе пророка Даниила на Кира и создаютъ по данному поводу цѣлую легенду, противную, впрочемъ, исторической правдѣ. Предъ битвой съ Крезомъ, царемъ лидійскимъ, говорится здѣсь, Киръ призвалъ къ себѣ пророка Даниила (хотя, на самомъ дѣлѣ, эта битва была еще до паденія вавилонскаго царства и Киръ въ то время къ Даниилу не имѣлъ рѣшительно никакого отношенія) и спросилъ его, побѣдитъ ли онъ своего врага. Пророкъ отсрочилъ или даже совсѣмъ отказалъ въ отвѣтѣ. Тогда царь, разсердившись, велѣлъ бросить его въ львинный ровъ; но львы не только не тронули пророка, но еще ласкались къ нему. Увидя это чудо, Киръ велѣлъ поднять изъ рва Даниила, цалъ къ ногамъ его и просилъ прощенія. Тогда-то и пророкъ предсказалъ царю, что онъ побѣдитъ Креза и возьметъ его въ плѣнъ, и указалъ ему пророчество Исаи о побореніи ему (Киру) всѣхъ царствъ земныхъ и объ освобожденіи изъ плѣна народа іудейскаго. Киръ тутъ же далъ обѣщаніе исполнить то, что предсказалъ о немъ Исаи, и послѣ побѣды надъ Крезомъ, дѣйствительно, издалъ указъ о возвращеніи іудеевъ въ отечество (*Fabricius*. Codex pseudepigraphus V. T. Vol. I. P. 1129—1130.— Δαρόθεος. Βιβλίον ἱστορικόν. Σελ. 103.— Ἀνωνύμου σὺνοψις χρονική. Bibliotheca graeca medii aevi. Vol. VII. P. 15—16).

либо политическіе расчеты,—напр., хотѣль привлечь къ себѣ симпатіи подчиненныхъ ему мелкихъ народцевъ, чтобы заручиться ихъ помощію для укрѣпленія своей власти среди своихъ громадныхъ и разбросанныхъ владѣній¹⁾, хотя, разумѣется, большого политическаго значенія (да еще въ глазахъ Кира!) сравнительно мелкая іудейская колонія имѣть не могла²⁾. Какъ бы то ни было, однако освобожденіе изъ плѣна вавилонскаго при Кирѣ было, несомнѣнно, важнымъ поворотнымъ пунктомъ въ исторіи іудейскаго народа; тѣмъ большее значеніе оно имѣло для самого пророка Даниила, такъ какъ дѣятельность его принадлежала именно времени плѣна, съ окончаніемъ котораго и она приходила къ концу. Самъ Даниилъ не возвратился съ соотечественниками въ родную землю³⁾, а остался по прежнему при дворѣ Кира и только издали слѣдилъ за устроеніемъ своихъ соплеменниковъ въ Палестинѣ, сочувствовалъ и помогалъ имъ тѣмъ, что было въ его власти. Во всякомъ случаѣ, оставаясь при дворѣ персидскихъ государей, пророкъ гораздо больше могъ принести пользы своимъ соотечественникамъ, чѣмъ еслибы онъ возвратился съ ними

¹⁾ Такъ думаетъ Ледренъ (*Histoire d'Israel. II partie. P. 95—96*).

²⁾ Предположенія персидскихъ историковъ, будто мать Кира была іудейка, дочь одного изъ пророковъ іудейскихъ (*D'Herbelot. Bibliothéque orientale. Paris. 1697. P. 171, 1005*), или будто самъ Киръ женился на іудейкѣ, дочери Салаеиля, сына Зоровавеля (*ibid., p. 1005*), и потому будто-бы былъ расположенъ изъ этой націи,—совершенно неосновательны.

³⁾ Раввины говорятъ, будто пророкъ Даниилъ возвратился съ соотечественниками въ Палестину и здѣсь вмѣстѣ съ пророками Аггеемъ, Захаріей и Малахіей устроилъ такъ называемую великую синагогу (*Bertholdt. Daniel. I. H. S. 10.—Hamburger. Real-Encyclopädie für Bibel u. Talmud. S. 224*); тоже говорятъ персидскіе историки,—будто самъ Киръ послалъ Даниила въ Іудею, далъ ему во владѣніе г. Дамаскъ вмѣстѣ съ его окрестностями и назначилъ правителемъ Сиріи (*Herbelot. Bibliothéque orientale. P. 283, 773—774*); предполагаютъ тоже и нѣкоторые комментаторы (*Tachiades. Paraphrasie in Danieleem. P. 27*). Но допустить это возвращеніе имѣтъ основаній: самъ пророкъ ничего не говоритъ о немъ; да и Эздра (гл. 2) и Неемія (7 гл.) въ своихъ пространныхъ перечняхъ возвратившихся изъ плѣна не упоминаютъ его имени; а это было-бы немислимо, еслибы возвращеніе Даниила дѣйствительно состоялось.

въ Палестину: въ послѣдней были и безъ него хорошіе руководители народа (Зоровавель, первосвящ. Іисусъ, сынъ Іоседековъ, и др.); между тѣмъ въ Вавилонѣ онъ былъ нуженъ какъ для нравственнаго руководства оставшихся здѣсь¹⁾, такъ и для содѣйствія (силою своего авторитетнаго вліянія) возвратившимся въ Палестину, которые все-таки были подъ властію персидскихъ царей. Кромѣ того, миссія Даниила простиралась, въ частности, и на язычниковъ; а въ этихъ видахъ ему удобнѣе было окончить жизнь среди языческаго государства, посвятивши послѣдніе годы свои развитію здѣсь болѣе чистыхъ и возвышенныхъ религіозно-нравственныхъ началъ: близкія отношенія пророка къ Киру и его несомнѣнное вліяніе на него дѣлали все это весьма возможнымъ.

Былъ, напр., въ Вавилонѣ знаменитый храмъ въ честь одного изъ главныхъ божествъ вавилонскихъ—Вила. Такъ какъ Вилъ самъ по себѣ считался „отцомъ боговъ“, господиномъ и повелителемъ какъ низшихъ божествъ, такъ и всего существующаго на небѣ и на землѣ, въ частности, покровителемъ ассиро-вавилонскаго народа²⁾, то и храмъ его долженъ былъ, естественно, отличаться пышностію и великолѣпіемъ. По словамъ Геродота, онъ имѣлъ видъ четырехугольника, среди котораго возвышались 7 большихъ башенъ, одна на другой³⁾. Въ послѣдней, верхней башнѣ было святилище, въ которомъ стояло большое прекрасно убранное ложе (для Вила), а предъ нимъ золотой столъ; идоловъ здѣсь никакихъ не было. Подъ этимъ святилищемъ было другое, гдѣ стояла громадная статуя сидящаго Вила; предъ ней былъ большой

¹⁾ См. слова блаж. Феодорита въ Твор. св. отц., т. XXIX, стр. 196.

²⁾ *Schrader. Keil. Bibl. V. III—2. H. S. 127.—Tiele. Babyl.-assyr. Geschichte. 2. T. S. 522.*

³⁾ Храмъ, разумѣется, представлялъ собою одно зданіе въ семь этажей, можетъ быть, сверху сгуживавшихся одинъ за другимъ. Существованіе въ Вавилонѣ семэтажныхъ храмовъ подтверждается и клинообразными надписями (*Schrader. Keil. Bibl. V. III—1. H. S. 51*).

столъ, скамейка и стулъ; подлѣ храма было два жертвенника, на которыхъ сожигали мелкій скоть ¹⁾). Для служенія божеству было приставлено къ храму 70 жрецовъ ²⁾, которые должны были принимать дары, подносимые Вилу, совершать ему жертвоприношенія, изрекать оракулы, провозвѣщаемые божествомъ ³⁾, и т. п. Дары и жертвы, приносимыя „отцу боговъ“, были, конечно, обильны. Ассиро-вавилонскіе цари, ревностные поклонники своихъ божествъ, приносили имъ въ жертву быковъ, овецъ и другихъ откормленныхъ жертвенныхъ животныхъ, сожигали на жертвенникахъ мясо, кожу, кости, жи- лы, жиръ этихъ животныхъ, приносили богамъ разнаго рода птицъ и рыбъ, зерно, муку, отборные плоды, возливали вино, медъ и другіе напитки ⁴⁾. Навуходносоръ своему великому покровителю Меродаху ежедневно приносилъ въ жертву откормленнаго быка, птицъ, рыбъ, овощи, фрукты, медъ, сметану, молоко, лучшаго сорта масло и въ изобиліи („какъ воду рѣчную“) возливалъ божеству высшихъ сортовъ вино, доставлен- ное изъ разныхъ мѣстъ ⁵⁾; богамъ Нево и Нана тоже еже- дневно приносилъ въ жертву откормленнаго быка, птицъ, рыбъ, овощи, фрукты, медъ, сметану, молоко, возливалъ луч- шее вино и другіе напитки ⁶⁾; предъ богами Нергалъ и Лазъ ежедневно сожигалъ на жертвенникѣ по 6 овецъ ⁷⁾ и т. д. Обильные дары доставлялись въ храмъ „отца боговъ“ и при Кирѣ: ежедневно приносили въ святилище 20 большихъ мѣръ ⁸⁾

¹⁾ Геродотъ. Исторія. Пер. Мищенко. Т. I. Стр. 93, 94.—Діодоръ Сици- лійскій. Историческая бібліотека. Пер. Алексѣева. Ч. I. Стр. 177—178.

²⁾ Дан. 14, 10. Число это вовсе не велико: во времена пророка Иліи было 450 пророковъ Ваала и 400—Астарты (3 Цар. 18, 19).

³⁾ Schrader. Keil. Bibl. V. П. S. 77.

⁴⁾ Ibid., V. П., S. 79; V. III—1. Н., S. 27, 75, 179, 181.

⁵⁾ Ibid., V. III—2. Н., S. 33.

⁶⁾ Ibid., S. 35—37.

⁷⁾ Ibid., S. 37.

⁸⁾ Персидскихъ мѣръ—артавасъ (см. Геродотъ. Т. I. Стр. 99).

пшеничной муки, 40 овецъ и 6 мѣръ вина; все это остав- ляли на столѣ предъ Виломъ, а на слѣдующій день прине- сенные дары куда-то исчезали: по вѣрованіямъ язычниковъ, божество само, конечно, поѣдало поставленные предъ нимъ жертвы. Глубокое почтеніе вавилонянъ къ Вилу и обиліе жертвъ и приношеній ему поддерживалось и укрѣплялось примѣромъ самого же Кира. Мы уже говорили о томъ, какъ отнесся этотъ государь къ божествамъ побѣжденныхъ имъ вавилонянъ, какую честь онъ воздавалъ Меродаху, Вилу и Нево, какъ своимъ собственнымъ „повелителямъ“ и покровителямъ, у ко- торыхъ просилъ помощи и благоволенія для себя и своего сына ¹⁾. Каждый день царь ходилъ въ храмъ Вила для мо- литвы и жертвоприношеній ²⁾ почитаемому божеству; вѣроятно, иногда сопровождалъ его и пророкъ Даніиль, но, конечно, въ поклоненіи и религіозномъ чествованіи бога вавилонскаго не принималъ никакого участія. Однажды Киръ въ дружеской бесѣдѣ спросилъ его: „почему ты не поклоняешься Вилу?“ Пророкъ отвѣчалъ: „потому что я не поклоняюсь идоламъ, сдѣланнымъ руками, но поклоняюсь живому Богу, сотворив- шему небо и землю и владычествующему надъ всякою плотью“. Удивленный царь спросилъ: „не думаешь ли ты, что Виль не живой богъ? не видишь ли, сколько онъ ѣсть и пьетъ

¹⁾ Schrader. Keil. Bibl. V. III—2. Н. S. 121, 123, 125, 127. О томъ-же свидѣтельствуетъ и Ксенофонтъ (Киропедія. Пер. Янчевецкаго. Стр. 243). Впро- чемъ, персы вообще не только отличались религіозною вѣротерпимостью, но и перенимали божества у покоренныхъ ими народовъ (Геродотъ. Исторія. Пер. Мищенко. Т. I. Стр. 70).

²⁾ Изъ послѣдующихъ частныхъ библейскаго разсказа (Дан. 14, 11, 14) и изъ клинообразныхъ надписей (Schrader. Keil. Bibl. V. I, S. 13, 41, 45, 57, 109, 117, 119, 131, 135, 137, 139, 155, 167, 173; V. П, S. 7, 13, 39, 49, 79, 141, 187, 235; V. III—2. Н., S. 37, 101, 103, 111) видно, что цари ассиро-ва- вилонскіе нерѣдко лично приносили жертвы богамъ. Недаромъ сами же они величаютъ себя въ этихъ надписяхъ „жрецами боговъ“ (Schrader. Keil. Bibl. V. I, S. 3, 5, 13, 17, 43, 45, 55, 57, 69, 113, 115, 131, 153, 177, 191; V. П, S. 13, 35, 39, 53, 215; V. III—2. Н., S. 37, 39, 47, 53, 55, 61).

каждый день?" Данииль улыбнулся и сказал: „не обманывайся, царь; ибо онъ внутри—глина, а снаружи—мѣдъ и никогда не ѣлъ, ни пилъ“. Киръ, почти повѣривъ словамъ своего друга, но желая, однако, самому добиться истины, тут же позвалъ жрецовъ и сказалъ имъ: „если вы не скажете мнѣ, кто съѣдаетъ все это, то умрете. Если же вы докажете мнѣ, что съѣдаетъ это Вилъ, то умретъ Данииль, потому что произнесъ хулу на Вила“. Пророкъ Данииль и жрецы согласились. Когда царь вмѣстѣ съ пророкомъ пришелъ въ храмъ Вила, жрецы предложили ему одинъ планъ, при помощи котораго надѣялись доказать, что божество само съѣдаетъ приносимыя ему жертвы: „вотъ, мы, сказали они Киру, выйдемъ вонъ, а ты, царь, поставь пищу и, наливъ вина, запри двери и запечатай перстнемъ твоимъ. И если завтра ты придешь и не найдешь, что все съѣдено Виломъ, мы умремъ—или Данииль, который солгалъ на насъ“. Въ исполненіи задуманнаго ими плана жрецы не сомнѣвались: подъ столомъ, на которомъ ставили дары предъ Виломъ, у нихъ былъ устроенъ потайной входъ, чрезъ который каждую ночь они входили въ храмъ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми и поѣдали все поставленное на столѣ¹⁾; тоже они думали сдѣлать и теперь. Когда жрецы вышли изъ храма, царь, дѣйствительно, поставилъ на столѣ приготовленную для бога пищу, а пророкъ, въ присутствіи его одного, велѣлъ слугамъ посыпать весь полъ святилища тонкимъ слоемъ золы; потомъ всѣ вышли, заперли двери храма и запечатали ихъ царскимъ перстнемъ. Ночью жрецы по обыкновенію вошли въ храмъ потайнымъ ходомъ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми и поѣли и выпили все поставленное царемъ. Утромъ Киръ вмѣстѣ съ Данииломъ пошли ко храму; печати оказались нетронутыми; но, какъ только отворили двери

¹⁾ Жрецы употребляли всевозможныя хитрости, особенно если это было въ ихъ собственныхъ интересахъ (ср. *Геродотъ*. Исторія. Т. I. Стр. 93); они-то главнымъ образомъ, и поддерживали идолопоклонство.

храма и Киръ издали увидѣлъ, что все поставленное накануне для бога исчезло, онъ въ религіозномъ экстазѣ воскликнулъ: „великъ ты, Вилъ, и нѣтъ никакого обмана въ тебѣ!“ Между тѣмъ, пророкъ, опять улыбнувшись наивности царя, остановилъ его на порогѣ и указалъ на мужскіе, женскіе и дѣтскіе слѣды, отпечатлѣвшіеся на золѣ, насыпанной въ храмѣ. Хитрость жрецовъ и ихъ обманъ были, такимъ образомъ, открыты: царь приказалъ схватить ихъ и послѣ строгаго допроса, на которомъ они принуждены были сознаться во всемъ и указать устроенный ими потайной входъ, осудилъ ихъ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми на смерть, какъ и было уговорено въ началѣ; самого же идола отдалъ своему другу-пророку, который разбилъ его и разрушилъ самый храмъ его¹⁾.

Былъ также подлѣ этого храма громадный драконъ (вѣроятно, изъ породы удавовъ), котораго вавилоняне чтили, какъ божество, и приносили ему жертвы. Почитаніе змѣй было тоже распространено у древнихъ восточныхъ народовъ. Въ Египтѣ были змѣи, посвященныя божеству и жившія во храмѣ²⁾. Въ Вавилонѣ изображенія драконовъ и змѣй, сдѣланныя изъ бронзы, камня и другихъ матеріаловъ, ставились, по свидѣтельству клинообразныхъ надписей, не только на воротахъ города и при выѣздахъ изъ него³⁾, но и въ самыхъ храмахъ⁴⁾; въ частности, и въ томъ-же храмѣ Вила рядомъ со статуями различныхъ божествъ были большія серебряныя изображенія змѣй⁵⁾. Въ нѣкоторыхъ храмахъ вавилонскихъ, по отзыву из-

¹⁾ Разрушилъ, впрочемъ, не весь храмъ, а только нижнее святилище, гдѣ стоялъ идолъ и приносили жертвы,—гдѣ, словомъ, и происходила вся описанная сцена. Впоследствии храмъ этотъ разрушилъ Кеерсъ (*Страбонъ*. Географія. Пер. Мищенко. Стр. 755.—*Геродотъ*. Т. I. Стр. 94). Вѣроятно, вскорѣ послѣ того опять восстановили его, потому что при Геродотѣ храмъ Вила существовалъ по прежнему (*Геродотъ*. Т. I. Стр. 93).

²⁾ *Геродотъ*. Исторія. Пер. Мищенко. Т. I. Стр. 151—152.

³⁾ *Schrader*. Keil. Bibl. V. III—2. N. S. 21, 23, 35, 41, 49, 57, 73.

⁴⁾ *Ibid.*, V. III—1. N., S. 143, 145.

⁵⁾ *Диодоръ* Сицилійскій. Историч. библіотека. Пер. Алексѣева. Ч. I. Стр.

слѣдователей, держали священныхъ змѣй, на которыхъ смотрѣли, какъ на истолкователей воли боговъ¹⁾; ихъ считали бессмертными, владыками жизни и смерти,—даже прямо богами²⁾, хотя въ теоріи эти священныя змѣи признавались, вѣжеться, только символами боговъ, какъ-бы посредниками или олицетвореніями ихъ. И замѣчательно, что главнымъ образомъ обожали не безвредныхъ змѣй, а именно ядовитыхъ, опасныхъ³⁾, какъ представителей высшей силы и могущества сравнительно съ человѣкомъ. Совершенно естественно, поэтому, если и при Кирѣ⁴⁾ пользовался славою въ Вавилонѣ громадный драконъ, котораго считали божествомъ⁵⁾, и если самъ-то Киръ, приравляясь къ обычаямъ и вѣрованіямъ вавилонянъ, среди которыхъ онъ жилъ, почиталъ вмѣстѣ съ Меродахомъ, Виломъ и другими вавилонскими божествами и этого дракона,—прославляемое въ Вавилонѣ живое „божество“⁶⁾. Вѣроятно, царь ходилъ тоже на поклоненіе этому дракону и приносилъ ему жертвы⁷⁾; зналъ, несомнѣнно, о „божествѣ“ и пророкъ Даніиль. Одинъ разъ въ дружеской бесѣдѣ Киръ по прежнему обратился къ пророку: „не скажешь ли и объ этомъ, что онъ—мѣдь? вотъ, онъ живой, и ѣсть и пьеть; ты не можешь ска-

¹⁾ *Riehm.* Handwörterbuch des Bibl. Altertums. I. B. S. 288. — *Lenormant.* La divination et la science des présages chez les Chaldéens. P. 90—91.

²⁾ *Scholz.* P. Götzendienst und Zauberwesen bei den alten Hebräern und den benachbarten Völkern. S. 104.

³⁾ *Ibid.*

⁴⁾ Талмудъ почему-то относитъ сообщаемое нами событіе къ царствованію Науходоносора, а не Кира (*Wünsche.* Bibliotheca rabbinica. Eine Sammlung alter Midraschim. Der Midrasch Bereschit rabba. S. 334).

⁵⁾ „Живымъ образомъ Вила“, какъ предполагаетъ Ленорманъ (Руководство въ древней исторіи востока. Пер. Каманіна. Г. I, вып. 2. Стр. 405).

⁶⁾ По нѣкоторымъ частнымъ сказаніямъ, этотъ драконъ испускалъ при дыханіи огонь и пламя, раздраженный искусственнымъ шумомъ, производимымъ жрецами (*Acta sanctorum. M. Iulius. T. V. P. 129.*)

⁷⁾ По Геродоту, въ аѳинскомъ акрополѣ была тоже змѣя, которой каждый мѣсяцъ приносили медовую лепешку (*Геродотъ.* Исторія. Т. II. Стр. 255). Можеть быть, чѣмъ-либо подобнымъ лнтался и вавилонскій драконъ.

зать, что этотъ богъ не живой; итакъ поклонись ему“. Пророкъ съ твердостью отвѣчалъ царю: „Господу Богу моему поклоняюсь, потому что Онъ—Богъ живой. Но ты, царь, дай мнѣ позволеніе, и я умерщвлю дракона безъ меча и жезла“. Царь, заинтересовавшись, вѣроятно, предложеніемъ Даніила, позволилъ; а пророкъ взялъ смолы, жиру и шерсти, сварилъ все это вмѣстѣ и сдѣлалъ изъ этого комъ, который и бросилъ въ пасть дракону¹⁾; „божество“, проглотивъ брошенный ему комомъ, распалось²⁾, а пророкъ съ насмѣшкой обратился къ вавилонянамъ: „вотъ ваши святыни!“ Ёдкая насмѣшка Даніила возбудила сильное негодованіе на него со стороны жрецовъ, фанатиковъ-язычниковъ и вообще поклонниковъ Вила и дракона; поднялось возмущеніе и противъ самого царя³⁾, котораго обвиняли въ покровительствѣ пророку Даніилу, въ разрушеніи Вила, умерщвленіи дракона, избіеніи жрецовъ: „царь сдѣлался іудеемъ, говорили въ толпѣ: Вила разрушилъ и убилъ дракона и предалъ смерти жрецовъ“. Масса народа пришла ко дворцу и требовала у царя выдачи Даніила; въ противномъ случаѣ грозила умертвить самого царя со всѣмъ его семействомъ и свитою. Въ такую критическую минуту

¹⁾ Талмудисты по своему видоизмѣняютъ эту подробность библейскаго разказа: по нимъ, пророкъ взялъ лучекъ соломы, запряталъ туда гвоздей и этимъ комомъ угостилъ дракона (*Wünsche.* Bibl. rabb. Der Midrasch Bereschit rabba. S. 334).

²⁾ Древнехристіанскіе художники, любившіе воспроизводить и это библейское событіе, изображаютъ пророка обыкновенно предъ алтаремъ, находящимся внѣ храма, а дракона—въ различныхъ положеніяхъ,—то у подножія алтаря, то извивающимся вокругъ дерева, растущаго за алтаремъ, то выплывающимъ изъ храма или изъ пещеры къ пророку, въ рукахъ у котораго—приготовленная для „бога“ ядовитая нища (*Martigny.* Dictionnaire des antiquités chrétiennes. P. 236—237).

³⁾ Вавилоняне были очень склонны къ возмущеніямъ, особенно противъ иноплемennыхъ государей, силою водарившихся надъ ними. Двукратное возмущеніе противъ Дарія Гистаспа (*Ménant.* Babylone et la Chaldée. P. 276, 277) служить наилучшимъ доказательствомъ этого.

царь, какъ ни уважалъ своего друга, но въ виду своей собственной опасности принужденъ былъ выдать пророка; разъяренный народъ бросилъ его въ ровъ львиный, гдѣ было 7 львовъ, которымъ каждый день бросали по два тѣла и по двѣ овцы. Здѣсь пророкъ пробылъ 6 дней и за все это время львовъ не кормили, чтобы они съѣли святаго старца; но, по устроению Божию, пророкъ, какъ и при Даріѣ, остался невредимъ. Пища тоже была прислана Даниилу чудеснымъ образомъ. Въ Иудеѣ былъ въ то время пророкъ Аввакумъ¹⁾, который однажды наварилъ похлебки, приготовилъ хлѣба и думалъ отнести этотъ обѣдъ на поле жнецамъ; въ это время явился ему ангелъ²⁾ и велѣлъ отнести приготовленную пищу въ Вавилонъ къ пророку Даниилу въ ровъ львиный. Изумленный Аввакумъ сказалъ: „господинъ! Вавилона я никогда не видалъ и рва не знаю“. Тогда ангелъ взялъ его за волосы, мгновенно перенесъ въ Вавилонъ и поставилъ у рва львиного³⁾, гдѣ былъ заключенъ пророкъ Данииль. Аввакумъ окликнулъ Даниила и подалъ ему принесенный обѣдъ⁴⁾; Данииль, возблагодаривъ Господа за чудесную помощь, подкрѣпилъ себя пищей, а пророкъ Аввакумъ такъ же чудесно былъ пе-

¹⁾ Это не тотъ Аввакумъ, который стоитъ въ ряду 12 малыхъ пророковъ: послѣдній жилъ гораздо раньше.

²⁾ По нѣкоторымъ сказаніямъ, это былъ архангелъ Михаилъ (*Ἀφρόδιος*. *Βιβλίον ἱστορικόν*. *Σελ.* 104—105).

³⁾ Подобные случаи бывали. Когда, напр., пророкъ Илія былъ взятъ на небо, іудеи думали, что его унесъ „Духъ Господень“ на какую-либо гору или долину (4 Цар. 2, 11. 16); вѣроятно, такіе случаи мгновеннаго перемѣщенія съ мѣста на мѣсто бывали съ Іліей и раньше и были извѣстны ученикамъ его. Ап. Филиппъ тоже мгновенно былъ перенесенъ ангеломъ въ Азотъ (Дѣян. 8, 39—40).

⁴⁾ На памятникахъ древнехристіанскаго искусства нерѣдко изображается прор. Аввакумъ съ пастушескимъ посохомъ въ правой рукѣ, простирающій лѣвую руку съ приготовленной пищей черезъ край полукруглой рѣшетки, окружающей ровъ львиный, къ прор. Даниилу. Пища эта иногда изображается въ видѣ крестовиднаго хлѣба, помѣщаемаго обыкновенно въ вазѣ или корзинѣ (*Martigny*. *ictionnaire des antiquités chrétiennes*. P. 237, 238).

ренесенъ ангеломъ опять въ Иудею. На седьмой день пребыванія старца-пророка во рву львиномъ Киръ, не надѣясь уже застать своего друга въ живыхъ, пришелъ ко рву, чтобы оплакать пророка; но, взглянувъ чрезъ верхнее отверстіе внизъ, съ удивленіемъ увидѣлъ Даниила живымъ и невредимымъ. Пораженный этимъ чудомъ, царь воскликнулъ: „великъ Ты, Господь Богъ Данииловъ, и нѣтъ инаго кромѣ Тебя!“ Пророкъ, по приказанію царя, тотчасъ былъ поднятъ изъ рва, а виновники его осужденія брошены туда же и немедленно были растерзаны голодными львами. Такъ еще разъ пророкъ Данииль показалъ предъ всѣми силу и могущество Бога іудейскаго, чѣмъ явно подрывалъ языческой политизмъ.

Въ третій годъ царствованія Кира пророкъ имѣлъ послѣднее свое видѣніе, которое раскрывало предъ нимъ дальнѣйшую судьбу іудейскаго народа въ связи съ исторіей прикосновенныхъ къ нему языческихъ государствъ. Хотя послѣ возвращенія народа іудейскаго изъ плѣна прошло уже два года, но положеніе іудейской колоніи было въ общемъ незавидно. Многіе іудеи отнеслись совершенно равнодушно къ духовной радости самого Даниила и вѣрныхъ сыновъ Израиля и не хотѣли возвратиться въ родную страну; въ Палестинѣ, съ другой стороны, дѣло шло весьма туго: самаряне всевозможными происками старались вооружить противъ іудеевъ персидское правительство и мѣшали постройкѣ іерусалимскаго храма¹⁾, а іудейская колонія была настолько слаба, что ничего не могла сдѣлать своими силами; увазъ Кира, какъ видно, не достигъ того, чего можно было отъ него ожидать. Эти неудачи соплеменниковъ, затрудненія при постройкѣ новаго храма сильно смущали пророка и причиняли ему глубокую скорбь. Приближался праздникъ пасхи, а іудеи, между тѣмъ, (уже черезъ два года по освобожденіи) не могли отпраздновать

¹⁾ 1 Эздр. 4, 4—5; ср. 3, 8.

Св. пророкъ Данииль.

его достойнымъ образомъ. Неудивительно, если пророкъ Даниилъ въ глубокой печали цѣлыхъ три недѣли ходилъ какъ-бы въ траурѣ, не вкушалъ мяса и вина и даже вкуснаго хлѣба и не умащалъ себя благовоніями¹⁾. И вотъ въ такомъ состояніи, когда онъ въ 24-й день мѣсяца нисана вмѣстѣ съ нѣсколькими спутниками,—можетъ быть, учениками своими²⁾,—былъ на берегу рѣки³⁾ Тигра⁴⁾, ему явилось видѣніе. Пророкъ замѣтилъ нѣкотораго мужа, одѣтаго въ льняную одежду съ золотымъ поясомъ, съ сіяющимъ, подобно топазу, тѣломъ, блестящимъ, какъ молнія, лицомъ, искрящимся, какъ горячіе свѣтильники, глазами, блестящими по виду руками и ногами и громовымъ голосомъ⁵⁾. Спутники пророка самаго видѣнія не видѣли, но слышали, вѣроятно, необыкновенный голосъ⁶⁾ и, чувствуя близость небснаго послан-

¹⁾ Мясо и вино считались у іудеевъ праздничною пищею (Быт. 27, 25; Ис. 22, 13); тоже самое нужно сказать и о вкусномъ хлѣбѣ, противоположномъ, конечно, хлѣбу бѣдствія (Втор. 16, 3); равнымъ образомъ, помазаніе масломъ и благовоніями было знакомъ радости (Эккл. 9, 8; Ис. 61, 3; Ам. 6, 6) и во время печали оставлялось (2 Цар. 14, 2). Такъ, пророкъ, вмѣсто насхальнаго празднованія, три недѣли (3—23 нисана) постился и скорбѣлъ о тяжкихъ временахъ народа Божія въ обѣтованной землѣ.

²⁾ Талмудъ говоритъ, что это были пророки Аггей, Захарія и Малахія (*Wünsche. Der babylonische Talmud. I. Halbband. S. 488.—II. Halbb., 3. Abtheil. S. 169.*)

³⁾ Видѣніе пророкъ получаетъ опять на рѣкѣ; ср. Дан. 8, 2.

⁴⁾ Допухниъ предполагаетъ, что пророкъ Даниилъ имѣлъ здѣсь какое-либо помѣщеніе, куда и уѣзжалъ на нѣкоторое время для отдохновенія (*Допухниъ. Библейская исторія при свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій и открытій. В. 3. Т. II. Стр. 799.*) Бертольдъ совершенно неосновательно говоритъ, будто пророкъ только вообразилъ себя на Тигрѣ, но не былъ тамъ въ дѣйствительности (*Bertholdt. Daniel. 2. H. S. 700*): Дан. 10, 4 совершенно отлично отъ Дан. 8, 2.

⁵⁾ Ср. аналогичныя черты изображеній въ видѣніяхъ пророковъ Іеремія (Іер. 10, 9), Іезекіиля (Іез. 1, 7. 13. 16. 24; 43, 2; 9, 2) и апостола Іоанна Богослова (Апок. 1, 13—15).

⁶⁾ Также самое было и со спутниками Савла во время бывшаго ему видѣнія (Дѣян. 9, 7).—Неосновательно, поэтому, говоритъ Ленгерке, будто видѣніе было только *внутреннее* для Даниила, а не *внѣшнее*, реальное, и что потому

ника¹⁾, въ страхѣ и ужасѣ разбѣжались; самъ же пророкъ сильно поблѣднѣлъ и испугался, а когда еще услышалъ голосъ небожителя, то безъ чувствъ упалъ на землю; но тотъ привелъ его въ чувство однимъ прикосновеніемъ руки и велѣлъ стать на ноги и внимательно прослушать то, что онъ откроетъ ему. „Съ перваго дня, какъ ты расположилъ сердце твое, чтобы достигнуть разумѣнія и смирить себя предъ Богомъ твоимъ, сказалъ пророку его собесѣдникъ, слова твои услышаны, и я пришелъ-бы по словамъ твоимъ, но князь царства персидскаго стоялъ противъ меня двадцать одинъ день; но вотъ, Михаилъ, одинъ изъ первыхъ князей, пришелъ помочь мнѣ, и я остался тамъ при царяхъ персидскихъ. А теперь я пришелъ возвѣстить тебѣ, что будетъ съ народомъ твоимъ въ послѣднія времена, такъ какъ видѣніе относится къ отдаленнымъ днямъ“. Когда небесный посланникъ говорилъ это, пророкъ въ страхѣ снова палъ на землю, не будучи въ состояніи что-либо произнести. Тогда небожитель коснулся устъ его и Даниилъ сознался своему собесѣднику, что тотъ самымъ своимъ явленіемъ привелъ его въ ужасъ и оцѣпенѣніе. Ангель опять прикоснулся къ пророку и ободрилъ его, послѣ чего только Даниилъ и могъ внимательно выслушать сообщенное ему великое откровеніе. „Знаешь ли, спросилъ его ангель, для чего я пришелъ въ тебѣ? Теперь я возвращусь, чтобы бороться съ княземъ персидскимъ; а когда я выйду, то вотъ, придетъ князь Греціи. Впрочемъ я возвѣщу тебѣ, что начертано въ истинномъ писаніи; и нѣтъ никого, кто поддерживалъ-бы меня въ томъ, кромѣ Михаила, князя вашего. Итакъ я съ перваго года Дарія Мидянина сталъ ему подпорою и подкрѣпленіемъ“²⁾.

именно спутники пророка ничего не видѣли (*Lengerke. Das Buch Daniel. S. 498.*) Но тогда чего же они бѣжали? Ленгерке, впрочемъ, говоритъ, что бѣжали они еще до видѣнія (*ibid., S. 497*), но это не мирится съ текстомъ Дан. 10, 7.

¹⁾ Вѣроятно, это былъ архангелъ Гавриилъ, явившійся и раньше пророку (Дан. 8, 16; 9, 21).

²⁾ Какіе это „князья“, о которыхъ открываетъ небесный посланникъ пророку Даниилу,—„князь царства персидскаго“ (Дан. 10, 13. 20), „князь Гре-

Затѣмъ слѣдовало откровеніе о судьбѣ іудейскаго народа и соприкосновенныхъ къ нему языческихъ государствъ. „Вотъ, сказалъ небожитель, еще три царя возстанутъ въ Персіи; по-

ціи“ (Дан. 10, 20) и „Михаилъ, князь іудейскій“ (Дан. 10, 13, 21)? Конечно, не земные князья, такъ какъ во времена прор. Даниїла никакого князя Михаїла у іудеевъ не было. Взаимная борьба, въ которой участвуютъ эти „князья“, происходитъ на небѣ: ангель, явившійся пророку, борется съ „княземъ персидскимъ“ (Дан. 10, 13, 20); ему помогаетъ Михаилъ, „князь іудейскій“ (Дан. 10, 13, 21); на смѣну покровителей іудейскаго народа выступаетъ противъ „персидскаго князя“ „князь Греціи“ (Дан. 10, 20). Очевидно, это—князья изъ горнихъ воинствъ, ангелы царствъ и народовъ (ср. Втор. 32, 8), изъ которыхъ каждый борется за благо покровительствуемаго имъ племени (ср. 3 Цар. 22, 19—20), ходатайствуя за него предъ престоломъ Божиимъ. Еще въ 1-й годъ Дарія Мидианна ангель возносилъ предъ Богомъ горячую молитву пророка Даниїла объ освобожденіи іудеевъ изъ плѣна (Дан. 9, 4—19; 11, 1); теперь, въ 3-й годъ Кира тотъ-же ангель повергалъ предъ престоломъ Божиимъ слезную молитву пророка о томъ, что такъ сокрушало его (Дан. 10, 12); Михаилъ, „князь іудейскій“, съ своей стороны, ходатайствовалъ объ улучшеніи положенія новыхъ палестинскихъ поселенцевъ (Дан. 10, 13, 21) и это соединенное предстательство было услышано Богомъ съ перваго же дня (Дан. 10, 12). Но „князь персидскій“ невольно противился ему, дѣйствуя въ пользу своего народа: вѣроятно, онъ указывалъ на грѣхи іудеевъ, бывшіе причиною ихъ плѣненія и продолжающихся еще неудачъ и бѣдствій, въ доказательство того, что народъ этотъ наказанъ по заслугамъ; можетъ быть, онъ ожидалъ религіозно-нравственнаго воздѣйствія іудеевъ на персовъ и потому не желалъ возвращенія всѣхъ іудеевъ въ родную страну и иждивенія ихъ тамъ, съ устроеніемъ общественной жизни новыхъ поселенцевъ на прочныхъ началахъ. Вотъ почему слыше 21 дня между представителями вѣнства небеснаго происходила духовная борьба, перевѣсъ въ которой не склонялся ни въ ту, ни въ другую сторону; и молитва пророка не могла быть удовлетворена (Дан. 10, 12—14, 20). Въ этой борьбѣ принялъ, затѣмъ, участіе „князь Греціи“ (Дан. 10, 20), покровитель греко-македонскаго народа, который выступилъ противъ „персидскаго князя“, дѣйствуя въ пользу своего царства, въ непродолжительномъ времени имѣвшаго покорить персидское, занявъ само положеніе первенствующей въ свое время державы. Пользуясь появленіемъ новаго противника „персидскаго князя“, ангель, возносившій молитву пророка Даниїла къ престолу Божию и присоединившій вмѣстѣ съ архангеломъ Михаїломъ свое ходатайство объ іудейскомъ народѣ, оставилъ защитникомъ его противъ „князя персидскаго“ Михаила, „князя іудейскаго“, а самъ явился къ пророку возвѣстить, что молитва послѣдняго услышана, и вмѣстѣ открытъ ему о дальнѣйшей судьбѣ іудейскаго народа (Дан. 10, 14, 21).

томъ четвертый превзойдетъ всѣхъ великимъ богатствомъ, и когда усилится богатствомъ своимъ, то подниметъ всѣхъ противъ царства греческаго. И возстанетъ царь могущественный, который будетъ владычествовать съ великою властью и будетъ дѣйствовать по своей волѣ. Но когда онъ возстанетъ, царство его разрушится и раздѣлится по четыремъ вѣтрамъ небеснымъ и не къ его потомкамъ перейдетъ, и не съ тою властью, съ какою онъ владычествовалъ; ибо раздробится царство его и достанется другимъ кромѣ этихъ¹⁾. И усилится южный царь

¹⁾ Предметомъ возвѣщеннаго пророку ангеломъ откровенія служитъ блажайшая судьба народа Божія въ связи съ исторіей соприкосновенныхъ къ нему языческихъ государствъ (ср. Дан. 10, 14). Вотъ почему небесный посланникъ начинаетъ съ Персіи, подъ властію которой были іудеи даже по выходѣ изъ вавилонскаго плѣна. Три царя, имѣвшіе возстать еще въ Персіи, это три блажайшіе преемника Кира—Камбизъ (529—522), Лжесмердизъ (522—521) и Дарій Гистаспъ (521—486), а четвертый царь, „превзошедшій всѣхъ великимъ богатствомъ“ (Дан. 11, 2),—это знаменитый Ксерксъ (486—465), славившійся, дѣйствительно, несмѣтными богатствами. Царь этотъ съ громаднымъ войскомъ пошелъ войною противъ Греціи (Дан. 11, 2); рѣшительная битва была при Саламинѣ, гдѣ греки, однако, остались побѣдителями. Съ того времени персидское царство стало явно клониться къ упадку; значеніе его, какъ первенствующей міровой державы, переходитъ къ Греціи. Вотъ почему небожитель оставляетъ безъ упоминанія дальнѣйшихъ персидскихъ царей—преемниковъ Ксеркса, переходя отъ послѣдняго къ третьему міровому царству—греко-македонскому, въ частности, среди представителей его—къ Александру Великому, такъ какъ съ этого только времени царство греко-македонское входитъ въ соприкосновеніе съ народомъ Божиимъ. Александръ Великій—вотъ тотъ „царь могущественный, который будетъ владычествовать съ великою властью и будетъ дѣйствовать по своей волѣ“ (Дан. 11, 3). Такими же чертами охарактеризовано царствованіе этого государя и въ другихъ видѣніяхъ пророка Даниїла (Дан. 2, 39; 7, 6; 8, 8, 21). Жизнь знаменитаго царя, впрочемъ, скоро пресѣклась, а съ его смертію и царство его распалось. Александръ не оставилъ потомства, почему и владѣнія его перешли къ чужимъ для него людямъ (Дан. 11, 4). Громадная монархія распалась „по четыремъ вѣтрамъ небеснымъ“ (Дан. 11, 4) и образовала четыре отдѣльных другъ отъ друга царства: на востокѣ—еврейское, на западѣ—македонское, на сѣверѣ—сирійское и на югѣ—египетское; кромѣ ихъ, отпали отъ Македоніи и другія области—Каннадокія, Арменія, Вивонія и др., образовавшія изъ себя самостоятельныя владѣнія. Такъ, великая монархія знаменитаго завоевателя быстро „разрушилась“ и „раздробилась“ и каждое изъ

и одинъ изъ князей его пересилить его и будетъ владычествовать, и велико будетъ владычество его. Но чрезъ нѣсколько лѣтъ они сблизятся, и дочь южнаго царя придетъ къ царю сѣверному, чтобы установить правильныя отношенія между ними; но она не удержитъ силы въ рукахъ своихъ, не устоитъ и родъ ея, но преданы будутъ какъ она, такъ и сопровождавшіе ее и рожденный ею и помогавшіе ей въ тѣ времена. Но возстанетъ отрасль отъ корня ея, придетъ въ войску и войдетъ въ укрѣпленія царя сѣвернаго, и будетъ дѣйствовать въ нихъ и усилится, даже и боговъ ихъ, истуканы ихъ съ драгоценными сосудами ихъ, серебряными и золотыми, увезетъ въ плѣнъ въ Египетъ и на нѣсколько лѣтъ будетъ стоять выше царя сѣвернаго. Хотя этотъ и сдѣлаетъ нашествіе на царство южнаго царя, но возвратится въ свою землю. Потомъ вооружатся сыновья его и соберутъ многочисленное войско, и одинъ изъ нихъ быстро пойдетъ, наводнитъ и пройдетъ, и потомъ, возвращаясь, будетъ сражаться съ нимъ до укрѣпленій его. И раздражится южный царь и выступитъ, сразится съ нимъ, съ царемъ сѣвернымъ, и выставитъ большое войско, и предано будетъ войско въ руки его. И ободрится войско, и сердце царя вознесется; онъ низложитъ многія тысячи, но отъ этого не будетъ сильнѣе, ибо царь сѣверный возвратится и выставитъ войско больше прежняго и чрезъ нѣсколько лѣтъ быстро придетъ съ огромнымъ войскомъ и большимъ богатствомъ. Въ тѣ времена многіе возстанутъ противъ южнаго царя, и мятежные изъ сыновъ твоего народа поднимутся, чтобы исполнилось видѣніе, и падутъ. И придетъ царь сѣверный, устроитъ валъ и овладѣетъ укрѣпленнымъ городомъ, и не устоятъ мышцы юга, ни отборное войско его; не достанетъ силы противостоятъ. И кто выйдетъ въ нему, будетъ дѣйствовать по волѣ его, и никто не устоитъ предъ

образовавшихся такимъ путемъ государствъ далеко, естественно, уступало въ силѣ и могуществѣ прежнему царству Александра (Дан. 11, 4).

нимъ; и на славной землѣ поставитъ станъ свой, и она пострадаетъ отъ руки его. И вознамѣрится войти со всѣми силами царства своего, и праведные съ нимъ, и совершитъ это; и дочь женъ отдастъ ему, на погибель ея, но этотъ замыслъ не состоится, и ему не будетъ пользы изъ того. Потомъ обратитъ лице свое къ островамъ и овладѣетъ многими; но нѣкій вождь прекратитъ нанесенный имъ позоръ и даже свой позоръ обратитъ на него. Затѣмъ онъ обратитъ лице свое на крѣпости своей земли; но спотынется, падетъ и не станетъ его. На мѣсто его возстанетъ нѣкій, который пошлетъ сборщика податей пройти по царству славы; но и онъ послѣ многихъ дней погибнетъ, и не отъ возмущенія и не въ сраженіи ¹⁾. И возстанетъ на мѣсто его презрѣнный, и не воз-

¹⁾ Изъ четырехъ царствъ, образовавшихся послѣ распадешя громадной монархіи Александра Великаго, особенно усилились съ теченіемъ времени два царства—сѣверное, сирійское, и южное, египетское, бывшія въ постоянной борьбѣ между собою. Палестина была расположена какъ разъ между ними, почему нередко бывала даже театромъ военныхъ дѣйствій и сама была вовлечена въ частныя междоусобія и распри обонхъ царствъ, а какъ подвластная прежде Александру В., а теперь одному изъ преемниковъ его въ предѣлахъ тѣхъ или иныхъ владѣній, переходила изъ однихъ рукъ въ другія,—отъ Сиріи къ Египту и наоборотъ. Этнхъ только двухъ царствъ (оставляя въ сторонѣ два другія—вранійское и македонское), какъ имѣвшихъ ближайшее соприкосновеніе съ народомъ Божиимъ, и касается дальнѣйшее откровеніе ангела пророку, которое, нельзя не замѣтить, отличается чрезвычайною точностію и обстоятельностью: стоятъ только поставить въ немъ собственныя имена, чтобы придать пророчеству характеръ историческаго повѣствованія.

Для большей ясности самаго пророчества, представимъ въ хронологической послѣдовательности рядъ царей сирійскихъ и египетскихъ, времени которыхъ касается оно.

<i>Цари сирійскіе:</i>		<i>Цари египетскіе:</i>	
Селевъ Никаторъ	310—281	Птоломей Лаговъ	323—285
Антиохъ Сотеръ	281—261	Птоломей Филадельфъ	283—247
Антиохъ Θεосъ	261—246	Птоломей Еввергетъ I	247—221
Селевъ Каллиникъ	246—226	Птоломей Филонаторъ	221—205
Селевъ Керавтъ	226—222	Птоломей Епифанъ	205—181
Антиохъ Великій	222—187	Птоломей Филометоръ	181—171
Селевъ Филонаторъ	187—175	Птоломей Еввергетъ II	171—167

дадутъ ему царскихъ почестей; но онъ придетъ безъ шума и лестью овладѣетъ царствомъ, и всепотопляющія полчища бу-

Преемниками Александра Великаго на престолахъ египетскомъ и сирійскомъ были Птоломей Лаговъ и Селевкъ Никаторъ. Первый изъ нихъ, „южный“ царь въ скоромъ времени сталъ сильнымъ и богатымъ государемъ; впрочемъ, и Селевкъ Никаторъ не уступалъ своему противнику, съ которымъ принужденъ былъ вести борьбу, дѣлая попытку привлечь къ себѣ въ тоже время подчиненный Птоломеемъ иудейскій народъ (Дан. 11, 5). Опытъ болѣе или менѣе прочнаго сближенія двухъ царей—„южнаго“ и „сѣвернаго“—былъ сдѣланъ при преемникѣ Птоломее Лагова—Птоломей Филадельфъ и второмъ преемникѣ Селевка—Антиохѣ Θεосѣ. Желая положить конецъ взаимнымъ распрямъ между Египтомъ и Сиріей и „установить правильныя отношенія между ними“, Птоломей Филадельфъ выдалъ за Антиоха дочь свою Веренику, отдавъ въ приданое за нею, между прочимъ, Палестину. Антиохъ въ то время былъ уже женатъ на Лаодиѣ и имѣлъ отъ нея двухъ сыновей—Селевка Калиника и Антиоха. Хотя предъ свадьбой Антиохъ Θεосъ и удалилъ отъ себя прежнюю жену, но послѣ смерти тестя своего Птоломее Филадельфа удалилъ Веренику и возвратилъ Лаодику, которая, опасаясь своей соперницы, отравила своего мужа, велѣла убить Веренику съ родившимся у нея сыномъ и всѣми друзьями ея, а на престолъ сирійскій возвела своего сына отъ Θεоса—Селевка Калиника. Такъ „дочь южнаго царя не удержала силы въ рукахъ своихъ, не устояла и родъ ея“; попытка сближенія обоихъ царей кончилась ничѣмъ (Дан. 11, 6.—Прекрасное изложеніе исторіи возвѣщаемыхъ въ пророчествѣ событій находимъ у блаж. Иеронима: Библ. твор. св. отц. и учит. ц. зап., кн. 21, твор. блаж. Иеронима, ч. 12, стр. 106—115). Мстителемъ за насильственную смерть Вереники и ея сына явился „отрасль отъ корня ея“, братъ Вереники, сынъ и преемникъ Птоломее Филадельфа—Птоломей Евергетъ I, который съ сильнымъ войскомъ двинулся противъ Селевка Калиника въ Сирію, взялъ у него Сирію, Киликію и, между прочимъ, Палестину, которая такимъ путемъ перешла назадъ къ Египту. Грозное нашествіе „южнаго“ царя кончилось только благодаря поднявшемуся въ Египтѣ возстанію, узнавъ о которомъ, Евергетъ взялъ съ Селевка 40000 талантовъ серебра и 2500 драгоценныхъ сосудовъ и идоловъ и съ этою добычею возвратился въ Египетъ (Дан. 11, 7—8). Селевкъ пытался было отнять у Евергета прежнія свои владѣнія, но его попытки не увѣнчались успѣхомъ (Дан. 11, 9). По смерти Калиника два сына его Селевкъ Керавнъ и Антиохъ Великій, раздѣлившіе между собою царство отца, желая отомстить за него царю египетскому, съ многочисленнымъ войскомъ двинулись противъ Птоломее Филопатора, сына и преемника Птоломее Евергета. Въ самомъ началѣ этого похода Селевкъ Керавнъ былъ убитъ во Фригіи рукою вѣнника, а войско и царство его перешло къ Антиоху, который въ предѣлахъ сирійскихъ владѣній, завоеванныхъ нѣкогда Евергетомъ, и началъ войну съ сыномъ его.—сначала

дутъ потоплены и сокрушены имъ, даже и самъ вождь завѣта. Ибо послѣ того, какъ онъ вступитъ въ союзъ съ нимъ,

довольно успѣшно для себя; но потомъ Филопаторъ съ сильнымъ войскомъ самъ выступилъ противъ Антиоха Великаго и при Рафіи (217 г.) нанесъ ему окончательное пораженіе: Антиохъ потерялъ свое войско, самъ спасся только бѣгствомъ; война, впрочемъ, кончилась миромъ (Дан. 11, 10—12). Миръ этотъ продолжался недолго: по смерти Филопатора вѣроломный Антиохъ, пользуясь малолѣтствомъ преемника его Птоломее Епифана, которому было въ то время только 4 года, слабостію регентовъ государства и наступившими въ силу этого внутренними распрямъ и неурядицами въ Египтѣ, успѣлъ собрать громадное войско, съ которымъ и двинулся противъ „южнаго“ царя. Союзникомъ Антиоха въ этой войнѣ былъ Филиппъ Македонскій. Къ нему же присоединилось и большинство палестинскихъ иудеевъ, воспользовавшихся походомъ Антиоха на Египетъ, чтобы освободиться отъ власти „южнаго“ царя. Они вышли на встрѣчу Антиоху, соединились съ его войсками и помогли ему занять нѣкоторыя египетскія укрѣпленія. Но этотъ союзъ съ сирійскимъ царемъ ничего для иудеевъ, кромѣ вреда, не принесъ (Дан. 11, 13—14). Антиохъ началъ съ самой же Палестины, какъ владѣнія „южнаго“ царя, взять много городовъ, подвластныхъ Египту, и между ними Иерусалимъ; посланные противъ него полководцы египетскіе, „мышцы юга“, съ „отборнымъ войскомъ“ не могли „противостоять“ „сѣверному“ завоевателю, который дѣйствовалъ съ замѣчательнымъ успѣхомъ. Взявъ Иерусалимъ, онъ утвердился въ Палестинѣ, которую подвергъ сильному опустошенію (Дан. 11, 15—16). Желая захватить по возможности и египетскія владѣнія „южнаго“ царя, Антиохъ сталъ дѣйствовать хитростію:—послѣ разгрома Палестины заключилъ съ Птоломеемъ миръ и обручилъ съ нимъ, 7-лѣтнимъ мальчикомъ, свою дочь Клеопатру (бракъ былъ совершенъ только чрезъ 5 лѣтъ), надѣясь на содѣйствіе ея въ погубленіи малолѣтняго царя и въ захватѣ Египта; но какъ Птоломей, такъ и вельможи его, замѣтивъ скрытыя козни Антиоха, были очень осторожны, да и Клеопатра явно склонялась на сторону мужа, а не отца: коварныя „замыслы“ Антиоха „не состоялись“ и пользы ему не принесли никакой (Дан. 11, 17). Потерпѣвъ неудачу въ своихъ предпріятіяхъ, сирійскій царь двинулся къ островамъ, завоевалъ Родосъ, Самось, Колофонъ, Фокею и др. Выступившій противъ него сильный „вождь“—римскій консулъ Сципіонъ Назика съ братомъ своимъ Сципіономъ Африканскимъ положилъ конецъ этому завоеванію: въ битвѣ при Магневіи Антиохъ былъ разбитъ и съ позоромъ долженъ былъ бѣжать въ отдаленные города своего царства, гдѣ скоро и погнѣвъ въ новой войнѣ своей противъ елимацевъ (Дан. 11, 18—19). Преемникомъ его былъ сынъ его Селевкъ Филопаторъ, безславный царь, окончившій жизнь свою безъ войнъ и сраженій. Онъ успѣлъ только опозорить себя попыткой ограбить сокровища іерусалимскаго храма, для чего подъ благовиднымъ предлогомъ по-

онъ будетъ дѣйствовать обманомъ, и взойдетъ и одержитъ верхъ съ малымъ народомъ. Онъ войдетъ въ мирныя и плодоносныя страны и совершитъ то, чего не дѣлали отцы его и отцы отцовъ его; добычу, награбленное имущество и богатство будетъ расточать своимъ и на вѣрности будетъ имѣть замыслы свои, но только до времени. Потомъ возбудитъ силы свои и духъ свой съ многочисленнымъ войскомъ противъ царя южнаго, и южный царь выступитъ на войну съ великимъ и еще болѣе сильнымъ войскомъ, но не устоитъ, потому что будетъ противъ него коварство. Даже участники трапезы его погубить его, и войско его разольется, и падетъ много убитыхъ. У обоихъ царей сихъ на сердцѣ будетъ коварство, и за однимъ столомъ будутъ говорить ложь, но успѣха не будетъ, потому что конецъ еще отложенъ до времени. И отправится онъ въ землю свою съ великимъ богатствомъ и враждебнымъ намѣреніемъ противъ святаго завѣта, и онъ исполнитъ его и возвратится въ свою землю. Въ назначенное время опять пойдетъ онъ на югъ; но послѣдній походъ не такой будетъ, какъ прежній, ибо въ одно время съ нимъ придутъ корабли киттимскіе; и онъ упадетъ духомъ и возвратится, и озлобится на святой завѣтъ и исполнитъ свое намѣреніе и опять войдетъ въ соглашеніе съ отступниками отъ святаго завѣта. И поставлена будетъ имъ часть войска, которая осквернитъ святилище могущества и прекратитъ ежедневную жертву и поставитъ мерзость занустѣнія. Поступающихъ нечестиво противъ завѣта онъ привлечетъ къ себѣ лестью; но люди, чтущіе своего Бога, усилятся и будутъ дѣйствовать. И разумные изъ народа вразумятъ многихъ, хотя будутъ нѣсколько времени страдать отъ меча и огня, отъ плѣна и грабежа; и во время страданія своего будутъ имѣть нѣкоторую

сласть туда одного изъ сановниковъ своего царства—Иліодора; но Господь чудеснымъ знаменіемъ защитилъ Свое святилище отъ рукъ нечестивца (см. 2 Макк. 3, 7—29.— Дан. 11, 20).

помощь, и многіе присоединятся къ нимъ, но притворно. Пострадаютъ нѣкоторые и изъ разумныхъ для испытанія ихъ, очищенія и для убѣленія въ послѣднемъ времени; ибо есть еще время до срока. И будетъ поступать царь тотъ по своему произволу, и вознесется и возвеличится выше всякаго божества, и о Богѣ боговъ станетъ говорить хульное и будетъ имѣть успѣхъ, доколѣ не совершится гнѣвъ: ибо, что предопредѣлено, то исполнится. И о богахъ отцовъ своихъ онъ не помыслитъ и ни желанія женъ, ни даже божества никакого не уважитъ; ибо возвеличитъ себя выше всѣхъ. Но богу вѣрностей на мѣстѣ его будетъ онъ воздавать честь и этого бога, котораго не знали отцы его, онъ будетъ чествовать золотомъ и серебромъ, и дорогими камнями и разными драгоценностями, и устроить твердую вѣрность съ чужимъ богомъ: которые признаютъ его, тѣмъ увеличатъ почести и дасть власть надъ многими и землю раздастъ въ награду. Подъ конецъ же времени сразится съ нимъ царь южный, и царь сѣверный устремится, какъ буря, на него съ колесницами, всадниками и многочисленными кораблями и нападетъ на области, наводнитъ ихъ и пройдетъ черезъ нихъ. И войдетъ онъ въ прекраснѣйшую изъ земель, и многія области пострадаютъ и спасутся отъ руки его только Едомъ, Моавъ и большая часть сыновъ Аммоновыхъ. И простретъ руку свою на разныя страны; не спасется и земля Египетская. И завладѣетъ онъ сокровищами золота и серебра и разными драгоценностями Египта; ливійцы и эіопляне послѣдуютъ за нимъ. Но слухи съ востока и сѣвера встревожатъ его, и выйдетъ онъ въ величайшей ярости, чтобъ истреблять и губить многихъ, и раскинетъ онъ царскіе шатры свои между моремъ и горою преславнаго святилища; но придетъ къ своему концу, и никто не поможетъ ему¹⁾. И возстанетъ въ то время Ми-

¹⁾ Преемникомъ Селевка Филопатора, царя сирійскаго, былъ братъ его, сынъ Антіоха Великаго, Антіохъ Епифанъ (175—164), жестокой врагъ и гонимый

хаилъ, князь великій, стоящій за сыновъ народа твоего; и наступитъ время тяжкое, какого не бывало съ тѣхъ поръ, какъ

тель избраннаго народа, дѣйствительно „презрѣнный“, коварный, недостойный государь, которому сначала не хотѣли воздавать въ Сириі царскихъ почестей, но который коварною „лестью“, притворной добротой успѣлъ овладѣть царствомъ (Дан. 11, 21). Съ племянникомъ своимъ, египетскимъ царемъ Птоломеемъ Филометоромъ, сыномъ Птолемея Епифана и сестры своей Клеопатры, онъ началъ было войну, въ которой „всепотопляющія полчища“ египетскія были имъ разбиты (1 Макк. 1, 17—19); а въ Іудеѣ первосвященникъ Онія III, при которомъ случилось чудесное знаменіе съ Иліодоромъ, приходившимъ, по приказанію Селевка Филопатора, ограбить сокровища іерусалимскаго храма, былъ коварно изгнанъ (ср. 2 Макк. 4, 7). Заключивъ временно союзъ съ Филометоромъ, коварный Антиохъ, прикрываясь родствомъ, вошелъ въ Мемфисъ и здѣсь подъ предлогомъ, что онъ беретъ на себя заботы о малолѣтнемъ племянникѣ-царѣ и о дѣлахъ его правленія, сталъ полновластно распоряжаться египетскимъ царствомъ: вступилъ въ „мирныя и плодоносныя страны“ Египта и сильно разграбилъ ихъ; думалъ о томъ, чтобы разрушить крѣпости египетскія и обезсилить страну, съ цѣлюю окончательно овладѣть „южнымъ“ царствомъ, съ хитростію мѣшая въ тоже время планамъ сановниковъ египетскихъ (Дан. 11, 22—24). Въ самой войнѣ съ „южнымъ“ царемъ“ Антиохъ дѣйствовалъ больше хитростію и коварствомъ, чѣмъ военною силою, такъ что гораздо болѣе значительныя войска египетскія не могли устоять противъ отрядовъ сирийскихъ. Заключивъ миръ съ Филометоромъ, Антиохъ сталъ въ родственныя къ нему отношенія, обѣдалъ вмѣстѣ съ нимъ, но подъ этою видимою близостью скрывались взаимная ложь, ненависть и коварство: оба царя, сядя за однимъ столомъ, злоумышляли другъ противъ друга, и Антиохъ въ частности строилъ планы для окончательнаго покоренія Египта, чтобы самому „царствовать надъ двумя царствами“ (1 Макк. 1, 16). Замысли эти, впрочемъ, не увѣнчались успѣхомъ и Антиохъ съ громадною награбленною только добычею долженъ былъ возвратиться въ Сирию (Дан. 11, 25—28). Желая вознаграждать себя на счетъ Іудеи, онъ съ сильнымъ войскомъ вступилъ въ Іерусалимъ, вошелъ въ храмъ и забралъ оттуда золотыя жертвенники, свѣтильники, храмовые сосуды и все принадлежности храма, снялъ золотыя украшенія, бывшія снаружи храма, захватилъ золото, серебро и все сокровища, какія только нашелъ въ святилищѣ, и съ этою добычею возвратился въ свою столицу (1 Макк. 1, 20—24.—Дан. 11, 28). Вскорѣ коварный царь двинулся съ войскомъ опять противъ Египта (2 Макк. 5, 1), но этотъ походъ его былъ неудаченъ: прибывшіе въ одно время съ нимъ римскіе легаты потребовали отъ Антиоха удаленія отъ предѣловъ друзей римскаго народа (Дан. 11, 29—30). Озлобленный Антиохъ долженъ былъ возвратиться домой и сталъ вмещать свою неудачу на іудеевъ: грабилъ города и сожигалъ ихъ, забиралъ сколъ и т. д. (1 Макк. 1, 29—32); вошелъ въ соглашеніе съ „отступниками отъ

существуютъ люди, до сего времени; но спасутся въ это время изъ народа твоего все, которые найдены будутъ запи-

святаго завѣта“, которые сами „соединились съ язычниками и продались, чтобы дѣлать зло“ (1 Макк. 1, 11—15); поселилъ во „градѣ Давидовѣ“ „часть войска“ своего, которая „проливала вокругъ святилища невинную кровь“, вслѣдствіи осквернила святое мѣсто (1 Макк. 1, 33—37; 2 Макк. 6, 4—5); наконецъ, поставилъ во храмѣ іерусалимскомъ статую Юпитера Олимпійскаго съ жертвенникомъ, да и самый храмъ іудейскій назвалъ храмомъ этого бога языческаго (1 Макк. 1, 54; 2 Макк. 6, 2.—Дан. 11, 30—31). Лестію и хитростію Антиохъ привлекъ къ себѣ вышедшихъ изъ среды Израиля „сыновъ беззаконныхъ“, которые вступали въ союзъ съ язычниками и другихъ убѣждали къ тому, строили у себя языческія школы, вводили языческіе обряды, отступая отъ закона Моисеева, приносили жертву идоламъ и т. д. (1 Макк. 1, 11—15. 42—43). Но тѣмъ большую славу приобрѣли люди, дѣйствительно „чужіе своего Бога“: преданные вѣрѣ отеческой, они въ эпоху гоненія нечестиваго царя только „усилились“ и „укрѣпились“ въ своей религіозной ревности, предпочитая смерть идолослужевію и отступленію отъ закона Іеговы (ср. 1 Макк. 1, 62—63; 2, 16—30). Ревнителн эти привлекали къ себѣ лучшую часть народа Божія, хотя сами терпѣли отъ язычниковъ страшныя гоненія: ихъ насильно заставляли отступать отъ закона Іеговы, приносить жертвы идоламъ, вкушать свинное мясо, участвовать въ языческихъ религіозныхъ процессіяхъ, а за отказъ убивали, сожигали, закалали, вѣшали, предавали пыткамъ и мученіямъ, вводили въ плѣнъ, города и дома грабили, сожигали и т. д. (1 Макк. 1, 24—32. 36—37. 57—61; 2, 26—38; 2 Макк. 5, 13; 6, 7—11. 18; 7, 1). Правда, въ это время іудеи нѣмъ для себя „нѣкоторую помощь“ въ лицѣ Маттаеи, который собралъ вокругъ себя отрядъ ревнителей вѣры и благочестія и силою оружія „защищалъ законъ отъ руки язычниковъ“ (1 Макк. 2, 16—48); но этой помощи было недостаточно для борьбы съ жестокимъ гонителемъ іудейства, преслѣдованія котораго послужили, впрочемъ, средствомъ „испытанія“ народа Божія, „очищенія и убѣленія“ его „къ послѣднему времени“ (ср. 2 Макк. 6, 12—16.—Дан. 11, 32—35). Самъ царь дошелъ до такого высокомерія и гордости, что считалъ себя выше всякаго божества: хулилъ „Бога боговъ“, святая себя равнымъ ему (2 Макк. 9, 12), презиралъ и „боговъ отцовъ своихъ“; только „бога крѣпостей“ Юпитера Олимпійскаго онъ поставилъ въ храмѣ іерусалимскомъ, укрѣпивъ самую крѣпость— столицу іудейскую и посвятивъ богу и самый храмъ (2 Макк. 6, 2); только этого бога, „котораго не знали отцы его“, онъ чествовалъ, принося ему богатые дары и награждая почестями, славою и властію надъ другими всѣхъ, которые „признавали“ и почитали уважаемаго имъ бога (1 Макк. 2, 18; 3, 30.—Дан. 11, 36—39). Подъ конецъ своего царствованія Антиохъ съ многочисленнымъ войскомъ опять пошелъ противъ царя египетскаго и, пройдя области „южнаго“ царя, опустошилъ ихъ. Разграблена была имъ и Іудея. Только владѣнія вдуме-

санными въ книгѣ. И многіе изъ спящихъ въ прахѣ земли пробудятся, одни для жизни вѣчной, другіе на вѣчное поруганіе и посрамленіе. И разумные будутъ сіять, какъ свѣтила на тверди, и обратившіе многіхъ въ правдѣ—какъ звѣзды, во вѣки, навсегда ¹⁾. А ты, Даниилъ, сокрой слова сіи и запечатай книгу сію до послѣдняго времени ²⁾; многіе прочи-

евъ, моавитянъ и аммонитянъ, жившихъ по соесѣдству съ Палестиной, остались нетронутыми: сѣша противъ царя египетскаго, чтобы не дать ему усилиться, Антиохъ оставилъ въ покоѣ сосѣднія области, вознаградивъ себя послѣ войны на счетъ Египта (Дан. 11, 40—43). Распространившіеся слухи о возмущеніи противъ него въ отдаленныхъ владѣніяхъ его царства на сѣверѣ и востокѣ заставили Антиоха поторопиться возвращеніемъ домой (ср. 2 Макк. 5, 11). Раздраженный и озлобленный, царь двинулся въ предѣлахъ своего царства и расположился станомъ между моремъ (Средиземнымъ) и Иерусалимомъ; вскорѣ послѣ того, во время возвращенія изъ похода въ Персію, между Антиохіей и Экбатанами, нечестивый царь и скончался, пораженный страшною болѣзнію отъ руки карающаго Судіи (ср. 2 Макк. 9, 1. 3. 5. 9. 28.—Дан. 11, 44—45).

¹⁾ Въ эпоху тяжкихъ бѣдствій, какія переносили іудеи въ царствованіе нечестиваго Антиоха Епифана, только архангелъ Михаилъ, „князь“ и повелитель избраннаго народа (ср. Дан. 10, 13, 21), возсталъ на защиту его и предстательствомъ этого „князя великаго“ іудейскій народъ былъ спасенъ отъ окончательной гибели. Тяжелое время, переживавшееся тогда избранными изъ народа Божія, служить прообразомъ другой тяжелой години въ церкви новозавѣтной, подобно тому, какъ и Антиохъ, врагъ и гонитель іудейскаго народа, напоминаетъ собою послѣдняго, но и самаго жестокаго врага христіанства—антихриста. Къ этому-то послѣднему времени,—времени кончины міра,—ангелъ незамѣтно и переходитъ въ своемъ откровеніи пророку Даниилу (Дан. 12, 1—3). „Время тяжкое“, скорбь великая, какой не было отъ начала міра (Мф. 24, 21),—вотъ что застанетъ людей при кончинѣ благодатнаго царства Христова; только записанные въ „книгѣ жизни“ (ср. Исх. 32, 32; Пс. 68, 29; Филип. 4, 3; Апок. 3, 5; 13, 8; 17, 8; 20, 12—15; 21, 27), избранные Божіи спасутся въ эту тяжелую годину жизни видимаго міра; только ради этихъ „избранныхъ“ и притратятся жестокия гоненія антихриста на церковь Божію (Мф. 24, 22), которая безъ сверхъестественной помощи своего Главнаго и Основателя могла-бы и погибнуть. Послѣ того „многіе изъ спящихъ въ прахѣ земли“ воскреснутъ—одни для жизни вѣчной, а другіе—для вѣчныхъ мукъ (Іоан. 5, 29; 1 Кор. 15, 51—52; 1 Сол. 4, 16); праведники возсіяютъ, какъ свѣтила небесныя, вѣчными и неугасимыми духовнымъ свѣтомъ въ будущемъ славномъ царствѣ Отца небеснаго (Мф. 13, 43; 1 Кор. 15, 40—42).

²⁾ Пророкъ получаетъ повелѣніе „сокрыть слова“ возвѣщеннаго ему откровенія и „запечатать книгу“ пророчества,—разумѣется, въ переносномъ см-

таютъ ее, и умножится вѣдѣніе“. Пророкъ увидѣлъ еще двухъ небожителей ¹⁾ на томъ и другомъ берегу рѣки, изъ которыхъ одинъ обратился къ его собесѣднику, стоявшему надъ водами Тигра, съ вопросомъ, когда окончатся эти знаменательныя событія. Ангелъ въ льняной одеждѣ, поднявъ обѣ руки къ небу, повлялся Живущимъ во вѣки ²⁾, что окончатся они только по истеченіи времени и временъ и полувремени ³⁾, когда силы святыхъ окончательно истощатся. Пророкъ не понималъ смысла таинственнаго объясненія и потому спросилъ своего собесѣдника, что же будетъ послѣ и этого. Ангелъ вмѣсто отвѣта сказалъ ему: „иди, Даниилъ; ибо сокрыты и запечатаны слова сіи до послѣдняго времени. Многіе очистятся, убѣлятся и переплавлены будутъ въ искушеніи; нечестивые же будутъ поступать нечестиво, и не уразумѣетъ сего никто изъ нечестивыхъ, а мудрые уразумѣютъ. Со времени прекращенія ежедневной жертвы и поставленія мерзости запустѣнія пройдетъ тысяча двѣсти девяносто дней. Блаженъ, кто ожидаетъ и достигнетъ тысячи трехсотъ тридцати пяти дней ⁴⁾.

лѣ,—наложить печать неясности, темноты на само пророчество, которое должно оставаться скрытымъ для яснаго пониманія „до послѣдняго времени“,—до времени уразумѣнія таинственныхъ ветхозавѣтныхъ пророчествъ и прообразованій при свѣтѣ божественной благодати (ср. Ис. 11, 9; Іер. 30, 24; Дан. 8, 17. 26; Апок. 22, 10).

¹⁾ По мнѣнію блаж. Иеронима, это были тѣже „князья“ персидскій и греческій, о которыхъ сообщилъ пророку собесѣдникъ его раньше (Дан. 10, 13. 20.—Библия твор. св. отц. и учит. д. зап. Кн. 21. Твор. бл. Иерон., ч. 12. Стр. 136).

²⁾ Поднятіе рукъ къ небу было обыкновеннымъ видимымъ знакомъ клятвы Самимъ Живущимъ на небѣ (Быт. 14, 22; Вгор. 32, 40; Іса. 20, 5; Апок. 10, 5—6).

³⁾ Ср. Дан. 7, 24—25.

⁴⁾ 1290 и 1335 дней—числа таинственныя, примѣнить которыя къ даннымъ историческимъ событіямъ не совсѣмъ легко. Начало счета этихъ дней относится къ „времени прекращенія ежедневной жертвы и поставленія мерзости запустѣнія“ (Дан. 12, 11),—событія, относящагося къ царствованію Антиоха Епифана (ср. Дан. 11, 31), въ частности къ 15 хаслеа 145 года (1 Макк. 1, 54) по счету книги Маккавейской. 25 хаслеа 148 года алтарь въ храмѣ іерусалимскомъ былъ восстановленъ и въ этотъ день іудеи принесли жертву

А ты иди къ твоему концу, и упокоишься и возстанешь для полученія твоего жребія въ концѣ дней“.

Видѣніе это, въ которомъ пророку были открыты подробности исторической жизни какъ іудеевъ, такъ и ближайшихъ къ нимъ языческихъ народовъ, а самое пророчество въ своей заключительной части обнимало собою весь міръ и заканчивалось уничтоженіемъ и измѣненіемъ настоящаго порядка вещей,—было незадолго до смерти пророка Даніила. Сколько времени прожилъ еще послѣ этого пророкъ,—неизвѣстно; но, вѣроятно, не пережилъ самого Кира, такъ какъ во время послѣдняго видѣнія ему было уже приблизительно 87—90 лѣтъ. О послѣднихъ годахъ жизни Даніила, его кончинѣ и

Богу на новоустроенномъ жертвенникѣ (1 Макк. 4, 52). Промежутокъ времени между освященіемъ алтара Антиохомъ (15 хаслева 145 г.) и восстановленіемъ его (25 хаслева 148 г.) равняется 3 годамъ 10 днямъ, или 1105—1102 днямъ. Разница между этимъ числомъ дней и возвѣщеннымъ ангеломъ—1290 днями равняется 185—188 днямъ, а между 1290 и 1335 днями—еще 45 днямъ. Возможно предположить, что 185—188 дней прошло до того времени, когда Антиохъ, услышавъ въ Персіи, что ополченія его, направленные во главѣ съ Лисіемъ противъ іудеевъ, разбиты и обращены въ бѣгство, между тѣмъ какъ іудеи, подъ предводительствомъ храбраго Иуды Маккавея, усилились и обогатились, разрушили оскверненный Антиохомъ жертвенникъ, построили вмѣсто него новый, восстановили свое святилище, которое и обнесли высокими стѣнами и башнями, укрѣпивъ для охраненія его и крѣпость Веесуру,—испугался и встревожился, придя къ сознанию, что испытываемыя имъ неудачи составляютъ наказаніе свыше за преслѣдованія и гоненія его противъ іудеевъ (1 Макк. 6, 5—13); а слѣдующихъ затѣмъ 45 дней продолжалась болѣзнь Антиоха (1 Макк. 6, 9), закончившаяся смертію его въ 149 году (1 Макк. 6, 16) по счету книги Маккавейской,—какого въ частности мѣсяца и дня—опредѣлить даже съ приблизительною точностію нѣтъ данныхъ. Правда, преемникъ Антиоха Епифанъ—Антиохъ Евпаторъ продолжалъ войну съ іудеями (1 Макк. 6, 18—61), такъ что и заключеніе съ ними мира по убѣжденію Лисія было вызвано случайнымъ обстоятельствомъ (1 Макк. 6, 55—60),—и только чрезъ 2 года по смерти Епифана, послѣ побѣды надъ Никаноромъ, произошло событіе, которое іудеи праздновали, какъ великую для себя радость (1 Макк. 7, 26—50),—но самая смерть Антиоха положила конецъ религіознымъ именно преслѣдованіямъ іудейскаго народа, оскверненіямъ святиль его и т. д. Вотъ почему „блаженнымъ“ ангелъ называетъ того, „кто ожидалъ и достигъ“ желанныхъ 1335 дней (Дан. 12, 12).

мѣстѣ погребенія нельзя сказать ничего опредѣленнаго; есть только отрывочныя преданія у нѣкоторыхъ отцовъ и учителей церковныхъ и разнаго рода саги и легенды у іудейскихъ, арабскихъ и персидскихъ писателей. Арабскіе и персидскіе историки, которые, какъ мы видѣли, говорятъ, будто пророкъ Даніиль былъ посланъ Киromъ вмѣстѣ съ іудеями, возвратившимися на родину, въ Дамаскъ и сдѣланъ былъ правителемъ Сиріи, передаютъ, затѣмъ, что скоро пророкъ возвратился оттуда и послѣдніе годы своей жизни провелъ въ Сузахъ, столицѣ Персіи¹⁾. Въ Экбатанахъ, резиденціи мидійскихъ царей, пророкъ Даніиль, какъ сообщаетъ Іосифъ Флавій, построилъ замѣчательную въ архитектурномъ отношеніи, выдающуюся по красотѣ и оригинальности башню, въ которой будто-бы погребали мидійскихъ, персидскихъ и парянскихъ царей; башня эта была ввѣрена понеченію іудейскаго священника и еще во времена самого Флавія поражала всѣхъ видѣвшихъ ее своею красотой, живостью красокъ и оригинальною новизною²⁾. Буквально тотъ-же самый рассказъ передаетъ намъ Симеонъ Метафрастъ³⁾. Блаж. Іеронимъ, дѣлая ссылку на Іосифа, относитъ это не къ Экбатанамъ, а къ Сузамъ⁴⁾. Путешественникъ XII в. Веніаминъ Тудельскій тоже сообщаетъ о какой-то находившейся на разстояніи 20 миль отъ Вавилона высокой башнѣ, построенной, по преданію, пророкомъ Даніиломъ, куда жившіе тамъ іудеи собирались

¹⁾ *Herbelot*. *Bibliothèque orientale*. P. 283.

²⁾ *I. Флавій*. Древн. іуд. Перев. Самуилова. Ч. II. Стр. 168.—Рассказъ Флавія въ своей заключительной части, впрочемъ, сомнителенъ. Башня-то могла быть, но мидійскихъ и персидскихъ царей тамъ не погребали: ихъ погребали въ Персеполѣ (*Страбонъ*. Географія. Пер. Мищенко. Стр. 744), Киръ былъ погребенъ въ Пасаргадахъ (*ibid.*, стр. 746), тамъ-же и Дарій Гистаспъ (стр. 747); да и могила персидскихъ царей едва ли могла быть подъ надзоромъ іудейскаго священника, особенно въ послѣдующія времена (послѣ Кира).

³⁾ *Migne*. *Patrologiae cursus completus*. Ser. gr. post., t. CXV. P. 389—390.

⁴⁾ Библия твор. св. отц. и учит. ц. зап. кн. 21. Твор. бл. Іерон., ч. 12. Стр. 68.

Св. пророкъ Даніиль.

для молитвы¹⁾; а нѣмецкіе путешественники XVI в. Раввольфъ и Бевентингъ въ своихъ описаніяхъ развалинъ древняго Вавилона передаютъ, что въ окрестностяхъ его была въ ихъ время большая башня, которую мѣстные жители называли „башней Даниила“ и которая заключала въ себѣ высокую комнату или—правильнѣе—высокую площадку, откуда прекрасно были видны на далекое разстояніе окрестности древней столицы вавилонской²⁾. При персидскихъ царяхъ пророкъ Даниилъ, по словамъ св. Епифанія³⁾ и по апокрифическимъ сказаніямъ⁴⁾, совершилъ еще много другихъ чудесъ, которыя извѣстны по преданію, но не записаны нигдѣ. Между прочимъ, онъ предсказалъ также окончательное разрушеніе Вавилона, конецъ міра, послѣднюю борьбу его съ царствомъ тьмы и пришествіе страшнаго Судіи и указалъ признаки исполненія этихъ событій на одной изъ горъ вавилонскихъ. Скончался пророкъ въ глубокой старости, 90 слишкомъ лѣтъ⁵⁾, около 530 г. до Р. Хр.⁶⁾,—гдѣ и при какихъ обстоятель-

¹⁾ *Benjamin. Itinerarium.* P. 134.

²⁾ *Benjamin de Tudele. Voyages, trad. par Baratier.* T. I. Amsterdam. 1734. P. 155—157.

³⁾ *S. Epiphani's opera, t. II.* P. 243.

⁴⁾ *Fabricius. Codex pseudepigraphus V. T. Vol. I.* P. 1128—1129.

⁵⁾ Многие произвольно удлинняютъ число лѣтъ жизни пророка. Такъ, Исидоръ говоритъ, будто пророкъ дожилъ до царствованія Дарія Гистаспа (*Cornelius a Lapide. Commentaria in Daniele prophetam.* P. 1256), именно достигъ 101 или 111 года (*Acta sanctorum. M. Julius. T. V.* P. 123). Перерій доводитъ продолжительность жизни пророка Даниила до 138 лѣтъ (*Cornelius a Lapide.* P. 1255), а іудейское преданіе даже до 156 лѣтъ: въ послѣдніе годы, по нему, пророкъ былъ внукомъ Эсеири (*Michaelis. Adnotationes in vaticinium Danielis.* P. 26). Мнѣнія совершенно произвольныя, не имѣющія никакихъ основаній.

⁶⁾ Опираясь на Дан. 1, 21, проф. Болотовъ предполагаетъ, что пророкъ Даниилъ скончался еще въ 1-мъ году Кира, между 23 марта 538 г. и 11 марта 537 г., что онъ не принималъ никакого участія въ дѣлѣ возвращенія народа іудейскаго изъ плѣна и не имѣлъ возможности что-либо сдѣлать въ этомъ случаѣ въ пользу іудеевъ, такъ какъ скончался, не увидѣвъ своими очами освобожденія своего народа (*Болотовъ. „Валтасаръ и Дарій Мидянинъ“.* Христ. Чт., 1896,

ствахъ,—тоже неизвѣстно. По словамъ св. Епифанія, пророкъ скончался въ Вавилонѣ и торжественно погребенъ въ царской

сентябрь—октябрь. стр. 282—284, 325). Для объясненія видимо противорѣчащей такому возвращенію даты 3-го года Кира въ Дан. 10, 1, В. В. Болотовъ примѣняетъ такого рода свою гипотезу: въ 550 г. Астиагъ мидійскій началъ войну противъ Кира, но былъ самъ выданъ своему врагу, который завладѣлъ его царствомъ и его сокровищами и съ 24 марта 549 г. началъ свое царствованіе въ Сузахъ; по этому-то эламскому счисленію въ 3-ій годъ Кира (между 1 апр. 547 г. и 21 март. 546 г.) пророкъ Даниилъ имѣлъ послѣднее свое видѣніе; по вавилонскому же счету 1-й годъ царствованія Кира начался лишь съ 23 марта 538 г.; объ этомъ счисленіи и указывается въ Дан. 1, 21 (*ibid.*, стр. 284, 323—324, 325). Аргументація, приводимая проф. Болотовымъ въ защиту своего предположенія о времени кончины пророка Даниила, не имѣетъ основанія. Прежде всего, Дан. 1, 21 не есть дата, отмѣчающая годъ написанія 1-й главы книги Данииловой,—какъ и Дан. 7, 1; 8, 1; 9, 1; 10, 1 не суть даты написанія пророческихъ главъ этой книги: это—даты, имѣющія значеніе въ жизни самого пророка, даты историческаго повѣствованія. „И былъ тамъ Даниилъ до перваго года царя Кира“ (Дан. 1, 21) вовсе не значитъ—„и жилъ Даниилъ до перваго года Кира“ (какъ хочетъ объяснить и Вергольдъ, *Daniel, I. N.*, S. 64, 191, какъ понимали и LXX, измѣнившіе въ виду этого въ Дан. 10, 1 „третій“ годъ Кира въ „первый“): בְּיָמָיו (быть) вовсе не равносильно בְּיָמָיו (жить). Нужно обратить вниманіе на связь Дан. 1, 21 со всею 1-ю главою книги. Дан. 1, 1 говоритъ о началѣ вавилонскаго плѣна, о первомъ нашествіи Навуходоносора на Іудею при Іоакимѣ, во время котораго былъ взятъ въ плѣнъ и пророкъ Даниилъ; дальнѣйшіе стихи передаютъ о воспитаніи пророка при дворѣ и о промывденномъ ему и друзьямъ его взысканіи; 1-й же годъ Кира, о которомъ говоритъ Дан. 1, 21, былъ годомъ освобожденія іудеевъ изъ плѣна (2 Пар. 36, 22; 1 Эздр. 1, 1; 6, 3), и стихъ Дан. 1, 21 имѣетъ, поэтому, такое значеніе: Даниилъ былъ, т. е. проходилъ свое служеніе до 1-го года Кира,—иначе—жилъ во все продолженіе плѣна, былъ всецѣло пророкъ вавилонскаго плѣна,—точно такъ же, какъ и пророкъ Іеремія было всецѣло дополненный пророкъ (ср. Іер. 1, 2. 3: „было слово Господне во дни Іосіа... и Іоакима... до конца одиннадцатаго года Седекіа... до переселенія Іерусалима въ пятый мѣсяцъ“, хотя въ книгѣ Іереміиной есть даты и болѣе поздняго времени). Пророкъ Даниилъ пережилъ 1-й годъ Кира, видѣлъ освобожденіе своего народа и содѣйствовалъ ему; молчаніе о немъ исторіи возвращенія изъ плѣна, на которое указываетъ проф. Болотовъ, нисколько не говоритъ противъ этого. а) Въ 2 Пар. 36, 22—23 вообще не говорится, кто былъ избраннымъ орудіемъ Господа для того, чтобы „возбудить духъ Кира“: Самъ „Господь“ сдѣлалъ это и только „во исполненіе“ пророчества Іереміина. б) Въ 1 Эздр. 1, 1—11 уже не было никакой нужды упоминать о Даниилѣ: здѣсь идетъ рѣчь не о вліяніи на Кира, какъ причинѣ освобожденія іудеевъ изъ

гробницѣ; могилу его въ первые вѣка христіанства показывали путешественникамъ на мѣстѣ древняго Вавилона ¹⁾. По сказанію арабскихъ историковъ, пророкъ Даніилъ скончался въ Сузахъ и погребенъ тамъ же ²⁾. Послѣднее, кажется, гораздо вѣроятнѣе: въ Сузахъ, на берегу р. Шавура показываютъ могилу пророка, имѣющую видъ высокой башни оригинальной и искусной архитектуры ³⁾. Путешественникъ XII в. Веніаминъ Тудельскій, бывшій лично въ Сузахъ и видѣвшій тамъ могилу пророка, сообщаетъ интересное извѣстіе, какъ, послѣ продолжительнаго спора и даже борьбы двухъ

плѣна, а о самомъ фактѣ освобожденія; „Миередатъ сокровищехранитель“ получалъ повелѣніе выдать свящ. сосуды, а „Шешбацаръ, князь іудинъ“, принялъ ихъ и взялъ съ собою въ Палестину; зачѣмъ было упоминать о Даніилѣ, который не возвратился въ родную землю? в) Тѣмъ меньше основанія имѣли „старѣйшины іудейскіе“ говорить о пророкѣ въ показаніи, данномъ ими слѣдственной комиссіи, допрашивавшей ихъ, съ чего разрѣшенія они строятъ „домъ Божій“ (1 Эздр. 5, 3—17; 2 Эздр. 6, 3—22). Что они отвѣчаютъ? „Въ первый годъ Кира, царя вавилонскаго, царь Киръ далъ разрѣшеніе построить сей домъ Божій; да и сосуды дома Божія, золотые и серебряныя, которые Навуходоносоръ вынесъ изъ храма іерусалимскаго и отнесъ въ храмъ вавилонскій, вынесъ Киръ царь изъ храма вавилонскаго и отдалъ ихъ по имени Шешбацару, котораго онъ назначилъ областеначальникомъ, и сказалъ ему: возьми сіи сосуды, пойди и отнеси ихъ въ храмъ іерусалимскій, и пусть домъ Божій строится на своемъ мѣстѣ... Итакъ, если царю благоугодно, пусть поишутъ въ домѣ царскихъ сокровищъ, тамъ въ Вавилонѣ, точно ли царемъ Киromъ дано разрѣшеніе строить сей домъ Божій въ Іерусалимѣ“ (1 Эздр. 5, 13—17; ср. 2 Эздр. 6, 17—22). Какое основаніе было-бы выставлять здѣсь имя Даніила? Храмъ строится съ разрѣшенія царя Кира,—отвѣтъ прямо на вопросъ. г) Наконецъ, какимъ образомъ могло выступить на свѣтъ Божій имя пророка Даніила во время розысковъ указа Кира въ государственномъ архивѣ сперва въ Вавилонѣ, а затѣмъ въ Экбатанахъ (1 Эздр. 6, 1—2; 2 Эздр. 6, 23)? Неужели слѣды вліянія пророка на Кира были записаны?

¹⁾ S. *Epirhanii* oroga, t. II. P. 243.—Тоже говорятъ Сиветъ Сіенскій (*Bibliotheca sancta*. P. 14) и апокрифическія сказанія (*Fabricius*. *Codex pseud-epigraphus*. Vol. I. P. 1129).

²⁾ *Herbelot*. *Bibl. orientale*. P. 283.

³⁾ См. рисунокъ и описаніе въ *Handwörterbuch des Bibl. Altertums*, von E. C. A. *Riehm*. II. B. 1884. S. 1588.

половинѣ города изъ-за обладанія могилой пророка, рѣшено было повѣсить гробъ, заключенный въ стеклянную раку, на мосту при помощи желѣзныхъ цѣпей и построить на томъ же мѣстѣ великолѣпное зданіе (въ видѣ синагоги) для молитвы и поклоненія всѣхъ приходящихъ сюда богомольцевъ. Дѣйствительно, для поклоненія гробницѣ пророка стекалось, по разсказу того-же путешественника, множество народа—не только христіанъ, но и іудеевъ и даже магометанъ ¹⁾. Существуетъ еще предположеніе, что пророкъ Даніилъ погребенъ въ Экбатанахъ, въ новоустроенной имъ башнѣ, гдѣ указываютъ, напр., могилы Мардохея и Эсѣири ²⁾. Есть преданіе, будто пророкъ скончался мученически,—былъ обезглавленъ какимъ-то царемъ Аталомъ ³⁾; вмѣстѣ съ нимъ пострадали и друзья его; послѣ усѣченія же мучениковъ, какъ продолжаетъ это преданіе, головы ихъ чудесно опять приросли къ своимъ тѣламъ; ангель Господень, взявши ихъ, вывелъ на гору Гевальдъ и похоронилъ подъ камнемъ на 400 лѣтъ ⁴⁾. Тотъ-же Веніаминъ Тудельскій сообщаетъ извѣстіе о могилахъ Ананіи, Азаріи и Мисаила, которыя, по его словамъ, находились въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Нафхи, на Евфратѣ ⁵⁾. Впослѣдствіи останки святыхъ друзей пророка, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, были перенесены въ Александрію и положены въ церкви св. Іоанна и Кира; по другимъ свидѣтельствамъ, перенесены въ Венецію; голень пророка Даніила показывали въ Верцеллахъ, а нѣкоторые останки его друзей—въ Римѣ ⁶⁾.

¹⁾ *Benjamin*. *Itinerarium*. P. 152—157.

²⁾ Воскресное Чтеніе, годъ XVIII (1854/5), № 36, стр. 344.—Начертаніе церк.-библ. исторіи. Стр. 364.

³⁾ *Acta sanctorum*. M. Iulius. T. V. P. 123. Извѣстіе о мученичествѣ пророка Даніила болѣе, чѣмъ сомнительно.

⁴⁾ *Acta sanctorum*. M. Iulius. T. V. P. 124.

⁵⁾ *Benjamin*. *Voyages*, trad. par Baratier. T. I. P. 159, 162.

⁶⁾ *Acta sanctorum*. Iulius. T. V. P. 128.—*Migne*. *Patr. curs. complet.*, gr. t. CXV. P. 403—404.

Изъ представленнаго очерка жизни и дѣятельности св. пророка Даніила можно видѣть, какое значеніе имѣлъ этотъ пророкъ для іудеевъ и язычниковъ, среди которыхъ жилъ онъ. Онъ былъ центральнымъ, средоточнымъ пунктомъ, вокругъ котораго вращалась вся исторія его времени,—исторія Божественнаго міроуправленія и промыслительнаго воздѣйствія на все человѣчество; а въ плѣну вавилонскомъ былъ необходимъ именно такой пророкъ, какимъ былъ св. Даніиль. Тогдашній міръ сосредоточенъ былъ, главнымъ образомъ, вокругъ монархій вавилонской, а потомъ смѣнившей ее мидо-персидской. Іудеи и язычники какъ до, такъ и послѣ вавилонскаго плѣна были вообще разъединены между собою; но въ эти 70 лѣтъ плѣна взаимные интересы тѣхъ и другихъ объединяются, по крайней мѣрѣ, съ чисто-внѣшней стороны. Даніиль же, какъ пророкъ и государственный сановникъ, имѣлъ возможность вліять какъ на своихъ плѣнныхъ соплеменниковъ, такъ и на современныхъ ему язычниковъ, начиная съ самихъ же вавилонскихъ и мидо-персидскихъ государей. Какъ пророкъ, онъ оказываетъ вліяніе на іудеевъ, а какъ вельможа, онъ имѣетъ возможность вліять и на язычниковъ,—прежде всего на высшій классъ ихъ. Какъ пророкъ, онъ истинный ревнитель закона ¹⁾, скорбитъ вмѣстѣ съ іудеями о разрушеніи Іерусалима ²⁾, молится, исповѣдуетъ грѣхи какъ свои, такъ и народа ³⁾; какъ пророкъ, онъ предсказываетъ будущее,—такое

¹⁾ Дан. 1, 8; 6, 10—11 и др.

²⁾ Дан. 9, 3; 10, 2—3.

³⁾ Дан. 9, 20.

будущее, которое касается судьбы іудейскаго народа ¹⁾; говорить о Мессіи ²⁾;—все это было для іудеевъ. Чисто-общественныя, политическія какъ-бы заслуги пророка Даніила для своихъ соплеменниковъ, безъ сомнѣнія, были немаловажны; но и (съ чисто-нравственной стороны онъ имѣлъ для нихъ огромное значеніе: онъ былъ для нихъ нравственнымъ образцомъ и учителемъ; онъ косвенно поддерживалъ и ободрялъ слабыхъ духомъ; онъ самою судьбою своею разрѣшалъ всѣ ихъ недоумѣнія и предохранялъ отъ нравственныхъ опасностей, какія во множествѣ встрѣчались имъ среди суеты языческаго міра. Не меньшее значеніе имѣлъ пророкъ и для язычниковъ: силою своего авторитетнаго вліянія онъ имѣлъ возможность проводить въ среду ихъ высшія религіозно-нравственныя понятія. Чудесною исторіей своей жизни онъ долженъ былъ неотразимо дѣйствовать на окружающій его міръ языческій, привести его къ познанію Іеговы,—первому шагу ко спасенію. Язычники чувствовали себя побѣдителями Бога іудейскаго, были убѣждены въ Его безсиліи;—Даніиль открываетъ имъ славу и могущество этого Бога, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ничтожество другихъ боговъ. Даніиль мудростію превосходитъ всѣхъ мудрецовъ языческихъ и мудрость свою приписываетъ Богу, „сущему на небесахъ“ ³⁾; и царей онъ приводитъ къ сознанію, что Богъ іудейскій есть „Богъ боговъ и Владыка царей, открывающій тайны“ ⁴⁾; Навуходносоръ самъ испыталъ на себѣ силу и могущество Іеговы, и просвѣтленное сознаніе его свидѣтельствуетъ, что „велики знаменія“ Всевышняго, „могущественны чудеса Его“, что Онъ „силень смиритъ“ гордыхъ ⁵⁾; спасеніе отроковъ въ печи, Даніила во рву

¹⁾ Дан., гл. 2; 7; 8; 10—12.

²⁾ Дан., гл. 9.

³⁾ Дан. 2, 28.

⁴⁾ Дан. 2, 47.

⁵⁾ Дан. 3, 100; 4, 34.

львиномъ—заставляетъ языческихъ царей исповѣдать, что „Богъ Данииловъ“ есть „Богъ живой и присносушій“, всемогущій Владыка неба и земли, что нѣтъ иного кромѣ Него¹⁾; сокрушеніе Данииломъ Вила и дракона убѣждаетъ язычниковъ въ совершенномъ ничтожествѣ почитаемыхъ ими боговъ и приводитъ къ познанію того-же Бога истиннаго²⁾. И обаяніе, какое производила высокая личность самого Даниила на его современниковъ, было необыкновенно сильно. О силѣ впечатлѣнія его на іудеевъ прекрасно говоритъ разобранный уже нами отзывъ о немъ пророка Іезекіиля³⁾; а разнаго рода саги, окружающія свѣтлый образъ пророка, указываютъ на впечатлѣніе, какое онъ производилъ и на языческое населеніе—не только современное ему, но, по преданію, даже и послѣдующее. Нѣкоторые восточные писатели приписываютъ пророку Даниилу изобрѣтеніе „геомантіи“ (землегаданія)⁴⁾. Изъ письменныхъ трудовъ, кромѣ нашей богодухновенной книги Данииловой, извѣстны съ именемъ этого пророка и другія сочиненія, несомнѣнно подложныя и апокрифическія, составленныя другими лицами, но выдаваемыя за произведенія самого пророка. Такова, напр., „онирокритика“ или снотолкователь Даниила, извѣстный на востокѣ подъ заглавіемъ „Ossoul al Tâbir“ (т. е. основы онирокритики)⁵⁾, а на западѣ въ различныхъ редакціяхъ и подъ разными названіями (somnialia, conjectorium и др.) на нѣсколькихъ языкахъ⁶⁾. Другое оригинальное про-

¹⁾ Дан. 3, 95—96; 6, 26—27; 14, 41.

²⁾ Дан., гл. 14.

³⁾ Іезек. 14, 14—20; 28, 3.

⁴⁾ *Herbelot*. *Bibliothèque orientale*. P. 283. — Другіе приписываютъ ее патриарху Эноху (*ibid.*, p. 709).

⁵⁾ *Ibid.*, p. 283.

⁶⁾ Различныя экземпляры помѣщаются въ некоторыхъ европейскихъ музеяхъ, бібліотекахъ, ученыхъ изданіяхъ и т. д. См. описаніе и краткія выдержки изъ разныхъ редакцій въ *Codex pseudepigraphus V. T. Fabricii*. Vol. I. P. 1130—1133.

изведеніе, изданное съ именемъ пророка Даниила,—это „*prognosticon*“ или сборникъ предсказаній на каждый годъ (на сирскомъ языкѣ)¹⁾. Извѣстны еще такъ называемыя „*oracles*“ или видѣнія Даниила на греческомъ языкѣ²⁾; въ арабскомъ изданіи они озаглавливаются „*Odhmat al mansoul ân Danial al Nabi*“³⁾; произведеніе, явившееся на востокѣ и составленное, какъ предполагаютъ, мусульманами на основаніи подлинныхъ пророчествъ и видѣній Данииловыхъ⁴⁾. Ананіи, Азаріи и Мисаилу апокрифы приписываютъ „книгу о постѣ“ (*Meghilla Taanith*), содержащуюся въ талмудѣ⁵⁾.

www.Word-BookShop.narod.ru

¹⁾ *Fabricius*. *Codex pseudepigraphus*. Vol. I. P. 1136.

²⁾ *Ibid.*, vol. I, p. 1136—1140; vol. II, 1741, p. 169.

³⁾ *Herbelot*. *Bibl. orientale*. P. 283.

⁴⁾ *Fabricius*. *Codex pseudepigraphus*. Vol. I. P. 1136—1140. — *Herbelot*. *Bibl. orientale*. P. 7, 283.

⁵⁾ *Fabricius*. *Codex pseudepigraphus*. Vol. I. P. 1117.

Какое значеніе имѣлъ самый плѣнъ вавилонскій?—вотъ вопросъ, которымъ мы считаемъ еще нужнымъ задаться послѣ знакомства съ внутренней исторіей этой знаменательной эпохи и дѣятельностію великаго пророка Давида. Укрѣпить іудеевъ въ вѣрѣ въ виду приближавшагося мессіанскаго времени, открыть язычникамъ истинное понятіе о Богѣ и сдѣлать ихъ болѣе способными принять открывающееся для всего міра спасеніе—вотъ въ чемъ состояла въ цѣляхъ Божественнаго Промысла задача плѣна вавилонскаго. Къ этому возвышенію и укрѣпленію истиннаго понятія о Богѣ среди всего человѣчества—и іудеевъ, и язычниковъ—и направлено было все ученіе пророковъ, дѣйствовавшихъ въ плѣну. Язычники каждой странѣ приписывали особыхъ боговъ, которыхъ и распредѣляли по своей классификаціи, раздѣляя ихъ на болѣе сильныхъ и менѣе сильныхъ, съ безчисленнымъ количествомъ посредствующихъ ступеней. Пророки говорятъ совершенно не то: нѣтъ многихъ боговъ, а только одинъ Богъ и этотъ Богъ есть Іегова; всѣхъ же другихъ такъ называемыхъ „боговъ“ люди сами выдумываютъ себѣ и увеличиваютъ число ихъ до безконечности; все, что язычники приписываютъ своимъ „богамъ“, есть дѣло того-же Бога истиннаго, Который управляетъ судьбами всѣхъ людей, всѣхъ народовъ; и блестящія побѣды язычниковъ, ихъ побѣды надъ богоизбраннымъ народомъ—есть дѣло того-же Іеговы, допущенное Имъ въ особыхъ видахъ. У Іезекіиля очень часто встрѣчаются выраженія: „и узнаете... и узнаютъ народы... что Я—Господь“¹⁾. Пророкъ Давидъ говоритъ тоже

¹⁾ Іез. 6, 7. 10. 14; 37, 28.

самое устами языческихъ царей, которые, исповѣдуя силу и величіе Бога іудейскаго, повелѣваютъ „трепетать и благоговѣть“ предъ Нимъ подъ страхомъ позорной смерти за какую бы то ни было „хулу“ на Него¹⁾. Развивая истину единства Божія, пророки, вмѣстѣ съ тѣмъ, подвергаютъ самому беспощадному осмѣянію всѣхъ мѣстныхъ и національныхъ боговъ. Особенною силою отличается въ этомъ отношеніи посланіе Іереміино: что это за боги, говоритъ оно, когда ихъ нужно еще очищать отъ пыли, ржавчины и червей, такъ какъ сами они не могутъ этого сдѣлать!? у нихъ въ рукахъ скипетръ и мечъ, но они не въ силахъ пользоваться ими; они ничего не видятъ, не могутъ ходить, не могутъ сами подняться съ земли, когда упадутъ, тѣмъ болѣе, не могутъ наградить и наказать человѣка; отъ дыма они покрываются копотью, птицы садятся имъ на голову...; можно ли назвать ихъ богами, когда они сдѣланы изъ куска дерева, изъ камня, золота, серебра и т. п., когда и теперь живы тѣ художники и мастера, которые дѣлали этихъ „боговъ“? развѣ это боги, которыхъ еще нужно прятать, чтобы ихъ не украли воры? ²⁾. Только одинъ Іегова есть Богъ истинный, Который имѣетъ дѣйствительную власть надъ всѣмъ міромъ; только Ему одному и принадлежитъ вся честь и слава, которую безразсудные язычники воздаютъ своимъ идоламъ. Но если такъ, то почему же Онъ попустилъ, чтобы Его избранный народъ былъ побѣжденъ язычниками, въ рукахъ которыхъ, наоборотъ, сосредоточилъ всѣ богатства и всю славу міра? Пророки отиѣчали и на такіе вопросы. Для іудеевъ плѣнъ служитъ наказаніемъ за ихъ порочное „сердце“³⁾; но это наказаніе, вмѣстѣ съ тѣмъ, должно вести къ познанію ими Бога истиннаго и къ отчужденію отъ идолопоклонства: „когда разсѣю ихъ по народамъ и развѣю ихъ

¹⁾ Дан. 6, 26; 3, 96.

²⁾ См. подлинный текстъ посланія Іереміина.

³⁾ Іез. 6, 9.

по землям“; говоритъ Богъ Іезекілю, тогда „узнаютъ, что Я—Господь“¹⁾). Въ рукахъ же языческихъ царей Богъ сосредоточилъ всё богатства и всю славу міра, не это потому, что они послужили орудіемъ Его воли и были исполнителями Его Божественныхъ постановленій²⁾).

Дѣятельность пророковъ вавилонскаго плѣна принесла, въ самомъ дѣлѣ, значительные плоды. Общее религіозно-нравственное состояніе плѣнниковъ представляетъ собою явленіе вообще утѣшительное. Если іудейскіе цари послѣдняго времени въ большинствѣ были ревностными язычниками, если идолопоклонство до плѣна сильно процвѣтало, почему и вызывало сильныя обличенія со стороны пророковъ,—то послѣплѣнные пророки ничего не говорятъ о немъ: тогда іудеи отворачивались отъ всего языческаго,—въ особенности языческаго культа, какъ существеннаго различія между „іудеями“ и „язычниками“³⁾. Одушевленные рѣчи и живая вѣра пророковъ въ единого Бога—Іегову не остались безплодными для народа: чудеса этого Бога, явленные и надъ язычниками, сильно дѣйствовали на умъ и сердце каждаго члена богоизбраннаго народа; тотъ-же опытъ, который выставлялъ предъ нимъ „могущество“ языческихъ боговъ, говорилъ, съ другой стороны, какъ ничтожны эти боги, когда они не могли, напр., сохранить Навуходносора отъ его страшной психической болѣзни⁴⁾, не могли спасти Валтасара, который со своими сподвижниками „славилъ боговъ золотыхъ и серебряныхъ, мѣдныхъ, желѣзныхъ, деревянныхъ и каменныхъ“, но не „прославилъ“ Бога истиннаго⁵⁾,—когда тѣже боги не могли спасти отъ львовъ

¹⁾ Іез. 12, 15.

²⁾ Ср. Іез. 29, 18—20.

³⁾ Мы говоримъ объ общей массѣ народа, не касаясь единичныхъ случаевъ: исключенія никогда не нарушаютъ истинности общаго правила.

⁴⁾ Дан., гл. 4.

⁵⁾ Дан. 5, 4. 23.

Даниловыхъ обвинителей, какъ Іегова спасъ самого Данила¹⁾; тотъ-же опытъ показывалъ іудеямъ, какъ силенъ ихъ Богъ, Который спасалъ отъ смерти Данила, трехъ отроковъ²⁾, Который чудесно открывалъ пророку то, чего не могъ знать никто изъ людей³⁾, и т. д. Самая вѣра въ Бога должна была сдѣлаться гораздо чище и свѣтлѣе; сознавая себя наказаннымъ Іеговою, народъ постепенно сталъ возвышаться до болѣе высокаго пониманія Божественнаго міроуправленія, а отсюда—и до болѣе чистаго взгляда на Самое Божество. Онъ понималъ, что земной помощи ему уже ждать не отъ кого: Египеть и другіе народы, съ которыми іудеи нерѣдко входили въ сношенія и отъ которыхъ часто ожидали помощи противъ своихъ враговъ, были побѣждены, большею частію, тѣми-же вавилонянами, въ рукахъ которыхъ сосредоточилась власть надъ всѣми болѣе или менѣе близкими къ іудеямъ народами. Но если и эти вавилоняне невольнo исповѣдуютъ Іегову всевѣдущимъ и всемогущимъ Богомъ,—тогда и іудеямъ оставалось надѣяться только на Него и отъ Него одного ожидать себѣ помощи и избавленія. Обрядовое богослуженіе до плѣна сосредоточивалось у іудеевъ, главнымъ образомъ, вокругъ жертвоприношеній; между тѣмъ, недостаточно развитый въ духовномъ отношеніи народъ постепенно привыкъ сводить все дѣло къ однимъ жертвамъ и видѣлъ въ нихъ всю сущность богопочитанія. Въ плѣну дѣло должно было идти иначе: храма не было, жертвъ нельзя было приносить; по необходимости нужно было ограничиться одними молитвами и религіозными собраніями; а между тѣмъ молитва (особенно домашняя) навела на мысль о вседѣйствіи Божіемъ, о Его духовности и всевѣдѣніи, а общія религіозныя собранія говорили о духовномъ общеніи съ Іеговою,—общеніи не путемъ жертвъ

¹⁾ Дан., гл. 6 и 14.

²⁾ Дан., гл. 6 и 3.

³⁾ Дан., гл. 2.

и обрядоваго богослуженія, а путемъ исполненія воли Божіей и нравственно-благочестиваго настроенія. Молитвы и религіозныя собранія были какъ-бы духовнымъ богослуженіемъ, которое въ сознаніи самихъ же іудеевъ рѣзко отличалось отъ видимаго обрядоваго богослуженія, приуроченнаго къ определенному мѣсту и къ извѣстнымъ условіямъ; но невозможность выполнить всю обрядовую сторону богослуженія отнюдь не разрушала собою самой религіи, какъ прекрасно сознавали это и сами іудеи: они продолжали молиться Іеговѣ, устроили религіозныя собранія,—слѣдовательно, не считали и не могли считать свой союзъ съ Іеговою окончательно расторгнутымъ. Приучаясь, благодаря отсутствію храма и видимаго обрядоваго богослуженія, къ духовному созерцанію Бога и духовному богослуженію, они научились отдѣлять религію отъ обрядности, вносить болѣе высокій, нравственный элементъ въ самое понятіе богопочитанія. Народъ всматривался въ содержаніе закона и старался изучать его, хотя не по духу, а больше по буквѣ; вѣроятно, въ это время сталъ первоначально входить въ употребленіе позднѣйшій обычай составлять особыя собранія, въ которыхъ читали и объясняли народу законъ. И подъ влияніемъ этого изученія народъ іудейскій стремится какъ можно ревностнѣе относиться къ исполненію заповѣдей и нравственныхъ предписаній закона.

Имѣлъ ли плѣнъ вавилонскій какое-либо нравственное значеніе для язычества,—вопросъ этотъ въ достаточной степени выясненъ уже на основаніи сказаннаго доселѣ. Плѣнные іудеи были въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ языческимъ міромъ; они вели съ нимъ торговлю, поступали на вавилонскія государственныя должности и т. д. Лучшіе люди съ той и другой (іудейской и языческой) стороны могли при этомъ обмѣниваться своими убѣжденіями и незамѣтно оказывать влияніе другъ на друга. Что нѣкоторые іудеи легко увлекались языческими идеями,—это несомнѣнно: факты идолопоклонства единичныхъ личностей представляютъ краснорѣчивое

доказательство этому. Но, съ другой стороны, и нѣкоторые язычники могли увлекаться воззрѣніями іудейства: дѣятельность пророка Даніила, какъ нельзя лучше, говоритъ въ пользу вѣроятности такого предположенія. Припомнимъ опять о силѣ впечатлѣнія, производимаго чудесами и знаменіями въ жизни Даніила на Навуходоносора, Дарія Мидяннина, Кира и др.; сами государи сознавались въ силѣ Бога іудейскаго и особыми указами повелѣвали подданнымъ трепетать и благоговѣть предъ Нимъ подъ страхомъ смертной казни. Мы не хотимъ этимъ сказать, будто сами языческіе цари сдѣлались монотеистами, поклонниками одного Іеговы; можетъ быть, они поставили Его только на первомъ мѣстѣ въ ряду своихъ божествъ, хотя рядомъ съ Нимъ признавали и другихъ боговъ въ качествѣ второстепенныхъ или подчиненныхъ Богу іудейскому; однако, и отсюда былъ уже сравнительно недалекий шагъ до чистаго монотеизма. Можно думать, что и среди подданныхъ этихъ государей было не мало такихъ, которые по собственному убѣжденію гораздо болѣе склонны были къ монотеизму и именно въ формѣ іудейскаго монотеизма, чѣмъ къ политеизму, какъ онъ проявлялся въ системахъ языческихъ: дѣятельность пророка Даніила, проходившая на глазахъ всего высшаго общества вавилонскаго, должна была оказывать могущее дѣйствіе на складъ религіозно-нравственныхъ понятій вавилонянъ. Въ этомъ смыслѣ плѣнъ вавилонскій, несомнѣнно, имѣлъ значеніе и для язычниковъ: если влияніе его на всю массу языческаго общества осталось незамѣтнымъ, то для отдѣльныхъ личностей оно могло и должно было быть очень сильно; а этимъ уже пролагался нѣкоторый путь и для дальнѣйшаго развитія чистаго монотеизма на почвѣ язычества.

